АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

А. Э. КУПРАВА

ТРУДЫ
в X томах

СУХУМ – 2014

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

Арвелод Эрастович
КУПРАВА

ТРУДЫ

ИСТОРИЯ ДОКОЛХОЗНОЙ АБХАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ 1928–1929 ГОДЫ

Том II

СУХУМ – 2014

ББК 63.5 (4Абх)
К 92

Научный редактор:
***Авидзба А. Ф.**, доктор исторических наук*
Рецензент:
***Салакая С. Ш.**, кандидат исторических наук, доцент*

К 92 **Арвелод Эрастович Куправа**
Труды в десяти томах. Т.II.: АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. – Сухум. – 2014. – 668 с.

В данный том трудов доктора исторических наук, профессора, академика Академии наук Республики Абхазия А.Э. Куправа вошли его книги: «Абхазская деревня на пути социализма. Канун коллективизации – 1926–1929 гг.» (1977), «Культурное строительство в абхазской деревне. 1921–1929 гг.» (1973), «Классовая борьба в абхазской деревне. 1921–1929 гг.». (1984).

Книга предназначена для ученых, педагогов, студентов и всех, интересующихся историей и культуры Советской Абхазии.

© АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....6

Предисловие автора.....7

АБХАЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ НА ПУТИ СОЦИАЛИЗМА.....9

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929 гг.).....389

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929 гг.).....571

От редактора

Во второй том трудов доктора исторических наук, академика АНА Арвелода Эрастовича Куправа вошли три его работы, написанным им в разные годы. Тематически их объединяет то, что они посвящены преобразованиям в абхазской деревне в первые годы советской власти. Это следующие работы: «Культурное строительство в абхазской деревне» (Сухум. 1973), «Абхазская деревня на пути социализма» (Тбилиси. 1977), «Классовая борьба в абхазской деревне» (Сухум. 1984).

В названных трудах А. Э. Куправа освещаются вопросы борьбы с неграмотностью населения, школьного образования, культурно-просветительской работы среди крестьянства, проблемы становления сельского хозяйства и кооперации на селе.

Нужно отметить, что эти работы являются продуктом своего времени, и они, как и другие подобные издания, не могли избежать идеологической направленности, проявившейся, в частности, в чрезмерной актуализации вопросов классовой борьбы в абхазской деревне, руководящей роли грузинских большевиков и т.д.

Вместе с тем, рассуждения автора об объектах своего исследования, а также сведения, в том числе и статистические данные, содержащиеся в работах, объединенных во втором томе, представляют для историков непреходящую ценность, так как архивный фонд Абхазии, на основе которого созданы рассматриваемые труды, как известно, был уничтожен грузинскими оккупационными властями во время Отечественной войны, 22 октября 1992 г.

Предисловие автора

Книги, вошедшие в предлагаемый том, посвящены доколхозному периоду истории абхазской советской деревни. В них впервые в абхазской науке была предпринята попытка освещения социально-экономической, национально-классовой и культурно-просветительной истории деревни ССР Абхазии.

Монография «Абхазская деревня на пути социализма. Канун коллективизации. 1926-1929 годы» посвящена жизни абхазской деревни накануне коллективизации сельского хозяйства. основными вопросами исследования являются: состояние сельского хозяйства; социальная структура и социальные отношения; первичные формы кооперирования крестьянских хозяйств; возникновение зачатков социалистических форм сельскохозяйственного производства и новых общественно-политических организаций деревни; участие крестьянства в их деятельности.

В книге «Культурное строительство в абхазской деревне. 1921-1929 годы» освещаются вопросы: развитие школьного образования; культурно-просветительская и политико-массовая работа среди крестьянства; деятельность общественных организаций по преодолению массовой неграмотности и малограмотности среди сельского населения.

Третья книга, вошедшая в сборник, посвящена классовому составу населения абхазской деревни накануне перехода к коллективизации сельского хозяйства. В ней рассмотрены основные этапы, формы и направления классовой борьбы в деревне. Работа дает представление о том, как осуществлялась ликвидация класса помещиков, ограничения и вытеснение зажиточно-кулацкой части населения, укрепление бедняцко-середняцкого блока трудового крестьянства.

Главными источниками исследования основных проблем, рассматриваемых в выше указанных книгах, являются документы и материалы Центрального государственного архива Абхазии (ЦГАА) и Партийного

архива Абхазского обкома партии (ПААО). К сожалению, в минувшей войне эти архивохранилища нашей отечественной истории были сожжены и ученые лишились ценнейших документальных материалов. Естественно, опубликованные работы наших ученых представляют не только научный, но и важный источниковый интерес. Они содержат документальные материалы и сведения, ценные для исследователей и читателей.

5 февраля 2014 г.

А. Э. Куправа

АБХАЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ НА ПУТИ СОЦИАЛИЗМА

(КАНУН КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
1926–1929 ГОДЫ)

Тбилиси – 1977

Посвящается моему отцу Э. П. Куправа – активному участнику соцстроительства в деревне.

Введение

Современная абхазская деревня законно гордится своими цветущими колхозными и совхозными садами и виноградниками, чайными, цитрусовыми, табачными и другими плантациями. В ее богатейший пейзаж красиво вписались светлые школы, дворцы культуры, клубы, библиотеки, кинотеатры, магазины, лечебные учреждения, детские сады, предприятия бытового обслуживания, благоустроенные крестьянские дома. Уже привычными стали электричество, радио, телевидение, асфальтированные дороги и многое другое. Все это создает великолепный облик села.

Преобразился не только внешний вид абхазского села. В корне изменилось содержание его социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни. Перепаханы межи векового мелкособственнического уклада жизни, поднята целина новых общественных отношений. Колхозный строй воспитал в деревне человека – коллективиста, мыслящего широко, по-государственному, обогатил духовный мир крестьянина, сделал его грамотным, «цивилизованным кооператором», который ведет производство на основе достижений современной науки и техники. В деревне быстро растет аграрный отряд рабочего класса. Решающей силой производства в колхозах и совхозах стали механизаторы и специалисты сельского хозяйства. Здесь трудится замечательная сельская интеллигенция – учителя, врачи, агрономы, зоотехники, инженеры, экономисты. Все они, и совхозные рабочие, и сельские интеллигенты и служащие недавние крестьяне. Ныне все труженики деревни активно участвуют в строительстве коммунизма – общества, где окончательно исчезнет разделение людей на классы и классовые прослойки.

Теперь поистине жалкими выглядят потуги тех буржуазных идеологов, которые тщетно стараются доказать, что коммунизм и крестьянство несовместимы, что крестьянин по своей сущности является индивидуалистом и собственником, что его нельзя вовлечь в общественное хозяйство. Все это опровергнуто опытом нашей страны и всех социалистических стран.

Славный путь крестьянства Советской Абхазии также, как крестьянства Грузинской ССР в целом и всего Союза ССР, неразрывно связан с именем великого В. И. Ленина, революционной деятельностью Коммунистической партии Советского Союза. В. И. Ленин создал и закалил в горниле революционных битв нерушимый союз рабочих и крестьян – могучую силу советского общества. Он вооружил партию кооперативным планом, указал единственно верный путь для крестьянства к социализму.

Претворяя в жизнь идеи В. И. Ленина, Коммунистическая партия обеспечила победу колхозного строя, вывела деревню на путь расцвета. Она неустанно заботится о том, чтобы союз рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса становился все более прочным, могучим, незыблемым. Под руководством партии рабочий класс обеспечивает техническое перевооружение сельского хозяйства, несет в массы крестьянства передовую культуру производства, новое коммунистическое отношение к труду. Его руками и разумом создаются машины и механизмы, составляющие современное техническое оснащение колхозов и совхозов. Социалистический город дает колхозной деревне все больше минеральных удобрений, транспортных средств. Постоянно расширяются и обогащаются экономические, социальные и культурные связи рабочего класса и колхозного крестьянства, все формы их взаимного общения.[1]

XXV съезд КПСС четко сформулировал цель аграрной политики Коммунистической партии на современном этапе. В области сельского хозяйства, – сказал Л. И. Брежнев, «...партия выдвигает две взаимосвязанные цели. Первая: добиться надежного снабжения страны

[1] Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, с.59.

продовольствием и сельскохозяйственным сырьем, всегда иметь для этого достаточные резервы. И второе: идти все дальше по пути сближения материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни, что является нашим программным требованием». Обе эти цели, осуществляемые Коммунистической партией и получившие всенародное признание, полностью отвечают коренным интересам колхозного крестьянства и рабочего класса.

В десятой пятилетке на развитие сельского хозяйства будет направлено 172 миллиарда рублей, или более четверти общего объема капиталовложений. Кроме того, значительные средства выделяются отраслям промышленности, поставляющим селу технику, удобрения и другие материально-технические ресурсы. В полтора раза увеличатся поставки техники, причем более современной, высокопроизводительной и разнообразной. Это позволит вплотную приблизиться к завершению комплексной механизации зернового хозяйства, значительно повысить уровень механизации в других отраслях земледелия. Возрастут объемы мелиоративных работ.

Осуществление намеченной в десятой пятилетке грандиозной комплексной программы развития материально-технической базы сельского хозяйства, общественных отношений и социалистической культуры и быта тружеников деревни позволит значительно продвинуться вперед в дальнейшем сближении условий жизни в городе и деревне.

Развитие Советской деревни, ее прошлое и настоящее вызывает растущий интерес как в нашей стране, так и за рубежом. Знание истории позволяет более зримо ощутить, полнее и глубже осознать значение колоссальных сдвигов, которые совершались в жизни крестьянских масс Советского Союза. Поэтому, в частности, важно всестороннее изучение доколхозной советской деревни. Исследование этого периода аграрной истории необходимо и для того, чтобы конкретно-исторически раскрыть объективную необходимость социалистического преобразования сельского хозяйства, чтобы проследить процесс подготовки условий для перехода мелких крестьянских хозяйств к коллективизации. Без глубокого изучения жизни доколхозной деревни, происходивших в ней преобразований, нельзя воссоздать полную картину целенаправленной, поистине титанической деятельности ра-

бочего класса, Советского государства, Коммунистической партии по вовлечению крестьянских масс в русле социалистического строительства.

История доколхозной деревни – это история не только нынешних ее тружеников, но и значительной части трудящихся города, являющихся недавними крестьянами. В таких республиках, как Абхазия, где в недавнем прошлом городская жизнь была слабо развита, история деревни является родословной почти всей основной массы рабочих и интеллигенции. Естественно, все они хотят знать прошлое, чтобы лучше понять свою жизнь сегодня и отчетливее представить себе, какой она станет завтра.

Богатейший опыт социалистического преобразования советской деревни имеет огромное международное значение. Его творчески используют строители нового общества в социалистических странах, в нем ищут и находят ответы на волнующие их вопросы прогрессивные силы в других странах, особенно в странах третьего мира. Для народов, освободившихся от колониализма и ищущих пути к подлинной свободе и процветанию, особый интерес представляет опыт народов ранее отсталых колониальных окраин царской России.

Доколхозная деревня давно привлекает серьезное внимание исследователей. В наше время углубилось ее изучение. Ныне по этой проблематике существует обширная литература[1]. Значительная работы в этом направлении проводится в национальных республиках, в том числе и учеными Грузии. Еще в 20-х годах были изданы работы, которые и в наши дни сохраняют определенную научную ценность[2]. Особенно плодотворное исследование проблем доколхозной деревни началось с 50-х годов. Здесь следует, прежде всего, отметить труды Ю.

---

[1] Историографический анализ этой литературы см. В.П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. – «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, с. 212-246; Л.М. Зак, В.С. Лельчук, В.И. Погудин. Строительства социализма в СССР. Исторический очерк. М., 1971; Ю.М. Качарава. Вопросы грузинской историографии. Тбилиси, 1962.

[2] В.С. Бахтадзе. Табаководство. Тбилиси, 1930; З.Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни. Тбилиси. 1929; А. Рухадзе. Деревня Грузии. Тбилиси, 1929 и др.

М. Качарава, А. Г. Нуцубидзе, Б. А. Хасия, И. И. Мирцхулава, П. Н. Ломашвили, Т. И. Жгенти, Р. Г. Кочламазашвили и др.[1]. В этих работах важное место отведено освещению различных вопросов развития советской грузинской деревни до начала массовой коллективизации. Естественно, они представляют значительный интерес и при изучении доколхозной абхазской деревни.

Отдельные вопросы развития доколхозной абхазской деревни рассматривают А. А. Олонецкий, С. И. Шария и Т. И. Жгенти.[2] Особенно выделяется работа С. И. Шария, в которой обстоятельно с привлечением большого фактического материала освещаются мероприятия Советской власти в деревне, исследуется состояние материально-технической оснащенности сельского хозяйства и социально-экономическое положение крестьянства накануне коллективизации. Немалое место развитию деревни уделено и в «Очерках истории Абхазской АССР (1917–1963 гг.)» (Сухуми, 1964).

Автор данной книги проблемам доколхозной деревни посвятил более 20 работ[3]. Основное внимание в них отводилось исследованию первых аграрных преобразований и анализу мероприятий Советского государства в деревне, обеспечивших восстановление сельского хозяйства, установление смычки города и деревни, упрочение союза ра-

---

[1] Ю.М. Качарава. Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). Тбилиси, 1968; Б.А. Хасия. Развитие социалистического земледелия в Грузии, т. 1 (1962), т. 2 91968; А.Г. Нуцубидзе. Сельское хозяйство Грузинской ССР. Тбилиси, 1958; П.Н. Ломашвили. Великий переворот. Тбилиси, 1973; И.И. Мирцхулава. Осуществление ленинского кооперативного плана в Грузии. Тбилиси, 1967; Р.Г. Кочламазашвили. Социально-экономический характер крестьянских хозяйств Грузии (1921-1929 гг.). Тбилиси, 1975.

[2] А.А. Олонецкий. Результаты осуществления советской властью закона о национализации земли в Абхазии. «Труды» Абхазского института, т. XXVII, Сухуми, 1956; С. И. Шария. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Абхазии (1921–1932 гг.). Сухуми, 1970; Т.И. Жгенти. История колхоза им. Ленина села Окуми Абхазской АССР. Сухуми, 1955.

[3] См. А.Э. Куправа. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.). Сухуми, 1959; Его же. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921–1925 гг.). Сухуми, 1961; Его же. История кооперации Абхазской АССР (1921 –1929 гг.). Тбилиси, 1968; Его же. Культурное строительство в абхазской деревне (1921–1929) Сухуми, 1973 и др.

бочего класса с национальным крестьянством. Наиболее обстоятельному изучению подверглась история становления и развития простейших форм кооперации, их роль в переходе крестьянства на путь социализма. При освещении истории культурного строительства особое внимание уделялось борьбе за ликвидацию неграмотности среди крестьянства, становлению и развитию советской системы школьного образования, культурно-просветительной и политико-массовой работе в доколхозной деревне.

Предлагаемая вниманию читателей книга является продолжением ранее изданных автором работ. Она посвящена жизни абхазской деревни накануне массовой коллективизации. Основным предметом исследования является состояние сельского хозяйства, развитие социально-экономических отношений и деятельность общественно-политических организаций деревни этого периода.

Как известно, по уровню социально-экономического развития наша страна была неоднородной, исходные позиции движения деревни к социализму в различных республиках и областях были далеко неодинаковыми, тем не менее революционные преобразования, проведенные в советской деревне подготовили ее для более или менее одновременного перехода к социализму. Одна из задач работы – показать, как в абхазской деревне развивались новые явления и процессы, вызванные к жизни советским строем, как в ней подготавливались предпосылки для социалистического преобразования, каким путем, при помощи каких посредствующих звеньев привлекались к социалистическому строительству мелкие крестьянские хозяйства.

В апреле 1921 г. В. И. Ленин в своем известном письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Дагестана, Горской республики» писал, что в борьбе за переход к социализму «всего более важно, чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения..., поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»[1]. В. И. Ленин настойчиво рекомендовал проявлять «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии,

[1] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198.

интеллигенции особенно крестьянству[1]. Определяя задачи политики в экономически отсталых республиках Кавказа Ленин писал: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму – вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и осуществить в отличие от нашей тактики»[2].

Эти указания вождя партии полностью сохраняли свою силу на весь переходный период. И. В. Сталин 19 октября 1929 г., перед началом массовой коллективизации, в письме к председателю СНК Абхазии Н. Лакоба и секретарю Абхазского обкома КП(б) Грузии П. Меладзе подчеркнул необходимость более последовательного учета местных условий, недопустимость механического перенесения опыта социалистического строительства в Советской России, как бы напоминая этим актуальность известных ленинских указаний. «Ошибка Абхазского обкома, – писал И. В. Сталин – состоит в том, что он не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву»[3].

Раскрыть своеобразие условий доколхозной абхазской деревни, обусловивших особенности сроков, форм и методов социалистической перестройки ее хозяйственных устоев – одна из задач настоящей работы.

Таковы основные вопросы, составляющие содержание данной работы.

---

[1] Там же, с. 199.

[2] Там же.

[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 1, ч. 111, д. 2960, л. 5.

Глава первая

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АБХАЗИИ В 20-Х ГОДАХ

Прежде, чем рассматривать состояние экономики абхазской деревни, ее социальную структуру и социальные отношения, общественно-политическую и культурную жизнь, следует представить себе ее население – людей, жизнь и труд которых составляет основной предмет исторического исследования. История деревни, как история общества в целом, может быть раскрыта лишь как история людей, их общественных отношений и деятельности. В исторической литературе все более широко и эффективно используются данные переписей населения для характеристики состояния общества и таких его подразделений, какими являются город и деревня. Для освещения вопроса – что представляло собой население деревни и каким было его место в жизни Абхазии 20-х годов – мы и обратимся к анализу материалов демографической статистики.

В. И. Ленин в 1921 г. в письме к коммунистам Кавказа, отмечая своеобразие положения их республик, указал, что «кавказские республики еще более крестьянские, чем Россия»[4]. Среди них Абхазия являлась почти сплошь крестьянской. Накануне революции, по данным переписи 1917 г., ее население насчитывало 145 612 человек. Из них 131 235, т. е. 90% жили в деревне и в основном были заняты в мелком крестьянском хозяйстве.

Победа социалистической революции положила начало коренному преобразованию социальной структуры общества. Она передала власть рабочему классу, ликвидировала классы поме-

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 199.

щиков и крупной буржуазии, упрочила союз рабочего класса и крестьянства, создала условия для построения социализма.

После установления Советской власти в Абхазии, как и, в стране в целом, наблюдался быстрый рост населения, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

Рост населениия Абхазии (без Пиленовского района) за 1917-1929 гг.[1]

годы		Городское население	Сельское население	Все население
1917		14 377	131 235	145 612
1921	на 1 января	22 071	137 866	159 937
1922	«	22 667	141 588	164 255
1923	«	23 168	144 308	167 476
1924	«	25 763	150 080	175 843
1925	«	28 648	156 083	184 731
1926	«	31 856	162 326	194 182
1927	«	32 244	168 772	201 016
1928	«	33 709	171 810	205 519
1929	«	35 249	174 903	210 152

С 1921 по 1929 г. население Абхазии выросло на 23,9%. Рост городского населения за это время составил 37,4 %, а сельского – 21,3%. Городское население росло быстрее, однако и накануне перехода к массовой коллективизации – в 1929 г., – громадное большинство населения республики (83,2%) проживало в деревне[2].

Городское население в основном было сосредоточено в Сухуми. По переписи 1926 г. из 32,2 тыс. человек всего городского населения в Сухуми проживало 21,6 тыс., а в остальных

[1] «10 лет Советской Грузии. 1921-1931. Статистический сборник». Тифлис, 1931, с. 18-19.

[2] По переписи населения 1926 года.

городских поселениях – 10.6 тыс., в том числе в Гагра – 3,6 тыс., Гудаута – 3,6 тыс., Очамчире – 3,4 тыс. человек[1].

Изучая состав крестьянского населения, его динамику за годы Советской власти, исследователи обратили внимание на значительный рост числа крестьянских хозяйств, вызванный главным образом их дроблением. В историографии существовало мнение, что после Октябрьской социалистической революции темпы дробления крестьянских хозяйств катастрофически возросли. Анализируя данные увеличения численности крестьянских хозяйств до революции и в советское время, В. П. Данилов пришел к выводу, что масштабы дробления крестьянских хозяйств после революции не были катастрофическими, хотя они и возросли[2]. Дробление хозяйств было необратимым процессом в условиях мелкокрестьянской деревни. Его можно было остановить только на основе социалистического кооперирования крестьянских хозяйств.

В доколхозной абхазской деревне происходил непрерывный рост числа крестьянских хозяйств. В первые годы это было вызвано аграрными преобразованиями Советской власти, когда многие безземельные бедняки и малоземельные арендаторы, получив земельные наделы, стали выступать как самостоятельные хозяйства. Если в 1917 г. в Абхазии (без Гагринского участка) было 25 738 хозяйств, то в 1923 г, – 30 901. В 1926 г. по данным Наркомфина в сельских местностях числилось 33 817 домохозяев, в 1927 г. – 34 544, в 1928 г. – 34 570. За 1923-1928 годы число их увеличилось на 3 669 (12%): прирост числа хозяйств в среднем за год составлял 2,4%. Следует учесть, что определенная часть крестьян переселялась в город, а в середине 20-х годов многие подданные других государств, главным образом греки, уехали на родину, однако приведенные данные

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XIV. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика». М., 1929, с. 14.

[2] В.П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР, М., 1957, с. 27.

в целом правильно определяют реальные результаты дробления крестьянских хозяйств. В 1929 г. число крестьянских хозяйств в Абхазии достигло 36 393, однако этот резкий скачок был вызван присоединением Пиленковского района, ранее входившего в состав РСФСР, в котором насчитывалось 1910 хозяйств[1].

***

Сельское население Абхазии было многонациональным. В сельской местности проживали представители более 30 национальностей. Ни одна автономная республика в те годы не отличалась столь значительной национальной пестротой. Это было связано с тем, что незадолго до революции царизм в основном завершил заселение колонистами земель махаджиров-абхазов, переселившихся в Трупию в 60-70 гг XIX в.

Полную картину национального состава сельского населения Абхазии накануне коллективизации дает перепись 1926 года (см. таблицу 2).

Таблица 2

Национальный состав сельского населения Абхазии в 1926 г.[2]

Нац. состав	Количество человек	Удельн. вес в общем составе сельского населения в %
Абхазы	53 855	32,0
Грузины	59 047	35,0
Армяне	23 004	13,6
Греки	10 999	6,5
Русские	4 945	2,9
Украинцы	2 102	1,2
Эстонцы	708	0,4

[1] «Статистический справочник. 1927», Сухум, 1928, с. 13.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XIV, с. 24-25.

Немцы	452	0,3
Прочие	13 660	8,1
Всего	168 772	100,0

Из 168,8 тыс. зарегистрированного сельского населения 146,9 тыс. (87,1%) составляли абхазы, грузины, армяне и греки.

Расселение на небольшой территории нескольких национальностей, естественно, вело к их смешиванию. Но национальная компактность в основном была сохранена. Наиболее высокой была компактность расселения абхазов. По данным за 1930 г., абхазы составляли 57,9% населения в Гудаутском уезде, 65,8% в Кодорском, 25,9% в Гальском и более 11 % в Гагринском уезде. Наибольшей компактностью грузинского населения отличался Гальский уезд (73,5%), а затем Сухумский (26,7%), Кодорский (20,4%) и Гагринский (19,4%) уезды. Армяне составляли в Гагринском уезде 25,7% жителей, в Гудаутском – 18,8%, Сухумском – 18,7%, Кодорском – 8,8%. В Сухумском уезде было 16,6% греков[1]. В Гагринском, Гудаутском и Сухумском уездах имелись также отдельные небольшие русские, эстонские и немецкое поселения крестьян.

Таким образом, все уезды Абхазии, в том числе и значительная часть сельских советов, являлись многонациональными. При этом нередко отсутствовали четкие границы расселения различных национальных групп крестьян. Более 25 национальностей насчитывали менее 500 человек. Многонациональный состав крестьянского населения, разноязычие, сложные отношения между различными народностями на бывших колониальных окраинах царской России создавали дополнительные трудности на пути социалистического преобразования сельского хозяйства. Эти трудности усугублялись и тем, что национальные группы сельского населения были различны не только по языку, но и по уровню социально-экономического развития и по культурно-бытовому укладу.

1 [1] «10 лет Советской Грузии...», с. 83–84.

Следует отметить, что в составе сельского населения Абхазии было 11,6 (6,9%) тыс. иностранцев. Это обстоятельство оказывало определенное влияние на общественно-политическую обстановку деревни, особенно греческой, где подданных других государств было довольно много.

Сельское население Абхазии характеризовалось крайней разбросанностью расселения. Занимая страну холмов и гор, изрезанную ущельями и ложбинами и покрытую густыми лесами, абхазцы селились отдельными усадьбами, разбросанными по холмам или в чаще леса. Иногда усадьбы находились на большом расстоянии друг от друга. Поэтому абхазские села обычно тянулись на 8–10 и более километров. Как правило, села делились на поселки. Границей между селами служили речки, холмы, проселочные дороги и т. д.[1]

Следует отметить, что группы усадеб и поселки образовывались обыкновенно целыми фамилиями или родами. Накануне коллективизации, например, в селе Река Кодорского (Очамчирского) уезда фамилии Кучуберия, Абшилава, Кишмария, Кубрава, Нармания, Кортава, Лабахуа и Логуа составляли отдельные группы усадеб (в 30–40 хозяйств)[2] или занимали целые поселки. Фамильные или родовые поселки и даже селения встречались тогда во всех районах Абхазии. Местным партийным и советским органам приходилось учитывать эту специфику деревенской жизни.

Хуторской тип поселений, связанный с естественно-географическими и производственными условиями, был принят и другими народами, переселившимися в Абхазию. Только русские, эсты и немцы, занимавшие равнинные земли жили сплошными селениями. Отмечая это, Наркомзем Абхазии в отчете за 1925 г. писал: «...Лишь немцы, эсты, русские живут селениями. Остальные национальности почти не живут сплоченными по-

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XIV, с. 24-25.

[2] Г. А. Д з и д з а р и я. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.), Сух 1958, с. 327.

селками, а жилища их разбросаны и находятся при участках хуторского пользования... Население привыкло к хуторскому поселению, от которого вряд ли откажется и может отказаться...»[1].

Беспорядочная разбросанность крестьянских дворов по холмам, взгорьям и ущельям крайне затрудняла экономическое развитие, политическое просвещение, распространение культуры.

По данным переписи 1926 г. в Абхазии насчитывалось 394 сельских населенных мест. На каждое из них приходилось в среднем 400 жителей[2], т. е. примерно по 70–80 крестьянских семейств – дворов. Однако по своим размерам сельские поселения были далеко не одинаковыми, о чем свидетельствуют материалы переписи (см. таблицу 3).

Мелких поселений, насчитывающих от 10 до 40 дворов, было 130 (33%). К средним относились поселения с числом жителей от 200 до 500 человек (от 40 до 100 дворов). Таких населенных мест было 173 (43,9%), в них проживала 1/3 крестьянского населения. Крупными считались от 500 до 1000 человек (в 100–200 дворов). Подобных сел было 81 и в них проживала 1/3 сельского населения. А 21 село с числом жителей от 1 до 2 тыс. человек (от 200 до 400 дворов) и 6 сел – от 2 до 5 тыс. (от 500 до 1000 дворов) являлись наиболее крупными. В этих 27 крупнейших селах проживало 42,1 тыс. человек, или 24,8% всего сельского населения.

В крупных селах создавались административно-политические центры деревни – сельские Советы. В 1926 г. на территории Абхазии имелось 95 сельских Советов. Каждый из них, следовательно, состоял в среднем из 4 населенных мест.

---

[1] ПААО КН Грузии, ф. 1, д. 10/6, л. 97.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XIV, с. 12.

Таблица 3

Группы сельских населенных мест по числу жителей в 1926[1]

Всего населенных мест		до 19 жителей		от 20 до 49		от 50 до 99		от 100 до 199		от 200 до 499		от 500 до 999		от 1000 до 1999		от 2000 до 4999	
394	населенных мест	1	в них жителей	2	населенных мест	23	населенных мест	87	населенных мест	173	населенных мест	81	населенных мест	21	населенных мест	6	населенных мест
	в них жителей	17	в них жителей	76	в них жителей	1.779	в них жителей	12.962	в них жителей	55.537	в них жителей	56.337	в них жителей	27.087	в них жителей	14.970	в них жителей

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XIV, с. 12-13.

Однако за этой средней цифрой скрывается значительное разнообразие. Например, в Сухумском уезде было 20 сельсоветов, которые объединяли 134 населенных места, т.е. в среднем по 6,7 населенных мест на Совет; в Гудаутском уезде соответственно было – 4,1, в Кодорском – 3,8, Гальском – 3,2 населенных мест.[1]

Более конкретное представление о размерах сельских Советов дает группировка их по количеству населения. В 1926 г. менее 1000 жителей (200 дворов) охватывал 21 сельский совет, от 1 до 2 тыс. жителей (от 200 до 400 дворов) – 142, от 2 до 3 тыс. жителей (от 400 до 600 дворов) – 18, от 3 до 5 тыс. жителей (от 600 до 1000 дворов) – 11, более 5 тыс. жителей – 3 сельсовета.[2]

Более мелкие сельсоветы обычно находились в предгорной зоне, где крестьянские хозяйства были особенно разбросаны. Являясь незначительными по числу жителей, они нередко занимали относительно большие территории. В таких предгорных селах условия для политической и культурно- просветительной работы были менее благоприятны. Классовое размежевание здесь было выражено менее четко, классовые противоречия более затушевывались, классовая консолидация бедноты и середнячества достигалась труднее. Процесс социалистического кооперирования крестьянских хозяйств в этих районах встречал больше препятствий в расселении крестьянства, в природно-географических условиях.

* * *

Перепись 1926 г. содержит данные о работающем и неработающем, о «самодеятельном» и «несамодеятельном» населении[3]. По Союзу ССР в составе самодеятельного оказалось

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XIV, с. 6-7.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XIV, с. 3.

[3] Во введении к XXXI тому дается следующее пояснение: «Самодеятельные – лица, имеющие самостоятельный источник средств существования (заработок, доход). К самодеятельным также относятся иждивенцы государства и общественных учреждений, безработные и военнослужащие… Несамодеятельные – живущие на средства других лиц. Все дети до 10-летнего возраста причислены к несамодеятельным». (См. «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XXXI, М., 1930, с. 303).

61,4% и по Грузинской ССР – 45,2% сельского населения[1]. В абхазской деревне самодеятельное население составляло 88,4 тыс. человек, или 52,3% всего сельского населения.[2] Эти данные свидетельствуют прежде всего о низком уровне развития производительных сил сельского хозяйства страны. Столь высокий показатель «занятости», как отмечает В. П. Данилов, объясняется тем, что крестьянские дети с 10-летнего возраста включались в физический труд. А верхний предел самодеятельности вообще установить невозможно: крестьянин, если только он не был тяжело болен, трудился изо всех сил до последнего дня.

Перепись 1926 г. раскрывает картину распределения населения и по отраслям народного хозяйства. Из 201 тыс. человек, проживавших на территории ССР Абхазии, 165,4 тыс. человек (в том числе 161,5 тыс. сельского населения и 3,9 тыс. городского) имели основным источником средств существования сельское хозяйство. Трудовая деятельность и определенной части горожан была связана преимущественно с сельским хозяйством.

Представляет интерес проведенный В. П. Даниловым анализ данных переписи 1926 г. о занятиях сельского населения[3]. Перепись содержит соответствующие материалы и по Абхазии. На основе их составлена таблица 4, в которой приведены сведения о межотраслевом разделении труда в социальном положении, относящиеся ко всему сельскому населению и к самодеятельному, имеющему занятия.

Сельское хозяйство являлось основным источником существования для 161,5 тыс. человек деревенского населения (96,8%). Удельный вес неземледельческого сельского населения равнялся только 3,2%, а по СССР – 6,5%[4]. С неземледельческими отраслями материального производства – с. кустарно-ремеслен-

[1] В.П. Данилов. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации «Исторические записки», т. 74, 1963, с. 81.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XXXI, с. 304-308.

[3] См. В. П. Данилов. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации, с. 80–108.

[4] Там же.

ной и фабрично-заводской промышленностью, с транспортом и строительством – было связано всего 1,3% сельского населения. А в стране в целом эти отрасли производства служили основным источником средств к существованию для 3,5% населения деревни.[5] Таким образом, отраслевое разделение труда сельского населения, связанного с сферой производства, в Абхазии было выражено гораздо слабее, чем в среднем по СССР.

[5] Там же.

Таблица 4

Сельское население Абхазии по роду занятий и социальному положению (в абс. числах)[1]

Отрасль народного хозяйства	Положение в занятии							
	рабочие	служащие	лица свободных профессий	хозяева с наемными рабочими	хозяева с помогающими членами семьи и члены артелей	одиночки	члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Все население								
I. Сельское хозяйство	4 468	70	-	12 195	88 046	7 531	49 205	161 515
Удельный вес в группе	86,4	2,9	-	98,8	99,5	84,8	99,8	96,8
II- Фабрично-заводская промышленность	169	27	-	2	-	-	-	198
Удельный вес в группе	3,3	1,1	–	0,01	-	-	-	0,1
III. Кустарно-ремесленная промышленность	121	8		101	257	699	57	1 243

Удельный вес в группе	2,3	0,3	-	0,8	0,3	7,9	0,1	0,8
IV- Строительство	155	5	-	2	173	291	15	541
Удельный вес в группе	3,0	0,2	-	0,01	0,1	3,3	0,03	0,3
V- Транспорт	31	37	–	4	9	68	3	152
Удельный вес в группе	0,6	1,6	-	0,03	0,01	0,8	0,01	0,1
VI- Торговля и кредит	19	177	-	39	121	282	20	658
Удельный вес в группе	0,4	7,4	-	0,35	0,1	3,2	0,04	0,4
VII. Учреждения Удельный вес в группе	51 1,0	1933 81,1	-	-	-	-	-	1 984 1,2
VIII. Прочие отрасли	157	130	195		2	5		489
Удельный вес в группе	3,0	5,4	100,00	-	-	-	-	0,3
Всего имеющих занятие и их иждивенцев	5 171	2387	195	12343	88 508	-	49 300	166780
Удельный вес в группе	100,0	100,0	100,00	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удельный вес группы в составе населения	3,1	1,4	0,1	7,4	53,1	5,3	29,6	100,0
IX. Военнослужащие	-	-	-	-	-	–	–	59

X. Безработные	-	-	-	-	-	-	-	170
XI. Лица, не имеющие или не указавшие занятие	-	-	-	-	-	-	-	697
Дети моложе 10 лет, зарегистрированные самодеятельными	-	-	-	-	-	-	-	1 066
Всего населення	-	-	-	-	-	-	-	168 772
Самодеятельные, имеющие занятие								
I. Сельское хозяйство	3 929	32	0	2991	25 902	2 714	49 205	84 773
Удельный вес в группе	89,1	2,7	0	98,1	99,1	79,9	99,8	96,8
II- Фабрично-заводская промышленность	101	19	-	-	-	-	-	120
Удельный вес в группе	2,3	1,6	-	-	-	-	-	0,1
III. Кустарно-ремесленная промышленность	94	3	-	37	119	343	57	653
Удельный вес в группе	2,1	-	-	1,2	0,4	10,1	0,13	0,7
IV. Строительство	132	4	-	1	66	180	15	0,5
Удельный вес и группе	3,0	0,3	-	0,05	0,3	5,3	0,03	
V. Транспорт	24	10	-	1	5	27	3	70
Удельный вес в группе	0,5	0,8	-	0,05	–	0,8	–	0,1

VI. Торговля и кредит	7	88	-	19	49	129	20	312
Удельный вес в группе	0,2	7,4	-	0,6	0,2	3,8	0,04	0,3
VII. Учреждения	27	968	-	-	-	-	-	995
Удельный вес в группе	0,6	81,4	-	-	-	-	-	1,2
VIII. Прочие отрасли	95	66	105	-	2	5	-	273
Удельный вес в группе	2,2	5,5	100,0	-	-	0,1	-	0,3
Всего имеющих занятие	4409	1 190	105	3 049	26 143	3 398	49 300	87 594
Удельный вес в группе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удельный вес группы в составе самодеятельных	5,0	1,4	0,1	3,5	29,8	3,9	56,3	100,0
IX. Военнослужащие	-	-	-	-	-	-	-	51
X. Безработные	-	-	-	-	-	-	-	152
XI. Лица не имеющие или не указавшие занятия	-	-	-	-	-	-	-	591
Всего самодеятельных	-	-	-	-	-	-	-	88 388

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XXXI. с. 38.

Вне сферы материального производства трудилась очень незначительная часть сельского населения – 1580 человек (1,8%). Это были прежде всего работники административного управления, просвещения, культуры, здравоохранения, кооперативных и кредитных учреждений.

Зафиксированный переписью этап межотраслевого разделения труда характеризовался своеобразным «совмещением» профессий. Работа в промышленности, на транспорте и строительстве, служба в учреждениях и торговля очень часто служили не главным, а побочным занятием сельского наслененеия, как это было зафиксировано при переписи.

Перепись дает следующую группировку сельского населения по «положению в занятии»: 1) рабочие, 2) служащие, 3) лица свободных профессий, 4) хозяева с наемными рабочими, 5) хозяева, с помогающими членами семьи и члены артелей, 6) одиночки, 7) члены семьи, помогающие главе в его занятии.

Среди самодеятельного деревенского населения Абхазии было зарегистрировано 32590 «хозяев с помогающими членами семьи», «хозяев с наемными рабочими» и «одиночек». Самой многочисленной из них была группа «с помогающими членами семьи», насчитывавшая 26,1 тыс. хозяйств. Это были мелкие товаропроизводители, которые вели свое хозяйство силами членов семьи. К этой группе отнесены и члены артелей. 25,9 тыс. хозяйств этой группы (99,1%) занималось сельским хозяйством, среди них земледельцы составляли 18,8 тыс., огородники и садоводы – 7 тыс., скотоводы – 51 хозяйство и только 6 хозяйств имели главным занятием рыболовство и охоту на зверя[1]. В других отраслях была ничтожная часть хозяйств с помогающими членами семьи – 241 хозяйство (0,9%). Из них в кустарно-ремесленной промышленности было занято 119 хозяйств, являющихся хозяевами заведений по обработке металла (кузнечных и др.), по обработке дерева (столярных, бондарных и др.), а

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XXXI, с. 402.

также швейных, кожевенных, сапожных и хлебо-кондитерских заведений. Торговля служила главным занятием для 49 хозяев этой группы, а строительство и транспорт – для 71 хозяйства. На строительстве и транспорте работали плотники, каменщики и извозчики. Они по своему социальному облику были ближе к рабочим. А остальные «хозяева с помогающими членами семьи», имевшие главным занятием сельское хозяйство, кустарно-ремесленное производство и торговлю, развивая мелкотоварное производство, при благоприятных условиях из своей среды выдвигали и мелкокапиталистические хозяйства.

Группу «одиночек» составляли крестьянские вдовы и вдовцы, бобыли, работавшие у себя на дому, без рабочих и без чьей-либо помощи, а также ходящие в одиночку по домам и выполнявшие какую-либо работу по заказу, но не нанимаясь на срок, а также торгующие в одиночку. В абхазской деревне было зарегистрировано 3,4 тыс. самодеятельных одиночек. Из них 2,7 тыс. (79,9%) занималось сельским хозяйством, 343 (10,1%) – кустарно-ремесленным промыслом (кузнецы, столяры, пильщики, портные, сапожники, пекари и пр.), 129 (3,8%) – торговлей, 207 было занято на строительстве и транспорте (каменщики, плотники, извозчики). Одиночки, занятые сельскохозяйственным производством, представляли собою один из отрядов деревенской бедноты, а одиночки – кустари по своим профессиям были близки к рабочим.

В группу «хозяева с наемными рабочими» вошли хозяйства постоянно пользующиеся наемным трудом. Среди сельского населения Абхазии перепись зафиксировала 3,1 тыс. таких хозяйств. Определенная часть кулацких хозяйств не вошла в эту группу, так как в табаководческих районах Абхазии многие кулацкие хозяйства пользовались лишь сезонными наемными рабочими. Из 3,1 тыс. хозяйств, использовавших наемный труд в своем главном занятии, 3 тыс. (99,1%) вели сельское хозяйство. Из них предпринимателей-земледельцев было 0,9 тыс., огородников и садоводов – 2,05 тыс. и скотоводов – 19 хозяйств. 37 хо-

зяйств имели кустарно-ремесленные заведения с постоянным наемным трудом.

В сельскохозяйственном производстве (по главному и побочному занятиям вместе) перепись установила наличие 3,4 тыс. хозяйств с постоянным применением наемной рабочей силы. Кроме того, в этой сфере производства 65 горожан пользовались постоянным наемным трудом. Хозяйства, систематически эксплуатировавшие наемный труд, составляли основное ядро капиталистического уклада в сельскохозяйственном производстве.

В доколхозной абхазской деревне определенное место снимали рабочие. Перепись 1926 г. к группе рабочих отнесла 4,4 тыс. человек, или 5% от общего числа самодеятельных. А по СССР удельный вес рабочих в составе самодеятельного сельского населения был ниже (3,1 %)[1]. Если в целом по стране более половины всех рабочих, проживавших в деревне, трудилось в неземледельческих отраслях народного хозяйства, то для 3,9 тыс. (89,1 %) рабочих абхазской деревни сельское хозяйство являлось постоянным занятием. Эта сфера производства служила главным занятием и для части городских рабочих (300 чел.). В фабрично-заводской же промышленности постоянно работал только 101 сельский рабочий, в кустарно-ремесленной промышленности – 94, на строительстве – 132 и т. д.

Основная масса сельскохозяйственных рабочих – 3,5 тыс. человек сельских и более 200 городских – была занята в хозяйствах крестьянского типа, т. е. в частнособственническом секторе. Эти рабочие подвергались капиталистической эксплуатации[2].

---

[1] В. П. Данилов. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации, с. 85.

[2] В доколхозной абхазской деревне действительное количество эксплуатировавшихся наемных рабочих было намного больше, т. к. ежегодно в летнее время сюда прибывало из Кубани и других районов Грузии по 2–3 тыс. сезонных рабочих-отходников для работы на табачных плантациях. Перепись же зарегистрировала рабочих по состоянию на 17 декабря 1926 года, когда сезонные рабочие-отходники на зимний период уже разъехались.

В социалистических сельскохозяйственных предприятиях, в основном в совхозах, трудилось 547 деревенских рабочих и около 100 рабочих горожан. Они составляли отряд формировавшегося в Абхазии социалистического рабочего класса. Он был еще малочисленным. Но по своей квалификации, социальному и культурному облику он являлся наиболее передовой частью сельскохозяйственных рабочих.

По переписи 1926 г. в составе самодеятельного сельского населения насчитывалось 1190 служащих. Кроме того, в деревне проживало 89 служащих по побочному занятию, занимавших выборные должности в советах и кооперативных организациях, а также работавшие в культпросветучреждениях, школах и т. д. В сельском хозяйстве и промышленности, на транспорте и строительстве работало только 5,7% всех служащих, проживавших в деревне. Они составляли в основном руководящий, технический и учетно-контрольный персонал. Торговля и кредит были главным занятием для 88 (7,4%) сельских служащих. Основная часть служащих 968 (81,4%) человек – работала в учреждениях – в районных и сельских Советах, в кооперативных и профсоюзных организациях, в школах и т. д. Служащие учреждений были представлены в следующем виде: руководящий персонал (142 человека), учетно-контрольный (бухгалтеры и счетоводы – 65 человек), медико-санитарный (123 человека, в том числе 20 врачей), делопроизводственный (67 человек), культурно-просветительный (380 человек, в том числе 366 учителей), технический персонал (24 человека, в том числе 9 агрономов) и пр. Значительную часть этих служащих нельзя отнести к интеллигенции. Абхазская деревня ею была крайне бедна, особенно производственной интеллигенцией и медицинскими кадрами. Накануне коллективизации сельский учитель был основным представителем интеллигенции в крестьянской среде.

Мизерность интеллигентной прослойки в сельском населении серьезно затрудняла решение задач социалистического строительства, прежде всего задач культурной революции в де-

ревне. В этих условиях исключительное значение приобретала культурная помощь города деревне, усиление подготовки квалифицированных кадров специалистов для села.

Накануне коллективизации крестьянское население являлось основным производителем материальных благ в крае. Но крестьянство не было единым, монолитным классом. Оно распадалось на сельский пролетариат (батраки), полупролетариат (бедняки), мелкие товаропроизводители (середняки) и мелкокапиталистические хозяйства (кулаки). В деревне преобладал мелкий товаропроизводитель. Полностью обособившиеся группы – рабочие, интеллигенция, капиталисты – занимали сравнительно небольшое место. Размежевание классовых сил наиболее четко было выражено в табаководческих районах и в садоводстве.

Проведенный выше анализ состава сельского населения, его социальной и профессиональной структуры, распределения по отраслям народного хозяйства позволяет глубже раскрыть процесс развития классов и классовых групп в доколхозной абхазской деревне, определить их место в производственной и общественной жизни. В частности, мы видим, что производственная деятельность сельского населения в Абхазии накануне коллективизации была связана практически исключительно с сельским хозяйством. Поэтому все дальнейшее изложение в настоящей работе будет посвящено сельскохозяйственному населению. Занятия в промышленности, в кустарных промыслах, торговле и других сферах общественной жизни будут затрагиваться лишь в той мере, в какой они были связаны с сельским хозяйством (например, торговля сельскохозяйственными продуктами, работа в сельскохозяйственных кооперативах и т. п.).

Глава вторая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АБХАЗИИ В ГОДЫ ПЕРЕД МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ

1. Землепользование и землеустройство

Основными вещественными элементами производительных сил в сельском хозяйстве являются земля, тягловая сила, различного рода сельскохозяйственные машины и орудия. Среди них первостепенное значение принадлежит земле. Подчеркивая роль земли в сельскохозяйственном производстве, В. И. Ленин писал: «Земля есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве...»[1]. В связи с этим земельная собственность и система землепользования составляют важнейшую часть производственных отношений в сельском хозяйстве. С анализа землепользования и землеустройства мы и начнем характеристику развития сельского хозяйства Абхазии накануне коллективизации.

Осуществление в абхазской деревне ленинского декрета «О земле» и декрета о земле Ревкома Грузии от 6 апреля 1921 г. являлось важнейшим революционным мероприятием Советской власти. На их основе была проведена конфискация земель помещиков, церквей, монастырей и других крупных землевладельцев без выкупа. Вместе с землей были конфискованы все крупные хозяйства на помещичьей земле с живым и мертвым инвентарем и усадебными постройками. Отмена частной собственности на землю и обращение ее во «всенародное достояние», в собственность Советского государства, означали национализацию земли.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 327.

В результате аграрной реформы крестьянство Абхазии в 1921–1923 гг. получило более 43 тыс. дес. бывших помещичьих и других частновладельческих земель. Об итогах перераспределения земли в Абхазии в результате аграрной реформы можно судить и по следующим данным. В 1917 году вся удобная земля в Абхазии (без Гагринского участка) составляла 114,3 тыс. дес, из них 89,5 тыс. дес. находилось в пользовании 25 251 крестьянского хозяйства и 24,8 тыс. дес. – у 487 частных владельцев. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 3,5 дес. и на одно помещичье хозяйство – 50,9 дес. Размеры земельных угодий князей и дворян колебались от 25 до 1000 дес. и более.

В итоге первых аграрных преобразований в деревне произошли глубокие социально-экономические преобразования. Был ликвидирован класс помещиков. Ограничились эксплуататорские тенденции кулака. Бывшие безземельные и малоземельные арендаторы-бедняки, получив земельные наделы, в большинстве своем сумели поднять хозяйство до уровня середняцкого.

На базе национализированных крупных помещичьих и монастырских имений были образованы совхозы. Стали возникать артели и коммуны. Национализация земли создала благоприятные условия для перехода к крупному социалистическому сельскому хозяйству[1].

Первые аграрные преобразования Советской власти были закреплены Земельным кодексом Абхазии, который был составлен на основании земельных кодексов РСФСР и Грузинской ССР[2] с учетом местных особенностей и был введен в действие с 20 февраля 1925 г. В нем говорилось: «Право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах ССР Абхазии отменено навсегда. Все земли в пределах ССР Абхазии, в чьем бы

[1] О первых аграрных преобразованиях в Абхазии смотрите нашу статью «Аграрная политика Советской власти в Абхазии в 1921–1925 гг. «Труды» Абхазского института, вып. XXIX, 1958, с. 49–76.

[2] Земельный кодекс РСФСР был введен в действие с 1 декабря 1922 года, а Земельный кодекс Грузинской ССР – с 15 мая 1924 года.

пользовании и распоряжении они не находились, составляют собственность рабоче-крестьянского государства»[1].

Земельный кодекс на основе незыблемого сохранения национализации земли обеспечивал необходимые условия для существования и развития крестьянского хозяйства.

Кодекс определил основные положения о трудовом землепользовании и о землеустройстве. Право на пользование землей для ведения сельского хозяйства предоставлялось всем гражданам республики (без различия пола, вероисповедания и национальности), желающим обрабатывать ее своим трудом. Только на правах трудового пользования допускалось владение землей. Это требование кодекса имело большое значение для социально-экономического развития деревни, оно ставило серьезное препятствие росту кулацких хозяйств, давало государству правовую основу для проведения политики ограничения и вытеснения сельской буржуазии. Крестьянин получал землю в бессрочное пользование.

В Абхазии все земли сельскохозяйственного назначения делились на три категории – хорошего, среднего и ниже среднего качества, с учетом совокупности условий, влияющих на качество и ценность данного участка земли (почвенные и климатические условия, близость рынка сбыта и другие условия данного района, применительно к трем основным культурам сельского хозяйства – табаку, кукурузе, винограду). Нормы землепользования ориентировочно были установлены для первой категории в пять десятин, для второй – в шесть с половиной десятин и для третьей – в девять десятин[2]. Земли, негодные для обработи, как-то: болота, скалы и проч., с учетом конкретных условий или

[1] Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазии, Сухум, 1925, с. 5.

[2] Земельная норма устанавливалась на среднюю семью, представляющую обособленную хозяйственную единицу и состоявшую от одной до трех душ. Когда в семье было более трех душ, на каждую следующую душу к подымной земельной норме прибавлялось по одной десятой части установленной нормы.

оставлялись в пользование отдельных дворов, или переходили в ведение обществ для общего пользования. Земля свыше установленной кодексом нормы изымалась у землепользователя.

Форма пользования землей могла быть: а) участковой, когда хозяйство (дым) имело в своем бессрочном и постоянном пользовании один или несколько отдельных участков земли; б) товарищеской, когда землю совместно обрабатывали члены сельскохозяйственного коллектива (коммуны, товарищества или артели); в) общинной, с уравнительными периодическими переделами между дворами. Кодекс установил юридическое равноправие всех этих форм землепользования. Крестьянин свободно мог переходить от одной формы к другой[1]. Этим подчеркивалась незыблемость ленинского принципа добровольности перехода крестьян к социалистическому хозяйству.

Единоличные формы землепользования – общинная и участковая – сложились еще до Октябрьской революции, товарищеская или коллективная родилась впервые в условиях Советского государства. В Абхазии, как и в целом в Грузии, из этих трех форм крестьянского землепользования до начала массовой коллективизации, господствующей формой являлась участковая, в отличие от России, где наиболее распространенной была общинная форма землепользования.

В условиях русской деревни рост участкового землепользования в основном связан с развитием капитализма в деревне. Это была форма землепользования наиболее благоприятная для капиталистического хозяйства. В Абхазии же крестьянин на своем индивидуальном участке закрепился еще до начала развития капитализма в деревне. Здесь крестьянин и на общинной земле вел хозяйство подворно-участковым способом. Это, видимо, было обусловлено естественно-историческими особенностями и прежде всего, связано с условиями быта и очертаниями рельефа местности, где крестьянину приходилось вести хозяйство.

[1] «Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазия», с., 15.

Переделов земли в абхазской общине не было, участки переходили по наследству.

Во время проведения столыпинского аграрного закона при подворном межевании крестьянству было утверждено право собственности (с правом продажи) на участки, приобретенные ими по обычному праву из состава земель всех сословных общин[1].

Таким образом, подворно-участковая форма землепользования в абхазской действительности не являлась порождением капитализма, а предшествовала ему. Когда в абхазской деревне началось развитие капиталистических отношений, уже сложившаяся участковая форма землепользования была использована зажиточными слоями в своих интересах. Маломощные же крестьянские хозяйства в условиях растущих товарано-денежных отношений не обеспечивали затраты средств и сил, необходимых для ведения этого крайне обособленного хозяйства, легче и быстрее разорялись. Участковая форма землепользования, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, затрудняла переход трудящихся крестьян к коллективному хозяйству.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что, хотя в Абхазии общинная форма землепользования давно исчезла (ее пережиточные формы сохранялись лишь в некоторых местах горной части) община как социальная организация крестьянских хозяйств продолжала играть значительную роль в деревенской жизни. Крестьянин, имея землю в личном пользовании, не переставал быть членом общины. Он пользовался общинными лесами и пастбищами, имел решающий голос на сходе общины, принимал трудовое участие в общих для общины работах (строительство дорог, школ и др.), общество защищало его интересы (в случае кражи скота, оскорбления и т. д.). Крестьянин вместе с тем нес ответственность перед общиной, которая в крайнем

[1] А. А. О л о н е ц к и й. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. «Труды» Абхазского государственного музея, вып. II. Сухуми, 1957, с. 56.

случае могла лишить его землепользования (совершившего тяжкое преступление могли изгнать из общины, лишив его таким образом и права пользования землей в данной общине). Все важнейшие общественные вопросы села решались на сходе общины, где решающим влиянием пользовались почетные старики[1]. В сфере производства общинная организация труда наиболее ярко проявлялась в таких явлениях как Киараз и «агуп» – коллектив пастухов[2].

Таким образом, в абхазской деревне в рассматриваемый период, с одной стороны, сильно сохранились пережитки общинной организации общества, с другой стороны, давно уже существовала частная собственность на землю. Если первое явление было обусловлено общей социально-экономической отсталостью края, то второе явление (участковая форма землепользования еще в докапиталистический период) вызвано естественно-географическими условиями и хуторской системой расселения крестян.

Участковая форма землепользования усиливала обособленность крестьянского хозяйства. Хуторское расселение также в наибольшей степени разобщало крестьянские хозяйства. Все это создавало дополнительные трудности для перехода индивидуальных хозяйств в обобществленное социалистическое хозяйство.

Как правильно указывает проф. Г. А. Дзидзария, и в предреформенной Абхазии общинное владение землей существовало как вымирающая форма[3]. В ходе развития капитализма общинное землепользование подверглось дальнейшему разрушению. Этому способствовала участковая форма пользования обра-

[1] О наиболее сильно сохранившихся надстроечных явлениях общинной организации общества подробнее будет сказано ниже.

[2] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962, с. 77–87.

[3] Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.), с. 176.

батываемыми землями. Однако почти во всех деревнях существовали общинные леса и пастбища. Их использование также было в значительной степени индивидуализировано: крестьянин имел свой участок в общем лесном массиве, причем каждый двор обводил его глубокой канавой и сохранял лес, передавая по наследству из поколения в поколение. Советская власть, в соответствии с Земельным кодексом, там, где это было возможно, выделила из бывших частновладельческих и казенных лесов, расположенных вне крупных массивов, лесные участки местного значения и передала их крестьянам для общинного пользования, дополнительно к имеющимся общинным лесам. В 1926 году в общинном пользовании керстьян находилось 33 тыс. дес. леса[1]. В селах земельная комиссия производила выделение участков леса[2], избирала уполномоченных от общества, устанавливала порядок контроля над правильной эксплуатацией общинного леса.

В Абхазии в 20-х гг. более 98% полезной сельскохозяйственной площади составляли земли крестьянского единоличного трудового пользования, а остальные являлись городскими, специального назначения и др.[3]. Непосредственно в пользовании крестьян, по данным земельного учета 1926 г., находилось 115,5 тысч дес. удобной земли, в том числе пахотные занимали 70,3 тыс. дес. (65,0%), усадьбы – 6,4 тыс. дес. огороды – 557 дес, сады и виноградники – 5,4 тыс. дес[4].

Ввиду недостатка земель сельскохозяйственного значения крестьянство Абхазии во многих местах испытывало малоземелье. Средняя обеспеченность одного двора землей (1926 г.) в Кодорском уезде составляла 4,78 дес, в Гальском

[1] 3-я сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет)». Сухуми, 1926, с. 95.

[2] Крестьянам безлесных сел уездным земледелом предоставлялось право заготовки дров в государственных лесах.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 27/1, л. 253.

[4] А. Куправа. Осуществление первых аграрных законов Советской власти в Абхазии. «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, с. 55.

(Самурзаканском) – 4,29 дес, в Гудаутском – 3,51 дес. в Сухумском (Гумистинском) – 2,95 дес. и в Гагринском – 1,99 дес[1]. Для сравнения приведем средний размер крестьянского землепользования в РСФСР – в 1927 г. он составлял 13,2 га земли на двор[2]. Однако продуктивность и доходность гектара земли в условиях Абхазии были намного выше. Табаководство, садоводство, виноградарство позволяли крестьянской семье получить значительные доходы и прокормиться с относительно небольшого участка. Основная масса крестьянских хозяйств Абхазии имела по 2– 4 га земли. В 1926 г. среди них было 1,6% безземельных[3], 11,6% – имевших до 1 га, 60,7% – имевших от 1 до 4 га, 16,8% – имевших от 4 до 6 га и 9,2% с наделом свыше 6 га[4].

Большие затруднения в эффективном использовании земельных фондов и в развитии кооперирования создавало расселение крестьянских дворов в виде отдельных усадебных участков и разбросанность дворов на большие расстояния. Положение усугублялось и тем, что, для большинства крестьянских хозяйств абхазской деревни была характерна чересполостность землепользования. Из материалов земельной переписи Наркомзема видно, что в 1925/26 г. в Отхарской общине Гудаутского уезда из 290 хозяйств только 17 хозяйств имели землю на одном участке, 37 хозяйств – в 2-х, 63 хозяйства – в 3-х, 54 хозяйства – в 4-х, 55 хозяйств – в 5, 31 хозяйство – в 6, 20 хозяйств – в 7 участках и т. д. Наибольшее расстояние от крестьянского дома до участка достигало 7 км. В Джирхвинской общине того же уезда из 452 хозяйств только 42 хозяйства имели землю в одном участке, у двух были размещены даже в 12 участках у каждого. «Такой че-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 543, л. 306.

[2] П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958, № 3, с. 94.

[3] По Земельному кодексу Абхазии всем гражданам, имевшим в деревне усадебную оседлость, независимо от того, имели ли они право на получение земельной нормы или нет, оставлялся усадебный участок мерою не менее 2400 м2.

[4] ПААО КП Грузии, ф. I, он. 2, д. 300/4, л. 3.

чересполосицей страдает подавляющее большинство крестьянских хозяйств»[1], – сказано в материалах к отчету правительства ССР Абхазии IV съезду Советов.

В сентябре 1928 г. Наркомзем Абхазии сообщал в Абхазский обком КП(б) Грузии: «Чересполосность в землепользовании и дальноземелье в более резкой форме наблюдается у абхазцев и мингрельцев, у которых чересполосность достигает часто 12 и более участков на двор, а расстояние от усадьбы до полевых участков до 6 верст»[2]. Дробность и разбросанность участков, незначительный их размер препятствовала развитию сельского хозяйства, интенсификации его. Крестьянин при такой чересполосности и дальноземелье тратил много драгоценного страдного времени и труда на обработку своих участков непроизводительно (переходы, изгородки и т. д.); он не мог удобрять эти участки, затруднилось иногда применение даже плуга. Чересполосица служила серьезной преградой на пути материального и культурного благосостояния трудящихся. Она препятствовала развитию кооперирования сельского хозяйства. Эти отрицательные моменты в землепользовании в некоторой степени были обусловлены рельефом местности, но главным образом недостатками поземельного устройства крестьян в дореволюционной Абхазии[3].

Советское землеустройство ставило целью, наряду с удовлетворением крестьян землей, устранение или уменьшение чересполосности отдельных землепользований, их вклинивания и вкрапливания, дальноземелья. В землеустроительные работы входило распланирование сельских мест поселения, исправле-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 543, л. 306.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 27/1, л. 202.

[3] В 1909 г. даже князь П. Л. Шервашидзе – первый депутат 3-й буржуазно-помещичьей Государственной думы от Сухумского округа и Батумской области вынужден был заявить об этом с трибуны российского парламента: «Крестьяне не знают, что такое экономическая свобода, что такое земельное устройство» (См. «Кавказский вопрос в Государственной думе», Тифлис, 1909, с. 79).

ние границ селений, конфискация земли сверх нормы и распределение конфискованной земли между беззмельными и малоземельными крестьянами и т. д. Землеустройство проводилось под руководством и контролем Наркомзема уполномоченными землемерами-землеустроителями и земельными комиссиями[1].

Землеустройство в Абхазии тормозилось недостатком кадров специалистов-землеустроителей. Вместо предусмотренных планом 14 землемеров и 2 триангуляторов работало в 1926 г. 5 землемеров и 1 триангулятор, а в 1927–1928 гг. 7 землемеров и 1 триангулятор[2].

Межселенное землеустройство проводилось по почину государства за счет государственного бюджета. Наркомзем Абхазии обычно таким землеустройством охватывал несколько смежных сел, устанавливал твердые границы землепользования, оформлялись документы на земли, отведенные в пользование данного общества. В 1926 г. было произведено межселенное землеустройство и хозяйственная съемка на площади 9138 дес., в 1927 г. – 15278 дес.[3], в 1928 г. – 17786 дес.[4].

В доколхозной Абхазской деревне сплошного внутриселенного землеустройства не производилось. В этом направлении работа ограничивалась регулированием земельных отношений земельными комиссиями уездных земотделов и сельских Советов. Они разбирали земельные споры, изымали земли сверх установленной нормы, наделяли землей малоземельных крестьян и вновь создаваемые хозяйства и в некоторых местах осуществляли переселение крестьянских хозяйств на новые земли и т. д. Система же землепользования, включая такие недостатки как чересполосица, множественность мелких земельных участков, дальноземелье, в общем и целом сохранилась в прежнем виде

[1] «Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазии», с. 29–31.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 27/1, л. 3.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 27/1, л. 3

[4] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 3.

вплоть до коллективизации. Неустроенность землепользования была одним из самых больных вопросов развития деревни переходного периода.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства, принятый XV съездом партии, поставил новые задачи перед советской земельной политикой. Необходимо было создать наиболее благоприятные условия для развития коллективных форм землепользования и усилить меры по ограничению земельного пользования деревенской буржуазии. В связи с этим возникла необходимость определить общесоюзные основы землепользования и землеустройства. На основе директив ЦК ВКП(б) был разработан общесоюзный закон «Общие начала землепользования и землеустройства» и утвержден IX сессией ЦИК СССР четвертого созыва 15 декабря 1928 г. Новый закон не отменял Земельного кодекса, но существенно дополнял и уточнял его основные положения. То новое, что вносил общесоюзный закон в поземельные отношения деревни заключалось, во-первых, в максимальном проведении классового принципа в праве трудового пользования землей и, во-вторых, в создании для коллективных хозяйств наибольших преимуществ в области землепользования и землеустройства[1].

Партийные и советские органы усилили внимание к вопросам регулирования землепользования и землеустройства. Работа в этой области стала все больше увязываться с интересами коллективизации крестьянского хозяйства. X Абхазская областная партийная конференция (1928 г.) поставила задачу в целях усиления реконструкции сельского хозяйства ускорить ход землеустроительных работ[2]. В резолюции «О работе в деревне», утвержденной президиумом обкома 12 июня 1928 г., подчерки-

[1] См. В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958, №3, с. 119.

[2] «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов 1921–1930», Сухуми, 1971, с. 180. (Далее «Абхазская органиация...»).

валось: землеустроительные работы проводить «под углом зрения коллективизации и выделения бедняцких и маломощных хозяйств в один земельный клин»[1].

V съезд Советов Абхазии (апрель 1929 г.) признал, что землеустройство должно способствовать реконструкции сельского хозяйства и наметил мероприятия по ускорению его темпа. Съезд постановил пересмотреть Земельный кодекс Абхазии в соответствии с новым законом Союзного правительства о землепользовании и землеустройстве, немедленно землеустроить как существующие, так и вновь организующиеся колхозы и совхозы. Съезд признал необходимым при землеустройстве единоличного крестьянского хозяйства привлекать средства населения, а землеустройство колхозов и бедняцких хозяйств производить за счет государства[2].

Осенью 1929 г. Наркомзем Абхазии принял план землеустройства колхозов, согласно которому землеустройству подлежали вне очереди все уже организованные хозяйства и устройство территории создаваемых колхозов производилось при их организации. Землеустройству подлежали коллективные хозяйства, объединяющие не менее 10 хозяйств. План содержал основные принципы землеустройства колхозов. С 1 декабря весь землеустроительный персонал Наркомзема был направлен в уезды для землеустройства колхозов[3].

С этого времени начинается новый этап в развитии поземельных отношений крестьянства и советской земельной политики в Абхазии. Если до этого землеустройство в абхазской деревне органичивалось регулированием земельных отношений индивидуальных крестьянских хозяйств, то теперь быстро развивающееся коллективное землепользование выдвинуло задачу устройства колхозной территории.

7 декабря 1929 года Совет Наркомзема Абхазии утвердил «Временную инструкцию по землеустройству коллективов в

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, т. 20, д. I, л. 143.
[2] Газ. «Советская Абхазия», 13 апреля 1929 года.
[3] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 45, л. 52.

Абхазской ССР»[1]. Она предусматривала выделение земельного участка колхозу в одном месте, на лучших для хозяйствования почвах, обеспеченных дорогой и водой. Отвод участка производился по установленной для данного района норме землеобеспечения. В состав колхозных участков засчитывались земли трудового пользования их членов. Если эти земли оказывались меньше, чем полагалось по нормам, то коллективам прирезывались свободные общинные земли, земли госземфонда и запасного земельного фонда, образовывавшегося в каждом селении из земель, отобранных у бывших князей, торговцев, кулаков и служащих, систематически сдававших землю в аренду или обрабатывавших исключительно наемным трудом.

Землеустройство колхозов проводилось землеустроителями Наркомзема при непременном участии агронома, представителей Колхозцентра и земотдела, уполномоченных от коллектива и представителей сельсовета и бедноты. Весь землеустроительный процесс происходил с максимальным вовлечением в него бедняцкой части крестьянства. К весенней посевной кампании 1930 г. отвод земли, возникшим к тому времени колхозам, полностью был произведен во всех уездах, за исключением Кодорокого (здесь землю получили 60% колхозов) и Самурзаканского (77 %)[2].

* * *

В условиях Абхазии рост крестьянского землепользования, а тем самым и сельскохозяйственного производства был тесно связан с работами по мелиорации. Создание Управления Абхазского водного хозяйства (Абводхоз) в апреле 1925 г.[3] положило начало проведению государственными средствами в плановом порядке работ по осушению болот, орошению, укре-

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 35, лл. 65–67

[2] Там же, ф. 100, оп. I, д. 199, л. 199

3 Там ж е, д. 444, л. 32.

плению речных берегов, что имело большое значение для расширения полезной земельной площади.

Площадь болот Абхазии составляла более 38 тыс. га, или 15% культурной площади республики. В 1925–1928 гг. Абводхозом было осуществлено обследование самурзаканских болот с площадью осушки 26 тыс. га земли годной для развития чая и других ценных технических культур, а также сухумских болот. Работы по осушению болот начались тогда в Кодорском, Сухумском и Гагринском уездах, а также в городах курортной зоны. Осушение болот в условиях Абхазии являлось и важнейшей мерой борьбы с малярией.

Проводилась работа по обследованию и регулированию течения рек. Реки Абхазии вследствие таяния снегов в горах, проливных дождей, а часто и от совокупного действия обоих факторов отличались необыкновенным по своим размерам половодьем. Значительный уклон русла и чрезвычайно быстрое течение приводили к тому, что реки, вступая в низменную полосу с рыхлым наносным грунтом, разрушали берега, ежегодно уничтожали десятки гектаров полей и усадьбы крестьян, дорожные и другие общественные сооружения. Советская власть уже с первых лет стала принимать меры, направленные на преодоление разрушительных последствий этих стихийных сил. В 1925–1928 гг. Абводхозом было вложено более 150 тыс. руб. на устройство хворостяно-каменных берегоукрепительных и регуляционных сооружений временного типа на реках Кодор, Келасури, Маджарка, Гумиста. В результате в селах Адзюбжа (Кодорский уезд), Эстонка, Владимировка, Келасури, Гумиста (Сухумский уезд) и других посевы многих крестьянских хозяйств были избавлены от наводнений и гибели.

V съезд Советов Абхазии постановил принять меры к изысканию необходимых средств в течение первой пятилетки «на производство в широких размерах в плановом порядке берегоукрепительных и регуляционных сооружений на всех главней-

ших горных реках Абхазии, приносящих при наводнениях громадные убытки населению, привлекая при этом само население к участию в борьбе с наводнениями»[1].

В ряде сел Абхазии, особенно Гальского уезда, острой проблемой являлось обводнение. Во время летней засухи в Сида-Набакевской, Чубурисхинджской, Цхирогальской, Верхне-Баргебской, Хумушкурсой, частично Тагилонской общинах и в м. Гали высыхали все ручьи и крестьянские хозяйства страдали от безводья. Крестьянство уезда до революции неоднократно поднимало вопрос о строительстве канала. Но этот вопрос тогда не получил разрешения.

В 1926-1929 гг. был построен Самурзаканский канал. Главная магистраль имела длину 9 км, а водораспределительные канавы, проложенные самими крестьянами – 20 км. Канал обеспечил ингурской водой безводные селения уезда. Уже в 1929 г. в период весенней посевной кампании было орошено 1200 гектаров земли. Канал давал возможность орошать значительные площади ранее пустовавших земель. Гальский уездный исполком в августе 1929 г. писал Совнаркому Абхазии: «Практика использования не только для обводнения, как это предполагалось первоначально, но в сравнительно широких размерах для орошения показала громадное экономическое значение, которое имеет канал почти для одной трети уезда»[2].

Самурзаканский канал являлся важнейшим ирригационным сооружением. На его строительство было вложено из госбюджета Грузинской ССР 189 тыс. руб[3]. Активно участвовало в его сооружении крестьянство. Уездный исполком сообщал, что вокруг канала организовалось мелиоративное товарищество, объединяющее более 1000 хозяйств, что число членов его растет и достигнет 5000 хозяйств.

---

[1] «Советская Абхазия», 13 апреля 1929 года.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 644, л. 31.

[3] А. Г. Нуцубидзе. Сельское хозяйство Грузинской ССР в 1926–1929 гг. «Труды» Института экономики АН Грузинской ССР, т. 10, 1957, с. 188.

Накануне коллективизации были завершены изыскания и составлены проекты обводнения земель в с. Атара Кодорского уезда и Ашицра Гудаутского уезда.

* * *

Национализация земли, осуществленная в Советской стране, избавила сельское хозяйство от пут частной земельной собственности, устранила возможность концентрации земли в руках отдельных лиц, ограничила эксплуатацию крестьян на почве поземельных отношений. Исключение земли из товарооборота освободило крестьянство от необходимости непроизводительно затрачивать огромные средства на ее приобретение.

Национализация земли дала возможность Советскому государству ограничивать эксплуататорские стремления кулачества, ставить преграды росту капиталистического производства. Однако национализация земли при единоличном, хотя бы и уравнительном, использовании ее не могла закрыть пути для роста капитализма в деревне, поскольку все остальные средства оставались в частной собственности отдельных крестьян. Сохранившееся на национализированной земле мелкотоварное крестьянское хозяйство неизбежно рождало капитализм. Стремясь расширить размеры производства, зажиточные и кулацкие хозяйства добивались увеличения своего землепользования сверх уравнительных норм, прежде всего путем аренды земель бедноты.

Согласно земельному кодексу Абхазии, сдача земли в аренду допускалась для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.), недостатка инвентаря или рабочей силы, а также ее убыли (смерть, призыв в армию, служба на выборной должности). Сдавая часть земли в аренду, бедняцкие и ослабленные середняцкие хозяйства получали известный доход, что позволило им быстрее восстановить собственное хозяйство. Аренда допуска-

лась только трудовая, т. е. по Договору арендатор мог получить такое количество земли, какое он в состоянии обработать силами своего хозяйства сверх своего надела. Запрещалась сдача земли с целью наживы или спекулятивная повторная аренда – сдача арендатором фондовой земли (субаренда). Срок аренды не должен был превышать 3-х лет. Заключение договора об аренде утверждалось сельским Советом или местным земельным органом. Последние вели наблюдение за правильным применением условий и правил аренды, обязывались защищать интересы бедноты (борьба против кабальных сделок и т. д.)[1]. Таким образом, Советское государство, допуская неизбежную в условиях мелкокрестьянской деревни аренду земли, ставило серьезные преграды ее развитию.

На практике, как видно из отчетов земельных органов и материалов обследований, предусмотренные законом условия сдачи и аренды земли часто нарушались. И это понятно, ибо по существу своему развитие арендных отношений было следствием имущественной и социальной дифференциации деревни. Нередко сдатчиками земли наряду с бедняками и маломощными середняками оказывались многоземельные кулацкие хозяйства и бывшие князья и дворяне. Например, инструктор Абхазского обкома партии в докладной записке по обследованию мерхеульской партийной ячейки в декабре 1928 г. писал, что «мерхеульские дворяне и кулаки содержат арендаторами безземельных и малоземельных крестьян и выколачивают из них бешеные деньги, получая арендую плату от 150 до 500 руб. в год с крестьян-табаководов»[2]. В материалах обследования с. Эшера (1927 г.) отмечалось, что бывшие князья «имеют землю, сами мало обрабатывают, большей частью сдают в аренду»[3].

---

[1] «Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазии», с. 9-11.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25/2, лл. 185–186.

[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 14. оп. 1, ч. II, д. 2650, л. 50.

Мы не располагаем конкретными данными о социальном составе сдатчиков земли. Как сообщал Народный Комиссариат земледелия в ноябре 1929 г. в Абхазский обком КП(б) Грузии, «регистрация арендных договоров велась во всех сельсоветах, но социальное положение сдатчиков земли не отмечалось», поэтому соответствующие материалы не сохранились. Но имеющиеся отрывочные сведения показывают, что в условиях малоземелья Абхазии нередко сдатчиками земли являлись кулацкие и нетрудовые бывшие помещичьи хозяйства, сумевшие сохранить в своих руках часть земель. Пользуясь малоземельем в деревне, они сдавали свои земли в аренду с целью наживы.

Аренда земли преимущественно была трудовой, не связанной с постоянной эксплуатацией наемного труда. Основная масса арендаторов состояла из трудовых хозяйств, не эксплуатирующих наемную рабочую силу. Но кулаки и зажиточные середняки постоянно стремились расширить свои земли путем аренды, применяя на арендованной земле наемный труд. Земельная аренда являлась одним из важнейших проявлений буржуазных отношений в деревне.

Как сообщают документы, подчас аренда использовалась для маскировки купли-продажи земли. Например, в ноябре 1929 г. Гальский уездный комитет партии писал Абхазскому обкому партии, что бывали случаи, когда «под видом аренды на 3 года некоторыми лицами продавались земли»[1]. В ходе борьбы с куплей-продажей земли подобные факты вскрывались, нарушители подвергались уголовной ответственности.

XV съезд ВКП(б) постановил постепенно сокращать аренду земли в районах, где она ведет к росту кулацких элементов, и ограничивать срок аренды не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет. В отношении хозяйств, которые, несмотря на оказываемую им помощь со стороны государства и кооперации, не обрабатывают земли сами и из года в год сдают ее в аренду,

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, лл. 167.

предлагалось решением волостных исполкомов ограничивать право сдачи земли в аренду сроком от 3 до 6 лет подряд, по истечении которых они лишались права распоряжения землей[1].

Учитывая то, что земельная аренда во многих случаях ведет к росту кулацких хозяйств, Советское государство в 1928 г. принимает ряд мер по дальнейшему ограничению аренды. Общесоюзный земельный закон от 15 декабря 1928 г. запретил сдачу земель в аренду кулацким хозяйствам. «В тех случаях, когда земля сдается в аренду кулацкими хозяйствами, – говорилось в этом законе, – такая земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься»[2].

Накануне начала коллективизации в Абхазии в связи с усилением ограничений кулацких хозяйств устанавливается более строгий надзор за развитием арендных отношений. В 1929 г. Гальский уездный комитет писал, что «ныне в исключительных случаях допускается сдача земли в аренду на продолжительный срок, например, на 3 года»[3]. Далее он сообщал: «Сдача земли в аренду допускается лишь в том случае, если сдатчик является сиротой или инвалидом труда; разрешается также лицам преклонных лет, бедному семейству»[4].

Об усилении деятельности земельных органов по ограничению кулацкой аренды земли говорилось в отчете Гудаутского уездного комитета IX уездной партийной конференции (ноябрь 1928 г.): «Право сдачи в аренду земель представляется лишь тем лицам, которые по составу семьи и ряду других причин не в состоянии произвести обработку. Чтобы не было злоупотреблений в отношении земельной аренды все арендные договоры регистрируются при сельсовете»[5]. Из 139 арендных договоров,

---

[1] «КПСС в резолюциях…» М., 1970, т. 4, с. 57.

[2] «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917–1954 гг.», М., 1954, с. 304.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2. д. 265/1, л. 167.

[4] Там же.

[5] Там же, л. 64.

заключенных в 1928 г. в Гудаутском уезде, земотделом было аннулировано 46 «из-за неправильной передачи земли в аренду». Далее в отчете сказано, что «все земли самовольных арендаторов отобраны и переданы в фонд общества»[1].

Однако не везде с одинаковой строгостью и классовой принципиальностью контролировалась аренда-сдача земли. Например, в Сухумском уезде до 1928 г. арендные договоры в сельсоветах не регистрировались. Сухумский уездный земотдел в отчете за 1929 г. указывал, что отдел «своевременно не инструктировал сельсоветы о значении арендной политики»[2]. Лишь с осени 1929 г. земотдел провел специальную инструктивную работу с сельсоветами по вопросам арендной политики и организации заключения договоров.

Меры ограничения нетрудовой аренды земли, безусловно, не могли не содействовать сокращению аренды кулацкими хозяйствами. В 1929 г. в Абхазии в табаководстве 8,2% кулацких хозяйств арендовало землю и 7,2% сдавало ее. На одно арендующее кулацкое хозяйство приходилось 1,3 га арендованной земли и на одно сдающее хозяйство – 1,5 га сдаваемой земли[3]. Основными арендаторами являлись трудовые хозяйства – середняцкие и бедняцкие. В табаководстве землю арендовало 10,1% бедняцких и 8,3% середняцких хозяйств и сдавало 8,4% бедняцких и 6,7% середняцких хозяйств. На одно арендовавшее бедняцкое хозяйство приходилось 1,1 га арендованной земли и на середняцкое хозяйство – 1,4 га; на одно сдававшее хозяйство соответственно приходилось 1,7 и 1,2 га сдаваемой земли[4]. Абсолютное преобладание трудовой аренды являлось важнейшей особенностью земельных отношений. Оно свидетельствовало об успешном восстановлении основной массы крестьянских хозяйств.

---

[1] Там же

[2] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 48, л. 6.

[3] «10 лет Советской Грузии...», с. 309.

[4] Там же.

В основной массе аренда была краткосрочной – на один год. По формам оплаты наиболее распространенной была в табаководческих районах денежная, в остальных – издольная аренда. Нередко размер аренды составлял половину урожая.

Накануне коллективизации в Абхазии размеры аренды были небольшие. В 1929 году в табаководстве в среднем одно арендовавшее хозяйство имело 1,3 га арендованной земли[1]. В Сухумском уезде, являющимся наиболее крупным табаководческим районом, в 1929 году был зарегистрирован 181 арендный договор, и в аренду была сдана земля размером всего в 241,2 га[2]. Эти цифры свидетельствуют, что мероприятия по ограничению аренды земли оказались достаточно эффективными и сыграли определенную роль в борьбе против кулацкого землепользования.

* * *

В стремлении захватить в свои руки землю зажиточно-кулацкие слои в абхазской деревне не останавливались и перед нарушением принципов национализации. Как отметил XV съезд ВКП(б), в некоторых районах Кавказа и Средней Азии встречались факты нарушения национализации земли путем купли-продажи ее[3]. Такие факты имели место и в Абхазии.

В Абхазии купля-продажа земли крестьянами отмечалась еще в дореформенный период[4], но особенно большое развитие она получила с развитием капитализма. Национализация земли не могла сразу преодолеть сильно укоренившееся сознание частной собственности крестьянина на землю. Господствовавшая подворно-участковая форма землепользования также затрудняла осознание смысла и значения национализации. Пользуясь

[1] Там же.

[2] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 48, л. 6.

[3] КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 66.

[4] Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношении Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.), с. 205.

этим, зажиточные и кулацкие хозяйства стремились увеличить свое землепользование путем купли-продажи.

В период революционных аграрных преобразований, проводившихся в Абхазии в 1921–1923 гг., кулачество потеряло часть своих земель. Эксплуататорские возможности кулака были ограничены. Однако в последующие годы, особенно после восстановления сельского хозяйства, возросшее и условиях нэпа кулачество стало настойчиво стремиться к расширению своих земель в обход советских законов. Оно не упускало ни малейшей возможности для приобретения дополнительной земли, подрывая принципы национализации в усиливая капиталистические элементы в системе земельных отношений.

С 1926 г. в деревнях Абхазии все чаще стали выявляться случаи купли-продажи земли. Нередко кулацкие элементы свои земельные сделки совершали используя слабую работу отдельных сельских советов и земельных комиссий. Бывали случаи, когда советы и земкомиссии сами шли на прямое нарушение земельного законодательства. Инструктор Абхазского обкома КП(б) Грузии в отчете об обследовании колхидской партийной ячейки Гагринского уезда (1926 г.) отмечал, что сельсовет не руководит земкомиссией, она не отчитывается перед Советом. «Многие, живя в другом уезде, – указывал он, – имеют купленные земли в Колхидской общине и сдают в аренду малоземельным и безземельным. Комиссия во время разрешения спорных земельных вопросов в большинстве случаев разрешает в пользу многоземельных»[1].

Аналогичным было положение в Эшерской общине (Сухумский уезд). «Купля-продажа земли, неправильное распределение ее, отвод фондовых земель, неправильная оценка строений, якобы передаваемых, а фактически продаваемых земельных участков, имеет слишком часто место в Эшерском районе... Вся земельная политика, проводимая сельсоветом, нарушает

[1] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. I, ч. II, д. 1876, д. 74.

Земельный кодекс, положения и земельные инструкции»[1], – писал представитель ЦК КП(б) Грузии, обследовавший Эшеры. В декабре 1926 г. ЦК КП(б) Грузии указывал, что в Гудаутском уезде в селах Лыхны, Ачандара и Калдахвара «существует и не поддается ликвидации купля и продажа земли...»[2].

Секретарь обкома партии Георгий Стуруа в докладе на VIII Абхазской областной партийной конференции, говоря о необходимости усиления борьбы с нарушениями национализации земли, отмечал, что «были случаи, когда местный сельсовет санкционировал куплю и продажу земли»[3]. Нарком земледелия М. Лакоба на III сессии ЦИК Абхазии в октябре 1926 г. говорил, что «незаконная продажа земли имеется во всех уездах»[4].

Покупателями земли являлись, главным образом, зажиточные и кулацкие хозяйства. Они покупали землю у маломощных крестьян, которые оказывались подчас не в состоянии обрабатывать ее своими силами. Активно участвовали в земельных сделках бывшие князья и дворяне. Последним Советская власть оставила земельные участки на общих основаниях (т .е. по тем же нормам, по которым наделялись крестьяне). Однако многие из них не включились в трудовую жизнь и либо сдавали свои земли в аренду, либо продавали их. Например, в материалах проверки деятельности сельских партийных ячеек Гудаутского уезда (1926 г.), проведенной ЦК КП(б) Грузия, указывалось, что самым отъявленными землепродавцами являются бывшие князья и дворяне, которые пользуясь своим влиянием на так называемых почетных стариков села, свои дела оформляют видами аренды»[5]. Нередко землю продавали и кулацкие элементы. На это было указано на III сессии ЦИК Абхазии и октябре 1926 г.

---

[1] Там же, д. 2650, л. 49.

[2] Там же, д. 1878, л. 91.

[3] «Советская Абхазия», 30 декабря 1926 года.

[4] «III сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет)», с. 98.

[5] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, д. 1878, л. 92.

«Более зажиточные крестьяне сумели запастись достаточным количеством земли и уже начинают исподтишка продавать ее. Это болезненное явление все более и более распространяется»,[1] – говорил один из выступавших на сессии. Кулаки, сосредотачивая в своих руках землю, использовали ее для эксплуатации маломощных крестьянских хозяйств.

Факты купли-продажи земли, наличие у отдельных бывших князей и дворян земель свыше трудовой нормы и другие нарушения советского земельною законодательства поставили перед партийными, советскими и земельными органами серьезные и неотложные проблемы. Пленум ЦК КП(б) Грузии (май 1926 г.), обсудивший доклад Абхазского обкома партии, особое внимание уделил вопросам твердого проведения в жизнь советской земельной политики. Для преодоления недостатков и нарушений в этой области пленум признал необходимым ускорить землеустроительные работы; отобрать излишки земель, в первую очередь, у бывших князей и дворян; повести решительную борьбу против купли и продажи земли; урегулировать пастбищный вопрос; в корне ликвидировать субаренду; поставить на должную высоту работу землекомиссии[2].

На основе решений майского Пленума ЦК КП(б) Грузии III пленум Абхазского обкома партии в конце июня 1926 г. принял развернутое постановление по всем этим вопросам. Для ускорения землеустроительных работ Наркомзему было предложено пригласить необходимое количество технического персонала и добиться своевременного финансирования этих работ. При уездных исполкомах и сельсоветах создавались специальные комиссии для выявления многоземельных хозяйств. Излишки земли отбирались, в первую очередь, у бывших дворян и князей. Злостные укрыватели земли привлекались к судебной ответственности. Все дела о купле-продаже было решено переда-

[1] «III сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет)», с. 102.

[2] Газ. «Заря Востока», 6 июня 1926 года.

вать судебным органам, которым предлагалось разбирать эти дела вне очереди, устраивая на местах показательные процессы. К ответственности привлекались и те сельские должностные лица, которые способствовали этой сделке или не сообщали о ней своевременно уездным земорганам.

Для урегулирования пастбищного вопроса и упразднения субаренды (спекулятивная повторная передача пастбищ в аренду) сельские Советы должны были установить бдительный надзор над лицами, которые в качестве уполномоченных обществ брали пастбища в аренду и спекулировали ими для извлечения личной выгоды. Арендаторы пастбищ, нарушавшие установленные условия, привлекались к ответственности. Было решено переизбрать земельные комиссии, улучшить их качественный состав, проинструктировать и снабдить их необходимой литературой[1].

Руководствуясь этими решениями, уездные и местные партийные организации, советские и земельные органы значительно усилили работу в области регулирования земельных отношений, более твердо проводили земельную политику Советской власти. На местах стали шире вовлекать в эту работу массы, больше выявлять случаи нарушения земельных законов, пресекать эти нарушения.

Во многих селах, где местные партийные и советские органы правильно организовали работу, успешно осуществлялось постановление пленума обкома. Так, например, открытое объединенное собрание партийной и комсомольской ячеек с. Володаровское (Сухумский уезд) в июне 1926 г., обсудив доклад председателя сельсовета, отметило, что в селе встречаются случаи скрытой купли-продажи земли и постановило «принять все зависящие меры к тому, чтобы искоренить куплю-продажу земли»[2]. Под руководством партийной ячейки сельский Совет и земельная комиссия выявили и приняли решительные меры

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2. д. 180/4 лл. 120-121.
[2] Там же л. 51.

против тех, кто посягнул на закон о национализации земли. Трудовыми массами эти мероприятия были встречены одобрительно. 15 августа того же года открытое собрание партийной ячейки обсудило специально доклад «О земельной политике» и постановило, что оно «целиком одобряет и считает правильной проведенную земельную политику в пределах СССР для трудящихся масс всего Союза»[1]. Президиум Сухумского уездного комитета КП(б) Грузии 19 октября 1926 года, заслушав отчет данной партийной ячейки, одобрил ее деятельность и обязал коммунистов активно выступать на сходах крестьян с разъяснениями по земельным вопросам[2].

В июле 1926 г. на II областном совещании секретарей уездных комитетов и сельских ячеек Абхазской парторганизации были обсуждены доклады секретарей Мугудзирхвинской (Гудаутский уезд), Мерхеульской (Сухумский уезд) и Поквешской (Кодорский уезд) сельских ячеек. В этих селах были обнаружены частые случаи купли-продажи земли, наличие у бывших дворян и князей излишков земли и другие нарушения. Совещание, отметив слабую роль этих ячеек в регулировании земельных отношений, наметило меры улучшения работы в этой области[3].

18 февраля 1927 года президиум Абхазского обкома КП(б) Грузии обсудил доклад наркома земледелия М. Лакоба «О борьбе с куплей-продажей земли» и предложил Наркомзему и уездным исполкомам строго выполнять директивы обкома по вопросу купли-продажи земли. Президиум признал необходимым усилить среди крестьян разъяснительную работу о недопустимости земельных сделок. Партийным комитетам предлагалось вопрос о купле-продаже земли обсудить на всех партийных и комсомольских ячейках, а затем на сельских сходах. Было обращено внимание на привлечение селькоров к выявлению через печать

[1] Там же, л. 61.
[2] ПААО КП Грузии, ф. I, од. 2, л. 180/4, л. 69.
[3] Там же, д. 152/7, лл. 9–10.

случаев купли-продажи земли[1]. Все эти меры были направлены на усиление активности самих трудящихся масс в борьбе с преступной спекуляцией национализированной землей.

Коммунистическая партия и Советское государство требовали всемерного укрепления основы национализации земли. XV съезд партии постановил преследовать как тяжкое уголовное преступление куплю-продажу и дарение земли, а также всякие иные (прямые или косвенные) попытки нарушения принципа национализации[2]. В июле 1928 г. III Пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии в резолюции по докладу Н. Лакоба еще раз подтвердил необходимость «решительной борьбы с применением репрессивных мер в отношении лиц, нарушающих законодательство о национализации земли»[3].

В Абхазии советскими и земельными органами было вскрыто значительное число фактов купли-продажи земли. В 1926 г. выявлено 86 случаев земельных сделок, в 1927 г.– 118, в 1928 г. – 132 и 1929 г. – 131[4]. Во всех уездах решением суда купленные земли изымались, а лица, совершившие эти незаконные сделки, привлекались к уголовной ответственности[5]. В действительности, надо полагать, земельных сделок было гораздо больше. Помимо купли-продажи земли встречались и другие скрытые формы нарушения национализации: дарение, завещание, залог, самовольный обмен, субаренда и др. Незаконные сделки совершались под видом купли-продажи строений и насаждений, слияния дворов, аренды на несколько лет и т. п. Усиление борьбы с земельными сделками вызвало все большее распространение скрытых форм купли-продажи, при этом использовались всякие местные обычаи и сохранившееся влияние почетных стари-

[1] Там же, д. 245/2, л. 357.

[2] «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 66.

[3] Партархив Груз. филиала НМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. I, ч. II, л. 2894, л. 56.

[4] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 24/2, л. 278; там ж е, оп. 2, д. 265/1, д. 167; ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 48; л. 5; там же, ф. 17, оп. 2, д. 11, л. 40.

[5] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 265/1, л. 167.

ков. Наркомзем Абхазии в отчете за 1927 г. указывал на один из приемов купли-продажи земли, когда продавец и покупатель чтобы замаскировать свою сделку, для видимости не вступали в непосредственные отношения и сделке придавали «законную» силу. «За последнее время, – сказано в отчете, – наблюдается такой способ «законного» оборота земли: продавец земли подает в сельсовет заявление о том, что он по каким-либо причинам отказывается от земли; вслед за этим покупатель подает туда же заявление о наделении его землей, после чего земля передается ему»[1]. Кулацкие элементы искали любые лазейки и слабости советских и земельных органов для приобретения дополнительно новых земель. На XI Сухумской уездно-городской партийной конференции первый секретарь ЦК КП(б) Грузии М. Кахиаки говорил, что купля-продажа земли «является напором враждебных сил, напором капиталистических элементов, которые хотят подорвать нашу политику... Наши враги чутко прислушиваются, в какую щель можно залезть, чтобы нам повредить»[2].

Накануне коллективизации сельского хозяйства, в связи с усилением ограничений эксплуататорских, капиталистических элементов в деревне, возросло сопротивление кулачества мероприятиям партии. Оно всячески противодействовало социалистическому пути развития деревни. В частности, в это время усиливаются нарушения национализации земли. Абхазский обком партии всесторонне изучил вопрос купли-продажи земли и 23 декабря 1929 г. обсудил его на заседании президиума. «За последнее время, – говорится в постановлении президиума, – наблюдается на местах некоторое усиление в скрытой форме незаконных сделок на землю. По имеющимся в обкоме материалам видно, что кулацкие элементы деревни, стремясь противодействовать мероприятиям правительства в проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства, не прекращают своих попыток к подрыву основ советского земельного строя

[1] ПААО КП Грузии, ф. (I, оп. 2, д. 265/1, л. 167.
[2] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 11, л. 40.

– национализации земли. С этой целью кулаки и подкулачники, внося капиталистические элементы в земельные отношения, стремятся к получению нетрудовых доходов и закабалению маломощного крестьянства путем покупки-продажи земли, возмездных обменов усадьбами, субаренды земли и т. п.»[1].

Президиум обкома указал на слабость выносимых судами мер социальной защиты, на то, что местные земельные органы и земкомиссии при сельсоветах глубоко не вникают в разбор незаконных земельных сделок и слабо выявляют эти преступления, что бедняцкая часть деревни достаточно не вовлечена в борьбу против купли-продажи земли. Было принято решение об усилении уголовной ответственности нарушителей национализации земли с последствиями, указанными в статье 25 Земельного кодекса[2], об организации республиканской тройки по борьбе с куплей-продажей земли. Партийным, советским и общественным организациям предлагалось расширить среди населения разъяснительную работу, распространять популярные инструкции о советских земельных законах, мобилизовать на местах общественное мнение бедноты вокруг работы земельных комиссий сельских Советов. Земельные комиссии и судебные органы обязывались периодически отчитываться перед партийными организациями и группами бедноты о ходе борьбы против купли-продажи земли[3].

Согласно данному постановлению ЦИК, Наркомзем и Наркомюст Абхазии созвали областное совещание председателей сельских советов и работников земельных и судебных органов, на котором были полностью одобрены намеченные обкомом меры борьбы с нарушениями национализации земли.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24/1, л. 278.

[2] Согласно этой статье, лица, совершившие куплю-продажу земли, помимо наказания в уголовном порядке, лишались земли, находящейся в их пользовании. См. «Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазии», с. 9.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 24/1, лл. 278–279.

Осуществлялись эти мероприятия уже в ходе широкого развертывания колхозного строительства.

* * *

Борьба с куплей-продажей земли и меры по дальнейшему ограничению аренды, особенно усилившиеся после XV съезда ВКП(б), с осени 1929 г. сочетались с мероприятиями по ликвидации остатков помещичьего княжеско-дворянского землепользования.

Как выше отмечалось, Советская власть оставила бывшим князьям и дворянам в Абхазии земельные наделы в размерах трудовой нормы. Поступая так, она учитывала местные конкретные условия, в том числе и то, что большинство их хозяйств являлось мелкопоместными и велось силами семьи. Нельзя согласиться с А. А. Олонецким, считающим «несомненной ошибкой первых мероприятий Советской власти в Абхазии по земельному вопросу» оставление бывших владельцев на месте с предоставлением им права пользования землей наравне с крестьянами.[1]

По материалам обследования Наркомзема Абхазии, в 1929 г. 613 хозяйств бывших князей и дворян имело 2362,2 га земли, или в среднем одно хозяйство – 3,8 га[2]. В ряде мест отдельным бывшим владельцам осталось земли значительно выше этой средней цифры. Кое-где удалось сохранить даже излишки земель[3]. Встречались факты, когда рядом с ними жили крестьяне,

[1] А. А. Олонецкий. Результаты осуществления Советской властью закона о национализации земли в Абхазии, с. 15.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, он. 2, д. 265/1, л. 170.

[3] Факты такого рода имели место в Сухумском, Гудаутском и Кодорском уездах. Однако, например, в Гальском уезде вовсе не были отмечены подобные случаи. Об этом председатель уездного исполкома Я. Хабурзания на сессии ЦИК Абхазии в октябре 1926 г. говорил следующее: «Благодаря проведению революционно-аграрной реформы, в уезде не осталось ни одного бывшего князя или дворянина, имеющего излишек земли. Некоторые же, наиболее влиятельные из них, остались при более ограниченном количестве земельной площади». См. «III сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет)», с. 29.

не получившие полной трудовой нормы из-за малоземелья в деревне[1]. Это обстоятельство в известной мере содействовало сохранению экономического, а отчасти и политического влияния бывших помещиков среди определенной части крестьянства.

Получив земельную норму, многие из бывших князей и дворян не стали вести трудовую жизнь. В с. Мерхеули (Сухумский уезд) бывший дворянин Г. Лакербай в 1929 г. имел 8 дес. земли и часть ее обрабатывал наемным трудом, а часть сдавал в аренду на кабальных условиях[2]. В том же селе дворянин Г. Хварцкия (до революции владел 380 дес. земли) в 1927 г. обрабатывал с помощью своих бывших арендаторов 3 дес. табачной плантации и 1,5 дес. кукурузы, а также с 15 других хозяйств получил арендную плату в размере 21 пуда табака[3]. «Арендаторы до того угнетены им,– сказано в материалах Совнаркома Абхазии, – что решили покинуть проживание на земле бывшего дворянина и переселиться на другое место; они постепенно продают свои постройки прибывшим из разных районов Сухумского уезда, но бывший хозяин старается завладеть бывшей своей земле и в будущем эксплуатировать ее. Некоторые крестьяне… согласовывали свою покупку с бывшим хозяином».[4] Князь В. Эмухвари, проживавший в том же селе, в 1929 г. имел 15 дес. земли (до революции владел 150 дес.), обрабатывал часть ее наемным трудом, а часть сдавал в аренду. Кроме того, с 14 хозяйств, находившихся на конфискованной его земле, он «скрыто получал арендную плату»[5]. Аналогичные факты, правда, в меньших масштабах, были вскрыты в с. Эшера. В той или иной мере подобное явление можно было наблюдать и в некоторых других селах Абхазии.

Стремясь сохранять свое экономическое и политическое влияние в деревне, бывшие князья и дворяне умело использо-

---

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 39, лл. 71-72.
[2] ПААО КП Грузии, ф. I, он. 2, д. 265/1, л. 159.
[3] Там же, л. 150.
[4] Там же.
[5] Там же.

вали местные обычаи и псевдородственные отношения, а также недостатки в работе местных советов и общественных организаций села, слабую организованность бедноты.

26 сентября 1929 г. Пленум ЦК КП(б) Грузии обсудил вопрос «О состоянии и работе Абхазской организации», и в целях ликвидации остатков помещичье-дворянского землевладения и экономического влияния бывших князей и дворян предложил Абхазскому обкому «немедленно приступить к отбиранию земель у всего нетрудового населения»[1]. Руководствуясь этим решением, Абхазский обком партии с осени 1929 г. принимает меры по ликвидации остатков помещичье-феодальных отношений в деревне. Было решено отобрать земли у всех нетрудовых землепользователей – бывших дворян и князей, не перешедших к трудовому образу жизни, и у других нетрудовых хозяйств. Советским и земельным органам и местным партийным и общественным организациям предлагалось немедленно приступить к подготовительной работе и до весны 1930 г. завершить изъятие земель и передачу их в фонд коллективизации.

Перед осуществлением намеченного мероприятия была проведена большая подготовительная работа по разъяснению крестьянам поставленных задач, по разоблачению агитации вражеских сил деревни. Вопрос об изъятии земель предварительно тщательно обсуждался группами бедноты, а там, где их не было, инициативными группами. Они выявляли нетрудовых землепользователей, составляли списки бывших дворян и князей, не перешедших на трудовую жизнь, служащих, потерявших связь с землей (проживающих в городе и сдавших землю в аренду), торговцев-спекулянтов, не обрабатывавших земли своими силами, и многоземельных кулаков. Эти списки обсуждались на собраниях партийных ячеек, общественных организаций, а затем на общих собраниях крестьян. В ходе обсуждения списки дополнялись и уточнялись. На собраниях выявлялись случаи купли-

[1] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. I, ч. III, д. 2960, л. I.

продажи земли. Общие собрания крестьян принимали решения об изъятии земель у нетрудовых элементов и об урезке земель у кулаков.

Важное значение в борьбе с нетрудовым землепользованием имело постановление СНК Абхазии от 2 января 1930 года «О ликвидации остатков помещичьего княжеско-дворянского землевладения и изъятии земель из нетрудового землепользования». Оно предлагало в ударном порядке ликвидировать нетрудовое землепользование. Были созданы уездные и сельские комиссии по изъятию земель, возглавляемые председателями Советов. Они руководствовались инструкцией Наркомзема Абхазии о порядке изъятия земель из нетрудового пользования[1].

В первой половине января 1930 г. только в с. Эшера было решено отобрать землю полностью или частично у 70 хозяйств. В Константиновском районе (Сухумский уезд) у нетрудовых хозяйств было изъято 250 дес. земли, в с. Линдау этого же уезда у 29 хозяйств отобрано 60 дес.[2]. В начале 1930 г. от бывших князей и дворян было изъято более 900 дес. земли. Эти земли не подлежали распределению среди индивидуальных хозяйств, зачислялись в фонд коллективизации.

Мероприятия по ликвидации остатков феодально-помещичьих земельных отношений были направлены против той части бывших князей и дворян, которая не перешла к трудовому образу жизни и сдавала свою землю в аренду или обрабатывала ее наемной рабочей силой. Трудовые же хозяйства, обрабатывавшие свои участки силами своей семьи, не прибегавшие к эксплуатации наемного труда и не проводившие активную антисоветскую работу, не были затронуты.

В конце 1929 г. и в начале 1930 г. земельные излишки отбирались у кулаков. Лишение землепользования применялось по преимуществу за прямые нарушения советских законов, в ка-

[1] Газ. «Советская Абхазия», 3 января 1930 года.
[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 265/1, лл. 157–158.

честве меры борьбы против наиболее злостных кулацких элементов. Не являясь еще экспроприацией кулачества, это мероприятие непосредственно подводило к ликвидации деревенской буржуазии как класса.

Мероприятия по ликвидации остатков княжеско-дворянского землевладения и нетрудового землепользования вызвали обострение классовой борьбы. В начале января 1930 г. на совещании Сухумской уездной комиссии по изъятию земель докладчики с мест говорили об ожесточенном сопротивлении классовых врагов, о повышении активности бедноты, об укреплении бедняцко-середняцкого союза. Перед лицом наступления социалистических элементов кулаки и бывшие дворяне и князья стали блокироваться в единую политическую силу против бедняцко-середняцкой массы деревни. Они вели агитацию среди трудящихся крестьян под лозунгами «сегодня отбирают землю у нас, а завтра и у вас», «настанет и ваша очередь», «сегодня объединяют землю, а завтра выстроят общую казарму и загонят туда всех и получится неразбериха, где и кто твоя и кто чужая жена»[1]. В с. Эшера кулаки созвали свое собрание и подговорили одного бедняка провалить собрание бедноты, за что ему было предложено 200 руб. Но эта попытка была сорвана[2]. Кулаки, бывшие дворяне и князья повсюду оказывали яростное сопротивление изъятию нетрудовых земель. Однако бедняки и середняки под руководством партийных организаций энергично разоблачали махинации враждебных сил, включались в активную борьбу с эксплуататорами.

Таким образом, в ходе изъятия земель из нетрудового пользования в деревне разыгралась ожесточенная борьба. Своеобразие этой борьбы определялось тем, что Советская власть, изымая земли из нетрудового пользования и урезывая земельные излишки, наносила удар одновременно и по кулаку, и по остаткам помещичье-феодального класса. В новых условиях кулаки

[1] Там же, д. 300/3, л. 118.

[2] ПААО КП Грузии, ф.1,оп.2/я. 265/1 л.57.

и бывшие дворяне и князья оказались в одном лагере, они выступали вместе против бедняцко-середняцкого крестьянства. В обострившейся борьбе укреплялся союз бедняцко-середняцкой массы. Это было подчеркнуто в резолюции президиума Абхазского обкома КП(б) Грузии, который 21 января 1930 года обсудил вопрос об изъятии земель из нетрудового землепользования и одобрил предварительные данные хода этой работы. В решении президиума говорилось: «Решительные мероприятия партии и власти по изъятию земель из нетрудового пользования, по развертыванию наступления на капиталистические элементы абхазской деревни дали положительные результаты, выражающиеся в мобилизации батрацко-бедняцко-середняцких масс вокруг этих мероприятий, вскрыв подлинное лиц в классового врага в деревне, оказывающего бешеное сопротивление и пытающегося, использовать слабые участки нашей работы в целях срыва намеченных темпов реконструкции сельского хозяйства»[1].

XII Абхазская областная партийная конференция в числе важнейших достижений в области деревенской работы отметила ликвидацию остатков помещичье-феодальных земельных отношений и общее усиление наступления на капиталистические элементы, путем решительной борьбы с куплей-продажей земли и изъятия излишков земли у кулаков. В резолюции, принятой по отчету обкома, предлагалось продолжить работу по «полному искоренению феодально-помещичьих отношений в деревне», вести «дальнейшую решительную борьбу с куплей-продажей земли»[2].

Зимой и весной 1930 г. изъятие земель из нетрудового пользования было завершено. На этой основе были ликвидированы остатки феодально-помещичьих земельных отношения и значительно подорваны капиталистические элементы в деревне. Тем самым была ослаблена экономическая база враждебных классовых сил и создан дополнительный земельный фонд для бедняц-

[1] Там же, д. 300/3, л. 119

[2] «Абхазская организация...», с. 211

ко-середняцких масс, объединявшихся в колхозы. Значительная часть деревенской бедноты и середнячества была освобождена от помещичьей и кулацкой эксплуатации, созревали условия для дальнейшего укрепления позиций батрачества и бедноты в деревне и упрочения их союза с середняком. Все это облегчало переход трудящихся крестьян от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному хозяйству.

Таким образом, советская земельная политика в Абхазии учитывала особенности исторического прошлого, уровень социально-экономического и культурного развития края, его физико-географические условия. В ряде мест, несмотря на конфискацию помещичьих земель, сохранились остатки патриархально-феодального уклада. Однако эти остатки в доколхозной деревне носили пережиточный характер. Для их преодоления не потребовалось проведения особой земельной реформы, как это было сделано в среднеазиатских республиках. Пережитки феодального уклада, помещичье-феодальных отношений в абхазской деревне, как и в некоторых других местах Кавказа (например, в Дагестане), успешно и окончательно были ликвидированы с началом процесса коллективизации.

2. Сельскохозяйственная техника

Материально-техническая база миллионов мелких и мельчайших единоличных крестьянских хозяйств нашей страны, полученная в наследство Советской властью, была самой отсталой и примитивной. В основе мелкого производства лежало применение по преимуществу ручного труда. Поэтому с первых лет Советской власти перед Коммунистической партией остро встал вопрос о создании новой материально-технической базы для сельского хозяйства. «...Чудеса техники, – говорил В. И. Ленин, – должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства – земледельческого... Наша обязанность и долг

направить их на то, чтобы самое отсталое производство, земледельческое, сельскохозяйственное, поставить на новые рельсы, чтобы его преобразовать и превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники»[1].

Состояние технической оснащенности сельского хозяйства Абхазии и первые сдвиги в результате работы Советской власти были зафиксированы сельскохозяйственной переписью 1923 г. Материалы переписи содержат данные о составе сельскохозяйственного инвентаря и о распределении его по уездам (см. таблицу 5).

Как свидетельствуют данные переписи, обеспеченность крестьянских хозяйств сельскохозяйственными машинами и орудиями была крайне низкой. 9,2 тыс. хозяйств не имели пахотных орудий вообще, 26,2 тыс. хозяйств были лишены транспортного инвентаря. В составе пахотного инвентаря абсолютно преобладали традиционная крестьянская соха и деревянный плуг – 37,6 тыс. единиц из 21,3 тыс. Более совершенных железных плугов насчитывалось всего 3,7 тыс. единиц. Показательно также, что в сельском хозяйстве республики использовалось всего 4,5 тыс. борон, в там числе 3,1 тыс. «местных» и меньше 1,4 тыс. железных. Других орудий практически не было.

Тяга крестьян Абхазии к усовершенствованной, более производительной технике нашло выражение в изменениях состава пахотного инвентаря, наблюдавшегося из года в год. В крестьянских хозяйствах местная соха стала интенсивно вытесняться усовершенствованным инвентарем. Число железных плугов в 1926 г. по сравнению с 1923 г. увеличилось на 53,7%, в 1927 г. – на 79,4% и з 1929 г. – на 145%[2]. Снабжение деревни усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем особенно усилилось в период непосредственной подготовки коллективизации. Об этом свидетельствуют и многочисленные документы коопе-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 358.

[2] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 11; там же, ф. 100, оп. 1, д. 187, л. 9.

ративных и земельных органов, заявки и просьбы об отпуске им железных плугов. Возможности полностью удовлетворить эти возрастающие потребности крестьянских хозяйств еще не было, что ограничивало использование в абхазской деревне усовершенствованного инвентаря. В 3929 г. на 345000 крестьянских хозяйств приходилось 9205 железных плугов[1], т. е. на каждые 3,7 хозяйства один плуг.

Если в дореволюционной абхазской деревне железный плуг был редкостью, то в первые годы Советской власти он получил заметное распространение[2]. Удельный вес железных плугов в общем количестве пахотного инвентаря крестьянских хозяйств в 1926 г. составлял 19,5%, а в 1929 г. – уже 26,8%. Продолжало расти и количество деревянных плугов при одновременном сокращении использования примитивной местной сохи[3]. Так, с 1927 г. по 1929 г. деревянных плугов увеличилось с 5,9 тыс. до 6,4 тыс. штук, а число сох сократилось с 16 тыс. до 12 тыс. штук[4]. К началу коллективизации соха еще не была вытеснена. Этим примитивным пахотным орудием пользовались не менее 1/3 часть крестьянских хозяйств. И в дальнейшем, объединяясь в коллективные хозяйства, крестьянам в первое время во многих случаях приходилось обрабатывать свои колхозные земли сохой.

---

[1] Там же, ф. 100, оп. 1, д. 187, л. 9.

[2] Профессор Т. К. Кварацхелия в 1930 г. в работе «Сельскохозяйственные районы Абхазии» писал: «В 1914 году я еще застал такое положение, когда в двух южных уездах, составляющих половину Абхазии, был один всего легкий однолемешный плуг. Крестьяне плуг и даром не брали и даже даром не позволяли агрономам распахивать плугом свои участки, боясь испортить почву глубокой вспашкой и переворачиванием пластов. Со временем эта косность была агрономами преодолена и в настоящее время довольно большой процент плугов и сеялок вращается среди крестьян». (См. «Известия Абхазской сельскохозяйственной станции», № 40, Сухуми, 1930, с. 63)

[3] Следует отметить, что несмотря на постепенное увеличение числа плугов, количество сох в абхазской деревне с 1923 г. по 1927 г. не только не сократилось, а наоборот, имело тенденцию роста. Лишь с 1927 г., в связи с усилением внедрения в деревне железных плугов, началось уменьшение их количества.

[4] ЦГАА, ф. 100, оп. I, д. 187, л. 9.

Таблица 5

Наличие сельскохозяйственного инвентаря по уездам Абхазии по переписи 1923 г. (в абсолют, штуках)[1]

Наименование уездов	Плуги		Сохи	Бороны		Опрыскиватели	Виноградные прессы	Количество хозяйств без пахотных орудий	Количество хозяйств без транспортного инвентаря	Всего крестьянских хозяйств
	деревянные	железные		местные	железные					
Гагринский	22	297	12	3	209	1	-	10	849	1071
Гудаутский	65	672	3098	7	358	13	874	176	3760	4866
гумистинский (Сухумский)	368	2244	1040	190	682	19	13	5963	7831	9439
Кодорский (Очамчырский)	1150	512	3543	2643	106	1	-	1086	4856	5497
Самурзаканский (Гальский)	42	21	8231	222	4	3	1	1986	8903	10028
Итого по Абхазии	1647	3746	15924	3128	1359	37	888	9221	26199	30901

1 «Сельскохозяйственная перепись 1923 г. Темские итоги», ч. I, Тифлис, 1925, с. 468–489.

В рассматриваемый период в результате мер, осуществленных Советской властью, не только улучшилась техника обработки земли, но и повысилась обеспеченность крестьян пахотными орудиями. В 1923 г. 30% крестьянских хозяйств не имело пахотного инвентаря, а в 1928 г. – 15,8%[1].

С 1928 г. в системе сельскохозяйственной кооперации на территории Абхазии стали создаваться прокатные пункты, обслуживавшие, прежде всего, маломощные, безинвентарные хозяйства. Весной 1928 г. в республике действовало 9 прокатных пунктов, а в 1929 г. – 14 (с 48 подпунктами). Они предоставляли крестьянам на прокат железные плуги и другие усовершенствованные орудия. Прокатные пункты сыграли важную роль в высвобождении маломощных хозяйств из-под зависимости от кулаков, использовавших свой инвентарь для закабаления бедноты. Прокатные пункты давали индивидуальным хозяйствам возможность воспользоваться преимуществами усовершенствованной техники и поднимать производство, позволяли им некоторое время развиваться еще в условиях мелкого частнособственнического хозяйства.

В эти годы растет количество тракторов в сельском хозяйстве Грузии. В 1926 г. в республике было 80 тракторов, а к осени 1929 г. более 340[2]. В том числе в Абхазии в 1926 г. имелось 6, в 1928 г. – 8 и 1929 г. – 9 тракторов[3]. Из них один принадлежал тракторному товариществу, а остальные – совхозам[4].

Крестьяне на опыте работы тракторов в совхозах знакомились с машинной обработкой земли, видели ее преимущества и обращались к совхозам за помощью. Об этом трест народных имений в сентябре 1927 г. сообщал Абтабсоюзу следующее:

---

[1] «Статистический справочник. 1927», с. 36; ЦГАА, ф. 100, оп. I,. д. 187, л. 9.

[2] А. Нуцубидзе. Сельское хозяйство Грузинской ССР в 1926–1929 гг., с. 148–149.

[3] ЦГАА, ф. 100, оп. I, д. 187, л. 9.

[4] В 1929 г. в Грузинской ССР было 6 тракторных колонн с 109 тракторами и 4 МТС с 133 тракторами. (См. А. Нуцубидзе, там же, с. 151–152).

«Трест народных имений, вводя в своих совхозах, в том числе в племхозе «III Интернационал», тракторную обработку полей, получает многочисленные заявки крестьян о желании обработать трактором и их поля, что обходится им дешевле...»[1]. Совхозы шли на помощь беднякам и середнякам. Они в прилегающих районах производили вспашку крестьянских земель на льготных условиях. В апреле 1928 г. газета «Заря Востока» писала: «Трестом народных имений Абхазии переброшены на вспашку крестьянских полей шесть тракторов. Крестьяне безлошадники охотно пользуются тракторами. На днях трест, получает от Наркомзема Грузии седьмой трактор, который также будет использован для крестьянских запашек»[2]. Таким путем крестьянство знакомилось с передовой сельскохозяйственной техникой, бедняцко-середняцкая масса постепенно наглядно убеждалась в ее экономической выгоде.

В доколхозной абхазской деревне получили незначительное применение и некоторые другие в прошлом здесь мало известные сельскохозяйственные орудии и машины, такие, как сеялки кукурузные, веялки-сортировки, окучники пропашные, сенокосилки, соломорезки, сепараторы, опрыскиватели, виноградные дробилки и другие[3]. Отдельные экземпляры этих орудий в Абхазии появились еще перед войной 1914 г. Но тогда они встречались только в переселенческих селениях – Бамбора (Гудаутский уезд), Гнаденберг, Найдорф, Линдау, Эстонка, Владимировна (Сухумский уезд) и др., притом исключительно в кулацких и зажиточных середняцких хозяйствах[4]. Советская власть эти орудия пропагандировала среди бедняцких и середняцких хозяйств во всех важнейших сельскохозяйственных районах через прокатные пункты кооперации. В результате рас-

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 150, л. 51

[2] «Заря Востока», № 93, 22 апреля 1928 года.

[3] ЦГАА, ф. 100, оп. I, д. 187.

[4] А. А. Олонецкий. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 года, с. 70–71

ширилась география их распределения. Изменился также социальный состав хозяйств, пользовавшихся усовершенствованными орудиями.

Таким образом, к началу коллективизации по сравнению с первыми годами Советской власти произошли заметные сдвиги в улучшении состава сельскохозяйственных орудий, повысилась обеспеченность инвентарем, появилась новая машинная техника. Но в целом сельскохозяйственная техника оставалась пока еще очень отсталой, особенно в свете новых задач и перспектив дальнейшего развития сельского хозяйства. Орудиями обработки почвы в большинстве случаев служили соха, деревянный плуг и мотыга.

Обработка десятины земли (двойная пахота – предпосевная и посевная) требовала при существовавшей технике 8–10 дней работы пары волов или буйволов при двух или одном рабочем. В сведениях Наркомзема Абхазии, представленных в 1925 г. уполномоченному ЦК РКП(б), говорится, что «обработка земли на склонах под табак и, отчасти, под кукурузу производится мотыгами или перекопочными вилами»[1]. Такое положение сохранилось в отдельных местах вплоть до начала коллективизации. В деревне еще господствовал тяжелый физический труд[2]. Отсталая техника обработки земли сохой, волокущей, мотыгами, очень часто молотьба кукурузы на ручных мельницах и кро-

[1] ПААО КП Грузин, ф. I, оп. 2, д. 169/2, л. 31.

[2] Следующие слова И. Серебрякова в отношении грузинского плуга, являвшегося значительно более совершенным орудием, чем абхазская соха, к последней применимы в еще большей мере: «Грузинский плуг не мог бы перевернуть пласты земли, несмотря на длину своего ствола, выскакивая из борозды, не мог бы он отделять равномерный пласт, если бы не пособлял ему сам пахарь, то придавливая ногою заднюю часть плуга, то поднимая его рукояткою, то наклоняя весь плуг направо или отпихивая ногой пласт земли, чтобы предупредить обратное падение его в борозду. И сколько трудов, сколько усилий стоит это пахарю! Сколько он должен иметь терпения и физической силы, чтобы хорошо вспахать землю! После этого не удивительно, что хорошо вспаханное поле здесь редкость». Цитируем по книге П. В. Гугушвили. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв., т. III, Тбилиси, 1950, с. 8.

шение кукурузы в корзинах при помощи колотушек вызывали большие затраты труда, делали труд нерациональным.

Железный плуг, пропагандировавшийся и внедрявшийся в сельское хозяйство, по сравнению с примитивной сохой, безусловно являлся новым и более производительным. Но и он предполагал ручной труд и был рассчитан на мелкое хозяйство. В деревне Абхазии накануне коллективизации только начиналось использование машинной техники. Новую материально-техническую базу, необходимую для объединения мелких хозяйств в обобществленное крупное, предстояло создавать в ходе коллективизации. Таким было положение и по Грузии в целом. ЦК ВКП(б) в постановлении от 3 сентября 1928 г. указал на «особую отсталость форм обработки земли в Грузии, распространенность в большинстве районов сох и мотыги» и поставил задачу «развернуть широкую работу по переходу к улучшенным формам обработки земли (плуг, машина)»[1].

Усилившееся накануне коллективизации снабжение крестьян, улучшение классовой направленности распределения сельскохозяйственного инвентаря и увеличение кредитов на его приобретение, организация обслуживания бедняцко-середняцкой массы крестьянства через прокатные пункты и другие меры содействовали росту производительных сил деревни, дальнейшему развитию и укреплению производственной смычки, как объективной основы союза рабочего класса и трудящихся крестьян.

3. Сельскохозяйственное производство

Аграрные преобразования Советской власти, систематическая материальная помощь Советского государства бедняцко-середняцким хозяйствам (снабжение сельхозинвентарем, кредиты и т. п.), меры по улучшению агротехники земледелия и др.,

[1] Заря Востока», № 211, 12 сентября 1928 года.

а также материальная заинтересованность крестьян в расширении своих хозяйств, созданная новой экономической политикой, обеспечили быстрое восстановление сельского хозяйства.

К 1926 г. в Абхазии в основном было завершено восстановление производительных сил сельского хозяйства. Особенно быстро восстанавливалось табаководство. В 1925 г. был превзойден дореволюционный уровень табачного производства. Однако это был уровень одной из отсталых окраин царской России.

Восстановление сельского хозяйства не было простым доведенном показателей его развития до довоенного уровня. Оно сопровождалось значительными внутренними изменениями его социальной структуры. Отчетливо проявился новый путь развития деревни – путь укрепления и консолидации основной массы среднего крестьянства, хозяйственного подъема бедноты и постепенного ограничения и вытеснения кулачества. Возникли первые очаги социалистического хозяйства в деревне – совхозы и колхозы. Развивались простейшие формы сельскохозяйственной кооперации. Росла государственная и кооперативная торговля, а частная постепенно все более вытеснялась из товарооборота. Все это меняло содержание и характер процесса хозяйственного возрождения деревни.

Характеризуя развитие сельского хозяйства СССР, XV съезд партии отметил «общий подъем сельского хозяйства по всем отраслям: и в области зернового хозяйства, и в области технических культур, и в области животноводства. Несомненно, рост техники и культуры сельского хозяйства...»[1].

В годы, предшествовавшие массовой коллективизации, все отрасли сельского хозяйства Абхазии получили дальнейшее развитие. Выросли площади под многолетними и однолетними культурами. В 1917 г. они составляли 54281 га, в 1926 г. – 49396

[1] «КПСС в резолюциях...», т. IV, с. 53.

га[1], в 1928 г. – 59051 га и в 1929 г. – 62232 га[2], иначе говоря в 1929 г. они увеличились по сравнению с 1917 г. на 14,6%, а с 1926 г. – на 28,2%.

Продолжали расти площади всех основных культур. Об этом свидетельствуют данные таблицы 6. Посевы кукурузы к 1929 г. превысили уровень 1917 г. на 3,4%, а уровень 1926 г. – на 10,5 %. Более быстрыми темпами росли плантации табака – этой наиболее трудоемкой культуры. В 1929 г. табачная площадь на 39,5% была больше, чем в 1917 г. и на 10,6% больше, чем в 1926 г. В крестьянских хозяйствах получили развитие такие новые культуры, как чай, мандарины и хлопок. В совхозах внедрялись некоторые ценные технические культуры, в том числе совершенно новые для Абхазии – эфироносы, арахис, бамбук и другие. Таким образом, рост общего размера площадей сопровождался дальнейшими изменениями их структуры в сторону увеличения доли технических культур и фруктовых садов. Увеличение посевных площадей под технические культуры стимулировалось развитием пищевой и легкой промышленности. При помощи налоговой политики и политики цен, контрактации и кредитования Советское государство воздействовало на развитие сельского хозяйства в должном направлении, исходя из народнохозяйственных задач.

Таблица 6

Площади важнейших сельскохозяйственных культур Абхазии в 1917, 1923, 1926-1929 гг. (в га)[3]

Культуры	1917 г.	1923 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Кукуруза	35 368	34 096	33 096	30 775	36 631	36 592

[1] П. И. Поляков. Краткий статистико-экономический очерк сельского хозяйства ССР Абхазии. «Известия Абхазской сельско-хозяйственной опытной станции», № 40, Сухум, 1930, с. 40.

[2] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 25, л. 4.

[3] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 25, л. 4; Статистический справочник. 1927». с. 20-25.

Табак	9 295	4 370	11 726	12 236	11 919	12 969
Чай	1	1	1	30	337	851
Мандарины	Сведений нет				73,5	704, 5
Виноградники	4 379	2 209	1 818*	3 000	3 835	4 253
Овощи	Сведений нет				320	790

С ростом посевных площадей увеличились сборы урожая. Был достигнут рост продукции табаководства – этой основной тогда товарной отрасли сельского хозяйства республики. В 1925 г., когда табаководство было восстановлено, и в последующие годы валовой сбор табака превышал уровень 1917 г. (6755,2 т.). До революции за пять самых высокоурожайных лет – в 1909–1913 гг., в Абхазии было собрано табака 36475,6 т[1], а за пять лет Советской власти – в 1925–1929 гг. – было собрано 42797 т[2].

Однако в рассматриваемый период наблюдались колебания урожайности табака с определенной тенденцией к снижению, что значительно ослабило эффективность от увеличения площади. Средний урожай табака в 1925 г. составил 8 ц с га, в 1926 г. – 8,7 ц, в 1927 г. – 7,0 ц, в 1928 г. – 7,0 ц и в 1929 г. – 5,3 ц[3]. Средняя урожайность табака в 1927–1929 гг. была ниже дореволюционного уровня. Падению урожайности способствовали неблагоприятные климатические условия 1927 и особенно 1929 г. и то, что в табаководство включилось большое количество новых крестьян, мало или вовсе незнакомых с возделыванием табака. Но основная причина падения урожайности лежала в изменениях социально-экономической структуры сельскохозяйственного производства. До революции табаководство развилось в основном в рамках крупного кулацкого хозяйства, а в советской

[1] «Статистический справочник, 1927», с. 90.

[2] Архив Абхазского государственного музея, д. 126, л. 209.

[3] Там же.

* Сокращение площади виноградников было вызвано гибелью их от филоксеры.

доколхозной деревне оно развивалось в рамках мелкого бедняцко-середняцкого индивидуального крестьянского хозяйства.

Советское государство всячески помогало мелким бедняцко-середняцким хозяйствам. С каждым годом по мере укрепления экономической мощи советского государства возрастала помощь мелкому трудовому крестьянскому хозяйству.

Табаководам Абхазии через кооперацию была оказана помощь кредитами и производственными материалами в 1926 г. в размере 2 328,2 тыс., в 1927 г. – 2 510,4 тыс. С началом контрактации денежная и материальная помощь еще более выросла и составила в 1928 г. – 2 805,5 тыс. руб., в 1929 г. – 3 297,1 тыс. руб., в 1930 г. – 5 099,3 тыс. руб.[1].

Улучшилось снабжение сельскохозяйственной техникой, усилилась агротехническая помощь. Развитие табаководства стимулировалось политикой цен, льготами по сельхозналогу, снабжением хлебом и промтоварами и т. д. Все эти мероприятия имели определенную классовую направленность. Они ограничивали развитие кулацких элементов, поддерживали бедняцко-середняцкие хозяйства, содействовали социалистическому пути развития деревни.

Мелкое хозяйство не могло эффективно использовать оказываемую ему помощь. Кредиты, отпускаемые на табаководство, маломощное хозяйство нередко вынуждено было расходовать на другие нужды и лишь частично использовало их по назначению. Индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства не могли организовать производство в крупных масштабах и поднять урожайность. Они все более обнаруживали свои ограниченные возможности в подъеме производства. В этом сказывалась неустойчивость мелкотоварного производства, невыгодность его как для самих производителей, так и для государства.

В эти годы были сделаны первые важные шаги в направлении специализации сельского хозяйства. Уникальные земли Абхазии с их исключительно ценными почвами, мягкий субтропический

[1] Там же, лл. 210–211

климат, продолжительный вегетационный период создавали благоприятные условия для развития ценнейших сельскохозяйственных культур, но эти возможности до революции фактически не использовались. Крестьянин имел свое, хозяйство стихийно, вслепую занимался испокон веков известными ему сельскохозяйственными культурами. Веками накопленная им практика не обобщалась.

Почвы Абхазии не исследовались. Не было произведено сельскохозяйственное районирование для рационального хозяйственного использования земельных угодий под ценные субтропические культуры. Фактически эта работа началась в Абхазии в 1925 г.[1]. В этом году под руководством почвоведа проф. С. А. Захарова было проведено маршрутное обследование почв всей прибрежной полосы Абхазии в нескольких направлениях[2]. Абхазская сельскохозяйственная опытная станция в 1927г. обследовала виноградные почвы Гудаутского уезда. По поручению треста «Чай-Грузия» проф. Д.П. Гедеванишвили в 1928г. подробно обследовал почвы под чай Кодорского и Гальского уездов. В 1929 г. на средства, выделенные СНК Абхазии, экспедиция Почвенного института Академии наук СССР обследовала почвы Кодорского и Гальского уездов, а Институт табаковедения произвел сплошное обследование Гагринского, Гудаутского и Сухумского уездов. В результате проведенных обследований была составлена почвенная карта Абхазии, в которой намечалось возможное распределение сельскохозяйственных культур и отраслей в будущем.

В связи с задачами социалистической реконструкции сельского хозяйства и перспективой внедрения высокоценных технических и субтропических культур неотложный практический

[1] Попытки изучения почв Абхазии были предприняты Я. Я. Вытиным еще в 1913 году, который произвел маршрутное обследование некоторых почв северной Абхазии (до р. Кодор).

[2] С. А. Захаров. Почвенно-географический очерк Абхазии. Отчет о маршрутном исследовании летом 1925 г. «Труды» Абхазского научного общества, т. II, Сухум, 1930.

характер приобретает научно-обоснованное сельскохозяйственное районирование Абхазии. Поэтому X Абхазская областная партийная конференция, обсудив доклад Н. Лакоба «О реконструкции сельского хозяйства», в своем постановлении в числе других главных задач признала необходимым: «Проведение в кратчайший срок экономического сельскохозяйственного районирования Абхазии, хотя бы в ориентировочном виде используя в этих целях имеющиеся данные почвенного обследования, метеорологических наблюдений и прочих научных и практических материалов, которые могут помочь в деле правильного выбора и размещения на территории Абхазии как существующих, так и вновь намечаемых культур»[1]. Эта задача была выполнена Абхазской сельскохозяйственной опытной станцией. В 1930 г. директор станции проф. Т.К. Кварацхелия издал работу о сельскохозяйственном районировании Абхазии[2]. В ней с учетом почвенных, климатических, топографических, а также физико-географических и экономических факторов давалось определение районов развития тех или иных сельскохозяйственных культур. Это имело большое значение для сельскохозяйственных и плановых органов, занимающихся специализацией и перспективным планированием, и для агрономов-практиков.

Важной отраслью сельского хозяйства Абхазии являлось животноводство. Его развитие за 1913, 1917, 1923, 1926–1929 гг. характеризуется данными, приведенными в таблице 7.

Из таблицы видно, что поголовье скота по всем видам (за исключением овец и коз) было восстановлено в 1926 г. общее поголовье окота превысило уровень 1913 г. на 15,9%. В последующие годы наблюдается более медленный рост его, а по некоторым видам даже уменьшение поголовья. Однако к началу коллективизации в Абхазии скота в целом было больше, чем в 1913 г.

---

[1] «Абхазская организация...», с. 180.

[2] Т.К. Кварацхелия. Сельскохозяйственные районы Абхазии. «Известия Абхазской сельскохозяйственной опытной станции», вып. 40, Сухум, 1930.

Таблица 7

Развитие животноводства в Абхазской ССР в 1913, 1917, 1923. 1926–1929 гг. (по всем категориям хозяйства)[1]

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот			Свиньи	овцы и козы	Всего скота
		Всего	в том числе				
			волы и буйволы рабочие	коровы и буйволицы			
1913	14 338	82 502	сведений нет		34 615	78 025	210 555
1917	16 042	133 042	22 837	59 506	39 423	57 382	242 658
1923	13 875	118 040	20 847	50 270	47 375	39 739	219 465
1926	16 003	141 298	27 797	59 474	41 207	44 808	244 039
1927	16 234	140 689	27 863	59 444	33 916	43 932	235 281
1928	Сведений нет						
1929	17 197	141 477	31 836	58 904	22 549	47 655	217 832
1930	19 097	161 902	33 062	63 073	42 696	40 535	264 501

В ходе восстановления животноводства значительно изменился его состав по видам. Заметно увеличился удельный вес крупного рогатого скота. В 1929 г. крупного рогатого скота имелось больше, чем в 1913 г. на 83,6% и в 1917 г.– на 5,7%. Число рабочих волов и буйволов в 1929 г. по сравнению с 1917 г. увеличилось на 39,4%. Особое место среди крупного рогатого скота занимают буйволы, заменяя одновременно и коров и волов. Их количество выросло с 20 477 голов в 1913 г. до 21 236 в 1927 г. и 22 195 – в 192,9 г. Лошадей увеличилось по сравнению с 1913 г.

[1] П. В. Гугушвили. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв., т. III, с. 838–839; «Статистический справочник. 1927», с. 25–28; ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 9, лл. 1, 2.

на 19,9% и с 1917 г. – на 1,7%[1]. Общий рост поголовья крупного рогатого скота и лошадей по сравнению с 1913 г. значительно перекрывал некоторое сокращение свиней и мелкого скота.

Сокращение поголовья овец и коз связано со спецификой развития этой отрасли животноводства в Абхазии. До революции барановодство было сосредоточено в основном в руках отдельных крупных хозяйств, занимающихся специально данной отраслью. Так, в абхазских селах Гудаутского участка в 1913 г. свыше 22 тыс. коз и овец принадлежало не более 100 крупным кулакам, которые и вели всю торговлю ими[2]. Такое же положение было и в другом районе барановодства – Кодорском и Самурзаканском участках[3]. В предгорной и горной зоне почти в каждой абхазской деревне было по 1–3 крупных кулацких хозяйства, имевших по 700–1000 и более коз и овец.[4]

В результате экономических мероприятий Советской власти значительно сократилось число крупных животноводческих хозяйств, уменьшились и их размеры. Проведенное Абсельсоюзом обследование выявило в 7 животноводческих селах Кодорского уезда (Ткварчели, Джгерда, Атара, Гуп, Члоу, Тхина, Поквеш) у 223 крупного скотовода 21,5 тыс. голов, т. е. в среднем по 97 голов у каждого; в 6 животноводческих селах Гальского уезда (Бедия, Чхортол, Окум, Саберио, Речхи, Гумуриши) у 200 пастухов было около 10 тыс. голов скота, т. е. в среднем по 50 голов[5]. В абхазской деревне крупных скотохозяев, владевших большими стадами коз и овец (в размере 400 голов и выше) уже почти не было. Но зато в бедняцко-середняцких хозяйствах увеличилось количество мелкого рогатого скота. Общее же сокращение поголовья овец и коз в доколхозной абхазской деревне произошло

[1] В условиях Абхазии лошади использовались в основном как средство передвижения, а не в качестве тягловой силы.

[2] А. А. Олонецкий. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г., с. 77..

[3] ЦГАА, ф. 58, д. 23, л. 12

[4] Ц.Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки, с. 87.

[5] ЦГАА, ф. 61, д. 73, л. 9.

за счет уменьшения размеров стада в наиболее крупных хозяйствах.

Характерно, что в доколхозной абхазской деревне вплоть до 1927 г. замечается рост удельного веса овец в составе мелкого рогатого скота посравнению с дореволюционным периодом. В 1916 г. в Абхазии имелось коз 29,1 тыс. голов и овец 21,5 тыс.; в 1917 г. – соответственно 31,2 тыс. и 25,7 тыс. голов[1], т. е. в эти годы поголовье коз преобладало в стаде мелкого рогатого скота, а в 1927 г. овец имелось 23,4 тыс. и коз 20,5 тыс. голов[2]. Некоторый рост овцеводства в первые годы Советской власти был вызван усилением ручного кустарного ткацкого производства из-за недостатка фабричных тканей в связи с разрухой в промышленности в результате гражданской войны. В этих условиях скотоводы стремились увеличить поголовье овец в стадах мелкого рогатого скота как более товарного[3].

Анализ состояния сельского хозяйства показывает, что накануне коллективизации в Абхазии было больше посевных площадей, собирались большие урожаи, имелось большее количество скота, чем до революции. Валовая продукция сельского хозяйства Абхазии в 1928 г. была выше уровня 1917 г. (в сопоставимых ценах) на 33,7%[4]. На базе мелкотоварного индивидуального хозяйства сельское хозяйство продолжало развиваться.

Так было не только в отдельных республиках, но и в стране в целом. Сельское хозяйство СССР, прежде всего производство зерна накануне коллективизации было выше, чем в довоенной буржуазно-помещичьей России. Обострение зерновой проблемы в конце 20-х годов произошло не в результате сокращения или прекращения роста сельскохозяйственного производства,

[1] П.В. Гугушвили. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв., т. III, с. 839.

[2] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 9, л. 1.

[3] Ц.Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки, с. 88.

[4] ЦГАА, ф. 100, оп. I, д. 187, л. 13; «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов». Сухум, 1931, с. 22.

а в результате колоссального увеличения потребностей страны, приступившей к индустриализации.

Успехи сельского хозяйства страны в целом, в том числе и бывших отсталых окраин царской России, наглядно свидетельствовали о величайшем значении Октябрьской революции для развития деревни. Эти успехи полностью опровергли утверждения правых оппортунистов, выдвинувших ложное положение о якобы начавшейся «деградации» сельского хозяйства. Эти измышления понадобились им для оправдания попыток подменить линию партии в деревне, рассчитанную на социалистическую перестройку сельского хозяйства, оппортунистической линией, направленной на развитие кулацкого хозяйства в деревне.

Вместе с тем при общем росте сельского хозяйства в рассматриваемые нами годы стало выявляться несоответствие темпов его развития с быстро нарастающими темпами роста социалистической промышленности и городского населения. Сельское хозяйство развивалось более медленно, чем промышленность, причем если промышленность ускоряла темпы своего развития, то сельское хозяйство, наоборот, развивалось более замедленными темпами. Это было отмечено в резолюции XVI партийной конференции (23–29 апреля 1929 г.): «Если в восстановительный период быстрый подъем мелкого индивидуального хозяйства был достигнут, в первую очередь, за счет освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель, то при завершении в основном восстановительного периода выявляются ограниченные возможности развития мелкого хозяйства и в особенности роста его товарности при данных его размерах и способах производства[1].

Главная причина более медленного развития сельского хозяйства, его отставания от промышленности лежала в социально-экономической структуре сельскохозяйственного производства – в наличии мелкого индивидуального крестьянского хо-

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 208.

зяйства, производственные отношения которого не давали простора для развития производительных сил не только в деревне, но и во всей стране.

Мелкое и раздробленное крестьянское хозяйство основывалось на частной собственности на средства производства (кроме земли, которая была национализирована и передана в пользование крестьянам). Оно базировалось на примитивной технике и ручном труде, не имело возможности использовать современные машины, часто не обеспечивало даже простого воспроизводства. Все более сказывались ограниченность возможностей мелкого крестьянского хозяйства, его неспособность обеспечить увеличение сельскохозяйственного производства в масштабах, необходимых для решения задач строительства социализма.

Действительный подъем сельского хозяйства мог быть достигнут только на базе его коренной социалистической реконструкции.

Глава третья

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ

1. Социальная структура и социальные отношения

В изучении общественных классов, их развития в прошлом и настоящем особое место занимает анализ их социальных отношений в совокупности в качестве системы. В конечном итоге именно система социальных отношений и связей определяет место человека в обществе и его социальный облик. Через систему социальных, прежде всего производственных отношений, раскрывается и сущность, характер и место классовых групп и слоев. Крестьянство, выступавшее как единый, достаточно однородный класс-сословие в докапиталистических обществах, в условиях товарно-капиталистической перестройки аграрных отношений подвергается расслоению. Из его среды начинают выделяться и играть все более важную роль новые классовые группы – сельского пролетариата и буржуазии. Без классового анализа развития крестьянства, без исследования его дифференциации на классовые слои буржуазного общества и отношений, складывавшихся между этими слоями не может быть действительно научной истории деревни. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость классового подхода к крестьянству. «...Разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, – крестьянина работника от крестьянина торгаша, – крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении вся суть социализма», – писал В. И. Ленин в конце 1919 г.[1].

В. И. Ленин вскрыл и обосновал характер и особенности расслоения крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. При капитализме неизбежно происходит разорение основной массы крестьянства, «раскрестьянивание», т. е. размывание и уничтожение крестьянства как класса путем непрерывного выделения из него крайних групп – батраков и кулаков. В условиях диктатуры пролетариата осуществляется процесс консолидации и роста средних слоев крестьянства, осереднячивание и хозяйственный подъем деревни. Эта общая закономерность советской деревни действовала вплоть до сплошной коллективизации.

Советская историческая наука имеет значительные успехи в изучении конкретных социально-экономических процессов, происходивших в советской доколхозной деревне. Исследуются социальная структура и социальные отношения крестьянства, проводится работа по выявлению масштабов и динамики имущественной и социальной дифференциации крестьянства, по определению характера социально-экономических отношений классовых групп между собой, с другими классами общества, с Советским государством. Установлены основные этапы процесса социально-экономического расслоения деревни, на основе исследования государственного регулирования этого процесса более четко раскрывается механизм социального развития деревни в 20-х годах[2].

---

[1] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 277.

[2] См. В.П. Данилов. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки», т, 55, 1956; Его же. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963; Ю.А. Поляков. В.И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. «Из истории революционной и государственной деятельности В.И.Ленина». Сб. статей. М., 1960; Его же. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; С.П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I, М., 1974; А.И. Колмыкова. О некоторых вопросах расслоения деревни в годы восстановительного периода

В различных национальных республиках и областях страны степень расслоения крестьянства и соотношение социальных групп были различными в зависимости от уровня экономического развития их ко времени победы революции. Социально-экономические процессы везде определялись единой для всей страны экономической политикой социалистического государства (земельной, кредитной, налоговой, кооперативной и т. д.), но местные экономические и исторические условия, как это показали исследования советских историков оказывали воздействие на темпы осереднячивания, на состав и соотношение классовых сил в деревне[1].

Каково было соотношение социально-экономических групп крестьянства в абхазской деревне после восстановления сельского хозяйства? В очень обобщенном виде ответ на этот вопрос дали рассмотренные выше материалы переписи населения 1926 г. Другим ценным материалом массового характера, позволяющим исследовать социальную структуру деревни, являются данные Наркомфина по обложению крестьянских хозяйств единым сельскохозяйственным налогом. Эти данные в некоторых отношениях дефектны, как все данные, собираемые в фискальных целях. Крестьянство финансовым органам не всегда давало точные сведения. Данные Наркомфина являлись пре-

(1921–1925 гг.). «Вестник МГУ». Серия IX, 1960, № 3; М. М. Выборов. Регулирование социально-экономических отношений в сибирской деревне в восстановительный период. «Крестьянство и сельское хозяйство в Сибири в 1917–1961 гг.». Сб. статей. Новосибирск, 1965; «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970 гг.)», М., 1973 и др.

[1] См. Г.Ф. Дахшлейгер. Социально-экономические преобразование в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.), Алма-Ата, 1965; Р. Х. Аминова. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент, 1965; Г.Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965; В.П. Шерстобитов. Новая экономическая политика в Киргизии, Фрунзе, 1964; Н.Я. Гущин. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; П.Н. Ломашвили. Великий переворот. Тбилиси, 1972; Р.Г. Кочламазашвили. К истории изучения социально-экономического характера крестьянских хозяйств Грузии. «Вопросы истории Советской Грузии», Тбилиси, 1967.

уменьшенными не только от недочета объектов обложения, но и от того, что некоторые культуры были освобождены от сельхозналога (чай, шелководства и др.). Эти преуменьшения могли иметь место во всех социальных группах, но едва ли могут быть сомнения в том, что в зажиточных хозяйствах они были и систематичнее и значительнее по масштабам. (Налог был прогрессивным: бедняцкие хозяйства не облагались или облагались по пониженным ставкам, а зажиточно-кулацкие – по повышенным ставкам). Данные налогового обложения обладают и многими достоинствами. Прежде всего это единственный (после данных переписи населения 1926 г.) материал, поручаемый путем сплошной переписи всего сельскохозяйственного населения.

В 1928 г. ЦСУ Грузии использовал материалы Наркомфина о размерах условно-чистого дохода каждого индивидуального хозяйства для определения расслоения крестьянства в грузинской деревне. При этом ЦСУ руководствовалось теоретическими положениями В. И. Ленина, изложенными в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», где он подробно разбирает вопрос о группировке крестьянских хозяйств по размеру дохода. «Группировка по величине стоимости продуктов фермы, – пишет В. И. Ленин, – соединяет вместе хозяйства действительно отличающиеся одинаковым размером производства независимо от количества земли в них. Высокоинтенсивное хозяйство на мелком участке земли попадает при этом в одну группу с сравнительно экстенсивным хозяйством на большой площади земли; и оба хозяйства будут действительно крупными и по размерам производства и по степени употребления наемного труда»[1]. В. И. Ленин подчеркивает, что «стоимость же продуктов хозяйства свидетельствует о его размерах не косвенно, а прямо и притом во всех случаях»[2].

В результате проведенной ЦСУ Грузии разработки материалов по учету объектов обложения сельхозналогом было полу-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 192–193

[2] Там же, с. 192.

чено следующее распределение социальных групп в абхазской деревне (см. таблицу 8).

Таблица 8

Группировка крестьянских хозяйств Абхазии по размерам условно-чистого дохода в 1928 г.[1]

Социальная группировка хозяйств	Удельный вес каждой группы в %			Средний доход на хозяйство в руб.
	в общем кол-ве хозяйств	ко всему населению	в общее массе дохода крест. хоз-в	
Маломощные (бедняки)	28, 4	22,0	8,1	45,2
Среднемощные (середняки)	62,8	65,9	62,6	158,1
Зажиточные (кулаки)	8,8	12,1	29,3	527,4

Как видно из таблицы 8, группа середняков, составляя в общей массе крестьянских хозяйств 62,8%, объединяла в себе 65,9% крестьянского населения и в ней было сконцентрировано 62,9% общей массы условно-чистого дохода крестьянских хозяйств Абхазии. Средняя группа составляла основное ядро. Она являлась центральной фигурой как по количеству хозяйств, так и по населению, и, что особенно важно, и по массе сконцентрированного в ней дохода. Как свидетельствуют данные разработок ЦСУ, которыми мы оперируем, середняк являлся центральной фигурой и в Восточной и в Западной Грузии и в автономных единицах, входящих в состав Грузии. В Восточной Грузии (с Юго-Осетией) средняя группа составляла 61,3% всех

[1] Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 22.

крестьянских хозяйств и ей принадлежало 65,3% всего дохода, в Западной Грузии (с Аджарией и Абхазией) – 64,2% всех хозяйств и 71,8% всего дохода. Как видно, удельный вес середняков в общем количестве крестьянских хозяйств и в общей массе условного чистого дохода в разных районах Грузии был различным и зависимости от уровня экономического развития и степени классового расслоения деревни, но середняк везде представлял центральную фигуру. По Грузинской ССР в целом середники занимали 62,9% всех крестьянских хозяйств, 67,5% общего количества крестьянского населения, и им принадлежало 68,3% общей массы условно-чистого дохода крестьянских хозяйств. Таким образом, осереднячивание являлось закономерным явлением для грузинской, как и для всей советской деревни.

Маломощные или бедняцкие хозяйства в абхазской деревне составляли 28,4% общего количества хозяйств, 22% всего населения. На их долю приходилось 8,1% общей массы дохода крестьянских хозяйств. Группа бедняков ни в одной части Грузии не превалировала над группой середняков. Наиболее высоким был удельный вес этой группы в Юго-Осетии, где маломощные хозяйства составляя 37,2% всех хозяйств, объединяли 27,4% населения и 14,9% общей массы условно-чистого дохода. Наиболее низким был удельный вес этой группы (по всем основным показателям) в Абхазии. Во всей же группе в целом группа бедняков, составляя 32,1% всех хозяйств, объединяла 24,3% населения и получала 10,1% общей массы условно-чистого дохода. Таким образом эта группа в Грузии составляла около трети всех крестьянских хозяйств, а ее участие в условно-чистом доходе едва превышало 10%.

Зажиточно-кулацкая группа составляла незначительную часть по количеству хозяйств, но она являлась самой мощной по степени использования условного чистого дохода. В Грузии в целом эта группа, составляя 5% крестьянских хозяйств, концентрировала в своих руках 21,6% общей массы условно-чистого дохода. В Абхазии зажиточно-кулацкая группа была представ-

лена самым большим удельным весом. Составляя 8,8% хозяйств и объединяя 12,1% населения, кулаки получали 29,3% общего дохода. Это было связано с широким развитием здесь товарного табаководства. В Юго-Осетинокой автономной области, наоборот, группа кулаков занимала незначительное место, составляя 2% хозяйства, объединяя 3,7% населения и 14,2% всего дохода, что было связано с господством здесь отсталого натурального и полунатурального хозяйства.

Средний размер условно-чистого дохода на одно хозяйство в соответствующих группах разных районов Грузии был различным. Во всей Грузии в целом он равнялся в группе бедняцких хозяйств 51,4 руб., а в Абхазии – 45,2 руб., в группе середняцких – соответственно 176,6 руб. и 158,4 руб., в группе зажиточно-кулацких – 708,4 руб. и 527,4 руб. Из этих данных видно, что переход от низшей группы хозяйств к высшей в Абхазии был менее интенсивен, чем Грузии в целом. Средний размер условно-чистого дохода середняцкого хозяйства в Абхазии в 3,4 раза больше дохода бедняцкого хозяйства, а доход зажиточно-кулацкого хозяйства – в 13,8 раза больше дохода бедняцкого хозяйства.

Рассмотренные данные группировки крестьянских хозяйств по размерам дохода обнаруживают перед нами более глубоко дифференцированную среду, нежели в большинстве других районов страны. Удельный вес кулачества в Абхазии оказался высоким, а концентрация дохода в его руках значительной. Беднота же в абхазской деревне, хотя в количественном отношении и не выделялась, оказалась более бедной. Разрыв в уровне доходов между бедняком и кулаком в Абхазии был высоким. Два обстоятельства, на наш взгляд, объясняют это явление: во-первых, индивидуализация землепользования, а, во-вторых, широкое распространение табаководства и других высокотоварных культур, ускорившие товарно-капиталистическую перестройку аграрных отношений. И то, и другое способствовало интенсификации процесса классового расслоения крестьянства. В то же время

данные о группировке крестьянских хозяйств в Абхазии накануне коллективизации показывают, какие существенные изменения произошли в соотношении различных групп крестьянства после Великой Октябрьской социалистической революции. Эти данные подтверждают, что в абхазской деревне среднее крестьянство являлось центральной фигурой, что кулак заметно ограничен в своей экспансии, что основная масса крестьянства находится в среднеобеспеченном положении.

Следует отметить, что степень расслоения крестьянства, расстановка классовых сил в деревне не была одинаковой во всех районах Абхазии. Классовая дифференциация наибольшее развитие имела в табаководстве. В 1926/27 г. по материалам обследования кооперации среди табаководов бедняки составляли 16%, середняки – 69%, зажиточно-кулацких хозяйств – 15%[1]. Удельный вес зажиточно-кулацких табаководческих хозяйств в других районах страны был ниже (Черноморье – 14,4%, Кубань – 10%, Адыгея – 11%, Крым – 8,1%). Несмотря на большой еще процент зажиточных и кулаков, основную массу табаководов в Абхазии составляли середняки, тогда как до революции табаководством здесь занимались преимущественно крупные зажиточно-кулацкие хозяйства.

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что в переходный период при господстве мелкотоварного крестьянского хозяйства процесс расслоения деревни продолжался, но он существенно отличался от того размежевания классовых сил, которое имело место до революции. При капиталистическом строе основным процессом было разложение среднего крестьянства, непрерывное выделение из него батраков и кулаков. Этот процесс протекал, с одной стороны, путем перехода маломощной части середняков в полупролетариат и в пролетариат и, с другой стороны, путем перехода наиболее зажиточной части середняков в кулацкий слой.

[1] «Вся кооперация СССР», М, 1929, с. 378.

В условиях Советской власти процесс дифференциации крестьянства принял совершенно противоположный характер. Беднота лишь в меньшей своей части пролетаризировалась, а большая часть ее постоянно пополняла середняцкую группу. Что касается среднего крестьянства, то лишь небольшая его часть переходила в бедняцкую и кулацкую группу. Систематический переход крестьян-бедняков в ряды середняков упрочило положение среднего крестьянства как центральной фигуры в деревне. Оно не размывалось, не распадалось, как это происходило до революции, а, наоборот, укреплялось и консолидировалось.

Эти отличительные особенности в развитии крестьянского хозяйства были обусловлены общими предпосылками развитая деревни в период пролетарской диктатуры. Диктатура пролетариата создала иной тип развития аграрных отношений в деревне. В условиях капиталистического строя расслоение крестьянства усиливается благодаря частной собственности на землю, которая позволяет продажу и покупку земли, дает возможность зажиточным слоям скупать землю у бедноты и сосредоточивать ее в больших размерах в своих руках. В Советском государстве национализация земли, запрещение покупки и продажи ее, резкое ограничение аренды не допускали большой концентрации земли в руках кулачества.

Диктатура пролетариата, национализация земли, обобществление крупной промышленности и банков создали принципиально новые отношения между городом и деревней. При капитализме индустрия в своем развитии опирается на такое образование внутреннего рынка, которое предполагает разорение основной массы среднего крестьянства, распад этой основной группы. В условиях Советской власти образование внутреннего рынка сопровождалось обратными процессами. Рынок растет здесь не благодаря обеднению и пролетаризации основной массы крестьянства, а благодаря росту благосостояния среднего крестьянства и деревенской бедноты. Это обусловливало иной характер классовых сдвигов и классовых перегруппировок внутри крестьянства.

Если в капиталистическом обществе ведущая роль экономических рычагов определялась их капиталистическим содержанием и эти рычаги были направлены на усиление капиталистического развития, то в Советском государстве национализированная промышленность, кредитные институты, транспорт, кооперация и госторговля не только не служили росту капиталистических элементов, а, наоборот, являлись могущественнейшими рычагами социалистического преобразования деревни. Громадная централизация в руках Советского государства средств производства и аппаратов, обслуживавших процесс обращения, создала возможность планового руководства хозяйством, регулирующего и преобразующею воздействия на социально-экономическое развитие деревни. Правда, кулакам иногда удавалось в той или иной мере пользоваться государственными кредитами, кооперативными средствами, арендными сделками, однако в основном все экономические рычаги социалистического государства содействовали подъему бедняцких и упрочению середняцких хозяйств и ограничению роста капиталистических элементов. Опираясь на них, государство регулировало социальные отношения, направляло развитие крестьянского хозяйства по новому руслу.

В условиях Советского государства в корне изменилась сущность и роль кооперации. Если в условиях капитализма она неизбежно врастала в систему капиталистических органов, то в условиях диктатуры пролетариата она, став массовой организацией трудящегося крестьянства, превращается в важнейшее средство регулирования социально-экономических отношений в деревне. Хозяйственная деятельность кооперации содействовала подъему маломощных хозяйств до уровня середняцких хозяйств, помогала им высвободиться и из-под зависимости кулака, ростовщика, спекулянта. Обеспечивая смычку рабочего класса и крестьянства, кооперация включала крестьянские хозяйства в систему социалистического развития страны, она являлась столбовой дорогой социалистического строительства в деревне.

Большое влияние на регулирование социально-экономических отношений в деревне оказывала налоговая политика Советской власти. В капиталистическом обществе непропорционально большая часть налогов падает на деревенскую бедноту и середняков и незначительная доля – на зажиточных и кулаков. В условиях Советской власти, наоборот, беднота была почти полностью освобождена от налогов, середняки облагались умеренно, а основная тяжесть налога ложилась на кулака.

Таким образом, в советской стране сложилась цельная система совершенно новых по своему значению и содержанию мероприятий пролетарского государства в области земельной, налоговой, кредитной, кооперативной политики. Вся совокупность этих мероприятий обеспечивала рост трудового крестьянского хозяйства, усиление социалистических элементов в деревне и ограничение кулачества. Капиталистическим элементам противостояла вся система диктатуры пролетариата с ее экономическими командными высотами и рычагами планового воздействия на сельское хозяйство путем регулирования рынка, цен, доходов и т. д. Это было подчеркнуто XV съездом ВК(б), который в своей резолюции указывал, что «пути развития деревни определяются развитием города и что капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову – социалистической индустрией), кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хозяйство»[1]. Опираясь на систему органов диктатуры пролетариата, национализированные командные высоты в экономике, руководствуясь научным познанием законов общественного развития, Коммунистическая партия регулировала объективный процесс развития социальных отношений в деревне в направлении осереднячивания крестьян в целях подготовки перехода крестьян к социализму.

[1] КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 55–56.

Вот те главные предпосылки, которые обусловливали иной характер процесса классового расслоения и формирования социально-экономических отношений в советской деревне.

Перейдем к непосредственному анализу процесса классового расслоения в абхазской деревне. Для этого прежде всего рассмотрим, как происходила перегруппировка крестьянских хозяйств по главным экономическим факторам социальной дифференциации. А такими факторами, как это принято считать в советской исторической науке, в после октябрьский период становится не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превратившиеся в главное орудие накопления и средство эксплуатации маломощных хозяйств. XIII съезд РКП (б) указал на это как на своеобразие происходящего в деревне расслоения[1].

Какие изменения произошли в перегруппировке крестьянских хозяйств абхазской доколхозной деревни по количеству рабочего и молочного скота. Приведем данные материалов сельскохозяйственной переписи 1923 г. и 10% весеннего выборочного обследования 1926 и 1927 годов (см. таблицу 9).

Таблица 9

Группировка крестьянских хозяйств Абхазии по количеству рабочего и молочного скота[2]

Годы	По количеству рабочего скота				По количеству молочного скота				
	без рабочего скота	с 1 головой	с 2 головами и больше	с 3 головами и больше	без малочного скота	с 1 гол. молочного скота	с 2 гол. молочного скота	с 3 гол. молочного скота	с 4 гол. молочного скота и более

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 3, М, 1970, с. 75

[2] «Сельскохозяйственная перепись 1923 г. Темские итоги», ч. I, с. 468–489; «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии 1921–1929 гг.». Тифлис, 1929, с. 121.

1923	51,6	21,9	23,0	3,5	18,1	44,4	27,4	7,0	3,1
1926	35,2	37,7	26,2	0,9	10,0	34,4	33,3	13,9	8,4
1927	32,3	34,8	30,5	2,4	11,5	37,5	31,6	12,3	7,1

Эти данные полностью подтверждают сделанный выше анализ развития классовой дифференциации в советской деревне. Прежде всего бросается в глаза неуклонное и значительное уменьшение числа хозяйств вовсе лишенных рабочего скота. Если в 1923 г. больше половины крестьянских хозяйств Абхазии не имели рабочего скота, то в 1927 г. таких хозяйств насчитывалось менее одной трети. Одновременно растет число хозяйств, имеющих две головы рабочего скота. Происходило выравнивание социального состава крестьян, росла группа середняков на базе хозяйственного роста маломощных хозяйств.

Данные группировки хозяйств по числу рабочего скота свидетельствуют также о том, что в условиях Советской власти рост кулацких хозяйств был значительно ограничен в своем развитии. Это нашло свое отражение прежде всего в сокращении хозяйств, имеющих 3 и более голов рабочего скота. Правда, в 1927 г. по сравнению с предыдущим количество таких хозяйств значительно увеличивается, но такие изменения за год свидетельствуют лишь о росте зажиточной части середняков, а не об увеличении наиболее богатой кулацкой прослойки. Это подтверждается тем, что за 1926–1927 гг. число хозяйств, владевших 4-8 головами рабочего скота, продолжало сокращаться, а хозяйств с 9 и более головами рабочего скота и вовсе не стало.

Аналогичные процессы с некоторыми колебаниями мы наблюдаем и при анализе данных о распределении молочного скота. Значительно снизился удельный вес не только хозяйств без молочного скота, но и имевших одну голову. Соответственно увеличился удельный вес хозяйств с 2–3 головами молочного скота. Ввиду низкого качества основной массы поголовья молочного скота в Абхазии того периода, хозяйства с 3 коровами

нельзя относить к кулацкой группе. Судя по данным таблицы, в 1926 и 1927 годах средние слои составляли абсолютное большинство обследованного населения. Одновременно, как видно из тех же данных, в эти годы происходил лишь незначительный рост зажиточно-кулацких хозяйств.

Используемые нами данные о группировке крестьянских хозяйств по количеству рабочего и молочного скота содержат и также сведения о хозяйствах без всякого скота и хозяйствах, не имевших одновременно рабочего и молочного скота. В Абхазии в 1923 г. крестьянских хозяйств без скота было 19,3%, а в 1927 г. – лишь 5,0%, что еще раз свидетельствует о значительных сдвигах в обеспеченности скотом крестьян. Хозяйства, не имевшие одновременно рабочего и молочного скота, но владевшие другими видами скота, сократились с 7,7% в 1926 г. до 7,3% в 1927 г[1].

В действительности масштабы сдвигов, зафиксированных приведенными выше цифрами, были более значительными. Следует учитывать рост общей численности крестьянских хозяйств. В абсолютном выражении группа хозяйств с 1–2 головами рабочего скота в 1927 г. была многочисленнее, чем в 1923 г., не на третью часть, а гораздо больше.

Таким образом, данные о перераспределении скота – большое сокращение хозяйств вообще без скота, без рабочего и молочного скота, значительное увеличение удельного веса средних слоев за счет малообеспеченных и ограниченное развитие кулацких хозяйств, – ярко отражают характер происходивших в абхазской деревне социальных процессов. Поднималось благосостояние широчайших масс крестьянства, укреплялись средние слои, сокращался удельный вес крайних социальных групп.

Как же распределялось между группами поголовье скота вообще и рабочего скота в частности? Такие сведения содержатся в материалах динамических и бюджетных обследований

[1] «Сельскохозяйственная перепись 1923 г. Темские итоги», ч. 1, с. 489; «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии 1921–1929 гг.», с. 120–121.

крестьянских хозяйств. Бюджетное обследование в табаководческих хозяйствах было проведено только в Сухумском уезде в 1925/26 и 1928/29 годах. По данным этих обследований, в 1925/26 г. хозяйства с условно-чистым доходом до 1000 руб. имели скота на 271,2 руб., с доходом от 1001 до 2000 руб. – на 781,2 руб. и с доходом свыше 2000 руб. – на 989,6[1] руб. В 1928/29 г. стоимость всего скота на одно хозяйство в группах батраков и бедняков равнялась 90 руб., в группе середняков – 281,5 руб. и в группе кулаков – 629,3 руб.[2] На одно кулацкое хозяйство приходилось в 1928/29 г. в 7 раз больше скота, чем на двор батрацко-бедняцкой группы и в 2 раза больше, чем на двор середняка. Несмотря на значительные сдвиги в перераспределении скота, неравномерность между крайними группами деревни была значительной.

Динамические обследования содержат данные о перераспределении рабочего и молочного скота по социально-экономическим группам в табаководческих хозяйствах Сухумского уезда за 1927 и 1929 годы. Итоги этих обследований представляют значительный интерес, во-первых, потому, что они основаны на более массовых источниках, чем бюджетные, во-вторых, в них выделены данные по основным видам скота – рабочему и молочному, в-третьих, они дают изменения в динамике в одних и тех же хозяйствах, в-четвертых, что весьма важно, охватываемый этими обследованиями период является хронологическим продолжением тех переписей, материалы которых мы выше рассматривали. Но здесь же отметим, что ценность этих материалов снижается тем, что они относятся только к табаководческим хозяйствам Сухумского уезда, в котором животноводство слабее было развито ввиду малоземелья и отсутствия пастбищных полей и в силу специфических условий развития самого табаководческого хозяйства. Приведем итоги разработок этих материалов (см. таблицу 10).

---

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 312–313.

[2] Там же, с. 366–367.

Таблица 10

Распределение рабочего и молочного скота в табаководческих хозяйствах Сухумского уезда (по данным динамических обследований 1927 и 1929 гг.)[1]

Социально-экономические группы	% хозяйств без рабочего скота		В среднем на 1 хоз-во приходится един. раб. скота в %		% хозяйств без коров и буйволиц		В среднем на 1 хоз-во приходится молочного скота в %	
	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.
Пролетариат (батрак)	94,1	70,6	0,1	0,5	35,3	5,9	0,7	1,1
Полупролетариат (бедняки)	79,3	71,5	0,3	0,4	27,9	19,0	0,8	1,1
Мелкие товаропроизводители (середняки)	37,5	38,9	0,9	0,8	7,8	7,8	1,5	1,7
Мелкокапиталистические хоз-ва (кулаки)	15,4	21,0	1,3	1,3	4,1	3,1	2,1	2,3
Итого без различия групп	41,8	41,9	0,9	0,8	11,2	9,2	1,5	1,7

Эти данные, подтверждая сделанные выше выводы, в то же время раскрывают ряд специфических моментов. Если в Абхазии в целом в 1927 г. хозяйств без рабочего скота было 32,3%, то в табаководческом районе таких хозяйств оказалось на 9,5% больше. Здесь многие, даже кулацкие хозяйства, не были обеспечены рабочим скотом. Табаковод на мелком участке земли в 3–4 дес. вел интенсивное хозяйство. Для обработки такой площади

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 296–297.

земли он мог прибегать к супряге или найму рабочего скота. А содержание и уход за парой быков в условиях отсутствия пастбищных земель обходились ему гораздо дороже. Избегая лишних затрат, он направлял свои капиталы на интенсификацию производства и найм рабочей силы. Поэтому в специфических условиях развития табаководческого хозяйства рабочий скот не может служить показателем размера хозяйства.

При анализе данных о рабочем скоте также бросается в глаза заметное изменение показателей в крайних группах. За 1927–1929 гг. удельный вес хозяйств без рабочего скота сократился в группе батраков на 23,5%, в группе бедняков – на 7,8%, а в группе кулаков, наоборот, вырос на 5,6%. Аналогичное явление имело место и в перераспределении молочного скота, только здесь процесс подъема батрацких и бедняцких хозяйств происходил еще интенсивнее и разрыв между крайними группами сократился в большей степени. Эти данные говорят о том, что в эти годы низшие группы крестьянства продолжали подниматься, а кулацкие хозяйства, наоборот, стали все более ограничиваться и вытесняться. Такие противоположные тенденции в крайних социальных группах были обусловлены, с одной стороны, усилением помощи со стороны государства и кооперации батрацко-бедняцким слоям и, с другой, – усилением наступления на кулацкие элементы ограничительными экономическими мерами. В результате этих тенденций середняк укреплялся как центральная фигура деревни.

* * *

Важным экономическим фактором социального расслоения в деревне являлось распределение сельскохозяйственного инвентаря и машин. Как же они распределялись среди крестьянских хозяйств Абхазии? Картину распределения сельскохозяйственного инвентаря (плуги и сохи) накануне коллективизации дают материалы ЦСУ Абхазии, относящиеся к 1928 г. Согласно этим данным, в среднем на одно бедняцкое хозяйство прихо-

дилось до 0,3 штук инвентаря, на середняков – до 1,2 штук, на зажиточное – до 1,8 штук, на кулацкое свыше -1,8 штук. В руках 60,7% середняцких хозяйств было сосредоточено около 60% всех плугов и сох. Однако, кулак был обеспечен почти в 10 раз лучше, чем бедняк.

Для исследования процесса классового расслоения весьма важно выяснить, как шло перераспределение основных средств производства в целом. Проследить этот процесс позволяют весьма ценные материалы динамических обследований табаководческих хозяйств Сухумского уезда (другие уезды не обследовались), проведенных ЦСУ Грузии в 1927 и 1929 годах (см. таблицу 11). За эти годы процент хозяйств, не имеющих средства производства, сократился во всех обследованных хозяйствах без различия групп с 0,6 до 0,3%. При этом в группе батраков хозяйства, лишенные средств производства, исчезли, в группе бедноты такие хозяйства сократились более чем в два раза. В то же время из середняков 0,2% перешло в разряд хозяйств, лишенных средств производства. Такая перегруппировка была неизбежной в условиях мелкотоварного крестьянского производства. Но в целом наблюдалось сокращение хозяйств без средств производства за счет подъема низших групп. Это наглядно обнаруживается при анализе хозяйств, увеличивших и уменьшивших средства производства. Так, за два года увеличили свои средства производства 82,4% батрацких, 86,0% бедняцких и 62,3% середняцких хозяйств. Особенно интенсивное увеличение средств производства имело место в низших группах. Таков один из основных социальных результатов экономической политики Советского государства и деятельности сельскохозяйственной кооперации, которая после XV съезда партии улучшила социальную направленность своей кредитной и снабженческой работы и провела ряд других мер по усилению помощи бедноте. Из таблицы также видно, что среди кулаков значительно меньшее число хозяйств увеличило свои средства производства. Если в группе бедноты, например из 100- хозяйств было 86, увеличивших средства про-

Таблица 11

Стоимость основных средств производства в крестьянских хозяйствах (по данным динамических обследований табаководческих хозяйств Сухумского уезда 1927 и 1929 годов)*

Социально-экономические группы	% хоз-в без средств производства		Хоз-ва, увеличившие средства производства			Хоз-ва, уменьшившие средства производства			Стоимость основных средств производства в 1929 г. в % к 1917 г.			В среднем на 1 хоз-во приходится всех основн. средств производства	
	1927 г.	1929 г.	хозяйств %	в средн. на 1 хоз-во приходится средств производства		хозяйств %	1927 г.	1929 г.	увеличив. средства производства	уменьш. средства производства	у всех хозяйств	1927 г.	1929 г.
				1927 г.	1929 г.								
Пролетариат (батрак)	5,9	-	82,4	144,4	441,8	11,2	180,5	137,5	304,8	76,2	269,9	140,9	380,2
полупролетариат (бедняки)	2,8	1,1	86,0	199,9	469,0	12,3	266,5	192,5	235,4	72,2	208,5	205,4	428,4

Мелкие товаропроизводители (середняки)	-	0,2	62,3	692,3	1039,0	37,4	894,2	625,0	150,1	69,9	115,0	767,2	882,5
мелкокапиталистические хозяйства кулаки)	-	-	38,5	1248,9	1783,0	61,5	1655,9	1135,8	142,8	68,6	92,4	1499,3	1384,9
Итого без различия групп	0,6	0,3	62,2	022,9	972,2	37,2	1103,7	703,9	156,1	71,8	111,4	799,8	899,9

* «10 лет Советской Грузии...», с. 292–293.

изводства, то в группе мелкокапиталистических хозяйств – 38,5. Это тоже было обусловлено экономическими мероприятиями, проводившимися в деревне. Как известно, крупное хозяйство в условиях мелкотоварного хозяйства обычно располагает большей экономической возможностью накопления средств производства, чем другие социальные группы крестьянства. Но ограничительные экономические меры Советского государства и деятельность советской кооперации сузили рамки для роста кулацких хозяйств.

С этими хозяйствами не заключались договора о сбыте их продукции. В 1929 г. они уже не получали кредит и не снабжались орудиями производства. Табак они могли сбыть только по твердым государственным ценам, так как частный рынок для реализации табака был закрыт. Все это создавало неблагоприятную обстановку для роста кулацких хозяйств.

Значительный интерес представляют данные о хозяйствах, уменьшивших средства производства. Подтверждая общую для советской доколхозной деревни тенденцию развития социально-экономических отношений, они раскрывают некоторые важные аспекты этого процесса. При рассмотрении этих данных прежде всего обращает на себя внимание наличие хозяйств, уменьшивших средства производства во всех социально-экономических группах, в том числе и в низших. Несмотря на всяческую поддержку со стороны социалистического государства и кооперации, некоторая часть батраков и бедняков не только не сумела увеличить свои средства производства к 1929 г., но даже не удержала их на уровне 1927 г. За два года уменьшили свои средства производства 11,2% батраков и 12,3% бедняков. Среди дворов, уменьшивших средства производства, в среднем на одно хозяйство приходилось средств производства в группе батраков в 1927 г. на 180,5 руб. и в 1929 – на 137,6 руб., а в группе середняков – соответственно на 266,5 руб. и 192,5 руб. Эти данные показывают, что у 12,3% хозяйств группы бедняков, уменьшивших средства производства, в 1929 г. в среднем на

одно хозяйство осталось средств производства столько, сколько их было в среднем на одно хозяйство в группе батраков в 1927 г. Ясно, что если не все уменьшившие средства производства бедняцкие хозяйства, то по крайней мере определенная их часть передвинулась в низшую пролетарскую группу. Очевидно, еще более ухудшилось экономическое положение 11,2% батраков, уменьшивших средства производства. Все это свидетельствует о том, что и в условиях Советской власти, пока в деревне существовало разрозненное мелкотоварное крестьянское хозяйство, нельзя было совершенно ликвидировать процесс пролетаризации, уничтожить нищету и разорение.

По данным таблицы 11 видно, что чем выше группа, тем выше процент хозяйств, уменьшивших средства производства. Наиболее высоким он был в группе мелкокапиталистических хозяйств. В ней за 1927–1929 гг. из 100 хозяйств 61,5 хозяйства уменьшили средства производства. То есть среди кулацких хозяйств удельный вес, уменьшивших средства производства, был в 5–5,5 раза выше, чем в группах батраков и бедняков. О более интенсивном сокращении средств производства в группе мелкокапиталистических хозяйств свидетельствуют данные о средней стоимости средства производства на одно хозяйство среди уменьшивших средства производства. За эти годы этот показатель в группе кулаков снизился с 1 655,9 руб. до 1 135,8 руб., т. е. на 31,4%. Такое сокращение средств производства у большинства (61,5%) кулацких хозяйств являлось закономерным следствием усиления после XV съезда партии ограничительных экономических мероприятий Советской власти, в частности, улучшения классовой направленности в деятельности кооперации. Это обеспечивало не только ограничение, но и вытеснение части кулачества. Безусловно, определенная часть мелкокапиталистических хозяйств, уменьшивших средства производства, перешла в разряд середняков. Ясно, что имело место и обратное перерастание середняков в кулаки из среды хозяйств, увеличивших средства производства.

Как менялось соотношение социальных групп в процессе перераспределения средств производства? Какие социально-экономические группы поднимались быстрее, какие медленнее, какие сокращались и вытеснялись? Анализ изменений основных средств производства показывает, что в низших группах абсолютное большинство хозяйств увеличило средства производства, а в группе мелкокапиталистических хозяйств, наоборот, большинство уменьшило. Но не только в этом заключалась специфика изменений. Основные средства производства в 1929 г. по отношению к 1927 г. в группе батраков у 82,4% хозяйств, увеличивших средства производства, составила 304,3%, у 11,2%, уменьшивших эти средства – 23,8%; в группе бедняков у 86,0% хозяйств, увеличивших средства производства, они составили 235,4% и у 12,3%, уменьшивших эти средства, – 27,8%; в группе середняков у 62,3% хозяйств, увеличивших средства производства, эти показатели составили 150,1% и у 37,4%, уменьшивших средства производства, – 30,1%; а в группе мелкокапиталистических хозяйств у 38,5% хозяйств, увеличивших средства производства. – 142,8% и у 61,5%, уменьшивших эти средства, – 31,4%. Как видно из этих данных, для низших групп характерен, во-первых, рост средств производства у абсолютного большинства и уменьшение их в небольшой части хозяйств, во-вторых, высокий процент прироста средств производства у хозяйств, увеличивших эти средства, и низкий процент снижения их у хозяйств, уменьшивших средства производства. А в группе кулаков происходил обратный процесс. Здесь удельный вес хозяйств, увеличивших средства, был наименьшим и прирост у них – наиболее низким, а удельный вес хозяйств, уменьшивших средства производства, и процент снижения у них был самым высоким. Середняки, составлявшие основную массу крестьянства, сохраняли более устойчивое положение. В результате такого процесса стоимость основных средств производства в 1929 г. по отношению к 1927 г. на хозяйство в группе батраков составила 269,9%, бедняков – 208,5%, середняков – 115,0%, а в группе

мелкокапиталистических хозяйств, наоборот, уменьшился до 92,4%. Таковы были итоги перераспределения средств производства по социально-экономическим группам в табаководстве накануне коллективизации. Тенденции процесса социальной дифференциации крестьянства, наметившиеся в середине 20-х годов, с особенной силой проявились в 1927–1929 гг. при массовом подъеме батрацких и бедняцких крестьянских хозяйств и укреплении середняков усилился процесс ограничения и вытеснения кулаков, который привел уже к абсолютному сокращению численности последних.

Для того, чтобы уяснить масштабы перераспределения основных средств производства, обратимся к его итогам в абсолютных цифрах. Если в 1927 г. стоимость основных средств производства в среднем на одно хозяйство батрака выразилась суммой в 140,9 руб., то в кулацком она доходила до 1499,3 руб., т. е. превышала более чем в 10 раз. В 1929 г. батрацкое хозяйство располагало основными средствами производства на 380,2 руб., а кулацкое – на 1 384,9 руб. Теперь кулацкое хозяйство имело средств производства больше, чем батрацкое, только в 3,8 раза. Различие между кулаком и бедняком сократилось с 7,3 до 3,2 раза и между кулаком и середняком –с 1,9 до 1.5 раза. Все это свидетельствует о продолжавшемся в абхазской деревне процессе нивелирования крестьянства, укрепления середняка, пополнения его рядов все новыми массами поднимавшихся низших социальных слоев. Рассмотренные данные говорят также о том, что к 1929 г. прекратился экономический рост кулачества в табаководстве в связи с усилением наступления на капиталистические элементы, а отдельные его слабые группы, не выдержав экономического давления Советской власти, сдавали свои позиции, переходили в группу середняков.

Однако, несмотря на огромные изменения, неравномерность в распределении основных средств производства все еще сохранялась. В результате осуществления целенаправленной классовой политики Коммунистической партии и Советского государства

удалось ограничить рост крупных эксплуататорских хозяйств, обеспечить подъем беднейших групп до уровня средних, самостоятельных хозяйств. Но пока хозяйство основывается на частной собственности, ликвидировать неравенство невозможно. Об этом и свидетельствует опыт развития доколхозной деревни.

Для характеристики социального расслоения важное значение имеет выяснение изменений в составе основных средств производства по социальным группам. Таблица 12 показывает эти изменения в табаководческих хозяйствах и роль отдельных видов средств производства, принадлежавших отдельным группам крестьянства. В таблице приведены данные о хозяйственных постройках, рабочем скоте и сельскохозяйственном инвентаре. Эти виды средств производства в табаководческих хозяйствах являются ведущими. Роль рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря в земледелии известна. Но специфика табаководства заключается в том, что здесь исключительно велика и роль хозяйственных построек, так как без сарайного хозяйства нельзя заниматься табаководством в промышленных масштабах. В табачных сараях производится низка табака, сушка, содержание и его тюковка. Поэтому удельный вес хозяйственных построек в составе основных средств производства был большим во всех социально-экономических группах, исключая батраков. Особенно высоким он был в группе кулацких хозяйств, где удельный вес стоимости хозяйственных построек в составе основных средств производства составлял в 1927 г. 53,2% и в 1929 г. 46,4%. В 1927 г. стоимость хозяйственных построек в среднем на одно кулацкое хозяйство равнялось 1280,6 руб. Кулаки, как правило, имели крупные табачные сараи в нескольких отделениях, и нередко они использовали их для эксплуатации своих маломощных соседей, вынужденных арендовать сараи у кулака. Но постепенно батрацко-бедняцкие хозяйства, получая помощь от Советского государства, все более высвобождались от этой формы зависимости и эксплуатации.

Таблица 12.

Состав стоимости средств производства в крестьянских хозяйствах в 1927 и 1929 гг. (по данным динамических обследований табоководческих хозяйств Сухумского уезда).[1]

Социально-экономические группы	% стоимости основных средств производства									Стоимость жилых построек от стоимости всех основных средств производства		% стоимости вновь возведенных жилых построек
	всех основных средств производства		В том числе									
			хозяйственных построек			рабочего скота		всего с/х инвентаря				
	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	стоимость вновь возвед. построек. %	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	
Пролетариат (батраки)	100,0	100,0	13,8	31,2	11,1	16,9	26,5	1,0	2,5	57,6	27,1	_
Полупролетариат (бедняки)	100,0	100,0	41,3	44,7	37,7	19,5	20,2	1,9	3,2	49,3	34,6	5,1
Мелкие товаропроизводители (середняки)	100,0	100,0	44,0	39,6	3,1	21,7	22,0	3,7	3,8	28,9	30,8	5,1
Мелкока пита диетические хоз-ва (кулаки)	100,0	100,0	53,2	46,4	2,9	19,5	19,9	3,3	3,6	29,0	30,1	2,8
Итого без различия групп	100,0	100,0	47,3	42,1	4,4	20,7	21,2	3,5	3,7	30,2	30,9	4,3

[1] «10 лет Советской Грузии…» с. 294–295.

Об этом свидетельствуют те качественные изменения, которые произошли за 1927–1929 гг. в составе основных средств производства в группах батраков и бедняков. В результате того, что государство маломощным хозяйствам отпускало значительные долгосрочные кредиты на возведение табачных сараев, удельный вес хозяйственных построек в группе батраков вырос с 13.8% до 31,2%. А в группе батраков вновь возведенные постройки занимали 37,7%.

Государство через кооперацию отпускало маломощным батрацко-бедняцким хозяйствам долгосрочные кредиты и на приобретение рабочего окота и сельскохозяйственного инвентаря. Все это оказало большое влияние на улучшение состава основных средств производства в низших социальных группах. Если в 1927 г. в группе батраков стоимость хозяйственных построек, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря в составе основных средств производства составляла только 31,7%, и основная часть средств производства приходилась на продуктивный скот, птицу, пчелы, плодовые деревья и т. д., то в 1929 г. стоимость трех первых главных компонентов средств производства поднялась до 60,2%. За эти годы состав основных средств производства претерпел значительные изменения во всех группах крестьянства. В итоге этих изменений стоимость сельскохозяйственных построек, рабочего охота и сельскохозяйственного инвентаря в составе основных средств производства по социально-экономическим группам представляла следующую картину: она поднялась у батраков почти в 2 раза и у бедняков – с 62,7% до 68,1%; а у середняков снизилась с 69,4% до 65,4%; у кулаков – с 76,0% до 69,9%. Эти данные показывают, что общий рост размеров основных средств производства в батрацко-бедняцких хозяйствах сопровождался значительными качественными изменениями. В составе этих средств производства возрастал удельный вес тех компонентов, которые создавали более прочную базу для дальнейшего подъема их хозяйства.

Таким образом, в результате политики Советской власти в распределении скота, инвентаря и вообще средств производства между различными группами абхазского крестьянства произошли коренные изменения. Основным владельцем средств производства в деревне стал середняк. Однако сохранилась неравномерность в их распределении по социальным группам, что и являлось источником для кабальной эксплуатации бедноты кулаками.

* * *

Как была распределена земля между социальными группами в доколхозной абхазской деревне? В результате аграрных преобразований Советской власти сотни и тысячи крестьян, получив бывшие помещичьи и кулацкие земли, освободились от помещичье-кулацкой кабалы. В ходе уравнительного распределения земли произошла перегруппировка крестьянских хозяйств по обеспеченности землей. Если в 1923 г. в Абхазии беспосевных хозяйств было 1077 (3,7%)[1], то в 1926 г. их число сократилось до 541 (1,6%). По данным обследования отдела землеустройства Наркомзема, в 1926 г. до 1 дес. земли имели 11,6% дворов, от 1 до 4 дес. – 60,8%, от 4 до 6 дес. – 16,8 % и свыше 6 дес. – 9,2% крестьянских дворов[2]. Если до революции основная масса земли была сосредоточена в руках помещичье-кулацкой верхушки, то в доколхозной абхазской деревне существенно меняется соотношение социальных групп в землевладении. В советской деревне основная масса земли концентрировалась в руках середняцкой и бедняцкой части крестьянства.

В экономических условиях абхазской деревни, как и многих других районов Грузии, группировка крестьянских хозяйств по посевной площади без учета специфики хозяйственной направленности крестьянского двора (табаководство, зерновое хозяйство, садоводство, животноводство) не может служить определяющей для выяснения соотношения социальных групп. Например,

[1] ЦГАА, ф. 12, д. 159, л. 111.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 300/4, лл. 1–3.

отдельные крупные скотоводческие хозяйства, содержавшие скот на летних горных пастбищах, всю наделенную землю сдавали в аренду и при переписи проходили «беспосевными», тогда как в действительности они были кулацкими хозяйствами. По данным Наркомзема, за 1926 г. в Абхазии насчитывалось 216 скотоводческих хозяйств кулацкого типа, или 0,6% всех крестьянских дворов[1]. В деревне были также и отсутствующие хозяйства, которые имели здесь имущество, но не вели хозяйство – не обрабатывали землю, не содержали скот. В 1927 г. такие хозяйства в Абхазии составляли 0,2 %'[2]. Все эти моменты, безусловно, вносят определенные коррективы в вышеприведенные данные о беспосевных хозяйствах. Но дело не только в этом. Группировка по посевной площади в условиях Абхазии очень часто объединяет совершенно различные социальные группы. Например, кулацкое табаководческое хозяйство в 3–4 десятины табака и бедняцкое или середняцкое хозяйство, обрабатывающее такое же количество земли под кукурузу, окажутся в одной социальной группе, если не учесть направление их производства. Поэтому средние данные по республике о группировке крестьянских хозяйств по посевной площади не дают точного определения соотношения социальных групп в деревне. Характерные различия раскрываются материалами бюджетного обследования крестьянских хозяйств 1924/25 г. Согласно данным этого обследования, 52,5% обследованных дворов имели посевные площади до 2 дес. на хозяйство. Судя по посевной площади, если не все, то по крайней мере абсолютное большинство этих хозяйств нужно отнести к маломощным, однако по условно-чистому доходу таких оказалось всего 18,6%[3]. Совершенно очевидно, что в данном случае размер посевной площади не может служить критерием для определения социального положения этих хозяйств. Об этом ясно говорят те же материалы при сравнении размера условно-чистого дохода и состава исполь-

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 39, л. 17.

[2] З. Ф. Ч а х в а д з е. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 30.

[3] «Крестьянские бюджеты ССР Абхазии». Сухум, 1927, с. 10–11.

зования земли. При таком сравнении получается, что мелкие по площади хозяйства, возделывающие табак, оказываются самыми крупными по размеру условно-чистого дохода и, наоборот, наиболее крупные по количеству земли хозяйства, возделывавшие кукурузу, по условно-чистому доходу оказываются в низших группах. И это естественно, так как в табаководческих районах маленькие по размеру посадочной площади хозяйства являлись крупными по объему капитала, вкладываемого в землю в виде наемной рабочей силы, удобрений и т. д.

У нас имеются материалы группировки табаководческих хозяйств по посевной площади, что весьма интересно, поскольку именно в них кулацкие хозяйства были наиболее сильны. Сначала посмотрим, как распределялись табачные плантации в Абхазии перед войной 1914 г. В среднем за 1909–1913 гг. 17,6% всех плантаторов, имевших плантации размером свыше 2-х дес., сосредотачивали 44,6% всей площади табачных плантаций, а 46,5% плантаторов, имевших до 1 дес., обрабатывали всего 11,2% всей площади[1]. В чисто табаководческих районах процесс дифференциации крестьянства зашел еще более глубоко. Уже в 1911 г. в селении Бирцха Гумистинского участка процент самых крупных кулацких хозяйств, обрабатывавших табачные плантации размером в 5 и выше дес., составлял 21,4%, а в селении Яштхуа Гумистинского участка – 31,4%. В первом из них кулакам принадлежало почти 40% всех табачных площадей, а во втором – свыше 50%. В этих селах «вымывание» среднего крестьянства, занимавшегося табаководством, в основном завершилось – свыше 75% площади табачных плантаций было сосредоточено у крестьян, широко применявших наемный труд[2]. Середняки-табаководы или выталкивались в зерновое, менее товарное хозяйство, или превращались в рабочих на табачных плантациях кулаков.

---

[1] А. А. Олонецкий. Табаководство – основная отрасль товарного земледелия Абхазии в пореформенный период и в начале XX в. «Труды» Абхазского института, вып. XXVI, Сухуми, 1955, с. 114.

[2] А. А. Олонецкий. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Сухум, 1934, с. 69.

Этот процесс являлся общим для всех табаководческих районов, только темпы расслоения были не одинаковыми в различных районах. В более старых традиционных табаководческих селах, как Бирцха и Яштхуа, дифференциация зашла глубже, чем во вновь осваиваемых районах. В целом же по всей Абхазии процесс постепенной концентрации посадочных табачных площадей в руках наиболее крупных кулацких хозяйств очень определенно выразился в быстрых, обгоняющих темпах роста количества крупных плантаций по сравнению с ростом общего их числа: за 1906–1914 годы общее число плантаций выросло более чем в 1,5 раза, а плантации в 5 дес. и выше – в 16,1 раза[1]. Капиталистические монополии, полностью захватившие табачный рынок в свои руки, всячески форсировали процесс «раскрестьянивания» табаководческого крестьянства, процесс образования в нем сельской буржуазии и сельского пролетариата.

Теперь приведем некоторые сравнительные данные, характеризующие перегруппировку крестьянских хозяйств по посадочной площади табака после победы Советской власти. По материалам Наркомзема Абхазии и Абтабсоюза группировки хозяйств с посевом в 2 и выше дес. выразилась и следующем (см. таблицу 13)[2].

Таблица 13

Группировка крестьянских хозяйств по посадочной площади табака в 2 дес. и выше

	1913 г.	1914 г.	1926 г.	1927 г.
Хозяйства с плантациями размером от 2 до 3 дес.	738	1 456	306	394

[1] А. В. Фадеев. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932, с. 42.

[2] Сведения за 1913, 1914 и 1927 гг. взяты по материалам Наркомзема Абхазии (ЦГАА, ф. 17, он. 2, д. 39, л. 46), сведения за 1926 г. – по материалам Абтабсоюза (Архив Абгосмузея, д. 127, л. 387).

% к общему числу табаководов	11,6%	15,1%	2,2%	2,8%
Хозяйства с плантациями размером свыше 3-х дес.	639	1 626	124	133
% к общему числу табаководов	10,1 %	16,4%	0,9%	0,9%

Отсюда видно, что число крупных табаководческих хозяйств по сравнению с 1913 и 1914 годами сильно сократилось. В 1927 г. количество хозяйств с плантациями размером свыше 3-х дес. по сравнению с 1914 г. в абсолютном выражении уменьшилось в 12,2 раза, и теперь удельный вес их в общем числе табаководов не достигал и одного процента.

Вместе с тем данные таблицы показывают, что кулацкие хозяйства не только сохранились, но в 1927 г. они еще имели тенденцию к росту.

Детальнее рассмотрим, как в 1925–1929 гг. проходила перегруппировка крестьянских хозяйств по табачной площади (таблица 14).

Таблица 14

Группировка крестьянских хозяйств по табачной площади в 1925–1929 гг. (в %)[1]

Годы	Хозяйства размером посадочной площади								
	до 0,25 дес.	0,26–0,5 Дес.	0,51–0,75 дес.	0,76–1 дес.	1,01–1,5 дес.	1,51–2 дес.	2,01–2,5 дес.	2,51–3 дес.	свыше 3 дес.
1925	26,7	33,8	10,6	14,9	8,2	3,4	0,8	0,8	0,8
1926	11,3	47,6	10,8	15,1	8,2	4,0	1,0	1,1	0,9
1927	18,4	31,7	11,7	19,2	9,8	5,5	1,3	1,5	0,9

[1] Архив Абгосмузея, д. III, л. 20.

1928	не учитывались								
1929	8,2	24,3	20,7	15,0	22,0	6,1	2,4	0,9	0,4

Здесь мы видим, прежде всего очень значительное уменьшение, с одной стороны, количества мелких табачных плантаций размером до 0,5 дес. и крупных плантаций размером свыше 3 дес.– с другой. Отметим, что за эти годы количество табаководов в целом выросло на несколько тысяч за счет новых, поднимавшихся бедняцко-батрацких дворов, однако приход в табаководство этих новых хозяйств не только не вызвал соответствующий рост удельного веса мелких плантаций, а наоборот, число плантаций до 0,5 дес. в абсолютных цифрах сократилось с 7429 в 1925 г. до 5167 плантаций в 1929 г.[1] К 1929 г. произошло не только относительное, но и абсолютное сокращение крупных хозяйств. А удельный вес хозяйств со средними по размерам плантациями (0,75–1,5 дес.) увеличился с 33,7% в 1925 г. до 57,7% в 1929 г. Здесь мы наблюдаем ту же знакомую нам картину, что и при анализе данных о распределении скота, сельскохозяйственного инвентаря и других средств производства. Наиболее резкие изменения, особенно после 1927 г., произошли в крайних группах. Сократились малопосевные и многопосевные хозяйства. Группа середняцких хозяйств увеличилась за счет перехода в нее хозяйств полупролетарской и сдавшей свои позиции кулацкой группы. Эти сдвиги, происходившие в классовых группах, свидетельствуют об активном процессе осереднячивания крестьянства накануне коллективизации.

Таким образом, анализ распределения средств производства между различными социально-экономическими группами крестьян показывает, что в доколхозной абхазской деревне середняк стал центральной фигурой. Вместе с тем, количество хозяйств, не имевших рабочего скота и инвентаря или же обеспеченных им совершенно недостаточно, оставалось еще очень

[1] Архив Абгосмузея, д. III, л. 20.

значительным. Лишенные возможности самостоятельного хозяйствования, они неизбежно попадали в той или иной мере в зависимость и кабалу к зажиточному соседу. На другом полюсе деревни сохранилась группа крупных кулацких хозяйств, сосредоточивших в своих руках средства производства в количестве, превышающем возможности их трудовых ресурсов. Движимые жаждой обогащения, они использовали рабочий скот, инвентарь и другие орудия труда для капиталистического предпринимательства. Сохранявшаяся в деревне большая неравномерность в распределении средств производства между крайними группами служила почвой для развития капиталистических отношений, для закабаления и эксплуатации бедноты кулачеством.

* * *

Перейдем к рассмотрению производственных отношений, складывавшихся на почве неравномерного распределения средств производства. Для этого прежде всего важно выяснить масштабы отношений найма – сдачи средств производства, а также участие различных экономических групп крестьянства в этих отношениях. Установить это в какой-то мере позволяют материалы весеннего выборочного обследования 1927 г., согласно которым в Абхазии только наемным инвентарем обрабатывали землю 17,5% хозяйств и только наемным скотом – 29,7% хозяйств[1]. Получается, что почти все хозяйства, лишенные пахотных орудий (23,7%) и рабочего скота (32,3%), вынуждены были прибегать к найму средств производства. Отсутствие материалов по предыдущим годам не дает возможности проследить развитие этой категория отношений, но, очевидно, в первые годы Советской власти, когда хозяйств, лишенных живого и мертвого инвентаря, было гораздо больше, масштабы найма

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921–1929 гг.», с. 124–125.

средств производства также были намного выше. Но и в 1927 г. значительная часть хозяйств прибегала к найму средств производства. По Союзу ССР в целом они составляли тогда 40,2 % крестьянских дворов.[1]

По материалам используемого выборочного обследования в Абхазии только собственным инвентарем обрабатывали землю 72,0% и только собственным скотом – 41,3% всех крестьянских хозяйств[2]. Своим скотом и инвентарем самостоятельно обрабатывали пашню 39,3%[3]. Из всех крестьянских дворов республики наемным скотом и наемным инвентарем обрабатывали пашню 11,7%. К найму рабочего скота, при наличии своего инвентаря, прибегало 14,6%, а своим скотом и наемным инвентарем обрабатывали пашню лишь 0,8% всех хозяйств. Значительная часть хозяйств вступала в супрягу. В 1927 г. супрягающиеся составляли 15% крестьянских дворов, из них абсолютное большинство (12,6%) обрабатывало землю своим инвентарем. Были супряги хозяйств с одинаковой экономической мощностью. Тут, как правило, не было экономической кабалы. Однако совершенно очевидно, что к найму рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря и к супряге обращались главным образом наиболее маломощные хозяйства. Следует отметить, что в табаководстве положение было существенно иным, о чем будет сказано ниже.

Интересные данные о найме-сдаче средств производства в табаководстве и об участии в этих отношениях различных групп крестьянства содержат материалы динамических обследований 1927 и 1929 годов. Прежде всего эти материалы говорят о сокращении к 1929 г. найма и сдачи орудий производства во всех группах. В этом году хозяйства, нанявшие средства производства, составляли в группе батраков 17,6%, в группе бедняков –

---

[1] В.П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, с. 59.

[2] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921 –1929 гг.», с. 125.

[3] «Статистический справочник 1927 г.», с. 44.

19%, в группе середняков – 10,4%, в группе кулацких хозяйств – 6,7%. Все они, за исключением 0,9% середняков и 1,1% бедноты, прибегали к найму только рабочего скота и пахотных орудий. В целом во всех обследованных хозяйствах без различия групп найм средств производства сократился с 14,4% до 11,4%. О свертывании объема найма средств производства свидетельствует и то, что в 1929 г. на оплату его было затрачено на 13,8% меньше, чем в 1927 г.[1] Естественно, продолжавшееся улучшение обеспеченности маломощных хозяйств скотом и инвентарем не могло не отразиться на масштабах отношений найма-сдачи в наем средств производства.

В найме в основном участвовали батрацко-бедняцкие хозяйства. Они нанимали рабочий скот и инвентарь у кулацкой верхушки деревни. В сдаче средств производства, наоборот, ведущую роль играли зажиточно-кулацкие хозяйства. В 1929 г. в группе батраков вовсе не было хозяйств, сдававших средства производства, в группе бедняков сдатчики составляли 2,2%, в группе середняков – 6,4%, в группе кулаков –11,3%. За 1927–1929 гг. во всех обследованных экономических группах в целом хозяйства, сдавшие средства производства, сократились с 10% до 6,5%[2]. Сдававшие и нанимавшие хозяйства в 1929 г. составляли менее пятой части табаководов. Как видно, отношения найма-сдачи в табаководстве получили относительно незначительное распространение. Это, безусловно, связано с происшедшим к этому времени улучшением обеспеченности определенной части бедноты. В ограничении и вытеснении данной категории буржуазных отношений, наряду со снабжением бедняцких и середняцких хозяйств средствами производства, важную роль сыграли прокатные пункты сельскохозяйственной кооперации. Следует отметить и то, что нередко отдельные бедняцкие хозяйства свои небольшие табачные площади обрабатывали путем мотыжения, не прибегая к найму инвентаря и скота. При мо-

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 303.

[2] Там же, с. 305.

тыжном земледелии бедняк обходился примитивными орудиями труда и не нуждался в рабочем скоте.

Тяжелым изнурительным ручным трудом он избегал расходов по найму средств производства. Кулак же эксплуатировал бедняка и маломощного середняка не только путем кредитования их скотом и инвентарем, но и тогда, когда он «сам «нанимал» у них средства производства вместе с их рабочей силой.

На почве неравномерного распределения средств производства в сельском хозяйстве развивалась также и земельная аренда. В условиях мелкокрестьянской деревни она была неизбежна. Но прежде, чем приступим к анализу арендных отношений в абхазской советской деревне, мы коротко рассмотрим развитие аренды до революции. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. крестьяне четырех участков Абхазии арендовали 23249 дес. земли, в том числе 21217 дес. пашни, что составляло 35,5% к пашне надельной[1].

Размер аренды пашни по участкам распределялся следующим образом: в Гумистинском (Сухумском) – 11456 дес., в Гудаутском – 4882 дес., Кодорском – 3 162 дес., Самурзаканском (Гэльском) – 2117 дес. Наиболее широкое развитие аренда имела в первых трех табаководческих участках, особенно в Гумистинском, а в Самурзаканском участке, где находилось около половины всей крестьянской пашни Абхазии, арендовалось 7,7% к надельной пашне. Большое распространение аренды в табаководческих районах являлось порождением безземелья и малоземелья среди крестьян. В Гумистинском участке в руках 98,3% крестьянских хозяйств находилось 47,9% всей пашни, а 1,7% частновладельческих хозяйств концентрировал у себя 52,1 % всей пашни. По этим же данным процент арендованной площади к неарендованной табачной площади у крестьянских хозяйств составлял в 1917 г. 211,1% – более двух третей крестьянских табачных плантаций были расположены на арендованной земле[2].

[1] ЦГАА, ф. 12, оп. I, д. 65, л. 219.

[2] З.Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 95.

В условиях Советской власти положение коренным образом изменилось. Ликвидация помещичьего землевладения, передача земли в бесплатное пользование крестьянства и вообще вся аграрная политика Советской власти свели аренду земли до минимума, сдерживали ее рост. В 1923 г. по 4 вышеуказанным уездам аренда равнялась 3083,96 дес., в том числе пашни – 2907,11 дес.[1]. Если в 1917 г. отношение арендованной пашни к надельной крестьянской пашне составляло 35,5%, то в 1923 г. оно равнялось 6,2%. А в табаководческих хозяйствах это соотношение за эти годы сократилось с 211,1% до 4,3%. Однако в ходе восстановления сельского хозяйства количество крестьянских хозяйств, вовлеченных в сферу арендных отношений, вновь стало расти. Если раньше аренда развивалась на почве прежде всего безземелья и малоземелья, то теперь она была порождена отсутствием средств производства у бедняков и маломощных середняков. Известной части их был не под силу наем рабочего окота и инвентаря. Им оставалось искать работу по найму, сдав свою землю частично или полностью в аренду и полученный доход использовать для восстановления собственного хозяйства.

В доколхозной абхазской деревне арендные отношения получили наибольшее развитие в табаководстве. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 г. и динамических обследований 1927 г. в типичном Сухумском табаководческом уезде в аренде и сдаче земли произошли следующие изменения[2]:

Таблица 15

Аренда и сдача земли в Сухумском уезде в 1923 и 1927 гг.

Годы	Пашни своей на 1 хоз-во (в га)	% хоз-в, арендующих пашню к общ. числу хозяйств	Арендн. пашни на 1 аренд. хозяйство (в га)	% хозяйств, сдающих пашню, к общ. числу хозяйств	Сданной пашни на 1 сдающее хозяйство (в га)
1923	1,90	9,3	0,87	1,5	1,35
1927	1,97	14,5	1,27	19,7	1,36

[1] ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 65, л. 42.

[2] З. Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 97.

Растет число арендующих хозяйств, еще более растет и количество сдающих. Развитие арендных сделок отнюдь не сопровождается снижением размеров у табаководов своей пашни, наоборот, она проявляет некоторую тенденцию к росту, хотя этот рост и отстает заметно от роста среднего размера арендуемой пашни на 1 арендующее хозяйство. Средние размеры сданной в аренду пашни почти не подверглись изменению. Несмотря на рост арендных отношений, процент хозяйств, прибегающих к аренде, и в 1927 г. остается очень небольшим и не может быть сравним с дореволюционными показателями, когда подавляющее большинство крестьян возделывало табак на арендованной земле. При этом в 1927 г. табачные площади не только были восстановлены, но намного превысили уровень 1917 г. Данные об аренде подтверждают, что сельское хозяйство в Абхазии восстанавливалось на базе массового подъема крестьянских хозяйств при изменении характера дифференциации деревни.

Рассмотрим социальный состав сдатчиков. Советские аграрники, исследующие доколхозную деревню, считают, что в этот период основным сдатчиком земли являлся бедняк и маломощный середняк[1]. Данные о развитии арендных отношений в Абхазии подтверждают этот вывод. Согласно данным РКИ и Наркомзема Абхазии, обследовавших в 1927 г. арендные сделки, заключенные в 1924–1926 гг. в селах Звандрипш, Бамбора и Псырцха Гудаутского уезда, 84% сдатчиков и 80% сданной в аренду пашни приходилось на бедняков и середняков[2]. Этим же обследованием установлено, что 52% хозяйств вынуждены были к сдаче своих наделов из-за недостатка рабочих рук, 28% – из-за недостатка рабочего скота и мертвого инвентаря, 3% – по причине болезни, 6% – в результате ухода основных работников на службу в Советскую Армию и на выборные должности и 11 % не обрабатывали сами землю, занимаясь мелкой тор-

[1] В.П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, с. 60.

[2] ЦГАА, ф. 17, д. 270, л л. 1–2.

говлей и извозным промыслом. Однако и зажиточно-кулацкие хозяйства принимали весьма активное участие в сдаче земли в аренду. Очень примечателен факт наличия кулацкой группы среди сдатчиков земли в аренду в селе Псырцха (34%), где основной сельскохозяйственной культурой было табаководство (в Бамбора – кукуруза, в Звандрыпше – виноградарство и кукуруза). Именно здесь нередко под видом сдачи в аренду маскировалось использование рабочей силы в целях извлечения прибыли. На такую лжеаренду указывается и в материалах Наркомзема, относящихся к 1927 г. Касаясь табачных плантаций, где наемный труд является преобладающим, эти материалы сообщают, что «в связи с удорожанием рабочих рук по сравнению с довоенным временем, использование их представляется невыгодным, ...следствием этого явился преобладающий вид аренды из части урожая – на половинных началах»[1]. О широком распространении в табаководстве сдачи земли в аренду не только маломощными, но и зажиточно-кулацкими группами крестьян свидетельствуют и материалы динамической переписи 1927 г.[2]

	Группы хозяйств по стоимости основных средств производства	% хозяйст. в сдающих в аренду пашню
I.	Без средств производства	50,0
II.	Со средствами производства до 200 руб.	20,3
III.	Со средствами производства от 201 до 400 р.	15,2
IV.	Со средствами производства от 401 до 800 р.	20,3
V.	Со средствами производства от 801 до 1600 р.	23,5
VI.	Со средствами производства от 1601 руб. и выше	28,8

Наибольший процент хозяйств, сдавших в аренду пашню, приходился на группу, лишенную совершенно средств произ-

[1] ЦГАА, ф. 17, д. 270, л. 7.

[2] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921–1929 гг.». с. 148.

водства, однако на следующем месте стоят хозяйства, имеющие средства производства в высшей норме. Такое, казалось бы, несоответствие нетрудно объяснить, если рассмотреть, на каких условиях происходила сдача земли в аренду в тех и других хозяйствах. Такие сведения содержатся в материалах той же динамической переписи.[1]

	Группы хозяйств со средствами производства на 1 хозяйство	% хозяйств с из дольной сдачей земли в аренду к всему числу сдающих хозяйств
I.	Без средств производства	20,0
II.	Со средствами производства до 500 руб.	51,6
III.	Со средствами производства от 501 до 1000 р.	69,6
IV.	Со средствами производства от 1001 до 2000 р.	76,5
V.	Со средствами производства от 2001 р. и выше	90,0

Беднота сдавала свою пашню в основном за деньги, они нужны были ей не только для удовлетворения личных потребностей, но и для найма средств производства необходимых для обработки оставшейся от аренды надельной земли. Но чем экономически мощнее другие крестьянские группы, тем менее были они склонны к сдаче земли за денежную плату. А наиболее мощная группа со средствами производства на хозяйство в 2001 руб. и выше прибегала в 90% к сдаче земли на издольных началах, стремясь всяческими способами обойти советские законы, ограждающие эксплуатацию наемных рабочих. Таким образом, если маломощные хозяйства сдавали свои земли в аренду из-за отсутствия или недостатка средств производства, то зажиточно-кулацкая группа сдавала с целью предпринимательства. Этим и объясняется значительный удельный вес кулаков-табаководов среди сдатчиков земли в аренду.

[1] «Экономист Грузии», 1929, № 2–3, с. 108

Теперь о социальном составе арендаторов земли. Исследователи доколхозной советской деревни считают, что ведущая роль в аренде земли принадлежала середнякам. Такое заключение подтверждается и материалами Абхазии. Как показало обследование РКИ и Наркомзема, в трех вышеуказанных селах 70,4% арендаторов составляли середняки[1]. Основной контингент арендаторов был середняцким и в табаководстве. Согласно данным динамических обследований 1927 г., в табаководстве 63% дворов, участвовавших в аренде, и 57,6% арендуемой пашни принадлежали середняцким хозяйствам, владевшим средствами производства от 401 до 1600 ру[2]. Зажиточно-кулацкое хозяйства, владевшие средствами производства свыше 1600 руб., среди арендаторив составляли 15% и на их долю приходилось 20% арендуемой пашни[3].

Развитие арендных отношений в доколхозной абхазской деревне не привело к концентрации земли в руках верхушечных социальных групп. Удельный вес кулацких дворов в аренде был небольшим. Центральное мест» среди арендаторов занимали середняки. Освоив собственные наделы они путем аренды расширяли свое хозяйство. Аренда в середняцком хозяйстве носила трудовой характер, основывалась в основном на собственных трудовых ресурсах и являлась показателем экономического роста середняка. Для кулацких и близких к ним зажиточных хозяйств аренда земли носила предпринимательский характер. Как правило, аренда в этих хозяйствах была связана с систематической эксплуатацией наемной рабочей силы. Кулак и при аренде земли и при сдаче ее в аренду выступал как эксплуататор. И то и другое им предпринималось с целью наживы и обогащения. Как бы ни были различны причины, побуждавшие различные социальные группы крестьянства включиться в арендные

[1] ЦГАА, ф. 17, д. 270, лл. 1–3.

[2] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921 – 1929 гг.», с. 144–145.

[3] Там же.

отношения, социальное содержание складывавшихся при этом производственных отношений оставалось одним – буржуазным: маломощные хозяйства подвергались эксплуатации, кулаки выступали эксплуататорами, а для середняков аренда была в основном трудовой, но это не изменяло ее буржуазного характера.[1]

Развитие арендных отношений в доколхозной советской деревне было обусловлено наличием мелкотоварного крестьянского хозяйства, при котором нельзя было избежать неравенства, неравных возможностей ведения земледелия для разных социальных групп крестьянства, в различной степени обеспеченных средствами производства. Однако в советской доколхозной деревне арендные отношения развивались в ограниченных пределах. А когда партия взяла решительный курс на социалистическое преобразование сельского хозяйства, эти отношения стали все более вытесняться и свертываться. С победой колхозного строя и обобществлением средств производства аренда лишилась своей базы и изжила себя.

Каковы были формы оплаты земельной аренды? Согласно данным динамического обследования 1927 г. в табаководстве денежную аренду практиковало 52% арендующих хозяйств, издольную – 33,2%, натуральную – 8,2%, отработочную – 4,6% и смешанную – 2%[2]. Как видно, наиболее распространенной формой оплаты были денежная и наименее – аренда за отработки. К денежной оплате аренды прибегали кулацкие и зажиточные середняцкие хозяйства. Это общеизвестное положение, и оно не требует доказательства. Гораздо важнее выяснить роль издольной оплаты, которая также была распространена в табаководстве. Мы уже отмечали, что при сдаче пашни в аренду кулаки почти всегда – в 90% случаев – сдавали «из доли», а бедняки, на-

[1] В.П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, с. 61.

[2] З. Ф. Чахвадзе. Социально-экномическая структура грузинской деревни, с. 100.

оборот, как правило сдавали за деньги. В данном случае издольная аренда служила скрытой формой найма рабочей силы. Среди арендаторов пашни распространение издольщины происходило в обратном направлении, чем среди сдатчиков. К издольной аренде прибегало в группе хозяйств без средств производства 50% арендующих, со средствами производства до 500 руб. – 53%, со средствами производства от 501 до 1000 руб. – 29,4%, от 1001 до 2000 руб. – 17%, свыше 2001 руб. –3,7%[1]. Кулак, охотно прибегавший к издольной оплате при сдаче земли в аренду, редко на нее соглашался, выступая в роли арендатора. Бедняки и маломощные середняки, которые не имели возможности расплатиться за аренду деньгами, вынуждены были соглашаться на аренду на более тяжелых условиях издольной оплаты. Размер доли урожая, как правило, был ниже половины урожая, а нередко и превышал половину урожая[2]. Естественно, условия издольной аренды были наихудшими для низших групп.

Уравнительно разделенный земельный фонд путем аренды фактически перераспределялся в соответствии с наличными в хозяйствах средствами производства. Крестьянские иллюзии об уравнительном переделе земли рушились. Опыт развития земельных отношений в условиях нэпа убеждал крестьянство в правильности ленинской оценки уравнительного землепользования. И самый справедливый раздел земли, в обстановке неравномерного распределения орудий производства среди индивидуальных крестьянских хозяйств, не мог не подвергнуться перераспределению, не мог ликвидировать буржуазную эксплуатацию.

* * *

Самым ярким и самым прямым показателем капиталистических отношений в доколхозной деревне была эксплуатация наемного труда. В 1927 г. в СССР в целом 35,4% крестьянских дворов продавали рабочую силу и 19,8% нанимали ее, т. е. в от-

[1] «Экономист Грузии», 1929, № 2–3, с. 108.

[2] Там же.

ношения найма-отчуждения рабочей силы было втянуто больше половины крестьянских хозяйств. В сферу систематической эксплуатации наемного труда было втянуто минимум 15% крестьянских хозяйств[1].

В Грузинской ССР, по данным десятипроцентного выборочного обследования 1926 г., 17,6% крестьянских хозяйств прибегало к найму рабочих и 39,4% хозяйств – к продаже рабочей силы[2]. В Абхазии процент хозяйств, вовлеченных в сферу найма-продажи рабочей силы, был выше. Это было связано с развитием здесь табаководства, где наем сроковых и сдельных рабочих был довольно обычным явлением даже в середняцких и бедняцких хозяйствах. «Чтобы судить о том, какого типа должно быть это хозяйство, – писал В. И. Ленин о табаководческом хозяйстве, – напомним, что культура табака требует очень большого числа рабочих рук. Автор (Ленин имеет в виду В. С. Щербачева, описавшего табаководство в трех уездах Полтавской губ. – А. К.) рассчитывает, что на 1 десятину требуется не менее двух рабочих на срок от 4 до 8 летних месяцев, смотря по сорту табака.

Владелец семи десятин табачного посева должен иметь, следовательно, не менее 14 рабочих, т. е. несомненно должен строить хозяйство на наемном труде. Некоторые сорта табака требуют не двух, а трех сроковых работников на 1 десятину и, кроме того, добавочной работы поденщиков»[3]. Абхазские табаки были именно высокими по качеству и весьма трудоемкими, требовавшими наиболее интенсивного использования рабочей силы. По исчислениям Абтабсоюза, в 1926 г. затраты рабочей силы в год на обработку 1 га табачного посева равнялись 360 человеко-дням[4], причем помесячное колебание затрат было очень неравномерно

[1] В.П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, с. 62.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, п. I, д. 2655, лл. 13–14.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 299.

[4] По материалам крестьянских бюджетов Грузии затраты на десятину табачной культуры составляли 382 человеко-дня; З.Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 72.

– от 7 человеко-дней в октябре и даже полного отсутствия в ноябре до 75 человеко-дней в августе[1]. Условия возделывания табака определяли необходимость концентрации трудовых ресурсов в короткие промежутки времени. Некоторые работы здесь приходилось выполнять в весьма сжатые сроки, что создавало дефицит труда даже при наличии сравнительно большого запаса труда своей семьи.

В табаководстве Абхазии, по данным динамического обследования, в 1927 г. рабочую силу нанимали 75,4% всех хозяйств, а рабочую силу отчуждали – 10,7 %[2]. Это свидетельствует между прочим о том, что в табаководстве использовалась по найму рабочая сила, отпускавшаяся не табаководческими хозяйствами.

Какие же социально-экономические группы отчуждали рабочую силу? Какие группы и в какой степени нанимали ее? По материалам сплошного обследования, в 1926 г. табаководческие хозяйства с плантацией до 0,5 дес. нанимали рабочих в среднем на хозяйство в год на 19,7 рабочих дня, имевшие от 0,5 до 0,75 дес. – на 48,8 рабочих дня, от 0,76 до 1 дес. – на 91,6 рабочих дня, от 1,01 до 1,5 дес. – на 171,3 рабочих дня, от 1,51 до 2 дес. – на 288,7 рабочих дня, от 2,01 до 3 дес. – на 476,1 рабочих дня, имевшие 3 дес. и выше – 659 рабочих дней[3]. В среднем на одно хозяйство приходилось 87,5 нанятых рабочих дня, причем хозяйства с посевом в 3 и выше десятин нанимали рабочих в 7,4 раза больше этой средней величины и в 33 раза больше, чем хозяйства с посевом до 0,5 дес. С ростам табачной площади у хозяйств резко возрастает число используемых наемных рабочих.

Материалы динамического обследования дают конкретные данные о классовом составе нанимателей и социальной сущности найма для отдельных экономических групп. Из группы пролетариата к найму прибегало в 1927 г. 41,2%, из группы бедняков

---

[1] «Известия Абхазской сельскохозяйственной опытной станции», 930, № 40, с. 48.

[2] «10 лет Советской Грузии...», с. 301.

[3] Архив Абгосмузея, д. 126, л. 258.

– 49,2%, из группы середняков – 76,8%, а из мелкокапиталистических хозяйств – 98,5% всех дворов[1]. Хотя все группы в табаководстве прибегают к найму, но степень участия в нем тем выше, чем больше средств производства у хозяйства. Наем особенно сильно представлен среди кулацких хозяйств.

Социальную сущность найма для отдельных групп раскрывают данные о размерах найма. В 1927 г. на 1 нанимающее хозяйство было нанято в группе батраков 75,4 человеко-дня, бедняков – 79,0, середняков – 95,3, в группе кулацких хозяйств – 283,4 человеко-дня[2]. В мелкокапиталистических хозяйствах был весьма высоким не только процент нанимающих хозяйств (98,5%), но и размер найма. Еще более убедительные данные, характеризующие социальную сущность найма рабочей силы в отдельных группах, мы получим, если по каждой группе в отдельности определим общую сумму нанятых человеко-дней, вычтем из нее количество отчужденных человеко-дней и полученное сальдо найма исчислим в среднем на 1 хозяйство той или иной группы. В результате такого исчисления в среднем на хозяйство падает чистых отчужденных (–) и чистых нанятых (+) рабочих дней: в группе батраков–60,4, бедняков +.25,4, середнянков +48,4, в группе мелкокапиталистических хозяйств +258,8. Батраки имели отрицательное сальдо, следовательно, отчуждали рабочую силу больше, чем нанимали. Бедняки и даже середняки лишь в незначительных размерах перекрывали отчуждаемую рабочую силу наймом. А мелкокапиталистические хозяйства, располагая средствами производства в избытке, путем найма рабочей силы эксплуатировали зависимые хозяйства.

Наем рабочих в табаководстве свыше 125 дней экспертной комиссией ЦСУ Грузии был определен как признак предпринимательства. На эксплуататорский характер найма рабочей силы в мелкокапиталистических хозяйствах указывают и формы най-

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 307.

[2] З.Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 84.

ма исключительно в виде сроковых и годовых рабочих. Бедняки и маломощные середняки также прибегали к сроковому найму, но они почти не использовали постоянных рабочих. В основном они нанимали поденных и сдельных рабочих. Использование наемного труда в этих хозяйствах безусловно связано с расширением их хозяйства, но в основном оно вызывалось, как уже отмечали, спецификой табаководства, требовавшего в короткие сроки выполнения срочных работ (особенно ломка и низка).

Если степень использования наемного труда была тем выше, чем выше социально-экономическая группа, то и при рассмотрении материалов об отчуждаемости рабочей силы обнаруживается совершенно обратная картина. В 1927 г. в табачном хозяйстве к продаже рабочей силы прибегало 82,4% батрацких хозяйств, 16,2% бедняцких, 6,4% середняцких и 2,1% кулацких хозяйств. При этом в среднем на одно отчуждающее хозяйство приходилось проданных рабочих дней: в группе батраков – 244,6, бедняков – 108,2, середняков – 53, кулаков – 24,5[1]. Совершенно очевидно, что основными поставщиками наемной рабочей силы являлись батрацко-бедняцкие слои деревни. В виду отсутствия или слабой обеспеченности средствами производства они вынуждены были прибегать к продаже рабочей силы.

По материалам динамического обследования 1927 г. работа по найму в индивидуальных хозяйствах служила главным источником средств существования для 15,4% хозяйств без средств производства, для 27,2% хозяйств – со средствами производства до 50 руб., для 10,8% хозяйств – со средствами производства от 51 до 100 руб., для 5,7 % хозяйств – со средствами производства от 301 до 150 руб., для 2,3% хозяйств – со средствами производства от 151 до 200 руб., для 1,8% хозяйств – со средствами производства от 201 до 250 руб.[2] Это были действительно пролетарские и полупролетарские хозяйства. Они подвергались посто-

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 301.

[2] З. Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 59.

янной капиталистической эксплуатации, находились в наиболее тяжелом положении. В приведенных данных достаточно ясно выражена поляризация групп в табаководческих хозяйствах на нанимающихся и нанимающих. Основными поставщиками рабочей силы были батрацко-бедняцкие хозяйства, а главными нанимателями выступали зажиточно-кулацкие элементы.

В развитии отношений найма-продажи рабочей силы в табаководстве Абхазии по сравнению с дореволюционным временем произошли большие количественные и качественные изменения. До революции здесь две трети всех дворов нанимателей и более трети всей наемной рабочей силы приходилось на крупнейшие кулацкие хозяйства. А в 1927 г. 19,3% дворов, нанимавших рабочую силу, имели средства производства до 400 руб., 68,5% имели от 400 до 1600 руб., и лишь 12,2% имели средств производства на сумму свыше 1601 руб[1], т. е. более двух третей всего контингента нанимателей составляли середняки.

Материалы динамических обследований 1927–1928 гг. показывают, что в период непосредственной подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства происходит сокращение размера найма-продажи рабочей силы. В 1927 г. рабочую силу нанимали 75,4% табаководческих хозяйств, а в 1929 г. – 61,3%[2]. Сокращение протекало за счет крайних социально-экономических групп. В кулацких хозяйствах число дворов, использующих наемный труд, уменьшилось с дней сократились с 97,4% до 41 %[3]. А количество хозяйств, 98,5% до 85,1%, при этом хозяйства с наймом свыше 50 отчуждающих рабочую силу в наем в сельское хозяйство за эти годы, сократилось в группе батраков с 82,4% до 29,4%, а в группе бедняков – с 16,2% до 12,8%. Число проданных рабочих дней в среднем на 1 отчуждающее хозяйство снизилось в группе батраков с 244,6 до 19,6 и в группе бедняков – с 108,2

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921–1929 гг.», с. 152.

[2] «10 лет Советской Грузии...», с. 300, 307.

[3] Там же.

до 27,9 дней.[1] Такое движение показателей найма и продажи рабочей силы свидетельствует о процессе свертывания капиталистических предпринимательских хозяйств, с одной стороны, и хозяйственном подъеме батрацко-бедняцких хозяйств, о переходе значительной части их к самостоятельному хозяйствованию, – с другой. По мере роста обеспеченности батрачества и бедноты средствами производства сокращались масштабы продажи ими рабочей силы.

До революции в табаководстве рост числа наемных рабочих опережал рост крестьянских хозяйств и всего сельского населения Абхазии. После победы пролетарской революции в абхазской деревне происходило абсолютное и относительное сокращение употребляемого наемного труда. При этом следует иметь в виду, что обрабатываемая площадь табака по сравнению с 1913 г. увеличилась в 1927 г. на 39,4% и в 1929 г. – на 46,9%[2]. В дореволюционной деревне даже незначительное расширение табачной площади влекло за собой рост наемного труда. А в доколхозной абхазской деревне табаководство, хотя и продолжало развиваться исключительно на базе индивидуальных хозяйств, но оно расширялось главным образом в трудовых бедняцко-середняцких хозяйствах. При систематической материальной поддержке со стороны Советского государства и кооперации тысячи бедняцких и маломощных середняцких хозяйств получили возможность включиться в производство табачной культуры. Рост числа табаководов являлся показателем происходившего хозяйственного роста маломощных дворов, ранее лишенных возможности заниматься этой трудоемкой культурой. Росло число самостоятельных хозяйств, уменьшилось число зависимых, эксплуатируемых.

В доколхозной абхазской деревне по сравнению с дореволюционным временем не только сократились масштабы найма-продажи рабочей силы и капиталистической эксплуатации

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 300–301.

[2] Там же, с. 215.

наемного труда, но произошли большие изменения в условиях труда наемных рабочих. Советские и профсоюзные органы вели борьбу против кабальных сделок. Они регулировали отношения найма-продажи рабочей силы, постоянно стремились направить их в законное русло. В этом отношении особенно большой и плодотворной была работа союза сельскохозяйственных рабочих, который состоял в основном, из наемных рабочих и батраков. Во всех табаководческих селах и местах скопления батраков имелись сельрабочкомы или профуполномоченные, которые занимались регулированием вопросов труда и зарплаты.

Сезонность работы в табаководческих хозяйствах, социальная неоднородность нанимающих хозяйств, текучесть батраков осложняли регулирование найма рабочей силы. Большой процент батраков составляли пришлые из других районов – Кубани, Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Грузинской ССР[1]. По данным Совпрофа Абхазии, в 1926 г. пришлые батраки (отходники) составляли 60–70%[2]. По материалам текущей статистики табаководства, в Абхазии в 1927 г. в период обработки земли и выращивания рассады наем в большинстве случаев (60% показаний корреспондентов) приходился на пришлых рабочих[3], в период посадки пришлые рабочие составляли 52%, в период летнего ухода за плантациями 49%, при этом пришлые рабочие в Гагринском уезде составляли 100%, в Гудаутском – 02%, в Сухумском – 46%, в Кодорском уезде – 45%[4]. Использование труда батраков-отходников в табаководстве было наивысшим в период ломки и низки табака (70–75%). Таким оставалось соотношение между пришлыми и местными наемными рабочими вплоть до 1930 г., когда приток рабочих из других районов

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 148/3, л. 63.

[2] Там же, д. 166/2, л. 13.

[3] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период первый. 1927 г.», Сухум, 1927, с. XI.

[4] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период второй. 1927 г.», Сухум, 1927, с. 19.

резко упал (30%)[1]. Союз сельхозрабочих принимал различные меры для регулирования найма рабочей силы, решительно боролся против произвольной вербовки рабочих нанимателями. С 1928 г. правление союза установило непосредственную связь с Кубанским и Майкопским окружными отделениями союза сельхозрабочих с целью более планомерного регулирования притока рабочих, что дало положительные результаты[2].

Союз сельхозрабочих с 1925 г. добился частичного урегулирования зарплаты батраков. Тогда не были выработаны нормы отдельных видов работ (ломка, низка, тюковка табака и т. д.) и на основании этих норм, получивших название «ставка союза», регулировалась зарплата батраков. Ежегодно правление союза сельхозрабочих совместно с Абтабсоюзом при участии квалифицированных табачных рабочих и работниц пересматривало тариф оплаты труда. Средний месячный заработок батрака и батрачки в табаководстве с питанием составлял в 1926 г. 53 руб. и в 1927–1928 гг. – 58 руб., а без питания соответственно 35 и 40 руб.[3]. Была определена средняя зарплата батрака и при сезонной поденной работе по периодам (вспашка и подготовка земли к посадке, посадка, прополка, низка).

Абхазское областное правление союза сельхозрабочих в отчете VIII съезду союза отметило значительную работу профсоюзных организаций по регулированию зарплаты наемных рабочих. «Выработанный нами тариф, – сказано в этом отчете, по которому установлена ныне существующая норма оплаты труда как союзная ставка, получила широкое применение в табаководческих хозяйствах, и она вполне правильно регулирует заработанную плату, удерживая таковую от повышения или понижения в связи с наплывом и отсутствием рабочей силы». Иногда при большом притоке рабочей силы «некоторые батраки само-

[1] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период первый». Сухум, 1930, с. 29.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 269/4, л. 10.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 269/4, л. II.

вольно без ведома союзных ячеек, не заключая трудовых договоров, нанимались на работу», договариваясь на оплату труда ниже тарифных ставок. Однако такие факты, например, уже в 1928 г., встречались как исключение[1].

Для устранения произвола в найме батраков и установления своевременной и правильной выплаты им зарплаты исключительное внимание уделялось заключению трудовых договоров. В 1924 г. трудовой договор был заключен с 1300 рабочими, в 1925 г. – с 2600 рабочими[2]. С 1925 г. была введена практика коллективных договоров. На 1 июля 1927 г. было заключено 1687 трудовых договоров с охватом 2186 батраков и на 1 июля 1928 г. – 2602 труддоговора с охватом 4600 батраков. Договоры заключались и с батраками, не состоящими в союзе. Например, в июле 1928 г. договорами были охвачены все члены союза, а также 1513 нечленов союза, работающих по найму в индивидуальных крестьянских хозяйствах[3].

Как отмечается в отчете правления союза сельхозрабочих, значительная часть табаководческих хозяйств применяли исключительно сезонную рабочую силу сроком 0,5–1 месяц и в этих условиях «система заключения групповых договоров дала возможность полного охвата рабочей силы»[4]. В договоры включались все условия найма, в том числе пункты о ежемесячной выплате зарплаты. Однако кулаки стремились игнорировать отдельные пункты договора, в частности пункты о своевременной выплате зарплаты, об улучшении жилищных условий, ограничений рабочего дня, который нередко продолжался от зари до зари. На практике широко проводилась низка табака и в ночное время, нарушались условия питания. Подобные нарушения классовых интересов бедноты и батрачества немедленно стано-

[1] Там же.

[2] Н. А. Ардашелия. Профсоюзы Абхазии в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.), с. 15.

[3] ПААО КП Грузии,- ф. I, оп. 2, д. 269/4, л. 12.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 269/4, л. 11.

вились предметом обсуждения партийных и профсоюзных организаций, органов Наркомата труда. С 1928 г. союз сельхозрабочих берет твердый курс на усиление охраны труда батрака на основе кодекса законов о труде.

Регулирование вопросов труда и зарплаты втянуло батраков в активную хозяйственную деятельность, содействовало поднятию производительности труда наемных рабочих, сделало возможным быстро продвинуть вперед развитие табаководства.

Исключительное внимание уделялось социальному страхованию батрачества. Помимо уездных пунктов социального страхования союзом сельхозрабочих были открыты страхпункты в местах скопления батрачества – в селах Алахадзе, Пидунда (Гагринский уезд), Дранда, Цебельда, Эшера (Сухумский уезд)[1]. В 1926–1927тт. еще не все крестьяне страховали батраков и брали на себя обязательства оказывать им необходимую помощь. В 1928 г. было проведено обязательное страхование. В результате 95% батраков, охваченных труддоговорами, были застрахованы. Обеспечение батрачества социальной страховой помощью являлось важнейшим завоеванием Советской власти. Батраки табаководческих хозяйств ежегодно получали десятки тысяч рублей страховой помощи.

Таким образом, в отличие от дореволюционного времени, когда кулацкие табаководческие хозяйства подвергали наемный труд неограниченной капиталистической эксплуатации, в советской деревне кулак был серьезно ограничен. Основная масса наемного батрацко-бедняцкого персонала строила свои отношения с нанимателем по заранее оговоренным в письменном договоре условиям. Батрак и бедняк находились под постоянной защитой партийных, советских и общественных организаций села, которые проявляли повседневную заботу об охране труда, о защите экономических и социально-правовых интересов деревенского пролетариата и полупролетариата.

[1] Там же, д. 269/4, л. 13.

* * *

Занятия сельского населения Абхазии не ограничивались рамками сельскохозяйственного производства. Определенная часть работников находила занятия в кустарно-ремесленных промыслах или отправлялась в отход на заработки в другие села или города. Поэтому и представление о социальной структуре и социальных отношениях абхазской деревни будет неполным без хотя бы самой краткой характеристики кустарно-ремесленных промыслов и отходничества.

По данным обследования 1928 г. в абхазской деревне число лиц занятых в мелкой кустарно-ремесленной промышленности составляло 1726 человек, из них 771 человек постоянно был занят в мукомольных мельницах, 222 в швейном производстве, 344 в слесарно-кузнечном производстве, 145 столярно-плотничном производстве и т. д.[1]. Ясно, что социальный состав кустарей не был однородным. Здесь встречались и владетели относительно крупных мельниц и пошивочных мастерских, прибегавшие к наемному труду, но в основном, как показало обследование РКП, около 70% кустарей являлись бедняками и 19% середняками[2]. Некоторыми видами промысла занимались исключительно женщины. В целом промыслы служили не основным, а побочным источником дохода для хозяйства.

Определенное место в доколхозной деревне занимало отходничество. В Абхазии оно не получило значительного развития. По данным ЦСУ Грузии в 1925/26 г. в Абхазии было зарегистрировано 1236 отходников, что составляло 0,7% самодеятельного сельского населения, а в 1926/27 г. – 830, или 0,5 % сельского населения. Все отходники находили занятия исключительно в пределах республики[3]. Отходничество в целом в Грузии было развито

---

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921 –1929 гг.», с. 62–64.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 185/4, л. 17.

[3] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921–1929 гг.», с. 228–229.

больше, при этом в некоторых районах оно достигало довольно значительных размеров. Так, в 1926/27 г. в Верхней Сванетии отходники составляли 12,4% самодеятельного сельского населения, в Рача–Лечхуми – 8,4%, в Ахалкалакском уезде – 6,9%[1]. В этих горных и малоземельных районах для бедноты и после революции вопрос о средствах существования оставался не разрешенным и выход из положения находили в отхожем промысле.

Однако следует подчеркнуть, что до революции отходничество было развито гораздо больше, причем, тогда отходники, как правило, почти всегда попадали в сферу капиталистической эксплуатации. Другая обстановка сложилась при Советской власти. Во-первых, аграрные преобразования Советской власти и вся социально-экономическая политика Советского социалистического государства в деревне привели к резкому сокращению числа рабочих-отходников. Во-вторых, в связи с национализацией промышленности и транспорта и развертыванием нового промышленного строительства многие отходники находили применение своим рабочим рукам в социалистических предприятиях. По Грузинской ССР в целом за 1926/27 г. по сравнению с предыдущим годом количество отходников, работавших на лесозаготовках, увеличилось в 2,2 раза, на фабрично-заводских и ремесленных предприятиях – в 1,7 раза, строительных рабочих – в 1,1 раз, чернорабочих – в 1,2 раз, сельхозрабочих – в 1,2 раза[2]. Около 70% всех отходников работали на стройках, лесозаготовках, фабриках, заводах и на транспорте. Аналогичное положение было и в Абхазии. Здесь в 20-х годах развернулось строительство Черноморской железной дороги, строительство Бзыбского комбината, началась работа по освоению Ткварчельского каменноугольного рудника, строились и другие предприятия. Значительное число отходников, нанимаясь на работу в эти промышленные и строительные предприятия, оказывалось в сфере социалисти-

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921 –1929 гг.», с. 228–229.

[2] Там же, с. 230.

ческих отношений. В результате, с одной стороны отходник, как крестьянин-земледелец, являлся частным собственником и в известной мере носителем мелкобуржуазных отношений. С другой стороны, его не обеспечивало свое хозяйство и он в поисках средств к существованию прибегал к отхожему промыслу и при этом, нанимаясь на сезонную работу рабочим социалистической промышленности, транспорта и строительства, он оказывался втянутым в сферу социалистических производственных отношений. Данное явление было характерно для переходного периода[1].

Определенная часть батраков и бедняков шла на сезонную работу в совхозы. В восстановительный период в совхозах Абхазии работали десятки таких рабочих. С конца 20-х годов в связи с развертыванием строительства новых чайных совхозов и расширением цитрусоводческих совхозов, многие крестьяне, имея незначительный надел, нанимались на сезонную работу в совхозы, тем самым принимали участие в строительстве этих новых крупных социалистических предприятий в земледелии. И в данном случае крестьянин с наделом, временно став рабочим советского хозяйства, становился носителем одновременно двух производственных отношений. В своем мелком индивидуальном хозяйстве – мелкобуржуазных и в совхозе – социалистических. И чем сильнее он подвергался влиянию социалистических производственных отношений, тем больше он высвобождался от иллюзии мелкобуржуазных представлений и увереннее становился на путь социалистического развития. Нередко крестьяне-рабочие, участвовавшие в строительстве Ачигварского, Моквского чаеводческих и других совхозов, создававшихся на месте дремучих лесов с помощью тракторов и прочей сложной машинной техники, возвращаясь в свое родное село, становились активными борцами за объединение крестьян в коллективные хозяйства.

[1] Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула, с. 205; В. П. Данилов. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах. «Исторические записки», т. 94, М., 1974, с. 82–116.

* * *

Мы коснулись отношений найма-сдачи сельскохозяйственного инвентаря, земельной аренды и найма-продажи рабочей силы, т. е. главным образом тех отношений, которые составляли основное звено буржуазных отношений в доколхозной деревне. Однако ограничиваться этим нельзя, так как система буржуазных отношений в деревне охватывала не только сферу производства, но и сферу обмена и распределения. Частный торговец, скупщик и ростовщик всячески стремились закабалить трудящееся крестьянство, сосредоточить в своих руках товарно-денежный оборот. В Грузии, в том числе и в Абхазии, в первые годы Советской власти масштабы эксплуататорской деятельности частного капитала были обширны. Если в РСФСР и других республиках, прошедших период военного коммунизма, частный посреднический капитал понес очень большие потери, то здесь частный капитал в торговле сохранял благодаря экономической политике меньшевистского правительства свою мощь. Частный торговец, скупщик и ростовщик в начале нэпа получили выгодную конъюнктуру для частнокапиталистического накопления. Ввиду слабой конкурентоспособности насаждающегося обобществленного торгового сектора, они стали скупать и перепродавать промышленные товары и сельскохозяйственные продукты, добывать нелегальным путем товары зарубежных стран, стремились захватить товарооборот между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством.

Однако кооперация и госторговля все более укрепляли свои позиции. В 1927/28 г. частная торговая сеть в Абхазии имела 1337 заведений, что составляло 83,2% общего числа торговых точек[1]. Но это были мелкие торговые заведения. В 1924/25 г. розничный товарооборот частной сельской торговли исчислялся в 809 тыс. руб., а в 1928/29 г. – 4 453,2 тыс. руб., т. е. увеличился в 5,5 раза. Но государственные и кооперативные организации

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии. 1921 –1929 гг.», с. 266–267.

обслуживали уже более половины торгового оборота деревни (55,6%). В 1929/30 г. общественный сектор основательно потеснил частный капитал в торговле. По сравнению с предыдущим годом объем частной розничной сельской торговли сократился в 2,6 раза, а удельный вес ее в общем розничном товарообороте уменьшился с 44,4% до 17,0%[1]. Соответственно сократилась и сфера капиталистических отношений в сельской торговле. К началу массовой коллективизации крестьянин в розничной торговле приблизительно на пятую часть своего оборота вступал в отношения с частником.

Численность частных торговцев росла, пополнялась «новой», нэпманской буржуазией. В процессе классового расслоения крестьяне постоянно выделяли из своей среды торговцев. Кроме того, определенная часть торговцев, вытесненных из города, переходили к скрытой торговой деятельности в сельских местностях, занимаясь скупкой и перепродажей товаров, а также мелкими поставками и подрядами. Нередко частник, выходец из зажиточно-кулацкой среды, вытесненный из деревенской розничной торговли, осуществлял предпринимательскую деятельность в тех же формах, как и появившийся из города торговец. Кулак-скупщик становился нелегальным торговцем. Частник весьма искусно приспосабливался к потребителю деревни.

Однако с частным торговцем велась острая борьба. Обобществленный сектор из года в год сокращал, а затем вовсе прекратил денежное и товарное кредитование капитала. Усиливался нажим налогового пресса. Все шире развертывалась в деревне мелколавочная сеть кооперации. В результате этого и других мер, начиная с 1929 г., происходит стремительное падение частной розничной торговли в деревне. А это соответственно суживало сферу буржуазных отношений в сельском товарообороте.

Острая борьба развернулась за вытеснение частного торговца и скупщика с заготовительного рынка, прежде всего с табачного

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», Приложение № 9.

рынка, так как табак оставался основным товарным продуктом сельского хозяйства Абхазии. Как показывают материалы динамических обследований 1927 г., все социально-экономические группы крестьян-табаководов, за исключением пролетариата, были связаны с рынком. Земледельческую продукцию отчуждало 66,7% полупролетарских хозяйств, 85,2% мелких товаропроизводителей и 91,8% мелкокапиталистических хозяйств. В среднем одно полупролетарское хозяйство продавало продуктов земледелия на 449,9 руб. и животноводства на 75,8 руб., хозяйство мелкого товаропроизводителя соответственно на 833,3 руб. и 83,5 руб., мелкокапиталистическое хозяйство – на 1765,3 руб. и 132,0 руб.[1] Хотя и в различной степени, но все эти группы в значительной мере были вовлечены в товарно-рыночные отношения. Поэтому вытеснение с табачного рынка частного капитала являлось предметом особой заботы Советской власти.

Посредством политики цен и других экономических мер с 1924/25 г. заготовка табака была сосредоточена исключительно в руках кооперативных и государственных заготовительных органов. Скупщик был полностью парализован. Весь урожай табака поступал к государству через социалистический сектор. Табаковод был избавлен от огромных потерь, которые он нес раньше, связываясь с частником. Он теперь по твердым государственным ценам реализовывал всю свою продукцию, Табаковод освободился от жестокой эксплуатации скупщика и спекулянта, от постоянной угрозы разорения в результате колебания стихийных рыночных цен. Советская система заготовки табака лишила кулаков и скупщиков огромных капиталов, которые они раньше получали, участвуя в посреднических операциях при сбыте табака. В условиях Советской власти табачный рынок перестал быть фактором, усиливающим классовое расслоение крестьянства.

Заготовка коконов, хлопка, фундука, мандарин, лимонов, апельсинов, маслин и других продуктов также почти целиком

[1] З.Ф. Чахвадзе. Социально-экономическая структура грузинской деревни, с. 106.

осуществлялась обобществленным сектором. В 1925/26 г. в общем заготовительном рынке Абхазии частный капитал занимал лишь 12%[1]. С введением в 1928 г. системы контрактации скупщики и спекулянты все более вытеснялись с фруктового и других рынков. Соответственно сфера буржуазных отношений в сбытовом обороте деревни сокращалась.

Такие товары, как плуги и другой мелкий сельхозинвентарь, минеральные удобрения, ядохимикаты и другие поступали в сельское хозяйство, минуя частный капитал, исключительно через кооперативные и государственные организации.

Таким образом, в сфере обращения еще более интенсивнее, чем в сфере производства, происходило ограничение и вытеснение буржуазных отношений. Однако арена распространения этих отношений в товарообороте оставалась пока довольно широкой. Как уже отмечали, в 1929/30 г. частный капитал, например, в розничной сельской торговле занимал 17,0%. Полностью вытеснить его из товарооборота было нельзя, пока сельское хозяйство базировалось на мелком крестьянском хозяйстве, которое в условиях товарного производства постоянно порождало капитализм.

В доколхозной деревне значительное место занимали отношения, складывавшиеся на почве кредита. Статистика не зафиксировала данные, характеризующие кредитные отношения в абхазской деревне. Известно только то, что в первые годы нэпа в кредите, как и в торговле, преобладали частные формы. Основным кредитором крестьянина был его богатый сосед-кулак, который всячески стремился закабалить неимущие слои крестьянства на почве кредита. Поэтому борьба с кабальным кулацким кредитом стала одной из важнейших задач Советского государства в деревне. С 1924 г. кредитная кооперация в Абхазии быстро развивалась. Ее роль в подъеме маломощных хозяйств, в высвобождении их от кулацкой зависимости

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 543, л. 317.

усиливалась из года в год. За 1924–1928 гг. на производственные нужды системой кредита абхазской деревне было отпущено 9 088 304 руб., краткосрочных и 1 365 670 руб. долгосрочных ссуд[1]. Однако тогда государство не располагало возможностью в достаточной степени обеспечить нужды крестьян в кредите. Значительная часть маломощных хозяйств, несмотря на оказываемую помощь, нуждалась в денежных средствах. Например, в 1927 г. в период посадки табака 56% корреспондентов (хозяйства, дававшие сведения о себе статистическим органам) указывало на недостаток денежных средств у крестьян[2]. Многие из них находили выход из тяжелого положения у частного кредитора. Таким путем крестьяне попадали в зависимость к кулаку и ростовщику, подвергались капиталистической эксплуатации. Но происходивший в деревне экономический подъем бедняцко-середняцких масс крестьянства создавал почву для ликвидации массовых форм кабальной зависимости их от частного кредитора. С каждым годом расширявшаяся советская кредитная система все более вытесняла частный капитал из области кредитных отношений. Вместе с тем для определенной зажиточной части середняков выгоды льготного государственного кредита служили одним из источников уже капиталистического накопления, средством развертывания предпринимательского хозяйства. Известно также и то, что иногда кулакам удавалось обойти советские законы, в той или иной мере пользоваться государственными кредитами. Эти противоречия тогда были неизбежны.

Таким образом, как мы видели, в абхазской доколхозной деревне буржуазные отношения из области производства, обмена и распределения постепенно вытеснялись и к началу массовой коллективизации в ряде областей социально-экономической жизни деревни уже уступили свои главные позиции.

---

[1] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. I, ч. II, д. 3076, лл. 3–4.

[2] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период второй», 1927 г., с. 10.

При рассмотрении социально-экономических отношений доколхозной советской абхазской деревни нельзя обходить или игнорировать встречавшиеся здесь патриархально-феодальные формы эксплуатации. Без освещения этого вопроса невозможно воссоздать достоверную картину социально-экономического развития абхазской деревни. К сожалению, мы не располагаем необходимыми материалами, чтобы дать сколько-нибудь полный ответ на поставленный вопрос. Официальные учреждения того времени изучали преимущественно классовую структуру села, распределение основных средств производства между различными социально-экономическими группами крестьянства и отношения, складывавшиеся на почве их неравномерного распределения. Они не изучали патриархально-феодальные пережитки. Поэтому о них сохранились лишь фрагментарные сведения в виде писем, обличительных протестов в прессе, докладных записок разного рода комиссии, в которых говорится об отдельных проявлениях патриархальщины.

Как свидетельствуют материалы, феодально-патриархальные отношения в какой-то степени сохранились в земельном строе, в формах организации хозяйства. Хотя революция очистила систему землевладения и землепользования от пережитков средневековья, в целом ликвидировала феодальные методы эксплуатации, однако в отдельных местах, в большей части абхазских селах, пережитки патриархальщины в этой области еще встречались. Как мы отмечали выше, Советская власть бывшим князьям и дворянам в Абхазии оставила трудовую норму земли. Но в ряде мест отдельным их представителям удалось сохранить за собой земельные владения значительно больше нормы. Они добивались этого, используя культурную и политическую отсталость крестьянства, опираясь на патриархально-феодальные пережитки и консерватизм определенной части населения, обширные родственные связи, проповедуя демагогическую идею «о единстве интересов народа» и т. д. И там, где крестьяне недостаточно ясно представляли свои классовые интересы и находи-

лись под влиянием эксплуататорских классов, в плену патриархально-родовых представлений, княжеско-дворянские элементы не только удерживали лучшие свои участки, но использовали их для эксплуатации крестьян феодальными методами.

Такие случаи имели место, например, в селе Мерхеули (Сухумский уезд). Здесь «арендаторы вроде крепостных – сообщалось 19 июля 1923 г. в «Голосе трудовой Абхазии».– Они дают после сбора урожая часть его за арендованную землю, а также выполняют другие даровые работы в пользу владельца. По словам жителей-арендаторов, нынешнее их отношение к князю ничем не отличается от времен царских и меньшевистских; такая же зависимость». В этом же селе и в 1929 г. были зафиксированы факты существования таких отношений между княжеско-дворянскими элементами и бывшими арендаторами[1]. Аналогичные явления, правда в меньших масштабах, были вскрыты в с. Эшера. Патриархально-феодальные формы зависимости крестьян имели место и в некоторых других местах, где в прошлом сильна была власть помещиков. В 1929 г. партийные и советские органы выявили, что бывшие крупные помещики М. Лакерба, В. Лакерба (Гудаута), Н. Анчабадзе, Н. Званба (с. Репо-Шешелети Гальского уезда) и другие использовали сваи земли для эксплуатации крестьян феодальными методами[2]. В ряде случаев они, опираясь на живучие патриархально-родовые и патриархально-феодальные пережитки в быту и сознании, добивались выполнения крестьянами различных повинностей феодального типа. Княжеско-дворянские элементы использовали всевозможные предрассудки общественного, бытового и религиозного характера для удержания своего влияния на крестьянские массы.

Остатки старины – пережитки патриархальных отношений – проявлялись и в животноводстве, в частности, когда хозяева мелкого рогатого окота, проживавшие в предгорной зоне, для организации летнего выпаса скота вступали в товарищеское

[1] ПААО КП Грузии. ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 160.
[2] «Советская Абхазия», № 5, 7 января 1930 г.

коллективное объединение – «агуп». В доколхозной абхазской деревне система «агуп» встречалась нередко. Крупный хозяин скота принимал от мелких и средних собственников коз и овец в состав «агуп». Вступив в коллектив, он в качестве пастухов вместе со своими маленькими стадами в составе стада главы «агуп» отправлялись на горное пастбище. Практика субаренды пастбища, сохранившаяся сплошь и рядом, позволяла главе «агуп» использовать свое привилегированное положение для эксплуатации своих пастухов. Отгонное скотоводство создавало возможность скрывать кабальные формы эксплуатации. Большинство крупных скотоводов эксплуатировало крестьян посредством патриархальной системы «агуп».

В первое время после установления Советской власти встречались замаскированные формы эксплуатации под видом использования труда родственников, приемных детей и т. д., которые совершенно не подвергались статистическому учету. Княжеско-дворянские и кулацкие элементы под видом помощи пользовались и такими формами эксплуатации, как «айцхрара» и «киараз» (взаимопомощь). Таковы основные более или менее распространенные формы патриархальной эксплуатации в деревне.

Таким образом, в абхазской доколхозной деревне наряду с капиталистической эксплуатацией в пережиточном виде сохранялись в какой-то степени и патриархально-феодальные методы эксплуатации. Игнорировать их наличие в социально-экономической жизни доколхозной деревни нельзя, ибо иначе не будет вскрыта специфика социально-экономических отношений в абхазской деревне того времени и особенности процесса коллективизации в Абхазии.

Социальный строй советской доколхозной деревни, как показали исследования советских историков, представляли сложное сочетание различных по своему существу отношений. В абхазской деревне наряду со старыми, вытесняемыми, отживавшими, но пока еще цепко державшимися буржуазными, и сохранивши-

мися в пережиточном виде патриархально-феодальными отношениями, складывались и пробивали себе дорогу новые отношения – социалистические и переходные к социалистическим.

Социалистические производственные отношения развивались в совхозах и колхозах. Носителями этих новых отношений в деревне являлись рабочие совхозов и члены первых колхозов. Эти социальные силы только возникали, были малочисленны, но им принадлежало будущее. Более широкое развитие получили производственные отношения, являвшиеся переходными к социалистическим[1]. Они складывались под непосредственным воздействием советской кооперации. Через кооперацию мелкобуржуазное крестьянское производство все более вовлекалось в систему советского народного хозяйства, направляемого государством диктатуры пролетариата по социалистическому пути развития. Посредством хозяйственного объединения мелких товаропроизводителей в области товарооборота и организации прокатных пунктов, простейших производственных объединений и т. д. кооперация вносила в хозяйства бедняцко-середняцкого крестьянства элементы коллективизма, постепенно вводила его в систему новых экономических отношений.

Под влиянием советской кооперации в процессе обобществления сбытоснабженческих операций в области обмена между социалистической промышленностью и мелкотоварным бедняцко-середняцким хозяйством возникали отношения переходные к социалистическим производственным отношениям. Характер этих отношений, как переходных к социалистическим, определялся ведущей ролью социалистической промышленности по отношению к мелкотоварному крестьянскому хозяйству,

[1] Характеристику переходного типа производственных отношений, см. В. П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, с. 49 – 80; Его же. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие. «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории». Сб. статей. М, 1974, с. 69–74.

и тем, что они устанавливались через социалистическую кооперацию. Переходными являлись и отношения, складывавшиеся в простейших производственных объединениях, и при пользования средствами производства прокатных пунктов. Эти отношения в условиях мелкобуржуазной деревни находились в сложном переплетении с буржуазными отношениями. Бедняцко-батрацкие и середняцкие слои сельского населения, подвергаясь эксплуатации со стороны кулака, частного торговца, скупщика и ростовщика, вовлекались в буржуазные отношения, но они в то же время через систему советской кооперации втягивались в новые, переходные производственные отношения. Этими переходными отношениями они охватывались в той мере, в какой вступали в хозяйственные отношения с социалистической кооперацией и через нее с социалистическим сектором народного хозяйства. Переходные отношения имели тенденцию постоянного расширения, все более замещая ограничиваемые и вытесняемые буржуазные отношения.

Борьба между социалистическими и капиталистическими элементами составляла основное содержание переходной эпохи. Общественные условия в стране, содержание экономического процесса служили интересам поощрения, утверждения и победы социалистического пути развития деревни.

2. Советская налоговая политика в деревне – средство государственного регулирования социальных процессов

На развитие социально-экономических отношений в доколхозной деревне существенное влияние оказывала советская налоговая политика.

В переходный от капитализма к социализму период налоговая политика Советского государства была направлена на постепенное преобразование крестьянского хозяйства и становление его на социалистический путь развития. С помощью налогов

осуществлялось регулирование доходов различных слоев населения, а в отношении капиталистических элементов – их ограничение, вытеснение и ликвидация. Налоговая политика служила интересам укрепления союза рабочего класса и крестьянства, подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственного управления колхозоа.

В Советской России и в других .советских республиках, в прошедших период военного коммунизма, введение продовольственного налога в 1921 г. явилось первым законодательным актом новой экономической политики, обеспечившим усыновление правильных экономических отношений с крестьянством. Продналог давал возможность крестьянскому хозяйству свободно сбывать излишки своего производства. Крестьянин получал стимул к развитию своего хозяйства: он заранее знал ту долю, которую должен был отдать государству, оставшиеся же излишки мог реализовать на рынке в обмен на продукты социалистической индустрии.

В Грузии, в том числе и в Абхазии, вопрос о замене разверстки налогом вообще не стоял. Здесь установление Советской зласти совпало с периодом перехода Советской России и других республик от военного коммунизма к нэпу. В этой обстановке введение продналога в Абхазии не являлось необходимым мероприятием для перехода к нэпу. Весной 1921 г. продналог здесь не был введен, хотя газеты «Правда Грузии», «Комунисти», «Голос трудовой Абхазии» опубликовали все декреты Советского правительства РСФСР о замене разверстки налогом, доклады и речи В. И. Ленина на X съезде партии, разъясняя их общее политическое значение.

Освобождение от налога крестьянства и Абхазии весной и летом 1921 г. было необходимо в связи с разорением деревни при меньшевистском господстве. Это стало возможным благодаря помощи Советской России, которая, несмотря на переживаемые ею трудности, оказала большую братскую помощь крестьянству Советской и Абхазии.

С первых дней установления Советской власти. Ревком Абхазии стал проводить политику закупки продуктов крестьянского хозяйства через свои органы. 8 марта меньшевистские войска были окончательно изгнаны из пределов Абхазии. 9 марта Ревком Абхазии выпустил «Циркуляр всем уездным ревкомам и милиции о запрещении реквизиции продуктов, привозимых крестьянами на рынки». В циркуляре говорилось: «...Продукты, привозимые в город крестьянами, реквизиции и конфискации не подлежат»[1]. Была объявлена свободная торговля на рынках Абхазии. Государственным органам было предложено закупать крестьянские продукты.

16 марта 1921 г. совещание ответственных партийных работников Абхазии обсудило продовольственный вопрос и высказалось «о безусловной невозможности применения системы разверстки». Совещание признало необходимым «на первое время производить закупку продовольствия на деньги»[2]. Этот вопрос обсуждался также 31 марта 1921 г. на объединенном заседании Оргбюро РКП (б) в Абхазии и Ревкома Абхазии[3] и 7 апреля 1921 г. на заседании Ревкома Абхазии[4]. На этих заседаниях было решено продолжать продовольственную заготовку на основе свободной закупки продовольствия у крестьян, оплачивая его деньгами и товарами. Специальная комиссия должна была «выработать устойчивые цены на предметы», закупаемые продотделом. Комиссия при установлении закупочных цен в основу должна была брать существовавшие «справочные цены в момент до провозглашения Советской власти в данном районе»[5].

В первое время были случаи, когда уездные ревкомы и продотделы, вопреки продовольственной политике Ревкома Абхазии, допускали реквизицию продовольствия в крупных крестьян-

[1] ЦГАА, ф. 5, д. 18, л. 7.
[2] ЦГАА, ф. 38, д. 64, л. 113.
[3] Там же, д. 64, л. 175.
[4] Там же, д. 48, л. 34.
[5] Там же, д. 48, л. 34; д. 64, к. 175; д. 30, лл. 53–54.

ских хозяйствах. Так, например, заседание Гудаутского уездного Ревкома, состоявшееся 26 апреля 1921 г., постановило реквизировать через продотдел крупный и мелкий рогатый скот у лиц, имеющих более двадцати голов, с (каждого следующего десятка по одной голове, а также кукурузу у «крупных собственников Ачандарской, Джирхвинской и Отхарской общин, имеющих кукурузу более сорока пудов»[1]. За реквизированный скот и кукурузу было решено уплатить по установленной цене деньгами и часть –товарами. В тот же день Ревком Абхазии и Наркомпрод, узнав об этом, направили Гудаутскому Ревкому и продотделу телефонограмму, в которой говорилось: «Реквизиция скота и кукурузы недопустимы. Принцип закупки деньгами и товарами правилен... Никаких принципиальных решений по продовольственному делу без согласия центра .впредь не делить во избежание дезорганизации общей политики»[2].

Вопрос о продналоге в Абхазии был рассмотрен на совместном заседании Оргбюро РКП (б) в Абхазии и Ревкома Абхазии 2 июня 1921 г., которое указало на необходимость введения в Абхазии продналога «с применением его в более мягкой форме, в сравнении с РСФСР»[3]. 17 сентября 1921 г. Ревком Абхазии создал комиссию, которая, «взяв за основу декрет Грузревкома о продналоге», должна была выработать декрет и технический план проведения продналога. 9 октября 1921 г. был опубликован «Декрет Ревкома Абхазии о продналоге»[4].

В отличие от РСФСР и ССР Грузии, где в 1921 г. была дробная система множества натуральных продналогов (в Грузии был установлен налог на хлеб, мясо, вино, масло, сыр, шерсть и т. д. – всего на 11 различных видов продуктов крестьянского хозяйства), в Абхазии по декрету натуральный налог был установлен только на хлеб (кукурузу) и вино.

---

[1] Там же, д. 90, л. 20.

[2] Т ам ж е, ф. 38, д. 20, л. 19.

[3] ЦГАА, ф. 38, оп. I, д. 64, л. 154.

[4] «Голос трудовой Абхазии», № 82, 9 октября 1921 года.

Общий размер налога был определен в количестве 148 тыс. пудов кукурузы (объем налога на вино не был установлен). Размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности в соответствии с площадью посева, числу едоков и урожаю данной местности, причем налог взимался только с семейств, имеющих продукты свыше потребительской нормы, установленной декретом. Маломощные хозяйства полностью освобождались от налога[1].

Ревком Абхазии разработал подробную инструкцию для уездных продналоговых комиссий о порядке составления списков плательщиков и взыскания налога.[2] Для разъяснения крестьянам сущности декрета о продналоге Ревком Абхазии обратился с воззванием «К крестьянам трудовой Абхазии», опубликованным вместе с декретом в «Голосе трудовой Абхазии» 9 октября 1921 г.

С введением продналога была развернута большая массово-разъяснительная работа среди крестьянства Абхазии. Оргбюро РКП (б) в Абхазии в своем обращении ко всем партийным организациям и коммунистам Абхазии, опубликованном 19 октября 1921 года, предлагал: «Провести широкую агитацию среди крестьянских масс, подробно освещая значение и необходимость продналогов. Агитация должна вестись с таким расчетом, чтобы ни один крестьянин не остался не затронутым ею; посылать агитаторов в каждое селение, даже самое незначительное, самое отдаленное»[3]. Партийными организациями были использованы самые разнообразные формы устной агитации. Широко проводились массовые митинги, собрания, беседы и т. п. Была организована посылка в деревню коммунистов из советских учреждений и специалистов для широкого развертывания массово-разъяснительной работы среди крестьянства. В деревнях с докладом о продналоге выступали члены президиума Оргбюро

[1] Там же, № 82, 9 октября 1921 года.

[2] Там же, № 88, 23 октября 1921 года.

[3] «Голос трудовой Абхазии», № 86, 19 октября 1921 года.

РКП (б) в Абхазии, члены Ревкома Абхазии, народные комиссары. Проводилась и печатная пропаганда. Газеты «Голос трудовой Абхазии» и «Апсны капш» систематически разъясняли крестьянам различные стороны декрета о налоге.

Оргбюро РКП (б) в Абхазии обязало местные партийные организации строго следить за тем, чтобы в продовольственных органах работали безупречно честные люди, внимательно прислушиваться к каждой жалобе на действия продорганов, еженедельно представлять в Оргбюро исчерпывающие сведения о ходе продкампании.

Введение продовольственного налога широкие массы крестьянства Абхазии встретили с удовлетворением. Общее собрание крестьян Эшерской и Гумистинской волостей, обсудив вопрос о продналоге, единогласно постановило:

«а) Этот продналог, выработанный Революционным комитетом ССР Абхазии, на кукурузу, хлеб и вино для нужд Красной Армии, просвещения и прочие необходимые государственные издержки, гораздо легче царских и меньшевистских податей и очень справедлив по форме распределения.

б) После этого не будем верить разным провокаторам, которые умышленно неправильно толковали о советских налогах вообще.

в) Общее собрание единогласно выражает свою готовность полностью внести этот продналог»[1].

Общее собрание крестьян Драндской волости, посвященное введению продналога, постановило: «Всемерно поддерживать Советскую власть в Абхазии и в целях укрепления последней внести продналог, к чему призывает и все крестьянство Абхазии».[2]

В резолюции о продналоге, принятой трудящимся крестьянством Ачигварской волости, читаем: «Выражаем полное доверие и обещаем выполнить продналог и во всем остальном оказывать всевозможную поддержку»[3].

---

[1] Там же, № 87, 21 октября 1921 года.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 85, 16 октября 1921 года.

[3] Там же.

Аналогичные резолюции выносили крестьяне и других сел. Единодушно поддерживая продналог, трудящиеся крестьяне Абхазии ясно видели его классовую направленность, его соответствие реальным возможностям крестьянского хозяйства, сознавали, что собираемые средства идут на общественные нужды, на укрепление родной Советской власти.

Первый продналог в Абхазии был полностью собран. Секретарь Абхазского областное комитета КП(б) Грузии Н. Акиртава в докладе о продналоге на 1922/23 г., сделанном 15 августа 1922 года на II Гудаутской уездной партийной конференции, касаясь проведения продналога в 1921 г., подчеркивал, что он выполнен в результате сознательного отношения крестьянства. «Взыскание его, – говорилось в докладе, – в прошлом году в Абхазии было успешно, население сознательно пошло навстречу»[1]. Успешному проведению первого продналога способствовал начавшийся в 1921 г. подъем сельского хозяйства Абхазии, а также массово-политическая и организаторская работа партийных организаций.

Полное освобождение от налога маломощных хозяйств и система обложения, осуществлявшаяся с учетом классового и имущественного положения крестьянства, способствовали сплочению трудящихся крестьян вокруг Советской власти.

В последующие годы система налога постепенно совершенствовалась. 24 августа 1922 г. ЦИК и СНК Абхазии издали «Декрет о едином трудовом натуральном налоге»[2], согласно которому налог на 1922/23 окладной год исчислялся в единой весовой мере – пуде кукурузы. Размер налога в 1922 г. был сокращен, общая сумма его определялась в тыс. пудов кукурузы зерном. Уездным налоговым тройкам была предоставлена возможность дифференцировать размер обложения по волостям, без изменения установленной для уездов общей суммы налога. Распределение же налога между плательщиками производилось

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 191, 24 августа 1922 года.
[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 4/2, л. 338.

волостными исполкомами при участии представителей трудовых крестьян. Хозяйства беднейших крестьян и совхозы натуральным налогом не облагались.

Облегчение продналога в 1922/23 г. состояло не только в том, что уменьшился его общий размер, но и в том, что крестьянину было предоставлено право вносить часть натурального налога деньгами.

В августе 1922 г. вопрос о продналоге обсуждался на всех уездных партийных конференциях. После конференций партийные организации развернули среди крестьянства работу по разъяснению изменений, внесенных в продналог. Крестьянские собрания единодушно одобрили декрет о едином (натуральном налоге. Например, объединенный сход крестьян Беслахубской, Моквинской, Квитоульской, Тамышской и Адзюбжинской волостей Кодорского уезда, состоявшийся 15 августа 1922 г. в селе Моква, заслушав доклад представителя парткома и исполкома Б. Чолокуа о продовольственном налоге, принял постановление: «Мы, представители трудового крестьянства Кодорского уезда, уверены, что Соввласть всячески старается улучшить жизнь трудового народа, так как эта власть есть защитница интересов трудящихся. Продналог взыскиваемый с нас в виде процента с излишков, должен быть взыскан полностью, так как таковой необходим для поддержки нашей молодой республики и Красной Армии – защитнице нашей. Мы, представители, даем слово, что приложим все усилия к своевременному проведению продналога»[1]. Продналог в 1922/23 г. был успешно выполнен.

На 1923/24 окладной год по декрету ЦИК и СНК Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики от 23 апреля 1923 г. был введен единый сельскохозяйственный налог[2], исчислявшийся для Абхазии кукурузой и взимавшийся частью натурой, частью деньгами. Замена части натурального обложения денежным значительно облегчила положение крестьян не

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 122.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 140, 22 июня 1923 года.

только сокращением их издержек по взносу налога, но и предоставлением им возможности свободно приспосабливаться к рынку, избирать для возделывания наиболее выгодные культуры и т. п. Вместе с тем эта мера способствовала подъему крестьянского хозяйства, росту товарности сельского хозяйства, дальнейшему расширению товарного оборота между городом и деревней, укреплению союза рабочего класса и крестьянства. В последующие годы единый сельскохозяйственный налог стал взиматься исключительно в денежной форме.

Проведение продналога в деревне вызвало упорное сопротивление врагов Советской власти. Агитпропотдел ЦК КП(б) Грузии в своих тезисах об этих действиях врагов писал: «Они призывают крестьянство к тому, чтобы не сдавать продналог, оказывать сопротивление в этом отношении Соввласти»[1]. Газета «Голос трудовой Абхазии» отметала, что «по деревням контрреволюционеры пытаются сыграть на почве сбора продналога»[2].

В селении Отобая Самурзаканскаго уезда в ночь на 2 апреля 1922 г. гражданка С. «подожгла казарму секретаря Сельской комячейки и кукурузник милиционера с целью отомстить им», считая их «главными и непосредственными виновниками взыскания с нее продналога»[3]. Кулаки и зажиточные крестьяне всячески уклонялись от уплаты налога, старались укрыть объекты обложения. Например, республиканская налоговая комиссия, обследовавшая 7 селений Гумистинскапо уезда с целью изучения состояния учета объектов обложения, в протоколе от 24 сентября 1923 г. констатировала, что «факт сокрытия пашен, скота и площади засева табака в некоторых селениях несомненно имел место, т. е. в среднем сокрыто 25–30%, преимущественно многоземельными крестьянами»[4]. Самурзаканекий уездный испком писал в Уполнаркомфин Абхазии 17 марта 1924 г. о том, что

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 184, 15 августа 1922 года.
[2] Там же, № 68, ‘25 марта 1922 г.
[3] «Заря Востока», № 94, 8 октября 1922 г.
[4] ЦГАА, ф. 28, оп. I, д. 272, л. 224.

из селений поступают жалобы, «указывающие в большинстве случаев на обложение бедноты большим налогом, зажиточных и кулаков – меньшим»[1].

Подобные факты действительно имели место как по вине отдельных неопытных и слабых работников налоговых органов, подпавших под кулацкое влияние, так и в результате вражеской деятельности отдельных контрреволюционных элементов, которым иногда удавалось проникать в налоговые органы и проводить политику ограждения кулацких интересов. Как указывалось в постановлении заседания президиума СНК Абхазии от 19 марта 1924 г., искажение классовой линии в налоговом обложении «вызывали вполне справедливое брожение и недовольство среди плательщиков». В целях неуклонного осуществления классового принципа советской налоговой политики президиум СНК предложил председателям исполкомов «под (их ответственность принимать все жалобы по означенному (налоговому – А. К.) Вопросу, причем, по проверке таковых, делать необходимые исправления в окладных листах и поселенных списках»[2].

Коммунистическая партия и Советская власть, опираясь на беднейших крестьян, в союзе с середняками и при их помощи обеспечили четкую классовую направленность налогового обложения в деревне. Трудящиеся массы сознательно поддерживали советскую налоговую политику. Как отмечалось в докладе Наркомфина Абхазии крестьяне видели, что «сравнительно с царским временем, платят ничтожные налоги, что взамен этого они пользуются услугами своего правительства в виде врачебной помощи, устройства дорог, открытия школ и проч.»[3].

Денежная реформа 1924 г., укрепившая советскую финансовую систему, позволила перейти к взиманию сельскохозяйственного налога полностью в денежной форме (с 1924/25 окладного года). Были внесены также значительные изменения в принци-

[1] Там же, ф. 28, оп. I, д. 279, л. 81.
[2] ЦГАА, ф. 28, оп. I, д. 279, л. 90.
[3] Там же. ф. 28, оп. I, д. 279, л. 55.

пы построения и исчисления сельскохозяйственного налога в сторону наибольшего приближения к прогрессивно-подоходному налогу. Трудящиеся массы активно поддерживали совершенствование системы налогового обложения в деревне. На 20 июня 1925 г. поступление сельскохозяйственного налога по Абхазии достигло 235,9 тыс., руб., вместо предусмотренных по плану 221,5 тыс. руб.[1]. Ввиду того, что в уездах Абхазии задание по сельхозналогу было выполнено досрочно к 1 февраля 1925 г., постановлением ЦИК и СНК Абхазии от 10 февраля 1925 г. излишки налоговых поступлений зачислялись в доход местных уездных органов с правом расходования в сметном порядке[2].

Изменения, внесенные в единый сельскохозяйственный налог в 1924/25 г., еще больше усилили значение советской налоговой политики как фактора, регулирующего социально-экономические процессы в деревне. Специальная правительственная комиссия по проверке тяжести налогового обложения в СССР установила, что в 1924/25 г. кулаки платили в 14 раз больше сельскохозяйственного налога по сравнению с беднотой, а середняки – в 4 раза больше[3]. Такое же положение было и в Абхазии. С переходом к единому подоходно-прогрессивному налогу вся тяжесть налогового обложения падала на наиболее зажиточные слои деревни.

В закон о сельскохозяйственном налоге на 1925/26 г. были внесены новые изменения, предусмотренные решениями XIV партийной конференции. Для освобождения бедняцких и маломощных середняцких хозяйств от налога был установлен необлагаемый минимум в зависимости от обеспеченности хозяйства землей. Кроме бедняцких и маломощных середняцких хозяйств от налогов освобождались хозяйства военнослужащих, инвалидов, переселенцев и др.

---

[1] Там же, д. 895, л. 1.

[2] Там же, д. 496, л. 3.

[3] Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула, с. 228.

В 1925/26 г. размеры налога по всей Советской стране были снижены на 40%. По Абхазии в 1925/26 окладном году размер налога составил 125,8 тыс. руб.[1] против 221,5 тыс. руб. в 1924/25 г. Из общего числа хозяйств по декретированным льготам было освобождено полностью от уплаты налогов 3 069 хозяйства, частично–10817, т. е. всего – 13 879, или 42,4 %[2]. Часть налога поступала в местный, в том числе и в сельский бюджет.

Налоговая кампания в 1925/26 г. в Абхазии прошла успешно. К 1 мая 1926 года весь налог крестьянами был внесен[3]. Однако областной комитет партии в одном из своих отчетов в апреле 1926 г. указал на некоторые недостатки системы сельскохозяйственного налога, которые вызвали справедливые нарекания крестьян. К ним относились: 1) обложение крестьян не по посеву, а по количеству земли; 2) недооценка значения в хозяйстве трудоспособных членов; 3) недооценка значения неземледельческих доходов хозяйства; 4) почти полное отсутствие в составе налоговых работников членов партии (примерно 5%)[4]. В результате этого встречались факты, когда доходы кулацких хозяйств оставались необложенными, когда директивы партии и правительства о снижении налогового обложения бедняков и середняков использовались для предоставления дополнительных льгот кулакам. Но в целом, несмотря на отдельные недостатки, советская налоговая система в период восстановления народного хозяйства и перехода к его реконструкции отличалась высокой эффективностью и сыграла большую роль в решении хозяйственных и политических задач партии в деревне.

Главнейшей особенностью советской налоговой системы являлся ее классовый характер, заключавшийся в освобождении от налога крестьянской бедноты, в более льготном обложении кооперативных хозяйств, в большей прогрессивности обложе-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 148/3 л 65.
[2] ЦГАА, ф. 28, оп. I, д. 496, л. 2.
[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 185, л 157.
[4] Там же, д. 148/3, лл. 65–66.

ния единоличных хозяйств, обеспечившей высокое обложение кулаков. Вместе с тем, единый налог, вводя систему поощрения для развития отдельных отраслей сельского хозяйства, как, например, для табаководства, хлопководства, чаеводства и т. д., обеспечивал развитие ценных культур.

Советская власть, передав крестьянству землю и освободив его от платежей помещикам, через налоговую политику оказывала на него воздействие в интересах восстановления и укрепления сельского хозяйства, увеличения его товарности и роста покупательской способности крестьянства, расширения и укрепления хозяйственного оборота в стране. Неуклонное совершенствование советского налогового законодательства, проводившееся в целях облегчения положения широких масс крестьянства и возложения основных экономических тягот на наиболее зажиточные хозяйства, способствовало ограничению капиталистического сектора и развитию социалистического сектора в деревне, охране и укреплению экономического и политического союза рабочих и трудовых крестьян, укреплению Советской власти.

* * *

В период индустриализации страны и подготовки условий для сплошной коллективизации сельского хозяйства, Коммунистическая партия и Советское государство огромное внимание уделяли правильному осуществлению налоговой политики. Партия со всей решительностью отвергла попытки троцкистов толкнуть ее на путь «перекачки» средств из сельского хозяйства в промышленность и эксплуатации крестьянства, на путь индустриализации посредством усиленного налогового обложения крестьянства. Этот путь был губителен для дела социализма. Индустриализация может быть успешно проведена лишь в том случае, указывалось в партийных решениях, если она опирается на постепенное улучшение материального положения большинства крестьянства (беднота, середняки), представляющего основ-

ной рынок для индустрии. Поэтому вся экономическая политика, в том числе и налоговая, была подчинена интересам укрепления смычки индустрии с крестьянским хозяйством, сохранения и упрочения союза рабочего класса с основной массой крестьянства.

Сложившаяся в первый период новой экономической политики система сельскохозяйственного налога, как отметил Апрельский пленум ЦК ВК(б) в 1926 г., перестала соответствовать достигнутому уровню развития товарно-денежных отношений в деревне. В 1926 г. Советское правительство провело реформу сельхозналога. Новая система обложения обеспечивала учет доходов не только от основных сельскохозяйственных источников, но и от специальных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих доходов. Усиливалось обложение кулацкой, а также зажиточной части деревни при одновременном уменьшении размера изъятий из доходов середняцкой части крестьянства. Полностью освобождалась от налога беднота. Таким образом, роль налога в регулировании частнокапиталистического накопления деревни еще более повысилась.

Абхазский областной комитет партии и местные партийные организации развернули большую работу по разъяснению трудящимся нового закона о сельскохозяйственном налоге на 1926/27 г. и проведению его в жизнь. 28 июня 1926 года Абхазский обком партии обратился ко всем уездным комитетам партии со специальным письмом и предложил тщательно разъяснить крестьянам классовый характер налога, добиться правильного учета размеров дохода и использовать налог для решения экономических и политических задач партии в деревне. Для проведения разъяснительной кампании предлагалось создать специальную комиссию при уездных комитетах партии, использовать сельские сходы, открытые собрания партийных ячеек, привлечь к делу популяризации налога сельское учительство, агрономов, учащихся и работников кооперативных и земельных органов[1].

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 148/1, л. 93.

Как и в предыдущие годы, сельхозналог в 1926/27 и в 1927/28 годах в Абхазии был внесен крестьянами полностью. Однако следует отметить, что значение налогов, как важного экономического рычага регулирования классовых процессов в деревне в значительной мере снижалось тем, что финансовые органы не всегда еще справлялись с задачами учета всех облагаемых доходов кулацких хозяйств.

XV съезд ВК(б) в декабре 1927 г., провозгласив курс на коренную социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, особо указал на необходимость усиления наступления на капиталистические элементы и широкого развертывания социалистического строительства в деревне. В его решениях подчеркивалась важнейшая роль налоговой политики в осуществлении этой двуединой задачи, сформулированной съездом. Объединенный пленум ЦК ВК(б) в апреле 1928 г. в своем решении указал, что наступление на кулачество должно вестись путем проведения ряда мероприятий, в том числе «...систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплуататорских стремлений... с одной стороны, и с другой стороны, – путем всемерной и всесторонней поддержки кооперирования широких масс крестьянства, всех видов коллективного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство»[1].

Это решение партии было положено в основу Закона о сельскохозяйственном налоге 1928/29 г. От обложения освобождались маломощные бедняцкие дворы. Значительно был снижен налог с середняцких хозяйств. Особенно большие льготы были предоставлены коллективным хозяйствам. Заметно усилилось налоговое обложение кулацко-зажито иных дворов. Наиболее богатые кулаки облагались в индивидуальном порядке.

С 1 июня 1928 г. в Абхазии проводилась кампания по единому сельхозналогу за 1928/29 г. Президиум Абхазского обкома

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 80.

КП(б) Грузии 19 июня 1928 г. принял развернутое постановление по сельхозналогу и обратился ко всем уездным парткомам и сельячейкам с требованием «обеспечить наиболее полное прогрессивно-подоходное обложение зажиточных слоев деревни и строго проводить в жизнь решения партии об освобождении от сельхозналога маломощного крестьянства»[1]. Предлагалось широко ознакомить крестьянство с основными положениями Закона о сельхозналоге, ввести в учетные комиссии авторитетных бедняков и середняков, обязательно проводить собрания бедняков и принять все меры для полной ликвидации «махинаций кулачества по укрытию объектов обложения»[2]. Пленум Абхазского обкома партии в начале июля 1928 г. отметил отдельные ошибки при проведении сельхозналога, в частности, недоучет всех облагаемых доходов кулачества.[3] X областная конференция постановила усилить экономическую борьбу с кулаком мерами налоговой политики[4].

В 1928/29 г. в Абхазии было учтено 34656 крестьянских хозяйств. Из них 19746 хозяйств, или 57% от общего числа были полностью освобождены от налога[5]. Процент освобожденных от обложения хозяйств по Грузии в целом составлял 55,09%, а по ЗСФСР – 47,3°/о[6]. От налога освобождались не только бедняцкие дворы, но и основная масса маломощных середняцких хозяйств. В Абхазии наиболее высокий процент освобожденных хозяйств падал на Гальский, Кодорский и Гудаутский уезды. Так, в Гагринском уезде от налога было освобождено 28,0% всех крестьянских дворов, в Сухумском – 39,7%, а в Гудаутском – 55,2%, Кодорском – 60,7%, Гальском – 73,9%. 9,1% зажиточно-кулацких дворов уплачивало-68,4% всего налога, а 90,9% других облагае-

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 20, л. 159.
[2] Там же, лл. 159–160.
[3] «Советская Абхазия», № 165, 18 июля 1928 года.
[4] «Советская Абхазия», № 272, 25 ноября 1928 года.
[5] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 337.
[6] П. Н. Ломашвили. Великий переворот, с. 139.

мых середняцких хозяйств – 31,6%. В среднем один облагаемый середняцкий двор уплачивал 7 руб. 84 коп., зажиточное хозяйство – 56 руб. 47 коп. и кулацкое – 142 руб. 48 коп.[1]. С переходом в 1928/29 г. на индивидуальное обложение кулаков было связано дальнейшее усиление борьбы с эксплуататорскими тенденциями деревенской буржуазии.

В дальнейшем были приняты дополнительные меры, направленные на перенесение тяжести обложения на наиболее крупные кулацкие хозяйства. В феврале 1929 г. было принято специальное постановление правительства СССР о едином сельскохозяйственном налоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства. XVI конференция ВК(б) в резолюции «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка», принятой по докладу М. И. Калинина, полностью одобрила уменьшение сельскохозяйственного налога не менее чем на 50 млн. руб. освобождение от налога на (предстоящие два года всего прироста посевной площади в бедняцких и середняцких хозяйствах; налоговые льготы для бедняков и середняков, осуществляющих мероприятия, предусмотренные декретом об урожайности; категорическое запрещение применения статьи об индивидуальном обложении к середняцким хозяйствам; полное сохранение индивидуального обложения наиболее богатой части кулацких хозяйств (от 2 до 3% хозяйств по всему Союзу) и др.[2].

В апреле 1929 г. V съезд Советов ССР Абхазии обсудил доклад Уполнаркомфина И. Маргания о сельхозналоге[3]. Съезд отметил недостатки и факты искривления налоговой политики, наметил конкретные меры по проведению нового закона о сельхозналоге, предусматривавшего дальнейшее облегчение налогового обложения середняков и более решительное вытеснение кулака из хозяйственной жизни деревни.

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 16; д. 62, л. 167.

[2] «КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 216–217.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 62, лл. 164–173.

С конца 1929 г., когда партия провозгласила политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, за налогами осталась вспомогательная, хотя и значительная экономическая роль в процессе проведения этой политики. Но в Абхазии положение было иное. Здесь еще не развернулась сплошная коллективизация, следовательно, отсутствовало это главное условие для ликвидации кулачества как класса. Руководствуясь директивами ЦК ВК(б), пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии в феврале 1930 г. в резолюции «О положении в абхазской деревне» записал: «Принимая во внимание, что Абхазия еще не вступила в полосу развертывания сплошной коллективизации, в качестве основной задачи ставится ограничение и вытеснение кулачества, как подготовка перехода к главному лозунгу партии – ликвидации кулачества как класса»[1]. XII конференция Абхазской областной партконференции, состоявшаяся в апреле того же года, закрепила данное решение. Партийные и советские органы Абхазии взяли курс на усиление наступления на кулака в целях дальнейшего ограничения и вытеснения его. Это являлось составной частью подготовительной работы к массовому колхозному движению. В этих условиях налоговая политика, наряду с другими экономическими рычагами, как и прежде, оставалась одним из главных средств борьбы с кулаком. Поэтому партийные и советские органы добивались максимального использования налогов для наступления на кулачество.

В 1929/30 г. из учтенных 36 438 хозяйств было полностью освобождено от налога 21861 хозяйство, или 60%, а в 1930/31 г. из 38101 двора полностью были освобождены 24427 хозяйств, или 64,1 % от общего числа[2]. Если учесть, что в эти годы в Абхазии бедняки составляли немногим более четверти всех крестьянских хозяйств, то будет совершенно ясно, что здесь от налога

[1] «Советская Абхазия», № 39, 16 февраля 1930 года.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 33.

были полностью освобождены наряду с бедняцкими и маломощные середняцкие хозяйства. Серьезно облегчалось обложение остальной части середняков. Теперь середняцкое хозяйство платило в среднем в два раза меньше, чем в 1927/28 г. Зажиточно-кулацкие хозяйства уплачивали более 80% всего налога. При этом главная тяжесть налога легла на плечи наиболее крупных кулацких хозяйств. В этом отношении большую роль сыграл принцип их индивидуального обложения.

С 1929 г. в законе о сельхозналоге был установлен расширенный перечень признаков для выявления кулацких хозяйств, привлекавшихся к обложению в индивидуальном порядке. В индивидуальном порядке облагались кулацкие хозяйства, которые имели доходы от сельскохозяйственных предприятий (мельницы, кирпичный и черепичный заводы и т. д.) с применением в них наемного труда хотя бы без механических двигателей; сдававшие в наем оборудование и строения под жилые или под торговые и производственные предприятия; занимавшиеся спекуляцией и ростовщичеством, постоянно применявшие в сельскохозяйственном производстве наемный труд.

Следует отметить, что при осуществлении обложения в индивидуальном порядке в ряде мест были допущены ошибки. Были обнаружены случаи индивидуального обложения середняка и незаконного освобождения от него кулацких хозяйств. Кулаки всячески старались скрыть источники своего дохода, избежать индивидуального обложения. И они нередко достигали своей цели там, где к этой работе слабо привлекались бедняцкие группы. Для ликвидации ошибок, допущенных при индивидуальном обложении, постановлением ЦИК и СНК Абхазии от 10 февраля 1930 года при уездных исполкомах и сельсоветах были образованы специальные комиссии[1]. Эти комиссии провели большую работу по дополнительному выявлению кулаков, подлежащих индивидуальному обложению. В индивидуальном

[1] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 66, л. 78.

порядке в Абхазии было облажено в 1928/29 г. 219 кулацких хозяйств, или 0,6% учтенных крестьянских дворов, в 1929/30 г. – 582, или 1,6% и в 1930/31 г. – 368, или 0,8%. В 1929/30 г. 1,6% кулацких хозяйств, облаженных в индивидуальном порядке, внесли 33,6% суммы сельхозналога, а в 1930/31 г. 0,8% кулацких хозяйств внесли 24,6%. Хотя количество индивидуально обложенных кулацких хозяйств в 1930/31 г. сократилось, но тяжесть их обложения по сравнению с предыдущим годом усилилась вдвойне. Если в 1929/30 г. в среднем одно такое хозяйство уплатило 153 руб., то в 1930/31 г. – 300 руб.[1]. Приведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что прогрессивно-подоходное обложение своим острием было направлено на ограничение частнокапиталистического сектора в сельском хозяйстве, на ограничение и вытеснение кулака. В то же время классовая дифференциация налога и льготное обложение социалистического сектора содействовали укреплению союза рабочего класса с бедняцко-середняцкой массой крестьянства, осуществлению коллективизации сельского хозяйства.

Перед советскими налогами стояла задача не только регулировать частнокапиталистическое накопление, но и мобилизовать средства для государства. Однако фискальное значение сельскохозяйственного налога по мере укрепления социалистической экономии все более отходило на задний план. Крестьянство Абхазии в 1924/25 г. внесло сельскохозяйственный налог в сумме 236 тыс. руб., в 1928/29 г. – 237,4 тыс. руб., в 1929/30 г. – 265 тыс. руб., в 1930/31 г. – 264,1 тыс. руб.[2]. А за эти годы расходы по местному бюджету выросли в несколько раз. В 1928/29 г. абхазская деревня по местному бюджету получала 760 тыс. руб. Из них на народное образование расходовалось 436,8 тыс. руб., на здравоохранение 161,8 тыс. руб., а остальные шли на дорожное строительство, сельское хозяйство, народные суды и т. д. Кроме того, в бюджет де-

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 33; ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 300, л. 44.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 33.

ревни из фонда регулирования поступило более 370 тыс. руб. С учетом этого в 1928/29 г. в среднем на один крестьянский двор по бюджету тратился 31 руб. 60 коп., а сельхозналог был собран в размере 6,8 руб. в среднем на хозяйство[1]. Распространяемая кулаками ложь о том, что государство содержится исключительно за счет крестьянского налога была сочинена с целью исказить сущность советской налоговой политики, дискредитировать Советскую власть, подорвать бедняцко-середняцкий союз в деревне. Но практика советской действительности служила лучшим разоблачителем клеветы кулаков. В условиях усиления борьбы с капиталистическими элементами все ярче проявлялось классовое содержание советской налоговой политики.

Таким образом, в 1921–1929 гг. в абхазской деревне под руководством партийных организаций была проведена большая работа по осуществлению советской налоговой политики, которая сыграла важную роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства, в ограничении и вытеснении капиталистических элементов, в подготовке условий для проведения массовой коллективизации сельского хозяйства.

3. Социальное обеспечение трудящихся крестьян-единоличников (кресткомы)

В социально-экономическом развитии доколхозной советской деревни значительную роль играла система социального обеспечения трудящегося крестьянства – система крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ), функционировавших с 1921 г. до 1932 г., когда они были реорганизованы в кассы общественной взаимопомощи колхозов.

В республиках Закавказья кресткомы стали создаваться в 1922 г. Их организационное оформление завершилось созывом

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 62, л. 169.

республиканских съездов обществ и образованием Центральных комитетов ККОВ: в Армении в октябре 1924 г., в Грузии в июле 1925 г. и в Азербайджане в феврале 1928 г.[1].

В Абхазии первые крестьянские комитеты общественной взаимопомощи возникли в 1922 г. Они создавались в системе Народного комиссариата социального обеспечения. 2 ноября 1923 г. Наркомсобес Абхазии обратился к крестьянам Абхазии с призывом объединиться в крестьянкомы. «Эти комитеты, – сказано в обращении, – в дружной общей работе с рабоче-крестьянской властью значительно легче победят нужду среди крестьянства, значительно полнее поддержат слабых крестьян»[2]. Для руководства крестьянкомами при Наркомсобесе Абхазии создается Временное центральное бюро крестьянкомов Абхазии. С мая 1924 г. по декабрь 1925 г. были созданы 28 крестьянкомов[3]. Наркомсобес разработал и утвердил инструкцию для Крестьянкомов Абхазии, в которой были определены цели и задачи ККОВ, даны конкретные практические советы о трудовой, материальной и юридической помощи крестьянкомов, о их хозяйственной деятельности и т.д.

27 мая 1925 года было опубликовано «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи», утвержденное ЦИК ССР Абхазии[4]. Оно было составлено на основе соответствующего положения Наркомсобеса Грузии. По этому «Положению» крестьянкомы учреждались для организации помощи маломощным хозяйствам, семьям красноармейцев и другим нуждавшимся хозяйствам, для защиты их от эксплуатации и организации общественной взаимопомощи среди крестьянства на началах самодеятельности. ККОВ должны были также содействовать развитию и укреплению кооперации, вступлению в нее бедняцких и середняцких хозяйств, помогать государственным органам в

[1] «Обзор о работе крестьянкомов в Закавказье». ЦГАА, ф. 56, д. 59, л. 11.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 252, 2 ноября 1923 года.

[3] См. «Инструкцию для работы райкрестьянкомов и укрестьянкомов ССР Абхазии», ЦГАА, ф. 56, д. 7, лл. 9–14.

[4] «Трудовая Абхазия», № 117, 27 мая 1975 года.

оборудовании, содержании и снабжении находящихся в районе действия общества больниц, школ, детских домов, яслей, избчитален и т. п., а при возможности открывать и содержать их собственными средствами и т. д. Учреждались ККОВ постановлением общего собрания граждан села, имеющих право голоса. В своей деятельности они руководствовались существующими законами и инструкциями Наркомсобеса.

В июле 1926 г. I Всеабхазский съезд крестьянских комитетов общественной взаимопомощи обсудил отчет Центрального бюро ККОВ при Наркомсобесе Абхазии, с которым выступил Г. К. Алшунба, доклады с мест, инструктивный доклад о целях и задачах ККОВ, доклады о деятельности Абсельбанка и кооперации. Съезд избрал Центральный комитет ККОВ Абхазии и Ревизионную комиссию. Этим было завершено организационное оформление крестьянских комитетов Абхазии.

К июлю 1926 г. в Абхазии имелось 38 крестьянских комитетов, из них 33 сельских и 5 уездных. Крестьянские комитеты объединяли 16 242 крестьянских хозяйств, при этом уплативших членские взносы было 2242 хозяйства. Фонды крестьянских комитетов составляли 11788 руб., прибыль от предприятий равнялась 5773 руб. Крестьянскими комитетами было выдано крестьянам 658 безвозвратных ссуд на 11456 руб. и сельским общественным организациям – 13 ссуд на 652 руб. Таково было общее положение крестьянских комитетов Абхазии ко времени завершения их организационного оформления.

Сохранился конкретный материал об отдельных крестьянских комитетах. Например, Бабушерский крестьянский комитет (Сухумский уезд) имел мельницу, пекарню и столовую. Месячный его доход составлял 300 руб. Крестьянский комитет оказал содействие при постройке здания сельской семилетки, помогал нуждающимся крестьянам. Гульрипшский крестьянский комитет объединял до 400 крестьян. Доход его составлял около 300 руб. в месяц. Крестьянский комитет оказал помощь бедняцким хозяйствам на 2000 руб[1]. Некоторые крестьянские комитеты владели землей, но еще не практиковали ее общественную обработку.

1 «Трудовая Абхазия», № 33, 11 февраля 1926 года.

Вместе с тем, деятельность отдельных крестьянских комитетов была слабой. Так, например, съезд крестьянских комитетов Сухумского уезда, состоявшийся в начале июля 1926 г., отметил ряд недостатков ККОВ: слабое развитие трудовой взаимопомощи, отсутствие общественных запашек, увлечение торговлей, факты растраты, безхозяйственность, было указано и на слабое руководство крестьянскими комитетами со стороны сельских Советов. Съезд признал работу уездного крестьянского комитета неудовлетворительной[1].

Учитывая это, Абхазский обком КП(б) Грузии 30 августа 1926 года обратился ко всем уездным комитетам партии со специальным письмом, в котором указывалось, что отдельные члены партии и партийные ячейки не уяснили себе значение крестьянских комитетов в общественно-политической и экономической жизни деревни. Обком потребовал от партийных ячеек усилить руководство сельскими крестьянскими комитетами, заслушивать отчеты коммунистов, работающих в выборных органах крестьянских комитетов[2].

В 1927 г. газета «Советская Абхазия» опубликовала ряд статей, в которых разъяснялись и популяризировались отдельные разделы «Положения» о крестьянских комитетах Абхазии. В передовой статье «О трудовой помощи крестьянских комитетов» газета разъясняла, как организовать помощь маломощным индивидуальным крестьянским хозяйствам, указывала порядок и пути осуществления помощи беднякам. Рекомендовалось оказывать помощь «рабочими силами, а также организацией субботников и воскресников при засеве полей, снятии урожая, при постройках и т. п.». В статье отмечалось, что крестьянские комитеты могут оказывать трудовую помощь избам-читальням, школам, медицинским пунктам, нуждающимся в отоплении, мелком ремонте, подвозе стройматериалов и т. д. «...Трудовая помощь в работе наших крестьянских комитетов должна стать тем краеугольным камнем, от которого зависит успешная дальнейшая работа крестьянских комитетов; она развивает коллективное сознание в крестьянстве», – писала газета[3].

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 152/2, лл. 101–102.

[2] Там же, д. 148/1, л. 72.

[3] «Советская Абхазия», № 92, 27 апреля 1927 года.

13 мая 1927 года в «Советской Абхазии» была опубликована передовая статья «Кресткомы и общественные организации селения», в которой разъяснялись взаимоотношения между кресткомами, с одной стороны, и кооперацией, земельной комиссией, избой-читальней, школой, медицинскими учреждениями и различными сельскими организациями – с другой, указывались формы руководства кресткомами со стороны сельского Совета.

В рассматриваемый период в абхазской деревне важнейшей хозяйственной организацией крестьянства являлась кооперация, поэтому перед кресткомами ставилась задача –всемерно содействовать вовлечению бедняцко-середняцкого крестьянства в кооперацию. «Все члены крестьянского общества взаимопомощи – в члены кооперации!» – таков был основной лозунг кресткомов в кооперативной работе.

В свою очередь и кооперация должна была оказывать помощь кресткомам, устанавливая льготы для их членов при кооперировании, облегчая участие беднячества в кооперативной жизни[1]. Так определялись взаимоотношения этих двух организаций советской деревни.

Крестьянские общества взаимопомощи должны были содействовать социалистическому преобразованию деревни. «Советская Абхазия» в передовой статье, озаглавленной «Организация артелей и коллективов при кресткомах», писала, что «одним из методов осуществления и развития коллективизации является организация кресткомами общественных запашек, коллективной трудовой помощи маломощным хозяйствам, а также организация разного рода предприятий, артелей и коллективов при кресткомах»[2]. Далее в статье разъяснялось, какие артели и коллективы могут организовать кресткомы. В частности, предлагалось объединять бедняцкие хозяйства в коллективы по совместному приобретению и использованию сельскохозяйственных орудий, в коллективы по прополке и уборке

[1] «Советская Абхазия», № 105, 13 мая 1927 года.

[2] Там же, № 141, 24 июня 1927 года.

урожая и т. д. Кресткомы могли создавать в деревне кузнечные, слесарные и другие мастерские.

Таким образом, после I съезда кресткомов Абхазии были приняты меры по разъяснению целей и задач кресткомов в абхазской деревне, по пропаганде среди крестьянских масс производственных функций кресткомов, их роли в социалистическом строительстве. В итоге перевыборов правлений кресткомов в 1927 г. значительно улучшился социальный и партийный состав их выборных органов. Например, в правление

Гальского уездного кресткома вошли в основном коммунисты и комсомольцы, в том числе известные в уезде борцы за Советскую власть – Буджга Кортава (председатель), Георгий

Джгубурия, Александр Бокучава, Акакий Толорая и др. Председателем Гагрского уездного кресткома был избран Г. А. Алшунба, членами зав. земотделом Л. Хварцкия, секретарь уездного комитета комсомола Калайджян, зав. женотделом Губанова, председатель Колхидского сельсовета Чалигава[1].

Во всех уездах на руководящую работу в кресткомы были выдвинуты авторитетные партийные и комсомольские работники, лучшие представители крестьянства. Об этом свидетельствуют и материалы состава руководящих органов сельских крестькамов. В правление Саберийского кресткома было избрано 13 человек, из них 7 коммунистов[2], в крестком Перво-Бедийского сельсовета (Гальский уезд) были избраны такие известные в селе крестьяне, как Гера Буава, Фома Чкадуа, Кадыр Черкезия, Чичин Буава, Самсон Чкадуа, Шахан Нармания и др.[3], в кресткомы Набакевского сельсовета (Гальский уезд) вошли активные участники борьбы за Советскую власть – Дмитрий Тория (председатель), Ясон Убилава, Соломон Эхвая, Пармен Мебония и другие[4]. Они же явились организаторами первого колхоза в

[1] ЦГАА, ф. 56, д. 42, л. 2.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, д. 49, лл. 1–2.
[4] Там же, ф. 56, д. 57, л. 1.

деревне в 1927 г. На руководящую работу в сельские крестьянкомы избирались и передовые женщины-крестьянки. Так, в 1927 г. в президиум Ажарского крестьянкома (Сухумский уезд) была избрана Дарико Гуджеджиани, Перво-Бедийского крестьянкома – Бадго Гарцкия, Саберийского – комсомолка Надя Акубардия, Тагилонского – Кохта Закарая, Ачигварского – Нуца Гоциридзе, Гугу Кирия, Пупа Тория и т. д.[1]. Все это расширяло сферу влияния крестьянкомов в деревне, поднимало их авторитет среди крестьянства.

10 мая 1928 г. в Центральном доме крестьянина в Сухуми открылся II съезд крестьянкомов Абхазии. Приветствуя съезд, председатель ЦИК Абхазии С. Чанба говорил: «Крестьянкомы должны сыграть огромную роль в жизни крестьянства в смысле сплочения бедняцких и середняцких его слоев в единую коллективную, трудовую семью... Крестьянкомы должны вызвать самодеятельность крестьянских масс, организовать коллективы, помочь кооперировать бедноту»[2]. На съезде с докладом о работе и задачах крестьянских комитетов общественной взаимопомощи выступил председатель ЦК ККОВ Абхазии Парна Гегелия. Съезд одобрил деятельность ЦК ККОВ и наметил меры по дальнейшему развертыванию работы. Перед уездными и сельскими ККОВ была поставлена задача – проявлять наибольшую инициативу в деле коллективизации бедняцких хозяйств, добиваться массового вовлечения бедняков и середняков в уже существующие кооперативные объединения. Съезд указал пути усиления хозяйственной и культурно-просветительной работы крестьянкомов, пути укрепления их связи с общественными организациями деревни и т. д.[3].

Следует отметить, что вплоть до 1929 г. крестьянкомы Абхазии все еще оставались слабыми организациями в хозяйственном отношении. С самого возникновения у них отсутствовала необ-

[1] Там же, ф. 56, д. 41, лл. 19.
[2] «Советская Абхазия», № 108, 12 мая 1928 года.
[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 27, лл. 243–247.

ходимая материальная база. Кресткомы не получали кредитов от государственных и кооперативных организаций, за исключением ссуд Абсельбанка в размере 10,5 тыс. руб., отпущенных в 1925 г. Опираясь только на свои доходы и членские взносы, они, естественно, не могли развернуть сколько-нибудь существенной работы. Крайне слабо были развиты общественные запашки земель. Однако определенные сдвиги в организации помощи бедноте имелись: основную часть доходов, получаемых от своих предприятий, кресткомы направляли на поддержку бедняцких хозяйств, спасая их от разорения[1].

После II съезда кресткомов Абхазии усилилось их участие в проведении различных хозяйственных и политических мероприятий в деревне. В. частности, в 1929 г. кресткомы активно участвовали в отчетно-выборной кампании в кооперации, в весенней посевной компании, в проведении сельскохозяйственного налога, в распространении государственных займов, в проведении революционных праздников и т. д.[2]. Через кресткомы осуществлялись мероприятия по социальному обеспечению инвалидов и сирот.

Популярность кресткомов среди крестьянства возрастала. Обследование деятельности кресткомов осенью 1929 г. выявило значительное улучшение их работы в Сухумском, Гагринском и Гальском уездах. На 1 октября 1929 года в Сухумском уезде 5 сельских кресткомов объединяло 1502 члена. Об улучшении хозяйственной деятельности кресткомов свидетельствует рост их доходов. Например, Гумистинский крестком имел годовой доход 8128 руб., Михайловский – 4177 руб., Мерхеульский – 547 руб., Гульрипшский 3474 руб., Михельрипшский – 1815 руб., Ново-Гагринский – 4146 руб., Пиленковский – 4515 руб. и Сальминский – 1796 руб.[3] Отдельные предприятия кресткомов перешли на хозрасчет. Гульрипшский крестком организовал две

[1] Там же, лл. 232, 235.

[2] ЦГАА, ф. 56, д. 60, лл. 2–14.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 298/6, лл. 860, 861.

школы кройки и шитья, Михайловский крестком содержал на свои средства избу-читальню, Гумистинский крестком отремонтировал две школы, взял на себя выплату части зарплаты учителя, которого крестьянство содержало за свой счет[1].

В обзоре деятельности кресткомов за 1929 г. ЦК ККОВ Абхазии, характеризуя хозяйственную работу кресткомов Гагринского уезда, отмечал, что они оказывают материальную помощь бедняцким хозяйствам, способствуют кооперированию их и налаживанию всей хозяйственной работы[2].

Таким образом, кресткомы в доколхозной абхазской деревне стали массовой организацией бедняцко-середняцкого крестьянства и выполняли заметную работу в деле поднятия индивидуальных хозяйств, бедняков и маломощных середняков, в первую очередь, красноармейцев, инвалидов и др.[3] Они облегчали этим хозяйствам вступление в кооперацию, содействовали объединению их в простейшие формы коллективного хозяйства. Для организации взаимопомощи кресткомы создавали свои фонды из членских взносов и прибылей от собственных предприятий и общественных запашек. Работа кресткомов базировалась на самодеятельности крестьянства.

С конца 1929 г. в связи с ростом колхозного движения изменились условия и характер деятельности кресткомов. Вот как писал об этом ЦК ККОВ Абхазии в конце декабря 1929 г.: «В период социалистической реконструкции сельского хозяйства кресткомы должны коренным образом перестроить свою работу в соответствии с новыми задачами. Оказывая помощь и взаимопомощь, впавшим в нужду хозяйствам, кресткомы концентрируют главное свое внимание на колхозном строительстве. Вся практическая работа ККОВ должна быть подчинена выполнению основной задачи – задачи коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств деревни. Это значит, что в настоящих

[1] Там же, л. 860.

[2] «Советская Абхазия», № 38, 17 февраля 1927 года.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 298/5, л. 861.

условиях помощь и взаимопомощь надо рассматривать не как самоцель, а как средство вовлечения бедняков и маломощных середняков в колхозное строительство. И это положение должно быть поставлено во главу угла работы»[1].

В начале января 1930 г. уездные съезды крестьянских комитетов обсудили очередные задачи ККОВ в связи с коллективизацией. На съездах выступили видные партийные и государственные деятели Абхазии. На III съезде крестьянских комитетов Сухумского уезда, состоявшемся 5 января 1930 г., доклад по этому вопросу сделал председатель ЦИК Абхазии С. Чанба. Съезд признал необходимым перестроить работу крестьянских комитетов в соответствии с новыми задачами реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах и наметил конкретные мероприятия в этой области[2]. Уездные съезды Крестьянских комитетов всюду прошли с большой активностью масс, выборные органы крестьянских комитетов были значительно укреплены.

Сохранились некоторые материалы, характеризующие работу крестьянских комитетов в начале развертывания коллективизации. В этом отношении представляет интерес отчет о работе Сухумского уездного крестьянского комитета с 1 октября 1929 г. по 1 мая 1930 г. За этот период количество крестьянских комитетов в уезде увеличилось с 5 до 8, а число членов ККОВ – с 1511 до 1835 человек; проводилась подготовительная работа по организации еще 3 крестьянских комитетов. Весь капитал сельских крестьянских комитетов уезда возрос с 11320 руб. до 38357 руб., что дало им возможность создавать новые предприятия[3]. Например, если Михайловский крестьянский комитет до этого имел только столовую, то к маю 1930 г. у него были кузнечная мастерская, мельница (производительностью 6200 пуд. за 12 часов) и хлебопекарня, находящиеся на хозрасчете. Мерхеульский крестьянский комитет к 1 мая 1930 г. имел фруктовый сад, 12 дес., фундукового и виноградного сада, 5 мельниц, столовую, служебное здание – двух-

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 298/5, л. 859.
[2] ЦГАА, ф. 56, д. 67, л. 166.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 288, л. 409–411, 414.

этажный дом и разные сельскохозяйственные орудия. Почти все кресткомы имели мельницы, кузнечные мастерские и другие предприятия. Все они создавались по инициативе самого крестьянства. «...Эти успехи, – говорится в отчете Сухумского кресткома, – достигнуты по инициативе самих крестьян, и тяга последних к кресткомам имеется, лишь бы было соответствующее руководство. По своей инициативе крестьяне открывают кузни, строят мельницы и разные другие предприятия и учреждения, открывают школы кройки и шитья, красные уголки и т. д.»[1]. Крестьяне не только создавали эти предприятия, но под руководством ККОВ учились эксплуатировать их на основе хозяйственного расчета. Все это развивало хозяйственную самодеятельность крестьянства.

Кресткомы приняли активное участие в весенней посевной кампании 1930 г. Они выдвинули своих представителей в районные и сельские посевные тройки, участвовали в проведении контрактации сельскохозяйственных культур и в создании семенного фонда, а в некоторых случаях сами создавали семфонд. Кресткомовские кузни обслуживали посевную кампанию, местами они на 25–40% снизили цены на ремонт сельскохозяйственного инвентаря, ограничивая тем самым влияние частных ремесленников[2].

Кресткомы участвовали в коллективизации сельского хозяйства. Уже весной 1930 г. в ряде районов большинство кресткомовских работников вступило в колхозы, а Михайловский крестком организовал артель «Взаимопомощь». Стали создаваться новые общественные запашки кресткомов.

Работа кресткомов встречала ожесточенное сопротивление со стороны кулацких элементов, которые совершали нападения на активных представителей ККОВ, устраивали гнусные провокации во время перевыборной кампании, пытались развалить работу кресткомов изнутри, скомпрометировать их перед гла-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 288, л. 411.
[2] Там же, л. 413.

зами крестьян. Эта борьба приняла особенно острый характер с начала 1930 г. в связи с коллективизацией и изъятием земель у нетрудовых элементов. Кресткомы сплачивали бедноту в борьбе с врагами социалистического развития деревни. Они вместе с сельскими Советами, партийными ячейками и общественными организациями села разоблачали махинации кулачества.

Расширение деятельности кресткомов значительно повысило их популярность в деревне. Подчеркивая это, Сухумский уездный крестком отмечал: «Крестьяне убедились, что крестком является их родной организацией, что цель кресткома – улучшить их материальное положение, поднять их культурный уровень, и грудью защищают крестком от провокаций кулачества. Устраивают субботники, воскресники, строят новые здания, мельницы и т. д. По инициативе самих крестьян сейчас строится на средства кресткома в Гульрипше большая мельница с нефтяными двигателями и обсуждается вопрос о постройке кресткомовских электростанций в Михайловке и Мерхеули, об оборудовании показательной пасеки в Псху и др.»[1]. В процессе коллективизации кресткомы как массовые организации преимущественно бедняцких хозяйств доказали свою жизнеспособность активным участием в социалистическом строительстве в деревне.

Важнейшая заслуга кресткомов состоит в том, что они выполняя директивы партийных и советских органов, в корне изменили социальное содержание взаимопомощи. В дореволюционной абхазской деревне традиция взаимопомощи («Киараз», «айцхырара», «нодаба») использовалась эксплуататорскими классами для угнетения трудовых крестьянских хозяйств. В условиях же Советской власти, благодаря деятельности КОВ, взаимопомощь приняла организованный характер и превратилась в практику действительно подлинной помощи наиболее нуждающимся крестьянским хозяйствам, поддержки и подъема

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, от. 2, д. 288, л. 41.

бедняцких хозяйств, подготовки их перехода «а социалистический путь развития.

Регулирование процессов социально-экономического развития деревни в доколхозный период и, прежде всего, обеспечение осереднячивания крестьянских хозяйств, ограничения и вытеснения капиталистических элементов, подготовка условий для социалистического преобразования сельского хозяйства достигалось всей суммой мероприятий Советского государства, осуществляемых через посредство всей системы хозяйственных и политических организаций деревни.

Наиболее мощной хозяйственной организацией бедняцко-середняцкого крестьянства до сплошной коллективизации являлась кооперация. Она объединяла большинство крестьянских хозяйств доколхозной деревни. Кооперация служила важнейшей силой, поддерживающей и поднимающей бедняцко-середняцкие слои деревни, организующей и вовлекающей их в практическую работу по социалистическому строительству. Кресткомы же не получили столь широкого развития и не могли играть столь значительную роль. Однако после кооперации они являлись наиболее массовой организацией крестьян-единоличников Абхазии, объединявшей их на хозяйственной почве. Точно также и сельскохозяйственный налог не был единственным средством регулирования денежных доходов крестьянских хозяйств и их использования. Система воздействия на развитие абхазской деревни со стороны государства диктатуры пролетариата рассматривается в настоящей монографии в целом. Специальные главы посвящаются кооперации, колхозам и совхозам, Советам, которые были не только рычагами воздействия на развитие деревни в сторону социализма, но и представляли собой особые социально-экономические и социально-политические формы, несущие в себе социализм. Налоговое обложение и организация социального обеспечения в форме взаимопомощи крестьянских хозяйств имели специфическое значение, ограниченное преимущественно воздействием на единоличный сектор деревни. И

тем не менее они позволили установить некоторые существенные черты механизма регулирования социальных процессов в деревне. Освобождение от налогового обложения беднейших слоев крестьянства и помощь через систему ККОВ сыграли значительную роль в поддержке бедных и ослабленных хозяйств, дали возможность им продержаться, избежать разорения и пролетаризации. Определенная часть бедноты, неизбежно разорявшаяся в условиях капитализма, смогла не только продержаться, но и поднималась до уровня среднего крестьянства (опираясь на помощь кооперации, кредит и т. д.). В то же время налоговое обложение было эффективной мерой ограничения кулацкого капиталистического накопления. Мы видели также, что по мере развития оно превратилось в средство прямого вытеснения, а частично и ликвидации кулацких хозяйств.

Глава четвертая

ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ КООПЕРИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Осереднячивание крестьянства, на основе подъема бедняцких хозяйств, укрепления середняцких и ограничения кулацких, не исчерпывало особенностей социально-экономического развития деревни в условиях диктатуры пролетариата. Более того, само осереднячивание деревни было результатом всей политики Советского государства и, в особенности, развития кооперации, обеспечившей переход крестьянства на путь социализма. Историческая роль кооперации состояла в том, что она не только создавала условия для коренной перестройки социальных отношений в деревне, но с самого начала своего развития вносила в систему экономических связей крестьянских хозяйств новые отношения, внедряя элементы коллективизма.

Открытие исторической роли кооперации в социалистическом преобразовании сельского хозяйства составляет одно из величайших научных достижений марксизма. Разработанный В. И. Лениным гениальный кооперативный план открыл путь к социализму для многомиллионных масс крестьянства всего мира.

От кооперации потребительской, снабженческо-сбытовой, кредитной к простейшим производственным объединениям, а от них к сельскохозяйственной артели – таков путь крестьянина к социализму, намеченный ленинским кооперативным планом и подтвержденный историческим опытом. В простейших видах кооперации В. И. Ленин видел такую форму объединения бедняцких и середняцких масс, которая позволяет, с одной сторо-

ны, обеспечить подъем их хозяйства, а с другой, вовлечь в социалистическое строительство. Кооперация вовлекала крестьянина в практическое строительство социализма, не требуя от него отказа от «частного торгового интереса», а сочетая частный интерес крестьянина с общими интересами социалистического государства. Она была приемлема и взаимовыгодна для обоих сторон. Именно поэтому В. И. Ленин писал, что кооперация является «более простым, легким и доступным для крестьянина путем к социализму, что кооперация создает возможность «чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать» в построении социализма[1].

Учение В. И. Ленина о кооперации как наиболее массовой организации перевода крестьян к социализму основано на глубоком научном анализе экономики переходной эпохи. Оно исходит из того объективного факта, что социализм строится в условиях товарного производства, когда мелкие, изолированные друг от друга единоличные крестьянские хозяйства вступают в экономические отношения между собой и с промышленностью, главным образом, в процессе товарообмена. Поэтому пока мелкие крестьянские хозяйства не убедились в необходимости производственного объединения, легче было добиться их объединения в сфере обращения путем кооперирования сбытовых, снабженческих и кредитных операций. Преимущества крупного сбыта и снабжения и дешевого кредита вызывали среди крестьян стремление объединиться в кооперативы, а это в новых экономических и политических условиях означало появление социалистической тенденции развития в мелкокрестьянской деревне. Обобществление функции товарообмена крестьянских хозяйств, его рыночных связей позволило пролетарскому государству влиять через сферу товарообмена на крестьянское хозяйство в интересах социалистического строительства и вместе с тем служило предпосыл-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

кой для перехода к кооперированию производства. Вот почему в условиях нэпа простой рост низших форм кооперации в деревне был тождественен росту социализма.

Объединение крестьянства в простейших формах кооперации, как указывал В. И. Ленин, – «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[1]. Построить социализм в деревне означало кооперировать само производство, организовать коллективное хозяйство. Массовое кооперирование крестьян в области сбыта, снабжения и кредита вело к экономической необходимости проникновения кооперации в область производства, подготавливало крестьянство к коллективизации сельского хозяйства.

Успешное развитие кооперации было невозможно без всесторонней, непрерывно возрастающей материально-финансовой и организационной поддержки со стороны Советского государства. «Каждый общественный строй, – писал В. И. Ленин, – возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный»[2]. Это указание В. И. Ленина определило всю экономическую политику Советского государства в деревне по отношению к зарождающемуся социалистическому укладу.

Руководствуясь ленинским кооперативным планом, Абхазская организация КП(б) Грузии всемерно содействовала развитию кооперации в деревне. Уже в годы восстановительного периода в Абхазии сложилась система кооперации. Она стала одним из важнейших факторов хозяйственного и политического развития деревни. Кооперация явилась орудием решения задачи быстрейшего восстановления сельского хозяйства, средством подъема благосостояния бедняцко-середняцких масс

[1] Там же.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 371.

крестьянства, ограничения эксплуататорских стремлений кулачества. Помогая поднимать и развивать крестьянское хозяйство кооперация вместе с тем вовлекала его в русло социализма, прививала навыки общественного ведения дела, повышала культуру крестьянства.

С вступлением Советского Союза в новый период развития – период социалистической реконструкции народного хозяйства, вопросы кооперативного строительства приобрели исключительное, большое значение. К этому времени относится бурное развитие простейших форм сельскохозяйственной кооперации в абхазской деревне, расширение и углубление их хозяйственной деятельности, повышение роли кооперации в вовлечении крестьян в социалистическое строительство.

Истории развития кооперации в доколхозной абхазской деревне посвящена специальная монография автора настоящей работы[1]. Было бы нецелесообразным повторять уже опубликованное. Поэтому здесь мы считаем возможным изложить вопросы развития кооперации в сжатой форме, обратив внимание главным образом на те проблемы, которые определяли основное содержание кооперативного движения накануне перехода крестьянства к массовой коллективизации.

1. Овладение деревенской торговлей. Роль потребительской кооперации

В. И. Ленин при введении навой экономической политики, когда во весь рост встала задача восстановления товарооборота между городом и деревней, дал глубокое теоретическое обоснование роли и значения торговли как единственно возможной тогда экономической связи между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью. Он говорил, что

[1] См. А. Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921–1929 гг.), Тбилиси, 1968.

торговля является сейчас поселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем»[1].

Твердо следуя ленинскому курсу, Коммунистическая партия и Советское государство развернули работу по овладению рынком путем всемерного развития кооперативной и государственной торговли. В Абхазии в этом направлении проводилась значительная работа. В ходе восстановления народного хозяйства здесь стали сравнительно быстро развиваться потребительская кооперация и государственная торговля, представлявшие собой две формы обобществленного, социалистического сектора торговли[2]. Процесс социалистического обобществления розничного товарооборота и ограничения частника носил характер острой экономической борьбы.

В этой борьбе потребительская кооперация Абхазии опиралась на всемерную поддержку партийных и советских органов, на развивавшуюся социалистическую промышленность, которая снабжала ее необходимым товарным фондом.

В конце восстановительного периода в Абхазии две трети всей розничной торговли обобществленного сектора падала на потребительскую кооперацию. Ее аппарат оказался более приспособленным для ведения торговли в деревне. Потребительская кооперация сыграла большую роль в борьбе за решение проблемы «кто-кого?». Усиление и расширение позиции кооперации означало ослабление позиции частного посредника, скупщика и торговца, расширение сферы влияния социалистического хозяйства, рост благосостояния широких масс крестьянства.

Развернувшаяся в годы восстановительного периода торговля обеспечила смычку между социалистической промыш-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 322.

[2] См. А. Э. Куправа. Развитие товарооборота в Абхазии в 1921–1925 годах. «Труды» Абхазского государственного музея. Сухуми, вып. III. 1958, с. 195–224.

ленностью и крестьянским хозяйством Абхазии. Председатель Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба на VII Абхазской областной партийной конференции (ноябрь, 1925 г.), говоря об успехах социалистического строительства в Абхазии, особо подчеркнул ведущее значение общесоюзной промышленности в развитии экономики Абхазии. «Мы вкрапляемся, – указывал он, – в общее хозяйство Союза Советских Республик... Наше крестьянское хозяйство смыкается с общесоюзной промышленностью, уже дают оттуда, что нужно крестьянскому хозяйству, а крестьяне реализуют свои продукты, необходимые для переработки на фабриках»[1]. Потребительская кооперация сыграла большую роль в осуществлении этой смычки, укреплении союза рабочего класса и крестьянства, следовательно, в упрочении Советской власти в Абхазии.

С переходом к периоду социалистической реконструкции народного хозяйства кооперативная и государственная торговля должна была всемерно содействовать индустриализации и подготовке условий для коллективизации сельского хозяйства. Путем дальнейшего расширения и рационализации товаропроводящей сети, дальнейшего снижения розничных цен, установления жесткой заготовительной дисциплины, неуклонно вытесняя частного торговца, обобществленный сектор торговли должен был обеспечить планомерность сбыта промышленной продукции и снабжение промышленности сельскохозяйственным сырьем, обеспечить дальнейшее укрепление смычки между городом и деревней.

Абхазский обком КП(б) Грузии и правительство Абхазии, учитывая важную роль потребительской кооперации в социалистическом строительстве, принимали все меры для ее развития. Важнейшим условием для укрепления кооперативной торговли в Абхазии явилась реорганизация структуры кооперации на основе постановления февральского (1926 г.) пленума

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 10/1, л. 154.

Абхазского обкома партии, проведенная в марте–апреле 1926 г. Абсоюз, являвшийся центром универсальной кооперации, был превращен в кооперативный центр потребительских обществ. Выделившиеся из Абсоюза сельскохозяйственные товарищества вместе с кредитными товариществами составляли единую сеть сельскохозяйственной кредитной кооперации и вошли в новый центр сельскохозяйственной кооперации – Абсельсоюз. Новая кооперативная структура ограничила функции потребительской и сельскохозяйственной кооперации, явилась важнейшей организационной основой для дальнейшего расширения и углубления кооперативного товарооборота.

Для развития деятельности кооперации в соответствии с новыми задачами, поставленными перед нею, исключительно большое значение имело состояние ее финансового хозяйства. Между тем потребительская кооперация Абхазии в это время испытывала большое финансовое напряжение. Оно возникло еще до ее реорганизации. Абхазский обком КП(б) Грузии и Совнарком Абхазии в 1926–1927 гг. провели ряд мер для оздоровления финансового положения потребительской кооперации, преодоления создавшихся в этой области затруднений.

Вопрос о финансовом положении Абсоюза обсуждался 5 февраля 1926 года на кооперативном совещании при Совнаркоме Абхазии[1]. Совещание в своем постановлении просило местные организации продлить срочные обязательства Абсоюза до трех месяцев, выдать через Госбанк дополнительную ссуду в размере 20 тыс. руб., категорически указало низовой сети потребительской кооперации на необходимость приобретать товары исключительно через свой центр или у госорганов, но ни в коем случае у частных лиц. Были намечены и другие меры.

Пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии, состоявшийся 28–30 июня 1926 года, перед потребительской кооперацией и госторговлей поставил задачу «упорядочить товаропроводящую

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, о,п. 2, д. 180/1, л. 5.

сеть, упростить ее, снизить расходы на ее содержание, рационализировать складское хозяйство, сократить расходы по содержанию управленческого аппарата и прекратить всякого рода нецелесообразные затраты, приводящие к повышению накладных расходов»[1]. Осуществление этих мероприятий помогло Абсоюзу в 1925/26 г. сохранить годовой оборот по продаже товаров низовыми кооперативными организациями на уровне предыдущего года. Собственные средства потребительских обществ увеличились на 4%, в том числе сельских – на 37%. Происходит некоторое улучшение финансового положения сельских потребительских обществ, где удельный вес заемных средств сократился на 9% и на 1 октября 1926 года составил 73% всех средств низовой сельской сети[2].

Но в целом финансовое состояние потребительской кооперации оставалось тяжелым. Заседание Экономического совета ССР Абхазии в ноябре 1926 г. постановило увеличить сроки кредитов Абсоюзу, зачислить ссуду Совнаркома Абхазии в размере 45 тыс. руб. в основные средства Абсоюза, увеличить банковские и товарные кредиты[3].

В мае 1927 г. кооперативная комиссия при обкоме партии дважды обсуждала вопросы Абсоюза. Совещания выразили твердое желание сохранить Абсоюз, оздоровить его финансовое состояние. «Нам надо приложить все старания и все усилия к тому, чтобы вывести Абсоюз из этого положения и в будущем создать такую обстановку, в которой он мог бы работать более продуктивно»[4], – говорил председатель кооперативной комиссии обкома В. Ладария. Кооперативная комиссия приняла постановление пролонгировать срок банковских векселей на 150 тыс. руб. и векселей Заксоюза на 50 тыс. руб. на 1 год, выдать из фонда Совнаркома Абхазии беспроцентную ссуду в 50 тыс. руб.

---

[1] «Трудовая Абхазия», № 162, 18 июля 1926 г.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, лл. 77–78.

[3] ЦГАА, ф. 3, оп. 1, д. 133, л. 16.

[4] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 19/1, л. 291.

сроком на полтора года, установить ежемесячный отпуск мануфактуры Абсоюзу для его периферии не менее пяти вагонов и др.[1]. 5 июля 1927 года заседание ЭКОСО Абхазии в развитие данного постановления кооперативной комиссии признало необходимым осуществить ряд дополнительных мероприятий по укреплению центра потребительской кооперации. Вся закупка товаров потребительскими обществами сосредотачивалась в Абсоюзе, который должен был обеспечить плановое и бесперебойное снабжение кооперативов и изживание наблюдавшегося затоваривания неходовыми товарами. Был поставлен вопрос об увеличении товарооборота Абсоюза и его низовой сети до 500 тыс. руб., о расширении ассортимента товаров, реализуемых через потребительскую кооперацию[2].

С помощью Абхазского обкома КП(б) Грузии и правительства Абхазии все эти мероприятия претворялись в жизнь. В соответствии с указанными решениями Абсоюз получил от СНК беспроцентную ссуду, были продлены сроки платежа долгов, руководящий аппарт Абсоюза укреплен, снабжение товарами увеличено, штаты на 40% сокращены и т. д. Благодаря всесторонней государственной поддержке Абсоюз был сохранен и выведен на твердую дорогу.

Оказывая всемерную поддержку потребительской кооперации, руководящие партийные и советские органы республики требовали от нее умелого хозяйствования, настойчивого вытеснения частного капитала из товарооборота, улучшения культуры обслуживания рабочих и крестьян. На практических задачах в этой области было заострено особое внимание в докладе Н. А. Лакоба «О кооперации и госторговле и системе народного хозяйства Абхазии и о результатах снижения розничных цен», сделанном на пленуме Абхазского обкома партии в июне 1927 г. Касаясь улучшения обслуживания трудящихся, он говорил: «Надо поставить дело так, чтобы крестьяне, улыбаясь, заходили

[1] Там же, л. 278; оп. 2 д., 245/2, лл. 232–233.
[2] ЦГАА, ф. 3, оп. 1, д. 134, л. 11.

в лавку, чтобы они не встречали там сдвинутых бровей кооперативного работника, чтобы они не увидели бюрократизма и т. д., словом мы предостерегаем Абсоюз от такой болезни, от которой может последовать немедленная смерть, а самая страшная болезнь – это грубое обращение с крестьянином-потребителем. Плохо, когда кооперативный работник говорит, мне некогда, подождите, да еще здесь не доложит, не довешает, и крестьянин в душе должен ругаться»[1].

Для развития деятельности потребительских обществ, улучшения качества их работы большое значение имело участие в кооперативной работе трудящихся масс, их активность и самодеятельность. Значительная часть крестьянства Абхазии еще в восстановительный период стала проявлять живой интерес к кооперации, содействовала ее росту, втягивалась в внутрикооперативную работу. В 1926–1927 гг. участие крестьян в кооперативном строительстве усилилось, о чем говорит таблица[2].

Таблица 16

Рост членов потребкооперации в 1925–1927 гг.[3]

	На 1.X 1925 г.	На 1.X 1926 г.	На 1.X 1927 г.
Количество потребительских обществ	25	28	22
Число членов	7 969	9 623	10 220
Процент кооперирования населения	19,8	22,9	23,2

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 23/2, л. 62.

[2] «Статистический справочник. 1927 г.», с. 89.

[3] В 1923/24 – 1926/27 гг. отдельно существовал Сухумский единый рабочий кооператив, который объединял в 1924/25 гг. 639 человек, в 1925/26 гг. – 665 и в 1926/27 гг. – 1794 члена, или 28,3%. В 1926/27 гг. Еркооп имел 8 лавок и обороты его по продаже составляли 1512,6 тыс. руб. (ЦГАА, ф. 100, оп. 2, д. 120, л. 1).

Некоторое сокращение числа потребительских обществ было вызвано их укрупнением. В среднем на одно потребительское общество в 1925 г. приходилось 315 членов, а в 1927 г. – 464. Вместе с ростом числа членов увеличился паевой капитал потребительской кооперации, который составил (на 1 октября) в 1926 г. – 35818 руб. и в 1927 г. – 60 418 руб.[1].

Росла активная заинтересованность крестьян в развитии и укреплении потребительской кооперации. «Тяга крестьянства в кооперацию усиливается с каждым днем, – писал Г. Аджамов, – ежедневно поступают сообщения о том, что население такого-то селения ходатайствует об открытии у них кооператива, готово быстро собрать нужные средства и отводит под магазины общественные здания. Крестьянство отлично поняло величайшее значение кооперации и теперь уже не хочет отдаваться в руки частного торгаша. Крестьянство охотно крепит местную кооперацию»[2].

Орготдел Абсоюза в докладе за 1926 г., характеризуя деятельность потребительских обществ, указывал на создание потребительских обществ и сельских лавок при активной поддержке крестьян, на высокий процент посещаемости собраний членами кооперацией и их активность при обсуждении кооперативных вопросов. О Соберийском потребительском обществе (Гальский уезд) в докладе говорилось, что оно «организовано настойчивым желанием населения в июне 1926 г., заинтересованность населения большая. ПО (потребительское общество – А. К.) начало работать хорошо, организация пайщиков удовлетворительная»[3]. Об Отобаевском кооперативе (Гальский уезд), созданном также по инициативе крестьян, сообщалось: «Население очень заинтересовано в его существовании, оказы-

[1] «Состояние народного хозяйства и советского строительства в ССР Абхазии на 1 октября 1928 г. и главнейшие достижения». См. ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 23.

[2] «Советская Абхазия», № 149, 3 июля 1926 года.

[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 185, лл. 367–368.

вает содействие, делает вклады. Членская масса хорошо организована и принимает участие в жизни ПО, посещаемость собраний до 90%. Правление работает с большим успехом, пользуется авторитетом среди населения. Хищений, растрат и недостач ни разу не было. Финансовое состояние крепкое».[1]

По настоянию крестьянство было организовано Каваклукское потребительское общество (Гудаутский уезд). В докладе об этом товариществе говорилось: «Вся торговля в селении в его руках. Работает удовлетворительно... Правление состоит из простых, малограмотных крестьян, но ведет дела толково... Население заинтересовано в существовании потребительского общества но и поддерживает его сдачей табаков и авансами...»[2]. Летом 1926 г., когда потребительское общество оказалось в финансовом затруднении, члены кооперации поддержали его авансами в размере до 2 тыс. руб. В результате положение кооператива к концу года опять упрочилось.

Такой же живой интерес к деятельности своей кооперации проявили пайщики Николаево-Анастасьевского потребительского общества (Сухумский уезд), которые поддержали его также вкладами. Нередко крестьяне, открывая кооперативную лавку, сами на свои средства строили и оборудовали помещения для кооператива, или расширили имевшиеся здания. «Отхарский кооператив, – писала «Советская Абхазия», – объединяет пайщиков селений Отхара, Блабурхва и Бармыш. Крестьяне сильно заинтересованы судьбой своего кооператива. Недавно на сходе стоял вопрос об отделении от Гудаутскопо ЕПО в самостоятельный кооператив... Имеется в Отхарах частная лавочка, которая конкурирует с кооперативом. Несмотря на разные махинации частника, число покупателей в кооперативе с каждым днем увеличивается. Недавно крестьяне-пайщики на собственные средства расширили здание кооператива»[3]. А в другом селе, как

[1] Там же, л. 367.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 359.

[3] «Советская Абхазия», № 55, 11 марта 1927 года.

сообщала та же газета, крестьяне своими силами оборудовали кооператив, и он стал успешно работать. «Крестьяне поняли выгоду, которую им дает кооператив. С каждым днем число покупателей в кооперативе увеличивалось, а у частника уменьшалось.

Частный торговец прогорел, сложил свои манатки и удрал в город. Крестьяне на сходе постановили всем вступить в члены кооператива»[1], – отмечала «Советская Абхазия». Трудящееся крестьянство постепенно все более ощущало материальную выгоду, которую приносила кооперация, продавая товары лучшего качества и по более низким ценам, чем частник. Личная материальная заинтересованность все больше и больше втягивала крестьян в активную кооперативную работу. Пайщики, непосредственно участвуя в деятельности кооперации, выбирая на руководящую кооперативную работу лучших своих представителей, совместно обсуждая на собраниях наиболее насущные кооперативные вопросы, содействовали неуклонному улучшению ее работы. И когда члены кооперации видели, что во главе потребительского общества стоят честные, дельные люди, свои же трудовые крестьяне, которые умело организуют работу кооперации в интересах трудящихся крестьян, они активно поддерживали кооператив и в трудные моменты помогали ему.

Рост авторитета потребительской кооперации в деревне, усиление тяги к ней со стороны крестьянских масс озлобляла скупщиков-спекулянтов и кулаков. Под постоянным давлением кооперации, шаг за шагом теряя позиции, чувствуя свою экономическую и моральную обреченность, они всячески вредили кооперации, старались подорвать ее авторитет среди крестьян. Например, в с. Эстонка потребительское общество хорошо организовало работу и успешно стало конкурировать с частной торговлей. Во главе его стояла женщина «энергичная, опытная работница, принесшая ПО много пользы и укрепившая его фи-

[1] Там же.

нансовое положение»[1]. Вражеские элементы, недовольные хорошей работой правления, стали ему мешать. В докладе орготдела Абсоюза об этом сказано следующее: «Имеется группа граждан из кулацких элементов, тенденциозно относящихся к кооперативу, действует ему во вред: из личных целей вредит работе правления»[2].

Враждебные и антиобщественные элементы, когда им удавалось проникнуть в руководство сельской потребительской кооперации, путем хищений и злоупотреблений подрывали ее работу, стремились развалить кооперативное строительство. Так было, например, в Драндском кооперативе (Сухумский уезд), где председатель правления начал раздавать товары, поступившие от Абсоюза, разным спекулянтам в кредит. Сам председатель растратил также значительную сумму. Член комиссии обкома по обследованию этого потребительского общества в своем докладе о нем писал: «Он разбазарил имущество кооператива, раздавая товары в кредит разным кулакам и проходимцам, оставляя совершенно неудовлетворенным бедняцкое население... Среди лиц, задолжавшихся кооперативу, бедняки не составляют и 5% общей массы членов кооператива...»[3]. В результате преступной деятельности правления Драндское потребительское общество понесло большие убытки, и к концу 1926 г. оно было самым худшим в системе Абсоюза. По настоянию членов кооперации и ревизионной комиссии правление было переизбрано и председатель привлечен к уголовной ответственности. Но, как отмечено в докладе орготдела за 1926 г., после хищений и растрат в кооперативе отношение членской массы к нему стало неблагоприятным. Посещаемость ими собраний снизилась на 60%[4].

На деятельность кооперации отрицательно оказывался недостаток опытных кадров, овладевших навыками торгов-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 365.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 37.
[4] Там же, ф. 1. оп. 2, д. 185, л. 365.

ли. Председатель СНК Абхазии Н. Лакоба в докладе на VIII Абхазской партийной конференции, касаясь деятельности потребительской кооперации, говорил следующее: «Главным нашим недостатком являлось (да и сейчас является) отсутствие необходимого опыта в торговле, необходимого знания как надо торговать, как надо хорошо поставить дело кооперации»[1].

В целях завоевания новых позиций в деревенском товарообороте, дальнейшего укрепления хозяйственной деятельности потребительских обществ, правление Абсоюза при помощи партийных и советских организаций в рассматриваемый период проводит ряд мероприятий по улучшению хозяйственной и внутрикооперативной работы низовой сети. Важнейшим условием преодоления имевшихся в работе потребительских обществ серьезных промахов и недостатков явилось внедрение в их деятельность плановости.

Постоянно улучшался качественный состав правлений потребительских обществ. Рост активности бедноты, укрепление бедняцко-середняцкого блока сыграли решающую роль в улучшении социального и партийного состава правлений кооперативов и ревизионных комиссий. В 1927 г. из 84 членов правлений потребительских обществ коммунистов было 24 человека, а из 84 членов ревкомиссии в партии состояло 27 и в комсомоле 9 человек[2]. 40 членов правлений и 41 член ревкомиссии впервые были выдвинуты на кооперативную работу[3].

С 1926 г. Абсоюз организовал конкурс на лучшее потребительское общество. Он предварительно разрабатывал и объявлял условия и программу конкурса. Этот вопрос освещался и в периодической печати. Орготдел отмечал, что значительная часть достижений периферии в 1926 г. (сокращение расходов, уменьшение дебиторских сумм, улучшение торговой деятель-

[1] «Советская Абхазия», № 7, 11 января 1927 года.

[2] Там же, № 148, 2 июля 1927 года.

[3] Там же.

ности балансов и т.д.) есть следствие объявленного конкурса.[1] Абсоюз ежегодно организовывал конкурсы. Газета «Советская Абхазия» проводила смотры потребительских обществ, выявляла недостатки и пропагандировала достижения лучших кооперативов[2].

С конца 1926 г. в потребительской кооперации Абхазии вводится система выдачи премий членам из прибылей общества. До этого премии выдавались непосредственно при закупке товаров. Переход к более прогрессивной премиальной системе служил интересам укрепления кооперации.

Таким образом, всесторонняя государственная поддержка (финансовая помощь, неуклонное увеличение товарной массы, направляемой через кооперативную сеть и т. д.) сопровождалась совершенствованием кооперативной работы, повышением самодеятельности членской массы. Все это улучшало хозяйственное состояние потребительской кооперации, расширяло ее деятельность, содействовало все более интенсивному вытеснению частника из торговли.

Коммунистическая партия требовала от всех звеньев государственной и кооперативной торговли неуклонно осуществлять снижение цен на промышленные и продовольственные товары путем уменьшения норм расходов и наложений на товары. XV конференция ВКП(б) (октябрь–ноябрь 1926 г.) указала, что необходимо вести постоянную борьбу за снижение накладных расходов, удешевление аппарата, за преодоление бесхозяйственности в торгующих организациях. Февральский Пленум ЦК ВКП(б) в 1927 г. принял специальную резолюцию о снижении отпускных и розничных цен, в которой политика цен характеризовалась «...центральной экономической и политической проблемой советской экономической политики на протяжении ряда лет»[3]. Утвердив постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 356.

[2] «Советская Абхазия», № 24, 31 января 1929 года.

[3] «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 434.

3 февраля 1927 года, Пленум в своей резолюции определил конкретные задачи партийных и профсоюзных организаций, государственной и кооперативной торговли по снижению розничных цен.

Для осуществления поставленных задач при Абхазском обкоме КП(б) Грузии была создана комиссия по снижению розничных цен в составе секретаря обкома, председателя СНК и руководителей профессиональных и кооперативных органов. С учетом местных условий были разработаны конкретные меры по снижению розничных цен на промышленные и продовольственные товары, продаваемые государственными и кооперативными тортовыми предприятиями.

Осуществляя эти указания, потребительская кооперация Абхазии по своей системе значительно сократила общеторговые расходы и наценки. По Абсоюзу отношение наценок к росту составило в 1926/27 г.: в первом полугодии – 6,2% и во втором полугодии – 4,5%; а 1927/28 – в первом полугодии – 4,2% и во втором полугодии – 4,0%. Сократились и расходы Абсоюза. Отношение расходов к обороту составило в 1926/27 г.: в первом полугодии – 9,2%, во втором полугодии – 4,7%; ,в 1927/28 г.: в первом полугодии – 2,8% и во втором полугодии – 2,7%. При этом максимально были снижены административно-управленческие расходы Абсоюза.

Эти расходы сократились в 1927/28 г. на 37,8% против 1925/26 г.[1]. Накладные расходы по низовой сети уменьшились с 6,5% в 1926/27 г. до 5,2% в 1927/28[2].

Комиссия по снижению розничных цен при Абхазском обкоме КП(б) Грузии 8 июня 1927 года, заслушав доклады Абгосторга, Абсоюза, Еркоопа «О проведении директивы обкома по снижению розничных цен на 10% на 1 июня 1927 года», в основном одобрила проведенную работу. В постановлении по докладу Абсоюза было обращено внимание на недостаточное снижение

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, лл. 22–23.
[2] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 11.

цен на масло и сахар и слабое осуществление данной директивы низовой сетью отдельных районов (Гали, Ачигвара, Дихазурга, Адзюбжа, Цебельда)[1].

На пленуме Абхазского обкома КП(б) Грузии в июне 1927 г. Н. А. Лакоба подробно охарактеризовал работу государственных и кооперативных торговых организаций по снижению розничных цен, указал на имеющиеся трудности и достижения в этой области. Он призвал еще более усилить работу по снижению розничных цен. «В дальнейшем, – говорил он, – работу по снижению розничных цен мы будем продолжать с утроенной энергией, эту работу ни в какой мере не считаем законченной...»[2]. Подчеркивалась необходимость усилить в этой работе роль массового общественного контроля и обратить главное внимание на то, «как это снижение фактически реально, как доходит до потребителей, до деревни»[3]. Пленум обкома постановил усилить помощь потребительской кооперации, создавать условия, обеспечивающие ей возможность продавать товары дешевле частного торговца. «Такие условия, – сказано в резолюции пленума, – могут быть достигнуты путем государственной помощи органам кооперации, улучшения условий банковского кредитования ее системы, жесткого сокращения накладных расходов, наибольшего сокращения промежуточных звеньев, через которые товары проходят к потребителю, и, наконец, путем усиления государственного регулирования политики цен»[4].

В результате принятых мер снижение цен по отдельным группам товаров дало за год (с 1.III.27 г. по 1.IV.28 г.) следующие результаты: по мануфактуре –хлопчатобумажным тканям минимально на 19,6%, по другим видам минимально на 11%, обуви – в среднем на 24,5%, металлоизделиям –в среднем на 177,6%, писчебумажным – в среднем на 18%, строительным материа-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 23/1, лл. 199–200.
[2] Там же, д. 23/2, л. 71.
[3] Там же, л. 71.
[4] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, II, д. 2321, л. 28.

лам – в среднем на 19,7%[1]. Осуществление снижения розничных цен позволяло потребительской кооперации усилить борьбу с частным торговцем, еще шире развернуть свою хозяйственную деятельность.

Таблица 17

Обороты потребительской кооперации в 1925/26–1926/27 гг.[2]

		Обороты Абсоюза		Обороты потребительских обществ	
		в тыс. руб.	рост в %	в тыс. руб.	рост в %
1925/26 г.	1-е полугод.	694,2	100,0	1 472,2	100,0
	2-е полугод.	643,2	108,2	1 721,4	116,9
1926/27 г.	1-е полугод.	891,8	150,0	2 066,8	140,3
	2-е полугод.	1 594,0	268,2	2 594,0	176,2

В 1926–1927 гг. увеличились обороты потребительской кооперации. Обороты Абсоюза во второй половине 1926/27 г. значительно превзошли обороты 1925/26 г. Неуклонно увеличивались также обороты потребительских обществ. Хотя темпы роста оборотов в низовой сети отставали от развития оборотов центра, но по абсолютному объему оборотов низовая сеть продолжала сильно опережать. Такое преобладание оборотов низовой сети было вызвано, главным образом, тем, что розничная торговая сеть кооперации получала товары и от Абгосторга.

Таким образом, в 1926–1927 гг. Абхазская потребительская кооперация заметно улучшила финансовое положение, вовлекла в свои ряды значительное число новых членов, расширила хозяйственную деятельность, оживила внутрикооперативную работу. Этим были заложены основы для дальнейшего экономического и организационного укрепления потребительской кооперации, усиления ее роли в борьбе с частной торговлей.

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. I, д. 27, л. 21.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 11.

XV съезд партии, провозгласивший курс на коллективизацию сельского хозяйства и развертывание наступления на кулачество, поставил перед потребительской кооперацией новые задачи. Она должна была сыграть большую роль в организации наступления на капиталистические элементы, в вытеснении частного торговца из сферы обращения.

Рост емкости рынка, покупательной способности тружеников города и деревни поднимали роль потребительской кооперации в удовлетворении запросов рабочих и крестьян, в укреплении их союза, в смычке социалистической промышленности и сельского хозяйства.

Исходя из решений XV съезда партии, пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии, состоявшийся в марте 1928 г., дал анализ состояния внутренней торговли и кооперации в Абхазии, отметил господствующее положение кооперации и госторговли в области сбыта и снабжения населения главнейшими видами промышленных товаров и определил основные задачи обобществленного сектора товарооборота. Пленум дал следующую директиву: «Имея в виду значительный все еще удельный вес частника в розничном товарообороте, а также неокрепшее пока финансовое состояние потребкооперации, пленум считает и впредь необходимой согласованную работу между госторговлей и потребкооперацией по дальнейшему вытеснению частника. Вместе с этим руководящим органам Абхазии надлежит оказывать реальное содействие потребительской кооперации в целях наибольшего продвижения к широкому кругу трудящихся масс, обратив одновременно внимание Абсоюза на необходимость вовлечения в кооперацию всей бедноты и середняков»[1].

Под руководством обкома партии и правительства Абхазии при постоянной их помощи Абсоюз уже в 1927/28 г. сумел значительно укрепить свое финансовое положение. На 1 октября 1928 года он не только покрыл дефицит 1926/27 г., но имел свои

[1] «Советская Абхазия», № 72, 28 марта 1928 года.

собственные средства в размере 192,5 тыс. руб. (20,9% баланса), которые принимали участие в обороте[1].

Если соотношение собственных средств к заемным на 1 октября 1927 года составляло 1:16, то оно на 1 октября 1928 года составило 1:5[2].

Значительно укрепилось финансовое положение низовой сети. Если в 1926/27 г. 7 потребительских обществ закончили операции с убытком в 10 662 руб., а 16 обществ с прибылью в 34 400 руб., то в 1927/28 г. все кооперативы, покрыв убытки, стали работать прибыльно. В результате общая сумма чистой прибыли потребительских обществ в 1927/28 г. по сравнению с предыдущим годом возросла в 2,1 раза[3].

Неуклонно увеличивались собственные средства низовой сети потребительской кооперации. Рост их по годам (по состоянию на 1 октября) выразился в следующих величинах: в 1926 г. – 268 658 руб., в 1927 г. – 304 885 руб., в 1928 г. – 470 227 руб., в 1929 г. – 965 981 руб.[4]

* * *

После XV съезда партии стремление крестьян в кооперацию продолжало неуклонно возрастать. Это движение охватывало все новые и новые слои трудящихся масс. О том, насколько усилилось участие населения в потребительской кооперации в 1927/28 – 1929/30 гг. говорят данные таблицы 18.

Реальная выгодность кооперативной торговли по сравнению с частнокапиталистической послужила основой быстрого роста пайщиков потребительской кооперации. Количество членов потребительской кооперации на селе в 1930 г. по сравнению с 1925 г. выросло более чем в 7 раз и по сравнению с 1927 г. – в 5,4 раза.

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 11.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 22.

[3] Там же, л. 23.

[4] «Советская Абхазия», № 51, 4 марта 1930 года

Потребительская кооперация в доколхозной абхазской деревне становится массовой общественной организацией, одной из форм вовлечения трудящихся в социалистическое строительство, школой общественного самоуправления.

Значительно выросло материальное участие населения в развитии потребительской кооперации. В 1925–1930 гг. количество пайщиков увеличилось почти в 10 раз, общая сумма паевого капитала выросла в 29 раз. Средний пай на одного члена в 1927 г. составлял 5 руб. 05 коп., а в конце 1930 г. – 32 руб. 07 коп. Резкому усилению паенакопления в 1929/30 г. содействовал переход низовой сети Абсоюза к дифференцированному паю и на преимущественное обслуживание пайщиков. Происходивший в эти годы быстрый рост паевых взносов говорит об усилении участия трудящихся в потребительской кооперации, о серьезных сдвигах в привлечении средств населения в кооперативное строительство, что имело большое значение для развития кооперативного товарооборота.

Таблица 18

Рост пайщиков и паевых взносов в потребкооперации Абхазии в 1927/28 – 1929/30 гг. (на 1 октября)[1]

	Количество пайщиков (в тысячах)			Сумма паевых взносов (в тыс. рублей)		
	Всего	в том числе:		Всего	в том числе:	
		в городе	в селе		в городе	в селе
1927/28 г.	19,1	3,7	15,4	135,8	25,8	110,0
1928/29 г.	42,0	11,0	31,0	420,0	96,0	324,0
1929/30 г.	78,3	22,8	55,5	1 033,0	332,3	700,7

После XV съезда партии усилилась работа по вовлечению бедняков в кооперацию. Улучшилось использование фонда кооперирования бедноты, который создавался потребительскими обществами с 1925/26 г. путем отчисления 10% годовой чистой

[1] ЦГАА, ф. 123, оп. I, д. 123, л. 5.

прибыли[1]. В 1928 г. потребительской кооперацией Абхазии на средства этого фонда было кооперировано 1106 чел.[2].

В потребительской кооперации хозяйства с доходом до 500 руб. в год составляли 95,71%. Это были батраки и бедняцко-середняцкие хозяйства. Зажиточные и кулацкие элементы в кооперации составляли незначительную часть.

Однако, следует отметить, что степень кооперированности бедноты оставалась еще очень низкой. Если хозяйства без дохода в потребительской кооперации составляли 2,4%, то они среди некооперированного крестьянства занимали 4,1%, с доходом до 100 руб. – соответственно 34,8% и 43,5 %[3].

Таблица 19

Социальный состав потребительской кооперации Абхазии в 1928 году[4]

Группировка кооперированных хозяйств по условно-чистому доходу в год	Число пайщиков	Удельный вес в %
1. Без дохода	306	2,35
2. С доходом до 100 руб.	4 519	34,77
3. „ 101– 200 руб.	4 607	35,45
4. „ 201– 500 „	3 024	23,14
5. „ 501–1000 „	488	3,74
6. „ 1001–2000 „	54	0,41
7. „ 2001 руб. и выше	18	0,14
Итого	13 016*	100,0

Основная масса бедноты еще оставалась вне кооперации. А зажиточные и кулацкие хозяйства были кооперированы непропорционально высоко. Удельный вес хозяйств с доходом 501 –1000 руб. в потребительской кооперации равнялся 3,7%, а среди некооперированных дворов – 2,4%, с доходом 1001–2000 руб.

[1] « ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 153/1, л. 18.

[2] Там же, ф. I, оп. I, д. 27, л. 7.

[3] ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 301, л. 237.

[4] ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 301, л. 237.

* В группировку не вошло 2051 хозяйство, кооперированное потребительской кооперацией, из них 1469 не подлежащих обложению сельхозналогом.

– соответственно, 0,4% и 0,4%, с доходом выше 2001 руб. – соответственно 0,14% и 0,1 %[1].

Учитывая это обстоятельство, потребительская кооперация значительно расширила работу по кооперированию бедноты. К концу 1930 г. за счет фонда кооперирования бедноты было вовлечено в потребительскую кооперацию 15 693 бедняка и 3 578 батраков[2]. Рост кооперирования крестьян-бедняков и батраков служил важнейшей предпосылкой улучшения их обслуживания.

В эти годы количество потребительских обществ в результате их объединения немного сократилось. В 1927 г. было 22 потребительских общества, в 1928 г. – 21 и в 1930 г. – 20. В 1927 г. в среднем на одно потребительское общество приходилось 465 члена, а в 1930 г. – 3 915. Потребительские общества открывали на местах свои отделения.

Для лучшего обслуживания своих членов потребительская кооперация с учетом экономических и географических особенностей, плотности населения, отдаленности от центра, с каждым годом увеличивала число предприятий розничной торговли и этим самым проникала в гущу крестьянских масс.

Таблица 20

Рост розничной торговой сети и розничной торговли потребительской кооперации в 1927/28 – 1929/30 гг. (на 1 октября)[3]

	Розничная торговая сеть			Товарооборот розничной сети (в тыс. руб., в ценах соотв. лет)		
	Всего	в том числе:		Всего	в том числе:	
		в городе	в селе		по городу	по селу
1927/28 г.	106	38	68	5 100,0	2 800,0	2 300,0
1928/29 г.	141	53	88	11 900,0	6 700,0	5 200,0
1929/30 г.	147	50	97	15 395,0	7 681,8	7 713,2

[1] Там же.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 26.

[3] ЦГАА, ф. 123, оп. 1, д. 123, л. 5.

Если потребительская кооперация на 1 октября 1926 года располагала всего 62 лавками, то через два года только в сельской местности имелось 68 лавок. Товарооборот розничной сети за 1927/28 – 1929/30 гг. в целом увеличился в 3 раза, при этом в сельской местности – в 3,4 раза. Потребительская кооперация, всемерно развивая розничную торговлю, сыграла решающую роль в ограничении и вытеснении частного торговца из розничного товарооборота.

Товарами торговли розничной сети потребительской кооперации являлись поступавшие к ней от Абсоюза и Абгосторга мануфактура, галантерея, обувь, керосин, мыло, стекло, продовольственные товары (мука, крупа, рис, масло, соль, сахар и др.) и прочие[1]. Абсолютный и относительный удельный вес мануфактуры и продовольственных товаров в торговом обороте потребительской кооперации, начиная с 1926 г., имели тенденцию быстрого роста. С начала 1929/30 гг. розничная торговля мясом, мукой и нефтепродуктами целиком переходит от государственной торговли к потребительской кооперации. Все это усилило товарную нагрузку торговой сети и ускорило рост товарооборота потребительской кооперации.

В эти годы, особенно с 1929 г., в связи с развертыванием промышленного строительства и созданием совхозов и колхозов в системе потребительской кооперации значительное развитие получило общественное питание. В 1928/29 гг. имелось 16 предприятий общественного питания, а в 1929/30 г. – 53, из них 25 в деревне. Оборот этих предприятий в 1928/29 г. составил в городе 900 тыс. руб., и в деревне – 200 тыс. руб., а в 1929/30 г. – соответственно 2 155,1 тыс. руб. и 781,8 тыс. руб. Общий оборот предприятий общественного питания системы Абсоюза поднялся с 500 тыс. руб. в 1927/28 г. до 2 936,9 тыс. руб. в 1929/30 г., т. е. увеличился в 5,9 раз. Такое развитие общественного питания явилось дополнительным источником снабжения трудя-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 78.

щихся продуктами по твердым ценам и стало одним из средств повышения материального благосостояния и улучшения быта широких масс в условиях развертывания социалистического строительства.

В потребительской кооперации в эти годы получило быстрое развитие хлебопечение и производство кондитерских изделий. Уже к 1930 г. все потребительские общества имели свои пекарни, они имелись также при некоторых отделениях кооперативов.

О темпах и масштабах производства хлебобулочных и кондитерских изделий говорят обороты производственных предприятий (хлебопекарни, кондитерские) потребительской кооперации, которые составили в 1927/28 г. 354 тыс. руб., в 1928/29 г. – 1 347,9 тыс. руб. и в 1929/30 г. – 2 359,4 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет)[1]. За эти года обороты этих предприятий возросли в 6,7 раза.

Наряду с кооперативной торговлей быстро развивалась и государственная торговля, однако потребительская кооперация занимала ведущее положение в социалистическом секторе товарооборота. Ее доля в товарообороте обобществленного сектора (без сельскохозяйственной кооперации) в 1927/28 г. составляла 53,5%, а в 1929/30 г. – 62,0 %.[2]

Потребительская кооперация быстро развивалась и в городе, и в деревне. Ее обороты и по удельному весу, и по темпам развития превосходили обороты государственной торговли и в сельской, и в городской торговле. По мере организационного и финансового укрепления потребительской кооперации и массового вовлечения в нее трудящихся масс, она все более расширяла свой рынок. Такое развитие кооперативной торговли имело исключительно большое значение потому, что «...кооперация является не только наиболее рациональной системой организации обращения, но и таким аппаратом обращения, который организует многомиллионные массы, вовлекает их в практиче-

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», с. 28.
[2] Там же, приложение № 9.

скую работу по социалистическому строительству и опирается в своей деятельности на их поддержку»[1]. Абхазская партийная организация учитывала преимущества и особую роль потребительской кооперации в вытеснении частного торгового капитала из товарооборота, в организации крестьян, в вовлечении их в практическую работу по социалистическому строительству и всемерно содействовала ее укреплению и росту. Однако, пока потребительская кооперация экономически не окрепла и позиции частника в торговле оставались сильными, наряду с кооперативной усиленно развивалась и государственная торговля.

В тех местах, где Абгосторг и потребительская кооперация совместно вели розничную торговлю, они значительно дополняли друг друга, что способствовало успешному вытеснению частника-спекулянта.

По данным 8 месяцев 1927/28 г., в с. Тамыш (Кодорский уезд) Абгосторгом было продано товаров в розницу на 34 052 руб., из них 94,4% составляла мануфактура, кооперацией – на 70 440 руб., из них 33,5% мануфактура, а остальное составляли в основном недефицитные товары, являющиеся предметами торговли частника. За это время в с. Цебельда Абгосторг реализовал товары на 71 тыс. руб., из них 87% мануфактуры, а потребительская кооперация – на 148 тыс. руб., из них мануфактуры – 25%. В Гудаутах Абгосторг продал товаров всего на 95 тыс. руб., из них 70% мануфактуры, а потребительская кооперация – на 318 тыс. руб., из них 24% мануфактуры. В Очамчири Абгосторг продал товаров на 101 тыс. руб., из них мануфактура составила 78%, а потребительская кооперация – на 381 тыс. руб., из них мануфактуры 23 %[2]. Как видно из данных, госторговля и кооперация по дефицитным товарам выступали совместно, и они продавали эти товары в розницу приблизительно на одинаковую сумму. Эти данные показывают также, что в целом розничная торговля потребительской кооперации в 2–3 раза и более превышала роз-

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 441.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 645, лл. 539–541.

ницу Абгосторга в районах их совместной деятельности, причем в розничной торговле потребительской кооперации всегда преобладали не мануфактурные товары, с которыми частник выступал на рынке.

Подъем народного хозяйства, рост производства предметов потребления и доходов трудящихся обусловили значительное развитие в стране розничного товарооборота. В Абхазии весь розничный оборот составил в 1925/26 г. 10 439 тыс. руб., что на 31% превышало розничный оборот предыдущего года[1]. Через три года – в 1928/29 г. – весь розничный оборот увеличился до 30 535,3 тыс. руб., т. е. по сравнению с 1925/26 гг. почти в 3 раза[2].

Как изменялось в этот период соотношение секторов? Частная торговля по-прежнему располагала еще наиболее разветвленным аппаратом. Например, в 1927/28 г. государственных и кооперативных торговых предприятий было 225, а частных 1 337[3]. Но если в этом году, по сравнению с предыдущим, число государственных торговых предприятий увеличилось на 62,7% и кооперативных – на 29,1 %[4], то торговые заведения частника в рассматриваемый период в целом имели тенденцию сокращения. Об этом свидетельствуют данные Уполнаркомфина о количестве патентов на право торговли, выданных частным торговцам в Абхазии, согласно которым в 1926/27 г. получили патентов 1630 и в 1928/29 г. 820 частных торговцев. В Сухуми за 1925/26 г. было выдано 1163 патента, за 1926/27 г. – 864, за 1927/28 г. – 556 и за 1928/29 г. – 418, за 4 года число патентов, выданных частным торговцам, сократилось на 64,1 %[5].

---

[1] «Материалы к отчету правительства ССР Абхазии на IV Всеабхазском съезде Советов». ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 543, л. 317.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 9.

[3] «Советская Грузия в цифрах. «Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии 1921-1929 гг.», с. 266, 267.

[4] Там же.

[5] «Материалы к отчету о деятельности правительства ССР Абхазии на V Всеабхазском съезде Советов». ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 12.

Происходило не только уменьшение количества частных торговых точек, но и их измельчание. В материалах к отчету правительства Абхазии V съезду Советов (апрель 1929 г.) отмечалось: «Те крупные торговцы, которые делали обороты, по полумиллиона рублей ежегодно, ликвидировались и на их место выросли небольшие лавочки...»[1]. На среднюю и крупную торговлю (III, IV, V разряды) в Сухуми в 1925/26 г. было выдано патентов – 613, в 1926/27 г. – 529, а в 1927/28 г. – 227. Число же тортовых патентов только на крупную торговлю (III, IV, V разряды) упало с 117 в 1925/26 г. до 39 (33,3%) в 1927/28 г. и до 21 (18%) в 1928/29 г.[2].

В этот период в Абхазии, как и в целом в стране, свертывание частной торговой сети происходило быстрее, чем расширение предприятий розничной торговли обобществленного сектора. В результате в целом общая численность предприятий розничной торговли уменьшилась.

Вместо мелкой розничной сети частных торговцев, состоявшей в основном из ларьков и палаток, государственные и кооперативные организации открывали главным образом магазины и лавки. Кроме того, в связи с переходом многих магазинов на непрерывную неделю увеличилась пропускная способность государственной и кооперативной розничной сети. Росла сеть общественного питания обобществленного сектора. Но все же имевшаяся тогда розничная сеть была недостаточной для обслуживания населения в условиях возросшего розничного товарооборота.

Большие изменения произошли в соотношении торговых оборотов обобществленного и частного секторов. По мере развертывания государственной и кооперативной торговли неуклонно падала доля частного сектора в розничном товарообороте, что видно из данных таблицы 21.

В 1925/26 г. частный торговец в розничном товарообороте

[1] «Материалы к отчету о деятельности правительства ССР Абхазии на Всеабхазском съезде Советов». ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 12.

[2] Там же.

преобладал (52,1%), но в 1929/30 г. его удельный вес снизился до 19,2%. До 1927/28 г. розничный товарооборот частной торговли в абсолютном выражении возрастал. Так, если в 1925/26 г. частными торговцами было продано в розницу товаров на 5 442 тыс. руб., то в 1927/28 г. – на 13 683 тыс. руб. А в последующие годы объем розничного товарооборота частного сектора сокращался не только относительно, но и абсолютно, составив в 1928/29 г. 9 900 тыс. руб. и в 1929/30 г. 5 760 тыс. руб[1]. Объем частной торговли в 1930 г. еще находился на уровне 1925 г. (в ценах соответствующих лет). Капиталистические элементы еще играли, следовательно, известную роль в розничном товарообороте. Капиталистические элементы имели корни в мелкотоварном производстве – в кустарной промышленности и единоличном крестьянском хозяйстве. В Абхазии кустарная промышленность производила продукции в 1924/25 г. на 3 млн. руб. и в 1927/28 г. на 2,8 млн. руб., или 73% всей промышленной продукции республики[2].

Таблица 21

Розничный товарооборот обобществленного и частного секторов в Абхазии в 1924/25–1929/30 гг. (в %)[3]

Годы	Госторги*	Потребит. кооперации	Прочие общества**	Частный сектор
1924/25	10,5	41,3	-	48,2
2925/26	16,4	31,5	-	52,1
2927/28	23,4	26,9	-	49,7
1928/29	26,5	40,0	1,1	32,4
1929/30	29,7	47,9	3,2	19,2

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 9.

[2] ЦГАА, ф. 59, д. 772, л. 117.

[3] «Материалы к отчету правительства ССР Абхазии на IV съезде Советов». ЦГАА, ф. 2, оп. I, д. 543, л. 317; «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 9.

* В эту графу за 1927/28–1929/30 гг. входят обороты по системе Абснаборга и Аптекоуправления Наркомздрава.

** Сюда вошли обороты Абкомпома, Деткомиссии и Общества Красный Крест.

В 1931 году размеры оборота частной торговли в масштабе всего Советского Союза стали ничтожной величиной, и практически частник был полностью вытеснен из сферы товарооборота. В Абхазии товарооборот частного сектора в 1931 г. равнялся 4 500 тыс. руб., или 6,8% общего товарооборота[1]. И в 1934 г. обороты частной торговли превышали 1,5 млн. руб., составив 1 % общего товарооборота[2]. Таким образом, в условиях Абхазии окончательное вытеснение частного торговца произошло уже во второй пятилетке. В рассматриваемый период позиции частного капитала в городской и сельской торговле были не одинаковыми. О том, какое место занимал частный торговец в деревенской розничной торговле в конце восстановительного периода и накануне коллективизации можно судить на основе соответствующих данных по г. Сухуми и по уездам, приведенных в таблице 22.

Таблица 22

Обороты частной розничной торговли в Абхазии в 1924/25 – 1929/30 гг. (в тыс. руб., в ценах соответствующих лет)[3]

Годы	По городу Сухуми		По уездам	
	сумма оборота	уд. вес частного сектора во всей городской розн. торговле в %	сумма оборота	уд. вес частного сектора во всей розн. торговле по уездам в %
1924/25	2 905,0	62,0	809,0	27,0
2925/26	3 519,0	60,0	1 922,0	40,0
1928/29	5 446,8	38,6	4 453,2	44,4
1929/30	4 058,7	25,4	1 701,3	17,0

Как видно, частный капитал в городской розничной торговле в конце восстановительного периода занимал господствующее положение. В дальнейшем удельный вес его неуклонно падал, и

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 68, л. 232.

[2] «Материалы к отчету правительства АССР Абхазии VII съезду Советов». Сухум, 1934, с. 44.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, лл. 76–77; «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 9.

в 1929/30 г. он более чем в два раза уменьшился по сравнению с 1925/26 г., но абсолютный объем частной розничной городской торговли за эти поды не сократился, а возрос. Буржуазные и мелко-буржуазные отношения в сфере обращения еще сохраняли определенную силу. Но при оценке социального характера товарных связей следует иметь в виду, что быстрее развивался социалистический сектор торговли. Удельный вес его в городской розничной торговле с 40% в 1925/26 г. поднялся до 74,6% в 1929/30 г.

В конце восстановительного периода тенденция роста частной розничной торговли сильнее наблюдалась в деревне. В 1925/26 г. удельный вес розничной торговли по уездам, по сравнению с предыдущим годом, поднялся на 13%, тогда как в Сухуми снизился на 2%. В 1928/29 г. по сравнению с 1925/26 г. частная розничная торговля в уездах увеличилась в 2,3 раза, и одновременно удельный вес ее поднялся с 40 до 44,4%). По Грузии в целом имеем другое положение.

В Абхазии же только в 1929/30 г. удалось обобществленному сектору основательно потеснить частный капитал в сельской розничной торговле. На долю частника в этом году пришлось всего 17% розничного оборота в деревне. Уменьшился не только его удельный вес, но и объем в 2,6 раза по сравнению с предыдущим годом. Соответственно с этим сократилась и сфера капиталистических отношений в деревенской торговле.

Государственная торговля и потребительская кооперация особенно интенсивно стали вытеснять частного торговца, начиная с 1928 г. Совнарком Абхазии, характеризуя деятельность госторговли и потребительской кооперации, в 1928 г. писал: «...В текущем году обобществленный сектор нашей торговли отбил много позиций у частников. В данное время госторги и кооперация являются фактическими монополистами и диктуют цены почти на все товары. Соль, керосин, сахар, мука и почти вся торговля железом, мануфактурой, лесоматериалами, предметами санитарии и гигиены, наполовину торговля мясом, посудой

в наших руках. Частник остается сильным пока на галантерейном, фрукто-овощном, фуражном и некоторых других мелких рынках, но из этих позиций он выбивается»[1].

Если в 1927 г. розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, равнялся 11 млн. руб. и в 1928 г. – 14 млн. руб., то в 1932 г. он достиг 109,1 млн. руб. (товарооборот розничной сети составлял 91,7 млн. руб. и общественного питания – 17,4 млн. руб. в ценах соответствующих лет)[2]. В 1932 г. обороты государственной торговли и потребительской кооперации превзошли весь оборот 1929/30 г. в 3,4 раза. Таким образом, прирост розничного товарооборота обобществленного сектора к концу первой пятилетки не только восполнил товарооборот вытесненной частной торговли, но в несколько раз увеличил весь объем товарооборота в республике.

Потребительская кооперация и госторговля в 1926–1929 гг. в Абхазии получили широкое развитие и добились больших успехов в обобществлении функций товарообмена крестьянского хозяйства, его рыночных связей. Они успешно выполнили задачу вытеснения и замещения частного торговца, спекулянта и скупщика, все больше избавляли крестьянские массы от эксплуатации со стороны торгового капитала. Потребительская кооперация и госторговля укрепили торговую смычку между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, упрочили союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Это являлось необходимым условием развития социалистической индустрии, которая ориентировалась лишь на внутренний, тогда преимущественно крестьянский рынок. Смычка усиливала ведущую роль социалистического города. Смыкаясь с социалистической промышленностью, мелкотоварное крестьянское хозяйство вовлекалось (в общее русло социалистического строительства.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, п. 2, д. 234, л. 17.

[2] Народное хозяйство Абхазской АССР. «Статистический сборник». Сухуми, 1960, с. 134, 136.

2. Сельскохозяйственная кооперация

Главенствующая роль в коренных преобразованиях советской деревни принадлежала сельскохозяйственной кооперации. Она непосредственно обслуживала нужды крестьянского хозяйства и обобществляла те или иные его элементы, функции, связи. Поэтому она отличалась исключительным разнообразием форм объединения крестьянских хозяйств, образующих довольно стройную и взаимосвязанную систему. Именно различные формы сельскохозяйственной кооперации составили те переходные ступени, которые прошло крестьянство на пути от мелкого индивидуального к крупному коллективному хозяйству. Именно в процессе органического перерастания низших форм сельскохозяйственной кооперации в более высокие ее формы находим практическое подтверждение и воплощение ленинского положения о том, что «политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного объединения»[1].

В. И. Ленин связал простейшие формы кооперации со строительством крупных социалистических хозяйств в деревне. В развитии простейших форм кооперации, в охвате ими многомиллионных масс бедняцко-середняцкото крестьянства он видел основной путь постепенного перехода крестьян к крупному социалистическому производству.

К началу реконструктивного периода в Абхазии функционировали сельскохозяйственная кредитная кооперация, объединенная в системе Абсельсоюза, и специализированная табачная кооперация системы Абтабсоюза. Под руководством партийных организаций сельскохозяйственные товарищества совершенствовали свою работу. Их практическая деятельность все более заинтересовывала крестьян, способствовала притоку в коопе-

[1] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 227.

рацию новых членов. На 1 октября 1926 г. сельскохозяйственная кооперация Абхазии состояла из 12 товариществ и 11 389 членов, а через год в 14 ее товариществах было объединено 16 142 члена, или 48,2% крестьянских хозяйств[1]. За этот период количество членов табачной кооперации Абхазии соответственно выросло с 9,582 до 12,357 членов. Они были объединены в 14 райтабкоопах. Кооперированность табаководов поднялась с 75,5% до 85,3 °/о[2].

Переломную роль в борьбе Коммунистической партии за осуществление кооперативного плана В. И. Ленина сыграл XV съезд ВКП(б), провозгласивший курс на коллективизацию. После съезда партийные организации Абхазии значительно улучшили организаторскую и массово-политическую работу в деревне. Усилилось руководство кооперативными организациями. Росло число кооперированных крестьян. На 1 октября 1928 г. сельскохозяйственная кредитная кооперация объединяла 19,3 тыс. хозяйств, а на 1 апреля 1929 г. – 21 тыс. крестьянских хозяйств (57,4 %)[3]. Кооперированность крестьян сельскохозяйственной кредитной кооперации в Абхазии была более высокой, чем в Грузии в целом и в других республиках Закавказья[4].

Быстрыми темпами росла табачная кооперация Абхазии. Она объединяла (на 1 октября) в 1928 г. 13,7 тыс. хозяйств, в 1929 г. 17,2 тыс. хозяйств (87,5% всех табаководов)[5]. Абхазская табачная кооперация являлась самой многочисленной организацией в системе Центротабаксоюза СССР[6].

Количественный рост кооперации сопровождался улучшением ее социального состава. Мы располагаем сводными дан-

[1] «Советская Грузия в цифрах. Краткий статистический справочник по народному хозяйству ССР Грузии (1921 –1929 гг.)», с. 269.

[2] Архив Абгосмузея, д. III, лл. 8–10.

[3] А.Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921–1929 гг.), с. 152.

[4] «Отчет о деятельности системы с.-х. кредита ЗСФСР за 1927/28 год и обзор работы за пятилетие», Тифлис, 1929, г. 31.

[5] Архив Абгосмузея, д. III, лл. 8–10.

[6] См. «Вся кооперация СССР», с. 376.

ными о группировке кооперированных хозяйств по условно-чистому доходу за 1928 г. Они представляют значительный интерес для выяснения социального состава кооперации (см. табл. 23).

Таблица 23

Социальный состав сельскохозяйственной кооперации Абхазии в 1928 г.[1]

Группировка кооперированных хозяйств по условно-чистому доходу в год	По табачной кооперации		По сельскохоз. кредитн. кооперации	
1. Без дохода	111	0,94	299	1,73
2. С доходом до 100 руб.	2 321	20,40	5 621	32,51
3. « 101-200 руб.	4 045	34,03	5 871	33,91
4. « 201-500 «	4 491	37,78	4 632	26,77
5. « 500-1000 «	741	6,22	802	4,64
6. « 1001-2000 «	71	0,60	72	0,42
7. « 2001 руб. и выше	4	0,03	3	0,02
Итого	11 884*	100,0	17 300	100,0

Эти данные показывают, что бедняки и середняки занимали ведущее положение в кооперации. В табачной кооперации хозяйства с доходом до 500 руб. в год составляли 93,2 %, в сельскохозяйственно-кредитной кооперации – 94,9%. Сюда входили батраки, бедняки и середняки. Они определяли лицо кооперации, классовую направленность ее деятельности. Зажиточные хозяйства и кулацкие элементы в кооперации занимали незначительное место.

Решение новых задач, поставленных XV съездом БКП(б), требовало значительного улучшения руководящего состава сельскохозяйственной кооперации. Влияние зажиточных и кулац-

[1] ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 301, л. 237.

* В группировку не вошли: 1 456 хозяйств табачной кооперации, из них 685 не подлежащих обложению сельхозналогом; 1 609 хозяйств сельскохозяйственной кредитной кооперации, из них 833 не подлежащих обложению налогом.

ких элементов в ряде товариществ препятствовало проведению правильно выдержанной классовой линии, твердому осуществлению политики Коммунистической партии в кооперативном строительстве. Учитывая это, пленум совета Абтабсоюза решил в некоторых товариществах летом 1928 г. досрочно провести перевыборы. В итоге перевыборов руководящий состав табачной кооперации значительно улучшился. Еще более организованно прошла отчетно-выборная кампания 1929 г. В новый состав правлений райтабкоопов, советов и ревкомиссий было избрано бедняков 39,3%, середняков – 38,6%, батраков – 5,2%, рабочих – 6,6%, служащих – 10,3 %[1]. В правления и ревкомисеий сельскохозяйственных кредитных товариществ было избрано до 60% бедняков и до 40% середняков[2]. Изменения в составе выборочных органов сельскохозяйственной кооперации свидетельствовали о дальнейшем сплочении бедноты и середняков, об укреплении бедняцко-середняцкого блока в кооперации.

Заметно выросло число коммунистов в составе выборных руководящих и контрольных органов кооперации. В 1929 г. в органы низовой сети табачной кооперации было избрано 112 коммунистов вместо 57 в старом составе, и в результате процент коммунистов в этих органах повысился с 32,6% до 38.6 %[3]. В сельскохозяйственных кредитных товариществах в 1927/28 г. среди членов правлений коммунисты составляли 47,6 %, среди членов ревизионной комиссии – 28,5% и членов совета – 26,3 %[4].

Таким образом, в Абказии во второй половине 20-х годов кооперативное движение в его простейших формах стало приобретать по-настоящему массовый характер. Рост кооперирования крестьян, улучшение социального состава кооперации, укрепление ее руководящих органов служили важнейшей предпосылкой углубления кооперативной работы, прежде всего, в области кредитования, снабжения и сбыта.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 29, л. 88.
[2] ЦГАА, ф. 61, д. 69, л. 12.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 88.
[4] ЦГАА, ф. 60, д. 55, л. 212

* * *

Важнейшее место в деятельности кооперации занимало кредитование сельского хозяйства. Низовой сетью кредитной системы являлись сельскохозяйственные кредитные товарищества. Членами этих товариществ, кроме единоличных хозяйств, состояли также юридические лица – табачные кооперативы, колхозы и другие организации. Например, на 1 октября 1927 г. индивидуальными членами сельскохозяйственных кредитных товариществ являлись 16,1 тыс. крестьянских хозяйств, а юридическими членами 37 организаций, объединявших 10,7 тыс. хозяйств; на 3 октябри 1028 г. в этих товариществах состояло 19,3 тыс. индивидуальных членов в 42 юридических члена, объединивших 9,7 тыс. хозяйств.[1]

Главная роль в кредитовании сельского хозяйства принадлежала государственному кредиту, который отпускался кредитным товариществам через Абсельбанк. В 1924/25 –1927/28 гг. Абсельбанком на производственные нужды деревни было выделено 10 454 тыс. руб. О динамике производственного кредитования сельского хозяйства Абхазии через Абсельбанк и кредитные товарищества в эти годы дают представление данные таблицы 24.

Таблица 24

Производственное кредитование сельского хозяйства Абхазии Абсельбанком в 1924/25 – 1927/28 гг.[2]

Годы	Всего вложено в сельское хозяйство (в тыс. руб.)	В том числе	
		краткосрочных ссуд	долгосрочных ссуд
1924/25	2 162	2 162	-
1925/26	2 558	2 240	318
1926/27	2 307	1 898,7	408,3
1927/28	3 427	2 787,9	639,1
Итого	10 454	9 088,6	1 365,4

[1] «Отчет о деятельности системы с.-х. кредита ЗСФСР за 1927/28 год и обзор работы за пятилетие», с. 32.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3076, лл. 3–4.

В Абхазии основная часть кредита шла на финансирование возделывания отдельных сельскохозяйственных культур. Усиленно кредитовалось табаководство, на развитие которого Абсельбанком было выделено в 1926 г. 1 546,4 тыс. руб. производственных ссуд, в 1926/27 г. – 1 633 тыс. руб., в 1927/28 г. – 2 516 тыс. руб.[1].

Постоянно совершенствовался принцип кредитования. В 1926 г. применялся порядок кредитования, утвержденный президиумом Абхазского обкома партии, согласно которому кредитовались крестьяне с табачной площадью от 1/4 десятины до 5 десятин; табаководам с плантацией до 5 десятин отпускался кредит на обработку 3-х десятин[2]. В 1927 г. в целях приближения кредита к наиболее нуждающейся массе крестьян было установлено выдавать ссуду табаководам, имеющим от 1/4 до 3 десятин, табаководы с плантациями до 4-х десятин кредитовались из расчета на 3 десятины, а имеющим свыше 4 десятин ссуда вовсе не выдавалась. Кредиты получали члены товарищества, погасившие свою задолженность Абсельбанку и Абгосторгу по ссудам прежних, лет (урожая 1923–1926 гг.).

В 1928 г. впервые была проведена контрактация посадок табаков. По контрактационным договорам табаководам был выдан аванс в размере 2 305,4 тыс. руб., т. е. намного больше, чем в предыдущие годы[3]. Кулацкие хозяйства имеющие свыше 4-х десятин), злостные неплательщики и хозяйства не товарного типа не контрактовались. Размер ссуды в зависимости от социальных признаков хозяйств и экономического района колебался от 115 до 492 рублей на десятину[4]. Центротабаксоюз СССР в своих выводах по обследованию Абтабсоюза в октябре 1928 г. подчеркнул, что «контрактация проведена весьма успешно с превы-

[1] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 62, л. 175.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. I, д. 1818. л. 70.

[3] «Материалы к отчету о деятельности правительства ССР Абхазии на V Всеабхазском съезде Советов» См. ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 61, л. 14.

[4] Там же.

шением плана и строгим соблюдением дифференцированных норм авансов»[1]. Правление Абтабсоюза также указывало, что при контрактации табачной площади размер ссуды тщательно «дифференцировался по социальному признаку, и бедняки, как особо нуждающиеся в помощи, получали и больший размер аванса на гектар»[2].

Значительные средства отпускались и на кредитование других отраслей сельского хозяйства Абхазии. На развитие чая (Гальский и Кодорокий уезды) было выдано в 1926/27 г. 112 тыс. руб. и в 1927/28 г. – 132 тыс. руб.[3]. В последующие поды кредиты на чай резко возросли. В 1930 г. они составили 1 020 тыс. руб.[4]. Кредит стимулировал внедрение в сельское хозяйство этой трудоемкой, но весьма ценной субтропической культуры.

Производилось кредитование цитрусовых и таких новых для Абхазии технических культур, как герань, люффа, арахис и др. На развитие виноградарства в 1927– 1928 гг. было отпущено 141 тыс. руб. Кредиты на развитие всех многолетних культур были долгосрочными.

Из года в год возрастали кредиты на животноводство, пчеловодство, шелководство, на снабжение деревни минеральными удобрениями, средствами борьбы с вредителями сельского хозяйства, семеноснабжение, мелиорацию, землеустройство, на развитие промыслов сельскохозяйственного значения, на строительство и ремонт промышленных предприятий кооперации.

Важная роль принадлежала сельскохозяйственному кредиту в распространении среди крестьян сельскохозяйственных орудий и машин. На эти цели Абсельбанк выдал в 1925/26 г. 58 тыс. руб., в 1926/27 г. – 61 тыс. руб. и в 1927/28 г. – 72 тыс. руб., а в 1930 г. – 223 тыс. руб. У нас нет данных об общей сумме крестьянских затрат на эти цели, но известно, что инвентарь и машины

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 234, л. 91.

[2] «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 года.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 62, л. 175.

[4] ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 62, л. 175; «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 8.

в абхазскую деревню поступали только через кооперацию и накануне коллективизации распределение их на 70–80% обеспечивалось кредитами.

Росли кредиты на приобретение рабочего скота. В 1925/26 г. на эту цель было отпущено 57 тыс. руб., в 1926/27 г. –68 тыс. руб. и в 1927/28 г. – 140 тыс. руб. Весной 1929 г. на покупку рабочего окота кооперацией было выдано 216,4 тыс. руб., из них по линии табачной кооперации 100 тыс. руб[1].

В значительных размерах осуществлялось кредитование сельско-хозяйственного строительства. Кредиты отпускались на строительство и ремонт кооперативных табачных сараев и складов, коконосушилен, магазинов, лавок и других предприятий. Через систему сельскохозяйственного кредита на табачные склады и сараи было ассигновано в 1926/27 г. 127 тыс. руб., в 1927/28 г. – 225 тыс. руб., а в 1930 г. – 720 тыс. руб. Путем кредитной политики поощрялось строительство коллективных сараев индивидуальными хозяйствами.

Кредиты на сельскохозяйственные орудия и машины, рабочий скот и строительство были долгосрочными. Ими пользовались главным образом бедняцкие хозяйства и коллективные объединения по установленным для них льготам.

В рассматриваемый период в сельском хозяйстве Абхазии совхозы и колхозы занимали небольшое место. И ввиду этого удельный вес кредитов, отпускаемых им, в общей кредитной деятельности кооперации был незначительным, хотя они при финансовой помощи пользовались большими преимуществами по сравнению с другими организациями и индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Совхозы получили кредит от Абсельбанка в 1926/27 г. 107 тыс. руб. и в 1927/28 г. – 99 тыс. руб.[2]. Кредитная кооперация сбывала совхозам в долгосрочный кредит тракторы и другую передовую технику.

---

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 8.

[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 62, л. 177.

С ростом колхозов увеличивались отпускаемые им кредиты. V съезд Советов Абхазии в резолюции по докладу Абсельбанка подчеркнул: «Наряду с поддержкой бедняцких и середняцких хозяйств оказывать всемерную поддержку совхозам и колхозам, проводя кредитование последних на основе их производственных планов, внимательного учета хозяйственной подготовленности кредитуемого объединения для использования кредита»[1]. В 1928 г. Абсельбанк отпустил колхозам кредит около 20 тыс. руб.[2]. С апреля 1929 г. колхозсекцией Абсельсоюза было организовано плановое кредитование колхозов. Им выделялся кредит на закладку многолетних насаждений, приобретение рабочего окота, плугов, борон и других сельскохозяйственных орудий в размере полной стоимости приобретаемого имущества в соответствии с производственным планом.[3]

Значительное внимание уделялось оказанию помощи бедноте. В марте 1926 г. правительство СССР решило создать специальный льготный фонд кредитования бедноты, который образовывался из прибылей сельскохозяйственных банков, ассигнований из бюджета и других источников. Главным источником этого фонда в Закавказье были бюджетные ассигнования, составившие в 1927 г. 1 070 тыс. руб. и в 1928 г. – 1960,1 тыс. руб.[4].

Фонды кредитования бедноты создавались во всех кооперативах Абхазии. Абсельбанком из своей прибыли в этот фонд было выделено в 1926/27 г. 9,1 тыс. руб. и в 1927/28 г. – 75 тыс. руб.[5]. В целом фонд кредитования бедноты кредитной кооперации по годам (на 1 октября) возрастал следующим образом: в 1926 г. он составлял 16,9 тыс. руб., в 1927 г. – 26 тыс. руб., и в 1928 г. – 103,6 тыс. руб.[6]. В фонд бедноты системой абхазской

[1] Там же, л. 306.

[2] Там же, л. 178.

[3] Там же, ф. 17, оп. 2, д. 47, лл. 26–27.

[4] «Отчет о деятельности системы с.-х. кредита РСФСР за 1927/28 год и обзор работы за пятилетие», с. 49.

[5] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 27, л. 7.

[6] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 4; Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3076, лл. 3–4.

табачной кооперации были отчислены из прибылей 1926 г. –52,1 тыс. руб. и в 1927 г. – до 100 тыс. руб.[1]. Кроме того, Абтабсоюз и райтабкоопы из своих средств специально для льготного кредитования бедноты выделили в 1925 г. свыше 160 тыс. руб. и в 1926 г.–около 250 тыс. руб.[2]. В 1927 г. Центротабаксоюз пятую часть своего фонда кредитования бедноты отпустил Абтабсоюзу в форме беспроцентной ссуды сроком на 3 года[3].

Ссуды из фонда кредитования бедноты выдавались исключительно на приобретение средств производства, в основном на рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, возведение табачных сараев, сроком на 5–8 лет. Проценты по этим ссудам взимались в размере от 2,5 до 4 % годовых. Взимание процентов производилось не при выдаче ссуд, а в сроки их погашения[4]. Использование фондов проводилось под контролем общественности деревни (сельсоветов, кресткомов, профсоюзов сельскохозяйственных и лесных рабочих и др.) с тем, чтобы средства из этих фондов получала действительно беднота. Так, в Гудаутском кредитном товариществе была создана из представителей партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и кооперативных организаций специальная комиссия по распределению фонда кредитования бедноты и долгосрочной ссуды, которая также раздавалась исключительно маломощным хозяйствам на приобретение средств производства. 16 октября 1927 года эта комиссия постановила выдать 23 беднейшим крестьянским хозяйствам 11 сельсоветов ссуду из фонда кредитования бедноты в размере от 100 до 200 руб. на приобретение рабочего скота[5].

Объединенное заседание правления Гудаутского сельскохозяйственного кредитного товарищества с председателями сельсоветов и секретарями партийных и комсомольских ячеек 25 апреля 1928 года распределило из фонда кредитования бедноты

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 4; «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 года
[2] Там же, ф. I, оп. 2, д 62, л. 176.
[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 153/1, л. 16.
[4] ЦГАА, ф. 60, д. 145, лл. 38-39.
[5] ЦГАА, ф. 61, д. 62, л. 46.

3 тыс. руб. и долгосрочную ссуду 9,5 тыс. руб. Кредит был распределен «среди бедняков, совершенно не имеющих рабочий скот, по 150 руб. для приобретения по одной штуке последнего, чтобы дать им возможность коллективно обслуживать свои хозяйства (с упряжкой)»[1]. В июля 1928 года объединенное заседание правления Гудаутского сельскохозяйственного кредитного товарищества, Гудаутского уездного парткома и исполкома обсудило вопрос о распределении долгосрочного бедняцкого кредита 1 550 руб. и постановило выдать 10 беднейшим крестьянам по 150 руб., из них четырем на покупку рабочего скота и шести крестьянам на возведение сельскохозяйственных построек производственного назначения[2]. Во всех этих решениях конкретно указывались лица, которым выдавались ссуды, размеры ссуд и сроки их погашения. Как показывают материалы, кооперативные товарищества совместно с партийными и советскими органами и общественными организациями в большинстве случаев тщательно обсуждали вопрос о распределении льготного фонда кредитования бедноты.

Улучшение социального направления кредита достигалось не только с помощью фондов кооперирования и кредитования бедноты, но и путем увеличения кредитования маломощных хозяйств от общих средств при неуклонном сокращении, а затем и полном прекращении кредитования зажиточных и кулацких хозяйств. На V съезде Советов Абхазии председатель Абсельбанка А. Чукбар говорил, что «на кредитование бедноты, которая находится на особом учете», направляются не только специальные фонды, «но и любой кредит, который выдается нашей системой, в большей своей части, безусловно, идет беднякам»[3].

Долгосрочные ссуды, так же, как и ссуды фонда кредитования бедноты выдавались на производственные нужды, требующие долгосрочна вложений. Но по долгосрочным ссудам, в отличие

[1] Там же, л. 39.

[2] Там же, л. 36.

[3] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 62, л, 176.

от фонда бедноты, было меньше льгот в сроках кредитования (3 -5 лет) и во взимании процентов.

Помощь деревенской бедноте значительно возросла после XV съезда партии. Абхазский обком партии в апреле 1928 г. утвердил «Инструкцию райтабкоопам по проведению мероприятий оказания помощи бедняцким плантаторским хозяйствам»[1], которая предусматривала организацию систематической и планомерной производственной помощи бедноте. В 1928 г. Абтабсоюз, например, выделил 15% удобрительных материалов и 10% табачной рассады для бесплатной раздачи беднякам. Во временное пользование отпускались прокатные земледельческие орудия и табачные ящики. Расширилась агрономическая помощь бедноте, закладка в бедняцких хозяйствах показательных участков.

Важное значение в регулировании кредитования крестьянских хозяйств имело постановление Совнаркома СССР от 7 сентября 1928 года о хозяйственной помощи бедноте. Правительство предложило из общей суммы средств, направленных на кредитование единоличных крестьянских хозяйств по системе сельскохозяйственного кредита, в 1928/29 г. не менее 40% предоставить бедняцким хозяйствам. Из суммы, предназначенной для кредитования бедноты, 50% выделялось в фонд особого льготного кредита исключительно на производственные нужды. Размер долгосрочных ссуд должен был в наибольшей степени приближаться к стоимости приобретаемого заемщиками имущества.

Сельскохозяйственный кредит способствовал подъему производительных сил деревни, улучшению благосостояния широких крестьянских масс. Кредитование ускоряло восстановление и расширение обрабатываемой табачной площади, рост числа крестьянских хозяйств, занимающихся этой трудоемкой культурой. Кредит явился также средством стимулирования производства новых технических и субтропических культур.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 238/2, лл. 34–35.

Кредит способствовал внедрению машин и усовершенствованного инвентаря в сельское хозяйство, облегчал приобретение чистосортных семян, минеральных удобрений, необходимых в табаководстве производственных материалов и т. п. Все это повышало агрикультурный уровень земледелия.

Льготным производственным кредитом стимулировалась организация простейших производственных объединений (прокатные пункты, коллективные рассадники, коллективные сараи и т. д.), оказывалась помощь колхозам.

Роль кредита в подготовке условной коллективизации в деревне была огромной. Поскольку кредит распределялся социалистической кооперацией среди кооперированного крестьянства по классовому принципу, он содействовал изменению расстановки социальных сил в деревне в соответствии с интересами социалистического строительства. Советская кредитная политика способствовала подъему маломощных крестьянских хозяйств, переходу их в середняцкую группу.

Одновременно ограничение кредита для зажиточных и кулацких хозяйств, а затем полное прекращение кредитования этих хозяйств ухудшали условия их развития. Сельскохозяйственный кредит являлся сильным средством проведения политики ограничения и вытеснения кулачества.

Кредит, наряду с другими экономическими мерами Советского государства, являлся важным средством поддержания и развития товарности бедняцких и середняцких хозяйств.

Кредит создавал условия для укрепления кооперации, так как рост товарности этих хозяйств содействовал развитию кооперативного сбыта и снабжения.

В рассматриваемый период все кредиты, направляемые в сельское хозяйство, шли через кооперацию. Кредитная политика Советской власти в огромной степени содействовала вовлечению бедняцко-середняцкой массы крестьян в кооперативы. В свою очередь кооперативные товарищества служили лучшей организационной формой доведения кредита до бедняков и се-

редняков. В результате все возрастающей поддержки со стороны Советского государства хозяйственно-культурная и общественно-политическая роль кооперации с каждым годом усиливалась.

Помощь государства крестьянам путем предоставления производственного кредита и кредитования сбыта сельскохозяйственных продуктов, укрепляла позиции Советской власти в деревне и ослабляла влияние буржуазных элементов на бедняцкое и середняцкое крестьянство. Сельскохозяйственный кредит укреплял производственную смычку города с деревней, упрочивал союз рабочего класса с трудящимся крестьянством.

* * *

Уже в годы восстановительного периода сельскохозяйственная кооперация начала работу по снабжению деревни товарами производственного назначения. С переходом к периоду реконструкций в развитии экономических связей между городом и деревней первостепенное значение приобретает производственная форма смычки. Именно в это время, сельскохозяйственная кооперация прочно заняла роль основной организации в снабжении деревни орудиями и средствами производства.

В Абхазии с 1927 г. сельскохозяйственная кооперация становится единственной машиноснабженческой организацией. План снабжения деревни, составлявшийся Абсельсоюзом по заявкам товариществ, включался в план Союза Союзов Грузии, а затем в план снабженческой работы всей сельскохозяйственной кооперации и становился составной частью общегосударственного плана. В соответствии с установками государства Абсельсоюз через кооперативные товарищества распределял тракторы, плуги, культиваторы, сеялки, молотилки, бороны и прочие орудия для обработки почвы, посева и уборки.

После XV съезда партии в соответствии с директивами съезда были разработаны новые принципы кредитования, которые

обеспечивали преимущественное снабжение орудиями производства колхозов, кооперативных объединений и бедняцких хозяйств и одновременно были направлены на дальнейшее ограничение кулачества. Абсельсоюз руководствовался новой шкалой кредитования машиноснабжения, утвержденной Наркомтортом РСФСР в январе 1928 г.[1] Она была составлена в соответствии со шкалой кредитования Наркомторта СССР от 27 декабря 1927 года. Новая шкала значительно облегчала бедняцко-середняцким хозяйствам приобретение сельскохозяйственных орудий. Зажиточно-кулацкая группа вообще не должна была кредитоваться. Более того, приобретать орудия производства она могла лишь в последнюю очередь.

8 марта 1928 года Абсельсоюз принимает постановление о распределении сельскохозяйственных машин и орудий, отпускаемых по шкалам кредитования, исключительно среди бедняцких (60%) и середняцких (40%) коллективных и индивидуальных хозяйств[2]. Правление Абсельсоюза в отчете II собранию уполномоченных в мае 1928 г. указывало, что плуга и другие сельскохозяйственные орудия и машины, по новой шкале кредитования, отпускались беднякам с рассрочкой оплаты на 3 года, а середнякам – на 2 года[3]. Беднота получила около 60% и середняки до 40% всех распределенных в кредит сельскохозяйственных орудий. Орудия производства зажиточным крестьянам выдавались лишь за наличный расчет и только после удовлетворения требований бедняцко-середняцких слоев»[4].

С 1927/28 г. Абсельсоюз занимался снабжением деревни минеральными удобрениями, семенами, рабочим скотом и т. д. Он обслуживал все производственные нужды шелководов.

К весенней посевной кампании 1929 г. Абсельсоюз подготовился лучше. На 1 апреля Абсельсоюз отпустил сельскохозяй-

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 61, л. 8.
[2] Там же, д. 18, л. 34.
[3] Там же, д. 61, л. 8; д. 69, л. 28.
[4] Там же, д. 69, л. 28.

ственным кредитным товариществам, райтабкоопам и совхозам сельскохозяйственные орудия и другие средства производства на 99,2 тыс. руб.[1]. Индивидуальные и коллективные бедняцко-середняцкие хозяйства получили 1363 плуга и 4190 борон, а также культиваторы, сеялки, молотилки и прочие сельскохозяйственные орудия[2]. Они распределялись в кредит в большинстве случаев с рассрочкой оплаты на 4 года[3]. Абсельсоюз в мае 1929 г. подчеркивал, что «ни одного случая продажи сельскохозяйственных машин кулакам не наблюдалось»[4]. Улучшение социальной направленности инвентаря происходило при одновременном значительном увеличении объема машиноснабжения абхазской деревни.

С каждым годом возрастала и совершенствовалась снабженческая деятельность табачной кооперации. Абтабсоюз через свою низовую сеть роздал табаководам производственных материалов в 1926 г. на 196,4 тыс. руб., в 1927 г. – на 400 тыс. руб., в 1928 г. – на 519,7 тыс. руб., в 1929 г. – на 702,2 тыс. руб., в 1930 г. – на 2350 тыс. руб[5]. Табачные кооперативы снабжали табаководов в кредит минеральными удобрениями, ядохимикатами, строительным материалом для табачных сараев, семенами и т. д.

Табачной кооперацией было роздано минеральных удобрений в 1927 г. – 309,5 т.[6], в 1929 г. – 353,1 т. в 1930 г. – 620,8 т[7]. С каждым годом росло число крестьянских хозяйств, применявших минеральные удобрения. В 1928 г. 48% корреспондентов-табаководов сообщало об использовании крестьянами минеральных удобрений, в 1929 г. – 52% и в 1930 г. – свыше 90 %[8].

---

[1] Там же.

[2] Там же, д. 83, л. 320.

[3] Там же, ф. 61, д. 83, л. 320.

[4] Там же, л. 321.

[5] Архив Абгосмузея, д. 126, л. 210

[6] ЦГАА, ф. 61, д. 188, л. 9.

[7] Архив Абгосмузея, д. 111, лл. 28–29.

[8] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период первый». Сухум, 1930, с. 9–10.

Однако, как сообщалось в корреспонденциях использовались эти удобрения еще в незначительном количестве.

Кооперация снабжала крестьян ядохимикатами для весны и распределили их в 1927 г. 17,9 тыс. кг[1], а в 1930 г. – проведения борьбы с болезнями и вредителями табака. Райтабкоопу – 81,8 тыс. кг[2].

Для поднятия урожайности и повышения качества табака большое значение имело снабжение табаководов сортовыми семенами. В 1927 г. 67,1% табаководов обеспечивали себя семенами со своих плантаций, 15,1% табаководов доставали их в своем селении, 12,5% брали из других селений и только 5,3% получали от райтабкоопов[3]. Сортообследование абхазского табаководства, проведенное Сухумской опытной станцией в 1928 г., выявило значительное перерождение и засоренность абхазских табаков.

Перед кооперацией остро встал вопрос о снабжении крестьян чистыми и доброкачественными семенами. Абтабсоюз усилил снабжение райтабкоопов семенами, полученными от Института табаковедения и от опытной станции, которая ежегодно, начиная с 1928 г., отпускала кооперации около 10 пудов семян сорта «самсун»[4]. Уже в 1930 г. в 50% сообщений корреспондентов указывалось на пользование семенами, полученными от Абтабсоюза[5].

Улучшению сортового состава табака содействовали кооперативные рассадники. В 1926/27 г. впервые такие рассадники были заложены при 4-х райтабкоопах, которые распределили среди крестьян 16 500 тыс. штук рассады[6]. Оценивая значение этих рассадников, председатель правления Союза табаководов Абхазии М. Кокая на пленуме Совета Абтабсоюза в июне 1927

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 188, л. 9.

[2] Архив Абгосмузея, д. 111, л. 28.

[3] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период первый». 1927, с. VIII.

[4] Там же, 1930, с. 21.

[5] Там же.

[6] ЦГАА, ф. 60, д. 188, л. 15; там же, д. 192, л. 44.

г. говорил: «Они дали исключительно положительные результаты. Мы дали крестьянам здоровую рассаду и в известной мере выполнили стоящую перед нами задачу в смысле оздоровления семян наших табаков. Помимо этого, мы пришли к табаководу на помощь в смысле своевременного снабжения его рассадой. Это имело большое значение потому, что рассада у крестьян в этом году сильно захромала. Кроме того, рассадники сыграли большую роль в смысле удержания цен на рассаду на минимальном уровне. В последнее время стало модным даже в черте города Сухуми во дворах сажать рассаду на тот случай, что если у крестьянина не будет рассады, то он её купит в тридорога. Наличие наших рассадников и установление минимальных цен на эту рассаду послужили нам службу в смысле сохранения цены на минимальном уровне. В будущем году мы должны постараться этот опыт перебросить во все райтабкоопы»[1]. И кооперативы табаководов подчеркивали эти преимущества табачных рассадников. Так, заседание президиума правления Эшеро-Гумистинскаго райтабкоопа 2 января 1928 г., обсудив вопрос о табачном рассаднике, подчеркнуло: «...У нас в прошлом году рассада раздавалась по такой низкой цене в кредит, что табаководы с охотой брали ее и всякая спекуляция по этой части со стороны некоторых лиц окончательно была разбита, кроме того, правление имело возможность снабжать табаководов чистой рассадой самсуна»[2]. Райтабкооп и в 1928 г. организовал хороший рассадник, и, как указывало правление, обеспечил «многих крестьян здоровой, ранней, чистосортной и дешевой рассадой, уменьшил своей ценою на рассаду спекуляцию рассадою».[3]

В 1928 г. кооперативные рассадники имелись при всех 14 райтабкоопах. Они обеспечили посадочным материалом 1000 десятин земли[4]. Рассада распределялась на основе инструкции

[1] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 88.
[2] ЦГАА, ф. 60, д. 147, л. 98.
[3] Там же, д. 142, л. 64.
[4] Там же, д. 188, л. 174.

Абтабсоюза, согласно которой 10% всей рассады отпускалось бесплатно наиболее беднейшим хозяйствам[1]. Остальная часть рассады выдавалась бедняцким и середняцким кооперированным хозяйствам в кредит. На местах товарищества, руководствуясь этой инструкцией, устанавливали сроки и порядок распределения, предельную норму выдачи на одно хозяйство в зависимости от наличия рассады»[2]. В 1929 г. рассадное хозяйство кооперации расширилось. 15% рассады отпускалось бедняцким хозяйствам бесплатно.

Большую помощь крестьянам в строительстве и ремонте табачных сараев оказывала кооперация. В 1926 г. она раздала крестьянам 3 млн. штук драни и в 1927 г. – 3172 млн. штук[3]. В 1927 г. 55% корреспондентов сообщало о необеспеченности табаководов дранью, выдаваемой кооперацией.[4] В последующие годы райтабкоопы увеличили снабжение крестьян дранью и другими стройматериалами[5]. Табачная кооперация представляла крестьянам также шпагат, маты для парников, поливалки, рассевники, опрыскиватели и т. д.

Снабжение крестьянских хозяйств сельскохозяйственными машинами, орудиями и другими товарами производственного назначения в доколхозной советской деревне существенно отличалось от реализации их в условиях капиталистического рынка. Советское государство, являясь собственником машин и орудий, определяло условия их сбыта. Используя политику цен, кредит, и кооперацию, оно уже в годы восстановительного периода обеспечило поступление основной массы орудий производства в хозяйства бедняков и середняков, а не в кулацкие, как это было до революции.

---

[1] Там же, д. 128, л. 14.

[2] Там же, д. 147, л. 87.

[3] ЦГАА, ф. 60, д. 188, л. 9.

[4] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период третий. 1927». Сухум, 1928, с. 16.

[5] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 270/1, л. 139.

В 1928–1929 гг., в соответствии с директивами XV съезда партии, одновременно с резким расширением объема производственной помощи крестьянству и увеличением кредитов, отпускавшихся ему на приобретение инвентаря и производственных материалов, были значительно усилены меры по регулированию классовой направленности снабжения крестьянских хозяйств орудиями и производственными товарами. В этих целях использовались политика цен, бедняцкие фонды кредита, новые, льготные для маломощных хозяйств принципы кредитования, проводилась бесплатная выдача беднякам части производственных материалов (удобрения, рассады и т. д.), ограничивалось, а затем было прекращено кредитование снабжения зажиточных и кулацких хозяйств. Снабжение сельскохозяйственной техникой и производственными товарами стало одним из важных рычагов осереднячивания крестьянства путем хозяйственного подъема бедняцких хозяйств, поддержки середняцких и ограничения кулацких хозяйств.

Кооперация сыграла большую роль в пропаганде в деревне усовершенствованных орудий производства, содействуя этим развитию производительных сил сельского хозяйства. Снабжение деревни средствами производства через кооперацию явилось важнейшим условием правильного социального распределения средств производства, поступающих в сельское хозяйство. Являясь массовой хозяйственной организацией бедняцко-середняцких слоев крестьянства, кооперация оказалась наиболее приспособленной для регулирования классовой направленности снабжения. Снабженческая работа кооперации, как и вся ее деятельность, усиливала хозяйственную самодеятельность крестьян, укрепляла и развивала элементы социалистических форм хозяйства в деревне.

В период подготовки условий для коллективизации снабжение сельскохозяйственным инвентарем и производственными материалами являлось основной формой производственной смычки между социалистическим городом и абхазской дерев-

ней. Оно осуществлялось в условиях массового кооперирования торгового оборота единоличных крестьянских хозяйств, что позволяло охватывать самые широкие слои крестьянства и оказывать вследствие этого наибольшее влияние на развитие сельского хозяйства. Строгая классовая направленность производственной смычки превращала ее в материальную основу классового союза рабочих и крестьян.

* * *

Важное место в деятельности сельскохозяйственной кооперации занимал сбыт крестьянской продукции. Из продукции сельского хозяйства Абхазии исключительное значение имел табак. Являясь лучшим по качеству в стране, абхазский табак шел на сдабривание на все табачные фабрики СССР, а также служил важнейшим экспортным товаром. Учитывая это, Советская власть положила начало организованной заготовке табака по твердым государственным посортным ценам. Табачная кооперация принимала участие в определении цен табака. С введением системы контрактации табака (1928 г.) крестьянин заранее знал твердую цену, количество и качество сдаваемого им табака и другие условия заготовки. Все это обеспечивало мелкому табаководу устойчивое положение. Он освободился от ударов стихийных колебаний рыночных цен, от спекулянтов-перекупщиков табака, избавился от постоянной угрозы разорения. Касаясь этого, табаковод из с. Мерхеули на III собрании уполномоченных табачной кооперации говорил, что крестьяне хорошо помнят, как до революции «они всегда недополучали за свой табак, и что их табак давал прибыль спекулянтам, что на их табаке богатели спекулянты. Теперь они говорят: «благодаря нашей революции наш труд достался опять-таки нам.[1]

Для поощрения кооперативного сбыта с 1927 г. обрабатывающая промышленность отчисляла на кооперативную доплату

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 140, л. 49.

табаководам по 15 коп. за каждый пуд табака, заготовленного кооперацией. Доплату получали все члены товарищества, сдавшие табак в райтабкооп. По урожаю 1927 г. крестьяне получили 50,5 тыс. руб. доплаты, а в 1928 г. – 57,2 тыс. руб.[1].

В рассматриваемый период заготовкой табака занимались табачная кооперация и Абгосторг. В 1926 г. кооперация заготовила около 70% всего урожая. В дальнейшем заготовки Абгосторга правительство Абхазии определяло до 20% общего урожая. В 1926/27 г. табачная кооперация заготовила 10 495,3 т табака, в 1927/28 г. – 8 554 т[2], в 1928/29 г. – 7 500 т, в 1930 г. – 11713 т[3]. Всю заготовленную продукцию кооперация сбывала государственным и кооперативным организациям.

Заготовка табака была связана со многими трудностями, для преодоления их табачные товарищества с участием членов кооперации перед началом каждого заготовительного сезона тщательно обсуждали вопрос организации приемки, правильной сортировки, содержания и ухода за табаком в окладах, транспортировки и другие моменты заготовительной операции. Табаководы активно обсуждали эти вопросы, помогали кооперативным органам устранять встречавшиеся при заготовке недостатки и упущения.

Советская заготовительная система на табачном рынке прочно закрыла пути для легальной деятельности спекулянтов. Но они, приспосабливаясь к новым условиям жизни, делали попытки скрытой скупки и перепродажи, искали всякие лазейки для спекуляции табаком. Приходилось бороться и против разных антикооперативных явлений, порожденных частнособственнической психологией крестьянина. В частности, против отдельных попыток крестьян ускользнуть при заготовке табака от уплаты полученных ссуд путем передачи части или всего урожая соседу, рассчитавшемуся за ссуду.

---

[1] Там же, д. 119, л. 40.

[2] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 13.

[3] «10 лет Советской Грузии...», с. 215.

Подобные рецидивы частнособственнической психологии крестьянина наносили ущерб кооперации. Последняя пресекала эти явления, применяя разнообразные формы борьбы с ними, внедряя кооперативную дисциплину среди трудящихся. С внедрением контрактации такие нарушения встречались редко.

Заготовительный рынок других продуктов сельскохозяйственного производства в конце восстановительного периода был слабо охвачен обобществленным сектором. Кооперацией заготавливались коконы шелкопряда и частично хлопок, вино, мелкий орех и некоторые другие продукты сельского хозяйства. В руках частника находилась вся торговля фруктами, кукурузой, овощами и многими другими продуктами. Сельскохозяйственная кредитная кооперация, которая занималась заготовкой и сбытом всей этой продукции, встречалась с серьезными трудностями. Множественность видов продуктов, подлежащих заготовке, неорганизованность заготовительного рынка, неизученность рынков сбыта, трудности транспортировки и необходимость срочной реализации фруктов, быстро подвергавшихся порче, осложняли работу кооперации. В материалах Абсельсоюза того периода говорится также о неподготовленности аппарата многих товариществ к заготовительным операциям, об отсутствии необходимых кадров, хозяйственных навыков и плановости в работе товариществ, о трудностях внедрения кооперативных методов заготовки среди крестьян, о неналаженности связи с государственными и кооперативными организациями при сбыте и др.

В 1927 г. Абсельсоюз и его низовая сеть заготовили сельскохозяйственных продуктов (без табака) на 663 тыс. руб[1]. В 1928 г. сельскохозяйственная кооперация Абхазии заготовляла более 20 различных продуктов на 1120 тыс. руб. (без табака и вина). Удельный вес ее по кругу заготовляемых продуктов достиг 88%. Расширение объема заготовок сопровождалось улучшением

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 55, л. 218.

работы сельскохозяйственной кредитной кооперации, внедрением кооперативных методов заготовок, почти полным преодолением частно-посреднических услуг составлявших в 1928 г. в общем ее обороте 9%, переходом к плановой работе[1].

Условия заготовки и сбыта по каждому виду продукции определялись отдельно. Например, коконы заготовлялись по комиссионному договору Абсельсоюза с Закгосторгом (1927 г.) и Грузшелком (с 1928 г.). В договоре предусматривались цены по сортам, утвержденные Наркомторгом, пункты заготовок и сдачи, условия финансирования заготовки и т. д[2]. Заготовку проводили товарищества, которые от контрагента получали необходимый аванс. При сдаче коконов кооперация по договору за каждый пуд получала на кооперативную доплату крестьянам по рублю, на агромероприятия по шелководству по 1 руб. 40 коп. и комиссионное вознаграждение на заготовку и обработку коконов по 6 р. 77 коп.[3]. На этих условиях кооперация заготовила сырых коконов в 1927 г. 6 469 пудов, в 1928 г. – 6730 пудов[4]. В отчете правления Абсельсоюза II собранию уполномоченных (май, 1928 г.) отмечалось, что «весь товарный выход коконов был охвачен сельскохозяйственной кооперацией, и конкуренция частного капитала не имела места»[5].

С 1928 г. единственным заготовителем мелкого ореха была признана сельскохозяйственная кредитная кооперации[6]. Кооперативные товарищества заключали с крестьянскими хозяйствами контрактационные договоры, выдавали контрактационные авансы, проводили заготовки, по ценам Наркомторга выплачивали крестьянам кооперативную доплату. В 1928 г. только в Гальском уезде кооперация заготовила 51 тыс. пудов

[1] Там же, лл. 146, 182; «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 года.
[2] ЦГАА, ф. 61, д. 18, л. 49.
[3] Там же, д. 69, л. 25; ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27. лл. 179–180.
[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, лл. 179–180.
[5] ЦГАА, ф. 61, д. 61, л. 5.
[6] Там же, д. 69, л. 25.

ореха и сдала Заксоюзу для экспорта[1]. Сельскохозяйственная кредитная кооперация заготовила 90 % всей заготовки орехов.

В мае 1928 г. правление Абсельсоюза, обсудив вопрос о заготовках фруктов, поставил задачу охватить через свою низовую сеть все фруктовые районы Абхазии. В начале сезона, как об этом впоследствии писал Абсельсоюз, все работники сельскохозяйственной кооперации были брошены в деревню для проведения на комиссионных началах сбыта фруктов и прочих продуктов сельского хозяйства. Трудности проведения этой кампании, наряду с навыком крестьян самостоятельно реализовывать фрукты через частников, были преодолены, несмотря на жестокое сопротивление частников, видевших в мероприятиях Абсельсоюза гибель своих сверх прибылей от околпачивания крестьян. Громадное большинство крестьян-производителей пошло на комиссионную реализацию фруктов. Это одно уже возлагало на Абсельсоюз большую моральную ответственность за правильное проведение в дальнейшем заготовки и сбыта»[2]. Сельскохозяйственная кредитная кооперация «выдержала экзамен», рентабельно провела комиссионную заготовку и сбыт фруктов. «Сбыто-заготовительными операциями, – указывало правление Абсельсоюза, – крестьяне довольны и Абсельсоюз оправдал все свои труды с лихвой, почти отстранив частников. Крестьяне отныне идут за сельскохозяйственной кооперацией, а это значит, что в сбыто-заготовителыные операции уже без риска можно втянуть низовки в полном объеме»[3].

Характерно письмо скупщика-спекулянта, поданное в Совнарком Абхазии в мае 1929 г.: «... За истекший сезон мы не имели возможности получить фрукты от крестьян, ибо они сдавали сельскохозяйственной кооперации для сбыта на комиссионных началах, чем поставили нас в крайне затруднительное положение». Далее в документе говорится: «Мы вполне сознаем,

[1] Там же.
[2] Там же, д. 55, л. 241.
[3] Там же, л. 242.

– что проводимая политика вытеснения частника знаменует собой укрепление кооперации и не желая идти в разрез с ней, ибо она нас придушит своей политикой, просим Вас приобщить нас к общему росту кооперативного строительства, дабы мы могли своим личным трудом и знанием принести пользу государству»[1].

Большое место в деятельности Гудаутского сельскохозяйственного кредитного товарищества занимала продукция виноградарства и виноделия. К 1 апреля 1928 года урожай предыдущего года товариществом был заготовлен в виде спиртного сырья 500 тыс. градусов (на 175 тыс. руб.) и вина 10 тыс. ведер, на 32 тыс. руб. Удельный вес товарищества в заготовках этой продукции составил 50%. Остальная продукция была заготовлена ВСНХ Абхазии через Гудаутский винокуренный завод (25%) и частниками – 25%[2].

В 1929 г. сельскохозяйственная кредитная кооперация, опираясь на достигнутые хозяйственные успехи, приобретенный опыт работы и завоеванное доверие крестьян, еще более расширила свою работу. Она заготовила продукцию полеводства, садоводства, огородничества и животноводства на 1557,7 тыс. руб. (по заготовительным ценам).[3] Основными достижениями кооперации являлись более широкое внедрение контрактации, кооперативной доплаты, последовательное применение кооперативных методов в сбыто-заготовительной работе товариществ.

Накануне коллективизации сельскохозяйственная кооперация являлась основным каналом, по которому поступала товарная продукция сельского хозяйства Абхазии в социалистическую промышленность. Через нее заготавливались более 20 различных видов продукции крестьянского хозяйства в размере 85–90% всех сельскохозяйственных заготовок.

Заготовленная кооперацией продукция в основном сбывалась вне Абхазии. Она через государственные и кооперативные

[1] Там же, д. 69. л. 17.

[2] Там же, д. 61, л. 6.

[3] Там же, ф. 100, оп. 1, д. 208, л. 125.

организации поступала в Москву, Ленинград, Тбилиси, Ростов на Дону, Харьков, Свердловск, Нижний Новгород, Одессу, Севастополь, Сталино, Ялту, в города Закавказья и Северного Кавказа и другие. Значительная часть абхазского табака шла за границу. Из Сухума, Гудауты, Гагры и Нового Афона было отправлено на экспорт в 1924/25 г. – 486,9 т., 1925/26 г. – 432,4 т., в 1926/27 г. – 322,1 т., в 1927/28 г. – 1 456,4 т., в 1928/29 г. – 1 728,7 т. и в 1929/30 г. – 1 996 т. [1] На мировом рынке спрос на абхазский табак неуклонно рос. В этот период он восстанавливает все свои прежние рынки и завоевывает новые.

Успехи кооперации в сбытовом обороте деревни были обеспечены благодаря помощи Советского государства, которое всемерно содействовало развитию сбыта крестьянской продукции через кооперацию путем кредитования заготовок, проведения контрактации через кооперацию, предоставления кооперации различных льгот и привилегий при транспортировке товаров и т. д. Заготовительно-сбытовая деятельность сельскохозяйственной кооперации имела огромное значение для планомерного снабжения промышленности сырьем и городского населения продовольствием, для успешного проведения политики индустриализации.

Наряду со снабженческой, сбытовая работа кооперации оказывала регулирующее влияние на социальной состав крестьянских хозяйств. Она освобождала бедняков и середняков от эксплуатации со стороны частных посредников-скупщиков, избавляла их от потерь, связанных с колебанием цен на рынке, давала им возможность участвовать в прибылях, поднимать свое хозяйство. В то же время расширение сбыто-заготовительной деятельности кооперации все более ограничивало и вытесняло частный капитал из сферы оборота.

Развитие снабженческо-сбытовой деятельности кооперации убеждало трудящихся крестьян в преимуществах коллективно-

[1] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 4.

го снабжения и сбыта, подводило их к пониманию экономической выгодности кооперирования производственных процессов в сельском хозяйстве, что создавало условия для возникновения более высокой формы кооперативного движения – производственной кооперации.

* * *

С 1928 г. основной формой сбыто-снабженческой деятельности сельскохозяйственной кооперации становится система контрактации. Она широко применялась в табаководстве. В 1928 г. было законтрактовано 9 237 десятин, или 86% фактической табачной площади. Контрактация охватывала 9 236 хозяйств. Как говорилось в отчете правления Абтабсоюза, не были законтрактованы «хозяйства, наделавшие посадку табаков в 1928 г., либо имевшие посадку до 1/4 десятины, либо имевшие кулацкий уклон или принадлежавшие к злостным недоимщикам»[1]. В 1929 г. контрактация табака приняла действительно массовый характер. Контрактацией было охвачено 13,4 тыс. га табачной площади и 14 181 табаководческое хозяйство[2]. Правление Абтабсоюза отмечало, что в 1929 г. «вне контрактации остались лишь кулацкие хозяйства и хозяйства злостных неплательщиков»[3].

К контрактации привлекались, в первую очередь, колхозы, производственные объединения и беднейшие слои крестьянства, а во вторую очередь – середняцкие хозяйства. В 1928 г. было законтрактовано 3 229 бедняцких хозяйств (35%) с посадочной площадью 2726 га (27,1%), а в 1929 г. – 6509 хозяйств (45,9%) с площадью в 5381 га (39,9%); соответственно середняков было охвачено 6007 хозяйств (65%) с площадью в 73,37 га (72,9%) и 7537 хозяйств (63,2%) га площадью в 8 075,7 га (60,1%). Твердо осуществлялась линия преимущественного привлечения бедноты к заключению контрактационных договоров.

---

[1] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 293.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 656, л. 68.

[3] Там же, л. 74.

С 1928 г. контрактация проводилась и по другим культурам. Уже в 1929 г. сельскохозяйственная кредитная кооперация законтрактовала 700 дес. ореховых садов, 30 дес. люффы, 6 тыс. коробок грени, разных фруктов и частично посевы кукурузы[1].

Развивая контрактацию, Советское государство усиливало помощь широким трудящимся массам. В 1928–1930 гг. производственная помощь табаководам по линии табачной кооперации возросла более чем в 2 раза[2]. С 1929 г. законтрактованные табаководческие хозяйства снабжались хлебом. С контрактацией увязывалась выдача крестьянам дефицитных промышленных и продовольственных товаров. Наркомторг ЗСФСР определял условия и нормы отоваривания заготавлиемых по контрактации сельскохозяйственньпх продуктов.

Условия контрактации были различны для бедняцких и середняцких хозяйств. Бедняки в большей мере нуждались в производственной помощи, чем середняки. Поэтому сельскохозяйственная кооперация при контрактации предоставляла им более льготные условия, оказывала более широкую производственную помощь. Так, при контрактации табака в 1928 г. бедняки в аванс получали 35% стоимости продукции с гектара, середняки – 25%, коллективы – 40 %[3]. Помощь бедняцким хозяйствам при контрактации посевов заключалась не только в высоком авансировании, но и в организации дополнительного снабжения и кредитования. Для этого использовались фонды бедноты, долгосрочные кредиты, агрофонд и другие[4]. При контрактации проводилось первоочередное и льготное снабжение бедняков сельхозинвентарем, минеральными удобрениями, ядохимикатами, рассадой, улучшенными семенами, скотом, производственными и строительными материалами. Бедняцкие хозяйства в первую очередь, и на более льготных условиях обслуживались инвентарем кооперативных прокатных пунктов.

[1] Там же, ф. 61, д. 83, л. 321.
[2] Архив Абгосмузея, д. 126, л. 210.
[3] Там же, д. 126, л. 144.
[4] Там же, д. 127, лл. 294–295.

В 1929 г. масштабы помощи деревенской бедноте еще более возросли. II сессия ЦИК ССР Абхазии IV созыва в постановлении «О весенней посевной кампании» предлагала «в дальнейшем усилить мероприятия по наиболее дешевому и льготному обеспечению бедняцких хозяйств кредитами, инвентарем и прочими производственными материалами и, в частности, применять максимум льгот при авансировании бедноты по контрактации». В 1929 г. дифференциация авансов была проведена более четко, значительно повысились нормы аванса для бедняцких хозяйств, производственное снабжение их расширилось, внеавансовые натуральные выдачи увеличились, льгот представлялось больше. В результате такой политики в табаководство втягивались по преимуществу бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства, посевы в этих хозяйствах расширялись, все большее число бедноты переходило в середняцкую группу.

Усиление производственного снабжения в кредит и увеличение выдачи производственных денежных авансов помогали беднякам и середнякам освободиться от кулацких займов, кабальных условий аренды инвентаря, закупки семян и рассады у частных лиц и других видов зависимости. Все более новые и новые массы бедняков и середняков становились экономически независимыми от кулаков. На основе контрактации усилилось наступление на капиталистические элементы.

Контрактация явилась важнейшей формой плановых заготовок сельскохозяйственных продуктов, подчинявшем рыночную стихию государственному регулированию и контролю. Промышленность определяла количество и стандарт требуемого табачного сырья, гарантировала сбыт всей продукции, собранной с законтрактованной площади, по единым заранее установленным посортным ценам. Контрактационные договоры, заключавшиеся между райтабкоопом и табаководом, предусматривали все условия заготовки[1]. Они отвечали интересам

[1] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 122.

бедняцко-середняцкото крестьянского хозяйства, обеспечивали их укрепление и развитие.

При системе контрактации крестьянин становился одним из участников общего производства, выполнял часть общей, как говорил М. И. Калинин, «производственной манипуляции», поскольку произведенное им товарное сырье обязательно шло в промышленную переработку. Выполняя заказ социалистической промышленности, крестьянство попадало под ее воздействие, и «как это было во все времена, – указывал М. И. Калинин, – заказчик перекрашивает исполнителя в нужный ему цвет»[1] .

Система контрактации содействовала совершенствованию и углублению снабженческой, заготовительно-сбытовой, кредитной и производственной работы табачной кооперации в соответствии с интересами социалистического развития деревни. Она экономически укрепляла сельскохозяйственную кооперацию, поднимала ее авторитет среди крестьянской массы, усиливала связь кооперации с бедняцко-середняцким крестьянством, шире и активнее вовлекала крестьян в орбиту деятельности кооперации, ускоряла процесс кооперирована я крестьянских хозяйств.

Условия контрактации полностью совпадали с классовыми интересами социалистической сельскохозяйственной кооперации, способствовали улучшению социальной направленности в деятельности кооперации. Контрактация усиливала производственные функции сельскохозяйственной кооперации, укрепляла экономическую смычку промышленности с мелкокрестьянским сельским хозяйством, ускоряла подготовку материальных условий для обобществления крестьянских хозяйств.

[1] «XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет, 1929, с. 465.

* * *

После XV съезда ВКП(б), в связи с новым курсом хозяйственного строительства в деревне, сельскохозяйственная кооперация Абхазии значительно усилила свою производственную деятельность. В системе кооперации создаются промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Абсельсоюз имел консервный, колбасный и кишечный заводы. Отдельные кооперативные товарищества организовали свои предприятия. В 1929 г. работали консервный завод Эстонского сельскохозяйственного товарищества в с. Сальме (Гагринский уезд), водочный завод Гудаутского товарищества, печи для обжига кирпича Гальского и Ачигварского товариществ (Гальский уезд), известковая печь Гальского товарищества. В некоторых из этих предприятий работало по 20–30 рабочих[1]. В шелководческих районах кооперативные товарищества имели инкубационные камеры, а также коконосушильни, которые производили первичную переработку коконов.

Экономически окрепшая табачная кооперация накануне коллективизации развернула интенсивное строительство табачных складов. В 1926–1928 гг. в 11 райтабкоопах были построены капитальные склады. Они являлись крупнейшими сооружениями в доколхозной деревне. Общая их емкость составляла 48,5 тыс. кубометров (примерно на 20 тыс. тонн табака). Новые склады обеспечивали кооперации надлежащее хранение табаков в период их естественной ферментации.

Табачная кооперация принимала участие в строительстве сельских школ, больниц, дорог, в проведении телефонной связи и других работах, связанных с непосредственными интересами кооперированных крестьян. Материальное и организационное участие кооперации в осуществлении этих общественных работ содействовало повышению хозяйственной политической активности бедняков и середняков, росту их общественного сознания.

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 87, л. 6.

После XV съезда партии заметно расширилась агрикультурная работа кооперации. Табачная кооперация получала от промышленности отчисления в агрофонд с каждого пуда заготовленного табака. Кооперация в агрикультурную работу вкладывала и свои средства. В программу агропомощи входили восстановление плодородия почв табачных плантаций, восстановление чистосортных семян абхазских «самсунов», борьба с вредителями и болезнями табачного растения и другие меры.

Для пропаганды агрономических знаний в крестьянских хозяйствах закладывались показательные участки. В 1926 г. имелось 73 таких участка, в 1927 т. – 130, а в 1928 г. – 230. Кооперативные товарищества пропагандировали достижения показательных участков среди крестьян, устраивали беседы для них прямо на участках, знакомя табаководов с применением минеральных удобрений и другими передовыми методами ведения хозяйства[1]. Придавая важное значение распространению достижений лучшего в уезде показательного участка, пленум Гудаутского уездного комитета КП(б) Грузии в августе 1928 г. в своей резолюции записал: «В целях популяризации и распространения достижений лыхненскаго опытного показательного поля среди массы крестьянских хозяйств обязать все сельячейки произвести экскурсии на лыхненское опытное показательное поле, втянув в свой состав членов ЛКСМ и беспартийных крестьян. В целях скорейшего сдвига крестьянских хозяйств по пути рационализации обязать всех деревенских коммунистов первыми идти на введение культурных способов ведения хозяйства у себя, чтобы своим личным примером побуждать к тому же беспартийного соседа»[2]. Показательные участки служили для крестьян образцом культурного ведения хозяйства.

Разностороннюю агрономическую помощь крестьянству оказывали агробазы и агропункты сельскохозяйственной ко-

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 156, л. 27.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 2789, л. 15.

операции. В 1928 г. табачная кооперация имела 6 агробаз и 8 агропунктов. Их деятельность может быть показана на примере Гудаутскаго агропункта. В ходе сельскохозяйственных работ 1928 г. (до 1 сентября) агропункт дал крестьянам свыше 650 советов и практических указаний по вопросам травосеяния, применения минеральных удобрений, посадки винограда и т. д. Агропункт заложил 50 дес. виноградников, 20 дес. мандариновых саженцев, организовал случный пункт с целью разведения пламенного рогатого скота[1].

В ряде мест кооперативными товариществами были созданы довольно крупные питомники. Например, Гудаутское сельскохозяйственное товарищество в 1927 г. имело 80 тыс. саженцев американских лоз, 40 тыс. цитрусов, до 20 тыс. яблонь, 7 тыс. персиков, 2 тыс. мушмалы и 3 тыс. штук прочих фруктовых саженцев. Целью питомника было обновление виноградарства и плодоводства в уезде[2]. Гальское товарищество в 1928 г. заложило питомник тутовица в 6 га. на 130 тыс. тутовых саженцев[3].

Табачная кооперация проводила работу по внедрению в хозяйства крестьян-табаководов плодовых и виноградников. В 1927 году среди табаководов было распределено 14 тыс. штук саженцев мандарин и чернослива, 50 тыс. штук виноградных лоз[4]. Весной 1928 г. табачная кооперация выдала бедняцким и середняцким хозяйствам 52 тыс. виноградных лоз, 10 тыс. штук саженцев чернослива, 16 тыс. саженцев мандарин[5]. Кооперация заботилась о правильном уходе за этими насаждениями, проводила постоянное агрономическое наблюдение за ними. Для инструктирования крестьян по этим новым культурам Абтабсоюз выпустил специальный номер «Листка

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 235, л. 65.
[2] ЦГАА, ф. 61, д. 33, л. 50.
[3] Там же, д. 69, л. 32.
[4] Там же, ф. 60, д. 188, лл. 16, 73.
[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л 257.

табаковода»[1]. Был составлен агроминимум для плодовых садов и для виноградников[2].

Агрикультурная работа кооперации способствовала повышению культуры земледелия, росту сельскохозяйственного производства, являлась составной частью мероприятий по подготовке условий для коллективизации.

Кооперация организовала коллективное использование сельскохозяйственной техники. В период весенней посевной кампании 1928 г. создаются прокатные пункты при Гагринском, Гудаутском, Володаро-Эшеро-Гумистинском, Драндском, Цебельдинском, Кодорском, Ачигвароком, Гальском и Отобаевском сельскохозяйственных товариществах. А весной 1929 г. прокатные пункты имелись при всех 14 товариществах. С целью наибольшего приближения машин и орудий крестьянскому хозяйству при прокатных пунктах было создано 48 подпунктов. В 1929 г. в 11 сельскохозяйственных кредитных товариществах функционировали ремонтные мастерские. Они освобождали бедняков и середняков от зависимости кузнеца-частника, способствовали более эффективному использованию сельскохозяйственной техники прокатных пунктов.

На основе развития хозяйственной работы кооперации в 1928–1929 гг. создаются простейшие производственные объединения крестьян. Возникновение их среди табаководов имело свои особенности. Созданные райтабкоопами кооперативные рассадники, семянниковые плантации, агропункты и агробазы, играя важную роль в усилении агрономической помощи крестьянству, в то же время стали очагами возникновения простейших производственных объединений крестьян. Эти объединения охватывали отдельные производственные процессы в табаководстве.

Простейшей формой производственного объединения крестьян являлись коллективные опытные участки по применению

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 166, лл. 2–3.
[2] Там же, ф. 61, лл. 128–131.

минеральных удобрений. Табачная кооперация в 1927 г. имела 22 опытных участка, а в 1928 г. – 63[1].

В 1928/29 г. возникла другая форма простейших производственных объединений – коллективные табачные рассадники. Некоторые из них создавались на базе рассадников райтабкоопов. Первые коллективные рассадники были организованы в Гагринском, Каваклукском, Гудаутском, Екатерино-Мерхеульском и Олыгинском райтабкоопах[2]. Эти коллективы выращивали рассаду и сбывали ее табаководам своего района. Они вели хозяйство по уставу, который после утверждения общим собранием коллектива регистрировался райтабкоопами. Один из таких коллективов «Путь батрака» был организован из 8 крестьян на основе рассадника Гагринского райтабкоопа. 4 февраля 1929 года общее собрание коллектива утвердило устав, избрало уполномоченного коллектива. Членами коллектива не могли быть крестьяне, состоящие в других коллективах, лишенные избирательных прав и обложенные индивидуальным налогом. Каждый член коллектива обязывался своим личным трудом участвовать в производственной деятельности коллектива, выполнять требования устава, подчиняться постановлениям общего собрания. Вступительный взнос был установлен в размере 1 рубля, паевой – 10 рублей. Коллектив свыше 10 членов избирал совет, председателя совета и ревизионную комиссию. Уполномоченный или совет коллектива осуществлял административное и хозяйственное руководство, вел учет «труда членов коллектива и т. д. Решением общего собрания 1,5% прибыли товарищества выделялось в фонд коллективизации, а остальная часть в конце хозяйственого года распределялась между членами коллектива[3].

С весны 1929 г. при содействии табачной кооперации стали создаваться также коллективные сараи для сушки и сортировки табака. Абтабсоюз поощрял организацию коллективных та-

[1] ЦГАА, ф. 60, д.. 192, л. 44; ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 257.
[2] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 295.
[3] ЦГАА, ф. II, оп. 2, д. 48, л. 159.

бачных сараев путем долгосрочного кредитования, выделения стройматериалов и предоставления других льгот.

Коллективные табачные рассадники и коллективные сараи для сушки и сортировки табака по характеру кооперирования могут быть отнесены к типу простейших производственных объединений крестьянских хозяйств, представлявших собой переходную ступень к высшему типу кооперации – колхозам. Они облегчали переход крестьян к обобществлению средств производства и труда. Для крестьян, привязанных к своему клочку земли, к индивидуальному хозяйству, даже после ряда лет участия в сбыто-снабженческой кооперации нелегко было сразу перейти к обобществлению основных средств производства. Стремясь улучшить свое хозяйство, крестьяне на Первых порах легче всего шли на создание простейших производственных объединений, вступление в которые не требовало обобществления всех основных средств производства. Однако кооперирование отдельных процессов производства являлось предпосылкой кооперирования производства в целом, вело ко все большему обобществлению средств производства.

В системе табачной кооперации Абхазии на базе коллективных рассадников и сараев стали возникать товарищества по общественной обработке земли и колхозы. Указывая на это, правление Абтабсоюза в начале июня 1929 г. сообщало: «Главным стимулом для объединения являются табачные рассадники и табачные сушильни. Многие артели, созданные для организации рассадников на 1 гектаре, в дальнейшем объединили свои земли и превратились в колхозы»[1].

Если в 1928 г. табаководческая кооперация заключила договор о контрактации только с одним коллективным хозяйством с площадью в 5 га, то к 1 июля 1929 г. договоры были заключены с колхозами с площадью в 102,8 га[2]. Часть из них возникла на базе простейших объединений.

---

[1] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 656, л. 71.

[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 14; там же, ф. 2, оп. 1, д. 6564 л. 67.

Коммунистическая партия направляла кооперативное движение по линии перехода простейших производственных объединений к колхозам. XVI партконференция (апрель 1929 г.) потребовала от всех коммунистов, работавших в сельскохозяйственной кооперации, усилить деятельность по неуклонному росту первичных кооперативно-производственных объединений в крупные коллективные хозяйства. Обобщая опыт кооперативно-колхозного строительства в стране и определяя дальнейшее направление колхозного движения, ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. указывал, что колхозное строительство «...может успешно развиваться лишь опираясь на всю систему сельскохозяйственной кооперации, которая из сбытоснабженческой кооперации и простейших видов производственных товариществ все более и более перерастает в колхозное движение»[1].

* * *

В рассматриваемый период сельскохозяйственная кооперация Абхазии значительно упрочила свое хозяйственно-финансовое положение. Баланс райтабкоопов на 1 октября 1925 года равнялся 3362,4 тыс. руб., а к 1 июля 1928 года увеличился до 5 813,9 тыс. руб. Росли собственные средства низовой сети табачной кооперации. Они увеличились с 534 тыс. руб. на 1 октября 1926 года до 1 801,6 тыс. руб. к 1 октября 1928 года, или на 237,3%. На 1 июля 1928 года соотношение собственных средств товариществ к заемным составило 1 : 1,9. Все кооперативы имели прибыли. На 1 января 1928 года средняя прибыль на одно товарищество составляла 44,2 тыс. руб.[2].

В ходе развития снабженческо-сбытовой и кредитно-ссудной деятельности укрепилась низовая сеть сельскохозяйственной кредитной кооперации. Баланс товариществ (на 1 октября) составлял в 1926 г. – 1410,3 тыс. руб., в 1927 г – 2 807,2 тыс. руб., в 1928 г. – 4 417,2 тыс. руб.[3]. Средний размер баланса на одно

[1] «КПСС в резолюциях...» т. 4, с. 352.

[2] А.Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921–1929 гг.), с. 311.

[3] «Отчет о деятельности системы с.-х. кредита ЗСФСР за 1927/28 год и об-

товарищество за эти два года вырос с 117,5 тыс. руб. до 315,5 тыс. руб.

Росли собственные средства низовой сети сельскохозяйственной кредитной кооперации. Они составляли (на 1 октября) в 1926 г. 143,9 тыс. руб., в 1927 г. – 219,9 тыс. руб., в 1928 г. – 330 тыс. руб. и на 1 июля 1929 года – 382,5 тыс. руб., т. е. увеличились в 2,7 раза[1].

Таким образом, за 1926–1929 гг. система сельскохозяйственной кооперации Абхазии значительно укрепила свое финансово-хозяйственное положение. Выросли балансы и обороты кооперативных союзов и товариществ. Увеличились размеры их собственных средств, которые все более дополняли средства, отпускаемые государством на развитие и укрепление деятельности кооперации.

Оздоровление и укрепление финансового состояния сельскохозяйственной кооперации было обеспечено прежде всего благодаря огромной материально-финансовой помощи, предоставляемой кооперации со стороны Советского государства. Кооперативные организации Абхазии в эти годы получали большие суммы из госбюджета, были увеличены также долгосрочные кредиты, улучшены условия кредитования, списаны в значительных размерах долги бедняцких и маломощных середняцких крестьянских хозяйств по ссудам. Другим важным источником -хозяйственного укрепления кооперации являлось усиление материального участия населения в кооперативном обороте, привлечение паевых взносов. Огромную роль сыграло значительное улучшение хозяйственной деятельности самой кооперации, борьба за режим экономии, удешевление аппарата, внедрение хозрасчета.

Развитие кооперации в абхазской деревне и вся ее деятельность свидетельствовали, что она в условиях социалистического строительства отнюдь не являлась просто техническим ап-

зор работы за пятилетие», с. 34.

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 106, л. 138; «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 года.

паратом сбыта и снабжения, а служила важнейшим фактором, организующим и сплачивающим распыленные крестьянские хозяйства. Она сочетала интересы индивидуальных бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств и общие интересы социалистического народного хозяйства, теснее связывала кооперированное крестьянство с социалистической промышленностью, все более вовлекала их в социалистическое строительство.

По мере вытеснения из сферы обращения спекулянтов-посредников и кулаков средства, служившие источником их обогащения, кооперация превращала в достояние самих трудящихся масс, ставила на службу социалистического развития деревни. Интересны в этом отношении данные о распределении прибыли низовой сетью. 50% прибыли товарищества выделяли на укрепление средств самой кооперации, а остальную часть – в фонды кооперирования и коллективизации, кредитования бедноты, агрикультурных мероприятий и на общественные нужды деревни. Быстро растущая система сельскохозяйственной кооперации стала накануне коллективизации важнейшей общественной и хозяйственной организацией в абхазской деревне, реальной силой ее социалистического развития.

Развитие кооперации в абхазской деревне при ряде особенностей в формах и соотношении стадий обнаружило те же закономерности и имело тот же главнейший социальный результат, что и во всех других республиках и районах Союза ССР. Здесь так же, как и по стране в целом, последовательное развитие кооперации от потребительской к кредитной и сбыто-снабженческой, от последних к простейшим формам производственного объединения создавало особые стадии трансформации единоличного крестьянского хозяйства, особые ступени перехода крестьян к социалистическим формам производственной кооперации – коллективным хозяйствам. Так же, как и в других республиках и районах, развитие кооперации вносило в систему социально-экономическик отношений единоличных крестьянских хозяйств – элементы новых, коллективистических

отношений, значение которых нарастало на каждой последующей стадии кооперирования. Система производственных отношений крестьянских хозяйств, вовлеченных в первичные формы кооперации, уже не могут быть определены как только индивидуалистические, мелкобуржуазные прежде всего. Они должны рассматриваться в качестве переходных отношений от мелкобуржуазных и капиталистических к социалистическим. Их образование и рост являлись результатом процесса кооперирования в условиях социалистического строительства. Они составляли одну из важнейших социальных предпосылок перехода крестьянства на путь социализма.

Глава пятая

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

1. Первые шаги колхозного строительства

Система социальных отношений в доколкозной деревне Абхазии, как и страны в целом, не ограничивалась разновидностями индивидуалистических, частнособственнических отношений и отношений переходных от них к коллективистическим, социалистическим. С первых лет Советской власти в деревне стали возникать и расти коллективные и государственные хозяйства – конкретные формы социалистического способа производства в земледелии. Социальные отношения в колхозах и совхозах представляли собой непосредственно социалистические отношения, связанные с общественной собственностью и коллективными формами труда и распределения в крупном обобществленном производстве. В. И. Ленин придавал огромное значение их развитию и укреплению. Он считал необходимым сделать эти хозяйства образцовыми для соседних крестьян, примером социалистического земледелия[1].

Создание колхозов и совхозов означало формирование нового социально-экономического уклада в деревне – уклада соцалистического. С самого начала своего существования ему принадлежала ведущая роль в развитии деревни, поскольку им прокладывались пути в лучшее будущее для всего крестьянства, изыскивались и проверялись на опыте формы и способы перехода

[1] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., 39, с.372-373.

к социализму деревни в целом. Социалистический уклад был непосредственно и тесно связан с жизнью деревни. Рабочими совхозов в большинстве были крестьяне или их дети. Колхозы, являвшиеся высшей формой производственного кооперирования крестьянских хозяйств, входили в систему сельскохозяйственной кооперации. Наконец, торговые формы кооперации, объединявшие главным образом единоличные крестьянские хозяйства, относились к обобществленному сектору торговли, служили товарным каналом социалистического уклада[1].

Приступая к осуществлению аграрной политики Советской власти, коммунисты Грузии и Абхазии творчески использовали опыт колхозно-совхозного строительства в Советской России. Декрет о земле Ревкома Грузии от 6 апреля 1921 года выдвинул задачу создания советских хозяйств, коммун и артелей, задачу их всемерной поддержки. С образованием Наркомзема Абхазии при нем был организован отдел коллективных хозяйств для руководства работой по коллективизации и отдел совхозов, ведавший национализированными крупными имениями. С июля 1921 года создается специальная комиссия Ревкома Абхазии по коллективизации сельского хозяйства.

Первое коллективное хозяйство в Абхазии, по имеющимся материалам, возникло через две недели после установления Советской власти – 21 марта 1921 года в с. Мцара (Гудаутский уезд).[2]

4 батрака с. Гульрипш (Сухумский уезд) 30 марта 1921 года организовали сельскохозяйственную артель. В инструкции артели говорилось: «Артель будет стремиться коллективным путем обрабатывать земли и развивать сельскохозяйственные культуры в пользу самой артели, в пользу государства, а также

[1] Вопрос о границах и взаимосвязях социально-экономических укладов см. В. П. Данилов. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие. «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории». М. 1974. с. 58–79.

[2] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 48, л. 26.

артель должна стать примером для всех крестьян-мелкособственников »[1]

Гагринский уездный ревком в отчете за апрель 1921 г. отмечал создание крестьянами ряда коллективных хозяйств[2]. В целях общественной обработки земли 22 сентября 1921 года в с. Эшера десять безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств организовали сельскохозяйственную артель[3].

В том же году в Гумистинском уезде созданы были сельскохозяйственные артели в с. Мерхеули, в бывшем имении Макаровского, и в с. Багмарани, в бывшем имении Самуриди. На базе имения «Виноградник» организовалась артель «Труд». Обязательные для членов этой артели правила, составленные 15 апреля 1922 года, гласили: «Цель основания артели – правильное, планомерное ведение хозяйства на принципах личного труда, а потому продуктивного»[4]. Так, стремясь выйти из тяжелого нищенского положения, часть батрачества и бедноты, правда еще очень незначительная, по инициативе Советской власти уже в самом начале стала строить свою жизнь на новых, коллективных началах.

Эти первые коллективные хозяйства, как правило, создавались на материально-технической базе бывших помещичьих имений и монастырских земель. Передовые элементы деревенской бедноты и батраки, создавая артели и коммуны, брали в свои руки организацию и ведение хозяйства. Они представляли в Наркомзем на утверждение свои хозяйственно-производственные планы и работали под его руководством.

Сведений об общем количестве коллективных хозяйств в Абхазии в восстановительный период, об их состоянии и деятельности, о производственных достижениях колхозов и т. д. не сохранились. Однако известно, что в этот период коллективные

[1] Там же, л- 53. лл. 2–3.
[2] Там же, ф. 308, д. 1, л. 53.
[3] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 32, л. 3.
[4] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 18, л. 84.

хозяйства не имели достаточной экономической и технической базы, а также необходимого опыта строительства производства на основе хозяйственного расчета и товарно-денежных отношений. Местные же партийные и советские органы, взяв курс на развитие снабженческо-сбытовой кооперации, ослабили внимание к производственным кооперативам. Некоторые земельные органы вовсе прекратили материальное содействие коллективным хозяйствам. В этих условиях значительная часть коммун и артелей, возникшая в первые годы Советской власти, распалась, а другая часть перешла на устав простых форм кооперации. Но в целом колхозное движение не прекращалось. «В Наркомзем поступают на утверждение уставы различных сельскохозяйственных обществ и артелей»[1], – сообщали из Наркомзема в СНК Абхазии 24 июня 1924 года.

Первые данные о численности колхозов в Абхазии относятся к 1926 г. Согласно материалам X Абхазской областной партийной конференции, в 1926 г. в республике было 4 колхоза, а в 1927 г. – 7 колхозов[2]. Из них лучшим являлся колхоз «Красный труженик» с. Парнаути Гульришпского сельсовета, состоявший из 5 членов. Этот колхоз в 1926 г. получил премию «за закладку примерного питомника привитых лоз, имеющего показательный характер»[3]. Успешно работало товарищество по общественной обработке земли им. Миха Цхакая с. Набакеви Гальского уезда. Оно было создано в апреле 1927 г. по инициативе старых коммунистов Дмитрия Тория и Ясона Убилава. Члены товарищества заложили показательную коллективную чайную плантацию[4].

До XV съезда ВКП(б) колхозное строительство по Грузии в целом получило незначительное развитие. В 1924 г. в Грузии имелось 17 колхозов, в 1925 г. – 29, в 1926 г. – 58, в 1927 г. на-

[1] Там же, д. 176, л. 169.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 258.

[3] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 224, л. 15.

[4] См. С. И. Шария. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Абхазии (1921–1932 гг.), с. 88.

кануне XV съезда партии, – 85 колхозов, в которых было объединено 1454 двора, или 0,4% крестьянских хозяйств республики[1]. Эти первые коллективные хозяйства являлись еще слабыми ростками нового, социалистического хозяйства в деревне, По возникновение и развитие их были вызваны теми глубинными процессами, которые определяли дальнейший путь развития советской деревни.

После XV съезда ВКП(б) в Грузинской ССР, как и в стране в целом, колхозное движение вышло на путь быстрого роста. В 1928 г. в Грузии было уже 239 колхозов, в которых было объединено 3 574 двора, т. е. 0,9% крестьянских хозяйств, к 15 мая 1929 года – 839 колхозов, объединявших 12 938 дворов, т. е. 3,1 % крестьянских хозяйств (61 825 членов – 2 8% сельского населения). Увеличивались и размеры колхозов. В мае 1929 г. в среднем на колхоз приходилось 15,4 двора[2]. Эти первые успехи развития колхозного движения говорят о том, что крестьянские массы Грузии начинали все более сознавать преимущества общественного хозяйства.

После XV съезда партии Абхазская партийная организация усилили руководство колхозным строительством. 6 марта 1928 г. совещание при орготделе Абхазского обкома КП(б) Грузии рассмотрело вопрос о колхозах и поручило Наркомзему V Абсельсоюзу и Абсельбанку изучить вопрос коллективизации сельского хозяйства Абхазии, разработать практические указания для местных органов, выделить специальные средства для колхозов, организовать плановое их снабжение сельскохозяйственными машинами[3]. Пленум Абхазского обкома партии, состоявшийся 13–16 марта 1928 года, предложил соответству-

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 224.

[2] «10 лет Светской Грузии...», с. 224; Т. И. Жгенти. Из истории подготовки коллективизации сельского хозяйства Грузии (1926–1929 гг.). «Вестник» Отделения общественных наук Грузинской ССР, № 2, 1963, с. 56; Б. А. Хасин. Развитие социалистического земледелия в Грузии, т. 1, с. 154.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 19/1, л. 18.

ющим руководящим органам «принять меры к осуществлению директив XVсъезда партии отношении колхозного строительства», превратить совхозы на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа, рекомендовал «всемерно поддерживать бедняцко-середняцкие коллективные хозяйства и содействовать их развитию»[1]. Сельскохозяйственной кооперации было указано немедленно обследовать существующие колхозы и товарищества, создавать их по специальным отраслям сельского хозяйства, бороться с лжетовариществами и т. д.[2].

В соответствии с директивами обкома партии Наркомзем и Абсельсоюз в апреле 1928 г. обследовали колхозы. Всего было выявлено 21 колхоз, 10 производственно-сбытовых и 1 машинное товарищество[3]. Из ник некоторые коллективные хозяйства находились еще на стадии организации, не были уставно оформлены или не имели основных и паевых средств и не приступили к общественной обработке земли. Были и лжеколхозы. При обсуждении итогов обследования в мае 1928 г. подлинными колхозами были признаны сельскохозяйственная артель «Культурное хозяйство» (Сухумский уезд) и товарищества по общественной обработке земли «Абхазия» с. Поквеши, «Цители Меурне» с. Джали, «Красный пахарь» с. Илори, «Комсомолец» (Очамчири), «Апсны» с. Мокви (Кодорский уезд), «Мшромели глехи» с. Отобая (Гальский уезд), «Цители свири» с. Яштух, «Красный труженик» с. Парнаути (Сухумский уезд)[4]. В этих 9 колхозах объединялись 59 хозяйств. Лишь в 3-х из них были от 10 до 12 членов, а в остальных – 5-7 членов. Все они были образованы на фондовой земле и имели от 2 до 22 десятин земли.

В материалах обследования содержатся данные о социальном составе четырех товариществ по общественной обработке земли, среди их членов оказалось 6% безземельных крестьян, 25,3%

[1] «Советская Абхазия», № 72, 28 марта 1928 года.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 141.
[3] Там же, оп. 2, д. 238/2, лл. 26–27.
[4] Там же, лл. 26–27, 38.

имели до 1 десятины земли, 26,9% – от 1 до 2 десятин, 26,9% – от 2 до 3 и 14,0% – от 3 до 4-х и больше. Без рабочего скота было 41,8% хозяйств, с 1 головой – 50,7%, с 2 головами – 7,5%. Как правильно отмечено в материалах обследования, членами колхозов являлись бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства.

Интересно и важно выяснить, как возникали эти хозяйства, что возбуждало крестьян объединиться, что и как они обобществляли? Материалы обследования дают возможность в какой-то степени ответить на эти вопросы. В докладной записке Наркомзему по поводу 8 чайных коллективных товариществ Гальского уезда сказано, что они являются «совершенно добровольными объединениями нескольких крестьян, совместно ведущих плантацию чайного куста», что для них «стимулирующим началом явилось наличие свободного участка под плантации, первоочередная выдача семян чая в кредит и денежного кредита»[1]. У этих товариществ была «обобществлена плантация и вложенный в нее труд»[2]. Инициаторами их создания явились сами крестьяне и местный партийно- комсомольский актив.

Значительную роль в зарождении колхозного движения играли сельские комсомольцы. Молодежь села стала создавать комсомольские колхозы. В Кодорском уезде, например, комсомольские колхозы были организованы в селах Мокви, Ноудлен и в Очамчире. Об этом «Советская Абхазия» писала: «Первыми пионерами в развитии колхозов в Кодорском уезде оказались комсомольцы. В уезде организованы три комсомольских колхоза. Уездный комитет партии, Уисполком и уездный земельный отдел оказывают большую помощь организованным комсомольским колхозам. Каждому коллективу дана земля в количестве 8 дес. Коллективы снабжены плугами, сеялками и веялками. Дан также трактор на прокат, отпущена в кредит долгосрочная ссуда в сумме 1200 руб. на 6 лет. Газета писала об энтузиазме членов колхоза, о большом интересе комсомольцев уезда к этим колхо-

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 106, лл. 323–324; ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 238/2, л. 27.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 238/2, л. 25.

зам. «Часто они приходят из далеких деревень и смотрят как их товарищи работают коллективно»[1].

В этот период в абхазской деревне встречались и другие более простые коллективные объединения. Нередко они возникали путем творческого использования крестьянами исторического опыта и демократических традиций прошлого. Например, в Бзыбской Абхазии часто создавались коллективные объединения на почве существующего в прошлом обычая взаимопомощи «киараз». Этот обычай раньше использовался эксплуататорскими классами в своих интересах. Теперь эта испытанная форма объединения, приспосабливалась к новым отношениям на совершенно новой основе. Крестьянин в данном случае не обобществлял своего земельного участка, живого и мертвого инвентаря. Бедняки и маломощные середняки объединяли труд и совместно использовали рабочий скот, пропашной и другой инвентарь. Обычно они объединялись лишь на период выполнения того или иного цикла полевых работ. И хотя эти объединения были сезонными, но они содействовали распространению идей коллективизма. Преимущества коллективного труда побуждали членов коллектива с наступлением очередных полевых работ снова объединяться. Известны случаи, когда подобные коллективы ряд лет продолжали свою трудовую деятельность. Так, коллектив «Ачаг-киараз» с. Отхара (Гудаутский уезд), созданный в 1926 г. по инициативе старого абхазского крестьянина Айба Нико, значительно окреп и успешно работал в последующие годы. Коллектив состоял из 8 членов: Миха, Арзамет и Карцы Кококерия, Нико (председатель), Вахаид, Антон, Вазбар и Нестор Айба. Каждый из них имел свой индивидуальный участок земли, который обрабатывался совместным трудом по очереди. «Сейчас время тохания кукурузы, – писал об этом коллективе фольклорист К. Ковач, – и по селению с утра до вечера громче всех раздается трудовая песня коллективистов. Работа

[1] «Советская Абхазия», № 122, 29 мая 1928 года.

у них протекает гладко, не возникает никаких споров, вопросы разрешаются всегда единогласно. «Ачаг-киараз» пользуется уважением и авторитетом у всей общины. Даже старики с похвалой отзываются о делах «Ачаг-киараза»[1].

В абхазской деревне подобные коллективы создавались десятками. Несмотря на сезонный характер, они сыграли большую роль в подъеме экономики бедняцко-середняцких масс, высвобождении их от кулацкой кабалы и особенно в подрыве индивидуалистической психологии трудящихся крестьян и в выработке у них навыков коллективизма.

Президиум Абхазского обкома КП(б) Грузии 6 сентября 1928 г., обсудив доклад председателя Абсельсоюза П. Бигвава о колхозном строительстве, отметил, что колхозное движение в Абхазии находится в зачаточном состоянии и коллективы возникают на основе крестьянской самодеятельности, без достаточного руководства со стороны Абсельсоюза, Наркомзема и местных партийных и советских организаций. Президиум постановил создать при Абсельсоюз колхозсекцию, сосредоточить руководство колхозами в руках Абсельсоюза, последнему составить конкретный план колхозного строительства[2]. Тогда же при Абсельсоюзе было организовано бюро колхозной секции для руководства колхозами и подготовки созыва съезда колхозов Абхазии[3]. Абсельсоюз создал специальный фонд коллективизации.

Наркомзем Абхазии 10 сентября 1928 г. сообщал в обком партии, что организация и регистрация колхозов осуществляется сельскохозяйственной кооперацией, что при Абсельсоюзе уже создан специальный орган для руководства ими и «дальнейшее развитие колхозного строительства в Абхазии становится в зависимость от успешной в этом направлении работы

[1] «Советская Абхазия», № 185, 11 августа 1928 года.
[2] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 47, л. 5.
[3] «Советская Абхазия», № 265, 17 ноября 1928 года.

Абсельсоюза»[1]. Однако в 1928 г. Абсельсоюз не сумел заметно улучшить руководство колхозами. Колхозсекция фактически обслуживала колхозы одним агрономом – коллективистом, который к тому же очень часто был занят вопросами, не связанными с задачами колхозного строительства.

Большое значение для социалистического строительства в деревне имели решения X Абхазской областной партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1928 г. В соответствии с директивами XV съезда ВК(б) конференция определила практические задачи социалистического переустройства абхазской деревни. Учитывая местные специфические особенности (подворно-участковое землепользование, разбросанность крестьянских хозяйств, особенности быта, традиции и т. д.), основной организационной формой производственного объединения были признаны простейшие формы колхозов. В то же время местным организациям рекомендовалось всячески поддержать и высшие формы коллективного хозяйства крестьян. «Первой стадией колхозного строительства в Абхазии, – говорится в резолюции конференции, – является организация простейших коллективных форм, широкое пропагандировнние внедрения сельскохозяйственных машин и орудий, объединение бедняцко-середняцких хозяйств в машинные товарищества и товарищества по совместной обработке земли со снабжением последних тяговой силой и инвентарем, усиление районных складов сельскохозяйственных машин и прокатных пунктов и организация нескольких передвижных ремонтных мастерских. Наряду с этим надо оказывать всяческую помощь и поддержку и более сложным видам колхозов, усиление темпа развития которых связано с ростом простейших коллективных форм и, главным образом, индустриализацией и электрификацией Абхазии»[2]. Так определила конференция конкретные задачи в области колхозного строительства.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 204.

[2] «Абхазская организация...», с. 181–182.

Колхозное движение заметно усилилось весной 1929 г. В связи с этим 27 апреля 1929 года президиум Абхазского обкома партии постановил на базе колхозсекции Абсельсоюза организовать отдельный республиканский центр коллективных хозяйств – Колхозцентр Абхазии[1]. Через несколько дней состоялся I съезд колхозов Абхазии, который образовал Колхозцентр[2]. Этот орган стал осуществлять организационное руководство колхозами, увязывать их развитие с общей системой сельскохозяйственной кооперации и народным хозяйством в целом.

В результате целенаправленной экономической политики и организационно-массовой работы в деревне возникли новые коллективные хозяйства. Если в феврале 1929 г. в Абхазии имелось 14 колхозов, то к 1 июля их стало 65, количество объединенных крестьянских хозяйств выросло с 106 до 443, а их удельный вес в общей массе крестьянских хозяйств Абхазии увеличился с 0,3 до 1,3%. Эти колхозы еще оставались мелкими, карликовыми. В среднем на один колхоз приходилось 8 членов и 8,9 га посевов[3].

Сохранилась первичная документация отдельных коллективных хозяйств, созданных зимой и весной 1929 г., протоколы организационного собрания крестьян, списки и опись имущества объединявшихся хозяйств, акты обследования колхозов. Эти пожелтевшие от времени документы проникнуты глубоким содержанием. Они показывают, кем и в какой обстановке создавались коллективы, раскрывают, с каким доверием относились передовые крестьяне к призыву партии, которая рекомендовала строить свою жизнь на новых, коллективных началах. В виду полного отсутствия тогда в Абхазии старых колхозов, могущих быть образцами, на первых порах, естественно, по непривычному и неизведанному пути пошли лишь наиболее передовые представители крестьянства.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 123.

[2] «Советская Абхазия», № 101, 9 мая 1929 года.

[3] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 26, л. 1; там же, ф. 17, оп. 2, д. 39, л. 91. 224.

Представляют интерес сведения о пионерах колхозного строительства. В абхазской деревне Члоу (Кодорский уезд) 9 марта 1929 года состоялось организационное собрание 14 крестьян-табаководов, где были обсуждены доклад агроинструктора райтабкоопа об организации колхоза и устав сельскохозяйственной производственной артели. 7 хозяйств – Убирия Герасим, Джопуа Кугу, Ахуба Естат, Джопуа Кескиндж, Логуа Баджга, Хасан-оглы Сулейман и Абухба Мелитон –решили объединиться в коллективное хозяйство по общественной обработке земли. Был установлен паевой взнос в размере 50 руб., вступительный –5 руб., председателем товарищества был избран Б. Логуа[1]. Из описи имущества членов товарищества видно, что все они были малоземельными хозяйствами (имели 1/2 до 2 1/2 га), лишь некоторые из них имели корову и только одно хозяйство – рабочий скот. Эти табаководы не имели хозяйственных построек, не были обеспечены инвентарем. Они обобществили 14 га земли[2]. Участки всех членов коллектива, как отмечено в акте обследования, находились рядом друг с другом и обрабатывались совместным трудом. В с. Члоу было много и других малоземельных бедняцких крестьянских хозяйств. 13 февраля 1929 года 14 таких хозяйств – Кварчия Кучич, Джопуа Виктор, Ашхаруа Коста, Цвижба Никола, Сангулия Малхаз, Шинкуба Кока, Кучберия Елизбар, Джопуа Джигу и др. – организовали коллективное хозяйство по общественной обработке земли «Апхеицо». Председателем правления был избран Кучич Кварчия[3]. Тогда же здесь было создано виноградно-винодельческое товарищество по общественной обработке земли «Красный крестьянин», в которое входили 5 хозяйств – Джигва Папава, Диагоз Джганджгава, Петр Гогохия, Коля Чхеидзе, Тома Микаберидзе. Из описи имущества этих хозяйств видно, что все они были бедняцкими. Лишь 3 хозяйства имели по 1 корове[4].

[1] ЦГАА ф. 17, оп. 2, д. 48, лл. 146, 148.
[2] Там же, лл. 148–149.
[3] Там же, л. 48, л. 69.
[4] Там же, л. 25, 37.

В акте обследования, проведенного 22 марта 1929 года, отмечено отсутствие у членов этого товарищества живого и мертвого инвентаря и хозяйственных построек[1]. Они обобществили свои земельные участки в размере 8 га и весной провели плантаж под чай и виноград.

25 февраля 1929 года в с. Илори (Кодорский уезд) 14 крестьян-табоководов Виктор Джитава, Нестор Лагвилава, Варлам Чкадуа и др. обсудив вопрос о коллективизации и ознакомившись с уставам сельскохозяйственной артели, решили объединиться в артель под названием «Красный крестьянин». Они избрали совет и ревкомиссию. Председателем колхоза был избран И. Нармания. В этом собрании приняли участие председатель и агроинструктор Очамчирского райтабсоюза и инструкторы Абтабсоюза и райземотдела[2]. В акте обследования колхоза отмечено: «В селении Илори имеется много бедняцких и середняцких хозяйств, но пока в коллектив вошли 9 хозяйств: 2 середняцких и 7 бедняцких». Все они были малоземельными, не имели рабочего скота и хозяйственных строений. Члены артели обобществили 6 га земли; им был отведен также участок в 8 га фондовой земли[3].

26 марта 1929 года организационно оформилось товарищество по общественной обработке земли «Киараз» с. Дурипш (Гудаутский уезд)[4]. Оно было создано еще в мае 1928 года[5] но инициативе земотдела и сельскохозяйственного кредитного товарищества. Первоначально товарищество объединяло 17 хозяйств. «Киараз» являлся одним из первых колхозов в Гудаутском уезде. Против него развернули активную борьбу влиятельные в деревне кулаки. Тогда колхоз не получил необходимой помощи со

[1] Там же, л. 24.

[2] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 48, л. 96.

[3] Там же, л. 99.

[4] Там же, л. 3.

[5] По некоторым данным «Киараз» был создан в мае 1927 года. См. Ш. Инал-ипа. Дурипш (Опыт историко-этнографического изучения колхозного быта абхазской деревни). «Труды Абхазского института» XXIX, 1958, с. 87.

стороны партийной ячейки и сельского Совета. Неоднократная просьба колхоза о передаче ему рядом с ним расположенного участка фондовой земли в 20 га земельными органами не была удовлетворена. Все это мешало развитию коллективного хозяйства. Однако его организаторы, крестьяне-бедняки Шайб Сакания, Алексей, Рашид и Цибра Ардзинба, Кук, Камшиш и Джтват Тания, Дата Пкин, Шмат Тванба, Хасан Коф-оглы, Азиз Имам-оглы, преодолевая все трудности, добивались укрепления своего небольшого общественного хозяйства. В 1928 г. коллектив на 12 га обобществленной земли возделывал табак, кукурузу и овощи. В акте обследования «Киараз», проведенного в марте 1929 года, отмечено, что из 17 учредителей коллектива остались 11, другие вышли из него или были исключены. Коллектив имел три плуга, три быка и две пары буйволов. Кроме того, товарищество имело посев пшеницы и ржи «на площади трех га в то время, когда крестьяне села совсем не принимались за озимые посевы». Усадебная площадь всех членов коллектива составляла 16 га, засаженная большей частью виноградом. Коллективу уездным земотделом была отведена площадь в 8 га фондовой земли. В акте сказано, что «...малая площадь обобществленной земли является главной причиной возникновения разговора среди колхозников и ухода некоторых». На организационном собрании членов товарищества, состоящемся 26 марта 1929 года, после доклада агронома Абсельсоюза выступили все члены колхоза, которые выразили твердую уверенность идти по избранному пути. Собрание приняло устав, установило паевой и вступительный взносы, избрало правление и ревизионную комиссию, утвердило производственный план. Колхозники постановили посадить две десятины табаку и одну десятину картофеля, посеять пять десятин кукурузы, построить табачный сарай в двух отделениях и сарай для инвентаря[1]. Так зарождался один из крупнейших сейчас колхозов Абхазии «Дурипш».

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 48, лл. 1–3; ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 8;

Приведенные данные свидетельствуют о том, что весной 1929 г. в колхозном движении Абхазии наметились определенные качественные сдвиги. Если до этого колхозы, как правило, создавались на фондовой земле, то теперь они организовывались и на надельной крестьянской земле путем ее частичного обобществления. Если раньше в коллективы объединялись исключительно батраки и бедняки, то весной 1929 г. в колхозы стали вступать и отдельные середняки. По состоянию на 10 июня, в колхозах Абхазии батраки составляли 20,9%, бедняки – 58,4%, середняки – 20,7%[1].

Зимой и весной 1929 г., как показывают материалы, коллективные хозяйства организовывались при ближайшем участии и под руководством кооперативных организаций[2]. Кооперативы заботились об укреплении материально-технической базы товариществ и артелей. Кооперация обеспечила их кредитами на приобретение рабочего скота, плугов, борон и других сельскохозяйственных орудий, на закладку многолетних насаждений[3]. В результате у крестьян, объединившихся в товарищество по общественной обработке земли, оказывались обобществленными не только земледельческие участки, но и другие средства производства.

Для дальнейшего развертывания колхозного строительства в Абхазии большое значение имел 1 съезд колхозов Абхазии (30 апреля – 1 мая 1929 года). На съезде присутствовало 42 делегата, из них 16 от колхозов, остальные от райтабкоопов, сельскохозяйственных кредитных товариществ и уездных замотделов. Съезд обсудил доклады председателя правления Колхозцентра Грузии В. Цагарели об очередных задачах колхозного строительства и председателя Колхозцентра Абхазии Д. Ахуба о колхозном движеии в Абхазии[4]. На съезде выступили председатель

[1] «Советская Абхазия», № 179, 9 августа 1929 года.
[2] ЦГАА, ф. 60, д. 187, л. 3.
[3] Там же, ф. 17, оп. 2, д. 47, лл. 26–27.
[4] «Советская Абхазия», № 99, 5 мая 1929 года.

Совнаркома Абхазии Н. Лакоба, Нарком земледелия Абхазии М. Лакоба, председатели Абсельсоюза П. Бигвава, Абтабсоюза М. Кокая, Абсельбанка А. Чукбар, представители колхозоз, кооперативных товариществ, уездных земотделов, агрономы и др.[1]. Съезд вскрыл основные трудности и недостатки колхозного строительства в Абхазии: отсутствие старых колхозов, малоземелье, преобладание карликовых колхозов, неземлеустроенность их и т. д. Представитель колхоза «Комсомолец» (Кодорский уезд) Хусейн Хокерба говорил, что колхоз своевременно не получает кредитов и помощи в землеустройстве. Представитель Цебельдинского райтабкоопа указывал на необходимость усиления разъяснительной работы среди масс.

«Надо популяризировать это движение, – отмечал он, – ибо абхазское крестьянство в большинстве не имеет понятия о колхозах»[2]. Агроном Гудаутского уезда Тютин требовал создания крупных колхозов (в 30–40 га). «На «карликовых» колхозах далеко не уйдем и не докажем крестьянству преимущества коллективного хозяйства перед индивидуальным», – говорил он. Местные практические работники поднимали также вопросы организационной работы, усиления помощи колхозам сельскохозяйственными машинами и орудиями и т. д.

Первоочередными задачами колхозного строительства съезд признал землеустройство колхозов, их агрообслуживание и снабжение машинами и орудиями. Большое внимание было уделено вопросам организационного руководства колхозным движением, задачам Наркомзема и кооперативных организаций в колхозном строительстве. И после создания Абколхозцентра колхозы оставались членами сельскохозяйственных кредитных товариществ и кооперативные союзы должны были осуществлять инструктировали и агрообслуживание колхозов, оказывать им материальную поддержку, создавать производственные предприятия. Съезд определил очередные задачи

[1] Там же, № 99, 100, 101.

[2] Там ж е, № 99.

Абколхозцентра в развитии колхозов, в подготовке колхозных кадров, утвердил устав Абколхозцентра, избрал Совет и правление колхозцентра.

Летом 1929 г. Абколхозцентр разработал контрольные цифры колхозного строительства на 1929/30 г. План предусматривал до 1 октября 1930 г. организовать 104 новых колхозов, охватить коллективизацией 2070 (6,9%) крестьянских дворов и обобществить в колхозах до 6,7 всей посевной площади республики. Намечалось создать также 10 тракторных товариществ, 50 сельскохозяйственных производственных объединений (с числом не менее 5 хозяйств в каждом) и 20 семенных товариществ. Эти простейшие виды производственных объединений должны были охватить 3,5% крестьянских хозяйств[1]. В ноябре 1929 г. контрольные цифры Колхозцентра были пересмотрены Абхазским обкомом партии в сторону увеличения процента коллективизированных хозяйств на 1929/30 г. до 10% и колхозной посевной площади до 10 тыс. га[2].

Основные очередные задачи коммунистов Грузии в области социалистической реконструкции сельского хозяйства были определены VI съездом КП(б) Грузии, состоявшимся в июле 1929 г. Съезд обсудил доклад Л. Гогоберидзе о перспективах сельского хозяйства республики и работе в деревне. Эти вопросы получили также широкое освещение в отчете ЦК и в докладе о директивах по пятилетнему плану. Решения съезда конкретизировали и развивали, с учетом практического опыта и местных особенностей, курс на коллективизацию сельского хозяйства.

Большое значение для осуществления задач коллективизации в Абхазии имело постановление ЦК КП(б) Грузии об Абхазской партийной организации от 26 сентября 1929 года[3]. ЦК помог вскрыть недостатки и искривления линии партии в кооперативно-колхозной строительстве. Он указал, что при

[1] «Советская Абхазия», № 145, 29 июня 1929 года.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 246.

[3] «Советская Абхазия», № 22, 3 октября 1929 года.

общей правильной линии областкома и при наличии определенных достижений, парторганизация Абхазии все еще не развернула работы по массовому вовлечению рабочих и бедняцко-середняцких масс в дело борьбы с искривлениями классовой линии. ЦК отметил недооценку колхозного строительства со стороны отдельных звеньев парторганизации и слабое внимание к совхозному строительству. Центральный Комитет поставил перед Абхазской организацией, как основную задачу, перестроить работу всей системы партийных, советских, кооперативных и других общественных организаций в целях подъема и социалистического преобразования сельского хозяйства. Для этого в постановлении предлагалось усилить производственное кооперирование, выделить специальные средства в фонд Коллективизации, усилить роль контрактации в стимулировании колхозного строительства, обратить серьезное внимание на совхозное строительство.

В постановлении ЦК КП(б) Грузии партийные организации Абхазии находили ясные ответы на волновавшие их вопросы, необходимые указания, практические советы и помощь. Сельские партийные и советские органы стали перестраивать свою работу, более внимательно относиться к вопросам кооперативно-колхозного строительства. Ячейки активнее занимались злободневными, связанными с жизнью деревни, вопросами. Это вызвало усиление работы всех сельских организаций.

Для развертывания широкой разъяснительной работы среди крестьян по вопросам колхозного строительства, расширения посевных площадей и повышения урожайности, для организации новых колхозов повсеместно был использован день урожая и коллективизации (14 октября 1929 года). В этот день из Сухуми в деревни было направлено 15 агитколонн. На основе решения президиума обкома партии уездные комитеты также послали в села агитколонны[1]. Члены агитколонн создавали

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 225.

на местах из сельских активистов отряды «легкой кавалерии», выявляли недочеты в работе сельсоветов и кооперативов[1]. Агитколонны в своей работе опирались на партийные и комсомольские ячейки, деревенскую бедноту. По селам были проведены общие открытые партийно-комсомольские сходы. В селе Ткварчели (Кодорский уезд) сход решил организовать три колхоза[2]. В Кодорском уезде в результате работы агитколонн было организовано 9 новых колхозов, а в Ачигварском подрайоне – 4 колхоза[3].

В декабре 1929 г. из Ленинграда в Сухуми прибыла бригада рабочих табачных фабрик, которая немедленно включилась в проведение посевной кампании и в колхозное движение. Рабочая бригада сплотила вокруг себя актив общественных организаций села, создала комсомольские ударные бригады помощи бедноте, организовала социалистическое соревнование между кооперативными товариществами и отдельными селами для решения конкретных хозяйственных задач (заготовка табаков, контрактация, расширение посадочных площадей и др.). Бригадой было проведено 126 общих сельских собраний, 29 партийно-комсомольских, 1.2 собраний бедноты, 7 собраний актива сельских Советов. Рабочие и крестьяне совместно обсуждали и решали практические вопросы, связанные с коллективизацией сельского хозяйства. В этом выразилась бескорыстная социалистическая помощь рабочих ленинградских табачных фабрик абхазским крестьянам табаководам. Обсудив доклад о работе ленинградской рабочей бригады в Абхазии, президиум обкома партии отметил, что она «провела огромную работу как в смысле разъяснительной массовой работы среди крестьянства, так и подготовки общественного мнения вокруг конкретных хозяйственных задач на селе»[4].

---

[1] «Советская Абхазия», № 254, 5 ноября 1929 года.

[2] Там же, № 243, 23 октября 1929 года.

[3] «Советская Абхазия», № 241, 20 октября 1929 года.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 274.

Выполняя решение ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) о помощи социалистической деревне, рабочие строительства Кодорского лесопильного завода в декабре 1929 г. взяли шефство над колхозами сел Варча и Адзюбжа. Была создана специальная рабочая бригада, три лучших производственника выехали на постоянную работу в колхоз[1]. Инициатива кодорских рабочих была поддержана рабочими других предприятий Абхазии. Собрание профсоюзного и комсомольского актива Сухуми, состоявшееся 22 декабря 1929 года, постановило 25 декабря «объявить вторым днем индустриализации и весь заработок этого дня обратить, в фонд посылки рабочих бригад в деревню»; организовать краткосрочные курсы для бригад, посылаемых в деревню, и для рабочих, направляемых на длительную работу в колхозы; вовлечь в поход за коллективизацию сельского хозяйства специалистов-агрономов, землеустроителей, врачей и педагогов и т. д.

Собрание обратилось ко всем членам профессиональных союзов Абхазии включиться во всеабхазский поход рабочих за коллективизацию. «Ни одно предприятие, – говорилось в обращении, – ни один член профсоюза, ни один специалист не должен остаться вне социалистического похода. Трудящиеся, объединяемые профессиональными союзами, должны стать подлинными проводниками идей коллективизации в деревне»[2]. В январе 1930 г. Совпроф Абхазии создал 4 рабочие бригады. В каждую бригаду входили несколько рабочих, агроном, медицинский работник, культработник. Они были направлены на 2–3 месяца в Гагринский, Гудаутский, Кодорский и Гальский уезды. Сухумский уезд обслуживался профессиональными организациями города[3].

В деревню посылались также бригады партийных, комсомольских и кооперативных работников, отличные общественники. Они вместе с деревенскими партийными ячейками и беднотой укрепляли группы бедноты, сельские советы, активи-

[1] «Советская Абхазия», № 289, 18 декабря 1929 года.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 269/2, лл. 47, 48.

[3] «Советская Абхазия», № 8, 10 января 1930 года.

зировали крестьянские массы. Эти бригады помогали крестьянству наладить работу в молодых колхозах, создать новые коллективные объединения. Разнообразной была их деятельность в области культурно-просветительной работы. Благодаря такой помощи росла организованность батрачества и бедноты, укреплялся союз со средним крестьянством, улучшалась политическая и организационная работа на селе.

Нарастание планово-регулирующей роли пролетарского государства, усиление организационно-технической помощи со стороны рабочего класса и перестройка деятельности местных партийных, советских, кооперативных и других массовых общественных организаций во второй половине 1929 г. способствовали росту колхозного движения в абхазской деревне. На 1 декабря 1929 года в республике имелось 129 колхозов. Они объединяли 1223 хозяйства, или 3,4% крестьянских дворов[1]. План колхозцентра на 1929/30 г. уже за первые два месяца был выполнен более чем на половину. Однако коллективные хозяйства еще оставались по-прежнему карликовыми. Наиболее крупными в конце 1929 г. были колхоз «Серп и Молот» (Гагринский уезд), который объединял 20 дворов и имел 10 га табачной плантации и 12 га кукурузы; колхоз «14 Октября» (Сухумский уезд), объединявший 24 двора и 26,5 га земли; «Красный Октябрь» (Кодорский уезд), объединявший 31 двор и 64 га земли; «Мшромели глехи» (Гальский уезд), объединявший 22 двора и 82,5 га земли. Но, наряду с этими, по существу также небольшими, имелись колхозы из 4–5 хозяйств[2]. В среднем один колхоз объединял 9,5 крестьянских хозяйств, 16,8 га пашни и имел 4,4 головы рабочего скота[3].

Очень низкой оставалась техническая оснащенность колхозов. Процент применения сох в колхозах Абхазии составлял

---

[1] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 6.

[2] А. А. Олонецкий. Реконструкция сельского хозяйства Абхазской АССР (1921 –1940 гг.). Архив Абхазского института, ф. 1, д. 127, л л. 116–117.

[3] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 6.

69,7 °/о[1], т. е. значительно больше, чем в других местах Грузии. Это было связано не только с общей отсталостью техники сельскохозяйственного производства, но и с социальным составом колхозов Абхазии. В конце 1929 г. среди членов колхозов батраки составляли 11,5%, бедняки – 61,5%, середняки – 24,7%, служащие – 2,7 %[2]. Но, несмотря на незначительный размер и примитивную технику, молодые колхозы оказались в состоянии продемонстрировать очевидные преимущества общественного хозяйства перед индивидуальными. В 1929 г. урожайность кукурузы в колхозах Абхазии была на 27% выше, чем в индивидуальных хозяйствах[3].

Осенью 1929 г. на собраниях крестьян, посвященных организации колхозов, присутствовали не только организаторы колхозов, как было раньше, но и другие крестьяне. Вопросы колхозного строительства стали выноситься на обсуждение широкой массы крестьянства. Например, в с. Багмарани (Сухумский уезд) 31 октября 1929 г. на собрании присутствовала почти половина крестьян села, из них в колхоз вошли 14 дворов[4]. В с. Ачандара (Гудаутский уезд) на организационном собрании присутствовало 30 крестьян. Обсудив доклад агроинструктора Гудаутского райтабсоюза и устав артели, 10 хозяйств – Авидзба Махти, Джения Джгват, Аджба Миша, Чичба Антон, Хагба Григорий, Абашидзе Константин, Гунба Хаки и др. – организовали товарищество по совместной обработке земли[5]. 25 сентября 1929 года на общем собрании крестьян с. Квитоули (Кодорский уезд) был обсужден доклад агроинструктора Тамышского райтабкоопа о коллективизации сельского хозяйства и тут же 14 крестьян – Касландзия Арсана, Палавандзия Акакий, Лагвилава Мишка,

[1] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3394, л. 140.
[2] А. А. Олонецкий. Реконструкция сельского хозяйства Абхазской АССР (1921 –1940 гг.). Архив Абхазского института, ф. 1, д. 127,
[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3394, л. 140.
[4] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 43, л. 38.
[5] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 43, л. 93.

Бжания Етма, Табагуа Степан, Микава Беглар и др. решили объединиться в коллектив по совместной обработке земли[1]. Это были передовые крестьяне села, которые следуя советам партии, одними из первых пошли по пути строительства общественного хозяйства.

Следует отметить, что неравномерность социально-экономического развития отдельных районов Абхазии и особенности хозяйственного профиля, быта и культуры, сказались на процессе развития колхозного движения. С самого начала это движение шире охватило два южных уезда – Гальский и Кодорский. К 1 июля 1929 года из 65 коллективных объединений 45 было организовано в этих уездах. На них приходилось около 70% коллективизированных хозяйств. На 1 декабря 1929 года в Кодорском уезде в колхозы было вовлечено 5,1% крестьянских дворов, в Гальском – 4,6%, тогда как в Сухумском – 2,2%, Гудаутском – 1,4%, Гагринском – 3,3 %[2]. Такая диспропорция в темпах колхозного строительства между северо-западными и южными уездами сохранилась и в последующие годы коллективизации[3]. Это было связано с неодинаковым социально-экономическим уровнем развития и различным производственным направлением сельского хозяйства этих уездов.

В Гальском, и частично Кодорском уездах, где крестьянство преимущественно занималось возделыванием кукурузы, хозяйство в основном носило полунатуральный характер. Здесь преобладающую массу крестьянства составляли бедняки и маломощные середняки. Накануне и в процессе коллективизации в этих южных уездах стала внедряться чайная культура. При этом государственным кредитом и выделением земельных участков стимулировалась закладка коллективных чайных плантаций.

---

[1] Там же, л. 70.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение 8.

[3] С. И. Шария. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Абхазии (1921–1932 гг.), с. 200.

Это создавало благоприятную материальную базу для объединения в колхозы бедняков и маломощных середняков. Кроме того, создание коллективов вокруг чайных плантаций на первых порах требовало только объединения труда и частично земли. Плантаж земли под плантацию осуществлялся простейшими орудиями без тягловой силы. Все это облегчало объединение бедняков в товарищества по совместной обработке земли. Иным было положение в северо-западных табаководческих уездах Абхазии. Объединение в колхозы крепыш-табаководов, а также хозяйств, занимавшихся садоводством и виноградарством, означало обобществление таких средств производства, как табачные сараи, многолетние насаждения и т. д., которые требовали особенно больших вложений сил и средств. Поэтому их обобществление являлось более болезненным процессом.

В Гагринском, Гудаутском и Сухумском табаководческих уездах имелся сравнительно многочисленный и довольно сильный слой кулачества. Здесь больше сохранились и остатки дворянско-княжеского землевладения. Начало развертывания коллективизации было связано с их ликвидацией и изъятием нетрудовых земель кулаков. А это не могло не вызвать бешеного сопротивления кулацких и полуфеодальных элементов, сохранивших в некоторых местах заметное влияние в деревне и упорно поровшихся против социалистического строительства. Кроме того, в Гагринский, Гудаутский и Сухумский уезды стала прибывать большая масса раскулаченных из соседних районов сплошной коллективизации (Северный Кавказ, Кубань), которые здесь развернули активную антиколхозную агитацию[1]. Это также создавало дополнительные трудности в колхозном строительстве, значительно задерживало развитие колхозного движения. Были и некоторые другие причины, обусловившие различные темпы коллективизации северо-западных и южных уездов[2].

[1] ЦГАА, ф. 157, д. 1, лл. 18-49.

[2] С. И. Шария. К вопросу об особенностях колхозного строительства в Абхазии. «Труды Абхазского института, XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963, с. 85-86 (на грузинском языке).

Весной 1929 г. коллективы создавались лишь в отдельных селах. В Кодорском уезде все 23 коллектива находились на территории 4 (из 19) сельсоветов (в Моквинском – 7, Члоуском – 6, Илорском – 5, Джальском – 2 и в Очамчире – 3[1]. В Гальском уезде все 17 коллективных хозяйств размещались в 9 (из 27) сельсоветах[2]. Положение стало меняться осенью 1929 – весной 1930 года. Как уже отмечалось, практика колхозного строительства в Абхазии, как и в целом в стране, (выдвинула три основные и не- организационно-хозяйственные формы коллективного хозяйства – товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственные артели и коммуны. В 1928–1929 гг. в Абхазии абсолютно преобладали товарищества по совместной обработке земли. В апреле 1928 г. в Абхазии из 21 обследованного колхоза (было 18 (85,7%) товариществ по совместной обработке земли и артелей – 3 (14,3%)[3]. К 1 июля 1929 года из 65 обследованных хозяйств товариществ по совместной обработке земли было 55 (84,3%), VI съезду Советов Абхазии, к 1 декабря 1929 года из 129 колхозов было 95 (72,9%) товариществ по совместной обработке земли, артелей – 33 (26,4%), коммун – 1 (0,7%)[4], тогда как в Грузинской ССР в целом основной формой коллективных хозяйств стала уже сельскохозяйственная артель.

В 1928 г. здесь артели составляли 56,5%, а по данным майского обследования 1929 г. – 70,3%[5]. В Абхазии же, как видно из приведенных данных, в 1928–1929 гг. удельный вес артелей в составе колхозов почти удвоился, однако они и к концу 1929 г. составляли лишь немногим более четверти коллективных хозяйств. Артельная форма организации общественного хозяйства стала господствующей в Абхазии со второй половины 1931 г. В артели

[1] ЦГАА, ф. 12, оп, 1, д. 347, л. 107.

[2] Там же, оп. 2, д. 26, л. 1.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2. д. 238/2, лл. 26, 38.

[4] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 6.

[5] «10 лет Советской Грузии...», с. 225.

обобществлялись все основные средства производства: мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот и т. д. Вместе с тем в личном пользовании колхозникам оставлялись приусадебные земли, простой инвентарь, часть молочного скота, мелкий скот, птица и жилые строения. В артели наиболее гармонически сочетались общественные и личные интересы, наиболее полно и рационально использовались производительные силы, достигалась наибольшая производительность труда.

Товарищества по совместной обработке земли, получившие в рассматриваемое время в абхазской деревне наибольшее распространение, являлись простейшими видами коллективного хозяйства. В них крестьяне обобществляли, как правило, только землю. При вступлении в товарищество крестьянин вносил вступительный и паевой взносы в установленном для данного товарищества размене. В товариществах Абхазии, как это видно из протоколов организационных собраний, обычно устанавливался паевой взнос от 10 до 100 руб., а иногда больше. За бедняков и маломощных середняков взносы вносили кооперативные товарищества из специальных фондов кооперирования бедноты и коллективизации.

Товарищества по совместной обработке земли пользовались всеми правами и льготами колхозов. Они составляли производственные планы и в соответствии с ним получали кредиты на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, возведение хозяйственных построек, закладку многолетних насаждений и т. д. Таким образом, члены товарищества, на основе обобществления земли, в процессе совместной производственной деятельности, с помощью государства и кооперации расширяли общественное производство, создавали средства производства коллектива – коллективный мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, плантации чая и винограда и т. д. Накопление элементов общественной собственности и общественного производства создавало условия для перерас-

тания тозов в более высокие формы коллективного хозяйства. Уже в ходе развертывания массовой коллективизации товариществ постепенно переходили на устав артели. На практике это очень часто происходило путем объединения нескольких товариществ села и одну сельскохозяйственную артель.

Курс на социалистическое преобразование сельского хозяйства и усиление наступления на кулачество вызвал обострение классовых противоречий в абхазской деревне. Кулаки и остатки дворянско-княжеских элементов действовали против всех мероприятий Советской власти. Формы и методы их борьбы с колхозным движением были разными. В начале колхозного строительства они стали распространять различные провокационные слухи против колхозов: «сегодня объединяют земли, а завтра выстроят общую казарму и загонят туда всех», в колхозных казармах будут «общие жены», колхозы являются организациями «лодырей и нищих» и т. д. Злобная антиколхозная агитация кулаков была рассчитана на отсталые массы. Таким путем в ряде мест были спровоцированы выступления женщин против колхозов. В Гальском уезде выступавшие женщины заявляли: «Мы пришли к вам сегодня сказать, что мы не хотим в казармах жить». «Если попробуют нас погнать насильно в казармы, то лучше умереть всем у своего очага»[1].

Кулаки и другие антисоветские силы спекулировали на национальных и сословных предрассудках и религиозных чувствах населения. В греческих селах Александровка, Константиновка, Михайловка (Сухумский уезд) и других, с целью сорвать собрания, посвященные организации колхозов, распространяли слухи о том, что «снимают колокола, срывают церкви, будут печатать детей печатью антихриста[2]. В с. Михайловка кулаки спровоцировали выступление масс, ударив ночью в набат. Это было сделано в тот момент, когда собрание партийной ячейки вместе с активом бедноты и членами профсоюза утверждало решение

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, лл. 184–185.
[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 265/1, лл. 157–158.

комиссии об изъятии земель у нетрудовых элементов. Собрав население, кулаки через подкулачников пустили слух о том, что собрание ячейки решает вопрос о закрытии церкви. Это провокационное выступление кулаков было разоблачено[1].

Используя «родовые связи», псевдородственные отношения и экономическое влияние, кулаки создавали свой «актив» из людей отсталых, зависимых от них в экономическом отношении и из зажиточных слоев деревни; они прибегали к спаиванию, к различным подачкам и подкупам.

Кулаки пытались срывать собрания, посвященные организации колхозов в селах Линдау, Владимировка (Сухумский уезд) и других. В селах Александровка, Эшера (Сухумский уезд) подкулачники во время собрания сделали попытку нападения и избиения организаторов колхозов. В с. Сальме (Гагринский уезд) кулацкие элементы пытались сорвать доклад о коллективизации, затеяв в помещении собрания картежную игру. В с. Александровское кулаки напоили крестьянина, записавшегося в колхоз, и он, «взяв топор начал рубить плодовые деревья»[2]. В Багмарани кулаки захватили колхозную землю, а в с. Дурипш они подожгли колхозный сарай с табаком. В борьбе с кооперативно-колхозным движением кулаки использовали все средства.

Зловещую картину кулацкой деятельности раскрыл происходивший в октябре–ноябре 1929 г. показательный процесс над 44 кулаками и подкулачниками в с. Цебельда. Кулаки здесь совершали убийства наиболее активных представителей Советской власти (коммунистов, батраков), грабили советские организации[3]. Они предприняли попытку разогнать заседание Цебельдинской партийной ячейки, тяжело ранили ее секретаря. По решению суда кулаки-террористы были подвергнуты лишению свободы, а некоторые из них приговорены к расстрелу. Их

[1] Там же, л. 241.

[2] Там же, лл. 157–158.

[3] Там же, л. 6

осуждение было с большим удовлетворением встречено всеми крестьянами. Собрание Сухумской партийной организации и актива комсомола, обсудив вопрос «Политические уроки цебельдинского дела», наметило ряд важнейших мероприятий, направленных против недооценки классовой борьбы в деревне отдельными звеньями абхазской партийной организации[1].

12 декабря 1929 года «Советская Абхазия» опубликовала передовую статью «Классовая борьба в деревне»: «Цебельда, Михайловское, Мцары, сотни отдельных вылазок классового врага, – творилось в статье, – все это свидетельствует об обострении борьбы в деревне... Факты последних дней, когда кулачество в борьбе с завоевывающим деревню социализмом переходит к избиениям, к срыву собраний, посвященных обсуждению важнейших мероприятий партии и власти (Келасури), срыву этих мероприятий (Адзюбжа), подкупу и клевете (Зарандия), перекрашиванию (Баклановка), требуют к себе пристального внимания наших организаций, и в первую очередь, уездных и сельских».

Обострение классовой борьбы в стране находило свое отражение в жизни партии, усиливало внутрипартийную борьбу. Правые и «левые» оппортунисты, выступая против генеральной линии партии на построение социализма, проповедывали антиленинские теории «сверхиндустриализации», «самотека», «стихийности» развития сельского хозяйства, «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства, равновесия социалистического и капиталистического секторов, ненужности колхозов, теорию «классового мира» и «врастания кулака в социализм». С ними смыкались их единомышленники на местах. В Абхазской партийной организации были люди, которые, якобы защищая интересы крестьянства, пытались увести местные организации в сторону от разрешения назревших задач социалистического строительства, сохранить позиции зажиточно-кулацкой верхушки.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 300/3, л. 8.

Преувеличивая значение особенностей деревни Абхазии, они мешали развитию кооперативно-колхозного движения.

Серьезную опасность представлял и другой уклон, игнорировавший особенности социально-экономического строя, бытового уклада и исторического прошлого абхазского народа. Его носители предлагали механически применять в Абхазии формы и методы кооперативно-колхозного строительства русской деревни. Иногда ошибки такого порядка допускались и Абхазским обкомом партии. На это указал И. В. Сталин в октябре 1929 г. в письме председателю СНК Абхазии Н.А. Лакоба секретарю Абхазского обкома партии П. Меладзе.[1] Абхазская партийная организация приложила большие усилия к тому, чтобы преодолеть уклоны как в сторону преувеличения местных особенностей, так и в сторону игнорирования их и обеспечила успешное руководство кооперативно-колхозным движением в республике.

2. Совхозы

Крупные государственные сельскохозяйственные предприятия – совхозы строились с самого начала как крупные культурно-агрономические центры для наибольшего увеличения продуктов путем поднятия производительности труда и расширения посевной площади, для создания условий перехода к социалистическому земледелию. В ленинском декрете «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», утвержденном в феврале 1919 г., указывалось, что «советские хозяйства не должны отгораживаться от местного земледельческого населения и обязаны войти в тесные сношения с ним, оказывать ему всяческую помощь в деле ведения его хозяйства на правильных и лучших началах»[2], должны

[1] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 1, ч. III, д. 2960, л. 5.
[2] Декреты Советской власти», т. IV, М., 1968, с. 379.

иметь показательные участки, опытные поля и станции, прокатные пункты, племенные рассадники, организовывать курсы, школы и выставки, иметь библиотеки и другие культурные учреждения.

После перехода к нэпу под руководством В. И. Ленина были разработаны мероприятия по быстрейшему восстановлению и дальнейшему развитию совхозов на основе использования экономических рычагов, товарно-денежных отношений. Опыт развития совхозов первых лет Советской власти позволил В. И. Ленину охарактеризовать их как предприятия «последовательно-социалистичеюкого типа»[1], подчеркнув их ведущее положение в социалистическом секторе сельского хозяйства.

XV съезд ВКП(б) указал на необходимость «укрепить совхозы, превратив их на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа при одновременном усилении их помощи крестьянскому хозяйству (организация в совхозах прокатных, агрономических пунктов, тракторных колонн и т. п.)»[2].

Первые совхозы в Абхазии были созданы в 1921 г. на базе бывших помещичьих и монастырских имений. Эти хозяйства достались Советской власти сильно запущенными, а некоторые просто разрушенными. К концу восстановительного периода они добились определенных успехов в укреплении своего хозяйства. Однако в их деятельности имелось много трудностей и недостатков. Они еще не стали образцовыми социалистическими хозяйствами в земледелии. Руководителям и рабочим совхозов часто нехватало навыков и умения вести хозяйство в условиях хозрасчета. Некоторые совхозы Абхазии были разбросаны в разных участках. Совхоз «Дранда» имел участки в 3-х местах, совхоз «Псырцха» (Новый Афон) имел отделение в Пицунде (на расстоянии около 70 км), совхоз «Ильич».....» (Гульрипш) – в Диоскурии и т. д. Все они являлись комплексными хозяйствами.

---

[1] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 374.

[2] КПСС в резолюциях...», т. 4, с. 66.

В 1926-1929 гг. продолжалось дальнейшее укрепление совхозов. В апреле 1926 г. было проведено трестирование совхозов. В трест народных имений Абхазии вошли совхозы: «Ильич» с отделением «Диоскурия», «III Интернационал», «Дранда» и «Камины». В трест вошли также 11 так называемых оброчных статей – более мелких в прошлом имений и бывших дач. В первое время они сдавались в аренду. Один из наиболее крупных совхозов «Псырцха» находился в непосредственном подчинении Совнаркома Абхазии.

Общий земельный фонд совхозов Абхазии в 1929 г. составлял 1516 дес. В совхозах многолетние субтропические культуры (мандарины, апельсины, бамбук, маслины) занимали 106 га, однолетние субтропические (эфироносы, арахис) – 63 га, виноградники (низкоствольные)–95 га, чернослив, яблони, груши и фундуковые насаждения– 323 га, овощи и картофель–140га, зерновые – 208 га, кормовые 49 и питомники– 13 га. Стали внедряться некоторые новые культуры, в том числе эфироносы, арахис, бамбук и др. Совхозы явились основными рассадниками субтропических культур в Абхазии.

В Совхозе «III Интернационал» ведущей отраслью являлось молочное и племенное животноводство. Как источник сырья и продовольствия совхозы в этот период играли весьма скромную роль. Они снабжали продовольствием в основном санатории и дома отдыха Абхазии.

X Абхазская областная партийная конференция отметила, что совхозы стали в общем бездефицитными, усилили свою роль проводников передовой сельскохозяйственной техники и культуры в земледелии. Воздействие их на крестьянское хозяйство неуклонно возрастало. Особое внимание уделялось агрикультурной помощи крестьянскому хозяйству. Это нашло свое яркое отражение в плане треста народных имений, утвержденном ЭКОСО ССР Абхазии в марте 1928 года.[1] Директор треста

[1] ЦГАА, ф. 3, оп. 1, д. 135, л. 1.

Николай Патеипа об общем направлении работы советских хозяйств, намеченном этим планом, писал: «В основу перспективного плана треста положены не только лишь задачи сделать хозяйство данного совхоза прибыльным, но главным образом заставить этот совхоз выполнить определенную культурную работу в полной увязке с работой Наркомзема в области оказания крестьянам всесторонней агрономической помощи: снабжать крестьян отборными семенами, насаждениями, материалами, племенным животным, способствовать машинизации крестьянского хозяйства, вообще самым тесным образом деятельность совхоза связать с интересами крестьянского хозяйства»[1].

В условиях доколхозной абхазской деревни совхозы были единственными пропагандистами трактора. Они организовали в Гагринском и Гудаутском уездах и в районе Гульрипши вспашку крестьянских земель тракторами. В мастерских совхозов производился ремонт крестьянского сельскохозяйственного инвентаря. Садовые питомники, заложенные во всех совхозах, снабжали посадочным материалом бедняцко-середняцкие хозяйства. Накануне коллективизации крестьянские хозяйства с питомников совхозов получали десятки тысяч саженцев плодовых, цитрусовых и косточковых растений.

В Гудаутах в 1928 г. был создан питомник виноградных лоз, который весной 1929 г. отпустил крестьянским хозяйствам 160 тыс. виноградных лоз, привитых на филоксероустойчивых подвоях. В некоторых совхозах были организованы случные пункты, племенное птицеводство, семенное огородничество, создавались опытные и показательные участки. Наркомзем Абхазии через совхозы проводил значительную часть своей программы по оказанию агрикультурной помощи деревне.

В начале развертывания колхозного движения СНК Абхазии принимает важные меры по укреплению и дальнейшему развитию советских хозяйств. 1 декабря 1929 г. СНК и ЭКОСО

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/2, л. 134.

ССР Абхазии приняли постановление «превратить совхозы на деле в предприятия последовательно социалистического типа на базе современной науки и техники в целях обеспечения за ними ведущей роли в реконструкции сельского хозяйства»[1]. В постановлении было намечено усилить финансирование совхозов, расширить питомники для удовлетворения спроса колхозов и кооперировании бедняцко-середняцкого крестьянства. Абсельсоюзу было предложено снабжать совхозы семенами, минеральными удобрениями, машинами и тракторами в первую очередь. Предусматривались меры по улучшению организации производства, укреплению кадров постоянных рабочих, повышению производительности труда, благоустройству территории совхозов и т. д.[2]. Перед совхозами была поставлена задача оказывать производственную помощь прежде всего и в большей мере колхозам.

В совхозах постепенно формировались кадры постоянных рабочих, неуклонно улучшалось их материальное положение, повышалась социалистическая сознательность и трудовая и политическая активность. Н. Патеипа в начале 1928 г. сообщал о значительном росте производственной и политической активности рабочих и развитии советских хозяйств, в частности, об усилении роли производственных совещаний. «...Развивая работу последних (производственных совещаний – А. К.), – писал он, – возбуждая их интерес к нормировке труда, устанавливая трудовую дисциплину, способствуя свободному выявлению личной инициативы каждого, возбуждая интерес к результатам их же работы, мы тем самым способствуем образованию крепко спаянного личного состава работников хозяйства, приспособленного к работе, живо интересующегося ее результатами»[3].

Новый аграрный рабочий класс, формировавшийся в советских хозяйствах, явился активным проводником важнейших

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 113-114.

[2] Там же.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/2, л. 134.

задач, поставленных перед совхозами в деле усиления их преобразующего воздействия на крестьянские хозяйства. Рабочие совхозов помогли крестьянству близлежащих деревень перейти на путь коллективного, социалистического хозяйства.

Совхозы постепенно благоустраивались. Почти все они имели свой электрический свет, предприятия бытового обслуживания, клубы и библиотеки. Эти бывшие помещичьи хозяйства, ранее служившие орудием жестокой эксплуатации и духовного закабаления трудящихся, став советскими хозяйствами, постепенно превращаются в культурно-агрономические центры. Они распространяли среди крестьянства передовые приемы ведения сельского хозяйства, проводили культурно-просветительную работу, пропагандировали новый социалистический быт в деревне.

В этом отношении исключительно важную роль играли особенно новые крупные совхозы. После XV съезда партии такие совхозы были организованы в различных районах страны. В Абхазии новых совхозов еще не было, но делегации абхазских крестьян посещали и изучали работу совхозов Северного Кавказа. Так, в 1929 году группа крестьян Абхазии ознакомилась с зерносовхозом «Гигант», созданным в Гальском округе Северо-Кавказского края. Совхоз располагал 140 тыс. гектаров земли и современной техникой. «Гигант» оказал огромное впечатление на делегацию абхазских крестьян, явился для них лучшим пропагандистом перехода к общественным формам хозяйства. Вернувшись домой, крестьяне рассказали своим односельчанам о делах совхоза «Гигант». С 1929/30 года и в Абхазии развернулось строительство новых крупных чайных совхозов.

Оценивая место социалистического уклада в сельском хозяйстве Абхазии 20-х годов, масштабы его развития до перехода к сплошной коллективизации, необходимо учитывать включенность абхазской деревни в социально-экономическую систему всего советского общества. Мы видели выше, какую активную помощь колхозам, совхозам и единоличным хозяйствам бед-

няков и середняков оказывал рабочий класс социалистической промышленности (снабжение промышленными товарами, в особенности техникой, шефская работа и т. д.). Мы отмечали также, что зерносовхоз «Гигант» был примером организации крупного социалистического производства в земледелии и для абхазских крестьян. Социалистический уклад в сельском хозяйстве Абхазии был частью соответствующего уклада, формировавшегося в масштабе всей нашей страны. Это обстоятельство в огромной степени усиливало его мощь, его воздействие на крестьянство Абхазии, как и любой другой части страны. Успехи колхозов и совхозов России и Украины имели значение не только местное, но и общесоюзное. Без учета этого важнейшего обстоятельства нельзя понять и развития абхазской деревни на грани 20-х и 30-х годов.

Глава шестая

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ

1. Сельские партийные организации в период подготовки условий для массовой коллективизации

Для осуществления коллективизации сельского хозяйства надо было подготовить не только объективные и субъективные предпосылки, создаваемые внедрением новой техники, развитием кооперации и т. п., но и необходимые политические условия. Веками угнетавшиеся крестьянские массы нужно было политически раскрепостить, обеспечить рост их общественной сознательности и активности. Надо было высвободить крестьян из-под влияния эксплуататорских элементов, укрепить союз рабочего класса с бедняцко-середняцкими слоями деревни, изолировать кулака.

В подготовке этих условий, как и в проведении самой коллективизации, решающей силой являлись местные партийные организации. Они возглавляли и направляли деятельность Советов и всех общественных организаций трудящихся, развертывали политическую работу среди различных групп крестьянства и направляли в русло социалистического строительства возросшую активность трудящихся масс.

Деревенским партийным ячейкам приходилось вести работу в несравненно более трудных условиях, чем городским. Их деятельность протекала в окружении мелких, единоличных кре-

стьянских хозяйств с мелкотоварным способом производства, который усиливал индивидуализм, разжигал собственнические интересы, порождал капиталистические элементы. К тому же крестьянство в культурном и политическом отношениях составляло наиболее отсталую часть населения.

Крестьянин-коммунист являлся по-преимуществу единоличником и нередко экономические интересы собственного мелкого хозяйства заслоняли перед ним задачи общественные. Сельские коммунисты были менее подготовлены, чем городские, и в своей основной массе имели низшее образование. Условия партийной работы на селе осложнялись также малочисленностью сельских партийных ячеек, чрезмерной разбросанностью их и территориальной оторванностью от руководящих партийных органов. Все эти трудности имелись и в центральных районах страны[1], но в национальных республиках они усугублялись их еще большей экономической и культурной отсталостью. В абхазской деревне были также свои специфические особенности, связанные с историческим развитием народа, с его бытом и традициями, которые также влияли на условия партийно -массовой работы.

В конце восстановительного периода Абхазская организация КП(б) Грузии росла преимущественно за счет крестьян. Только в 1925 г. в ее рядах число коммунистов-крестьян увеличилось более чем в два раза, о чем говорят данные таблицы 25.

Таблица 25

Социальный состав коммунистов Абхазии в 1925–1926 гг.[2]

	Всего коммунистов	Из них		
		рабочих	крестьян	служ. прочих
На 1 января 1925 года	679	197	258	224
На 1 января 1926 года	1 049	256	542	251

[1] В. А. Абрамов. Некоторые вопросы организационно-массовой работы партии среди крестьянства в 1928–1929 гг. «КПСС в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства». Сборник статей, М. 1961, с. 9.

[2] «Коммунистическая партия Грузии в цифрах (1921–1970 гг.). Сборник статистических материалов», Тбилиси, 1971, с. 26, 30.

В начале 1926 г. крестьяне в парторганизации составляли 51,6%, рабочие – 24,4%, служащие и прочие – 24%. Уменьшение удельного веса пролетарского ядра, сравнительно высокий процент служащих и преобладание крестьянской части делали особенно актуальным вопрос дальнейшего регулирования социального состава партийной организации. В июне 1926 г. пленум Абхазского обкома партии обсудил вопрос «О росте и регулировании состава Абхазской организации КП(б) Грузии». В своей резолюции пленум, отметив отсутствие в Абхазии промышленного пролетариата и наличие мелкобуржуазной массы, подчеркнул необходимость регулирования состава организации «в целях обеспечения пролетарского руководства и сохранения единства организации на основах ленинизма»[1]. Пленум отметил усилившуюся тягу крестьян в партию и наметившийся в Абхазской организации рост, главным образом, за счет крестьянского актива, а также слабое вовлечение работниц, крестьянок и нацменьшинств, преобладание и организации кандидатов в члены партии (54%) и другие моменты. Президиум обкома обязывался в дальнейшем держать курс на усиление пролетарского ядра партийной организации, строго регулировать рост ее крестьянской части, принимая передовых комсомольцев, «в первую очередь батраков и бедняков», а также лучших представителей беспартийного крестьянского актива, работающих в различных общественных организациях деревни[2]. Наконец, было предложено провести проверку социальной принадлежности членов партийной организации, в целях установления более правильного социального соотношения в составе партии.

По данным Всесоюзной партийной переписи 1927 г. в Абхазской парторганизации в сельских ячейках состояло 476 коммунистов, из них только 168 членов партии. Почти две трети коммунистов сельских ячеек являлись кандидатами в члены

[1] «Трудовая Абхазия», № 162, 18 июля 1926 года.
[2] Там же.

партии[1]. Это свидетельствовало прежде всего о молодости сельских партийных ячеек: в большинстве своем они лишь начинали работу.

Партийная организация Абхазии являлась многонациональной. По данным на ноябрь 1927 г. абхазы среди членов партии составляли 15%, среди кандидатов в члены партии 37,2%, грузины – соответственно 33,2% и 31,2%, русские – 29,4% и 15,6%, армяне – 6,3% и 8,3, греки – 3,9% и 2,8%, украинцы – 4,9% и 2,1,%, прочие – 7,3% и 2,8%[2]. Вовлечение в партию передовых представителей всех национальностей способствовало расширению влияния партии на широкие массы трудящихся нацменьшинств, воспитанию их в духе братской дружбы.

Мы располагаем конкретным материалом, который характеризует деятельность отдельных сельских партийных ячеек накануне XV съезда партии. Сохранилась документация Володаровской ячейки Сухумского уезда. Она в 1926 г. объединяла 15 коммунистов селений Володаровка, Келасури, Красный Беслети, Алексеевка, Бирих, Гнаденберг. На собраниях этой ячейки заслушивались отчеты секретаря ячейки, председателя сельсовета, общественных организаций, доклады коммунистов, прикрепленных к разным организациям (кооперативу, крестькому, ячейкам ЛКСМ, добровольным обществам и т. д.), доклады заведующих школами и библиотеками, секретарей ячеек ЛКСМ, а также обсуждались вопросы о деятельности кооперации, о сельхозналоге, дорожном строительстве и др[3]. Многие важные вопросы рассматривались на открытых собраниях. Например, 14 февраля 1926 года при обсуждении вопроса «О табачной кооперации» присутствовало 25 членов ЛКСМ и 60 беспартийных крестьян[4]. 11 апреля собрание ячейки в присутствии 9 комсо-

[1] «Коммунистическая партия Грузии в цифрах (1921 –1970 гг.). Сборник статистических материалов», с. 39.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 256.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 148/3, лл. 1-90

[4] Там же, д. 148/4, л. 18.

мольцев и 20 беспартийных крестьян обсудило отчеты председателя сельсовета и заведующих школами. Собрание поручило сельсовету принять энергичные меры против купли-продажи земли. Заведующему Верхне-Бирцхинской греческой школы было поручено «привлечь учителей к культурно-просветительной работе в деревне», организовать коллектив юных пионеров. Заведующему Гнаденбергской немецкой школы было предложено через соответствующие органы «убрать из школьного помещения церковные принадлежности и тем отстранить учеников от влияния религиозного дурмана»[1]. 4 июня 1926 года объединенное собрание партийной ячейки и комсомольской организации обсудило отчет председателя Володаровского сельсовета и наметило важные мероприятия, касающиеся-сельского хозяйства, школьного строительства и культурно-просветительной работы[2]. В июне 1926 г. собрание ячейки по отчету секретаря партийной организации постановило: регулярно проводить политчитку, оживить работу избчитален во всех селах и особое внимание обратить на деятельность районной избы-читальни и народного дома, усилить руководство комсомольскими и пионерской организациями, улучшить работу фракции сельсовета, проводить агитацию на сельских сходах о значении и пользе кооператива, освещать в местной печати работу партийной и комсомольской ячеек, сельсовета, кооператива, крестkома и т. д.[3] 19 сентября 1926 года открытое собрание Володаровской ячейки, обсудив вопрос о дорожном строительстве, постановило «немедленно приступить к ремонту сельских дорог, так как дороги давно не ремонтировались и в очень трудных условиях приходится крестьянам вывозить свои продукты в зимнее время в город на продажу»[4]. Как видели, ячейка интересовалась всеми важнейшими вопросами сельской жизни. В октябре 1926 г. уезд-

[1] Там же, лл, 34–35.
[2] Там же, л. 51.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, ол. 2, д. 148/4, лл. 54–55.
[4] Там же, л. 64.

ное совещание секретарей сельских партийных ячеек[1], а затем президиум Сухумского уездного комитета партии[2], заслушавшие отчет Володаровской сельской ячейки, отметили ряд достижений в ее работе, а также хорошую работу сельсовета, кооператива и других общественных организаций. Положительные результаты этой сельской партийной ячейки в значительной степени были обусловлены тем, что она объединяла немало старых коммунистов, а секретарь ячейки И. Зарандия был энергичным вожаком коммунистов. Он прошел специальную подготовку в Тбилиси на курсах секретарей сельских партячеек[3].

В июле 1926 г. на втором областном совещании секретарей уездных комитетов и сельских партийных ячеек был заслушан отчет секретаря Мугудзырхвинской ячейки (Гудаутский уезд). Она состояла из 3 членов партии и 5 кандидатов. Ячейка в месяц два раза проводила партийные собрания. Коммунисты обсуждали общеполитические и практические вопросы из жизни села, в том числе доклады председателя сельсовета, кресткома, правления кооператива, земкомиссии, школьной комиссии, избы-читальни и т. д. Собрания и политзанятия ячейки посещали беспартийные крестьяне и комсомольцы. Коммунисты ликвидировали свою азбучную неграмотность. Была налажена работа избы-читальни. Решением схода крестьян церковь была превращена в помещение для кооператива. Партийная ячейка и сельский совет работали согласованно. В деревне был открыт врачебный пункт[4].

На совещании положительная оценка была дана деятельности Поквешской сельской ячейки (Кодорский уезд), объединявшей коммунистов трех сельсоветов – Поквешского, Охурейского и Гупского. Ячейка состояла из 7 членов и I кандидата. Собрания и политзанятия в ней проводились по два раза в месяц в при-

[1] Там же, д. 152/7, лл. 6–7.
[2] Там же, д. 148/4, л. 69.
[3] Там же, л. 20.
[4] Там же, д. 152/7, л. 9.

сутствии ответственного прикрепленного уездного комитета. Открытые собрания ячейки посещали в среднем 50-60 беспартийных крестьян. Партийная организация направляла деятельность сельских советов, комсомольской ячейки, кресткома, избы-читалыни, авиахима. В Поквеши успешно работал ликбез. Ячейка проводила работу по борьбе со старыми вредными обычаями, нередко разоряющими крестьян. Коммунисты часто устраивали субботники, помогали сиротам, построили несколько мостов[1]. Наряду с достижениями совещание отметило ряд недостатков этих сельских ячеек, в частности, низкий политический уровень коммунистов, слабое вовлечение в работу сельской интеллигенции, недостаточную работу среди женщин и бедноты.

Конкретное представление о деятельности сельских партийных ячеек дают материалы обследований, проведенных обкомом партии в 1926 г. В Гальском уезде были обследованы Отобаевская, Тагилонская, Саберийская и Речхо-Цхирская ячейки. Отобаевская ячейка состояла из 5 членов и 1 кандидата. Она охватывала территорию Отобаевского сельсовета, на которой проживало 430 крестьянских семей (дворов). Партийная ячейка руководила всеми общественными организациями села и пользовалась авторитетом среди крестьян. Партийные собрания посещали в среднем по 20–30 беспартийных крестьян. Ячейка подготовила для принятия в партию 30 человек, активно участвующих в мероприятиях партии, отличившихся еще в период борьбы за Советскую власть. Сельские учителя выступали с лекциями, ставили спектакли. Крестьяне были довольны работой кооператива и школы, в которой обучалось 408 учеников. Хорошо работала и Тагилонская партийная ячейка[2]. Иначе обстояло дело в Саберийской ячейке. Она объединяла 3 члена и 17 кандидатов в члены партии. Коммунисты этой организации нечетко понимали политику партии в деревне, допускали

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 152/7, лл. 10–11.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 1878, лл. 66–71.

командование и грубое обращение с крестьянами. Серьезные недостатки были обнаружены в деятельности сельского совета, комсомольской организации и кооператива. Слабо работала также Речхо-Цхирская партийная ячейка, состоявшая из 3 членов и 2 кандидатов в члены партии[1].

Удовлетворительно работала Лыхненская партийная ячейка Гудаутского уезда. Она объединяла коммунистов Лыхненското, Дурипшского и Абгархукского сельсоветов в количестве 6 членов и 13 кандидатов в члены партии. В районе деятельности ячейки имелось 1454 хозяйства. Собрания и политзанятия ячейки проходили при участии крестьянского актива и комсомольцев. Ячейка направляла работу всех общественных организаций. Однако в ее деятельности имелись и существенные недочеты. Отсутствовали фракции в сельсовете, кресткоме и других организациях, слабо велась работа среди батраков[2]. Много недостатков имелось в работе кандидатской группы с. Колхида Гагринского уезда. Она объединяла 2 членов и 6 кандидатов в члены партии. Члены кандидатской группы не проявляли необходимую активность на сельских сходах. Они недостаточно привлекали деревенскую интеллигенцию к общественно-политической работе. В целом слабо чувствовалось руководящее влияние группы в сельсовете, в комсомольской ячейке и общественных организациях. В результате многие решения пленума сельского совета не проводились в жизнь. Серьезно нарушались в деревне советские земельные законы, имелись факты искажения классового принципа при налоговом обложении и кредитовании, крестьяне не были довольны сортировщиками табака. Недостатки были выявлены в деятельности кооператива, школы, лечпункта. Однако кандидатская группа мирилась с таким положением. Аналогичные факты имели место и в Калдахварской кандидатской группе[3].

---

[1] Там же, лл. 79–83.

[2] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 1878, лл. 70–78.

[3] Там же, лл. 74–76.

Абхазский обком КП(б) Грузии и уездные комитеты партии в 1926–1927 гг. приняли ряд мер по ликвидации выявленных недостатков и улучшению работы сельских партийных ячеек, усилению их влияния и авторитетов среди крестьянства. Но до XV съезда партии организационно-массовая работа сельских ячеек носила в основном не систематический характер. Ячейки почти не поднимали и не решали вопросы коллективизации.

* * *

Решения XV съезда партии получили единодушное одобрение Абхазской партийной организации. Под знаком претворения в жизнь решений съезда прошли пленумы Абхазского обкома партии, состоявшиеся в марте и июле 1928 г. Они наметили меры по перестройке работы партийных организаций в соответствии с новыми задачами. В ноябре 1928 г. X абхазская областная партийная конференция широко обсудила вопросы социалистического строительства в деревне и в соответствии с директивами съезда и решениями ЦК КП(б) Грузии определила задачи социалистического строительства в абхазской деревне.

Возглавляя борьбу трудящихся за подготовку условий для коллективизации, партийные организации значительную работу проводили по укреплению партийного аппарата новыми, более подготовленными кадрами, окончившими комвузы в Москве и Тбилиси. При Сухумской совпартшколе периодически организовывались курсы секретарей сельских ячеек. Часть из них проходила эти курсы в Тбилиси. По представлению обкома партии ЦК КП(б) Грузии с осени 1929 г. установил платную должность для секретарей 5 крупных сельских ячеек – Цебельдинской, Драндо-Бабушерской, Отобаевской, Ткварчельской и Пиленковской[1].

После XV съезда ВКП(б), давшего директиву партийным организациям систематически улучшать социальный состав пар-

[1] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3402, лл. 3-4.

тии, Абхазская организация еще больше сосредотачивает свое внимание на вопросах роста и регулирования рядов партии. Прием новых членов сочетался со строгой проваркой состава партии и решительной чисткой ее рядов от социально чуждых, примазавшихся, обюрократившихся элементов. Проводя эту работу партийные организации Абхазии руководствовались решениями ЦК КП(б) Грузии[1].

О том, как происходил рост Абхазской партийной организации и изменение ее социального состава накануне коллективизации, свидетельствуют данные таблицы 26.

Таблица 26

Рост численности и состав коммунистов Абхазии в 1928–1929 гг.[2]

	Всего коммунистов	Из них		
		рабочих	крестьян	служащих и прочих
На 1 января 1928 года	1 222	349	661	322
На 1 января 1929 года	1 379	637	532	310
На 1 января 1930 года	1 468	650	628	290

За два года в Абхазской парторганизации численность рабочих увеличилась почти в два раза: на 1 января 1930 года они

[1] См. «Постановление президиума ЦК КП(б) Грузии о регулировании роста и социального состава партии» (от 23 февраля 1928 года); «Резолюция пленума ЦК КП(б) Грузии о росте и регулировании состава парторганизации Грузии» (от 11- 14 июня 1928 года); «Постановление президиума ЦК КП(б) Грузии о выполнении решения ноябрьского пленума ЦК В КП(б) по вопросу о росте партии и вербовки рабочих» (от 21 февраля 192.9 года); «Постановление пленума ЦК и ЦК КП(б) Грузии о генеральной чистке партии» (от 5-8 апреля 1929 года) и др. См. «Коммунистическая партия Грузии в цифрах (1921-1970 гг.)», с. 282-295.

[2] «Коммунистическая партия Грузии в цифрах (1921–1970 гг.). Сборник статистических материалов», с. 42–50.

составили 44,3%, в том числе батраки и сельскохозяйственные рабочие – 2,9%[1]. Рост пролетарского ядра в парторганизации служил важнейшим условием ее единства и монолитности. Удельный вес крестьян-коммунистов несколько сократился и абсолютно, и относительно. В начале 1930 г. в Абхазской парторганизации крестьяне составляли 36%[2]. Эти изменения были результатом не только ограничения приема крестьян в партию, но и очищения рядов организации от социально-чуждых элементов.

Для укрепления сельских партийных ячеек огромное значение имела проверка и чистка всего состава партии, проведанная по решению XVI конференции В КП(б) с мая 1929 г. по май 1930 г. Учитывая большую засоренность низового советского и партийного аппарата деревни, где развелось немало бюрократов, которые срослись с кулачеством и извращали классовую линию партии, XVI партийная конференция указала на необходимость особенно внимательно проверить состав деревенских ячеек[3].

В Абхазии проверочные партийные комиссии, опираясь на беспартийный актив, успешно провели чистку партийных организаций от классово-чуждых и недостойных элементов. В ходе чистки из Абхазской организации было исключено около 18% коммунистов. Чистка в наибольшей степени коснулась деревенских ячеек, где было исключено более 20% всего их состава. В Гальской организации, например, в 1929 г. при чистке из партии было исключено 20,4%. Кроме того, было отстранено от работы и получило партийные взыскания более 20% коммунистов[4].

В результате чистки, как это видно из материалов XII Абхазской областной партийной конференции (апрель 1930 г.), произошло значительное улучшение состава организации. В ее рядах теперь рабочие и батраки составляли 54,1 %. Но отдель-

---

[1] «10 лет Советской Грузии...», с. 7.

[2] Там же.

[3] «КПСС в резолюциях…», т. 4, с. 242.

[4] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. III, д. 3731, л. 25.

ные уездные организации тогда состояли еще в основном из крестьян и служащих. Например, в Гальском уезде, где население составляло более 50 тыс. человек, партийная организация на 1 января 1930 года насчитывала в своих рядах 137 коммунистов (62 члена и 75 кандидатов), в том числе 3 рабочих, 84 бедняка, 3 середняка, 47 служащих[1]. В организации преобладали крестьяне, образовательный и политический уровень многих из них в то время был низок. Тем не менее уездная организация представляла собой авангард трудящихся, успешно решала задачу социалистического строительства.

Численность партийных ячеек в деревне оставалась еще недостаточной. Об этом свидетельствуют данные о количестве ячеек и коммунистов Абхазии на ноябрь 1928 г. (см. таблицу 27).

Из 75 ячеек Абхазской партийной организации 22 находились в г. Сухуми и 53 в уездах. Определенная часть уездных ячеек также была расположена в уездных центрах, в городах. В большинстве сельсоветов отсутствовали партийные ячейки. Нередко сельские ячейки состояли из нескольких членов и кандидатов партии, разбросанных по разным селам. Некоторые из них являлись кандидатскими группами. Таково было положение в сельских партйных организациях, когда они приступили к практическому осуществлению решений XV съезда ВКП(б).

Для Абхазской партийной организации работа в деревне являлась самым важным и сложным участком. Поэтому в соответствии с решением XV съезда при Абхазском обкоме партии был создан отдел по работе в деревне. Отдел помогал сельским партийным ячейкам в усилении организационно-массовой и политической работы среди крестьянства.

[1] Там же.

Таблица 27

Размещение партийных ячеек Абхазской организации КП(б) Грузии (ноябрь, 1928 г.)[1]

	Число ячеек	Количество коммунистов из них
г. Сухуми	22	600
Сухумский уезд	9	134
г. Гагра и Гагринский уезд	8	127
г. Гудаута и Гудаутский уезд	10	157
г. Очамчире и Кодорский уезд	14	162
пос. Гали и Гальский уезд	12	165
Всего	75	1 345

Укрепляя сельские партийные ячейки, обком партии не устанно улучшал методы руководства. Работники обкома и уездных комитетов на определенный период командировались в сельские ячейки. Они проводили инструктаж, распространяли опыт лучших партийных ячеек. Обком и укомы проводили совместные обследования сельских партийных ячеек. Например, Гальский уездный комитет совместно с представителями обкома за январь–июнь 1928 г. обследовал 6 сельских ячеек и оказали им помощь в перестройке работы в свете решений XV съезда партии[2]. Уездные партийные комитеты имели в каждой ячейке ответственного прикрепленного, который отвечал за состояние и организацию всей партийно-политической работы в деревне. На заседаниях президиумов уездных комитетов и на уездных и областных совещаниях секретарей заслушивались отчеты секретарей сельских ячеек.

В целях улучшения партийно-массовой работы среди крестьянства Абхазский обком партии во второй половине 1928 г. провел проверку работы сельских ячеек. В ходе обследования

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 257.
[2] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 235, л. 111.

были изучены экономические процессы в деревне, политическое состояние деревни и настроение крестьянских масс, личный состав партячеек, массовая работа ячеек среди крестьянства и батрачества, участие ячеек в работе сельсоветов, культпросветучреждений, кооперации, кресткома, в колхозном строительстве. В результате проверки было обнаружено, что отдельные ячейки не сумели в достаточной степени перестроить свою работу. Например, Мерхеульская ячейка Сухумского уезда являлась одной из крупных. Она объединяла 18 членов и 7 кандидатов в члены партии, проживающих в селах Мерхеул, Герзеул, Багмаран, Новочерниговка.

Все члены ячейки являлись крестьянами. Из них 15 человек вступили в партию до установления Советской власти. В районе деятельности ячейки имелись потребительская кооперация, кредитная кооперация, крестком, батрацком, амбулатория, 13 школ, изба-читальня, 4 комсомольских ячейки и другие организации. Все они были созданы по инициативе коммунистов и крестьянского актива.

В материалах проверки сказано, что «крестьяне обращаются в сельсовет и в комячейку за каждым малым вопросом, выражая полное доверие к последним и считая их своим верным защитником»[1]. Однако Мерхеульская ячейка недостаточно проводила массовую работу среди бедноты и батрачества, слабо занималась вопросами колхозного строительства. В районе деятельности ячейки имели место факты купли-продажи земли и закабаления крестьян-арендаторов многоземельными дворянами[2]. На основе результатов обследования были выработаны предложения по улучшению состояния партийной и советской работы в деревне. Эти предложения коммунисты обсудили на местах с привлечением крестьянского актива.

Направляя внимание местных партийных организаций на усиление конкретного руководства сельскими ячейками, ЦК

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25/2, л. 185.
[2] Там же, лл. 180–186.

ВКП(б) оказывал им действенную практическую помощь. В марте 1928 г. ответственный инструктор Центрального Комитета обследовал партийные и советские организации Кодорского уезда. Результаты обследования были обсуждены президиумом Кодорского уездного комитета партии, который признал необходимым принять более энергичные меры по усилению работы среди бедноты и женщин, изучению расслоения деревни, землеустройству, коллективизации сельского хозяйства и по этим вопросам выработать практические мероприятия[1].

В борьбе абхазской партийной организации на проведение в жизнь решений XV съезда партии большое значение имело постановление ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1928 года «О работе Компартии Грузии»[2]. При подготовке этого постановления ЦК ВКП(б) обследовал и Абхазскую организацию с привлечением рядовых коммунистов. С их помощью удалось полно вскрыть недостатки во всех областях деятельности партийных, советских и хозяйственных организаций. В постановлении ЦК нашли отражение все эти недостатки, были указаны пути их ликвидации, дан конкретный план организации крестьянских масс и вовлечения их в социалистическое переустройство деревни.

В этот период Центральный Комитет КП(б) Грузии усилил руководство и помощь Абхазской партийной организации. ЦК неоднократно рассматривал вопросы, касавшиеся Абхазской организации. 15 марта 1929 года Президиум ЦК КП(б) Грузии по докладу РКИ ЗСФСР и РКИ Грузинской ССР принял постановление о работе хозяйственных и кооперативных организаций Абхазии[3]. 26 сентября 1929 года ЦК КП(б) Грузии обсудил доклад комиссии Центрального Комитета об итогах проверки выполнения Абхазской парторганизацией решения ЦК ВК(б) от 3 сентября 1928 года и принял постановление «Об Абхазской

[1] Там же, оп. 2, д. 214/2, л. 77.

[2] «Заря Востока», № 211, 12 сентября 1928 года.

[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, м. II, д. 3158 л. 196, 199, 201.

парторганизации ЦК» указал на недооценку колхозного строительства со стороны отдельных звеньев парторганизаций, отметил факты искривления классовой линии в области налоговой политики и в кредитовании крестьянства, недостатки в организации батрачества и др. Перед Абхазской организацией была поставлена задача перестроить работу партийных, советских, кооперативных и других общественных организаций в целях подъема и социалистического преобразования сельского хозяйства. Предлагалось усилить производственное кооперирование, выделить специальные средства в фонд коллективизации, усилить роль контрактации в стимулировании колхозного строительства, немедленно исправить недочеты в области сельскохозяйственного налога и кредитования, улучшить работу по организации бедноты и батрачества. С целью ликвидации остатков помещичье-дворянского землевладения предлагалось отобрать земли у всего нетрудового населения, а также усилить борьбу с куплей-продажей земли и т. д.[1]

Это постановление было обсуждено на собраниях уездных партийных активов и партийных ячеек. Оно определило главные задачи партийных организаций Абхазии, содействовало перестройке их работы.

Центральный Комитет практиковал выезд членов ЦК в местные партийные организации. На областных конференциях, пленумах обкома, на уездных партийных собраниях с докладами по важнейшим решениям партии и практическим задачам Абхазской организации выступали секретари ЦК КП(б) Грузии М. Кахиани, Л. Гогоберидзе, Г. Курулашвили, А. Назаретян, председатель СНК Грузии Л. Картвелишвили и другие. Президиум ЦК 14 октября 1929 года постановил послать в Абхазию одного члена президиума на месяц[2]. 21 декабря 1929 года президиум ЦК КП(б) Грузии, обсудив сообщение Л. Гогоберидзе об Абхазии, предложил обкому развернуть работу по осуществлению меро-

[1] «Советская Абхазия», № 226, 3 октября 1929 года.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3160, л. 143.

приятий для наступления на капиталистические и дворянско-кваяжеские элементы и по коллективизации[1], а также постановил послать на временную работу в Абхазию двух членов ЦК.

Учитывая малочисленность партийных ячеек, партийные организации нередко практиковали выездные открытые собрания в соседних селениях, расположенных в районе деятельности парторганизации. В отчете Гальского уездного комитета X уездной партийной конференции, состоявшейся в октябре 1928 г., об этом говорилось следующее: «Мы практикуем еще метод летучих собраний ячеек, т. е. переносим собрания ячейки из одного села в другое, устраивая собрания ячейки в селах, где нет ячеек, причем на открытое собрание ячейки привлекаем крестьян данного селения»[2]. Выездные открытые партсобрания содействовали расширению влияния партии среди крестьянства, повышению доверия крестьян к партии. Беспартийные крестьяне, присутствуя на партийных собраниях, не только наблюдали как работают деревенские коммунисты, как они решают важные для крестьян вопросы, но и сами все более активно участвовали в их обсуждениях и помогали ячейкам в выработке наиболее продуманных и конкретных партийных решений.

Партийные организации постоянно занимались вопросами развития сети партийного просвещения на селе, поднятия идейно-теоретического уровня коммунистов и беспартийного крестьянского актива. К XV съезду партии уже имелась сложившаяся система партийного просвещения. В 1926/27 г. в Абхазии работали Сухумская совпартшкола при обкоме партии, организованная еще в 1921 г., 5 школ – передвижек, 14 политшкол сокращенного типа, 3 политшколы нормального типа и кружок марксизма. Всего за год прошли обучение в этих школах 582 коммуниста, в том числе в школах партдвижках – 123 человека.

В июне 1927 года президиум Абхазского обкома партии обсудил и утвердил план работы партийного просвещения на

[1] Там же, л. 312.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 235, л. 124.

1927/28 г. Был установлен принцип добровольности посещения школ, но для политически малограмотных коммунистов посещение школ было обязательным. Для сельских коммунистов обком партии организовал 8 школ-передвижек, выделил для руководства ими специально оплачиваемых пропагандистов. В Гудаутский уезд был направлен член партии Акакий Агрба, обучавшийся в Академии коммунистического воспитания в Москве, в Гальский уезд – кандидат в члены партии Ольга Квеквескири, студентка 3 курса КУТВ, в Кодорский уезд – комсомолец Тамел Чанидзе, окончивший Сухумский педтехникум и кандидат в члены партии Виктор Бжания, окончивший курсы партработников Заккрайкома, в Сухумский уезд – кандидат в члены партии Владимир Нарсия, окончивший КУТВ[1],

Школы-передвижки учитывали уровень подготовки и национальный состав слушателей. Эта форма политического просвещения сельских коммунистов оправдала себя. О работе школы-передвижки в Гудаутском уезде секретарь укома в мае 1928 г. писал: «Занятия школы передвижки проводились методом бесед. На первом занятии прорабатывалась тема, предусмотренная программой, а на втором занятии эта же беседа повторялась путем вопросов и ответов. Таким образом руководитель передвижки, проработав несколько бесед в одной школе, давал слушателям передышку и переезжал в другую ячейку и т. д.»[2]. С октября 1927 г. по май 1928 г. школа завершила работу в селах Мугудзирхва, Звандришп, Джирхва, Дурипш, Лыхны и Абгархук. О руководителе этой передвижки А. Агрба обком партии писал следующее: «Он сумел заинтересовать партийцев и крестьян занятиями в школе-передвижке. В деревне пользуется авторитетом»[3].

Деятельность других школ-передвижек также была оценена положительно. При обсуждении итогов сети партийного про-

[1] « ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 239/3, л. 9.

[2] Там же, д. 239 /3, л. 2.

[3] Там же, л. 9.

свещения за 1927/28 г. президиум обкома партии в своем постановлении отметил: «...Организованные впервые в плановом порядке в системе деревенского политпросвещения политшколы-передвижки оказались вполне жизненными в наших условиях. Они дали хорошие результаты»[1]. Всего школы-передвижки выпустили свыше 600 человек-коммунистов, комсомольцев и беспартийных крестьян (около 15%)[2].

В деревне работали также кружки политшколы. Основными недостатками партийного просвещения в селах, как отмечено обкомом партии, являлись высокий процент неграмотности слушателей, слабая методическая подготовка руководителей политшкол, отсутствие литературы на абхазском языке. Президиум обкома постановил немедленно приступить к изданию учебников политграмоты на абхазском языке[3].

Определенная часть сельских коммунистов и комсомольцев проходила подготовку в Сухумской совпартшколе. Ежегодно она готовила 30–35 политпросветработников для деревни. В школу принимались по разверстке обкома «только лица, действительно связанные с деревней, имеющие опыт работы среди крестьян и пользующиеся достаточной популярностью»[4]. В 1928 г. в совпаршколе обучалось 35 курсантов, из них 9 коммунистов и 26 комсомольцев. Среди слушателей было 32 крестьян, 2 батрака и 1 рабочий. Регулировался и национальный состав школы. В ней обучалось 14 абхазов, 14 грузин, 4 армянина, 2 грека и 1 эстонец, т. е. представители всех основных национальностей деревни Абхазии[5]. Совпартшкола была преобразована в двухгодичную.

Важнейшее значение для идейно-теоретического вооружения коммунистов, воспитания их в духе марксистско-ленинской

---

[1] « ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 1, д. 20, лл. 155–156.

[2] «Там же, д. 19, л. 130.

[3] Там же, д. 20. лл. 155–156.

[4] Там же.

[5] Там же, д. 19, л. 129.

теории, в духе непримиримости к отступлениям от генеральной линии партии имели мероприятия Абхазского обкома партии по распространению в Абхазии произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина через передвижную партийную библиотеку, библиотеки культпросветучреждений и путем индивидуальной подписки. Было положено начало созданию политической литературы на абхазском языке, распространялась она и на других национальных языках. С каждым годом все более росло число подписчиков на партийную и периодическую печать, издававшуюся в Москве и Тбилиси. Возрастал тираж газет «Советская Абхазия» и «Апсны капш», повысилась их роль в политическом воспитании масс.

Большое внимание уделялось пропаганде важнейших решений партии среди трудящихся. Учитывая огромное значение решений XV съезда ВКП(б), Абхазский обком 7 января 1928 года дал директиву всем партийным организациям «приступить к самой тщательной и углубленной проработке решений XV партсъезда»[1]. В соответствии с указаниями обкома, итоги съезда были обсуждены на партийных собраниях, а затем началась пропаганда решений съезда среди широких трудящихся масс. Доклады «Об итогах работы XV съезда ВКП(б)» обсуждались на собраниях комсомольских ячеек и профсоюзных организаций, на делегатских собраниях, на районных собраниях крестьян[2]. Партийными и комсомольскими ячейками были созданы кружки текущей политики по изучению решений XV съезда партии. В селах школы-передвижки переключились на изучение материалов съезда[3].

Партийные организации широко развернули пропаганду решений XVI конференции ВКП(б). В начале июня 1929 г. итоги конференции обсуждались в уездных центрах, на общегородских собраниях коммунистов с привлечением секретарей сельских ячеек. Затем партийные ячейки обсудили доклады «О

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/3, лл. 172–173.

[2] Партархив Груз, филиала НМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, л 2789, л. 23.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 130; там же, об. 2, д. 239/3, л. 1.

пятилетнем плане развития народного хозяйства», и «О внутрипартийном положении и задачах борьбы с бюрократизмом». Для проведения этих мероприятий Абхазский обком командировал в уезды ряд ответработников[1]. Материалы XVI конференции изучались в кружках текущей политики. Они пропагандировались среди широких масс трудящихся.

Улучшение работы в сети партийного просвещения и пропаганда важнейших решений партии способствовали росту идейно-теоретического уровня коммунистов, повышению их политической активности и авангардной роли в социалистическом строительстве. Это привело к дальнейшему оживлению внутрипартийной жизни.

В 1928–1929 гг. Коммунистическая партия идейно и организационно разгромила правых оппортунистов. Абхазская партийная организация под руководством и с помощью ЦК КП(б) Грузии в эти годы провела значительную работу по преодолению проявлений оппортунистических уклонов и примиренчества с ними, встречавшихся в практической деятельности отдельных звеньев партийного и советского аппарата. Это содействовало укреплению сельских ячеек, повышению их боеспособности.

Накануне перехода к массовой коллективизации заметно изменилось содержание работы сельских партийных ячеек. Они стали уделять большое внимание практическим вопросам социалистического строительства, вопросам коллективизации. Гальская сельская партийная ячейка организовала группы бедноты при сельсовете, потребительском и сельскохозяйственном товариществах, вовлекла основную массу бедноты в кооперацию, организовала 3 колхоза, улучшила руководство сельским Советом и культурно-просветительной работой[2]. Окумская ячейка (Гальский уезд) на заседаниях бюро и на партийных собраниях обсуждала отчеты сельсовета, кооперативных и общественных

[1] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 141.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. III, д. 3731, л. 19.

организаций, культурно-просветительных учреждений. Она создала два колхоза, организовала группы бедноты при сельсовете и кресткоме, занималась вопросами подъема сельского хозяйства, благоустройства деревни и др.[1]. Перестроила свою работу Ачигварская ячейка Гальского уезда. В центре ее деятельности стояли вопросы социалистического строительства в деревне[2].

В этом же направлении перестраивалась и работа других партячеек в абхазской деревне. Конечно, недостатки в деятельности сельских ячеек не могли быть устранены в короткий срок. Допускались порой и ошибки. Но в целом к началу коллективизации сельские организации значительно окрепли. В их работе все большее место стали занимать вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства[3].

Таким образом, в 1928–1929 гг. в Абхазской организации Компартии Грузии была проведена значительная работа по перестройке партийных рядов применительно к задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства, особенно по перестройке, укреплению и оживлению работы сельских партийных ячеек. Решительно преодолевались проявления правого оппортунизма в практической деятельности. В борьбе за генеральную линию партии выросли и закалились кадры. Вооруженные решениями XV съезда и XVI партийной конференции, решениями съездов Компартии Грузии, партийные организации Абхазии под руководством обкома партии выступали подлинными организаторами народных масс в строительстве социализма.

2. Массовые организации трудящихся крестьян

Подготовка условий для массовой коллективизации сельского хозяйства была неразрывно связана с усилением политической и производственной активности бедняцко-середняцких

[1] Там же, лл. 5–8, 19.
[2] Там же, лл. 13–18.
[3] Там же, лл. 9–10, 20.

масс и более широким вовлечением их в управление государством. Социализм указывал В. И. Ленин, – «есть создание самих народных масс»[1]. Учитывая это, партия всемерно расширяла и укрепляла свои связи с массами.

В период подготовки условий для коллективизации сельского хозяйства важнейшими массовыми организациями, с помощью которых партия связывалась с крестьянством и перевоспитывала его в духе социализма, являлись Советы с их многочисленными разветвлениями на местах, профсоюзные организации, коммунистический союз молодежи, кооперация всех видов, делегатские собрания крестьянок, группы деревенской бедноты и др. С их помощью партия, несмотря на малочисленность партийных ячеек в деревне, проникала в глубь крестьянских масс, развертывала политическую работу в деревне.

* * *

Советы – представительные органы социалистического государства. Они сочетают в себе черты государственной и общественной организации. «Нет ни одной ни государственной, ни общественной организации, которая могла бы конкурировать с Советами в области охвата масс, – говорил М. И. Калинин в 1925 году. Ни профсоюзы – одна из самых могучих, самых сильных по количеству, пожалуй, организаций, – ни кооперация в деревне, ни целый ряд всевозможных обществ, как комитеты взаимопомощи, комсомол и др., ни одно из этих обществ, ценных сами по себе, не охватывает в целом всего населения»[2].

Советы как органы диктатуры пролетариата на селе, как наиболее всеобъемлющие и демократические организации трудящихся, были главными проводниками политики Коммунистической партии, непосредственными исполнителями всех государственных мероприятий на местах. Вместе с тем

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

[2] М. И. Кал и н и н. Вопросы советского строительства. Статьи и речи (1919–1946). М., 1958, с. 201.

Советы служили лучшей школой общественно-политического воспитания трудящихся в духе социализма. Именно в Советах, – указывал В. И. Ленин, – начинают массы трудящихся «действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства...»[1].

Руководствуясь этими положениями, Коммунистическая партия исключительно большое внимание уделяла укреплению сельских Советов, расширению их деятельности, углублению связи Советов с трудящимся крестьянством.

К началу реконструктивного периода значительно были расширены права сельских Советов. Поднялась роль их как руководителей и организаторов хозяйственного и культурного развития деревни. Советам было вменено в обязанность руководство всем делом просвещения, здравоохранения и землеустройства в селе. К компетенции сельсоветов относилось рассмотрение земельных споров между гражданами, регистрация актов гражданского состояния, выдача необходимых гражданам удостоверений и т. д. Было установлено обязательное создание секций или комиссий при Советах, что давало им возможность сплачивать вокруг себя актив деревни. В 1925 г. с целью приблизить Советы к крестьянству было проведено разукрупнение сельсоветов.

Вторая конституция ССР Абхазии (1927 г.) законодательно закрепила введение в республике трех государственных языков – абхазского, грузинского и русского. В Гудаутском и Кодорском уездных исполкомах было установлено делопроизводство на абхазском языке, в Гальском – на грузинском, Гагринском и Сухумском – на русском языке. Делопроизводство на абхазском языке было введено в 36 сельсоветах, на грузинском – в 33, на армянском – в 6, на греческом – в 7, на русском – в 8 сельсоветах[2]. Это имело важное общественно-политическое значение, способствовало приближению низового советского аппарата к крестьянству, большему вовлечению их в советское строительство.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 187–188.

[2] ЦГАА, ф. 2, он. 1, д. 543, л. 301.

В деле оздоровления советского аппарата и массового вовлечения в работу Советов бедняцко-середняцкого актива значительную роль играли избирательные кампании по выборам в Советы. В 1925 г. выборы были проведены на основе практических предложений, принятых пленумом Абхазского обкома в феврале 1926 г. по докладу секретаря ЦИК Абхазии П. Гегелия[1]. По селам были проведены крестьянские сходы, «где разъяснялись задачи и порядок перевыборов, хозяйственная политика, пути оживления работы сельсоветов»[2]. Крестьяне активно выступали на собраниях. В Гагринском уезде деятельность одного сельсовета была признана неудовлетворительной за то, что «председательсовета проводил решения единолично», без согласования с членами Совета[3]. Крестьяне на предвыборных собраниях требовали открытия кооперативов, принятия решительных мер против купли-продажи земли, проведения межселенного землеустройства, принятия мер по охране лесов в нагорных селах и запрещения рубки молодого каштанового леса, отсрочки платежей по ссудам кредитных товариществ, запрещения многолюдных свадеб, похорон и поминок, разоряющих крестьян, перевода на государственный бюджет сельских школ, открытых по инициативе крестьян. Крестьяне указывали также на недостатки в работе кооперативов и кредитных учреждений, на плохое состояние проселочных дорог и т. д.[4].

В результате перевыборов состав Советов улучшился. В сельские Советы было избрано 2.132 человека, из них 249 (11,2%) женщин. Коммунисты в сельсоветах составляли 12,9%, комсомольцы – 7,6%[5]. Пленум обкома партии в июне 1926 г., обсудив доклад председателя ЦИК Абхазии С. Чанба «Об итогах перевыборов в Советы», отметил положительные результаты вы-

[1] ПААО КБ Грузии, ф. 1 , ол. 2, д. 180/1, лл. 14–15.
[2] Там же, л. 148/3, л. 89.
[3] Там же, л. 90.
[4] Там же, лл. 89–91.
[5] Там же, л. 91.

боров и вместе с тем указал на ряд существенных недостатков, основными из которых являлись попытки отступления от избирательной инструкции как в части лишения, так и предоставления избирательных прав; слабое руководство перевыборами со стороны некоторых ячеек, а местами самоустранение их от этой работы, в результате чего наблюдалась неорганизованность бедняцко-середняцкой части крестьянства, колебания отдельных групп середняков и усиление влияния кулаков на них неорганизованность бедняцких групп и батрачества; частичное проникновение в Советы кулаков; несоблюдение в отдельных местах представительства нацменьшинств и т. п.[1]. Пленум обкома наметил мероприятия, направленные на оживление работы сельсоветов и поднятие их авторитета. Была дана директива вовлечь в работу Советов через секции и комиссии при сельсоветах бедняцко-середняцкий актив, батраков, коммунистов, сельскую интеллигенцию, представителей нацменьшинств. Учитывая отсутствие подготовленных работников в сельсоветах пленум постановил немедленно организовать краткосрочные курсы для председателей и секретарей сельсоветов.

Во время перевыборов 1926 г. в значительной степени выявилось политическое лицо кулака в абхазской деревне. Тогда, здесь как об этом писал секретарь Абхазского обкома партии Г. Стуруа в статье «К предстоящим перевыборам в Советы», были даже некоторые ответственные работники, которые уверяли: «У нас нет кулачества, какое у нас кулачество? Наши крестьяне одинаково богаты и одинаково бедны»[2]. Пленум обкома, обобщая итоги выборов, констатировал наличие в деревне значительного экономического и политического влияния кулаков и обязал местные партийные организации разоблачать выступления их на крестьянских сходах и собраниях, «разъяснять крестьянам смысл их требований и добиваться изолирования кулаков и тем самым высвобождения из-под их влияния бедняцкой части населения»[3].

[1] «Абхазская организация...», с. 111.

[2] «Трудовая Абхазия», № 26, 3 февраля 1926 года.

[3] Там же, № 162, 18 июля 1926 года.

Для развертывания организационно-массовой работы сельские Советы создавали секции и комиссии: сельскохозяйственную, культурно-просветительную, по благоустройству, налоговую, примирительную, дорожную, по распределению ссуд кредитных товариществ[1]. Уже в 1926 г. все сельсоветы имели большинство этих секций и комиссий. Советы тогда занимались в основном вопросами хозяйственного строительства. На заседаниях президиума и на пленумах сельских Советов обсуждались вопросы земельный, лесной, самообложения, строительства и ремонта проселочных дорог и школьных зданий, работы кооператива, кресткома и др.[2]. В ряде мест активно работали секции сельсовета. Например, в с. Чхортоли Гальского уезда дорожная секция руководила строительством и ремонтом проселочных дорог и мостов. Она организовывала участие крестьян в осуществлении этих общественных работ арбами, рабочим скотом и физическим трудом. Школьная секция вовлекала детей в школу, обеспечивала силами крестьян ремонт школьного здания, оборудование ее инвентарем и снабжение дровами[3].

Председатель Гальского уездного исполкома Ясон Хабурзания в октябре 1926 г. на сессии ЦИК Абхазии, характеризуя работу секций сельских советов, говорил: «Секционная работа в смысле втягивания широкой крестьянской массы в советское строительство вначале была слабой, но вне всякого сомнения, увеличивается жизненность и работоспособность секций, впервые образовавшихся у нас в 1924 г. В текущем году работа секции стала более активной, чем раньше, благодаря чему во многих обществах отремонтированы школы, крестьяне вкладывают большие суммы в школьное строительство (Бедия, Баргеби, Ачвгвара и др.), строят помещения под врачебно-лекарские

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 166/1, лл. 1–258.

[2] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 1878, лл. 66–71.

[3] Архив Абхазского института, ф. 1, л. 237, лл. 13–14.

пункты (Саберио, Набакеви и др.). Удовлетворительно проведен ремонт дорог общественного значения»[1].

Большую работу проводила примирительная комиссия, особенно в абхазских селах. Под руководством Совета работала сельская милиция, которая энергично боролась против не изжитого тогда еще воровства скота и бандитизма, оберегала деревню от преступных элементов. Крестьянин с. Окуми Павле Жвания, в те годы являвшийся сельским милиционером, вспоминает следующее: «Большая работа была проведена нами по борьбе с кражей скота. Нам приходилось работать днем и ночью. В результате работы сельской милиции воровство скота постепенно было ликвидировано... Мы почти всегда находили вора и украденный скот (лошадь, корова, буйвол и др.) возвращали хозяину»[2].

Практическая деятельность Советов оказывала большое влияние на сознание трудящихся крестьян. Они на опыте убеждались в необходимости их укрепления. Председатель ЦИК Абхазии Самсон Чанба к пятой годовщине установления Советской власти в Абхазии писал: «Между крестьянином первых дней Советской Абхазии и нынешним крестьянином колоссальная разница. Он целой головой вырос. Об этом говорят предъявляемые им запросы и его сознательное отношение к своим, уже сроднившимся с ним, Советам, без которых он уже себя не мыслит. Безразличие в прошлом сменилось большой активностью. Крестьянство учло огромное значение Советов и принимает все меры к улучшению их состава»[3].

С переходом страны в реконструктивный период задачи вовлечения в советское самоуправление широких крестьянских масс стали еще более актуальными и потребовали развертывания активной работы по исправлению фактов нарушения совет-

[1] «3-я сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (Стенографический отчет)», Сухум, 1926, с. 30–31.

[2] Архив Абхазского института, ф. 1, д. 237, л. 13.

[3] «Заря Востока», № 1117, 4 марта 1926 года.

ской демократии, по повышению авторитета сельских Советов как органов власти, по перестройке их работы в соответствии с задачами социалистического строительства.

В целях дальнейшего оживления работы Советов, укрепления их связи с широкими массами крестьянства, партийные организации Абхазии организовали широкую избирательную кампанию по выборам в Советы 1927 г. VIII Абхазская областная партийная конференция обсудила доклад председателя ЦИК Абхазии С. Чанба «О перевыборах Советов». В начале января 1927 г. обком партии обратился к партийным организациям с директивным письмом, в котором подчеркивалось политическое значение перевыборов, определялись основные задачи выборной кампании[1]. Везде были проведены собрания деревенских партийных ячеек, посвященные перевыборам в Советы, в которых приняло участие 73,2% коммунистов[2]. Во многих селах практиковались выездные партийно-комсомольские собрания. Впервые были проведены собрания бедноты, преимущественно в селах, где имелись партийные ячейки. В некоторых местах эти собрания созывались и по избирательным участкам. На собраниях бедноты участвовало 633 батрака, 4527 бедняка и 2034 середняка[3]. Беднота на своих собраниях знакомилась с инструкцией по перевыборам, обсуждала списки кандидатов в Советы. Во многих местах, как указывает Сухумский уездный комитет партии, собрания бедноты прошли оживленно и бедняки спрашивали «почему партия раньше не занималась работой среди бедноты?»[4]. Но не везде было так. В организации бедноты встречались и серьезные трудности. Например, в селах Гульрипш и Владимировка (Сухумский уезд), партийные ячейки после первого собрания бедноты отказались проводить их, мотивируя это тем, что такую «работу начинать еще рано, потому что бедняк

[1] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 2322, лл. 1–5.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 23/2, л. 29.
[3] Там же, лл. 29–30.
[4] Там же, оп. 2, д. 196/1, л. 24.

находится под влиянием кулаков», что организация бедноты обострит отношения с кулаком и «бедняк не будет материально поддерживаться кулаком». В некоторых местах предлагали проводить собрания бедноты секретно, без участия середняков. В с. Эстонка кулакам удалось отрицательно настроить избирателей к батрачеству. Некоторые избиратели, подпавшие под кулацкую агитацию, считали, что «батрак не должен быть в Совете. Если его выбрать в Совет, то он не будет интенсивно работать, все будет ходить на заседания, да на собрания»[1]. Аналогичные рассуждения имели место и в с. Анухва Гудаутского уезда. Здесь крестьяне спрашивали: «Если выбирать в Советы батрака и он будет ходить на заседания вместо работы, то на какие средства он будет существовать?»[2].

В отдельных греческих селах Сухумского уезда, особенно там, где не было партийных ячеек, отрицательно относились к избранию женщины в Совет, придерживались взгляда, что «дело женщины быть с детьми и смотреть за хозяйством».[3] В некоторых селах (Владимировка, Цебельда, Бешкардаш) кулаки стали спаивать крестьян, чтобы использовать их для проведения своей линии[4]. Аналогичные явления имели место и в других уездах.

В наиболее крупных селах, наряду с отчетами сельских Советов, крестьяне обсуждали и отчеты уездных исполкомов. Бедняцко-середняцкая часть крестьянства на выборах 1927 г. проявила больше активности, чем в предыдущие годы. Из 78 729 избирателей на выборы явилось 38 322 человека, т. е. 48,9% всех избирателей[5]. Участие в выборах почти половины всех избирателей абхазской деревни свидетельствовало о значительном успехе партии в борьбе за вовлечение крестьянских масс в

[1] ПААО КП Грузии. ф. 1, оп. 2, д. 196/1, лл. 24–25.

[2] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3092, лл. 210–211.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 196/1, л. 23.

[4] Там же, л. 25.

[5] Там же, оп. 1, д. 23/2, л. 30.

советское строительство. По активности крестьян-избирателей перевыборы 1927 г. превзошли все предыдущие избирательные кампании.

В результате выборов значительно улучшился социальный состав Советов[1]. Но вместе с тем в ряде мест в них проникли и кулаки. Часть кулаков была избрана под видом середняков и зажиточных крестьян. Такие явления больше встречались там, где отсутствовали партийные ячейки и слабо была организована беднота[2].

Важным положительным моментом выборов 1927 г. являлось расширение состава сельских Советов. В связи с увеличением нормы представительства в сельсоветы было избрало 3198 человек, т. е. на одну треть больше, чем в предыдущем году; в уездные исполкомы – 87 крестьян, или 39,8% всего состава уисполкомов[3]. Лучшие представители крестьянства избирались в ЦИК Абхазии. Крестьяне, входившие в Советы, составляли ядро крестьянского актива в деревне. Они вместе с членами различных секций и комиссий Советов в ходе практической работы накапливали опыт руководства хозяйственным и культурным строительством в деревне, становились активными участниками социалистического строительства.

Проведение принципов советской демократии повысило активность бедняцко-середняцкой части крестьянства, поднимало лучших его представителей до понимания общегосударственных интересов. В этом отношении показательна речь убеленного сединой абхазского крестьянина Джсипа Матуа на сессии ЦИК СССР в апреле 1925 г., который вдохновенно говорил о больших перспективах экономики и культуры Абхазии – об освоении природных богатств, строительстве железной дороги, школьных зданий, больниц, о развитии сельского хозяйства, подготовке специалистов. «Теперь мы начали все это строить...

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 45.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 196/1, лл 26-27.
[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 45.

Без помощи, без поддержки братских республик мы ничего сделать не можем. Если же помощь нам будет оказана, она не пропадет даром, ибо Абхазия богата. Эти богатства имеют общесоюзное значение, и то, что будет затрачено на Абхазию, возвратится сторицею»[1]. Так звучала абхазская речь крестьянина в парламенте СССР. Она не была ограничена рамками интересов абхазской деревни, а была проникнута глубоким пониманием общих интересов страны. На съездах Советов и сессиях ЦИК Абхазии депутаты-крестьяне активно участвовали в обсуждении вопросов социалистического строительства.

В первые годы Советской власти в абхазских селах по сохранившейся традиции большое место занимали сельские сходы. На сходах обсуждались все важнейшие вопросы деревенской жизни. Они оказывали значительное влияние на хозяйственную и политическую жизнь села, подчас противопоставляли себя Совету, довлели над ним. Это было вызвано тем, что на сходах тогда решающую роль играли влиятельные крестьяне-старики. Пользуясь в деревне особым уважением, как люди богатого жизненного опыта и хранители народной мудрости, они своим авторитетом воздействовали на решения сельского схода. Учитывая это, руководящие партийные и советские органы республики принимают меры по вовлечению их в советскую работу. Такие влиятельные крестьяне, как Хабидж Ашуба (с. Джгерда), Джсип Матуа (с. Абгархук), Петро Нармания (с. Агу-Бедия), Дамей Малия (с. Аацы), Кечи Пагава (с. Беслахуба) и десятки других выбирались в сельские советы, в уездные исполкомы, в ЦИК республики и таким путем включались в активную советскую работу. Участвуя в работе уездных и всеабхазских съездов Советов и сессий ЦИК, в обсуждении отчетов правительства и докладов наркоматов, в разработке и принятии государственных законов и других важнейших решений, они ясно видели заботу советского государства о трудовом крестьянстве, о подъеме его благосостояния и культуры. Вовлеченные в государственное управ-

[1] «Заря Востока», № 153, 17 апреля 1926 года.

ление, крестьяне глубже осваивали политику Советской власти, сами становились проводниками ее среди своих односельчан.

Вовлечение влиятельных крестьян в работу Советов привело к укреплению сельских Советов, повышению их авторитета среди крестьянских масс. Одновременно с этим в ходе социалистическото строителсьтва падало влияние схода в жизни деревни. Об этом процессе орготдел ЦИК Абхазии в сентябре 1928 г. писал: «Советы Абхазии не легко завоевали авторитет в глазах крестьянства... Сход продолжительное время доминировал над сельсоветом. Советы все еще слабо работали, боялись проявить самостоятельность, одним глазом, а подчас и двумя поглядывали на сход. Они не имели своего лица, не был ими завоеван авторитет. Сход большей частью решал все вопросы. Сход съедал сельсовет, особенно в абхазских районах.

В последние годы Советы взяли решительный поворот в сторону самостоятельности, вышли из-под влияния сходов, окрепли, поднялась в них работа, и они начинают понемногу становиться центром всей жизни села»[1].

В первые годы реконструктивного периода мероприятия по развитию советской демократии, вовлечению бедняко-середняцкото актива в работу Советов значительно оживили деятельность последних, усилили их роль в социалистическом строительстве. Они, как правило, стали практиковать обсуждение докладов учреждений и организаций, расположенных на их территории. Перед Советами отчитывались школы, лечебные учреждения, кооперативы, кресткомы и др. Наибольшее внимание Советов привлекали вопросы сельского хозяйства, самообложения и культурно-просветительной работы. Имелись некоторые сдвиги и в массовой работе Советов. Расширилось количество и состав секций, оживилась их работа. Этому способствовал конкурс на лучшую секцию Советов, проведенный в Абхазии в феврале 1928 г. Он помог выявить недостатки в работе секции. Сельскохозяйственные секции все еще мало за-

[1] ПААО КП Грузии. ф. I. оп. 1, д. 27, л. 206.

нимались вопросами коллективизации, поднятия сельского хозяйства. Лучшие секции были премированы[1]. В начале 1928 г. впервые депутаты сельских Советов повсеместно отчитались перед избирателями. До этого они отчитывались только во время отчетно-выборной кампании[2]. Указав и на ряд других достижений сельских Советов, орготдел ЦИК ССР Абхазии отмечал: «Сельсовет в большей степени стал организатором нашей деревни. Растет коллективность в работе сельских Советов. Во всей работе заметно определенное оживление. Вокруг сельсоветов объединяются широкие массы бедняцко-середняцкого актива. Улучшается работа комиссий при сельсоветах»[3].

Курс на коллективизацию сельского хозяйства и усиление наступления на кулачество, провозглашенный XV съездом Коммунистической партии, ставил перед Советами новые задачи. Они должны были организовать крестьянские массы снизу, вовлечь их в социалистическое преобразование сельского хозяйства, развертывать наступление против кулаков. Решение этих задач требовало дальнейшего укрепления и оживления Советов как центров политического воспитания широких масс трудящегося крестьянства, усиления внимания на образование и расширение беспартийного бедняцко-середняцкого актива, возможно большего вовлечения в этот актив батрачества и маломощного крестьянства.

В свете задач, поставленных XV съездом партии, Абхазский обком партии на своих пленумах в марте и в июле 1928 г. широко обсудил вопросы работы в деревне, в частности, вскрыл главные недостатки в деятельности Советов[4]. Июльский пленум отметил засоренность советского аппарата чуждыми диктатуре

---

[1] Р. М. Швецова. Организационно-массовая работа сельских Советов Абхазии в период подготовки коллективизации сельского хозяйства. «Труды Сухумского госпединститута им. А. М. Горького», т. XX, 1969, с. 101.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, лл. 206–212.

[3] Там же, л. 207.

[4] «Абхазская организация...», с. 154–155, 167–170.

пролетариата элементами, сращение его на некоторых участках с явно кулацкими элементами, нарушения советской земельной политики в деревне, ошибки при проведении сельхозналога, выражавшиеся в недоучете всех облагаемых доходов кулаков, недостаточное вовлечение батрачества и женщин в сельское управление и другие[1]. Преодоление этих и других недостатков и ошибок в работе сельских Советов являлось важнейшим условием успешного осуществления в абхазской деревне задач социалистического строительства, намеченных XV съездом партии. Учитывая это, пленумы обкома партии и X областная конференция Абхазской организации КП(б) Грузии разработали ряд мероприятий по перестройке работы сельских Советов.

Условия работы сельсоветов во многих отношениях еще оставались трудными. Они не были обеспечены подготовленными кадрами, не имели достаточных материальных средств, отсутствовал местный бюджет. Поэтому были приняты некоторые специальные меры, направленные на улучшение условий работы Советов, усиление их воздействия на хозяйственную и политическую жизнь деревни. С 1928/29 гг. 15 (16,5%) сельсоветов было переведено на самостоятельный местный бюджет. Тогда же была увеличена зарплата председателей и секретарей сельских Советов на 30–35 %[2]. С конца 1927 г. руководство местными Советами переходит от органов Наркомвнудела к ЦИК Абхазии. Для усиления организационно-инструкторской помощи Советам при ЦИК Абхазии и уездных исполкомах создаются орготделы. ЦИК утвердил положение о сельских Советах. Уездные исполкомы стали периодически созывать инструктивные совещания председателей и секретарей сельских Советов, практиковать проведение выездных расширенных заседаний президиума и пленума исполкома[3].

Необходимым условием дальнейшего оживления и пере-

[1] Там же, с. 167–168.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, лл. 207–209.

[3] Там же, оп. 2, д. 235, л. 11.

стройки работы Советов являлось очищение их от кулаков и подкулачников, укрепление их лучшими представителями деревенской бедноты и батрачества. Летом 1928 г. во время отчетно-проверочной кампании из многих сельсоветов были отозваны депутаты, которые не оправдали доверие избирателей. Только по сельсоветам Гагринского уезда было отозвано 45 депутатов. Объединенное собрание бедняков, партийной и комсомольской ячеек Датского сельсовета (Сухумский уезд) в июне 1928 г.; заслушав отчет о работе сельсовета постановило отозвать председателя за плохую работу[1]. Отзыв депутатов, контроль за их работой со стороны крестьянских масс укрепляли Советы, свидетельствовали о их подлинно народном характере.

Пленум Абхазского обкома партии в марте 1928 г. постановил в предстоящей предвыборной кампании, учитывая опыт прошлых выборов в сельсоветы, «еще решительнее взять курс на вовлечение в их состав батраков, бедняков и середняков и на полную изоляцию кулачества»[2]. С осени 1928 г. развернулась перевыборная кампания. В ходе ее классовая борьба в деревне усилилась. 24 декабря 1928 года Гудаутский уездный комитет партии, обсудив вопрос «О перевыборах в Советы», отметил тенденцию кулаков и зажиточных слоев деревни «проводить политическое влияние на бедноту и середнячество», указал, как они всячески стараются использовать ошибки и промахи сельских Советов, стремятся изобразить себя сторонниками и защитниками интересов бедняков и середняков[3]. В ряде мест кулакам удалось перетянуть на свою сторону неустойчивые слои среднего крестьянства[4].

Они прибегали и к подкупам представителей бедноты. В с. Михайловка (Сухумский уезд) кулаки за деньги наняли бедняка, «который ночью с фонарем собирал подписи на заявление,

---

[1] Р.М. Швецова. Организационно-массовая работа сельских Советов Абхазии в период подготовки коллективизации сельского хозяйства, с. 101–102.

[2] «Абхазская организация...», с. 155.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 219.

[4] Там же, д. 24, л. 70.

где была просьба не лишать голоса их». Таким же путем им удалось в Полтаво-Ольгинском районе (Сухумский уезд) собрать «58 подписей на заявление о восстановлении кулакам голоса»[1]. Кулаки делали попытки подкупить отдельных неустойчивых коммунистов и комсомольцев (с. Гульрипш)[2]. Они шли на всякие махинации для того, чтобы получить право голоса, войти в состав Совета и оказать воздействие на ее работу.

Важным Вопросом перевыборной кампании являлось проведение отчетных собраний. Отчеты сельских Советов в 1929 г. прошли более активно, чем в предыдущие годы. Заметно повысилась активность крестьянства и в абхазских селах. Например, в с. Лыхны по отчету сельсовета крестьяне задали 109 вопросов, касавшихся различных сторон жизни села. Крестьяне интересовались строительством школы, здания сельсовета, пионерского клуба, работой различных секций и комиссий сельского Совета, кресткома, ликбеза, добровольных обществ, детского сада, участием женщин в работе сельского Совета, распределением кредитов и сельскохозяйственных орудий. Ряд вопросов касался бедноты, в частности, спрашивали: «Как используются бедняцкие ссуды?», «Были ли случаи распределения бедняцкой ссуды середнякам?», «Какую помощь сельсовет оказывал бедняцким (хозяйствам?», «Сколько раз созывались собрания бедноты и какие вопросы обсуждались?» и др. Были заданы вопросы о том, какие меры приняты в отношении прекращения многолюдных свадеб и поминок и со всех ли взыскан штраф, как ведется борьба с куплей-продажей земли и с преступностью, своевременно выплачиваются ли страховые за падеж скота, каков доход лыхнинского показательного поля и др.

Крестьян волновали и вопросы кооперативного строительства в деревне, интересовались тем, что сельсовет сделал по кооперированию населения и по организации коллективных хозяйств, кто может состоять членом колхоза и другими во-

[1] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3093, л. 24.
[2] Там же, л.33.

просами[1]. При повышенной активности крестьянства прошли отчетные собрания и в других абхазских селах Гудаутского уезда. В с. Ачандара было задано 48 вопросов, в с. Абгархук – 37, в с. Звандринш – 33, Мугудзирхва – 21, Дурипш – 18, Лидзава – 20, Блабурхва – 19 вопросов[2]. Повсеместно крестьяне в своих выступлениях по отчетам Советов выдвигали наиболее животрепещущие вопросы, смело выявляли недочеты в работе, вносили практические предложения.

Серьезным вопросом перевыборной кампании являлось выдвижение кандидатов в депутаты. Абхазский обком партии в обращении к партийным и комсомольским ячейкам указывал обратить исключительное внимание на социальный, национальный и партийный состав кандидатов, на вовлечение в Советы женщин и молодежи. «Социальный состав будущих сельсоветов, – говорилось в обращении, – должен обеспечить дальнейшее укрепление союза батрачества и бедноты с середнячеством. Национальный состав Советов должен отразить национальный состав населения, объединяемого данным Советом; причем, проявить особое внимание нацменьшинствам»[3]. Списки кандидатов в депутаты, в соответствии указаниям обкома, после обсуждения на партийных собраниях, обсуждались по избирательным участкам на поселковых собраниях бедноты совместно с активом середняков. Эти списки на избирательные собрания выносились от имени партийной и комсомольской ячейки, бедняцкого собрания и актива середняков.

Избирательные комиссии при составлении описка лишенцев в значительной степени учли ошибки прошлых выборов. Президиум обкома партии 24 января 1929 года при утверждении этого списка указал, что в ряде районов кулачество полностью не выявлено, а местами лишены избирательного права зажиточные середняки. Обком предложил тщательно пересмо-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25, лл. 156–157.
[2] Там же, лл. 158-168.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/1, л. 27

треть списки лишенцев в 10 сельсоветах Гудаутского уезда, в 4 сельсоветах Сухумского и в 4 сельсоветах Кодорского уездов; к 1 февраля во всех селах вывесить списки лишенных избирательного права[1].

В условиях чрезмерной территориальной разбросанности населения важным моментом являлось оповещение избирателей. Абхазский обком партии учел ошибки прошлых лет, когда повестка на избирательные собрания пачками передавались отдельным гражданам для передачи соседям, в результате чего они не всегда доходили до избирателя. Теперь было установлено проводить строго индивидуальное оповещение избирателей. Местам предоставлялось право при ненастной погоде в случаях отсутствия закрытых помещений откладывать день выборов[2]. Самая трудная задача заключалась в привлечении всех избирательниц к выборам. Поэтому обком партии в своем обращении перед коммунистами и комсомольцами поставил задачу обеспечить явку на собрания в первую очередь своих жен, сестер, соседок и других близких избирательниц и таким путем добиться максимального вовлечения женщин в выборы[3].

Обком партии особое внимание обратил на порядок составления и принятия наказов депутатам в сельский Совет. Наказы, составлявшиеся по шаблону, как показал опыт прошлых выборов, не отражали насущных нужд избирательного участка, не оказывали существенного влияния на деятельность сельсовета, а порой оставались просто мертвыми документами. На выборах 1929 г. обком партии поставил задачу в каждом избирательном участке выработать свой наказ, который должен служить основой работы депута в Совете, способствовать поднятию активности и самодеятельности всех членов сельского Совета. Наряду с общепринципиальными установками (экономическая и культурная помощь бедноте, поднятие урожайности, коллективиза-

[1] Там же, оп. 1, д. 24, лл. 70–71.
[2] Там же, оп. 1, д. 24, л. 71.
[3] Там же, оп. 2, д. 204/1, л. 28.

ция, укрепление бедняцко-середняцкого блока против кулака, борьба с извращениями классовой линии в кредитовании и т, д.), в наказ включались все ценные, выполнимые в течение 1,5 -2 лет, предложения крестьян о нуждах данного поселка. После обсуждения и принятия на избирательных собраниях наказ вручался депутату на родном языке. Депутат был обязан периодически отчитываться перед избирателями о выполнении полученного наказа[1].

В ходе выборной кампании, в январе 1929 г., президиум Абхазского обкома партии обсудил доклад С. Чанба о деятельности Центральной избирательной комиссии. В своем постановлении президиум отметил расширение массовой работы среди бедноты, батрачества и отчасти среди крестьянок и повышение активности всех слоев крестьянства. Обком наметил конкретные мероприятия по усилению партийного руководства выборами.

В январе 1929 г. в Абхазию прибыла делегация Нагорного Карабаха (Азербайджанская ССР) для ознакомления с ходом отчетно-перевыборной кампании и постановкой работы сельских Советов с целью обмена опытом. Члены делегации присутствовали на некоторых отчетных и бедняцких собраниях и отметили как положительный факт подъем активности широких крестьянских масс, развертывание культурного и хозяйственного строительства в деревне. Председатель делегации секретарь ЦИК Нагорного Карабаха Сарумов о своих впечатлениях писал следующее: «Мы заметили, что в Абхазии за последнее время в политической жизни деревни произошел большой политический сдвиг. Проделана большая работа по благоустройству деревни, проведены дороги, построены новые школы и т. п. Эти достижения очевидны»[2].

В результате большой подготовительной работы выборы в Советы дали положительные результаты. Абхазский обком КП(б) Грузии в постановлении от 26 июля 1929 года «Об итогах

1 ПААО КП Грузии, ф . 1, оп. 2, д. 204/1, л. 29.
2 «Советская Абхазия», №24, 31 января 1929 гда.

перевыборов Советов» отмечал, что перевыборная кампания 1928–1929 гг. прошла в условиях обостренной классовой борьбы и при значительно возросшей политической активности трудящихся масс города, батрачества, бедноты и середняцкой части деревни. О росте политической активности крестьянства свидетельствовало прежде всего участие избирателей на отчетных собраниях сельских Советов, которое по сравнению с 1927 г. увеличилось с 44,7% до 59,0% и на выборных собраниях – с 48,9% до 61,7%. Особенно заметно возросла активность женщин. На отчетных собраниях участвовало 34,2% избирательниц (против 11,0% в 1927 г.) и на выборных – 40,0% (против 25,7% в 1927 т.)[1].

В сельские Советы был избран 3471 депутат – на 1339 больше, чем в 1926 г. и на 273 больше, чем в 1927 г. Существенные сдвиги произошли в составе избранных. В Советах удельный вес батраков увеличился с 2,0% в 1927 г. до 5,4% в 1929 г., бедноты – с 45,6% до 55,5%. В то же время удельный вес служащих сократился с 9,3% до 6,7%. В новом составе сельских Советов впервые избранных было 51,3%, т. е. они более чем наполовину обновились[2]. Национальный состав Советов больше стал соответствовать национальному составу населения. В 1929 г. в сельских Советах абхазы составляли 31,1%, грузины – 37,1, армяне – 14,8, греки – 10,4, русские – 4,7 % и т. д. Подавляющее большинство крестьян и сельской интеллигенции, избранных в Советы, принадлежало к беспартийному активу деревни, желавшему работать вместе с партией и под ее руководством.

Социальный состав Советов в результате выборов 1929 г. стал более соответствовать новым задачам социалистического строительства и активного наступления на кулачество. Увеличилась и партийно-комсомольская прослойка в сельских Советах. Коммунисты в них составляли 12,5%, комсомольцы –

1 ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 175.

2 ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 45; «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 11.

16,6%, вместо 9,9% в 1927 г.[1]. Учитывая малочисленность коммунистов в деревне того времени, участие их в сельских Советах не могло быть более значительным. В ходе выборов в ряде мест были выявлены окулачившиеся коммунисты и комсомольцы.

Несколько увеличился удельный вес женщин в сельских Советах. Он поднялся с 11,6% в 1927 г. до 16,7% в 1929 г. Председателями сельских Советов было избрано 6 женщин[2].

В период предвыборной кампании был сделан новый шаг в организации бедноты, возросла ее роль в деревне, усилился бедняцко-середняцкий блок.

Во время выборов 1929 г. в сельской местности не имели избирательных прав 7,1% лиц[3], достигших совершеннолетия (а по стране в целом 4,1 %)[4]. В массе кулаки были отстранены от участия в выборах. Однако в некоторых местах не в полной мере была использована возросшая активность батрачества и бедноты, и кулацким элементам не был дан решительный отпор, кулак не был полностью политически изолирован[5]. В ряде мест в сельские Советы проникли зажиточные крестьяне и подкулачники.

Важное значение в укреплении сельских Советов имели решения V съезда Советов Абхазии. Он указал усилить вовлечение в государственный аппарат рабочих и беднейших крестьян из местных национальностей. Съезд постановил на местах «неуклонно осуществлять принцип ведения делопроизводства на языках нацменьшинств, населяющих Абхазию»[6].

В 1929 г. правительство Абхазии провело ряд новых мер по укреплению материальной базы сельских Советов и усилению массовой работы. 30 октября 1929 года ЦИК принял постановле-

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 175.

[2] Там же, л. 70.

[3] В.П. Данилов. К характеристике общественно-политической обстановки в Советской деревне накануне коллективизации. «История записки», т. 79, 1966, с. 25.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, Д. 24, л. 175.

[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, лл. 175-176.

[6] «Советская Абхазия», 13 апреля 1929 года.

ние о секциях РКП при сельских Советах[1]. Секции создавались при Советах больших селений в целях более полного вовлечения (батраков, бедняков, середняков и трудовой интеллигенции в практическую работу РКИ по борьбе с бюрократизмом, волокитой, чиновничьим отношением к делу, бесхозяйственностью и другими отрицательными явлениями местных учреждений.

Таким образом, в 1928–1929 гг. в Абхазии проведена большая работа по укреплению сельских Советов и оживлению их деятельности. Она являлась составной частью той огромной работы, которая тогда велась Коммунистической партией по созданию организационно-политических предпосылок для массовой коллективизации. Важнейшим результатом укрепления сельских Советов было заметное улучшение их деятельности как политических организаций. Они вовлекали в государственное управление широкий беспартийный актив из беднейшего и среднего крестьянства.

Накануне массовой коллективизации сельские Советы в Абхазии значительно укрепились, их работа намного оживилась, стала более разносторонней. Однако в целом их деятельность еще не соответствовала задачам, которые ставились социалистической реконструкцией сельского хозяйства. Осенью 1929 г. – зимой 1930 г., когда мероприятия по ликвидации нетрудового землепользования, усиление наступления на кулака, развертывание работы партии по коллективизации привели к обострению классовой борьбы в деревне, отдельные сельские Советы оказались неспособными твердо проводить партийную политику в деревне, возглавить батраков, бедняков и середняков за проведение правильной классовой линии, не сумели дать решительный отпор кулацко-меньшевистским элементам. Секретарь Абхазского обкома партии П. Меладзе на XII областной партийной конференции (апрель 1930 г.) говорил: «В период обострения классовой борьбы мы имели ряд случаев, когда от-

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 66, л. 57.

дельные сельсоветы не оказывались на должной высоте, когда отдельные сельсоветы не были способны руководить тем движением, теми процессами, которые происходят у нас на данном этапе в абхазской деревне. Очень часто бывали случаи, когда отдельные сельсоветы плелись в хвосте кулацко-меньшевистского движения»[1]. Учитывая это положение, ЦИК Абхазии 3 марта 1930 года принял постановление «О перевыборах некоторых сельских Советов»[2]. В постановлении говорилось о необходимости провести перевыборы тех сельских Советов, в составе которых имеются чуждые элементы, и которые не смогли, опираясь, на батрацкие и бедняцко-середняцкие массы крестьянства, встать во главе социалистического переустройства деревни, руководить колхозным движением. Однако при оценке сельсоветов к концу 20-х гг. нельзя недооценивать большие сдвиги в их состоянии и деятельности. Эти сдвиги получали развитие в дальнейшем, подготовили ту коренную перестройку работы Советов в деревне, которая была произведена в ходе коллективизации.

* * *

Одной из важнейших массово-политических организаций деревни, через которую партия проводила свое влияние на широкие слои бедняцко-середняцкой молодежи, а также в значительной мере и на взрослую часть крестьянства, являлся Ленинский коммунистический союз молодежи.

В период подготовки условий для массовой коллективизации значительно выросла и окрепла Абхазская организация ЛКСМ Грузии. На 1 января 1926 года она объединяла (без кандидатов) 3923 члена, на 1 октября 1928 года – 5071 и на 1 января 1930 года – 5933 члена. Основную массу Абхазской комсомольской организации составляли крестьяне и батраки, о чем свидетельствуют данные таблицы 28.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 38.

[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 66, л. 79.

Таблица 28

Состав ко сомольской организации Абхазии п 1926-1929 гг.[1]

	Всего членов комсомола в Абхазии	Из них			
		батраки	бедняки	середняки	прочие
На 1 января 1926 года	3 923	245	1 818	960	900
На 1 октября 1928 года	5 071	392	3 042	420	1 217
На 1 января 1930 года	5 933	569	3 521	955	888

Среди членов комсомола Абхазии в январе 1926 г. батрацкая и бедняцко-середняцкая молодежь составляла 3023 человека, в октябре 1928 – 3854 и к 1 января 1930 г. – 5045 человек. Эти данные говорят о том, что комсомол в доколхозной абхазской деревне стал массовой организацией. Наиболее передовая часть молодежи из батраков, бедняков и середняков была вовлечена в комсомол. Социальный состав его значительно улучшился.

В 1926 г. в Абхазии было 134 деревенских комсомольских ячейки. Уже во всех селах существовали комсомольские организации. В 1929 г. в отдельных сельсоветах имелось по две-три ячейки. Количество их более чем в три раза превышало численность сельских партийных ячеек. Комсомол во многих случаях являлся единственной коммунистической организацией даже в некоторых крупных сельских Советах, объединявших несколько селений. Это накладывало на него особую политическую ответственность. Поэтому укрепление партийного руководства комсомолом и расширение массовой работы сельских комсомольских ячеек, превращение их в подлинно боевых помощников партии в деревне, являлось в рассматриваемый период одной из важнейших задач партии.

Абхазский обком партии проявлял постоянную заботу об укреплении комсомольских ячеек, об идейно-политическом

[1] «Трудовая Абхазия», № 21, 28 января 1926 года. ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, лл. 72–73.

воспитании комсомольцев. На трех областных партийных конференциях, состоявшихся в 1926–1928 гг., были обсуждены доклады обкома комсомола. В июне 1927 г. пленум обкома партии специально обсудил доклад «О состоянии и работе Абхазской организации ЛКСМ Грузии». Вопросы деятельности комсомола обсуждались и на заседаниях президиума обкома партии. Решения партии определяли пути укрепления комсомольских организаций, намечали конкретные задачи, давали рекомендации о формах и методах работы среди молодежи.

Пленум обкома партии в июне 1926 г. отметил основные недостатки Абхазской организации ЛКСМ Грузии: значительное отставание роста партядра в комсомоле от роста союза, слабость политико-воспитательной работы в комсомоле, недостаточную подготовку руководящих кадров. Для усиления партийного руководства комсомолом пленум признал необходимым, укрепить партядро в деревенских организациях ЛКСМ, выдвинуть молодых коммунистов секретарями комсомольских ячеек, обязать всех членов партии комсомольского возраста активно участвовать в жизни комсомола, а также шире вовлекать комсомольский актив в партийную работу, прикреплять коммунистов к сельским комсомольским ячейкам. Пленум поручил президиуму обкома партии специально заняться вопросами улучшения воспитательной работы в комсомоле, имея в виду широкое вовлечение комсомольцев в политшколы, партшколы, в школы крестьянской молодежи, выделение руководителями комсомольских кружков хорошо подготовленных коммунистов, усиление работы по интернациональному воспитанию комсомольцев и т. д.[1].

VIII Абхазская областная партийная конференция, отметив достижения в росте и укреплении комсомольских ячеек, повышение их роли в общественно-политической работе и в хозяйственном строительстве и усиление авторитета ячеек среди молодежи, указала на необходимость дальнейшего усиления

[1] «Трудовая Абхазия», № 162, 18 июля 1926 года.

партийного руководства комсомолом. Конференция в своей резолюции записала закрепить молодых коммунистов за комсомолом, «считая работу их в комсомоле основной партнагрузкой», кроме того, закрепить в деревне окончивших Сухумскую совпартшколу и педтехникум и усилить работу по воспитанию и выдвижению нового молодежного актива вокруг комсомола[1]. Большую помощь сельским комсомольским ячейкам оказывали во время каникул студенты вузов, обучавшиеся в Москве, Тбилиси и других городах.

Под руководством партийных организаций сельские комсомольские ячейки постоянно улучшали свою работу. Они помогали партии в проведении хозяйственных и политических кампаний, выступали инициаторами культурно-массовых мероприятии. Секретарь Абхазского обкома комсомола Т. Абгадж на VI областной конференции комсомола Абхазии (январь, 1926 г.) говорил: «Наши ячейки в деревне выровнялись и стали в передовой шеренге общественности, активной силой села... Мы имеем крупные достижения в деревне – продвижение комсомолом кооперации в гущу селений, участие в земкомиссиях, активность в кресткомах и в работе изб-читален»[2].

В этот период значительно повысился авторитет комсомольцев в деревне. Практическая деятельность комсомольских ячеек убеждала широкие массы крестьянства в том, что комсомольцы являются верными помощниками ленинской партии и борьбе за новую советкую деревню. «Нашим крестьянам очень нравится как работает в селе Дурипш комсомольская ячейка – писал селькор А. Лакербай. – В этой ячейке 35 членов и все хорошие, активные ребята. Они ведут большую просветительную работу среди крестьянства –устраивают доклады, лекции, ставят спектакли. Крестьяне уже хорошо поняли, какую большую пользу может принести селению комсомол»[3].

---

[1] «Советская Абхазия», № 3, 5 января 1927 года.

[2] Там же, № 137, 19 июня 1927 года.

[3] «Трудовая Абхазия», № 124, 4 июня 1926 года. «Трудовая Абхазия», № 124, 4 июня 1926 года.

Развертывание общественно-политической и культурно-воспитательной работы в деревне и повышение авторитета комсомольских ячеек увеличило стремление крестьянских девушек вступить в комсомол. «Наблюдается тяга деревенской девушки в комсомол», – отмечалось в отчете обкома VI Абхазской областной конференции комсомола. В середине 1927 г. в комсомоле Абхазии состояло 376 девушек. Это в то время являлось значительным успехом. Вступив в ряды комсомола девушки абхазской деревни постепенно вовлекались в активную общественную жизнь. Отмечая это, комсомолец Иван Папаскири (ныне известный абхазский писатель) писал: «Квитаульская ячейка ЛКСМ раньше не имела в своих рядах ни одной девушки, но теперь, благодаря работе среди них... удалось вовлечь в ячейку 8 девушек. Девушки пока новички в комсомоле, но, несмотря на это, они ни в чем не отстают от своих товарищей. Дисциплина среди них крепкая, регулярно посещают собрания, постепенно приучаются выступать и т. д. В общем, девушки, сверх ожидания, принимают самое живое участие в работе ячейки»[1].

После XV съезда ВКП(б) работа комсомольских организаций в деревне усилилась. Комсомольцы оказывали партии действенную помощь в укреплении сельских советов. Активные комсомольцы избирались в состав сельсоветов, президиумов и секций сельских Советов. В 1927 г. в сельские Советы было избрано 316 комсомольцев, в 1929 г. – 578 (16,6%). Председателями сельских Советов было избрано 49 комсомольцев. В Советах комсомольцы вели активную деятельность. Они руководили секциями, выступали инициаторами строительства дорог, мостов, школ, больниц и т. д.

Комсомольские ячейки являлись первыми помощниками партии в развитии сельской кооперации. Они участвовали в организации потребительских, сельскохозяйственных, кредитных и табачных товариществ. Крестьяне выдвигали комсомольцев в выборные кооперативные органы. Много ярких страниц вписа-

[1] «Трудовая Абхазия», № 186, 19 августа 1926 года.

ли комсомольцы в становление и утверждение нового кооперативного строя в деревне.

Комсомольцы являлись первыми застрельщиками колхозного движения. В 1928–1929 гг. по инициативе комсомольцев было организовано 58 колхозов, 48 комсомольцев было избрано председателями колхозов и 116 членами правлений[1]. Комсомольские колхозы имелись во всех уездах.

Они являлись для крестьян образцовыми хозяйствами. Комсомольцы стояли во главе движения ударников, были организаторами субботников и воскресников. Они активно помогали партии в проведении политики решительного наступления на кулака. Осенью 1929 г. – зимой 1930 г., когда в абхазской деревне осуществлялись мероприятия по ликвидации остатков феодально-помещичьих земельных отношений и изъятию нетрудовых земель у кулаков, комсомольская органицазиция «показала себя надежной опорой в деле проведения этих мероприятий»[2].

Накануне коллективизации заметно возросла роль комсомола в политической жизни абхазской деревни. Комсомольцы помогали коммунистам в проведении политических мероприятий. В селах работали комсомольские политшколы и различные кружки. Через сельские комсомольские ячейки партия политически воспитала и вовлекла в активную общественную жизнь сотни молодых крестьян.

Комсомольские ячейки вели большую работу в области повышения культурного уровня крестьянства, оказывали помощь культпросветучреждениям, особенно активно участвовали в работе изб-читален, в ликвидации неграмотности среди крестьянства, в антирелигиозной пропаганде, в борьбе с вредными пережитками прошлого. Комсомольцы руководили работой различных культурно-просветительных кружков.

---

[1] П.И. Кикория. Политическая и трудовая активность комсомола в абхазской деревне (1921–1929 гг.). «Труды Абхазского государственного музея», вып. IV, Сухуми, 1974, с. 58.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 59.

Городские комсомольские организации шефствовали над деревней, проводили культпоходы, снабжали сельские культпросветучреждения литературой, газетами, журналами, давали постановки, устраивали вечера вопросов и ответов среди крестьян, организовывали читки, беседы, доклады и т. д.

Комсомольцы находились на передней линии борьбы за новую деревню, за новый быт.

Однако в ряде мест комсомольские организации работали слабо. Некоторые из них не сумели своевременно перестроить свою работу в соответствии с задачами коллективизации сельского хозяйства. В селах Калдахвара, Звандрипш, Джирхва (Гудаутский уезд), Охурей, Тамыш (Кодорский уезд), Цебельда, Богопешти (Сухумский уезд) в конце 1929 г. – начале 1930 г. во время обострения классовой борьбы в деревне комсомольцы не оказались на высоте положения. Они не сумели дать отпор классовому врагу, а местами отдельные комсомольцы даже попали под влияние кулака и отказывались от проведения политики наступления на кулачество. Например, в с. Калдахвара комсомольцы выступили против индивидуального обложения кулаков, мотивируя это якобы отсутствием в селе кулацких хозяйств. В ряде мест комсомольские ячейки недооценивали роль бедноты и батрачества[1].

Такие явления встречались в основном в тех селах, где отсутствовали партийные ячейки, и комсомольцы не имели повседневного партийного руководства, где социальный состав комсомольцем был засорен чуждыми элементами, где бедняцкая и батрацкая молодежь слабо вовлекалась в практическую работу Советов, кооперации и других общественных организаций деревни. Эти недостатки наиболее выпукло выявились именно тогда, когда в деревне развернулась работа по созданию колхозов и резко усилилось наступление на кулацкие и другие эксплуататорские элементы.

1 ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, лл. 65–67.

Под руководством партийных организаций комсомольская крестьянская молодежь преодолевала все трудности, устраняла недостатки в своей работе, значительно легче, чем пожилая часть крестьянства, воспринимала ленинские заветы и выходила в авангард строительства новой социалистической деревни.

Накануне перехода к массовой коллективизации значение комсомола в абхазской деревне как резерва, помощника партии, как проводника влияния партии на широкие массы крестьянства заметно возросло. Самоотверженно выполняя задания партии, в активной борьбе с кулачеством воспитывал и закалял свои ряды комсомол деревни.

Важнейшей опорой партии в ее работе в деревне были профсоюзы – самая массовая организация рабочих. Они через свои производственные, культурно-воспитательные и шефские организации осуществляли пролетарское воздействие на крестьянство, активно участвовали в подготовке условий для коллективизации сельского хозяйства. В те годы в самой деревне работало более двух миллионов членов профсоюзов, из них свыше миллиона членов союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. Партия добивалась улучшения работы профсоюзов в деревне, их участия в общественной жизни села.

В рассматриваемый период число членов профсоюзов в Абхазии значительно выросло. В профсоюзах состояло (на 1 января): в 1926 г. – 6 971 человек, в 1927 г. – 10 270, в 1928 г. – 12 475 человек[1]. Профсоюзы охватывали в основном советких служащих. Однако происходивший тогда в Абхазии процесс формирования рабочего класса находил отражение и в росте рабочего ядра в профсоюзах. Следует учесть, что большая часть рабочих и служащих была связана с деревней, имела свое крестьянское хозяйство. Эта часть советских служащих и рабочих, естественно, вносила в советский аппарат и в рабочую среду мелкобуржуазную стихию, но, с другой стороны, проходя в профсоюзах

1 ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 166/2, л. 3; д. 196/5, л. 5.

школу коммунизма, она становилась проводником пролетарского влияния в деревне. С помощью профсоюзов партия напрягляла творческую инициативу рабочего класса на оказание помощи крестьянству в переходе к колхозному строю.

Основным рабочим профсоюзом в абхазской деревне являлся союз сельхозлесрабочих. В годы восстановительного периода этот союз был малочисленным. Он объединял в 1921 г. 330 человек и в 1924 г. – 1200 человек[1]. В союзе состояли все рабочие совхозов и лесных разработок, а также часть батраков. В последующие годы союз сельхозлесрабочих превращается в массовую организацию батрачества. Количество организованных батраков с каждым годом росло[2].

В Абхазии труд батраков широко использовался в табаководстве. Но здесь ряд обстоятельств осложнял организацию батрачества. Основная его масса выходила из других районов страны – Кубани, Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Грузинской ССР[3]. По данным Совпрофа Абхазии, в 1926 г. пришлые батраки составляли 60–70%[4]. Таким оставалось соотношение между пришлыми и местными наемными рабочими в табаководстве вплоть до 1930 г., когда приток батраков из других районов резко упал (до 30%)[5]. В связи с сезонностью работы в табаководстве в разные периоды года приток батраков колебался. По материалам текущей статистики табаководства в Абхазии в 1927 г. в период обработки земли и выращивания рассады, 60% найма приходилось на пришлых рабочих, в период посадки 52%, в период летнего ухода за плантациями – 49%, в период ломки и низки табака – 70–75%.[6] Движение батраков, связанное с сезонностью

[1] Н. Ардашелия. Профсоюзы Абхазии в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.), автореферат, 1964, с. 13.

[2] Партархив Груз. филиала НМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 2655, л. 27.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 148/3, л. 63.

[4] Там же, д. 166/2, л. 13.

[5] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии. Период первый», Сухум, 1930, с. 29.

[6] «Материалы текущей статистики о состоянии табаководства в Абхазии.

работы в табаководстве, влияло на вовлечение их в профсоюз, на организацию массовой политической и культурно-воспитательной работы среди батраков.

Текучесть батраков приводила к резкому колебанию количества членов союза сельхозлесрабочих. Так, если на 1 января 10.27 года в союзе состояло 2947 членов, то к 1 /июля число его членов увеличилось до 3060 и к 1 октября 1927 года до 4247 членов[1]. В зимнее время число членов союза падало, а в летнее и осеннее – поднималось. В целом же количество членов союза сельхозлесрабочих ежегодно увеличивалось. В нем насчитывалось (на 1 января) в 1926 г. 1266 членов, в 1927 г. –2 947, в 1928 г.– 2170 и в 1929 г. – 3785 членов[2].

Батраки – члены союза, на определенный срок уезжая в свои районы, продолжали участвовать в жизни местной профсоюзной организации. С наступлением нового сезона в табаководстве они возвращались в свои профсоюзные ячейки. Так «...организовался довольно большой кадр постоянного батрачества, годами ищущий заработка в пределах нашей республики»[3], – сказано в отчете Абхазского областного правления союза сельхозлесрабочих своему VIII съезду (18–20 мая 1929 года).

Абхазский союз сельхозлесрабочих был многонациональным. В 1929 г. он объединял батраков более 15 национальностей. Среди них русские, грузины, армяне и греки составляли 9,1 %[4].

В табаководческих районах сложилась разветвленная сеть союза сельхозлесрабочих. К маю 1929 г. союз объединял 47 низовых ячеек – сельрабочкомов, рабочкомов совхозов и лесорубов, кооперативных месткомов и профуполномоченных[5]. Ячейки профуполномоченных создавались и на отдельных больших табачных плантациях. В результате союз проник в отдален-

---

Период первый». Сухум, 1927, с. XI.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 195; оп. 2, д. 196/5, л. 5.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, ею. 2, д. 166/2, л. 3; д. 269/4, л. 2.

[3] Там же, д. 269/4, л. 2.

[4] Там же.

[5] Там же, лл. 2–4.

ные села, объединяя наиболее распыленную и отсталую часть рабочего класса, укрепляя пролетарские позиции в деревне. Сельрабочкомы и профуполномоченные не только защищали своих членов от кабальной эксплуатации со стороны нанимателей, но способствовали сплочению батрачества и бедняцко-середняцких слоев крестьянства в борьбе против кулаков.

Учитывая большую роль союза сельхозлесрабочих в деревне, Абхазский обком партии систематически добивался улучшения его деятельности. Президиум обкома партии обсуждал доклады фракции областного правления союза сельхозлесрабочих[1]. Работе среди (батрачества и задачам союза значительное внимание уделялось на областных партийных конференциях и пленумах обкома[2]. Отчеты сельрабочкомов обсуждались уездными комитетами и сельскими партийными ячейками. Партийные организации определяли конкретные задачи профсоюзов в деревне, добивались улучшения работы среди батраков, повышения их классовой сознательности и ортанизованности, усиления роли в общественно-политической жизни села.

Партия заботилась о росте числа коммунистов в союзе сельхозлесрабочих. На 1 января 1927 года в партии состояло 82 члена этого союза, а к 1 октября того же года – 272[3]. После XV съезда Абхазский обком партии призвал местные партийные организации усилить вовлечение батраков в партию, еще более укрепить партийное влияние среди союзной массы[4].

---

[1] Президиум обкома партии принял развернутую резолюцию по докладу фракции правления союза Землес и содокладу инструктора ЦК КП(б) Грузии о работе союза в сентябре 1926 г. (ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 15, лл. 70–73); по докладу о работе фракции правления союза сельхозлесрабочих за 1928 г. (ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 69) и др.

[2] VIII Абхазская областная партийная конференция специально обсудила доклад «О работе среди бедноты и батрачества» («Советский Абхазия», № 4, 6 января 1927 года). Пленум обкома 12 июня 1929 года обсудил доклад «О состоянии работы среди бедноты и батрачества («Советская Абхазия», № 134, 16 июня 1929 года).

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 166/2, л. 8; д. 196/5, л. 8.

[4] Там же, д. 245/3, лл. 105–106.

В результате улучшения партийного руководства союзом сельхозлесрабочих после XV съезда партии заметно повысилась активность и организованность батраков. Особенно это выявилюсь во время выборов в Советы 1929 г. Тогда на отчетных собраниях выступило 1345 батраков, а в сельские Советы было избрано 253 батрака, из них 3 – председателями сельсоветов[1]. Удельный вес батраков в Советах поднялся с 2% в 1927 г. до 5,4% в 1929 г. Усилилось вовлечение батраков и в общественные организации.

Союз сельхозлесрабочих вовлекал батраков в кооперативные организации и в хозяйственную работу на селе. После XV съезда ВКП(б) при сельрабочкомах были организованы кооперативные комиссии, которые контролировали работу кооперативных товариществ, заслушивали отчеты о деятельности правлений на общих собраниях батрачества с участием крестьянства. Сельрабочкомы участвовали в проведении посевных кампаний и организаций колхозов, в распространении займа укрепления крестьянского хозяйства и других мероприятиях[2].

В целях вовлечения батрачества в общественную жизнь проводились собрания и конференции батрачества с участием крестьянства и общественных организаций.

Союз сельхозлесрабочих участвовал и в культурно-просветительной работе в деревне. В селах создавались профсоюзные клубы, красные уголки, библиотеки. В 1929 г. при сельрабочкомах функционировали 5 клубов, 6 красных уголков и 5 библиотек. В них проводилась кружковая работа, читались лекции, издавались стенгазеты, устраивались коллективные читки газет, демонстрировались кинокартины.

«Красные уголки охотно посещают крестьяне и принимают участие наравне с батрачеством в проводимых лекциях, беседах. Часть лекций и бесед устраивается с агрономическим уклоном», – указывается в отчете правления Союза сельхозлесрабочих за 1928 г.[3].

---

[1] Там же, д. 269/4, л. 6.

[2] Там же, оп. 1, д. 27, лл. 58–59.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1,' д. 27, л. 59; ф. 1, оп. 2, д. 269/4, л. 16.

В совхозах «Псырцха» и «Ильич» при клубах рабочкомов работали стационарные киноустановки. Низовые ячейки союза выписывали 9 названий газет и 5 названий журналов (прежде всего газету «Батрак» и журнал «Батрачка»). «Выписанные газеты распределяются через профуполномоченных по отдельным плантациям и коллективно проводится читка их», –сказано в отчете правления союза сельховлесрабочих VIII съезду союза[1]. Здесь же указывается на усиление рабселькоровского движения среди батраков. Они часто выступали в областной печати, а также в центральной газете «Батрак».

Проводилась большая работа по ликвидации неграмотности среди батрачества. В октябре 1927 г. из 4247 членов союза сельхозлесрабочих 953 было неграмотных[2]. В 1928 г. в 5 батрацких и смешанных ликбезах ликвидировали свою неграмотность 280 членов союза[3]. В 1929 г. имелось 5 батрацких ликбезов, в которых обучалось 153 человека. Признавая это крайне недостаточным, правление союза сельхозлесрабочих вошло в Главполитпросвет с предложениями об ускорении ликвидации неграмотности среди батрачества.

Деятельность союза сельхозлесрабочих в доколхознюй абхазской деревне была многосторонней, направленной не только на ограждение батраков от кулацкой эксплуатации, но и на повышение классовой сознательности и организованности батрачества и на сплочение его с бедняцкой и середняцкой массой крестьянства. В результате такой работы батрачество все более становилось надежной и прочной опорой Советской власти в деревне. Работа профессиональных союзов в деревне помогала партии теснее связаться с массами крестьянства и укрепляла союз рабочих и крестьян.

---

[1] Там же, ф.1 оп. 2, д. 259/4, л. 16.

[2] Там же, д. 196/5, л. 8.

[3] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 197.

* * *

Одновременно с укреплением массовых организаций трудящихся и развертыванием массово-политической работы среди различных слоев трудового крестьянства и крестьянской молодежи партия уделяла большое внимание работе среди крестьянок.

В. И. Ленин указывал, что главным, основным в большевизме и в Октябрьской революции является втягивание в политику, в строительство нового социалистического общества широких народных масс, угнетенных при капитализме. «А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне»[1].

В годы восстановительного периода в Абхазии были сделаны первые серьезные шаги в деле раскрепощения женщины, вовлечения ее в общественно-политическую жизнь. Зав. отделом работниц и крестьянок (ОРК) Абхазобкома К. Чижова 2 октября 1926 года, приветствуя германскую женскую рабочую делегацию, прибывшую в Сухуми, с гордостью отмечала: «Теперь женщины Абхазии всех национальностей быстро идут по пути раскрепощения, принимая активное участие в советском строительстве. Ежегодно Абхазия выпускает 400 делегаток; 260 женщин – члены сельсоветов, 14 учатся в высших школах, свыше 100 женщин ежегодно вовлекаются в профработу. Мы имеем 7 детских садов, 2 детских дома, дом беспризорника, школу коммуну»[2]. Эти скромные цифры говорили о начавшемся процессе раскрепощения женщины, о выступлении первых ее представителей на арену общественно-политической жизни.

Основной формой работы партии среди женщин являлись делегатские собрания. Они создавались при партийных ячейках. Как видно из отчета ОРК Кодорского укома, в 1926 г. делегатские собрания были организованы и в абхазских селах. Представляет

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 368.

[2] «Заря Востока», № 1292, 3 октября 1926 года.

интерес история их создания. Сначала ОРК укома пригласил в г. Очамчире по несколько крестьянок из 12 сел на торжественный выпуск первого в уезде делегатского собрания, организованного при женотделе (выпуск 1924–1925 гг.). Крестьянки слушали отчеты делегаток, присутствовали на их перевыборах и на торжественном открытии красного уголка работниц и крестьянок при женотделе. Все это произвело хорошее впечатление на крестьянок[1]. После этого женотдел в селах Илори, Охурей, Гуп, Беслахуба, Моква, Ткварчели, Адзюбжа, Атара-Абхазская, Тамыш, Члоу и Кутол провел собрания крестьянок по вопросам о Советской власти и правах женщин, о целях и задачах делегатских собраний. Затем состоялись выборы делегатских собраний и женорганизаторов[2].

Всего в 1926 г. в Абхазии работало 57 сельских женорганизаторов, из них 8 мужчин. Среди женорганизаторов членов партии было лишь 17 человек[3]. Исходя из местных культурно-бытовых условий тогда же организовалось 5 специальных женских политкружков и 8 ликбезов для крестьянок[4]. Неграмотные делегатки вовлекались в ликбезы, а остальные прикреплялись к партийным и советским организациям для ознакомления с практической работой.

В феврале 1926 г. пленум Абхазского обкома партии обсудил доклад об очередных задачах работы партии среди женщин[5]. Пленум указал, что работе среди женщин мешают наряду с объективными причинами, вызванными культурно-бытовым положением крестьянки, недооценка, а часто и непонимание политического значения этой работы многими партийными организациями. Были приняты мероприятия по развертыванию работы среди женщин.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 159/3, л. 59.
[2] Там же, л. 60.
[3] Там же, д. 148, л. 92.
[4] Там же, л. 93.
[5] «Абхазская организация...», с. 81–83.

Улучшилось руководство делегатскими собраниями в 1926/27 г. Более организованно, чем раньше, прошла выборная кампания делегаток. Укомы заранее определили сеть делегатских собраний. Они создавались лишь в тех местах, где имелись партийные ячейки, способные руководить работой делегатских собраний. Выборы делегаток проводились на общих собраниях крестьянок в присутствии крестьян. От 3–10 крестьянок, присутствующих на собрании, избиралась 1 делегатка. Для прохождения программного материала укомы выделяли подготовленных руководителей.[1]

Обследование делегатских пунктов обкомом партии, проведенное в мае 1927 г., выявило хорошую работу большинства делегатских собраний. В Гудаутском уезде успешно работал, например, делегатский пункт при Лыхненской партячейке. Он был создан в феврале 1927 г., объединял 16 делегаток-абхазок в возрасте от 25 до 38 лет, в основном семейных женщин. Большинство делегаток было неграмотными. Занятия проводились по программе Отдела ЦК ВКП(б) по работе среди женщин в месяц два раза методом бесед. Любопытно, что делегатское собрание имело двух руководителей: русскую – учительницу школы и крестьянку-абхазку с 2-х классным образованием, которая переводила материал занятий с русского языка на абхазский. Абхазка, руководившая делегатским собранием, являлась кандидатом в члены партии, членом президиума сельсовета, а также членом Совета избы-читальни и кресткома. Делегатское собрание пользовалось авторитетом в деревне. Все делегатки были прикреплены к разным общественным организациям. Девочки-делегатки активно участвовали в работе комсомольской ячейки. По инициативе делегаток в с. Лыхны была открыта школа кройки и шитья. Была сделана также попытка создать женский ликбез. Партийная организация руководила делегатским пунктом через женорганизатора[2]. Хорошо работали Гудаутский и

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 155/П, лл. 6–8.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 153/1, лл. 49–50.

Псырцхинский делегатские пункты. Состав их был более подготовленным. Сверх программного материала для делегаток читались лекции о кооперации, по вопросам гигиены и санитарии и др. Делегатки систематически отчитывались перед избирательницами. Псырцхинский делегатский пункт организовал ликбез для неграмотных женщин, общую прачечную и детплощадку. При Гудаутском делегатском пункте работали кооперативная и профсоюзная секции[1].

Удовлетворительно работали делегатские пункты в Гальском уезде. Здесь имелись 9 сельских пунктов. Лучшим из них являлся Гальский, объединявший 27 крестьянок. Большинство делегаток активо участвовало в общественно-политической жизни. Две делегатки являлись членами исполкома, шесть – народными заседателями в суде. Делегатки «стараются помочь Советской власти и желают вступить в компартию, –говорится в материалах обследования обкома. – Делегатское собрание среди населения пользуется большим авторитетом. Делегаток приглашают на различные заседания, прислушиваются к мнениям делегаток»[2]. Одним из лучших делегатских пунктов в Гальском уезде являлся Окумский. Он объединял 27 делегаток в возрасте от 27 до 50 лет. Делегатским собранием руководила учительница; она же была женорганизатором сельской партячейки. Занятия проводились в месяц два раза. Делегатки посещали их аккуратно. Все делегатки были прикреплены к различным организациям для участия в практической работе. По инициативе делегаток был проведен ремонт сельской дороги, «делегатки сами своими арбами сделали насыпь»[3]. Улучшилась работа делегатских собраний в Кодорском и Сухумском уездах. В Гагринском уезде имелось 3 делегатских собрания, из них одно сельское – в Колхиде и Алахадзе. Особенностью делегатского собрания этих двух сел было то, что в связи с разбросанностью делегаток на большом

[1] Там же, лл. 51–52.

[2] Там же, л. 57.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 153/1, л. 58.

расстоянии и многонациональным его составом (абхазки, грузинки, армянки, русские) данный пункт был разбит на 3 группы. Занятия во всех группах проводил сельский учитель, кандидат в члены партии. Как и в Лыхненском пункте, здесь занятия с абхазскими и армянскими делегатками проводились с помощью переводчика[1].

Состоявшееся в ноябре 1927 г. областное совещание женработников вскрыло основные недостатки делегатских собраний. Заведующая Гудаутским женотделом Мария Лейба сообщила, что делегатскими собраниями охвачено только небольшое число женщин (по уезду 223 чел.), что многие коммунисты не пускают своих жен на делегатские собрания[2]. Заведующая женотделом Кодорского укома Ксения Куправа отмечала, что в некоторых деревнях делегатскими собраниями руководят беспартийные, коммунисты на местах слабо вовлекают своих жен в работу делегаток. Из других мест поступали сведения, что делегатские собрания превращены в школы политграмоты, делегатки не вовлекались в практическую работу, не велась работа с делегатками старого созыва[3].

Учитывая выявившиеся недостатки, обком партии дал установку в 1927/28 г., не расширяя сети делегатских собраний, добиться увеличения количества делегаток, путем более широкого вовлечения батрачек и беднячек. Состав делегатского собрания в городе определялся в количестве до 100 человек, в деревне – от 20 до 60 делегаток.

В перевыборах делегаток созыва 1927/28 г. приняло участие 60% женщин[4]. В ряде мест перевыборы прошли при активном участии мужчин. Так было, в частности, в Кодорском уезде. Зав. женотделом Кодорского укома об этом говорила следующее: «В этом году характерно то, что в перевыборах большое участие

[1] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 19/1, л. 252; оп. 2, д. 153/1, л. 55.
[2] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 19/1, лл. 251–252.
[3] Там же, лл. 201–202, 252.
[4] Там же, д. 27, л. 67.

принимали мужчины. Перевыборы проходили очень оживленно. Коммунисты и комсомольцы, в первую очередь, вовлекали своих, такого участия мужчин никогда не было»[1]. Первые занятия проходили при участии старых делегаток. Например, в Сухуми на одном из делегатских собраний на первое занятие пришло 68 новых и 38 старых делегаток и 32 неделегаток. Их приветствовали председатель ЦИК Абхазии С. Чанба, представитель обкома и старая делегатка. Заслушав доклад на тему «Октябрь и женщина», собрание приняло постановление: «Мы, присутствующие здесь делегатки нового и старого созыва, заявляем, что раскрепощение женщин может быть только усилиями нас самих под руководством партии. Мы, выделенный актив из женских масс, даем обещание выполнить возложенные на нас задачи: принять участие в строительстве социализма через работу в Советах, кооперативных и других организациях, пройдя курс делегатских собраний теоретически и практически; привлечь к строительству социализма женские массы, связанные с нами производством»[2].

В 1927/28 т. в Абхазии имелось 32 делегатских пункта с охватом 646 делегаток. Из них крестьянок было 355, работниц – 218, служащих – 47, домохозяек – 26. Выросло число делегаток из местных национальностей. Делегатками являлись 222 грузинки, 190 абхазок, 176 русских, 24 гречанки, 11 армянок, 10 эстонок и др. Среди делегаток беспартийными являлись 625 женщин, членами комсомола – 17, кандидатами в члены партии – 4 женщины. Большинство делегаток были семейными (436 человек). Наряду с подготовкой новых делегаток было обращено внимание на вовлечение старых делегаток в общественную работу. Некоторые из них стали женорганизаторами сельских партийных ячеек. ОРК обкома в 1928 г. организовал курсы по переподготовке женоргов сельских организаций[3].

[1] Там же, д. 19/1, л. 181.

[2] Там же, оп. 1, д. 19/1, лл. 185–186.

[3] Там же, д. 27, лл. 65–66; 69; оп. 2, д. 245/3, лл. 228–229.

Выполняя указания Абхазского обкома партии, местные партийные организации в 1928/29 г. значительно увеличили сеть делегатских собраний и число делегаток. Всего в Абхазии было избрано 1134 делегаток, из них в городе – 147, в деревне – 987. По сравнению с предыдущим годом число крестьянок-делегаток возросло почти в 3 раза. Среди сельских делегаток абхазки составили 27,8%, грузинки – 40,5 %, русские – 19,7%, армянки – 6,1%, гречанки – 2%, эстонки –1,3% и т. д.[1].

Делегатские собрания работали по программе ОРК Заккрайкома ВКП(б), переработанной применительно к местным условиям. Делегатки знакомились с правами, полученными женщинами-крестьянками в результате Октябрьской революции, им разъяснялись решения XV съезда партии, мероприятия Советской власти по поднятию сельского хозяйства. Делегаткам рассказывали о комсомоле и пионерской организации, об их задачах и целях. Теоретические занятия дополнялись обсуждением на делегатских собраниях докладов о работе сельсовета, кооператива, совета избы-читальни, отчетов практиканток, работавших в советских и кооперативных организациях.

Делегатские собрания являлись не только школами политической грамоты, они были и практической школой общественной работы. Через делегатские собрания крестьянки вовлекались в активную практическую деятельность в советских, кооперативных и других организацях деревни. Конечно, не все выделенные практикантки-делегатки проявляли себя активно. Некоторые из них лишь знакомились с работой советских общественных организаций. Но многие делегатки включались в активную общественную работу, становились организаторами женских масс.

Крестьянки-делегатки нередко проявляли инициативу в создании детских садов, школ кройки и щитья, в ремонте школ, изб-читален, сельских дорог, создавали уголки крестьянок при избах-читальнях, являлись пионерами нового быта в деревне. В

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, л. 288.

Абхазии, также как и во всей стране, делегатские собрания как форма приобщения крестьянок к общественной работе полностью оправдывали себя, они способствовали подъему творческой инициативы женщин деревни.

Придавая важнейшее значение делегатским собраниям, партийные организации одновременно проводили политико-массовую и культурно-воспитательную работу среди всех трудящихся крестьянок. Созывались общие сельские собрания женщин, уездные конференции крестьянок, проводились беседы и лекции.

В результате работы партийных организаций росло число женщин, вовлеченных в общественно политическую работу. Наиболее активные и преданные Советской власти женщины принимались в партию, выдвигались ил руководящую работу в партийные, советские и общественные организации. В Абхазской организации КП(б) Грузии состояло (членами и кандидатами) на 1 января 1926 года 71 женщина, на 1 марта 1928 года – 104 женщины и к марту 1929 г. – 110 женщин. Среди коммунистов крестьянок было очень мало. В 1928 г. в партии состояло лишь 12 крестьянок. Крайне недостаточно было коммунисток-абхазок (11 чел.), грузинок (13 чел.), гречанок (1 чел.), армянок (2 чел.)[1]. И это, безусловно, служило препятствием для развертывания партийной массовой работы среди крестьянок.

Быстрее росло количество девушек-комсомольцев. В Абхазской организации ЛКСМ Грузии к концу 1926 г. состояло 321 девушка, к концу 1927 г. – 447, к 1 октября 1928 г. – 50, к 1 января 1930 г. – 723 девушки[2]. На 1 октября – 1928 года в комсомоле числилось 115 абхазок, из них 84 крестьянки-беднячки и 25 крестьянок-середнячек; 142 грузиночек, из них 114 крестьянок-беднячек и 20 крестьянок-середнячек; 28 армянок, из них 3 батрачки, 12 крестьянок-беднячек, 2 крестьянки-середнячки и др.[3]. Это были

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/3, л. 228; д. 240/2, л. 287.

[2] Там же, д. 245/3, л. 228; оп. 1, д. 34, лл. 72-73.

[3] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, л. 287.

первые отряты девочек Абхазии, вступивших в ленинский комсомоле[1]. Они вместе с деревенскими юношами в комсомоле овладевали коммунистическими идеями, проходили первую политическую и практическую закалку.

Женщины вовлекались и в кооперацию. На 1 января 1929 года в сельской потребительской кооперации состояло 1923 женщины, в сельскохозяйственной кредитной кооперации – около 400 крестьянок[2]. Признавая охват женщин кооперацией слабым, президиум Абхазского обкома партии 24 января 1929 г. принял специальное постановление «О вовлечении женщин в с.-х кооперацию». Перед женорганами обкома и укомов и органами сельскохозяйственной кооперации была поставлена задача «настойчиво и энергично развернуть работу по кооперированию женщин и вовлечению их в кооперативное строительство». Обком признал необходимым иметь при Абсельсоюзе инструктора-женщину для специальной работы по вовлечению крестьянок в кооперацию, организовать краткосрочные курсы по повышению квалификации крестьянок-выдвиженок в аппараты кооперации, ввести в действие право крестьянки на самостоятельное получение кредита и кооперативной доплаты, выделять средства на кооперирование беднячек и т. д.[3]. В результате принятых мер в 1929 г. в члены кооперации было принято несколько сот крестьянок. Крестьянки были выдвинуты и на выборную кооперативную работу.

Задачи социалистического строительства в деревне требовали более массового охвата женщин кооперацией. 28 ноября 1929 г. президиум Абхазского обкома партии принял практические предложения по реализации постановления ЦК ВКП(б)

[1] Любопытно отметить, что в 1926 г. в с. Царче Гальского уезда К.Б. Габлая организовал в первую и единственную в Абхазии комсомолскую ячейку, в которую входили только девушки. После определенной работы с родителями и девушками К. Габлая удалось объединить ее с комсомольской ячейкой, членами которой были юноши.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, лл. 288-289.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25/2, лл. 219–220.

и ЦК КП(б) Грузии об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок. Обком партии наметил важнейшие меры по кооперированию женщин и вовлечению их в органы управления всех систем кооперации. Фракциям правлений Абсоюза, Абсельсоюза и Абтабсоюза предлагалось обеспечить в 1929/30 г. кооперирование всех беднячек и батрачек за счет фонда кооперирования бедноты, широко развернуть кооперирование вторых членов семьи на льготных условиях, подготовить кадры кооперативных работников из беднячек и батрачек. Предлагалось выделить для женщин определенное число мест на курсах агроработников, киноработников, тюковщиков и лавочных работников, организованных кооперативными союзами. Кроме того, было намечено создание в системе Абтабсоюза полуторамесячных курсов колхозниц на 50 человек по вопросам агрономии, кооперации и коллективизации и четырехмесячных курсов по подготовке кадров кооперативных работников[1]. Таким образом, с конца 1929 г. в Абхазии вопрос о вовлечении женщин в кооперативное движение был поставлен как важнейшая задача партийных и кооперативных организаций.

Значительная часть женщин была охвачена профсоюзами. Членами Союза сельхозлесрабочих состояло (на 1 января) в 1926 г. 508 батрачек, в 1927 г. – 1732, в 1929 г. – 1572 батрачки[2].

Большая работа была проведена в 1929 г. по вовлечению женщин в избирательную кампанию. В начале января в уездах состоялись конференции женского актива, на которых присутствовало около 400 крестьянок. Вопросы участия крестьянок в перевыборах Советов были обсуждены на районных женских собраниях. На всех делегатских собраниях изучалась инструкция ЦИК Абхазии о перевыборах Советов[3].

Возросшая политическая активность женщин-крестьянок особенно проявилась на отчетных и перевыборных собраниях Советов. Участие женщин на отчетных собраниях сельских

[1] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 23/1, лл. 208–211.
[2] Там ж е, ф. I, оп. 2, д. 166/2, л. 3; д. 269/4, л. 2.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, л. 282.

Советов по сравнению с 1927 г. повысилось с 11,5% до 34,2%, а на выборных собраниях – с 25,7% до 40,0%[1]. Активность женщин по уездам была не одинаковой. В Гальском уезде на перевыборах участвовало 55,6%, Гудаутском – 35,9%, Сухумском – 34,1%, Гагринском – 29,5% и Кодорском – 26,5 %[2]. Явка женщин на выборы по стране в целом тогда достигла 50,0%[3]. И хотя участие женщин Абхазии на выборах в Советы оставалось меньшим, чем по СССР в целом, но рост их активности по сравнению с 1927 годом был значительным.

В 1929 г. в сельские Советы Абхазии было избрано 578 женщин (против 370 в 1927 году)[4]. Удельный вес женщин в Советах увеличился в Гальском уезде с 11,5% до 17,9% Кодорском – с 5,3 до 14,4%, Сухумском – с 6,8 до 17,9%, Гудаутском – с 9,8 до 14,4%, Гагринском – с 9,5 до 16,5[5]. Эти данные показывают, что женщины больше были вовлечены в сельсоветы в Гальском и Сухумском уездах и меньше в Кодорском и Гудаутском. Среди женщин членов Советов крестьянок было 90,0%, батрачек – 4,2%, служащих – 0,8%. Женщины, избранные впервые, составляли 51,5%. Председателями сельских Советов было избрано 6 женщин[6]. Женщины в уездных исполкомах занимали 11,7%, в президиумах укомов – 6,5%, а членами ЦИК Абхазии являлось 15 женщин[7].

В 1929 г. в ЦИК Абхазии (V созыва) были избраны Даурова Мченака Джоевна – член Абгархукского сельсовета, Аршба Лидия Чочоевна – член Ткварчельского сельсовета, Капба Геге

---

[1] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 175 .

[2] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, л. 285.

[3] В.А. Абрамов. Некоторые вопросы организационно-массовой работы среди крестьянства в 1928–1929 гг. «КПСС в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства», с. 30.

[4] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», приложение № 11.

[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, л. 258; Партархив Груз. филиала НМЛ при ЦК КП Грузии , ф. 14, оп. 1, ч. 11, д. 3227, л. 46.

[6] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 240/2, 286.

[7] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 140/2, 285.

Кваташовна – рабочая Очамчирского табачного склада, Зантария Женил Джагуавна – член Отобаевского сельсовета, Харбедия Тамара Зурабовна – наборщица Сухумской типографии и др. Женщины выдвигались на выборную работу и в другие общественные организации. В 1928 г на выборной профсоюзной работе и в комиссиях правления союзов находилось 286 женщин, членами правлений кооперативов и лавочных комиссий были 49 женщин, на руководящей выборной комсомольской работе –87 комсомолок[1]. Из среды крестьянских девушек выдвинулись такие умелые организаторы работы среди женщин, как Зина Циколия, Вера Лабахуа, Ольга Минджия, Ксения Куправа, Капа Лагвилава, Татьяна Джергения, Мария Лейба, Мария Агумава, Ольга Кожеянц, Ксения Габлая и другие.

Они, получив образование в комвузах Москвы и Тбилиси, возглавляли работу женотделов в уездах и в обкоме партии и в Комитете по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при президиуме ЦИК Абхазии. Под руководством партийных организаций они содействовали расширению политико-массовой работы среди женщин.

Большинство выдвиженок – крестьянок успешно справлялось с работой. Партийные организации помогали им проявить свои организаторские способности, оказывали постоянную поддержку в практической деятельности. В 1929 г. в селе Окуми председателем сельского Совета была выдвинута беднячка-комсомолка. Она имела семилетнее образование, была делегаткой, прошла курсы по переподготовке председателей сельсоветов. Как показало обследование Заккрайкома ВКП(б), она своей энергичной и умелой работой завоевала среди крестьян большой авторитет. Председателем Цхиро Гальского сельского Совета работала беспартийная крестьянка-беднячка Убилава Вера Джармовна, которая сумела правильно организовать работу Совета. Хорошо зная все нужды крестьян, она принци-

1 Там же, ф. 1, оп. 1, Д. 27, л. 67.

пиально ставила вопросы на заседаниях президиума и пленума сельского Совета и на сходе[1]. Крестьяне ее избрали членом ЦИК Абхазии V созыва[2]. Хорошую оценку получила работа Баклановского сельсовета Гудаутского уезда, председателем которого являлась 24-летняя батрачка. Она, еще будучи членом Совета, показала себя активным работником, крестьяне единодушно поддерживали ее. Она мобилизовала работу членов сельсовета на выполнение наказа избирателей. По ее инициативе на общих собраниях крестьян обсуждались вопросы о приобретении племенного быка, общественного трактора и т. п., были открыты детские ясли. Сельский Совет уделял большое внимание работе среди батраков и батрачек. Совет совместно с батрачкомом организовал своевременное заключение договоров между батраками и табаководами, постоянно следил за их выполнением. Активно вовлекались в работу женщины-члены Совета[3]. В селе Алахадзы Гагринского уезда председателем сельсовета работала крестьянка-беднячка Хухуа Наталья Батламовна, кандидат в члены партии. До выдвижения на эту работу она состояла в делегатском собрании, являлась членом Совета, прошла курсы переподготовки председателей сельсоветов. Она пользовалась уважением и авторитетом среди бедноты и батрачества и единодушно была избрана в Совет[4], а после членом ЦИК Абхазии V созыва[5]. ОРК Заккрайкома ВКП(б) положительно оценил работу всех пяти обследованных в Абхазии сельсоветов, возглавляемых женщинами.

Результатом партийно-массовой работы среди женщин явилось выдвижение в эти годы первых сотен крестьянок Абхазии на советскую и другую общественную работу, вовлечение женщин в партию, профсоюзы, комсомол, кооперацию и другие ор-

[1] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. I, ч. II, Д. 3227, л. 53.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 74, л. 312.
[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС. ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3227, л. 53.
[4] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оч I, ч. II, д. 3227, л. 52.
[5] ЦГАА, ф, I, оп. 2, д. 74, л. 251.

ганизации, воспитание значительной группы актива крестьянок вокруг сельских Советов и партийных ячеек. Выборы в Советы и в органы кооперации в 1929 г. показали возросшую активность большой массы женщин. Крестьянки выступали с отчетами о работе в Советах, говорили о своих нуждах и требованиях, вносили деловые предложения, направленные на дальнейшее улучшение работы[1]. С каждым годом абхазская женщина все более выходила на арену общественной деятельности, становилась помощницей Советской власти, борцом за светлую жизнь.

В доколхозной абхазской деревне было многое сделано для пробуждения крестьянок к общественно-политической жизни. Успехи в этой области действительно были велики в сравнении с тем, что было раньше, но они и тогда казались недостаточными в сравнении с тем, что предстояло сделать.

Пока еще основная масса крестьянок не была раскрепощена и вовлечена в активную общественную и производственную жизнь. Пробуждавшаяся активность женщин кое-где не охватывалась необходимым партийным руководством, не направлялась по правильному руслу, и это вылилось в отдельных местах в женские выступления. Уровень массово-политической работы среди крестьянок отставал от конкретных очередных задач социалистического строительства в деревне, выдвинутых партией в связи с курсом на коллективизацию сельского хозяйства.

Коммунистическая партия своевременно вскрывала недостатки работы среди женщин, определяла основные задачи партии в этой области. ЦК ВКП(б) в постановлении от 3 сентября 1928 года следующим образом сформулировал главные задачи Компартии Грузии по работе среди женщин: «...Обеспечить систематическое партийное руководство этой работой, прежде всего в деле подготовки кадров квалифицированных работниц из коренных национальностей для промышленности и большего вовлечения крестьянок в кооперативное и коллективное

[1] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 2050, л. 52. Там же, д. 3227, л. 49.

строительство в деревне, а также в работу Советов и других общественных организаций.

Особое внимание уделить делу бытового раскрепощения женщин в отсталых районах (Аджария, Юго-Осетия, Абхазия, Сванетия и др.)»[1].

Абхазский обком партии в своей работе руководствовался этими указаниями ЦК ВКП(б). Пленум обкома в июле 1929 г. обсудил итоги обследования работы среди женщин Абхазии, проведенного ОРК Заккрайкома ВКП(б) и принял практические предложения о дальнейшей работе[2]. Президиум Абхазского обкома партии 28 ноября 1929 года принял практические предложения по реализации постановления ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок[3]. В этом постановлении были определены основные задачи Абхазской партийной организации по работе среди женщин на новом этапе социалистического строительства.

В Абхазии, как и во всей стране, канун коллективизации был отмечен очень заметным оживлением деятельности общественно-политических организаций, партийных ячеек и сельских Советов прежде всего. Рост политической активности крестьянских масс, их сплочение вокруг рабочего класса и Коммунистической партии, изоляция эксплуататорских элементов и усиление борьбы с ними – все это убедительно свидетельствовало о том, что абхазская деревня вступала в новый период своей истории – в период социалистического переустройства хозяйственной жизни.

---

[1] «Заря Востока», № 211, 12 сентября 1928 года.

[2] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3227, л л. 46–53.

[3] ПААО КП ГРУЗИИ, ф. 1, оп. 1, д. 23/1, лл. 208–211.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1926–1929 гг. Коммунистическая партия, неуклонно проводя ленинскую генеральную линию на построение социализма в СССР, осуществила поворот к социалистической реконструкции народного хозяйства, подготовила наступление социализма по всему фронту. В развитии абхазской доколхозной деревни этот период был важным этапом на пути к социализму. В деревне целенаправленно проводился комплекс экономических, социальных, политических и культурно-просветительных мероприятий, которые подготавливали условия для постепенного перевода крестьянства к коллективному хозяйству.

Исторические решения XV съезда ВКП(б) положили начало периоду непосредственной подготовки коллективизации крестьянских хозяйств. Глубокая перестройка всей работы в деревне в соответствии с курсом на коллективизацию и усиление наступления на кулачество началась и в Абхазии.

Огромное значение в борьбе за проведение в жизнь решений XV съезда партии имели постановление ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1928 г. «О работе Компартии Грузии» и постановление ЦК КП(б) Грузии от 26 сентября 1929 г. об Абхазской парторганизации, которые определили главные задачи социалистического строительства в деревне, мобилизовали усилия коммунистов вокруг вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В Абхазии, как и в ряде других советских республик, подготовка условий для коллективизации и ее проведение осложнялись слабым развитием промышленности, почти полным отсутствием национального рабочего класса. Разный уровень развития производительных сил в различных районах республики, слабость технической базы сельского хозяйства, отсутствие подготовленных сельскохозяйственных кадров также создавали определенные трудности.

Сельское население Абхазии являлось многонациональным. На небольшой территории проживали представители более 30

национальностей. Разноязычие, сложные отношения между народностями, явившиеся наследием колонизаторской политики царизма и меньшевистского правления в 1918 – февраль 1921 гг., различия в культурно-бытовом укладе и образе жизни создавали дополнительные трудности, требовали большой работы по укреплению дружбы народов.

Разбросанность крестьянских дворов по холмам и ущельям, преобладание отдаленных друг от друга мелких и средних населенных мест и бездорожье крайне осложняли работу по подготовке и проведению коллективизации в абхазской деревне.

Для Сельского хозяйства Абхазии, как и всей Грузии, были характерны малоземелье, чересполосица, множественность мелких земельных участков и дальноземелье. Это создавало большие затруднения в эффективном использовании земельных фондов и развитии коллективизации. Господствовавшая в абхазской деревне индивидуальная подворно-участковая форма землепользования была связана с особенной привязанностью крестьянина к своему земельному клочку, возрождала и поддерживала привычки и традиции частной собственности на землю, затрудняла осознание крестьянином смысла и значения национализации земли. Благодаря этому в ряде мест вплоть до конца 20-х гг. сохранились остатки помещичьего княжеско-дворянского землепользования, служившие основой экономического, а отчасти и политического влияния бывших помещиков среди части крестьянства.

Исторические, социально-экономические, национальные, географические и культурно-бытовые условия Абхазской АССР оказывали воздействие не только на процесс подготовки предпосылок для социалистического преобразования сельского хозяйства, но и на темпы, формы и масштабы самой коллективизации. Абхазская организация Компартии Грузии и правительство Абхазии под руководством ЦК КП(б) Грузии и Заккрайкома ВКП(б), внимательно учитывая своеобразие местных условий, последовательно проводили в деревне политику Коммунистической партии и Советского государства. Системой

продуманных мероприятий они стремились ослабить действие отрицательных факторов и создать необходимые условия для постепенного перехода к социализму.

Решающим условием успехов социалистического строительства в деревне явилось постепенное возрастание ведущего влияния командных экономических рычагов социалистического государства на развитие социально-экономических процессов. Накануне коллективизации значительно усилилась регулирующая роль государства в развитии производительных сил, рыночных отношений и кредитной системы. Это предопределяло содержание развития ведущих тенденций экономической и общественно-политической жизни абхазского села.

В 1926–1929 гг. в абхазской деревне заметно окрепли политические опорные пункты Коммунистической партии и Советского государства. Сельские партийные ячейки возглавляли и направляли деятельность всех общественных организаций села, развертывали политическую работу среди различных групп крестьянства, направляли в русло социалистического строительства возросшую активность трудящихся масс. Сельские советы намного улучшили свой социальный состав, вовлекли в государственное управление широкий беспартийный актив из беднейшего и среднего крестьянства. Освобождаясь из-под влияния сельского схода, они становились непосредственными исполнителями всех мероприятий социалистического государства на местах, школой общественно-политического воспитания трудящихся в духе социализма. Ленинский Коммунистический союз молодежи явился верным помощником партии в борьбе за новую советскую деревню. Важнейшими организациями, с помощью которых партия связывалась с крестьянством и перевоспитывала его в духе социализма, являлись кооперация, профсоюзные организации, делегатские собрания крестьянок, группы деревенской бедноты и др. Заметное оживление деятельности общественнополитических организаций, рост политической активности крестьянских масс, их сплочение вокруг рабочего класса и Коммунистической партии, усиление борьбы с эксплу-

ататорскими элементами – все это убедительно свидетельствовало о том, что абхазская деревня к концу 20-х годов вступала в новый период своей истории – в период социалистического переустройства хозяйственной жизни.

Накануне перехода к массовой коллективизации в абхазской деревне заметно окрепли экономические опорные пункты социалистического развития деревни, прежде всего, кооперативные товарищества – потребительские, сельскохозяйственно-кредитные, табаководческие. Они объединяли большинство крестьянских дворов (сельскохозяйственная кредитная – 57,4%, табачная – 87,5% табаководов), через их Советское государство осуществляло свою экономическую политику в деревне (кредитование, сбыт, снабжение, контрактация и т. д.). Сочетая интересы социалистического государства и трудящихся крестьян, кооперативные товарищества неуклонно расширяли хозяйственную деятельность, экономически связывали развитие единоличных крестьянских хозяйств с социалистической промышленностью, подчиняли стихию крестьянского рынка организующему и регулирующему влиянию государства, оказывали преобразующее воздействие на общественно-экономические отношения крестьянских хозяйств. Кооперативные прокатные пункты, питомники, табачные рассадники, опытные участки стали очагами для возникновения простейших производственных объединений крестьян – коллективных табачных сараев, коллективных рассадников и других, получивших заметное развитие с весны 1929 года.

Развиваясь в соответствии с ленинскими идеями, кооперация в абхазской деревне превратилась в важнейшую силу, организующую и вовлекшую крестьян в практическую работу по социалистическому строительству. Она служила для крестьян наиболее простой и понятной школой коллективного хозяйствования, помогала им совершить переход от низших видов экономического объединения и сотрудничества к высшим. Кооперация подготовила абхазскую деревню для более или менее одновременного перехода к процессу коллективизации.

После кооперации наиболее массовыми организациями абхазских крестьян-единоличников, также объединявшими их на хозяйственной почве, являлись кресткомы. В 1928–1929 гг. они значительно расширили свою деятельность по содействию подъему бедняцких хозяйств, вовлечению их в кооперацию. С переходом к коллективизации кресткомы перестраивают работу в соответствии с задачами социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Принципиально особое и исключительно большое значение имели социалистические формы хозяйства. Совхозы постепенно становились образцовыми социалистическими предприятиями. Они занимали еще незначительный удельный вес, но с 1928 г. заметно усилили влияние на крестьянские хозяйства, оказывали им агрикультурную помощь, все более пропагандировали передовую сельскохозяйственную технику и культуру земледелия. Росло и колхозное движение, особенно со второй половины 1929 г. На 1 декабря 1929 г. в колхозах состояло 3,4% крестьянских хозяйств Абхазии. В абхазской деревне еще не было крупных и образцовых колхозов. Но начавшееся колхозное движение было вызвано глубинными социально-экономическими процессами и оно свидетельствовало о том, что абхазская деревня находится накануне перехода к массовому колхозному движению.

К концу 20-х гг. в деревне Абхазии, подготовка предпосылок для сплошной коллективизации полностью не была завершена, но предпосылки для развертывания колхозного движения и постепенного перехода крестьян к социализму уже имелись. В создании этих условий и предпосылок заключается основной смысл той огромной работы, которая была проведена в абхазской деревне в 1926–1929 гг. В дальнейшем работа по подготовке социально-экономических, политических и организационных предпосылок для сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса продолжалась, однако теперь, на новом этапе развития абхазской деревни, она являлась уже органической и составной частью самого процесса коллективизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

I. ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазской АССР.

ф. 1 – Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Абхазской АССР.
ф. 2 – Совет Министров Абхазской АССР.
ф. 3 – Высший экономический совет (ЭКОСО) Абхазской АССР.
ф. 5 – Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) Абхазской АССР.
ф. 12 – Центральное статистическое управление (ЦСУ) Абхаз-ской АССР.
ф. 17 – Министерство сельского хозяйства Абхазской АССР.
ф. 28 – Министерство финансов Абхазской АССР.
ф. 38 – Революционный комитет Абхазии.
ф. 56 – Центральный комитет крестьянских обществ взаимопомощи (ЦККОВ) при Народном комиссариате социального обеспечения Абхазской АССР.
ф. 58 – Сухумское окружное управление.
ф. 59 – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) Абхазии.
ф. 60 – Союз кооперативных товариществ табаководов Абхазии (Абтабсоюз).
ф. 61 – Правление Союза сельскохозяйственных кооперативов Абхазии (Абсельсоюз).
ф. 100 – Государственная плановая комиссия (Госплан) Абхазской АССР.
ф. 123 – Уполномоченный Народного комиссариата снабжения Грузии в Абхазии (Уполнаркомснаб).
ф. 151 – Абхазский союз потребительских обществ (Абсоюз)
ф. 308 – Гагринский уездный ревком.

II. ПААО КП Грузии – Партийный архив Абхазского областного комитета Коммунистической партии Грузии.

ф. 1 – Абхазский обком КП Грузии.

III. Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС – Партийный архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
ф. 13 – Закавказский краевой комитет ВКП(б).
ф. 14 – Центральный комитет Коммунистической партии Грузии.

IV. Архив Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
ф. 1 – Архивный фонд.

V. Архив Абгосмузея – Архив Абхазского государственного музея им. Д. И. Гулиа.

Рецензии

А. Э. КУПРАВА.
АБХАЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ НА ПУТИ СОЦИАЛИЗМА
(Канун коллективизации. 1926-1929 гг.).
Тбилиси, изд-во «Мецниереба», 1977.

В последнее время изучение истории социалистического преобразования сельского хозяйства в Грузии, а также в отдельных регионах республики (Абхазия, Аджария) нашло отражение в монографиях, статьях, брошюрах. В исследование истории абхазской советской деревни определенный вклад внес А.Э. Куправа[1]. В рецензируемой книге на основе обширного круга источников, в том числе новых архивных материалов, освещается развитие абхазской деревни накануне коллективизации сельского хозяйства.

Значительное место в книге отводится характеристике и анализу состава сельского населения, его социальной и профессиональной структуры, распределения по отраслям народного хозяйства, что позволило автору раскрыть процесс развития классов и классовых групп в доколхозной абхазской деревне, определить их место в производственной и общественной жизни.

Интересные данные приводятся о национальном составе сельского населения Абхазии. В 1926 г. в сельской местности проживало свыше 30 национальностей, причем примерно 25 из них насчитывали менее 500 человек. Многонациональный состав крестьянского населения, разноязычие, сложные отношения между народностями, пишет автор, создавали дополнительные трудности на пути социалистического преобразования сельского хозяйства. В монографии подчеркивается, что различия национальных групп определялись

[1] **Куправа А.Э.** Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921-1925гг.), Сухуми, 1959; **его же.** История кооперации Абхазской АССР (1921-1929гг.). Тбилиси, 1968; **его же.** Культурное строительство в абхазской деревне (1921-1929гг.). Сухуми, 1973 и др.

не только языковыми особенностями, но и уровнем социально-экономического развития, культурно-бытовым укладом. Это еще более осложняло процесс коллективизации крестьянских хозяйств. В книге отмечаются трудности, связанные с крайней разбросанностью крестьянских дворов, что затрудняло экономическое развитие, политическое просвещение, распространение культуры.

В целом раздел о сельском населении Абхазии в 20-х годах написан интересно. Можно только пожалеть, что в нем допущены досадные неточности: судя по данным таблицы на с. 13, население Абхазии с 1921 по 1929 г. выросло на 31,4% вместо – на 23,9% (городское соответственно на 59,7% вместо – на 37,4%, сельское – на 27,9% вместо – на 21,3%).

В главе, характеризующей сельское хозяйство Абхазии накануне коллективизации, рассматриваются землепользование и землеустройство, обеспеченность крестьянских хозяйств сельскохозяйственными орудиями и инвентарем; показано также развитие сельскохозяйственного производства в 1926-1929гг. Наиболее обстоятельно изучены автором вопросы землепользования в доколхозной абхазской деревне.

Советская земельная политика в Абхазии, подчеркивается в книге, учитывала особенности социально-экономического и культурного развития региона, его физико-географические условия. Сохранившиеся в ряде мест остатки патриархально-феодального уклада в доколхозной деревне носили характер пережитков, поэтому здесь не потребовалось особой земельной реформы, как в республиках Средней Азии. Они преодолевались в процессе осуществления советских земельных законов и окончательно были изжиты уже в ходе коллективизации.

Интересны сведения о развитии сельскохозяйственного производства в Абхазии в 1926-1929гг. Автор, анализируя данные о посевных площадях важнейших сельскохозяйственных культур, развитии животноводства, показывает, что восстановление сельского хозяйства республики было завершено к 1926г.; однако в дальнейшем темпы его развития замедлились. Хотя накануне коллективизации посевная площадь расширилась, валовая продукция выросла, пого-

ловье скота увеличилось, в целом сельское хозяйство было отсталым, уровень его развития не соответствовал темпам роста социалистической промышленности и городского населения. Подъем сельского хозяйства мог быть достигнут только на базе его коренной социалистической реконструкции.

Большое внимание уделяется в монографии социальным процессам в доколхозной деревне. Автор подчеркивает, что социально-экономические процессы в стране определялись единой политикой социалистического государства (земельной, кредитной, налоговой, кооперативной и т.д.), но темпы «осереднячивания», состав и соотношение классовых сил в деревне зависели от специфики социально-экономического развития того или иного региона. На основе анализа данных о распределении посевных площадей, рабочего и продуктивного скота, обеспеченности крестьянских хозяйств основными средствами производства, об аренде и сдаче земли и сельхозинвентаря, применении наемного труда, а также о товарно-денежных отношениях в доколхозной деревне автор приходит к выводу, что в Абхазии к началу коллективизации сельского хозяйства социальная дифференциация была более глубокой, чем в других районах Грузии и страны в целом. Разрыв в уровне дохода кулацких и бедняцких хозяйств был очень большим – почти в 12 раз доход кулацкого хозяйства был выше бедняцкого. Это объясняется, по мнению автора, широким распространением в Абхазии высокотоварных культур (табак и др.), ускоривших товарно-капиталистическую перестройку аграрных отношений (с. 78).

Рассматривается в монографии и советская налоговая политика в деревне (как средство государственного регулирования социальных процессов). Налоговая политика Советского государства, отмечает автор, сыграла важную роль в укреплении союза рабочих и крестьян, в ограничении и вытеснение капиталистических элементов, в подготовке условий для проведения массовой коллективизации сельского хозяйства.

В главе, посвященной развитию первичных форм кооперации в Абхазии, основное внимание концентрируется на показе роли кооперативного движения в подготовке массовой коллективизации сель-

ского хозяйства. В этой связи рассматривается деятельность потребительской кооперации по обобществлению функций товарообмена крестьянского хозяйства, вытеснению частного торговца, спекулянта и скупщика. Кооперация укрепляла торговую смычку между социалистической промышленностью и индивидуальным крестьянским хозяйством, союз рабочего класса с крестьянством.

В работе показано значение сельскохозяйственной кооперации в коренном преобразовании советской деревни. На основании исследования конкретно-исторического материала автор приходит к выводу, что развитие кооперации в абхазской деревне – наряду с некоторыми особенностями – обнаружило те же закономерности, что и во всех других республиках и районах СССР. Главным социальным результатом развития первичных форм кооперации было то, что в социально-экономических отношениях в деревне возникли новые, коллективные начала, способствовавшие переходу крестьянских масс на путь производственного кооперирования.

В главе о колхозах и совхозах прослеживаются, в частности, первые шаги колхозного строительства в Абхазии, приведен ряд примеров организации колхозов, анализируются их социальный состав, основные уставные формы и т. д. Жаль только, что производственной деятельности колхозов в монографии мало уделено внимания, а ведь ее результаты имели важное значение для поворота основных масс крестьянства на путь коллективизации. Можно упрекнуть автора за некоторую противоречивость в изложении материала. Так, на с. 218-219 говорится, что в Абхазии в 1926г. было 4 колхоза, в 1927 г. – 7, лучшими из которых были колхозы «Красный труженик» и имени Миха Цхакая, а на с. 224 автор пишет, что к 1929г. колхозы здесь еще не были организованы.

Удачной, на наш взгляд, является глава об общественно-политических организациях деревни. Это особенно важно подчеркнуть еще и потому, что данная проблема не нашла должного отражения в нашей историографии. В центре внимания автора – сельские партийные организации, в которых в 1927г. состояло 476 коммунистов (с. 247). В работе рассказывается о деятельности сельских партийных ячеек по подготовке предпосылок коллективизации сельского хозяй-

ства в Абхазии, сплочению бедняцко-батрацкого актива деревни, о борьбе с проявлениями правого оппортунизма в партии и т. д.

В монографии также рассматриваются и такие массовые организации трудящихся, как Советы, комсомол, профсоюзы, делегатские собрания крестьян и другие. Подробно анализируется деятельность сельских Советов как органов диктатуры пролетариата в деревне и центров политического воспитания широких масс трудящегося крестьянства. При этом автор показывает не только достижения и успехи в работе Советов, но трудности и недостатки в их деятельности, остроту классовой борьбы в период выборов в Советы.

Обстоятельно освещаются в книге сельские комсомольские организации, которые ввиду малочисленности партийных организаций играли важную роль в деревне. Автору удалось хорошо показать и специфику работы общественных организаций в Абхазии, особенно в решении вопроса о вовлечении женщин в производственную и общественно – политическую жизнь.

Однако выяснение специфических особенностей развития абхазской доколхозной деревни не заслоняет общих закономерностей строительства социализма, а лишь еще больше их подчеркивает.

Анализ конкретно-исторического материала позволил автору сделать вывод о том, что к концу 20-х годов в результате огромной работы, проведенной в деревне, были созданы основные предпосылки для массовой коллективизации сельского хозяйства, хотя полностью эта работа и не была завершена. Но с переходом к сплошной коллективизации она стала теперь уже «органической и составной частью самого процесса коллективизации» (с. 307).

Монография А.Э. Куправа вносит заметный вклад в изучение истории абхазской доколхозной деревни.

А. М. ДЗИДЗИГУРИ, Н. А. ИВНИЦКИЙ,
Журнал «История СССР». Москва. 1979 г. №2. С. 173-175

ДОКОЛХОЗНАЯ АБХАЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ

За последнее десятилетие историография Абхазии сделала значительный шаг вперед, чему она в немалой степени обязана работам ученых нашей республики, в том числе доктора исторических наук А.Э. Куправа. Уже много лет он работает в одном из наиболее трудных разделов исторической науки, требующем как глубокого знания жизни деревни, так и тонкого понимания психологии крестьянства. К этому разделу относится и одна из самых значительных его работ «Абхазская деревня на пути социализма (канун коллективизации 1926-1929гг.)», выпущенная издательством «Мецниереба».

Актуальность монографии определяется тем, что без изучения исторических условий жизни доколхозной деревни, социально-экономических отношений в ней нельзя глубоко раскрыть объективную закономерность социалистического преобразования сельского хозяйства. Знание истории доколхозного села позволяет более зримо ощутить тот колоссальный скачок, который совершила деревня за период коренных преобразований в ней, воссоздать полную картину целенаправленной деятельности Коммунистической партии и Советского государства по вовлечению крестьянских масс в русло социалистического строительства.

Автор использовал обширный круг источников, ввел в научный оборот большое количество новых ранее не опубликованных материалов, выявленных им в партийных и государственных архивах Москвы, Тбилиси и Сухума.

Первая глава книги отводится анализу и характеристике сельского населения, в которой нашли отражение его рост, национальный состав, распределение по роду занятий и социальному положению.

В сельской местности республики проживали представители более 30 национальностей. Их состав был различен не только по языку, но и по уровню социально-экономического развития и культурно-бытовому укладу. Это создавало дополнительные трудности на пути социалистического преобразования.

В главе, характеризующей состояние сельского хозяйства Абха-

зии накануне коллективизации, обстоятельно разбираются вопросы землепользования, прослеживается процесс проведения первых аграрных преобразований, ход землеустроительных работ, указывается на то, что большие затруднения в эффективном использовании земельных фондов создавали характерные для абхазской деревни чересполосность землепользования, расселение крестьянских дворов в виде отдельных усадебных участков, их разбросанность. Особое внимание обращается на борьбу с куплей-продажей земли и на меры по дальнейшему ограничению аренды, особенно усилившиеся после XV съезда партии.

Обстоятельно рассматриваются мероприятия Советского государства по оказанию материально-технической помощи трудовому крестьянству и использованию экономических рычагов для регулирования социальных отношений в деревне. В монографии дана характеристика состояния сельского хозяйства к концу 20-х годов, показана объективная необходимость его социалистической реконструкции.

Особый интерес представляет раздел о классовом расслоении абхазской деревни накануне коллективизации.

Рассматривается в монографии и налоговая политика Советской власти, сыгравшая важную роль в ограничении и вытеснении капиталистических элементов. Она явилась эффективным средством государственного регулирования социальных процессов в деревне. Рассказывается и о деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, сыгравших большую роль в социальном обеспечении трудящихся крестьян-единоличников.

В главе о первичных формах кооперирования крестьянских хозяйств хорошо показана роль кооперации в разрешении социально-экономических противоречий переходной эпохи, в изменении соотношения классовых сил в абхазской деревне. Дан анализ классового состава потребительских и сельскохозяйственных кооперации, убедительно показано преобладание бедняцко-середняцких слоев, процесс вытеснения с помощью кооперации частно-капиталистического сектора из сферы товарооборота и производства, в том числе и такого трудоёмкого, как табаководство.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, автор подвергает тщательному анализу динамику соотношения капиталистического, мелкотоварного и социалистического секторов.

Рассматривая процесс перестройки деревенской торговли, автор руководствуется ленинским положением, что она является «оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой для того, чтобы общим фронтом начать экономический подъем».

В труде показана главенствующая роль сельскохозяйственной кооперации в коренных преобразованиях советской деревни. К концу 20-х годов в Абхазии функционировала разветвленная сеть сельскохозяйственной кооперации. Значительное место в ее деятельности занимало кредитование сельского хозяйства. Кредиты отпускались на возделывание трудоемких культур, в особенности табака и приобретение крестьянами сельскохозяйственных орудий и машин. Важное значение имело оказание помощи бедноте из льготного фонда.

С 1928г. основной формой сбытоснабженческой деятельности сельскохозяйственной кооперации становится система контрактации.

На основе хозяйственной деятельности сельскохозяйственной кооперации в 1928-1929гг. стали создаваться простейшие производственные объединения крестьян. Большой заслугой автора является то, что он, глубоко исследуя многообразный процесс внедрения сельскохозяйственной кооперации в крестьянское производство, вносит новый вклад в разработку этого вопроса советской историографией. Помимо общественных форм поселковых сельскохозяйственных кооперативов им изучен опыт создания таких первичных форм простейших производственных объединений, как «коллективные табачные рассадники», «коллективные опытные участки по применению минеральных удобрений», «коллективные табачные сараи».

В монографии показано начало колхозного строительства в республике, приведены конкретные примеры из истории организации

первых колхозов, названы фамилии активных участников колхозного движения, передовых крестьян села.

Представляет значительный интерес последняя, глава монографии, посвященная общественно-политическим организациям в деревне. Здесь подробно анализируется деятельность партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других объединений трудящихся. Всесторонне показана деятельность сельских партийных ячеек по подготовке предпосылок к коллективизации, сплочению бедняцко-батрацкого актива в борьбе с кулачеством и другими классовыми врагами. Особо следует отметить, что автору удалось раскрыть деятельность сельских Советов как органов власти на местах, как органов политического воспитания масс.

В этой работе удалось хорошо показать специфические особенности доколхозной абхазской деревни, процесс подготовки в ней условий для коллективизации. При этом, как правильно отмечают профессор Н. Ивницкий и доцент А. Дзидзигури в своей рецензии, опубликованной в журнале «История СССР», выяснение специфических особенностей развития абхазской доколхозной деревни не заслоняет общих закономерностей строительства социализма, а лишь еще больше их подчеркивает».

На наш взгляд, в работе недостаточное внимание уделено производственной деятельности первых колхозов. Жаль, что в монографии, комплексно исследующей экономическую, политическую и социальную историю деревни, отсутствует раздел о культуре. Однако отмеченные недостатки не умаляют достоинств монографии А.Э. Куправа, которая является большим вкладом в историографию Грузии и Абхазии, имеет большое практическое значение как ценное пособие для создания истории колхозов и совхозов республики. Следует отдать должное издательству «Мецниереба» и типографии АН Грузинской ССР за отличное полиграфическое оформление книги.

Б. САГАРИЯ, Л. ПРИЦКЕР,
кандидаты исторических наук.
Газета «Советская Абхазия», 15 июля 1980г.

Содержание

Введение……10

Глава первая. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АБХАЗИИ В 20-х ГОДАХ……17

Глава вторая. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АБХАЗИИ В ГОДЫ ПЕРЕД МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ……37
1. Землепользование и землеустройство……37
2. Сельскохозяйственная техника……72
3. Сельскохозяйственное производство……..79

Глава третья. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ……91
1. Социальная структура и социальные отношения……...91
2. Советская налоговая политика в деревне – средство государственного регулирования социальных процессов…157
3. Социальное обеспечение трудящихся крестьян-единоличников (крестькомы)……177

Глава четвертая. ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ КООПЕРИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ……191
1. Овладение деревенской торговлей. Роль потребительской кооперации……194
2. Сельскохозяйственная кооперация……224

Глава пятая. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА……265
1. Первые шаги колхозного строительства……265
2. Совхозы……...294

Глава шестая. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ……301
1. Сельские партийные организации в период подготовки условий для массовой коллективизации……301
2. Массовые организации трудящихся крестьян……322

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ……377

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……326

РЕЦЕНЗИИ……379

А. Э. КУПРАВА

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929 гг.)

Издательство «Алашара»
Сухуми – 1973

Предисловие

Советское крестьянство под руководством Коммунистической партии, при всемерной помощи и поддержке рабочего класса прошло большой и славный путь в борьбе за социализм. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, – сказано в Программе КПСС, – означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение».[1]

Социализм вызвал не только гигантский рост производительных сил деревни, невиданный социальный и политический прогресс, но и расцвет духовной жизни крестьян. Жители сел получили широкий доступ к среднему и высшему образованию, достижениям науки и техники, культуры и искусства. Раньше в деревне едва ли не единственным специалистом был кузнец. Ныне в сельском хозяйстве – сотни тысяч трактористов, комбайнеров, шоферов, машинистов, механиков, электриков. В деревне трудится огромная армия сельской интеллигенции – учителей, врачей, агрономов, зоотехников, инженеров, экономистов. В сельской местности построены десятки тысяч клубов, домов культуры, библиотек. Современную деревню уже нельзя представить без электричества, радио, телевидения. Все это – замечательные плоды социалистических преобразований на селе, победы культурной революции.

---

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1962, стр. 237.

За годы Советской власти коренным образом изменился облик абхазского села. Дело не только в том, что преобразился его внешний вид и в новых крестьянских домах появляются электричество, газ, водопровод, радио, телевидение, что в деревне выросли светлые школы, дворцы культуры, клубы, библиотеки, кинотеатры, магазины, лечебные учреждения, детские сады, предприятия бытового обслуживания. Изменились условия труда крестьян, и главное – их взаимоотношения в процессе производства. Колхозный строй воспитал в деревне нового человека – коллективиста, мыслящего широко, по-государственному, обогатил духовный мир крестьянина, создал все условия для того, чтобы он был грамотным, «цивилизованным кооператором», мог вести производство на основе достижений современной науки и техники.

Путь абхазского села от нищеты и «идиотизма деревенской жизни» до вершин современной передовой советской деревни не был легким. В процессе культурных преобразований приходилось преодолевать большие трудности. Но поистине титаническая деятельность партии и рабочего класса и пробуждение неиссякаемых творческих сил трудящегося крестьянства, вызванные советским строем, обеспечили победу культурной революции, огромный рост общей культуры деревни.

В данной книге рассматривается культурное строительство в доколхозной абхазской деревне. Хронологические рамки ее ограничены 1921 – 1929 годами, т. е. периодом с установления Советской власти в Абхазии до начала перехода крестьянства к массовой коллективизации. В работе исследуются борьба за ликвидацию неграмотности среди крестьянства, развитие школьного образования, культурно-просветительная и политико-массовая работа в деревне.

Некоторые эти вопросы в литературе частично уже освещались[1]. Но в целом история культурного строительства в до-

[1] См. В. И. Нарсия. Советская школа в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1956; М. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства.

колхозной абхазской деревне еще не изучена. Данная работа является частью монографии автора о доколхозном крестьянстве Абхазии. Она ставит своей целью в какой-то степени восполнить имеющийся в историографии пробел. В ней показаны становление и развитие советской системы просвещения, работа по перевоспитанию трудящихся масс, участие крестьян в развертывании культурного строительства, основные сдвиги в культурном развитии деревни. В рассматриваемый период партийными, советскими, профсоюзными, комсомольскими и другими организациями и учреждениями культуры был накоплен значительный опыт культурно-воспитательной работы среди разрозненных крестьянских масс. В работе прослеживается, как совершенствовались формы и методы просвещения трудящихся крестьян, как преодолевались исключительные сложности и трудности, встречавшиеся в культурно-преобразовательной работе на селе.

Материалы книги, раскрывающие исходные позиции культурного строительства в деревне, представляют не только научный, но и познавательный интерес, особенно для молодежи. Сравнивая то, что было в 20-х годах, перед началом коллективизации, с состоянием культуры современной колхозной деревни, она может получить ясное представление о том, какой могучий скачок совершила абхазская деревня за этот короткий срок.

Предлагаемая работа является первой попыткой изучения истории культурного строительства в доколхозной абхазской деревне. Естественно, не все вопросы, поставленные в ней, получили достаточно полное освещение. Книга выполнит свою задачу, если она внесет свою лепту в создание фундаментальной монографии по истории культуры абхазской деревни.

Сухуми, 1967; А. Э. Куправа. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921 –1925 гг.). Сухуми, 1961; А. К. Адлейба. К истории культурного строительстве в Абхазии (1921 – 1937 гг.). Сухуми, 1961; Т. Аршба. На пульсе времени. Очерки истории партийно-советской печати в Абхазии (1921 - 1925 гг.). Сухуми, 1970 и др.

Глава первая

БОРЬБА ЗА ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Тяжелое наследие

Советская власть от царизма получила тяжелое наследие в области культуры. Царское правительство и его чиновники знали, что безграмотность темнит сознание трудящихся, делает их беззащитными перед лицом всякого обмана, отдает во власть эксплуататоров. Поэтому они делали все возможное, чтобы народные массы оставались забитыми, непросвещенными.

В. И. Ленин в 1913 году с горечью писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть как в Думе, так и в Государственном совете, да и не только в этих учреждениях, сравнительно еще низших…»[1]

В условиях колонизаторской политики царизма особенно вопиющим было положение нерусских народов. Например, в 1904 году из бюджета Сухумского округа на все нужды народного образования было отпущено только 800 рублей, или по ¼ копейки на душу населения. Запрещалось обучение детей на родном языке. В 1914/15 учебном году из 156 школ Абхазии 150 были начальными, по существу карликовыми школами. Более половины всех школ являлись церковноприходскими, в работе которых центральное место занимали изучение закона божьего, церковнославянского

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

чтения и церковного пения. Эти школы открывались без всякой материальной базы. В 1916 году в 58 церковноприходских школах преподавали священники. Были школы, которые выпусков совсем не давали или имели очень редко. Не сделали ни одного выпуска Беслахубская школа за 8 лет, Старо-Черниговская – за 7 лет, Нижне-Баргебская – за 10 лет; Чхортольская школа за 13 лет выпустила 2-х учеников, Ажарская за 16 лет – 5 учеников, Блабурхвинская школа за 16 лет – 8 учеников, Шешелетская школа за 18 лет – 9 учеников и т. д.[12] Отсев учащихся из школ был очень велик.

Известно, что для подъема культуры масс необходимым условием является обеспечение трудящихся свободным временем и средствами для овладения культурой. В Абхазии, как и во всей дореволюционной России, отсутствовали эти условия. Абхазское крестьянство работало посредством отсталой техники и тяжелым ручным трудом добывало средства к существованию. Рабочий день для крестьянина длился от зари до зари. Вся экономическая и политическая обстановка дореволюционной деревни отчуждала массы трудящихся крестьян от культуры и просвещения. Лишь отдельным выходцам из крестьянской среды удавалось пробить себе дорогу к свету и знаниям.

Великая Октябрьская социалистическая революция, сделав народ хозяином своей судьбы, предоставила ему простор для творческой деятельности, открыла всем народам путь к просвещению и культуре. В январе 1918 года в речи на III Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»[2]. Пролетарская

[1] А.П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851-1917 гг.). Сухуми, 1956, стр. 300.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

революция сделала народные массы активными участниками строительства новой социалистической культуры.

Но трудящиеся многонациональной Советской страны не сразу смогли воспользоваться открытым для них доступом к сокровищам культуры. У них еще не было самого элементарного – грамотности. Преодоление массовой неграмотности населения – этого страшного наследия царизма – являлось одной из наиболее неотложных задач для начального периода культурной революции в СССР.

В Абхазии грамотность была более низкой. По переписи 1897 года в Сухумском округе из зарегистрированных 106 179 человек грамотных было всего 10255[1], а из 58 697 абхазов число грамотных не превышало 1 260 человек. Большинство неграмотных составляло сельское население. В округе без города Сухуми из 98 181 человек грамотных было 6 953 человека, или 7,1% всего сельского населения; грамотность среди крестьянок составляла 2,2 %[2]. Но и выявленное число грамотных относилось в основном к зажиточным слоям.

Наследство, полученное Советской властью в Абхазии в области народного просвещения, было выявлено переписью 1923 года. По этой переписи грамотных к общему количеству населения было 19,2%, причем, среди сельского населения – 13,8%- Грамотных среди женщин было 12,5%, при этом в городах – 46,5%, в сельской местности – 6,9%[3]. В переписи 1923 года также даются сведения о грамотности населения по возрастам. В сельской местности из 45 369 человек в возрасте от 18 до 40 лет грамотных было только 8 695 (19,1%), из них – мужчин 30,6%, женщин – 7,7% [4].

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.». XVI, 1905, стр. 27.

[2] 10 лет Советской Грузии. 1921 – 1931. «Статистический сборник». Тифлис, 1931, стр. 50.

[3] Там же, стр. 50.

[4] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 46.

Первые шаги по преодолению массовой неграмотности

Ко времени установления Советской власти в Абхазии уже имелся опыт первых лет работы по ликвидации неграмотности в Советской России. Решающую роль в расширении масштабов похода против неграмотности сыграл декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанный В. И. Лениным 26 декабря 1919 года. Значительный опыт по осуществлению этого исторического декрета был накоплен в годы гражданской войны.

С переходом к восстановлению народного хозяйства и в связи с его социалистическим преобразованием Коммунистическая партия очень остро поставила вопрос о ликвидации массовой неграмотности. В. И. Ленин в своих знаменитых статьях «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации», а также в ряде других работ, относящихся к 1921 – 1923 годам, со всей силой подчеркивал важность преодоления массовой неграмотности и выдвинул эту задачу, как одну из насущных и боевых задач партии в деле повышения культурно-политического уровня народных масс. Без искоренения массовой неграмотности, говорил он, нельзя решить ни политические, ни экономические задачи. По мнению В. И. Ленина, «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»[1]. В. И. Ленин указывал, что «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»[2].

В Абхазии подготовительная работа по ликвидации неграмотности началась в первые же месяцы Советской власти. В мае 1921 года заведующий Отделом народного образования Гумистинского уездного ревкома М. Квашилава предложил волостным ревкомам составить по всем селам уезда списки жи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174

[2] Там же, т. 41, стр. 315.

телей в возрасте от 7 до 17 и от 17 до 40 лет в целях приобретения статистических сведений грамотности населения[1]. Отдел народного образования Самурзаканского уездного ревкома постановил «организовать чрезвычайный совет по борьбе с неграмотностью в уезде...»[2]. Повсеместно проводилась работа по учету неграмотного населения и пропаганда необходимости ликвидации неграмотности трудящихся. 7 декабря 1921 года Главполитпросвет через газету «Голос трудовой Абхазии» обратился к трудящимся республики со статьей «Долой неграмотность!». «Пора, наконец, избавиться от своего невежества, пора пробудиться к сознательной жизни, ибо грамота нам, трудящимся, даст возможность сознательного участия в политической жизни страны»[3], – говорилось в ней.

12 декабря 1921 года Ревком Абхазии на основе соответствующего ленинского декрета разработал и принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения ССР Абхазии»[4], который гласил:

«В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в общественной жизни страны, Ревком Абхазии постановляет: 1) Все неграмотное население республики в возрасте от 14 до 50 лет обязано обучаться грамоте в школах, открываемых Политпросветом»[5].

Согласно декрета Политпросвету предоставлялось право привлечения грамотных граждан в порядке трудовой повинности к обучению неграмотных. Учащиеся ликбеза в дни занятий освобождались на 2 часа от работы с сохранением заработной платы. Школы ликбеза обеспечивались помещениями, снабжались необходимыми пособиями. Снабженческим организациям

---

[1] «Укрепление Советской власти в Абхазии. Сборник документов и материалов (1921 –1925 гг.)». Сухуми, 1957, стр. 162.

[2] А. К. Адлейба. К истории культурного строительства в Абхазии. стр. 20.

[3] Газ. «Голос трудовой Абхазии», № 115, 7 декабря 1921 г.

[4] «Укрепление Советской власти в Абхазии», (1921-1925 гг.), 1961, стр. 169–170.

[5] Там же, стр. 169.

вменялось в обязанность удовлетворять потребности ликбеза в первую очередь. Декрет требовал привлечения в движение за ликвидацию безграмотности членов Коммунистической партии, профсоюзов, комсомола, женотделов и других организаций трудящихся.

В отличие от РСФСР, возраст привлекаемых к обязательному обучению грамоте устанавливался в Абхазии не от 8 до 50 лет, а от 14 до 50 лет[1]. Это объяснялось, главным образом, недостатком педагогических кадров, необходимых средств учебных пособий. Внимание было направлено на обучение в ликбезе прежде всего более взрослого населения. А детей до 14 лет предполагалось охватить общеобразовательными школами.

В Абхазии первые школы ликбеза были организованы профсоюзами. В июне 1921 года в г. Гудаута создается и первая школа ликбеза для женщин, в которой обучалось 33 женщины[2]. В 1922 году в г. Сухуми имелось несколько профсоюзных ликбезов. Рабочие с радостью участвовали в их создании. Об открытии одного из первых школ ликбеза газета «Голос трудовой Абхазии» сообщала: «Наконец, давно желанная мечта претворяется в жизнь – первая школа, рассчитанная на 30 человек, открыта. Рабочий, который прозябал в минувшее время в темноте и невежестве, знает, как ценно и дорого всякое знание. Грамотный рабочий, классово воспитанный, только и может быть проводником коммунизма»[3].

Одновременно проводилась разъяснительная работа по организации школ ликбеза в деревне. Коллегия Наркомпроса Абхазии 17 января 1922 года, рассмотрев вопрос «О проведении на местах докладов по ликвидации неграмотности», постановила прочитать в каждом уездном центре и крупном сельском

---

[1] Декретом же Совнаркома от 11 мая 1922 г. возраст подлежащих обязательному обучению в школах ликбеза был установлен от 18 до 50 лет. См. «Укрепление Советской власти в Абхазии», стр. 214-215.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 17/10, л. 117.

[3] «Голос трудовой Абхазии», № 116, 25 мая 1922 г.

населенном пункте по 2 – 3 лекции о ликбезе на абхазском, грузинском и русском языках[1]. Наркомпрос Абхазии обратился к учительству с призывом о безвозмездной ликвидации неграмотности среди крестьянских масс. Во многих местах откликнулись на этот призыв, открыли школы ликбеза. Но сведения о количестве таких школ и о числе учащихся, обученных в 1921 – 1922 годах, не сохранились[2].

В 1922 году Абхазский обком комсомола и Наркомпрос организовали кампанию по ликвидации азбучной неграмотности среди членов комсомола в городе и сельской местности[3].

Однако объективные условия, сложившиеся в первые годы Советской власти в Абхазии, значительно осложнили организацию работы по ликвидации неграмотности. Это было время, когда Советская страна совершала переход к мирному хозяйственному строительству в условиях нэпа. «Посмотрите на карту РСФСР, – говорил В. И. Ленин в 1921 году. – К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»[4]. Страна была охвачена голодом. Первоочередными задачами стали восстановление промышленности, сельского хозяйства и транспорта, борьба с эпидемиями, которые требовали больших государственных средств. В это время рабоче-крестьянскому государству приходилось экономить на всем, даже на школах.

В связи с этими трудностями культурно-просветительные учреждения были сняты с государственного бюджета и переведены на еще неокрепший местный бюджет, доходы которого были слишком скудны, особенно в сельских районах и на наци-

[1] А. М. Чочуа. Собрание сочинений, т. II. Сухуми, 1969, стр. 350.
[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 47, л, 3.
[3] «Голос трудовой Абхазии», 11 октября 1922 г.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

ональных окраинах[1]. Переход на хозрасчет привел к закрытию целого ряда культпросветучреждений. Только за первый год нэпа число пунктов по ликвидации неграмотности в среднем со 105 на каждый уезд страны сократилось до 5, т. е. больше чем в 20 раз. Такой спад продолжался до весны 1923 года[2].

В эти годы остро ощущалась нужда ликбеза в учебных пособиях, письменных принадлежностях и т. д. Вспоминая об этом, Н. К. Крупская писала, что «это было время, когда приходилось учиться без учебников, бумаги и чернил, чинить карандаши топором, учиться при лучине, когда женщины в ряде национальных районов ходили еще под паранджой, когда еще было сильно влияние религии»[3].

Сложившаяся обстановка наиболее болезненно отразилась на культурно-просветительной работе в сельских местностях, особенно национальных районов. Абхазия, например, не располагала необходимыми источниками доходов, бюджет республики был дефицитным. Значительное число школ и большинство культурно-просветительных учреждений, созданных в первые годы Советской власти, находились на содержании самого населения. Аппарат политпросвета, призванный руководить всей культурно-просветительной работой республики, не имел средств для внешкольного образования трудящихся. Так было до осени 1923 года, когда Главполитпросвет Абхазии был выделен в самостоятельную организацию при Наркомпросе с твердо установленным штатом и собственной сметой[4].

Коммунистическая партия и Советская власть прилагали большие усилия к тому, чтобы в трудных условиях того времени обеспечить хотя бы минимальные возможности для развития работы ликбеза. В. И. Ленин в статье «Странички из дневника»

---

[1] В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967, стр. 105.

[2] Там же, стр. 106.

[3] Н. К. Крупская. Ликвидация неграмотности. Сборник статей, докладов и разных материалов за 1920–1936 гг. М., 1938, стр. 87.

[4] ЦГАА, ф. 55, д. 42, л. 4.

потребовал увеличить государственные расходы на нужды развития массового просвещения, улучшить материальное положение учителей, развить шефство города над деревней, вовлечь всю грамотную массу в работу по ликвидации неграмотности. «В пролетарско-крестьянском государстве, – писал он, – много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких, либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика»[1].

В. И. Ленин требовал проявить особую заботу о деревне. Тогда же в работе «О кооперации» он писал, что перевод крестьянства на путь социализма связано с поднятием уровня культуры деревни, с всеобщей грамотностью населения, что обучение грамоте крестьянских масс должно быть поставлено в связи с практическим использованием полученных знаний[2]. Последние статьи В. И. Ленина оказали огромное влияние на дальнейшее развертывание культурного строительства и ликвидации неграмотности.

Важную роль в расширении борьбы против неграмотности сыграло созданное в 1923 году массовое добровольное Общество «Долой неграмотность» (ОДН). Общество ставило задачу – помочь партии и Советской власти полностью ликвидировать неграмотность и малограмотность среди населения страны в кратчайший срок. Председателем Центрального правления ОДН был избран М. И. Калинин.

С 1923 года заметно усилилось внимание к проблеме ликвидации неграмотности во всех республиках. При Совнаркоме республики был создан Общественный комитет по ликбезу под председательством М. Г. Цхакая. В него вошли Д. Канделаки, Мария Орахелашвили, Л. Сухишвили, С. Тодрия, М. То-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 365.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 372.

рошелидзе, Г. Ахвледиани и другие общественные и государственные деятели[1]. В 1923 году в Грузии было основано массовое общество по ликвидации неграмотности «Церкумси», которое затем было переименовано в общество «Цера-китхва» («Долой неграмотность»). В следующем году общество имело в различных пунктах 300 ячеек, в которых состояло приблизительно 30 тыс. членов[2]. Это общество развернуло энергичную работу по пропаганде среди населения необходимости ликвидации неграмотности[3], сыграло большую роль в борьбе за всеобщую грамотность и в Абхазии.

Если в первые годы ликвидацией неграмотности в Абхазии занимались в основном профсоюзные и комсомольские организации и эта работа опиралась на общественную самодеятельность, то с осени 1923 года Главполитпросвет Абхазии начал открывать бюджетные пункты по ликвидации неграмотности (ликбезы)[4]. В первую очередь к обучению привлекались допризывники, комсомольцы, работники милиции, члены профсоюзов. II съезд Советов Абхазии (декабрь 1923 г.) ликвидацию азбучной неграмотности выдвинуло как одну из первоочередных и боевых задач предстоящей работы и признал необходимым к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции обучить грамоте трудоспособное население в возрасте до 40 лет. Для осуществления этого съезд постановил изыскать достаточные средства, а также принять всевозможные меры для вовлечения населения в кампанию по ликвидации неграмотности[5].

---

[1] Д. Майсурадзе. Культура Советской Грузии. Тбилиси, 1965, стр. 52.

[2] Ц. П. Каландадзе. Культурная революция в Грузии, стр. 13.

[3] Е. Джиоева. Борьба партийной организации и Советского правительства Юго-Осетии за решение задач ликвидации неграмотности и 1021 – 1932 годах. – «Мацне» (Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР), 1966, 3, стр. 72–73.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 612.

[5] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922–1923 гг.)». Сухуми, 1959, стр. 196.

В 1923/24 учебном году по плану Главполитпросвета Абхазии намечалось открыть 50 школ ликбеза, но из-за недостатка средств удалось создать только 21 с охватом до 600 человек[1]. Это были первые бюджетные ликбезы в Абхазии. В уездах имелось 39 таких ликбезов. Открытие в селах государственных школ ликбеза имело большое значение. Тогда же началась работа по привлечению самих крестьян в организацию ликвидации неграмотности. «Крестьянин, на борьбу с неграмотностью!» – так называлась передовая статья газеты «Голос трудовой Абхазии» от 8 апреля 1924 года. «Кто, как не крестьянин страдает от неграмотности, от темноты, – говорилось в ней. Государство идет ему на встречу. Оно устраивает пункты ликбезов, избы-читальни, библиотеки. Сейчас в городах все, желающие помочь борьбе с неграмотностью, вступают в общество «Долой неграмотность!». Такие общества крестьянам надо устраивать у себя в деревнях. Наш великий вождь Владимир Ильич оставил нам завет: «К 10-летию Октябрьской революции не должно быть ни одного неграмотного». Крестьяне должны приложить все силы и средства к тому, чтобы выполнить этот завет»[2]. Эти призывы находили все большую поддержку трудящихся крестьян.

Сохранились сведения о деятельности некоторых первых сельских ликбезов. В 1923/24 году в Самурзаканском уезде ликбезы имелись в селах Отобая, Баргеби, Тагилони, Чубурхинджи, Саберио, Мухури, Бедия и местечке Гали. Они работали при школах и охватывали 220 неграмотных допризывников. Занятия в них проводились в неделю 6 раз по 2 часа. Учителя для ликбезов были подобраны уездным парткомом и уездным политпросветом. В отчете уездного политпросвета отмечалось, что секретарь уездного парткома Д. Тория для учащихся ликбеза лично доставил из Главполитпросвета 120 грузинских букварей и столько же русских, а также карандаши и тетради. Далее в отчете говорилось: «Учащиеся посещают школу аккуратно.

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 42, л. 7.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 103, 8 апреля 1924 г.

Вообще работа по ликвидации азбучной неграмотности вполне удовлетворительна, а равно и трудовое крестьянство относится к этому хорошо»[1]. В июле 1924 года и Самурзаканском уезде состоялся выпуск учащихся школ ликбезов. В 4-х ликбезах программный материал был полностью пройден. Учащиеся показали достаточную подготовку и получили удостоверения об окончании четырехмесячных школ ликбеза. В остальных 4-х ликбезах занятия были продолжены[2]. В 1923/24 учебном году в Самурзаканском уезде в ликбезах было обучено грамоте всего 172 человека[3].

В начале 1924 года в селах Лечкоп, Ачадара и Эшера Гумистинского уезда были организованы армянские ликбезы. В селе Эшера под руководством зав. школой Х. Эрицяна успешно работал ликбез, объединявший до 50 человек[4]. Других данных о работе первых сельских ликбезов не сохранилось.

Выпуск учащихся школ ликбеза всегда являлся большим событием в культурной жизни сельской молодежи. Один из таких выпусков описан в газете «Голос трудовой Абхазии»: «Несмотря на дождливую погоду, еще с утра стала собираться молодежь с красными флагами и пением. Это собираются слушатели ликпунктов. Их человек около 80. У всех веселые, бодрые лица. Все они гордятся тем, что за короткое время научились читать, писать и даже письменно производить арифметические действия из чисел, необходимых в повседневной жизни».

Главполитпросвет Абхазии, анализируя первый опыт по ликвидации неграмотности в деревне в 1923/24 учебном году, указал на ряд обстоятельств, которые затрудняли работу ликбеза. Это отсутствие опыта, недостаток материальных средств, учителей-ликвидаторов, учебных пособий – букварей русских,

---

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 25, л. 4.

[2] Там же, л. 31.

[3] 3-я сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет). Сухум, 1926, стр.. 27.

[4] ЦГАА, ф. 55, д. 25, л. 1.

грузинских, армянских и полное отсутствие абхазских и греческих букварей. Организации школ ликбеза препятствовали разбросанность селений, бездорожье, отсутствие помещений и многонациональный состав сельского населения. Проведение занятий в ликбезе тормозилось полевыми сельскохо-зяйственными работами и, чтобы сохранить учащихся, приходилось занятия в деревне проводить в неделю вместо 6 лишь 3 раза, а потом 1 раз по воскресениям. Кроме того, встречались факты, когда оказывалось невозможным «совместное обучение мужчин и женщин». Там, где учителем женщина, – сказано в отчете Главполитпросвета, – мужчины не идут, и наоборот. Этот вопрос является чрезвычайно сложным и тормозящим работу ликбеза. Разрешить же его в положительном смысле в скором времени вряд ли удастся»[1]. В 1923/24 учебном году в школах ликбеза ликвидировали неграмотность только 4 крестьянки[2].

Учитывая опыт 1923/24 учебного года, Главполитпросвет признал целесообразным проводить занятия в деревне в ноябре – феврале, когда крестьяне меньше заняты. Кроме того, был поднят вопрос о выработке мер поощрения крестьян, обучающихся в ликбезе, и о своевременном приобретении букварей и других учебных пособий, издаваемых в других республиках[3]. Остро ставился вопрос об усилении ассигнований на нужды ликбеза.

Добиваясь коренного перелома в работе по ликвидации неграмотности населения, Абхазский обком КП(б) Грузии и правительство Абхазии в 1924 году провели ряд важных мероприятий по усилению борьбы с неграмотностью. Было учреждено «Общество по борьбе с неграмотностью», которое призвано было содействовать Главполитпросвету в его работе по внешкольному образованию, в частности, в осуществлении ликвидации неграмотности в Абхазии, «усматривая в этом один из основных этапов на пути хозяйственного и культурного раз-

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 42, л. 8.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 198/2, л. 125.
[3] ЦГАА, ф. 55, д. 42, лл. 8–9.

вития страны и укрепления в ней советской общественности»[1]. По уставу Общество обязано было организовать школы и группы ликвидации неграмотности, включая их в общую сеть школ Главполитпросвета принимать меры к изысканию материальных средств для поддержки учреждений, связанных с ликвидацией неграмотности, проводить митинги, лекции, беседы, выставки для разъяснения необходимости борьбы с неграмотностью, распространять учебные пособия, плакаты и т. д. В Общество могли вступать граждане, достигшие 18 лет, а также организации и предприятия в качестве коллективных членов. Согласно уставу, высшим органом Общества считался его республиканский съезд, а между съездами – Центральное правление.

В ходе агитации за вступление в Общество и за ликвидацию неграмотности были выдвинуты и такие лозунги: «Грамотный! Ты в долгу перед неграмотным, расплатись, обучив его!», «Руки, привыкшие хорошо держать книгу, смогут и лучше держать винтовку на защиту революции», «Неграмотных женщин почти в 3 раза больше, чем мужчин – в 3 раза больше их должно быть на ликпункте», «Только грамотная мать опора своего ребенка»; «Стой! Ты записался в Общество по борьбе с неграмотностью?» и др.

Отделения Общества по борьбе с неграмотностью стали возникать на предприятиях, в учреждениях и кооперативах. При организации отделений Общества в сельской местности особую активность проявляли учителя и школьники.

В целях поощрения взрослых лиц, обучающихся грамоте, постановлением Президиума СНК ССР Абхазии от 16 сентября 1924 года были установлены особые льготы: 1) право на ношение оружия, 2) освобождение от общественных поручений, 3) право на получение сельскохозяйственного кредита в первую очередь[2]. Решением Наркомзема Абхазии, крестьяне, посещавшие ликпункты, снабжались в первую очередь лесом для хозяйственных нужд по льготной цене и семенной ссудой[3].

---

[1] «Устав Общества по борьбе с неграмотностью». Сухум, 1924, стр. 1.

[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 79.

[3] Газ. «Трудовая Абхазия», № 233, 17 октября 1924 г.

Летом 1924 года на краткосрочных педагогических курсах по переподготовке учителей, открытых Наркомпросом в Сухуме, был прочитан специальный курс лекций по ликвидации неграмотности, а также по политпросветработе в деревне. Главполитпросвет Абхазии в отчете за 1924 год отмечал: «Влияние курсов заметно отразилось на работе в деревне. Многие из учителей начали принимать активное участие в работе изб-читален»[1].

В ходе подготовки к 1924/25 учебному году партийные организации усилили руководство ликбезработой. 24 октября 1924 года партийная ячейка села Ачандара, в присутствии секретаря Гудаутского уездного комитета партии К. З. Апба, обсудила вопрос о ликвидации неграмотности в Ачандарской общине и постановила: «Всеми мерами поддержать регистрацию неграмотных. Просить о командировании в Ачандары двух учителей для занятий с неграмотными и малограмотными»[2]. Душой ликбезработы являлись партийные ячейки. С их помощью подбирались помещения и ликвидаторы, комплектовались группы и т. д.

В декабре 1924 года отмечалось 5-летие ленинского декрета о ликвидации неграмотности. Газета «Трудовая Абхазия» в передовой статье «Декрет Ильича должен быть выполненным» призывала трудящихся республики мобилизовать свои усилия вокруг задач ликвидации неграмотности. «Тов. Ленин придавал этой работе огромное значение, – сказано в ней. – Неслучайно этот декрет был подписан им, не случайно и то, что он был написан во время бурь гражданской войны. Не случайно, потому что великий вождь видел совершенно отчетливо и ясно всю огромную важность этой задачи... Декрет Ильича должен быть выполнен, в этой работе примут участие самые широкие слои трудовых масс, этому обязывает каждого – звание гражданина пролетарской республики».[3]

---

[1] Там же, №2, 3 января 1925 г.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 107, л. 52.

[3] «Трудовая Абхазия», № 289, 25 декабря 1924 г.

В дни юбилея ленинского декрета, 24 декабря 1924 года, Президиум ЦИК Абхазии принял постановление «О ликвидации неграмотности»[1]. Ликвидация неграмотности среди городского и сельского населения Абхазии была признана «наиболее важной общественно-политической задачей народного просвещения, тесно связанной с культурным и экономическим возрождением страны»[2]. Постановление обязывало всех неграмотных граждан в возрасте от 18 до 40 лет, а организованные группы населения независимо от возраста обучаться грамоте по желанию на родном или на русском языке. В постановлении указывалось на необходимость ликвидации неграмотности к 10-летию Октябрьской революции. В первую очередь привлекались в школы неграмотные из числа организованного населения – члены профсоюза, комсомола милиционеры и призывники. Неорганизованное население привлекалось в школы в определенной последовательности, начиная с более молодых возрастов. К активному участию в работе по ликвидации неграмотности призывались все общественные организации трудящихся. В постановлении говорилось о том, что лица, препятствующие посещению ликпунктов или замеченные в злостной агитации против ликвидации неграмотности, подлежат привлечению к уголовной ответственности.

В связи с намечавшимся расширением движения за сплошную грамотность возникла необходимость сосредоточить всю организационную работу по ликвидации неграмотности в специальном органе, наделенном широкими полномочиями. Таким органом в Советской России являлась Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКл/б), учрежденная при Наркомпросе РСФСР декретом Совнаркома от 19 июля 1920 года.[3] Постановлением ЦИК Абхазии от 24 декабря 1924 года при Главполитпросвете была образована

[1] «Трудовая Абхазия», № 2, 3, января 1925 г.

[2] Там же, № 2, 3 января 1925 г.

[3] В. А. Куманев. Указ. работа, стр. 74.

Абхазская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (Абчекаликбез), а в уездах – Грамчека. Главполитпросвет ведал, помимо организационной работы по ликбезу, всеми другими видами политико-просветительной работы среди взрослого населения (библиотечное дело, школы для взрослых всех типов, клубы, народные дома).

4 января 1925 года было опубликовано положение об Абчекаликбез и Гамчека в уездах. Основными их задачами являлись: наблюдение за выполнением в Абхазии всех постановлений и распоряжений по ликвидации неграмотности, исходящих от центральных органов власти; выработка и проведение через уездные исполкомы и сельсоветы обязательных постановлений по ликбезу; организаторская и инструкторская работа по проведению на местах агиткампаний по ликвидации неграмотности; обеспечение выполнения планов и смет по финансированию и снабжению ликпунктов и школ для малограмотных и т. д.[1]

В руководящий состав Абчекаликбез вошли представители обкома партии, Совпрофа, Главполитпросвета, Наркомвоендела. Председателем его был назначен председатель ЦИК и нарком просвещения Самсон Чанба. Уездные грамчека были образованы в составе председателя уездного исполкома (председатель), секретаря уездного парткома и зав. уездным политпросветом. Большую помощь Абчекаликбезу и Обществу по ликвидации неграмотности оказывали видные представители народного просвещения республики А.Чочуа, Д. Гулиа, С. Басария, К. Дзидзария, Ф. Эшба и многие другие.

Проведенные мероприятия обеспечили расширение работы по ликвидации неграмотности. В 1924/25 учебном году по сравнению с предыдущим годом число школ ликбеза увеличилось в 6 раз, а количество лиц, ликвидировавших неграмотность – в 15 раз (см. таблицы 1 и 2).

13 июля 1925 года президиум Абхазского обкома КП (б) Грузии обсудил вопрос о работе школ ликбеза и отметил, что

[1] «Трудовая Абхазия», № 3, 4 января 1925 г.

отдельные национальные школы не обеспечены преподавателями. Были намечены меры по подготовке преподавателей для национальных ликпунктов.

III съезд Советов Абхазии (март – апрель 1925 г.) признал необходимым еще более расширить сеть культурно-просветительных учреждений в деревне, увеличить ассигнования по местному бюджету на нужды ликвидации неграмотности. Сессия ЦИК Абхазии, состоявшаяся в ноябре 1925 года, отметив исключительную важность культурно-просветительной работы среди широких крестьянских масс, постановила: «Для наиболее успешного проведения кампании массовой ликвидации неграмотности обязать сельсоветы оказывать всестороннюю поддержку школам ликбеза во время их функционирования, главное внимание обратив на обеспечение их соответствующими помещениями… Уездным исполнительным комитетам поручить постоянное наблюдение за деятельностью сельсоветов в этом направлении…»[1].

Руководствуясь этими директивами, Главполитпросвет Абхазии разработал план развития культурно-просветительных учреждений и школ ликбеза на 1925/26 год. В отличие от прошлых лет за несколько месяцев до начала учебного года была проведена подготовительная работа по организации ликпунктов в селах, (учет неграмотного населения, выяснение возможностей открытия ликпунктов на местах, агитационная работа и т.д.).[2] «В прекрасной Абхазии, изобилующей громадными природными богатствами, не должно быть темных, невежественных граждан, – писал Главполитпросвет в инструкции по проведению учета грамотности. – Каждый гражданин свободной Советской республики Абхазии должен быть достаточно культурным, чтобы уметь использовать равноправие и способствовать развитию производительных сил страны, использовав все

[1] ЦГАА, ф. 1. Д. 18, л. 316.
[2] Там же, ф. 55, д. 64, л. 12.

богатейшие возможности своего родного края. Величественна природа – велик должен быть и ее хозяин-человек. А потому долой тьму и невежество. Да здравствует просвещение рабоче-крестьянских масс ССР Абхазии!»[1].

Правительство Абхазии принимало всевозможные меры для удовлетворения пробудившейся в народных массах жажды к просвещению. С каждым годом расширялась в деревне сеть общеобразовательных школ, избчитален, красных уголков. Однако и к концу восстановительного периода в селах Абхазии было значительное число школ и культурно-просветительных учреждений, которые содержались самим крестьянством. Из-за слабости местного и государственного бюджетов многие учреждения культуры, создававшиеся по инициативе населения, не включались в сметы. По той же причине не открывалось большинство культурно-просветительных учреждений и школ ликбеза, предусмотренных планом Главполитпросвета. По этому поводу Наркомпрос и Главполитпросвет писали в Совнарком Абхазии следующее: «В силу маломощности местного бюджета содержание большинства этих учреждений (запланированных – А.К.) не было включено в сметы, благодаря чему жизненно необходимые учреждения и в 1925/26 году так же, как и в прошлые годы, не будут функционировать, что в сильной степени отражается на культурном и политическом воспитании крестьянства Абхазии».[2] Главполитпросвет в отчете о ликвидации неграмотности за 1925/26 учебный год указал на острую необходимость пополнения средств для ликбеза «общими силами местного и государственного бюджетов и средствами общественных организации».[3] Главполитпросвет предпринимал меры для организации внебюджетных ликпунктов по соглашению с профсоюзами, кооперативами и женотделом обкома.[4]

[1] Там же, л. 7.
[2] ЦГАА, ф. 55, д. л. 47.
[3] Там же, д. 64, л. 14.
[4] Там же, д. 64, лл. 12-13.

В 1925/26 учебном году, несмотря на принятые меры, не удалось увеличить сеть школ ликбеза, наоборот, количество их немного даже сократилось (см. таблицу 1.). Однако, как об этом сказано в материалах правительства Абхазии, Главполитпросвет «создал все условия для того, чтобы работа в школах ликбеза была углублена и качественно улучшена»[1]. Он в основном обеспечил ликпункты и школы для малограмотных учебными пособиями путем их своевременного завоза из РСФСР, Тбилиси и Еревана. «Вся открытая сеть ликпунктов и школ малограмотных, – говорится в отчете Главполитпросвета за 1925/26 уч. год, – снабжена полностью учебными и методическими пособиями и писчебумажными принадлежностями задолго до начала учебных занятий. Ощущается лишь недостаток для чтения на абхазском языке, не хватает также букварей на греческом языке».[2] В связи с затянувшейся реформой абхазского письма (в 1926-1927 годах) нехватка учебников на абхазском языке испытывались и в последующие годы.

Улучшению качества работы ликбеза способствовало и то, что в ходе ликвидации неграмотности постепенно накапливался опыт, росли кадры активистов ликбеза, более эффективной становилась их деятельность.

Углублению и качественному улучшению работы ликбеза к концу восстановительного периода содействовало усиление внимания в ликпунктах политическому воспитанию учащихся. «Надо не только обучать неграмотных грамоте, – напоминал М.И. Калинин, – но и дать им нужное политическое воспитание… Надо самых неграмотных в процессе обучения привлечь к общественной деятельности»[3]. С введением в середине 20-х годов в ликпунктах и школах для малограмотных курса политграмоты обучение элементарной грамоте все более стало сочетаться с политическим воспитанием учащихся. Программа

[1] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 47.

[2] ЦГАА, ф. 55, д. 64, л. 13.

[3] М.И. Калинин. О вопросах социалистической культуры. М., 1938, стр. 59.

политграмоты в школах для малограмотных предусматривала изучение таких тем: 1. Власть рабочих и крестьян. Трудящиеся в управлении государством. 2. Борьба с хозяйственной разрухой, причины разрухи. 3. Революция – освобождение от политического и экономического рабства. Земля, фабрики, заводы – общенародное достояние. 4. Лучшие способы ведения сельского хозяйства. 5. Союз рабочих и крестьян непобедим. 6. Социализм и коммунизм. 7. О программе РКП[1]. Беседы на политические хозяйственные темы в ликбезах проводились во время специальных политчасов. Введение политграмоты существенно меняло работу ликбеза. Школы ликбеза, служившие до этого делу распространения азбучной грамоты, в то же время превратились в одну из важнейших баз политического просвещения широких крестьянских масс.

Обучение в ликпунктах и школах для малограмотных проводилось на родном языке учащихся. Этот принцип, несмотря на известные трудности, стал постепенно осуществляться с самого начала работы по ликбезу.

Чтобы конкретно представить себе ход ликвидации неграмотности в Абхазии в конце восстановительного периода, приведем конкретные данные о развитии сети школ ликбеза в эти годы.[2]

В этот период ликпункты были созданы почти на всех национальных языках. Хотя в 1925/26 году сократилось общее число ликпунктов, но оно меньше коснулось грузинских и абхазских, количество армянских ликпунктов осталось без изменения, а греческих, напротив, почти удвоилось. В 1925/26 году были созданы школы для малограмотных на абхазском и греческом языках. Таким образом, работа по ликбезу охватила крестьянство всех основных национальностей Абхазии.

---

[1] В.А. Куманев. Указ. работа, стр. 54.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 51.

Таблица 1

Учебные годы	Работало ликпунктов						Работало школ для малогр					
	всего	в том числе					всего	в том числе				
		абхазских	грузинских	армянских	греческих	русских		абхазских	грузинских	армянских	греческих	русских
1923/24	21	4	5	6	4	2	3	-	1	1	-	1
1924/25	128	36	46	17	5	24	17	-	4	1	-	12
1925/26	104	29	45	17	9	4	27	7	10	4	1	5
Итого:	253	69	96	40	18	30	47	7	15	6	1	18

Имеются так же сведения о количестве населения, которое в эти годы в сети ликбеза ликвидировало свою неграмотность и малограмотность[1]

Таблица 2

Учебные годы	Ликвидировали неграмотность в ликпунктах	Окончили школы для малограмотных
1923/24	220	75
1924/25	3300	457
1925/26	3220	810

За эти три года в ликпунктах ликвидировали неграмотность 6770 человек, из них 1780 абхазов, 2584 грузина, 1198 армян, 434 грека и др. Школы для малограмотных окончили 1342 человека, в том числе: грузин – 510, абхазов – 185, армян – 242, греков – 33[2]. Всего за эти годы через ликпункты и школы для малограмотных прошло 8112 человек неграмотного крестьянства. Однако

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 52.
[2] Там же.

эти данные полностью не отражают картину ликвидации неграмотности, так как определенная часть сельской молодежи, ввиду отсутствия во многих местах ликпунктов, училась чтению и письму на дому. Те, которые вне сети ликбеза обучались грамоте, статистикой не охватывались.

Всесоюзная перепись населения, проведенная 17 декабря 1926 года, определила уровень грамотности населения СССР. Учет грамотности проводился по следующей инструкции: «Умеющими читать считаются разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам, умеющими писать – кто можете подписывать свою фамилию… Лица, умеющие лишь подписать свою фамилию, не умея читать, не могут быть отнесены к числу грамотных и должны быть записаны как вовсе неграмотные»[1].

Перепись 1926 года дает картину состояния грамотности сельского населения Абхазии. Из 201 016 человек, зафиксированных переписью, грамотных было 56 984 (по всем возрастным группам), или 28,3%. В том числе среди 104410 мужчин грамотными являлись 39004 (37,4%) и среди 96606 женщин – 17980 человек (18,69%).[2] В 1926 году грамотных в целом по СССР было 39,6%, а по Грузинской ССР – 36,7%, т.е. значительно больше, чем в Абхазии. Однако в отдельных республиках процент грамотных был несравненно более низким, чем в Абхазии (например, в Юго-Осетии – 15,2 %, в Дагестане – 12,2%, в Кабардино-Балкарии – 23,6%, в Карачаевской автономной области – 12,1%)[3]. Еще сохранялась диспропорция в уровне грамотности по республикам ввиду их неравномерного экономического и культурного развития в недавнем прошлом.

Перепись 1926 года содержит интересные данные о грамотности сельского населения по главным национальностям республики.

---

[1] В. А. Куманев. Указ. работа, стр. 157.

[2] «Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XIV. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика». М., 1929, стр. 60-63.

[3] В.А. Куманев. Указ. Работа, стр. 162.

Таблица 3

Грамотность сельского населения Абхазии по главным национальностям и полу[1]

Национальный состав	Мужчины			Женщины		
	всего	в том числе грамотных	% %	всего	в том числе грамотных	% %
Все сельское население	87625	27327	31,2	81147	9643	11,9
из них:						
абхазов	27482	4260	15,5	26373	875	3,3
грузин	31067	9660	31,0	27980	2638	9,4
армян	12083	5193	42,9	10921	1899	17,3
русских	2320	1617	69,6	2625	1327	50,5
пр.	14673	6597	44,9	13248	2904	21,9

Эти цифры свидетельствуют о слишком низком еще уровне грамотности сельского населения. Из 168 772 человек всего грамотных было 36 970 человек, или 21, 9%; а в городе грамотные составляли 62,1 % населения. Особенно велик был разрыв в уровне грамотности мужчин и женщин. Уровень грамотности среди абхазов был еще ниже, чем среди других народов республики.

Однако в целом к концу восстановительного периода были достигнуты первые заметные успехи в ликвидации неграмотности населения Абхазии. В этом мы можем убедиться путем сопоставления данных переписей 1926 года с показателями 1897 и 1922–1923 годов.

Из данных таблицы 4 видно, что грамотность населения за последние три года восстановительного периода поднялась на 9,1% (а за 1897 – 1923 годы всего на 9,5 %). В 1923–1926 годах

[1] «Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XIV, Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика», стр. 66-69.

невиданными до этого темпами протекала ликвидация неграмотности как в городе, так и в сельской местности, в том числе и среди мужчин, и среди женщин. Вместе с тем эти показатели свидетельствовали о еще сохранившемся существенном разрыве между уровнем грамотности городского и сельского населения, мужчин и женщин.

Таблица 4

Грамотность населения Абхазии по данным переписей 1897, 1922 (городской), 1923 (сельской) и 1926 годов (в процентах к общему количеству населения)[1]

Годы переписей	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
Все население			
1897	41,7	7,1	9,7
1922–1923	53,0	13,8	19,2
1926	62,1	21,9	28,3
Мужчины			
1897	45,8	11,0	14,3
1922–1923	59,2	20,4	25,6
1926	69,6	31,2	37,4
Женщины			
1897	32,0	2,2	3,8
1922–1923	46,5	6,9	12,5
1926	53,9	11,9	18,6

Итак, успехи в борьбе за преодоление неграмотности к концу восстановительного периода, если сравнить их с положением до установления Советской власти, были немалыми. Но если рассматривать их в свете новых задач в области социалистического строительства, то они были совершенно недостаточны.

[1] «10 лет Советской Грузии…», стр. 50

Перепись 1926 года показала, что в Абхазии предстояло ликвидировать неграмотность 71,7% населения, в том числе в сельской местности – среди 78,1% всего населения и 88,1% крестьянок. Для осуществления задачи сплошной грамотности, поставленной В.И. Лениным, требовалась напряженная работа еще в течение многих лет.

Ликбез в период подготовки перехода к массовой коллективизации

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства выдвинул задачу дальнейшего усиления работы по ликвидации неграмотности среди всего населения СССР. XV съезд ВКП(б), указав на прямую связь культурного строительства с политикой индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, отметил, что «необходима энергичная борьба» за настойчивую ликвидацию неграмотности»[1].

В работе по ликвидации неграмотности населения как и в предыдущие годы, встречались большие трудности. Подчеркивая это, нарком просвещения Абхазии А. М. Чочуа в 1927 году писал: «Устройство школ грамоты и ликпунктов будет значительно тормозиться и нехваткой подготовленных учителей, и разбросанностью населения, и косностью самого быта. Грозным призраком будет оставаться и рецидив безграмотности, если не внедрится навык к книге, к чтению, особенно при недостатке библиотек (реальных, а не фиктивных), изб- читален и периодической литературы. Научить родной грамоте, дать книгу на родном языке всему разноязычному населению горной и лесной Абхазии – задача исключительной трудности. Тем настоятельнее должна быть работа на этом участке просвещенской линии, ибо только сея грамоту и книгу, мы сеем социализм»[2].

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. IV, М., 1970, стр. 47.

[2] А. М. Чочуа. Указ. Сочинения, стр. 47-48.

Накануне первой пятилетки (в 1926/27 и 1927/28 учебных годах) неблагополучное положение создалось с финансовым обеспечением ликбеза. В эти годы ассигнования на работу ликбеза во многих районах страны по местному бюджету были снижены по сравнению с 1925 годом[1]. В Абхазии в 1926/27 учебном году на ликбез было отпущено по местному бюджету 12 795 руб.[2], т. е. на 14% меньше, чем и предыдущем году. А в 1927/28 учебном году, ввиду неудовлетворительного финансового обеспечения, число ликпунктов сократилось более чем вдвое по сравнению с 1924/25 годом[3]. «Приходится вести, благодаря слабости местного бюджета, напряженную борьбу за сохранение сети школ ликбеза, которая систематически урезывается»[4], – писал Главполитпросвет Абхазии в одном из своих отчетов. Уменьшение числа ликпунктов, безусловно, оказало отрицательное влияние па темпы ликвидации неграмотности. Однако в годы предшествующие первой пятилетке, продолжалась настойчивая борьба за ликвидацию неграмотности трудящийся.

В 1926/27 учебном году политпросветучреждения Абхазии, опираясь на опыт прошлых лет, лучше организовали работу по ликвидации неграмотности. В селах ликпункты создавались с помощью уполномоченных уездных отделов политпросветучреждений, а во многих местах – инструкторов Главполитпросвета[5]. Активно участвовали в организации ликпунктов партийные и комсомольские ячейки, а в ряде мест и сельские советы.

В Самурзаканском уезде при организации ликпунктов «в каждом селе был созван общий сход граждан села, придавая торжественный характер открытию ликпунктов».[6] Во многих

[1] В.А. Куманев. Указ. работа, стр. 172.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1. Оп. 2, д. 185, л. 615.
[3] Там же, оп. 1, д. 27, л. 51.
[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 612.
[5] ЦГАА, ф. 55, д. 115, л. 6.
[6] Там же, л. 142.

селах ликпункты были созданы впервые. Занятия повсеместно начались во второй половине ноября 1926 года (в Гагринском и Гудаутском уездах в декабре – январе), когда полевые сельскохозяйственные работы в основном были завершены[1].

Органы политпросвета усилили руководство и помощь ликпунктам в ходе учебного процесса. Они чаще стали проводить обследования и инструктирование. Например, Самурзаканский уездный политпросвет за 1926/27 учебный год два раза провел обследование ликпунктов и школ для малограмотных, выяснил, как учащиеся осваивают программный материал и оказал методическую помощь учителям ликбеза.[2] В феврале 1927 года Главполитпросвет Абхазии обследовал в том же Самурзаканском уезде 27 ликпунктов и школ для малограмотных и признал их работу удовлетворительной. В материалах обследования отмечено следующее: «Во всех ликпунктах имеются старосты из состава учащихся, которые следят за аккуратностью посещений учащихся, дисциплиной и т.д. Все ликпункты и школы для малограмотных снабжены учебниками и наглядными пособиям. Состояние учебной части в общем по Гальскому (Самурзаканскому – А. К.) уезду удовлетворительно; проводятся занятия по специальной программе обучения для неграмотных и малограмотных, сопровождая беседами по политграмоте, ленинизму»[3]. Такие обследования проводились во всех других уездах. Улучшение учебно-методической помощи содействовало повышению качеств работы по ликвидации неграмотности.

Во многих местах сельские Советы Абхазии слабо участвовали в деятельности ликбеза, а порой даже не считали «себя ответственными за выполнение этой работы»[4]. Между тем школы лик-

[1] К выпускным экзаменам приступили 10 марта 1927 года. В соответствии с инструкцией Главполитпросвета Абхазии были созданы экзаменационные комиссии. Испытания проводились по чтению, письму математике и политграмоте.

[2] ЦГАА, ф. 55, д. 128, л. 197

[3] ЦГАА, ф. 55, д. 128, л. 79

[4] Там же, д. 115, л. 142

беза нуждались в большой помощи со стороны сельских Советов, особенно в деле создания нормальных условий для занятий и обеспечения регулярной посещаемости школ учащимися. Поэтому Главполитпросвет обратился к народному комиссариату внутренних дел Абхазии, которому тогда подчинялись сельские Советы, с просьбой обязать председателей Советов «усилить работу УИКов (уездных исполкомов – А. К.) и сельсоветов по ликвидации неграмотности, обращая особое внимание на поддержание нормальной посещаемости учащимися школ ликбеза»[1] Особенно неблагополучно обстояло дело в Кодорском уезде. Главполитпросвет в письме от 3 февраля 1927 года просил Кодорский уездный исполком срочно принять меры «по укреплению школ ликбеза в уезде», для чего рекомендовал созвать специальное совещание с участием партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и разработать план конкретных мероприятии но ликбезу. «Главное внимание, – указывалось в письме, – необходимо обратить на то, чтобы председатели сельсоветов несли ответственность за успешность работы школ ликбеза, чтобы они сообщали УИК о ходе кампании по ликвидации неграмотности, чтобы Уисполкому ежемесячно делались доклады УПП (уездным политпросветом – А. К.) о ходе кампании по ликбезу, чтоб исполком был всегда в курсе работы по ликвидации неграмотности в уезде, как одной из важных работ данного времени»[2].

В результате принятых мер значительно повысилась роль Советов в работе по ликвидации неграмотности. Уже весной 1927 года во многих местах председатели сельсоветов вместе с учителем, секретарем партийной ячейки и зав. избой-читальней входили в состав экзаменационной комиссии по выпуску ликбеза.

Все более активным становилось участие профсоюзов в работе ликбеза. Они принимали меры для усиления фонда «ликвидации неграмотности». Например, культотдел Совпрофа Абхазии 12 января 1927 года в Сухумском академическом театре

[1] Там же, д. 128, л. 79.
[2] ЦГАА, ф. 55, д. 128, л. 79.

устроил специальный платный вечер. Организуя его, Совпроф напоминал правлениям Союзов, что ликвидация неграмотности как среди членов профессиональных союзов, так и среди крестьянского населения Абхазии, является «одним из главных видов культурно-просветительной работы профорганизаций»[1].

В профсоюзных организациях были выделены ответ-уполномоченные по ликбезу, которые посещали занятия в ликпунктах, следили за посещаемостью и дисциплиной. Но в ряде мест они работали слабо. Совпроф Абхазии в письме от 10 февраля 1927 года указывал на необходимость улучшения деятельности ответуполномоченных по ликбезу, созыва общих собраний неграмотных и малограмотных членов профсоюзов с целью «детального разъяснения им важности ликвидации неграмотности»[2].

В эти годы значительные трудности встречались в вовлечении в работу ликбеза женщин, особенно в сельской местности. Распространенными были случаи, когда родители, брат или муж запрещали женщинам посещать ликпункты и школы для малограмотных. Против обучения женщин использовались сохранившиеся в деревне отсталые взгляды на женщину, веками укоренившиеся в быту традиции. Враждебные элементы своей агитацией внушали отсталой части населения вредность просвещения женщин. Всем этим темным силам противостояла большая повседневная работа общественных организаций трудящихся и культурно-просветительных учреждений, которые под руководством партийных ячеек прилагали все усилия к тому, чтобы раскрепостить абхазскую женщину, вывести ее на светлую дорогу счастливой жизни. Важным шагом на этом пути являлось вовлечение крестьянок в работу ликбеза. В 1925/26 учебном году женский ликпункт существовал лишь в одном селе. «В некоторых селах женщины посещают общие ликпункты но как исключительное явление»[3], – писал Главполитпросвет

[1] Там же, ф. 101, д. 290, л. 2.
[2] Там же, ф. 55, д. 128, л. 23.
[3] ЦГАА, ф. 55, д. 64, л. 13

Абхазии в отчете за тот год. А в следующем 1926/27 учебном году произошли определенные сдвиги. На 1 октября 1926 года в республике было 13 жанских школ ликбеза. Особое внимание обращалось на вовлечение батрачек[1]. В Самурзаканоком уезде в сельских ликпунктах обучалось 69 женщин (из 497 учащихся), из них успешно освоили программу 39 женщин, в том числе в Окумском женском ликпункте –15 девушек, Шашикварском – 6, Сида-Набакевском – 4, Лекухонском – 4, Перво-Шешелетском – 4 и т. д.»[2] В Гудаутском уезд из 487 человек, обучавшихся в ликпунктах, женщин было 82. Успешно завершили учебу 52 крестьянки, из них в Бармышском ликпункте – 7, Блабурхвинском – 7, Мугудзирхвинском – 15, Джирхвинском – 10, в Дурипшском – 6 и т. д.[3] Однако не везде было так. Большинство сельских ликпунктов состояли только из мужчин В Кодорском уезде в сельских ликпунктах обучалось 406 человек, в том числе только 7 женщин[4]. Перед партийными организациями стояла большая задача – втянуть крестьянку в массовую работу по ликвидации не грамотности.

Сведения уездных политпросветов за 1926/27 учебный год содержат данные и о возрастном составе учащихся ликпунктов. Они свидетельствуют о том, что тогда в ликпункты шла и основном молодежь. Например, в Гудаутском уезде учащимися ликпунктов являлась исключительно молодежь в возрасте до 28 лет[5], в Кодорском уезде до 23 лет (кроме двух)[6] а в Самурзаканском – только 20 ученикам было более 28 лет[7].

Сведениями по другим уездам мы не располагаем, но приведенные данные говорят о том, что в ведущих трех уездах Абхазии в ликпунктах тогда училась исключительно сельская молодежь.

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 19/1, л. 245.
[2] ЦГАА, ф. 55, д. 128, л. 198.
[3] Там же, лл. 242-243
[4] Там же, л. 279.
[5] Там же, л. 242.
[6] Там же, л. 279.
[7] Там же, л. 197.

Противники просвещения трудящихся всячески старались помешать стремлению молодежи к грамоте. Например, в 1925/26 учебном году в Гудаутском уезде враждебные элементы вели агитацию против обучения допризывников. Об этом Главполитпросвет писал следующее: «Гудаутскому уполитпросвету пришлось столкнуться с имевшей там место агитацией против обучения в ликпункте, подрывавшей посещение ликпунктов допризывниками, составляющими большой, процент обучающихся. Среди допризывников распускались слухи, что их обучают для того, чтобы тотчас же после обучения взять на военную службу, а оставшиеся неграмотными призваны не будут»[1]. Реакционные силы, чтобы воспрепятствовать тяге трудящихся к просвещению и культуре, оживляли всякие отсталые взгляды, в том числе пережитки отрицательного отношения населения к военной службе, имевшее место в условиях царизма, когда абхазы, объявленные «виновным» населением, вообще не призывались в армию. Но в результате разъяснительной и политико-массовой работы партийных и комсомольских ячеек эта агитация не получила успеха. Гудаутский уездный политпросвет в отчете за 1926/27 учебный год, подчеркивая заинтересованность юношей в повышении грамотности[2], отмечал, что «молодежь посещала ликбезы охотно и ревностно занималась»[3].

Активными помощниками культурно-просветительных учреждений в борьбе за ликвидацию неграмотности *были* комсомольцы. Комсомольские ячейки работали под лозунгом ликвидировать неграмотность в своих собственных рядах, а также научить читать и писать несоюзную часть сельской молодежи. Эта задача решалась не только в ликпунктах и школах для малограмотных, но и путем индивидуальных занятий дома и в избах-читальнях. В результате энергичной работы комсомольцев многие юноши и девушки сумели ликвидировать свою неграмотность и в тех селах, где отсутствовали ликпункты.

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 64, л. 12.
[2] Там же, д. 128, л. 244.
[3] Там же, л. 242.

К концу восстановительного периода уже основная масса комсомольцев являлась грамотной. К 1 апреля 1925 года комсомольская организация Абхазии объединяла 2 059 членов, а к 1 октября 1925 года – 3 280[1]. За это время процент неграмотных снизился от 30,8 до 18, что дало возможность в последующие годы сосредоточить основное внимание на ликвидацию неграмотности среди несоюзной молодежи. В 1926/27 учебном году в Кодорском уезде среди юношей и девушек, окончивших ликпункты, членов ЛКСМ было 117 человек, а несоюзной молодежи – 229 человек, в Гудаутском уезде – комсомольцев – 102 и несоюзной молодежи – 129, в Самурзаканском уезде – соответственно 61 и 268[2].

Крестьяне, научившись читать и писать, сознавали необходимость дальнейшего продолжения учебы, активно участвовали в строительстве новой жизни. О стремлении выпускников ликпунктов продолжить учебу корреспондент из села Саберио Самурзаканского уезда сообщал: «В Саберийской общине было открыто 4 ликпункта... Результаты экзаменов очень хорошие... По окончании экзамена ученики заявили: «Дайте нам возможность продолжить учение!»[3].

Нередко сельские юноши и девушки после окончания ликпунктов и школ для малограмотных продолжали учебу, кончали средние и высшие учебные заведения.

В работе по ликвидации неграмотности большую роль во всех уездах Абхазии играли сельские учителя и работники избчитален. Являясь основной силой культурного фронта в деревне, они вели среди крестьян пропаганду за ликвидацию неграмотности, были организаторами и руководителями ликпунктов, на своих плечах переносили всю тяжесть работы по ликбезу. Например, в 1926/27 учебном году в Кодорском уезде отличились руководители ликпунктов Виктор Агрба (с. Гуп), Владимир Аргун (с. Ткварчели), Виссарион Саджая (с. Тхина), Автандил

[1] ПААО КП Грузии, ф. оп. 1, д. 13/8, л. 37

[2] ЦГАА, ф. 55, д. 128, лл. 198, 243, 280.

[3] «Трудовая Абхазия», № 93, 26 апреля 1925 г.

Пачулия (с. Поквеши), Гриша Кварчия (с. Меркула), Тамара Козмава (с. Илори), Евстафий Хажомия (с. Ахуца), Астамур Маргания (с. Джгерда), Виссарион Киут (с. Моква). В течение года они обучали грамоте до 20 – 25 человек.

Как выше отмечалось, накануне первой пятилетки, по сравнению с предыдущим периодом, количество школ ликбеза сократилось. Это коснулось всех национальных ликпунктов, что видно из таблицы 5.

Таблица 5

Количество ликпунктов и школ для малограмотных в 1926/27 – 1927/28 учебных годах[1]

Учебные годы	Работало ликпунктов						Работало школ для малогр.					
	всего	в том числе					всего	в том числе				
		абхазских	грузинских	армянских	греческих	русских		абхазских	грузинских	армянских	греческих	русских
1926/27	102	34	32	14	10	12	39	9	10	5	2	13
1927/28	53	19	16	5	5	8	34	11	8	7	2	6

В 1926/27–1927/28 учебных годах работало всего 155 ликпунктов вместо 232, имевшихся в предыдущие два года. Сокращение не коснулось школ для малограмотных. Наоборот, если в течение трех предшествующих лет их было всего 47, то в 1926/27 – 1927/28 годах – 73.

В Абхазии за 1926/27 – 1927/28 уч. годы в ликпунктах ликвидировал свою неграмотность 2 371 человек, в том числе: абхазов – 923, грузин – 789, армян – 259. Школы для малограмотных окончило 1412 человек, из них абхазов – 401, грузин – 340, русских – 431 и другие.[2]

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 51.

[2] Там же, л. 52.

Некоторый спад работы по ликвидации неграмотности в Абхазии, как и в целом по СССР, в 1926/27 – 1927/28 учебных годах никак не мог умалить результаты продолжавшейся напряженной борьбы в области лик безработы. Несмотря на неимоверные трудности, вызванные отсутствием необходимых материальных предпосылок, культурных сил, учебных пособий и другие объективные причины, осложнявшие культурное строительство в абхазской деревне, в работе по ликвидации неграмотности среди крестьян несомненно имелись реальные достижения. Это выразилась не только в пробудившейся среди широких трудящихся масс деревни тяге к грамоте и просвещению, но и в конкретных результатах работы школ ликбеза. В целом за 1923/24 – 1927/28 учебные годы в Абхазии в ликпунктах было обучено грамоте 9141 человек и школы для малограмотных окончило 2754 человека.[1] В материалах X Абхазской областной партиной конференции (ноябрь 1928 г.) сказано, что за годы Советской власти «до 12000 человек неграмотного крестьянства, благодаря работе школ ликбеза, получили азбучную грамотность»[2]. Грамотность и культурность в значительной мере предопределяли политическую активность трудящихся крестьян, В.И. Ленин считал, что «пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть, условие, без которого о политике говорить нельзя»[3]. Грамотность крестьян теснейшим образом была связана с хозяйственным строительством в деревне. Она являлась важнейшим условием совершенствования крестьянского хозяйства. От уровня грамотности крестьян зависела успешность их вовлечения в кооперативные формы хозяйства.

Ликвидировать неграмотность в СССР к 10-летию Октября, как это намечалось в 1923 году перспективным планом, не удалось. Выполнить этот план оказалось чрезвычайно трудно. В

[1] А.М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 66.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 52.
[3] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174

1928 году в СССР только среди крестьян в возрасте от 15 до 35 лет насчитывалось 17 млн. неграмотных[1]. Много непреодолимых в тех условиях трудностей оказалось особенно в национальных районах. Однако успехи, достигнутые в ходе борьбы за осуществление этого плана, и опыт ликбезработы, накопленный к началу первой пятилетки, явились важнейшим залогом дальнейшего массового движения за грамотность.

Развернутой программой социалистического строительства в СССР, намеченной первым пятилетним планом, были предусмотрены большие мероприятия в области развития социалистической культуры.

Для успешного осуществления социалистической индустриализации Советскому государству нужны были десятки тысяч новых грамотных рабочих, способных овладеть передовой техникой и повысить производительность труда. Проведение социалистического кооперирования сельскохозяйственного производства настоятельно требовало преодоления культурной отсталости крестьян. Неграмотный крестьянин не мог быстро и глубоко освоить агрономические знания, овладеть современной сельскохозяйственной техникой, стать активным участником социалистического строительства. Поэтому Коммунистическая партия успешное развертывание коллективизации ставила в прямую зависимость от роста грамотности и сознательности сельского населения. «Успех колхозного движения, – отмечала XVI конференция ВКП(б) (апрель 1929 г.), – обеспечивается сознательностью, активностью, грамотностью, инициативой самих членов колхозов. В соответствии с этим необходимо самое решительное *усиление общеполитической и культурной работы в коллективах*»[2].

Первый пятилетний план СССР намечал принять в школы грамоты 18,2 млн. человек в возрасте от 15 до 35 лет, в том числе 17 млн. в сельской местности[3].

---

[1] В.А. Куманев. Указ. работа, стр. 165.

[2] «КПСС в резолюциях…» т. IV1970, стр. 219-220

[3] В. А. Куманев. Указ. работа, стр. 180.

Таблица 6

Перспективный план Наркомпроса Абхазии в области ликвидации неграмотности (по местному бюджету)[1]

Годы	Количество ликпунктов			Количество учащихся ликпунктов	Количество школ для малограмотных			Количество учащихся школ для малограмотных
	в городе	в деревне	всего		в городе	в деревне	всего	
1928/29	9	79	88	2200	9	28	37	925
1929/30	12	136	148	3700	8	32	40	1000
1930/31	14	186	200	5000	9	37	46	1150
1931/32	18	234	252	6300	10	40	50	1250
1932/33	23	282	305	7625	10	44	54	1350

В Абхазии к началу первой пятилетки неграмотных в возрасте от 15 до 39 лет было 47,3 тыс. человек или 58,5% всего населения этих возрастов[2]. По пятилетнему плану Наркомпроса Абхазии намечалось обучить грамоте 24,9 тыс. человек и охватить школами малограмотных 5,7 тыс. человек (см. табл. 6).

Согласно этому плану, количество ликпунктов и учащихся в них за пятилетку должно было увеличиться в 3,5 раза. Однако такие масштабы работы, исходившие из «максимальной интенсивности развертывания дела ликвидации неграмотности»[3] за счет местного бюджета Абхазии, могли обеспечить охват ликлунктами только половины неграмотного населения в возрасте до 39 лет. Поэтому в решении этой задачи, как и многих других задач культурного и хозяйственного строительства, важное значение имела помощь, которая оказывалась Абхазии из бюджета Грузинской ССР.

[1] ЦГАА, ф. 8, оп 4, д. 1, л. 25.
[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 4, д. 1, лл. 5, 25.
[3] Там же, л. 25.

Пятый Всегрузинский съезд Советов (8–15 апреля 1929 г.) в постановлении о народном образовании подчеркнул, что необходимо «обратить особенное внимание на дело народного просвещения в отсталых районах и. уездах республики», в том числе в ССР Абхазии[1].

Такую большую задачу, как ликвидация массовой неграмотности населения, нельзя было решить без активного и непосредственного участия самих трудящихся. В одной из своих последних бесед с Н. К. Крупской В. И. Ленин указывал, что успешно в кратчайший срок можно ликвидировать безграмотность только при этом, условии «в этом вся суть»[2]. Теперь когда работа по ликвидации неграмотности требовала широкого размаха и ускоренных темпов, активность и самодеятельность народных масс в этом дело приобретала исключительно важное значение.

Среди широких масс крестьянской молодежи Абхазии росло стремление к знанию, неграмотные настойчиво учились грамоте. Разъяснительная работа партии, деятельность общественных организаций – вся обстановка советской действительности способствовали развитию активности масс в борьбе за грамотность. О возраставшем тяге крестьянской молодежи Абхазии к учебе газета «Советская Абхазия» сообщала следующее: «Мы наблюдаем весьма отрадное явление. Молодежь культурно-отсталой Абхазии потянулась к учебе. В деревнях многие из молодежи... занимаются самообразованием, готовятся в средние учебные заведения, пролагают себе путь к новой культурной жизни, готовятся стать работниками своих селений и всей трудящейся Абхазии... В прошлом году в один только Гудаутский отдел народного образования было подано 1 000 заявлений от трудящейся молодежи Гудуезда. Что говорилось в этих заявлениях? «Пошлите учиться», «Дайте возможность учиться». Учиться, учиться, учиться! – вот лейтмотив этих заявлений.

---

[1] «Съезды Советов в документах 1917-1937 гг.» М., 1964, стр. 537.

[2] Н.К. Крупская. Ленинские установки в области культуры. Сборник статей. М., 1934, стр. 49.

В других уездах Абхазии наблюдалась точно такая же картина. Характерно, что среди этих просителей было немало 20-25-летнего возраста. А в начале 1928/29 учебного года, можно сказать без преувеличения, что количество желающих учиться вдвоевтрое увеличится».[1] Пробуждавшаяся среди крестьянской молодежи огромная тяга к учебе, являлась неотъемлемой частью развертыва-вшегося в деревне культурного строительства, служила важнейшим условием успешной борьбы с массовой неграмотностью трудящегося крестьянства.

С 1928 года вопросы ликвидации неграмотности крестьянства стали занимать все большее место в деятельност партийных организаций Абхазии. В марте 1928 года пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии, обсудив вопрос «О работе в деревне», дал директиву всем партийным организациям «продолжать неуклонную работу по ликвидации неграмотности, совершенно ликвидировав среди комсомольцев к 5-му мая 1929 года, а среди коммунистов – к 1930 году»[2].

В ноябре 1928 года X Абхазская областная партийная конференция вскрыла основные недостатки культурного строительства и признала важнейшей задачей всей партийной организации дальнейшее развертывание работы «по линии еще большего расширения и углубления культурной революции среди трудящихся города и деревни». В резолюции конференции указывалось на необходимость «прочной организации ликвидации неграмотности, в особенности на родных языках»[3].

В 1928/29 году ликвидация неграмотности в Абхазии попрежнему проходила слабыми темпами. Всего в Абхазии работало 88 ликпунктов и 37 школ для малограмотных, из них в системе Наркомпроса – 58 ликпунктов и 37 школ для малогра-

---

[1] Газ. «Советская Абхазия», № 63, 17 марта 1928 г.

[2] «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов (1922-1930)». Сухуми, 1971, стр. 156.

[3] «Советская Абхазия», № 267, 20 ноября 1929 г.

мотных[1]. По имеющимся сведениям, в 56 ликпунктах было обучено грамоте 837 человек, в том числе 97 женщин; 27 школ для малограмотных окончило 436 человек, в том числе 84 женщины, Данные о выпуске учащихся остальными школами ликбеза не сохранились, ликвидация неграмотности проходила на 6 национальных языках[2].

В 1928/29 учебном году значительную помощь в деле ликвидации неграмотности оказало грузинское общество «Цера-китхва». Оно за свой счет в селах дополнительно открыло 30 ликпунктов, из них 7 абхазских 12 грузинских, 6 армянских, 3 греческих и 2 русских[3] В ликпунктах «Цера-китхва» обучалось грамоте 725 человек[4]. В школах ликбеза общества успешно работали ликвидаторы Андрей Логуа (с. Поквеши), Акакий Лабахуа (с. Джгерда), Филипп Тория (с. Набакеви) Платон Накопия (с. Гудава), Харитон Капш (с. Абгархук), Михаил Тарба (с. Дурипш), Софья Мурадян (с. Мцара) и др.[5]

Общество «Цера-китхва» предпринимает меры по созданию и Абхазии своих ячеек. Для их организации оно отпустило Наркомпросу Абхазии специальные средства. 4 декабря 1928 года президиум Абхазского обкома партии постановил при Наркомпросе организовать инициативное бюро общества «Долой неграмотность!» («Аюра-апхиара») под председательством С. Чанба[6]. Наркомпрос Абхазии 8 декабря 1928 года обратился с письмом к уездным исполкомам о содействии в создании первичных организаций общества. 25 декабря 1928 года президиум Гудаутского уездного исполкома предложил отделу народного образования организовать широкую кампанию по популяризации среди населения целей и задач общества и по

[1] ЦГАА, ф. 12, оп. 1, д. 333, л. 2.
[2] Там же, ф. 8, оп. 1, д. 425, л. 105.
[3] Там же, ф. 12, оп. 1, д. 333, л. 2.
[4] Там же, ф. 8, оп. 2, д. 355, лл. 42-43.
[5] Там же.
[6] Там же, ф. 12, оп. 1, д. 333, л. 28.

вовлечению в него членов[1]. Предложение было подхвачено, и во всех уездах в тот период проводилась работа по организации ячеек общества «Цера-китхва».

17 мая 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе по ликвидации неграмотности». В нем еще раз обращалось внимание всех коммунистов и советской общественности на необходимость быстрейшей ликвидации неграмотности. Участие в этом деле коммунистов, комсомольцев, студенчества объявлялось серьезным партийным поручением. Местным организациям было предложено «коренным образом перестроить всю систему работы на основе результатов накопленного опыта и добиться планомерной организации всей работы по ликвидации неграмотности на основе единого плана, объединении сил и средств и широкой самодеятельности всех организаций, принимающих участие в ликвидации неграмотности»[2]. Обращалось особое внимание, но работу в деревне. Предлагалось решительно усилить темпы ликвидации неграмотности в сельских местностях, в первую очередь обучать батрачество, рабочих совхозов, сезонников, бедноту и колхозников. Ликвидация неграмотности являлась важнейшей задачей всей культурной работы в восточных республиках и областях, а также среди отдельных национальных меньшинств.

Постановление ЦК ВКП(б) сосредоточило внимание всех партийных, советских и общественных организаций на усиление работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. 8 августа 1929 года президиум ЦК КП(б) Грузии принял постановление о практических мероприятиях в области ликвидации неграмотности и малограмотности[3]. ЦК обязал все партийные, профсоюзные, комсомольские и кооперативные организации принять необходимые меры для решительного и усиления темпа работы по ликвидации неграмотно-

[1] ЦГАА, ф. 8, оп. 2, д. 355, л. 38.

[2] «КПСС в резолюциях…» т. IV, М., 1970, стр. 267.

[3] ЦГА, ф. 8, оп. 2, д. 369, лл. 1130115.

сти. В постановлении говорилось о том, что в национальных республиках и уездах (Абхазия, Аджария, Юго-Осетия, Ахалцихе, Ахалкалаки, Борчало) надо обратить особое внимание на первоочередность обучения грамоте членов партии, комсомольцев, рабочих, советского и кооперативного актива, на организацию школ ликбеза для женщин-нацменок, на подготовку кадров ликвидаторов, из нацменок. ЦК предлагал выделить определенный фонд из госбюджета для дела ликвидации неграмотности и малограмотности в национальных республиках и уездах.

ЦК КП(б) Грузии в постановлении об Абхазской партийной организации от 26 сентября 1929 года, отметив недостаточное руководство обкома партии культурным строительством, наметил развернутую программу развития социалистической культуры в Абхазии. ЦК признал «усиление темпа ликвидации неграмотности и малограмотности» одной из первоочередных задач Абхазской парторганизации[1].

Постановления ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии определили программу деятельности партийных, советских и общественных организаций Абхазии в области ликвидации неграмотности и малограмотности. В целях усиления темпа работы по ликвидации неграмотности и привлечения к этой работе всех общественных организаций ЦИК Абхазии 16 октября 1929 года принял постановление образовать при Центральном Исполнительном Комитете Всеабхазский общественный комитет по ликвидации неграмотности, при уездных исполкомах – уездные общественные комитеты по ликвидации неграмотности, при сельсоветах – Комиссии содействия ликвидации неграмотности. Положение об Абхазской чрезвычайной комисии по ликвидации неграмотности и грамчека в уездах, принятое в декабре 1924 года, отменялось. Комиссии содействия ликвидации неграмотности при сельских Советах создавались в составе председельсовета, секретарй партийной и комсомольской ячеек и

[1] «Советская Абхазия», № 226, 3 октября 1929 г.

представителей батраков, групп бедноты, учительства, делегатских собраний женщин, кресткомов и профсоюзов[1]. Эти комиссии занимались всеми вопросами ликвидации неграмотности, повышая тем самым ответственность сельских Советов за состояние культурно-просветительной работы в деревне.

15 ноября 1929 года Совнарком Абхазии принял постановление «О ликвидации неграмотности среди трудящегося населения[2]. Оно обязывало рабочих государственных и кооперативных предприятий, а также работающих у частных лиц, и всех служащих в возрасте до 40 лет ликвидировать свою неграмотность в течение одного года в городской местности и в течение двух лет – в сельской местности. Допризывники должны были научиться грамоте до явки на призывную подготовку. В ней было сказано, что лица, уклоняющиеся от исполнения предусмотренных постановлением «обязанности ликвидации своей неграмотности или малограмотности, а равно, препятствующие исполнению означенной обязанности подвергаются взысканию в виде принудительных работ на срок до одного месяца или штрафу до 100 рублей…»[3].

В соответствии с вышеуказанными постановлениями были пересмотрены задания первого пятилетнего плана и составлен трехлетний план ликвидации неграмотности (1929/30 – 1931/32 уч. гг.), который был утвержден 1 декабря 1929 года на объединенном заседании СНК и ЭКОСО Абхазии.[4] В нем предусматривались более ускоренные темпы ликвидации неграмотности и малограмотности населения в возрасте от 16 до 39 лет. За три года намечалось израсходовать на ликвидацию неграмотности 505,5 тыс. руб. из средств местного бюджета исполкомов, из госбюджета, отчислений из культфондов хозяйственных, профсоюзных и кооперативных организации, из средств общества

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 66, л. 52.
[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 369, л. 156.
[3] Там же.
[4] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 641, лл. 128-129.

«Цера-китхва», добровольных взносов различных организаций. План был составами с учетом широкого вовлечения в работу на общественных началах партийного и советского актива, учителей и др. В качестве групповодов-ликвидаторов для работы на общественных началах намечалась ежегодная мобилизация обкомом партии 300 коммунистов, обкомом комсомола – 1000 комсомольцев, союзом работпрос – 300 педагогов, другими профсоюзами – 200 советских служащих, а также 200 учащихся старших классов. За учебный год каждый групповод-ликвидатор «в общественном порядке путем индивидуального группового обучения» должен был научить грамоте не менее 3 человек. И таким путем намечалось обучить 6 000 человек.

Партийные и советские органы возглавили борьбу за осуществление намеченных мероприятий в области ликбеза. СНК и ЭКОСО Абхазии приняли меры для полного бесплатного обеспечения учебниками, тетрадям и карандашами неграмотных, охваченных учебой в 1929/30 уч. году. В августе 1929 года в Сухуме были проведены двухнедельные курсы для 28 учителей абхазских школ ликбеза, работавших в деревне. Курсы прошли 18 учителей, 2 избача и несколько сельских комсомольцев-активистов, из них 3 женщины-абхазки. Они изучили материалы XVI конференции ВКП (б), новый абхазский алфавит, введение в абхазскую грамматику, ознакомились с программно-методической работой в школах ликбеза[1]. В 1929 году в Сухуме на летних учительских курсах более 90 слушателей были ознакомлены с программой и методикой работы ликпунктов. Наркомпрос выделил инспектора по ликбезу, Главполитпросвет перед началом учебного года провел уездные и районные конференции ликвидаторов, а в Сухуме и уездных организовал кабинеты ликвидаторов. При кабинете ликвидаторов г. Сухума, например работали два методических кружка для руководителей школ неграмотных и для руководителей школ малограмотных, которые

[1] ЦГАА, ф. оп.1, д. 374, л. 113.

занимались два раза в неделю. Кружки вовлекали учащихся в библиотеки, помогали им в выборе книг, прикрепляли к отстающим ученикам общественников-ликвидаторов[1].

В работе ликбеза активно участвовала кооперация. Абтабсоюз, Абсельсоюз и Абсоюз в 1929/30 году на ликвидацию неграмотности выделили 27 тыс. руб.[2] В деревнях кооперативные товарищества открывали ликпункты. Для поощрения учебы в школах ликбеза товарищества принимали разные меры. Например, в Гальском сельскохозяйственном кредитном товариществе было признано необходимым выдавать членам кооператива обучающимся грамоте, льготные талоны на право покупки мануфактуры. Между правлениями кооперативных союзов и Наркомпросом был заключен договор о методическом руководстве ликбезами кооперативов через уездные отделы народного образования. Работа кооперации по ликвидации неграмотности особенно усилилась после постановления пленума Абхазского обкома: партии в феврале 1930 года, обязавшего правления сельскохозяйственной и потребительской кооперации принять активное участие в ликвидации неграмотности в деревне[3]. Материальное и организационное участие кооперации в ликвидации неграмотности среди крестьянства имело большое значение для ускорения процесса преодоления вековой отсталости трудящихся масс деревни и повышения их культуры.

В связи с начавшимся массовым вступлением крестьян в колхозы, остро встал вопрос о ликвидации неграмотности среди колхозников. Интересы укрепления колхозов и дальнейшего быстрого развития колхозного движения требовали скорейшей ликвидации, неграмотности среди колхозных масс. Наркомпрос

---

[1] «Советская Абхазия», № 41, 19 февраля 1930 г.

[2] Отметим, что в 1929/30 учебном году на ликбез было израсходовано по местному бюджету 12.219 руб. и средств профсоюзных и хозяйственных организаций – 36.308 руб. (см. ЦГАА, ф. 101, д. 689, л. 31)

[3] «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов 1922-1930 г.», стр. 196.

Абхазии дал указание всем школам ликбеза расширить контингент учащихся за счет членов колхоза. Уже зимой 1930 года во многих колхозах имелись ликпункты. Только в Сухумском уезде в 60 колхозах функционировали школы-ликбезы[1].

В ликвидации неграмотности среди колхозников участвовал и Колхозцентр. «Колхозцентр ставит своей задачей ликвидировать неграмотность среди колхозников не позже весны 1931 года», – сообщала газета «Советская Абхазия» в феврале 1930 года[2].

В конце 1929 года создается Абхазское инициативное бюро общества «Долой неграмотность» («Аюра-апхиара»). Его активными, организаторами являлись Самсон Чанба, Андрей Чочуа, Романоз Гогохия, Илья Меладзе, Захарий Агрба и др.[3] В начале января 1930 года в Абхазии был проведен недельник Общества. Целью его являлось широкое вовлечение трудящихся города и деревни в общество, сбор материальных средств на усиление фонда борьбы с неграмотностью. Недельник проводился под лозунгами: «Ни одного села, организации, предприятия, учреждения, школы без общества «Аюра-апхиара», ни одного активиста вне общества!». Коллективными усилиями подгоним темп культурного строительства к темпу хозяйственного строительства, так как «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя (Ленин)»[4], – говорилось в обращении Абхазского инициативного бюро Общества. Недельник в Абхазии прошел успешно. Большое внимание уделялось созданию первичных ячеек ОДН в деревне, особенно в совхозах и колхозах[5]. В организации их участвовали партийные и комсомольские ячейки, сельские Советы, группы бедноты, рабочкомы Союз сельскохозяйственных рабочих, кооперативные товарищества, делегатские собрания женщин, учительство и т. д.

---

[1] «Советская Абхазия», № 41, 19 февраля 1930 г.
[2] Там же, № 48, 28 февраля 1930 г.
[3] ЦГАА, ф. 8, оп. 2, д. 355, л. 150.
[4] ЦГАА, ф. 8, оп. 2, д. 355, л. 163
[5] «Советская Абхазия», № 45, 23 февраля 1930 г.

Абхазское инициативное бюро общества «Долой неграмотность» получало постоянную помощь от Грузинского общества «Цера-китхпа», объединявшего более 113 тыс. человек. «Цера-китхва» организовывало ликпункты, школы для малограмотных, а также клубы, народные дома, библиотеки, избы-читальни выпускало учебники для школ ликбеза и массово-популярную литературу для рабочих и крестьян[1]. В Абхазию общество присылало учебные пособия, тетради, карандаши и т. д. В 1929/30 учебном году в селах Абхазии за счет средств «Цера-китхва» было открыто 40 школ ликбеза из них 20 для женщин[2].

1929/30 учебный год был переломным в деле ликвидации неграмотности в Абхазии. По данным Наркомпроса Абхазии, в этом учебном году работало 306 ликпунктов и 121 школа для малограмотных. В ликпунктах было обучено грамоте 4254 человек, в том числе 1 730 женщин; школы для малограмотных окончило 1885 человек, в том числе 536 женщин. Всего из ликпунктов и школ для малограмотных было выпущено 6139 человек[3]. Ликвидация неграмотности проводилась и вне школ ликбеза путем индивидуальных занятий. В деревне встречались факты, когда дети-школьники обучали грамоте своих родителей, или другие члены семьи помогали друг другу. Нередко грамотные комсомольцы занимались дома с крестьянами.

Следует отметить, что определенная часть, окончившая школы ликбеза, забывала полученные знания, опять возвращалась в ряды безграмотных. По данным Наркомпроса Абхазии, среди обученных грамоте в 1927 – 1930 годах рецидив неграмотности составлял около 25%. Это было вызвано тем, что учебный год в сети ликбеза в Абхазии, как и во многих других районах страны, был коротким; нередко он начинался с опозданием, а выпуск учащихся проводился, за небольшим исключением, в марте.

---

[1] Д. Майсурадзе. Культура Советской Грузии, стр. 53.

[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 2, д. 355, лл, 89, 93, 98.

[3] Там же, д. 425, л. 105; там же, ф. 101, д. 689, лл. 30-31: там же, ф. 100, оп.2, д. 6, л. 50.

Обучение грамоте в короткий срок и отсутствие систематической работы с выпускниками ликбезов приводили к большому проценту рецидивов неграмотности. С 1930 года борьба с этим явлением усилилась. Окончившие школы ликбеза прикреплялись к библиотекам, избам-читальням, красным уголкам, вовлекались в ОДН, в общественно-политическую работу, в группы самообразования и т. д.[1]

В 1929/30 учебном году в Абхазии массовое движение за грамоту протекало в условиях развертывания колхозного строительства и усиления наступления на кулацкие и другие эксплуататорские элементы деревни. Рост социалистического строительства вызвал обострение классовой борьбы в деревне. Движение за грамоту наносило серьезный удар по интересам вражеских элементов, ограничивало их влияние на массы, политическая активность которых с ростом грамотности заметно повысилась. Видя это, классовый враг всеми средствами противодействовал просвещению трудящихся.

О борьбе кулаков против ликбеза в Сухумском уезде «Советская Абхазия» сообщала следующее: «Бешенное сопротивление в деле организации ликбезов на селе уполитпросвет встретил со стороны кулачества. Кулачество и по сей день не терпит ликбезов»[2]. Кулаки и остатки дворянско-княжеских сил распространяли различные провокационные слухи против ликбеза, уговаривали отсталых крестьян не посещать ликпункты, прибегали к бойкоту и преследованиям ликвидаторов, старались компрометировать и подрывать авторитет передовых людей деревни – учителей, избачей, библиотекарей и учащихся ликпунктов. Проводя агитацию против ликбеза, враги трудящегося крестьянства ловко использовали укоренившиеся суеверия, предрассудки, отсталые обычаи и нравы, крепко засевшие в деревне.

Например, в селе Николаево-Анастасиевском Сухумского

[1] ЦГАА, ф. 101, д. 689, л. 31.

[2] «Советская Абхазия», № 41, 19 февраля 1930 г.

района ликбез объединял 36 слушательниц, и когда одна из них вышла замуж за колхозника, антисоветские элементы сразу использовали этот случай для провокации среди женщин. «Не ходите в ликбез, вот Шаминашвили отдали замуж в колхоз и вас всех отдадут, а в колхозе станете общими женами», – заявляли кулаки[1].

Выступая против стремления трудящихся масс к свету и знаниям, кулачество и другие вражеские силы пользовались имевшимися в ряде мест недостатками в культурно-просветительной работе. В некоторых селах избы-читальни нерегулярно работали, на газеты и журналы подписывалась незначительная часть населения, культурно-просветительные силы не имели достаточной подготовки для серьезного противодействия кулацкой агитации.

Под руководством партийных организаций постепенно преодолевались трудности, встречавшиеся в ликвидации неграмотности среди крестьянства. В доколхозной абхазском деревне тысячи крестьян овладели грамотой. Для многих из них ликпункты и школы для малограмотных стали первой ступенью к свету и образованию. Ликбезовцы, как правило, являлись активными строителями новой жизни. Опыт ликбезработы, накопленный в эти годы, был творчески использован и развит в ходе развернувшегося широким фронтом социалистического переустройства деревни.

[1] «Советская Абхазия», № 41, 19 февраля 1930 г.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия развернула работу по превращению школы из орудия для классового господства буржуазии в орудие социалистического преобразования общества.

Вторая программа партии, принятая на VIII съезде РКП (б), следующим образом определила задачу Коммунистической партии в области народного образования: «В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»[1].

Под руководством Коммунистической партии с первых дней революции создавалась эта новая советская школа. Она явилась основой для массового распространения грамотности среди народа, стала подлинным очагом коммунистического просвещения трудящихся масс, превратилась в базу подготовки всесторонне образованных кадров, нужных для нового общественного и государственного строя, для победы социалистической экономики и культуры.

В первые же дни установления Советской власти в Абхазии при Ревкоме был создан отдел народного образования, вскоре преобразованный в Народный комиссариат просвещения.

[1] «КПСС в резолюциях…», т. II, М., 1970, стр. 48

Одновременно в уездных ревкомах организуются уездные отделы народного образования. Руководствуясь опытом строительства советской школы в РСФСР, при систематической помощи Наркомпроса Грузинской ССР они приступили к перестройке школьного дела в соответствии с интересами социалистического государства, духовными потребностями трудящихся масс, в интересах быстрого подъема их культуры.

Ко времени установления Советской власти народное образование в Абхазии находилось в полном упадке. Об этом Наркомпрос Абхазии в одном из своих отчетов писал: «Советская власть застала народное образовании в Абхазии в 1921 году в состоянии глубокого и безнадежного развала: здания школ рушились, оборудование уничтожено, учительство отстало во всех отношениях, работа в школе оторвана от жизни, мертва и бездушна, система образования отсутствовала»[1].

В сельских школах занятия фактически были прекращены. Поэтому 11 марта 1921 года отдел народного образования Ревкома Абхазии спустил всем учебным заведениям циркулярное распоряжение, которым предлагалось возобновить занятия во всех школах[2]. Несмотря на весьма трудные условия, молодая Советская власть принимает энергичные меры для организации работы в школах, делает все возможное для нормального завершения учебного года и материального обеспечения учителей.

12 марта 1921 года отдел народного образования Ревкома Абхазии разослал всем учебным заведениям директивное письмо о немедленном увольнении всех священно-служителей от занимаемых должностей в учебных заведениях[3]. Одновременно с этим школьным работникам категорически запрещалось исполнять какие бы то ни было требования религиозного культа и предлагалось изъять из школьных библиотек все книги рели-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 522, л. 114.

[2] «Революционные комитеты Абхазии в борьбе за установление и упрочнение Советской власти». Сухуми, 1961, стр. 253.

[3] Там же.

гиозного характера[1]. Этим был положен конец господству церкви, тормозившей дело культурного развития масс, прививавшей молодежи антинаучные идеи, воспитывавшей ее в духе рабской покорности.

Ревком Абхазии в марте 1921 года издал декрет о школах Абхазии, согласно которому создавалась «Единая трудовая школа» и «устанавливалось бесплатное, совместное и обязательное для всех детей школьного возраста» обучение».[2] Ревком издал декрет о возвращении к работе по специальности работников просвещения и привлечении их к строительству социалистической культуры[3].

Народный комиссариат просвещения РСФСР организовал обмен опытом школьной работы, посылал руководящие материалы по организации школьного дела, направлял представителей народного комиссариата с целью оказания практической помощи в деле организации новой школы в Абхазии. Подчеркивая огромное знамение этой братской помощи, А. М. Чочуа на I съезде союза работников просвещения говорил: «Приезжие работники из Москвы в помощь Наркомпросу Абхазии привезли с собой знание, опыт, необходимую литературу, последние декреты и циркуляры школьного строительства в России. Все это способствовало тому, что быстро (сконструировался центральный аппарат – Наркомпрос, а на местах – пять уездных отнаробов» (отделов народного образования – А. К.)[4]. Эта помощь в дальнейшем не прекращалась, а все более расширялась. Опыт строительства советской школы в РСФСР оказал решающее влияние на организацию подлинно народной школы в Абхазии. И в этом нашло свое выражение огромное значение опыта великого русского народа в преобразовании культуры народов национальных окраин.

---

[1] В. И. Нарсия. Указ. работа, стр. 56.

[2] ЦГАА, ф. 8, д. 52, л. 19.

[3] Там же, д. 67, лл. 73-74.

[4] А. М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 25.

Летом 1921 года были получены учебные планы и программы школ РСФСР, которые Наркомпросом Абхазии с помощью Наркомпроса Грузинской ССР были переработаны в смысле приближения их к местным условиям.

В 1921/22 учебном году Наркомпрос РСФСР отпустил Абхазии новые учебники и другие школьные принадлежности. «Правда Грузии» в статье «Ценный подарок» сообщала: «В адрес Абхазского Наркомпроса прибыло из России свыше ста пудов учебников, бумаги, тетрадей и пр., которые отпущены Советской Россией для Абхазии совершенно без всякого вознаграждения»[1]. Та же газета в декабре 1922 года сообщала: «В Наркомпросе Абхазии получена из Москвы передвижная педагогическая библиотека со всеми предметами преподавания в единой трудовой школе»[2]. Так, с самого начала Наркомпрос РСФСР стал оказывать всестороннюю дружескую помощь органам народного образования Абхазии в деле строительства трудовой школы.

Для обеспечения нормальной работы в школах Ревкомом Абхазии, на основании постановления СНК РСФСР от 25 апреля 1921 года о полной неприкосновенности зданий культурно-просветительных учреждений, был издан декрет о неприкосновенности школьных зданий в Абхазии[3]. Ревком Абхазии опубликовал приказ о привлечении населения к ремонту школьных зданий[4]. Уездные ревкомы приняли меры по обеспечению школ земельными участками и стройматериалами для их ремонта. Гудаутский уездный Ревком в отчете за 1921 год, касаясь первых мероприятий в области народного образования в уезде, писал: 1) В начале апреля составлена школьная сеть в целях всеобщего обучения. 2) Приняты меры по обеспечению существующих и проектируемых к открытию школ земельными участками до 5 дес. на каждую п строительными материалами... 3) По ходатайству отнароба для звандрипшской школы отведен свободный

[1] Газ. «Правда Грузии», № 305, 8 марта 1922 г.
[2] Газ. «Правда Грузии», № 525, 29 декабря 1922 г.
[3] ЦГАА, ф. 8, д. 9, л. 85
[4] «Голос трудовой Абхазии», 14 сентября 1921 г.

дом с участком Радченко. 4) По ходатайству отнароба земотделом отводится земельный участок для дурипшской школы в центре селения Дурипш»[1].

Местные органы власти проводили большую работу по подготовке к новому 1921/22 учебному году. Они постоянно информировали о ходе подготовки школ к учебному году вышестоящие ревкомы и партийные органы. Гудаутский отдел народного образования в телеграмме Ревкому Абхазии и Наркомпросу сообщал: «Отремонтированы школы в селах Аацы, Абгархук, Калдахвара, Ачандара. Наняты помещения для школ в селах Хопы и Аджимчигра. Эти школы снабжены дровами. В отношении других приняты меры»[2]. К новому 1921/22 учебному году множество школьных помещений было отремонтировано.

Характерно, что уже в первый же учебный год, несмотря на большие трудности, значительно выросло число школ, учащихся и учителей. Например, в Гудаутском уезде в 1921 году были открыты новые школы в селах Анухва-Абхазская, Хуап, Гарп, Петровское, Анухва-Греческая, Анухва-Армянская, Аджимчигра и др.[3] Всего в 1921/22 учебном году в Абхазии было открыто 37 новых школ.

С установлением Советской власти дети всех национальностей, в соответствии с ленинской национальной политикой, получили широкую возможность обучаться н школах на своем родном языке. В 1921/22 учебном году было создано абхазских школ 20, грузинских – 33, армянских – 31, греческих – 34 и т. д.[4] Они обучали детей на родном языке учащихся, что было совершенно новым явлением и встречало со стороны крестьянства горячую поддержку.

Был принят целый ряд мер по улучшению материального обеспечения учащихся и надзору над несовершеннолетними. Об

[1] «Укрепление Советской власти в Абхазии…», стр.94
[2] ЦГАА, ф. 17, д. 90, л. 137.
[3] «Укрепление Советской власти в Абхазии…», стр.95.
[4] ЦГА Грузинской СССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 44.

этом убедительно говорят декреты Ревкома Абхазии – «О комиссии по делам о несовершеннолетних»[1], «О детском питании»[2]. Положение о детском питании и Положение о комиссиях по улучшению жизни и охране здоровья детей, утвержденные Ревкомом Абхазии[3]; декреты СНК ССР Абхазии – «О проведении недели ребенка в Абхазии»[4], «О стипендиях в техникумах»[5], «Об опеке над несовершеннолетними»[6]; постановление Наркомтруда ССР Абхазии и обкома комсомола «Об улучшении быта, труда и образования рабочей молодежи»[7] и др.

Для обеспечения учебы сельских детей в г. Сухуме при педтехникуме и абхазской школе были открыты интернаты. В 1923 году в этих интернатах содержалось 150 детей крестьян-бедняков[8]. В начале 1923/24 учебного года Наркомпрос Абхазии вышел с ходатайством в СНК Абхазии об увеличении числа мест в школьных интернатах Сухума. В этом документе читаем: «150 выдержавших успешно проверки детей сельчан Абхазии остаются за бортом школы за недостатком мест в школьных интернатах г. Сухума... Все они происходят из недостаточно обеспеченных семей сельчан, и родители их совершенно не имеют возможности содержать их на свои средства в городах... Необходимо прийти всеми мерами на помощь детям деревни Абхазии»[9]. Постановлением СНК Абхазии от 6 октября 1923 года просьба Наркомпроса была удовлетворена: число мест в школьных интернатах было доведено до 300, и нормы питания в них были увеличены[10]. Все учащиеся, проживающие в интернатах, находились на полном государственном содержании.

---

[1] «Голос Трудовой Абхазии», 18 сентября 1921 г.
[2] Там же, 23 сентября 1921 г.
[3] «Революционные комитеты Абхазии», стр. 293-294, 295-296.
[4] «Голос Трудовой Абхазии», 27 марта 1922 г.
[5] Там же, 22 марта 1922 г.
[6] Там же, 22 декабря 1922 г.
[7] Там же, 21 ноября 1922 г.
[8] ЦГАА, ф. 2, оп.1, д. 193, л. 74.
[9] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 193, л. 74.
[10] Там же, л. 71.

Надо отметить инициативу крестьян в создании общежитий при отдельных сельских школах. СНК Абхазии в отчете за 1924/25 уч. год об этом писал: «Крестьянство, сознавая необходимость образования детей, решается само открывать общежития»[1]. В 1925 году Наркомпрос Абхазии отмечал, что такие общежития организованы «в Моквах, Адзюбже и в других местах, где дети пользуются лишь помещением, принося из дому продукты питания»[2].

Ревком Абхазии принял постановление об организации в Новоафонском монастыре детской колонии для сирот и детей беднейших рабочих и крестьян. 28 апреля 1921 года Наркомпрос Абхазии и областной отдел народного образования Кубани заключили договор о комплектовании детской колонии в Новом Афоне детьми из Абхазии и Кубани[3]. Было решено поместить в этой колонии до 600 детей. Нельзя без волнения читать документы, повествующие о теплом приеме детей из голодающих губерний Советской России. Газета «Голос трудовой Абхазии» 11 января 1922 года сообщала о прибытии в Сухум 100 детей голодающего Поволжья[4]. Вскоре прибыли еще 350 детей. Их устраивали в Новом Афоне, а также брали на попечение отдельные организации. Например, слушатели индустриального техникума взяли на свое попечение 11 мальчиков из Уфимской губернии[5].

Партийные и советские органы немалое внимание уделяли созданию детских домов для сирот и детей беднейших крестьян.

---

[1] Там же, д. 333, л. 19.

[2] А. М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 261-262.

[3] «Революционные комитеты Абхазии», стр. 35.

[4] Рядом с информацией о прибытии этой группы ребят в газете помещен текст телеграммы представителя Наркожпроса Грузии, в которой с чувством благодарности отмечается: «Размещенные в великолепных хоромах, отлично оборудованных, согретые теплым солнцем, окруженные редкой заботливостью дети, перенесшие все ужасы стихийного бедствия Поволжья, считают себя окончательно спасенными в славной Абхазии» («Голос трудовой Абхазии», 11 января 1922 г.). Для многих ребят Поволжья, Крыма и др. районов Абхазия стала второй заботливой матерью.

[5] «Советская Абхазия», № 218, 5 ноября 1972 г.

До установления Советской власти во всей Грузии было только 2 детских дома на 250 детей. В Советской Грузии уже в 1924/25 учебном году имелось 25 детских домов, в которых обучалось 3650 детей[1].

В 1922 году в Тбилиси был создан абхазский детдом. В организации его много энергии вложила директор дома Нина Фоминична Шервашидзе – вдова известного абхазского картографа Михаила Шервашидзе. В 1923/24 учебном году абхазский детдом был переведен из Тбилиси в Гагры. В 1925 году в нем содержалось более 100 деревенских детей на полном государственном обеспечении[2].

В 1925 году были открыты еще 2 детских дома – в Гудаутах на 30 мест и в Сухуме на 40 мест[3]. В детдомах Абхазии в 1928/29 учебном году содержалось 255 детей[4]. Это были сироты или дети беднейших крестьян, которым Советская власть открыла двери в школу[5].

---

[1] Текст на груз.

[2] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 45.

[3] ЦГАА, ф. 1. Оп. 1, д, 522, л. 116.

[4] Там же, оп. 2, д. 61, л. 18.

[5] Здесь приведем один характерный документ – заявление 14 летнего сельского мальчика Ипполита Пагава, который, преодолев нелегкий путь из с. Беслахуба до Сухуми, 27 ноября 1924 года лично обратился к председателю Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба с просьбой об оказании ему помощи в учебе. В заявлении говорилось: «От роду 14 лет. Я круглый сирота. Принадлежу к числу наибеднейших крестьян. Беслахубскую школу кое-как окончил. Имею желание продолжить учение, но помощи ни от кого не жду. Единственным лицом остаетесь Вы, на которого уповаю свои надежды не только я, но и все крестьянские малыши.

. . . Обращаясь к Вам как к отцу и покровителю крестьян и рабочих, прошу Вас определить меня в одно из учебных заведений, дабы продолжить мне образование. Надеюсь, не останусь без внимания, как не оставались без Вашего внимания другие дети, подобные мне». Заявление Н. А. Лакоба было адресовано наркому просвещения А. М. Чочуа с резолюцией «Прошу принять все зависящие от Вас меры и определить просителя в одну из школ» (см. ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 116, л. 294). Мальчик был направлен в Гагринский детдом, а затем окончил Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева. Так сбылась заветная мечта юноши.

С конца восстановительного периода на базе школы первой ступени создавались школы крестьянской молодежи (ШКМ). ШКМ были открыты в селах Лыхны Моква, Адзюбжа, Агу-Бедия, Окуми и др. В 1928/29 учебном году работало 6 школ крестьянской молодежи.[1] Они, наряду с общеобразовательными знаниями, давали учащимся основы агрономии и зоотехники. Выпускники этих школ должны были стать активными строителями нового села, лучшими кадрами для колхозов и совхозов.

Важнейшим вопросом школьного образования являлось обеспечение учащихся учебниками и учебными пособиями. Школы Абхазии большую помощь получали от Наркомпроса РСФСР. В 1924 году А. М. Чочуа писал об этом в СНК Абхазии следующее: «В бытность мою в Москве нарком просвещения А. Луначарский обещал отпустить Абхазии с большой скидкой достаточное количество новых учебников в соответствии с предполагаемыми к выпуску новыми программами. В настоящее время Наркомпросу Абхазии известно, что тов. Луначарский исполнил свое обещание, отпустив более 25 тысяч учебников. Указанное количество учебников рассчитано на число учащихся в школах Абхазии – два учебника на одного человека»[2].

В первые годы Советской власти в Сухуми были изданы «Абхазский букварь» и другие новые абхазские учебники. Но начальные классы не были полностью обеспечены учебниками и к концу восстановительного периода. Нарком просвещения А. М. Чочуа, касаясь проблемы создания учебной литературы для абхазских школ, писал: «С книгой, особенно книгой на родном языке, особенно в деревенской школе, дело обстоит плохо. Ни подходящих учебников, ни краеведческих пособий, ни книг для чтения почти не имеем. Это особенно тяжело чувствуется в школе абхазской»[3]. Проведенная в 1926 году реформа абхазской письменности еще более осложнила дело. В 1927/28 учебном

[1] «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 г.

[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 91, л. 415

[3] А. М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 46.

году на новом (аналитическом) алфавите, разработанном акад. Н. Я. Марром, были изданы им абхазский букварь, несколько книг для чтения в классе и учебник по краеведению[1]. Однако этот алфавит оказался неудобным для практического применения и пришлось от него отказаться. В 1928 году, по поручению Наркомпроса Абхазии, профессором Н. Ф. Яковлевым был составлен новый латинизированный абхазский алфавит. В школьную практику он был введен с 1929 года[2]. В 1929/30 учебном году на этом алфавите были изданы ряд учебников[3]. Частые изменения алфавита тормозили создание новых школьных учебников, и это в значительной степени затрудняло работу учителей абхазских школ.

В феврале 1930 года после проведения ряда мероприятий по ознакомлению населения с новым латинизированным абхазским алфавитом ЦИК Абхазии декретировал исключительное и обязательное употребление нового абхазского алфавита. В сентябре 1930 года было организовано Абхазское государственное издательство (АбГИЗ). С этого времени вопрос обеспечения абхазских школ учебниками встал на твердую почву.

Одним из центральных вопросов успешного осуществления политики партии в области народного образования был вопрос об учительстве. Коммунистическая партия, приступая к строительству социализма, перед учителем поставила большую, благородную и ответственную задачу – подготовить молодое поколение к строительству новой жизни. Учитель должен был вынести на своих плечах и действительно вынес основную тяжесть работы и в решении такой важной государственной проблемы, как ликвидация безграмотности среди взрослого населения. В. И. Ленин подчеркивал важную роль учителя в деле привлечения крестьянства к союзу с пролетариатом[4].

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 81.

[2] Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967, стр. 59.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 81.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 366.

Коммунистическая партия поставила и успешно решила большое, трудное и сложное дело завоевания на сторону Советской власти, на сторону народа учительства, которое было заражено буржуазными идеями, служило старой школе. Без этого нельзя было и думать о перестройке школ, об увеличении сети школ, о поголовном охвате детей школьным обучением.

Отдел народного образования Ревкома Абхазии сразу же после установления Советской власти обратился к учительству с призывом включиться в благородное дело воспитания народа и детей на социалистических началах. В Обращении говорилось: «Товарищ учитель! Наступила новая эра... Жизнь наша перестраивается на новых социалистических началах... Новая, свежая сила жизни должна войти в школу, откуда могло бы выйти сильное, здоровое, вооруженное действительным знанием, новое поколение, которое довершит дело, начатое нами, – дело перестройки нашей жизни на новых началах. Учителю предстоит ответственная, огромная, благородная задача – воспитать это новое поколение. Забытый, приниженный, угнетенный раньше учитель теперь займет почетное место в жизни»[1]. Значительная часть учительства, в своем большинстве тесно связанная с судьбами трудящихся, горячо откликнулась на это обращение, включилась в строительство трудовой социалистической школы.

Уже в самом начале, в первые дни установления Советской власти, в Сухуме были организованы двухнедельные курсы для учителей, на которых они были ознакомлены со взглядами Советской власти на школу, с задачами учительства в новых условиях. Вспоминая об этих курсах, старый педагог М. А. Каландия писал: «Они дали нам очень много. Мы расходились из Сухума радостные, довольные, воодушевленные великой целью – нести свет знаний в деревенскую глушь, и в то же время, самим учиться, повышать свою квалификацию»[2].

Наркомпрос Абхазии летом 1921 года провел чистку педагогических кадров. Часть учительства была освобождена от

[1] ЦГАА, ф. 8, д. 28, л. 85.

[2] М. А. Каландия. Воспоминания старого педагога. Сухуми, 1962, стр. 55.

педагогической работы из-за полной неподготовленности для работы в новой школе, а также по откровенной реакционности своих взглядов. Во многих церковноприходских школах преподавали священники. Они немедленно были отстранены от работы в школе. Но отдельные из них, которые вышли из среды трудящихся крестьян и имели достаточный опыт педагогической деятельности, сразу оставив службу в церкви, перешли на работу в Советскую школу[1]. Из них много сил и энергии отдали делу народного просвещения, например, Николай Патейипа, Афанасий Векуа, Илларион Кучуберия, Нестор Хашба, Илларион Хочава и др.

С 1921 года ежегодно в летнее время Наркомпрос Абхазии проводил месячные и полуторамесячные курсы по повышению квалификации. Они повышали педагогическое мастерство учи-

[1] Здесь уместно привести выдержку из заявления священника. К. Чачибая «Долой религию и духовенство», с которым он обратился к трудящимся, осуждая свою прошлую деятельность: «Духовенство во все времена по своему положению являлось и теперь является явно контрреволюционным. Выдавая себя добродетелям защитником униженных и оскорбленных, оно всегда защищало имущий класс и сильных. Таково духовенство всех культов, в том числе и христианское... Велико было значение духовенства для Николая Романова. Имея в своих руках школы и через них внедряя веру в бога, страх перед ним в умы крестьян и рабочих, духовенство лучше всякой вооруженной силы подчиняло царю крестьян и рабочих, давая им наставления спокойно переносить земные страдания и обещая спасение и благоденствие в другой, несуществующей жизни... Лишившись школы, духовенство еще через церкви затемняет умы крестьян и рабочих и продолжает свое черное дело. Но крестьяне и рабочие разоблачили духовенство, разоблачили своих попов, закрывают церкви.

В силу разных причин, я был втянут в эту среду, в среду духовенства. Но надо быть злейшим врагам рабочих и крестьян, чтобы теперь, в период освобождения труда от капитала, в период закладки новой жизни, не осознать свои ошибки. Осознав свою ошибку, я снял сан священника и возвращаюсь к мирному труду. Надоело быть паразитом и тунеядцем. Да здравствует труд! Да здравствует Соввласть, власть рабочих и крестьян!

Товарищи рабочие и крестьяне, осуждая свои старые действия, я взялся за честный труд, и отныне такой же честный труженик как и Вы...» (см. ЦГАА, ф. 1. оп. 1, д. 375, л. 27).

теля, помогали ему правильно разобраться в политической жизни, прививали ему идеи советской школы, знакомили с принципами и методами работы трудовой школы.

В 1921 году 87 учителей из уездов, в том числе 54 человека из сельских школ прошли педагогические курсы в Сухуме. Среди них членов РКП (б) было 9 человек[1]. Летом 1924 года на педагогических курсах в Сухуме было 78 учителей школ первой ступени, из них с высшим образованием 1 человек, со средним – 35, с незаконченным средним и низшим – 42 человека[2]. Курсы проходили, главным образом, учителя низкой квалификации. Среди слушателей были учителя, трудно поддававшиеся переподготовке. «Среди курсантов, – читаем в докладе руководства курсов, – были «старики», за плечами которых долгое учительское житье. Сумрачны, несловоохотливы. К новизне относятся недоверчиво, внутренне улыбаются и трудно расшифровать эту улыбку»[3]. Учительские курсы, проводившиеся в Сухуме и в других городах[4], сыграли важную роль в деле перевоспитания этих старых педагогических кадров и повышения их квалификации.

Коммунистическая партия, проявляя особую заботу об учительстве, большое внимание уделяла идейному воспитанию педагогических кадров. В. И. Ленин в ноябре 1920 года, характеризуя задачи Главполитпросвета в условиях мирного строительства, говорил: «Теперь должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»[5].

---

[1] В.И. Нарсия. Советская школа в Абхазии, стр. 84-85.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 248, л. 100.

[3] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 248, л. 102.

[4] Наркомпрос Абхазии каждый год направлял до 20 учителей грузинских, армянских и греческих школ на курсы в Тбилиси, Ереван, Краснодар и другие города, где они проходили подготовку на национальных языках. (ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 19).

[5] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 403.

Партийные организации Абхазии проводили значительную работу по идейно-политическому просвещению учительства. V Абхазская областная партийная конференция (30.IV–2.V. 1924 г.) отметила усиление интереса учителей к изучению марксизма-ленинизма. Это особенно обнаружилось на курсах политической переподготовки учителей, организованных в Сухуме в феврале 1924 года во время зимних каникул. Абхазский обком партии, учитывая исключительный интерес, проявленный слушателями курсов к идеям марксизма-ленинизма, организовал в г. Сухуме учительский марксистский политкружок. В первой половине 1924 года Союзом работников просвещения в школах 2-й ступени были организованы 4 учительских кружка политграмоты с охватом более 40 человек[1]. В дальнейшем подобные кружки создавались и в уездах. Учительство все более вовлекалось и политическую учебу, росло стремление их к повышению идейного уровня.

В результате систематической и умелой работы партийные организации сумели постепенно завоевать всю основную массу учительства на сторону Советской власти. Большая часть старого учительства, видя коренные преобразования, происходившие в жизни общества, и чувствуя заботу партии об учителе, об улучшении его общественного и материального положения, честно служила народу, помогала партии в просвещении трудящихся, в воспитании подрастающего поколения, которому предстояло на своих плечах вынести всю тяжесть строительства нового социалистического общественного строя.

С первых же дней установления Советской власти самоотверженно занимались организацией и развитием советской школы в Абхазии учителя Г.А.Алан, С. П. Барцыц, Д. Х. Барцыц, П. М. Гогая, К. Ф. Дзидзария, М. Ф. Кварчелия, Н. Б. Киртбая, А. У. Кукбая, С. С. Саманджия, Н. К. Таркил, М. С. Турский, М. Н. Цаава, В.Н. Харазия, П. С. Шакрыл, Ф. Х. Эшба и многие другие.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 127/1, лл. 22-23.

Постоянно занимаясь перевоспитанием старых педагогов, партия одновременно большое внимание уделяла подготовке новых учительских кадров. Этот вопрос являлся животрепещущим в национальных республиках. В Абхазии остро чувствовался недостаток педагогов, особенно для национальных школ. В тяжелых условиях находились, в частности, абхазские школы. Положение усугублялось тем, что определенная часть учителей-абхазов из-за недостатка кадров национальной интеллигенции была выдвинута на партийную, советскую и хозяйственную работу. В 1924/25 учебном году в 44 абхазских школах из 83 штатных учителей всего 26 учителей было абхазов[1]. В связи с чем в абхазских школах обучение на родном языке велось только в первых группах и то не везде[2].

Отсутствие подготовленных кадров сильно отражалось на всей работе национальных школ, мешало дальнейшему развитию их сети.

В 1925 году в Сухуме были открыты двухгодичные педагогические курсы для подготовки учителей абхазских школ[3]. В 1929/30 учебном году эти курсы были преобразованы в Абпедтехникум[4]. Прием в последний был увеличен от 30 до 60 человек. Параллельно периодически организовывались и педкурсы. Так, например, через курсы в конце 1930 года было подготовлено 35 новых учителей для абхазских школ. С 1 февраля 1931 года открылись шестимесячные педкурсы на 60 человек[5]. Эти мероприятия подготавливали условия для обеспечения абхазской начальной школы национальными кадрами[6].

Большие трудности переживали греческие школы. Учителя этих школ имели в основном двух-трехклассное образование. У них не было не только педагогической подготовки, но даже до-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 333, л. 19.

[2] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 306, л. 100.

[3] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 543, л. 290.

[4] «Материалы отчеты правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», стр. 42.

[5] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 306, л. 100.

[6] А. М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 70.

статочного общеобразовательного ценза. Учитывая это, в 1926 году в Сухуме греческая семилетка была реорганизована в девятилетку с придачей двум последним классам педагогического уклона. В 1931 году на базе этой школы создается греческий педтехникум. В 1930 – 1931 годах организуются шести месячные педкурсы для подготовки 70 учителей-греков[1]. Таким путем создавались новые кадры для греческих школ.

В Сухуме в 1928 году открывается грзинский педтехникум, и в 1931 году – армянский педтехникум[2]. Абхазский обком КП(б) Грузии и правительство Абхазии делали все для того, чтобы обеспечить национальные школы педагогическими кадрами.

В. И. Ленин с первых же дней революции выдвинул перед партией и Советским правительством, перед все советской общественностью вопрос о необходимости улучшить положение учителя и поднять его авторитет «Народный учитель, – говорил В. И. Ленин, – должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе. Это – истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное – над поднятием его материального положения»[3].

В дореволюционной абхазской деревне учитель находился в тяжелом материальном и правовом положении. Как отмечал делегат от Гудаутского уезда на съезде трудящихся Абхазии в мае 1921 года, в условиях царского режима «над бесправным, голодным сельским учителем всегда издевались сельские власти и правительственные чиновники»[4].

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, 306, л. 101.

[2] В. И. Нарсия ошибочно пишет, что в 1927 г. в Сухуме были открыты 3 национальных педагогических техникума – грузинский, армянский, греческий (см. В.И. Нарсия. Советская школа в Абхазии (1921-1931 гг.), стр. 124.

[3] В. И. Ленин. Полн. обр. соч., т. 45 стр, 365-366.

[4] «Укрепление Советской власти в Абхазии», стр. 163.

Уже с первых лет Советской власти в Абхазии проводилась значительная работа по улучшению общественного и материального положения учителя. С каждым годом постепенно улучшались положение учителя и условия его работы. Заслуженный педагог Грузинской ССР, кавалер двух орденов – ордена Ленина и ордена «Знак Почета» Ю. Т. Бобуа, касаясь своей деятельности в сельской начальной школе в первые годы Советской власти, писал: «После советизации исчезли у меня, как у всех учителей, материальная нуждаемость... При таких условиях учительская работа стала интересной, мы начали работать интенсивно, плодотворно»[1].

В организации и сплочении учительства вокруг Коммунистической партии большую роль сыграл I съезд учителей Абхазии, состоявшийся в декабре 1924 года. Съезд обсудил доклады о международном положении СССР, о достижениях Советской власти и ближайших задачах советского строительства, заслушал информацию о Всесоюзном съезде учителей, избрал делегатов па I съезд учителей Грузинской ССР[2]. I съезд учителей Абхазии определил задачи сельского учителя в общественной жизни деревни. В начале января 1925 года I съезд учителей выразил полную солидарность учительства с Советской властью. На съезде директор Сухумской абхазской школы К. Ф. Дзидзария от имени учителей Абхазии заявил: «...Мы, абхазские учителя, отдадим все свои силы и знания, чтобы быть достойными великой чести носить высокое звание советского педагога»[3]. Делегатами I Всесоюзного съезда учителей от Абхазии были избраны К. Ф. Дзидзария и М. А. Каландия[4]. После съезда

[1] Архив Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР, ф. 1, д. 248, лл. 21-22.

[2] «Трудовая Абхазия», № 277, 11 декабря 1924 г.

[3] М. А. Каландия. Воспоминания старого педагога, стр. 65.

[4] Небезынтересно отметить, что М. Каландия вынужден был отказаться от поездки в Москву из-за отсутствия теплой одежды. Председатель Совнаркома ЗСФСР М. Орахелашвили, узнав об этом, предложил делегату съезда от Абхазии свою собственную шубу. Об этом трогательном эпизоде М. Каландия

работа в области школьного образования развернулась еще более широко.

III съезд Советов Абхазии (26.III – IV.1925 г.), отметив значительное улучшение материального положения сельского учителя и рост его авторитета среди крестьянства, в постановлении записал, что учитель «как единственный культурный работник в отсталой абхазской деревне, должен быть окружен со стороны местных уездных и волостных властей особым вниманием, заботой и товарищеским отношением»[1].

Большое значение придавала Коммунистическая партия вовлечению учителя в общественную жизнь деревни. Конкретные задачи сельского учителя, его большая роль в деревне были определены в решениях партии. Абхазская областная партийная организация добилась того, что к концу восстановительного периода роль учителя во всей общественно-политической и культурной жизни абхазской деревни значительно выросла. «Учительство поняло свою историческую задачу.., на деле доказало и доказывает свою солидарность с начинаниями Коммунистической партии в деревне. Учительство в некоторых районах нашего округа окунулось с головой в общественную жизнь деревни, в работу избы-читальни – этого культурного очага деревни», – сообщала газета «Трудовая Абхазия» в передовой статье «Учитель в деревне».[2]

Сельское учительство как основная культурная сила в деревне работало в ликпунктах, участвовало в массово-политической работе среди крестьянства. Настроение основной части сельского учительства Абхазии к концу восстановительного периода

впоследствии писал следующее: «Мамия Орахелашвили предложил мне свою меховую шубу. Признаться, я был поражен и растроган. М. Орахелашвили был старый революционер, коммунист, имя его было известно по всему Закавказью и далеко за его пределами. Я же был скромный беспартийный сельский учитель, мало кому известный: даже у себя в Абхазии. Отказываться от поездки я больше не мог».. (М. А. Каландия. Указ. работа, стр. 66).

[1] «Резолюции третьего съезда Советов ССР Абхазии». Сухум, 1925, стр. 15.

[2] «Трудовая Абхазия», 21 декабря 1924 г.

хорошо было выражено в постановлении собрания комячейки и беспартийных слушателей педкурсов от 20 июля 1925 года. Это собрание, обсудив вопрос «О роли учительства в деревне при Советской власти», единогласно постановило: «Объединенное собрание комячейки и слушателей педкурсов признает, что международное и внутреннее положение СССР, несмотря на происки наших врагов, крепнет, что для дальнейшего политического и экономического укрепления Союза Советских Социалистических Республик необходимо, по завету нашего вождя В. И. Ленина, развитие нашей промышленности, всестороннее укрепление союза рабочих и крестьян. Объединенное собрание призывает все учительство Абхазии сплотиться теснее с Коммунистической партией и под ее руководством повести крестьянство Абхазии по пути наиболее успешного хозяйственного и культурного развития, для чего учительство должно проникнуть во все поры деревенской общественной и хозяйственной жизни и сделаться активным строителем советской общественности в деревне. Собрание отмечает, что только Советская власть создала такие условия, при которых сельскому учителю дается полная возможность широкой общественной работы, чего не может дать ни одна буржуазная страна»[1]. Так, под руководством партийных организаций сельское учительство все глубже вовлекалось в общественно-политическую жизнь абхазской деревни, оно все более превращалось в важную силу, укрепляющую союз рабочих и крестьян.

Организацией советской школы в Абхазии занимались видные деятели культурного строительства республики – Самсон Яковлевич Чанба и Андрей Максимович Чочуа. Они, возглавляя Наркомпрос, вместе с другими передовыми представителями интеллигенции оказывали активную помощь Коммунистической партии в осуществлении культурно-преобразовательной работы. Своим опытом и энергичным участием в практической

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/7, л. 35.

деятельности по строительству новой культуры, в частности, советской школы, они помогали делу просвещения широких народных масс.

В первые годы восстановительного периода система народного просвещения испытывала большие материальные и финансовые затруднения. Все главные силы и средства Советского государства были направлены на восстановление народного хозяйства. 90% школ были переведены с общегосударственного бюджета на местный.

Несмотря на хозяйственные трудности, Советское государство с каждым годом увеличивало ассигнования на развитие народного образования в Абхазии. Однако отпускавшиеся средства и к концу восстановительного периода оставались крайне недостаточными. В 1924/25 учебном году на народное образование было отпущено по госбюджету 325,9 тыс. руб. и по местному бюджету 166,6 тыс. руб. (всего 492,5 тыс. руб.), что составляло 21,6% всего бюджета Абхазии[1].

Недостаток государственных средств ограничивал развитие школьной сети и их материальной базы. В результате подавляющее большинство школ к концу восстановительного периода не имело подходящих помещений и достаточного оборудования. В 1925 году нарком просвещения А. М. Чочуа в докладе на второй сессии ЦИК ССР Абхазии третьего созыва говорил: «В 33-х селениях школы совершенно не имеют собственного здания и помещаются в наемных зданиях, неприспособленных под школу; 58 школ имеют совершенно непригодные помещения, которые требуют немедленной замены; 63 школы требуют капитального ремонта и только 18 школьных зданий можно считать более или менее приличными, где можно ограничиться легким ремонтом»[2]. Таково было состояние школ, находившихся на государственном бюджете. А школы, которые содержались на средства сельских обществ, выглядели еще хуже. «Эти школь-

[1] ЦГАА, ф. 2 оп. 1, д. 333, л. 20.

[2] А.М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 29-30

ные здания, – говорится в том же докладе, – не выдерживают никакой критики. Они построены с нарушением всех принципов школьного строительства – без света, без воздуха и без пола… Школы эти помещаются в примитивных зданиях, выстроены они спешно самими крестьянами»[1].

В годы восстановительного периода, когда государство еще не могло полностью удовлетворить все нужды культурного строительства и взять на себя большие расходы на школьное дело, важную роль в борьбе за укрепление школьной сети сыграли мероприятия по привлечению населения в развитие школьного образования. СНК Абхазии 3 февраля 1923 года утвердил «Положение о плате за учение в школах Абхазии», согласно которому, как временная мера, вводилась плата за учение в школах[2]. От платы освобождались учащиеся сельских школ и техникумов, дети красноармейцев, инвалидов, безработных, низкооплачиваемых рабочих и др. Платность обучения в городских школах Абхазии сохранилась и в следующем 1923/24 учебном году[3], а в 1925/26 году она была сохранена только лишь во второй ступени городских трудовых школ[4].

Второй мерой правительства Абхазии в деле изыскания дополнительных средств на содержание школ было издание декрета «О местном самообложении на нужды Наркомпроса»[5], составленного на основе соответствующего декрета СНК РСФСР от 15 сентября 1921 года. Согласно декрету, Наркомпросу и его местным органам предоставлялось право организации собственных производственных предприятий для эксплуатации как силами самих учащихся и учителей, так и совместно с кооперацией и артелями на договорных началах.

Предприятия и учреждения, при которых состояли школы и другие просветительные учреждения, принимали на себя забо-

[1] А. М. Чочуа. Указ. сочинения, стр. 30.
[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 52, л. 10.
[3] Там же, д. 193, л. 134
[4] Там же, д. 449-а, л. 17.
[5] Там же, д. 8, лл. 23-24

ту об обеспечении их помещениями, отоплением, освещением, а также о продовольственном снабжении работников просвещения наряду с работниками предприятий. В сельских местностях устанавливались натуральное самообложение населения в пользу школ и топливная повинность для обеспечения школ топливом. Вопрос о самообложении и оказании материальной помощи школе партия рассматривала как призыв к общественной помощи и общественной инициативе в трудное для страны время.

Эти мероприятия Советской власти в области народного образования встретили самую дружную поддержку трудящихся масс Абхазии. Они, учитывая тяжелое экономическое положение страны, под руководством партийных организаций, по примеру трудящихся других республик, принимали самое деятельное участие в улучшении положения школы.

Большую заинтересованность в развитии школьного образования проявляло крестьянство, которое на деле увидело величие и силу советской политики в области народного образования, пришедшей на смену русификаторской политике царизма и националистической политике меньшевиков. У трудовых масс деревни росло стремление обучать детей в школе. Правительство Абхазии и Наркомпрос в своих отчетах этого времени особо подчеркивали пробудившуюся у трудящихся жажду просвещения, стремление их преодолеть свою вековую отсталость. «Повсюду замечается огромная тяга населения к школе»[1], – читаем в отчете СН К Абхазии за 1924/25 учебный год. Наркомпрос Абхазии в отчете за указанный год отмечал, что «все существующие школы к началу занятий до невероятности были переполнены учащимися; со всех сторон в Наркомпрос летят ходатайства об открытии новых школ и расширении старых».

О большом стремлении крестьянства к образованию, об их активном участии в школьном строительстве убедительно говорит создание в рассматриваемый период в деревнях так на-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 333, лл. 23-24.

зываемых общественных школ. Такие школы стали открываться с первых же лет Советской власти. В 1925 году на содержание сельских обществ находилось 30 школ[1], в 1926 году – 63 начальные школы[2], а к началу 1926/27 года – 66 школ[3].

В материалах к отчету правительства Абхазии V съезду Советов говорится о том, как крестьянство создавало эти общественные школы. «Многие ходатайства об открытии школ, – сказано в них, – ввиду невозможности охватить бюджетом, приходилось отклонять. Но и это обстоятельство не останавливало пробудившееся в населении стремление к грамоте. Получив отказ в открытии школы за государственный счет, население настаивало на разрешение открывать школы за свои личные средства, собиравшиеся им путем самообложения...»[4].

Создавая эти школы, крестьянство само принимало на себя расходы на устройство помещения под школу, его оборудование и на содержание приглашенного учителя. Так, по инициативе крестьян в с. Гвада была открыта школа на 50 детей. Крестьяне построили четырехкомнатное школьное здание и сами же содержали учителя[5]. Таким же образом в 1926 году организовали школу крестьяне с. Азанта. В ней обучалось 30 детей на родном, греческом языке. Крестьяне решили к новому учебному году расширить свою школу[6].

Общественные школы открывались с разрешения Наркомпроса, который в дальнейшем постепенно переводил их на государственный бюджет. Руководство учебно-воспитательной работой в общественных школах осуществлялось Наркомпросом и уездными отделами народного образования. Оплата учителей этих школ в 1921 – 1923 годах

---

[1] Там же.
[2] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 43.
[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 17.
[4] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 17.
[5] «Советская Абхазия», № 38, 17 февраля 1927 г.
[6] Там же, № 16, 21 января 1927 г.

населением производилась преимущественно натурой, а с 1924 года (после денежной реформы) деньгами. Учителю без педагогического стажа зарплата выплачивалась в год 672 руб. червонцами, с одногодичным стажем – 900 руб.[1]. Зарплата выплачивалась в два или три срока.

Уже с конца восстановительного периода крестьяне многих сел, не удовлетворяясь начальной школой, поднимали вопрос о создании семилеток и сами активно участвовали в их организации[2]. В 1925 году крестьяне села Баргеби решили выстроить здание для семилетней школы. «Большинство крестьян– бедняки, но никто не жалел ни труда, ни денег. И здание было готово 18 марта 1926 года», – сообщала газета «Советская Абхазия»[3]. Эта школа сгорела, и крестьяне выстроили новую из 11 комнат. Строительство второго здания обошлось в 13 тыс. руб., из них 10 тыс. собрали крестьяне[4]. В 1926/27 учебном году в этой школе обучалось 200 детей[5].

Газета «Советская Абхазия» писала, что «Лыхненская, Звандрипшская, Джирхвинская, Дурипшская и Абгархукская общины Гудаутского уезда строят общими силами семилетнюю школу с интернатом»[6]. При строительстве Лыхненской семилетки были использованы и государственные средства. По инициативе и активном участии крестьянства и при помощи Совнаркома Абхазии тогда были построены и другие семилетние школы. Так, для Бедийской семилетки крестьяне собрали 6 тыс. руб., а Совнарком и Гальский уездный исполком выделили 8 тыс. руб. На строительство Ачигварской семилетки они отпустили 4 тыс. руб., а остальные расходы взяли на себя крестьяне[7].

---

[1] В. И. Нарсия. Советская школа в Абхазии 1921-1931 гг. стр. 70.

[2] А. М. Чочуа. Указ. сочинение, стр. 39.

[3] «Советская Абхазия», № 11, 15 января 1927 г.

[4] «Советская Абхазия», № 112, 17 мая 1928 г.

[5] Там же, № 11, 15 января 1927 г.

[6] Там же, № 111, 20 мая 1927 г.

[7] Там же, № 18, 25 января 1927 г.

В Джгердинской начальной школе за 1924/25–1926/27 уч. годы количество учащихся увеличилось с 58 до 150 человек, а учителей – с 1 до 5 человек. Во главе школы стоял опытный педагог Петр Шелия. При школе работали литературный, драматический, хоровой и сельскохозяйственный кружки, был создан музей моделей предметов крестьянского обихода. «Видя энергичную работу всех учителей и хорошую постановку школьного дела, крестьяне охотно приступают к постройке здания под семилетку»[1], – сообщала газета. Корреспондент из села Калдахвара писал: «Наше селение нуждается в семилетней школе. Крестьяне охотно помогут в постройке школы. Необходимо, чтобы уездные власти пошли навстречу. Крестьяне хотят, чтобы их дети получили образование выше сельской школы»[2]. Как видно, по инициативе и при активном участии крестьянства в доколхозной абхазской деревне стали создаваться первые в республике сельские семилетние школы.

Таким образом, в рассматриваемый период крестьянство не только создавало и содержало общественные школы, но активно участвовало и в строительстве государственных школьных зданий.

Подчеркивая это, Нарком просвещения Абхазии А. М. Чочуа писал, что за 8 лет Советской власти «построено при большой денежной помощи со стороны самого населения до 40 новых зданий для сельских школ...»[3].

Крестьянство содержало не только учителей общественных школ, но нередко и учителей государственных школ. Об этом в материалах отчета правительства V съезду Советов Абхазии сказано следующее: «...Во многих правительственных школах каждый второй или третий учитель содержался также самим населением»[4]. Например, в 1926/27 учебном году в

[1] Там же, № 94, 29 апреля 1927 г.
[2] Там же, № 102, 10 мая 1927 г.
[3] «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 г.
[4] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 17.

Джгердинской школе крестьянство содержало из 5 учителей 3[1], в Звандрипшской – из 2 – 1 учителя[2], в Бабушерской – из 3 – 2 учителей[3], в Атара-Абхазской – из 2–1 учителя[4] и т. д. В 1928 году на средства населения содержалось около 100 учителей[5].

Создание крестьянством общественных школ, участие их в строительстве, расширении и ремонте зданий государственных школ, содержание ими сверхштатных учителей в государственных школах и другие формы материального участия и поддержки школьного образования в деревне, осуществлявшееся трудящимся крестьянством, сыграли важную роль в деле расширения школьной сети и увеличения охвата детей школой.

Однако нужно отметить, что в те годы, в связи с имевшимися известными трудностями, стремление крестьян к открытию и расширению школ во многих местах не имело успеха. В поселке Арасадзых крестьяне в 1924 году построили школьное здание, но из-за отсутствия учителя-абхаза школа не работала. До соседней Гупской школы было не менее 6 км, и многие арасадзыхские дети лишались возможности учиться. «Крестьяне неоднократно жаловались, но пока что нет положительного результата... Не менее 60 детей остаются вне школы»,[6] писала газета. Детям дурипшских крестьян приходилось посещать школы ближайших селений, находящихся в 5–7 км. Однако в зимнее время «многие крестьяне-бедняки не пускали своих детей в школу, боясь, чтобы они не простудились»[7]. Подобные факты встречались в доколхозной деревне сплошь и рядом.

В те годы на страницах газет «Советская Абхазия» и «Апсны капш» часто печатались заметки, которые рассказывали о больших сдвигах в развитии культуры деревни. Вместе с тем они под-

[1] «Советская Абхазия», № 94, 29 апреля 1927 г.
[2] Там же, № 11, 15 января 1927 г.
[3] Там же, № 102, 10 мая 1927 г.
[4] Там же, № 93, 28 апреля 1927 г.
[5] А. М. Чочуа. Указ. сочинение, стр. 377.
[6] «Трудовая Абхазия», № 188, 21 августа 1926 г.
[7] «Советская Абхазия», № 14, 19 января 1927 г.

вергали критике и недостатки. Например, в корреспонденции из горного села Ажара подчеркивалось, что Советская власть обратила серьезное внимание на развитие культуры среди сванов: открыты четыре начальные школы с пятью штатными учителями, в поселках организованы ликбезы для взрослых; созданы сельскохозяйственное кредитное товарищество, больница, изба-читальня; имеется радио, проложена дорога, связывающая Сванетию с центром, и т. д. «...По сравнению с прошлым Сванетия в культурном отношении далеко шагнула вперед. Но жизнь требует еще большего»[1], – писал зав. школой Г. Анджапаридзе. От имени крестьян он просил Наркомпрос зачислить в штат второго учителя Ажарской школы, находившегося на содержании крестьянства. В аналогичных статьях, печатавшихся в газетах, одни сообщали, что крестьянство уже несколько лет содержит учителя и просит перевести его в штат Наркомпроса, другие требовали дополнительного второго или третьего учителя, третьи писали о необходимости строительства нового школьного здания и т. д. «Все эти голоса крестьянства, – писал нарком просвещения А. Чочуа, – обращаются к правительству Абхазии, в частности, к Наркомпросу, призывают его на помощь, рассчитывают на удовлетворение своих насущных потребностей в стремлении к грамоте и свету»[2]. И, действительно, с 1927/28 учебного года, с значительным увеличением ассигнований на народное образование, материальные и другие трудности школьного образования, как это ниже увидим, стали успешно преодолеваться.

Развертывание народного образования проходило при сопротивлении классового врага. Ломка классовых привилегий и создание единой трудовой школы вызвали сильное недовольство местной знати – «богатых родителей, привыкших к привилегированным школам»[3]. Путем распространения различных провокационных слухов они всячески стремились мешать делу просвещения детей трудящихся крестьян.

[1] Там же, № 212, 13 сентября 1928 г.

[2] Там же, № 114, 24 мая 1927 г.

[3] «К новой школе» Бюллетень. НКП Абхазии № 1. Сухум, январь 1923 г.

«Голос трудовой Абхазии» в передовой статье от 4 июля 1923 года писала, что врагами просвещения крестьянских детей распространены слухи среди самурзаканских крестьянок о том, что якобы «у женщин Советская власть отберет детей и отправит в Англию за долги»[1]. В ряде сел Самурзаканского уезда – Цхиро-Гали, Репо-Шешелети, Хумушкури, Чубурисхинджи и др. наиболее отсталая часть женщин подпала под влияние этих слухов. Но эта вылазка врагов трудящихся была разоблачена.

Через два года после этой сорвавшейся провокации крестьянки села Мухури Самурзаканского уезда, видя работу своей школы и пионерской организации, в «Трудовой Абхазии» писали: «Мы были глупы, когда верили меньшевистским провокаторам, но им мы больше верить не будем. Теперь мы знаем, что Соввласть хочет воспитать наших детей культурными людьми, а не продавать за границей «за царские долги»[2].

Конечно, в те годы еще живы были старые традиции, и встречалось немало родителей, не желающих отдавать своих детей, особенно девочек в школу. В этом отношении характерно заявление одной родительницы при открытии в 1925 году абхазской школы в селе Эшера, о котором зав. школой М. Каландия пишет следующее: «Что вы говорите! – чуть не плача проговорила она. – Я свою дочь (ей было 13 лет) одну не пускаю даже за водой, а вы хотите, чтобы она с мальчиками бегала в школу? Лучше ей сидеть дома неграмотной»[3]. Партийным и общественным организациям и органам народного образования пришлось много потрудиться, чтобы умелой и настойчивой разъяснительной и воспитательной работой преодолеть эту косность и сроднить каждого родителя со школой.

Основной линией, по которой развертывалось народное образование в Советской стране, являлась подготовка к введению всеобщего начального обучения. С середины 20-х годов в этом на-

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 150, 4 июля 1923 г.

[2] Там же, № 176, 7 августа 1925 г.

[3] М. А. Каландия. Указ. работа, стр. 69.

правлении проводились действенные меры. Совнарком РСФСР еще в августе 1923 года издал декрет, которым Наркомпрос обязывался немедленно приступить к разработке плана введения всеобщего обучения. Через два года, в августе 1925 года, правительство РСФСР приняло закон, по которому предельным сроком осуществления всеобщего обязательного начального обучения устанавливался 1933/34 учебный год. Аналогичные законы принимались и правительствами других советских республик.

Введение обязательного начального обучения приобрело особую важность в связи с развертыванием социалистической реконструкции. XV съезд (ВКПб) выдвинул введение всеобуча как важнейшую задачу культурного фронта. Съезд предложил партийным и советским органам принять все необходимые меры к решительному проведению в жизнь всеобуча, всемерно поддерживая инициативу населения и местных Советов.

В этот период Абхазская партийная организация и правительство республики значительно усилили внимание делу всеобуча. IV съезд Советов Абхазии (март 1927 г.), намечая мероприятия по обеспечению всеобщего начального обучения детей, опираясь на достигнутые в этом направлении успехи, постановил в течение пяти лет «охватить начальной школой все детское население Абхазии»[1].

Большое значение для дальнейшего развития народного образования имели решения X конференции Абхазской организации КП(б) Грузии (ноябрь 1928 г.). Конференция признала важнейшей задачей партийных организаций «практическое осуществление решительного и прочного перелома в деле развития абхазской национальной культуры...»[2].

V съезд Советов ССР Абхазии (апрель 1929 г.) постановил: «Осуществить в сроки намеченный план всеобщего начального обучения с обеспечением по местному бюджету необходимых на это ежегодных ассигнований»[3]. Съезд поручил соответству-

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 331, л. 67.

[2] «Советская Абхазия», № 267, 20 ноября 1928 г.

[3] «Советская Абхазия», № 82, 13 апреля 1929 г.

ющим органам с 1929/30 учебного года перевести на местный бюджет всех учителей начальной школы, содержащихся населением, принять меры к повышению зарплаты учителей в школах первой ступени, обратить серьезное внимание на школьное строительство и на плановое снабжение школ учебными пособиями и оборудованием.

ЦК КП(б) Грузии в постановлении об Абхазской парторганизации, принятом 26 сентября 1929 года, особо подчеркнул «необходимость мобилизации внимания всей парторганизации на выполнение задач культурной революции»[1]. Одной из первоочередных задач в этой области было признано укрепление и расширение школьной сети. Обкому партии предлагалось выработать практические мероприятия для введения нового абхазского алфавита в школах, принять меры для перевода школ, содержащихся населенном, на государственный бюджет.

Для выполнения программы всеобуча надо было изыскать необходимые материальные средства. После XV съезда партии значительно увеличились ассигнования на нужды народного образования. В Абхазии на эти цели по бюджету были ассигнованы в 1926/27 учебном году 798,8 тыс. руб., в 1927/28 –1 092,4 тыс. руб., и 1928/29 –1 196,8 тыс. руб., а в 1929/30 – 2 148,8 тыс. руб.[2] Рост ассигнований содействовал укреплению материальной базы школьного образования. Расширилось школьное строительство, в значительных размерах проводился капитальный ремонт школьных помещений и оборудования, увеличились расходы на учебники и учебные пособия, улучшилось материальное положение учителей.

Благодаря заботам партии и правительства с первых лет Советской власти неуклонно возрастали школьная сеть, число учащихся и учителей, о чем свидетельствует следующая таблица[3].

---

[1] Там же, № 226, 3 октября 1929 г.

[2] «Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов». Сухум, 1931, стр. 38; ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 42.

[3] «Народное хозяйство Абхазской АССР». Статистический сборник. Тбилиси, 1967, стр. 267, 276; «Советская Абхазия», № 51, 4 марта 1930 г.

Таблица 7

Годы	Число школ	Число учащихся	Количество учителей
1917	146	10008	297
1921	146	10468	248
1922/23	183	11403	530
1923/24	237	14797	451
1924/25	187	15048	433
1925/26	201	15360	512
1926/27	273	19179	679
1927/28	298	24197	737
1928/29	310	24716	813
1929/30	388	27053	886

Как видно из этих данных, в течение 4-5 лет, предшествовавших установлению Советской власти в Абхазии, народное образование находилось в полном застое. А после победы Советской власти уже в годы восстановительного периода количество школ увеличилось на 65, число учащихся – на 4 902 человека, а количество учителей более чем удвоилось. Значительные сдвиги произошли в 1925/26 – 1929/30 годах. За это время было создано 87 новых школ; количество учащихся возросло на 11 693 человек, т. е. прирост учащихся превысил общее их число до революции; а количество учителей увеличилось на 374 человека, и их стало в 3,7 раза больше чем в 1921 году.

Была проделана большая подготовительная работа для перехода к всеобучу. Об этом свидетельствует развитие сети начальных школ. Если в 1921 году в Абхазии начальных школ было 146, то в 1925/26 учебном году уже имелось 262 и в 1929/30 учебном году – 306 (включая школы I ступени при семилетках и девятилетках)[1]

Начальная школа развивалась как национальная школа. С 1925/26 по 1929/30 учебный год количество абхазских начальных школ увеличилось с 43 до 53, грузинских – с 72 до 84, ар-

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 17; там же, ф. 8, оп. 4, д.3, 3 л. 14.

мянских – с 67 до 83, греческих - с 48 до 52, русских – с 17 до 20. В 1929/30 году было также 2 турецкие, 5 эстонских, 1 немецкая и 6 смешанных начальных школ[1]. В 1928/29 учебном году в национальных школах обучалось абхазов 4 168, грузин – 7553, армян – 4 576, греков – 3 360, русских 1102, турок –138, эстонцев – 92, немцев – 53 и т. д.[2] Развитие национальных школ и вовлечение национальных меньшинств в школьное образование являлось предметом постоянной заботы партийных организаций Абхазии. В отчете Абхазского обкома партии XII областной партийной конференции было отмечено, что «крупным достижением у нас является обслуживание национальных меньшинств в области народного просвещения»[3].

Важнейшим показателем успешного хода подготовки к всеобщему обучению являлся рост школьной сети в деревне. Если в 1914/15 учебном году в сельской местности имелось 138 школ с числом учащихся 7 118 человек, то в 1928/29 учебном году в деревнях работало 285 школ с контингентом учащихся 18 394 человек[4].

С 1927/28 учебного года правительство Абхазии приняло важные меры для перевода общественных школ, организованных крестьянами, на госбюджет. В результате число школ, содержимых крестьянами, сократилось с 66 в 1926/27 году до 19 в 1929/30 году[5]. Соответственно уменьшилось и количество детей, охваченных общественными школами с 3 075 в 1927/28 учебном году до 1 215 в 1929/30 учебном году. Тем не менее до перехода к осуществлению закона о всеобуче общественные школы в деревне продолжали функционировать. Они сыграли важную роль в деле подготовки доколхозной деревни к переходу к всеобщему обучению (1930 г.).

---

[1] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 44: ЦГАА, ф. оп. 4, д. 3, л. 15.

[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 17.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 42.

[4] «Народное хозяйство Абхазской АССР». Статистический сборник, стр. 271-273.

[5] ЦГАА, ф. оп. 4, д. 3, л. 14.

Об успехах во внедрении всеобуча ясно говорят данные охвата начальной школой детей школьного возраста (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика охвата школой детей школьного возраста (от 8 до 12 лет)[1]

Учебные годы	Всего детей от 8 до 12 лет	Из них охвачено школой		В том числе в селе		
		колич. детей	в % %	Всего детей от 8 до 12 лет	Из них охвачено школой	
					колич. детей	в % %
1924/25	24840	11806	48,0	22424	9330	42,0
1925/26	23908	14455	60,0	21332	11665	54,0
1926/27	24724	16578	67,0	22208	13638	61,0
1927/28	25652	17118	67,0	22975	14392	62,0
1928/29	24974	18087	72,0	22340	15464	74,0
1929/30	26059	18404	71,0	23328	15843	68,0
1930/31	25860	19834	77,0	23035	17200	75,0
1931/32	25808	20928	81,0	23038	18149	79,0

В 1921 году начальной школой в Абхазии было охвачено 35% детей школьного возраста, в 1925/26 уч. году – 60 % и в 1928/29 –72% всех детей школьного возраста. Как видно из таблицы, внушительные успехи имелись в сельской местности, где в 1928/29 уч. году было охвачено школой 74% детей школьного возраста. Следует отметить, что в те годы в Абхазии в сельской начальной школе обучалось, кроме детей школьного возраста, большое количество переростков (с 12 до 15 лет). В 1926/27 учебном году в начальную школу было принято 3 675 переростков, в 1927/28 году – 4 009, в 1928/29 году – 3 792, в 1929/30 году – 3 835, в 1930/3 году – 3 247 и в 1931/32 году – 3 262 переростка[2]. Таким обра-

[1] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 280, л. 8.

[2] Там же, л. 9.

зом, в эти годы начальная школа, расширяя вовлечение детей школьного возраста в учебу, одновременно настойчиво добивалась охватить и переросших- подростков. В результате охват переростков школой поднялся с 38% в 1926/27 учебном году до 56% в 1929/30 уч. году[1].

В 1930 году в Абхазии началось осуществление плана всеобуча, разработанного Наркомпросом. На 1 января 1931 года было введено 190 новых учительских штатов и принято в школу детей школьного возраста переростков 7 187 человек[2]. На 1 января 1931 года в Абхазии имелось 368 начальных школ, в которых обучалось 27 тыс. детей[3].

Одновременно росло число семилетних и средних школ. Если в 1914/15 учебном году в Абхазии функционировали 2 средние и 4 семилетние школы, то в 1924/25 учебном году здесь работало 5 средних общеобразовательных и 13 семилетних школ. В последующие годы сеть таких школ росла быстрее. В 1928/29 учебном году имелось 17 семилеток, 9 девятилеток, 6 школ крестьянской молодежи и 1 школа рабочей молодежи. Всего в этих учебных заведениях повышенного типа обучалось 2 998 учащихся[4]. Если до революции в селах Абхазии не было ни одной средней и семилетней школы, то уже в 1924/25 учебном году в селах имелось 4 семилетки, в 1928/29 году 17 семилеток и школ крестьянской молодежи и 2 средние школы, а в 1932/33 учебном году из 428 школ сельской местности 72 являлись семилетними[5].

Серьезные сдвиги произошли и в развитии среднего профессионального образования. До установления Советской власти в Абхазии имелось лишь одно среднее профессиональное учебное заведение – Сухумская учительская семинария, основанная в 1916 году. Для подготовки специалистов средней квалификации

---

[1] Там же, л. 8.

[2] Там же, ф. 8, оп.4/1, д. 2, л. 15.

[3] Там же.

[4] ЦГАА, ф. 8, оп. 4, д. 3, л. 16.

[5] «Народное хозяйство Абхазской АССР». Статистический сборник, стр. 271.

в Советской Абхазии уже в первые годы создаются средние профессиональные школы. В 1921 году на базе Сухумского реального училища был открыт индустриальный техникум с электротехническим, медицинским, химическим и сельскохозяйственным отделениями. В техникум было зачислено 205 учащихся. Занятия в нем начались с 10 октября 1921 года. По случаю открытия первого техникума в Абхазии, Наркомпрос, педагогический совет и учащиеся послали приветствие В. И. Ленину, в котором выражалась твердая уверенность в успехе этого нового дела[1].

С 10 октября 1921 года начал работать педагогический техникум, организованный на базе бывшей Сухумской учительской семинарии. В 1924/25 учебном году в Псырцхе (Новый Афон) был открыт сельскохозяйственный техникум – первое в Абхазии сельскохозяйственное учебное заведение[2]. Основной контингент всех этих техникумов состоял из учащихся, окончивших семилетнюю школу.

Правительство ССР Абхазии постановлением от 22 марта 1922 года обеспечило слушателей техникумов стипендиями. В индустриальном техникуме было учреждено 50 стипендий, а в педтехникуме все учащиеся, проживавшие в интернате, были переведены на полное государственное обеспечение[3].

В 1928/29 учебном году в Сухуме был открыт грузинский педтехникум, а в 1929/30 году – абхазский[4].

Эти первые средние специальные учебные заведения сыграли важную роль в деле формирования кадров местной советской интеллигенции. Воспитанники их стали энергичными проводниками линии партии в различных областях экономической и культурной жизни, активными организаторами социалистического строительства в республике.

---

[1] «Трудящиеся Абхазии – В. И. Ленину (1918 г., 1921 – 1924 гг.)». Сборник документов. Сухуми, 1970, стр. 41.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 333, л. 18

[3] ЦГАА, ф. 1, оп, 1, д. 4, л.33.

[4] Там же, ф. 8, оп. 4, д. 3, лл. 17-18.

Предметом особой заботы Советской власти стало дошкольное воспитание детей. До установления Советской власти дошкольному воспитанию не уделялось никакого внимания. Здесь, не было ни одного дошкольного учреждения. «Раньше детей воспитывала семья, – читаем в «Голосе трудовой Абхазии». – Буржуазии давали нянь, бонн, гувернанток, репетиторов, высшую школу; рабочим и крестьянам оставались улица, кабак, кущая школа и церковь»[1].

В 1921 году в городах Абхазии было открыто 6 детских садов на 385 детей[2]. Все эти детсады, как учреждения совершенно новые, на первых порах были слабо обеспечены оборудованием и учебными пособиями, но постепенно их материальная и учебная база укреплялась.

Родители с самого начала стали охотно посылать своих детей в детсады. Наркомпрос Абхазии в отчете за 1921/22 уч. год отмечал: «Ощущается настоятельная необходимость в открытии возможно большего числа садов, но материальные средства заставляют временно свертывать свои работы в этом направлении»[3].

Интересно отметить, что в Гудаутский детсад стали отдавать своих детей крестьяне близлежащего села Лыхны. «Второй год существует у нас детский сад, обслуживающий не только город, – читаем в «Голосе трудовой Абхазии», – но и соседнее селение Лыхны. Каждое утро из Лыхны тянется дружная стайка – 24 абхаза-дошкольника. Жизнь подсказывает необходимость открытия сада в Лыхны».[4] В 1924 году Наркомпрос открыл первый деревенский детсад в селе Лыхны, а в 1925 году – в селе Калдахвара[5].

Коллегия Наркомпроса Абхазии в постановлении от 20 января 1925 года подчеркивала «огромную тягу населения, осознав-

---

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 254, 7 ноября 1922 г.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 1,д. 41, л. 53.
[3] Там же.
[4] «Голос трудовой Абхазии», 252, 4 ноября 1922 г.
[5] ЦГА Грузинской СССР, ф. 284, оп. 1, д. 212. л. 45.

шего значение дошкольных учреждений, помещать детей в детсады, вследствие чего в Очамчирском детсаде количество детей в настоящее время достигло до 55 человек»[1].

Однако в те годы сеть детсадов не развивалась. В 1928/29 учебном году в Абхазии имелось 8 детсадов с 449 детьми. В следующем году в Гудаутах открылся второй детсад и контингент детей во всех садах повысился до 543[2].

Существовавшие в это время детсады в различных местах Абхазии охватывали лишь незначительную часть детей дошкольного возраста. Поэтому Наркомпрос Абхазии при разработке системы советской школы признал нужным иметь при начальной школе нулевые или азбучные классы, куда принимались дети семилетнего возраста. Программа и вся работа азбучного класса была построена по типу старшей группы детского сада. Азбучный класс являлся для детей переходной ступенью от семьи к школе. В течение первых 10 лет существования советской школы, когда еще слаба была сеть детсадов, часть детей дошкольного возраста приобщалась к дошкольному воспитанию через азбучные классы.

Таким образом, в эти годы органы народного просвещения Абхазии, опираясь на богатый опыт школьного строительства в РСФСР, под руководством Коммунистической партии, добились осуществления главного и решающего – ликвидации реакционной, буржуазной системы и создания новой, советской системы школьного образования, открытия широкого доступа в школу для детей трудящихся. Были созданы и начали развиваться национальные школы, положено начало подготовке национальных педагогических кадров и создания букваря и учебников на абхазском языке. Серьезные успехи имелись в развитии начального образования, в подготовке перехода к всеобщему обучению как в городе, так и в деревне. В селах стали организовывать-

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 321, л. 197.
[2] Там же, ф. 8, оп. 4, д. 3, л. 14.

ся первые семилетние и средние школы. Десятки и сотни детей крестьянской бедноты получали среднее образование в детдомах. Было положено начало дошкольному воспитанию детей.

Первые заметные сдвиги были сделаны в развитии средней профессиональной школы. Учреждение в техникумах стипендии и обеспечение учащихся общежитиями создали возможность детям трудящихся крестьян учиться в этих учебных заведениях.

Советская политика в области народного образования оказала большое влияние на сознание широких крестьянских масс, вызвала среди них невиданную до этого тягу к обучению своих детей. Крестьянство принимало активное участие в школьном строительстве, всячески поддерживало школу. Пробудившееся среди широких крестьянских масс стремление к свету и знанию являлось важнейшим условием для дальнейшего развертывания культурных преобразований в деревне.

Глава третья

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ И ПОЛИТИКО-МАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ КРЕСТЬЯН

Культурно-просветительная работа в деревне в годы восстановительного периода (1921–1925)

Мероприятия Советской власти в области школьного дела были только частью борьбы за культурный подъем народа. Для основной массы взрослого населения главной формой политического просвещения и повышения культурного уровня являлось внешкольное образование.

В Советской стране на службу внешкольного культурно-политического просвещения трудящихся были поставлены такие массовые средства культурного подъема народа, как библиотеки, клубы, музеи, театры, кино, печать, радио и т. д.

В. И. Ленин учил, что пролетарское государство сильно сознательностью масс, что важно чтобы массы все знали, обо всем могли судить и шли на все сознательно. Но, так как сознательность не приходит к трудящимся массам стихийно, ее нужно выработать упорной и долгой работой.

В. И. Ленин в ноябре 1920 года, выступая на совещании политпросветработников, указал на необходимость связи культурно-политического просвещения масс с вопросами хозяйственного строительства. В. И. Ленин разработал план производственной пропаганды.

Коммунистическая партия требовала подчинения всей культурно-политической работы главной общеполитической задаче

– упрочению союза рабочего класса и трудового крестьянства. Она добивалась того, чтобы все средства культурно-политического воздействия на массы были использованы для воспитания у рабочих и крестьян сознания жизненной необходимости их тесного сотрудничества в строительстве социалистического общества.

Первостепенное значение на данном этапе обретает задача политического и культурного просвещения крестьянства. Вопросы культурно-воспитательной работы в деревне заняли важное место в речах и работах В. И. Ленина, в решениях съездов партии. Решения партии четко определяли программу развертывания культурно-просветительной и политико-массовой работы среди батрацко-бедняцкой и середняцкой части крестьянства, определяли конкретные формы этой работы. Коммунистическая партия ставила задачу проводить культурную работу в органическом сочетаний с политикой партии с тем, чтобы политически просвещать широкие народные массы и воспитывать их в духе социализма.

Коммунистическая партия чрезвычайно важное значение придавала налаживанию и усилению культурно-просветительной работы среди ранее отсталых народов. Партия в своих решениях определила конкретные пути преодоления их экономической и культурной отсталости, создала условия для строительства национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Для того, чтобы совершить культурный подъем отсталых народов более ускоренными темпами, им оказывалась всяческая материальная, политическая и культурная помощь.

Установление Советской власти в Абхазии вызвало подъем политической активности значительной части трудящихся. Возрастание интереса крестьянских масс к вопросам внутренней и международной политики требовало от местных партийных и советских органов усиления политической работы в массах. Трудящимся необходимо было доступными им формами и средствами разъяснять великие идеи революции и социализма.

На первых порах после установления Советской власти партийные и советские органы Абхазии для приобщения широких народных масс к политической жизни использовали съезды трудящихся, общие собрания, митинги, на которых ставились вопросы, затрагивающие интересы и нужды населения, разъяснялись сущность Советской власти, ее политика и декреты. Успешно была проведена Неделя советской пропаганды. О том, как прошел один день Недели в Гудаутском уезде, пресса сообщала следующее: «Многолюдные сходы крестьян прошли в селах Баклановка и Черная речка, а также в Гудаута. На всех этих сходах выступал председатель Ревкома т. Эшба. Речи его носили форму деловой беседы, чисто практического характера по всем вопросам текущего советского строительства»[1]. В деревнях выступали члены Оргбюро РКП (б) в Абхазии, члены Ревкома Абхазии, наркомы и другие ответственные партийные и советские работники. Они разъясняли крестьянству на родном языке все мероприятия Советской власти, ее политику – это тогда служило наиболее доступной формой политического просвещения масс. Неграмотные и малограмотные крестьяне на общих собраниях обсуждая свои злободневные текущие вопросы, в частности, земельный, продовольственный, школьный, о наведении революционного порядка, о борьбе с воровством скота, бандитизмом и другие, не только знакомились с мероприятиями и политикой Советской власти, но становились активными участниками общественной жизни.

Председатель Ревкома Абхазии Е. Эшба, подчеркивая большую роль, которую сыграла эта форма работы с массами в укреплении Советской власти, впоследствии писал следующее: «Помните, с каким трудом, шаг за шагом на митингах и крестьянских сходах мы рассеивали ложь, которой опутали трудящихся меньшевики. А теперь как-то даже смешно вспомнить об этом: теперь крестьянин самого глухого захолустья знает, что

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 17, 1 мая 1921 г.

Советская власть и большевики, стоящие у власти, – его родное правительство, без громких фраз о «демократии», «о всеобщем избирательном праве», не мороча голову, а всерьез, крепко стоящие на страже его интересов»[1].

Митинги, доклады на собраниях и сельских сходах как форма просвещения трудящихся применялись и в дальнейшем, когда культурно-просветительные учреждения приступили к углубленной работе по культурно-политическому воспитанию масс. Так, агитпроп Абхазского обкома партии с ноября 1924 года по ноябрь 1925 года провел 29 агиткампаний, и в основном все они проводились в виде докладов на собраниях и сельских сходах[2]. К каждой кампании агитпроп подготавливал тезисы и доклады или перерабатывал поступившие из центра материалы применительно к местным условиям. Эти кампании посвящались важнейшим внутриполитическим и международным событиям, революционным праздникам, практическим вопросам хозяйственного и культурного строительства в республике. Обком партии, как правило, на собраниях знакомил трудящихся с решениями съездов партии и партийных конференций, съездов Советов. Чтобы представить разносторонний характер политических кампаний, проведенных в тот период в деревне, назовем некоторые из них. Например, в 1924–1925 году агитпропом Абхазского обкома партии были проведены кампании по вопросам: итоги III Всесоюзного и III Всеабхазского съездов Советов; итоги VI областной партийной конференции; итоги XIV конференции РКП (б); неделя ликбеза; неделя памяти В. И. Ленина; предвыборная кампания по перевыборам в Советы; 4 годовщина газеты «Трудовая Абхазия»; кампания по организации кресткомов; День СССР; Международная детская неделя; антирелигиозная кампания и др.[3]

Перед трудящимися, партийным и советским активом Абхазии по теоретическим и практическим вопросам социали-

[1] Там же, № 1, 1 января 1922 г.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 26.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, лл. 26-27.

стического строительства выступали пламенные агитаторы, видные партийные и государственные деятели С. Орджоникидзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, Мамия Орахелашвили, М. Кахиани, С. Кавтарадзе и др.

Народные массы, пройдя большую школу борьбы за Советскую власть и принимая участие после ее победы, в революционно-экономических преобразованиях, проводимых Советской властью, стали все больше ощущать потребность в дальнейшем повышении своего культурного уровня и политического кругозора. Митинги, собрания и подобные формы политического просвещения, являвшиеся основными в первое время, в дальнейшем уже не могли удовлетворять массы, которые нуждались в исчерпывающем освещении политических и экономических мероприятий партии и Советской власти, а также, событий внутренней и международной жизни. Необходимо было перейти к более углубленной и систематической массовой работе по поднятию культурного и политического уровня трудящихся.

В советской деревне очагом культуры и политического воспитания крестьян становится изба-читальня, возникшая после Октябрьской революции. Еще VIII съезд РКП (б) подчеркнул важнейшее значение избы-читальни как культурно-политического центра села.

Определяя роль избы-читальни, Н. К. Крупская писала: «Что же такое изба-читальня? Это сумма всех форм просветительных учреждений в деревне. Ядро ее – читальня, но это в то же время и клуб, и справочный стол, и ячейка, вокруг которой организуются и школа взрослых, и экскурсии, и спектакли, и разные практические мероприятия культурно-просветительного характера. Изба-читальня организует вокруг себя наиболее сознательные элементы деревни.

Но самое главное – изба-читальня является опорным пунктом для просветительной работы в деревне»[1].

[1] Н.К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 7, М., 1959, стр. 52.

XIII съезд РКП (б) в мае 1924 года, обобщая опыт работы изб-читален, указал, что изба-читальня «является действительно крайне жизненным центром, уже и сейчас оказывающим серьезное влияние на культурную жизнь в деревне. Ближайшая задача – развить и укрепить эту работу... Никакая культработа в деревне не должна вестись без увязки с работой избы-читальни, объединяющей всю политпросветительную работу в пределах волости»[1].

Избы-читальни в селах Абхазии стали организовываться с первых же месяцев Советской власти. В начале они создавались на общественных началах, чаще всего по инициативе комсомольских ячеек. Комсомольцы в избах-читальнях проводили митинги, политические занятия, чтения книг. В дальнейшем партийные и советские органы всячески добивались превращения изб-читален в очаг просвещения крестьян. Так, например, по инициативе комсомольской ячейки в селе Ачандара была открыта изба-читальня, где, как об этом сообщалось в газете «Голос трудовой Абхазии» за 5 августа 1921 года, «работа комсомольцев заключалась в ведении правильной клубной работы, устроении митингов, и собраний молодежи и систематическом чтении...». При избе-читальне был организован политкружок. Комсомолец Григорий Аджба, касаясь работы этого кружка, в той же газете в корреспонденции от 2 августа 1923 года писал, что в кружке «уже имеется достаточное количество политической литературы... В политкружок ожидается наплыв и остального беспартийного крестьянства нашего села»[2]. Так начинали свою деятельность первые общественные избы-читальни.

С 1922 года открываются бюджетные избы-читальни. II съезд Советов Абхазии (декабрь 1923 г.) вынес постановление о том, чтобы весь центр политико-просветительной работы перенести в деревню и признал необходимым «выделить на эту работу возможно наибольший процент средств из республиканского и

[1] «КПСС в резолюциях…» III, М., 1970, стр. 87-88.

[2] Б. Сагария. Вся жизнь народу. См. «Советскую Абхазию», № 186, 24 сентября 1968 г.

местного бюджета»[1]. Съезд указал, что необходимо использовать пробудившуюся тягу крестьянских масс к знаниям в целях сближения их с партией, вовлекать беспартийных крестьян в школы политграмоты и в разные кружки, сосредотачивая эту работу в избах-читальнях. Далее в резолюции съезда сказано: «Клубы в уездных городах и избы читальни должны быть домами крестьянина, где трудящиеся получают марксистское и сельскохозяйственное просвещение»[2].

В 1924 году Главполитпросвет Абхазии разработал «Положение об избе-читальне», в котором указывалось, что «изба-читалыня ставит своей целью создание в деревне базы, обеспечивающей широкой крестьянской массе политическое и культурное развитие... Своей политикой и культурно-просветительской деятельностью изба-читальня содействует приобщению крестьянина к советскому и хозяйственному строительству страны.., развитию сельского хозяйства путем применения современных научных форм ведения его»[3]. При избе-читальне создавались библиотека-читальня, кружки по агрономии, кооперации, политграмоте, физкультуре, по борьбе с вредными предрассудками. В положении указывалось, что изба-читальня ведет массовую работу и участвует в широких хозяйственных и политических кампаниях, проводимых советскими и партийными организациями[4]. Так определялись основные задачи изб-читален.

Важное значение для развития изб-читален имело постановление III съезда Советов Абхазии, которое указало довести в республике твердую сеть изб-читален до 50 и «обеспечить их нормальную деятельность необходимыми материальными средствами»[5].

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 10, л. 76.

[2] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922–1923 гг.)», стр. 196.

[3] А. К. Адлейба. Указ. работа, стр. 86.

[4] Там же.

[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 618.

Несмотря на ограниченность средств в годы восстановительного периода сеть изб-читален в Абхазии росла, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица.[113]

Таблица 9

Годы	Всего изб-читален	В том числе	
		бюджетных, содержавшихся государством	внебюджетных, содержавшихся населением
1922/23	23	5	18
1923/24	33	10	23
1924/25	49	10	39
1925/26	70*	20	50

Хотя происходил неуклонный рост количества изб-читален, однако в восстановительный период не удалось резко, в соответствии с возросшими потребностями крестьянства, расширить сеть бюджетных изб-читален. Они работали только в наиболее крупных, в первую очередь в волостных селах.

Как показывает приведенная таблица, быстрее росла сеть внебюджетных изб-читален, которые открывались и содержались, главным образом, самими крестьянами. Это являлось характерным и важнейшим явлением в культурно-политической жизни деревни конца восстановительного периода. «Крестьянство охотно их (избы-читальни А. К.) посещает, – читаем в материалах отчета правительства Абхазии за 1925/26 год, – доверчиво относится к ним, уяснило приносимую ими пользу и стремится к открытию новых изб-читален»[2]. Партии и Советской власти уже в этот период удалось обеспечить участие абхазского крестьянства в развитие этих учреждений культуры.

---

[1] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 47.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 543, л. 295.

* По другим данным в 1925/26 году было 67 изб-читален, из них бюджетных – 21 (ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 55).

В 1925/26 году абхазских изб-читален было 18, грузинских – 21, армянских – 6, греческих – 8, русских 5, эстонских – 3, смешанных – 9[1].

Во всех избах-читальнях в 1924–1925 году насчитывалось не более 6 тыс. книг, причем, среди них редко встречалась литература по сельскому хозяйству[2]. Учитывая это, III съезд Советов Абхазии признал необходимым создать в Сухуме для снабжения деревни крестьянской литературой центральный книжный коллектор[3].

В избах-читальнях проводились читка газет, беседы на различные темы, здесь крестьяне получали ответы на все волнующие их вопросы. Вокруг изб-читален сосредотачивалась работа пунктов ликвидации неграмотности. Избы-читальни проводили большую массовую работу среди крестьянской молодежи. Они же являлись центром антирелигиозной пропаганды.

О деятельности изб-читален и трудностях в их работе в этот период говорят сохранившиеся материалы обследований деревень, отчеты культурно-просветительных учреждений, корреспонденции периодической печати и другие материалы. Приведем некоторые из них. Например, о политпросветработе в Кодорском уезде в печати сообщалось: «Политико-просветительная работа по Кодорскому уезду значительно продвинулась вперед. Открыты 7 изб-читален, которые снабжаются газетами и передвижками. Ведутся чтения газет вслух, беседы по разным вопросам. При четырех избах-читальнях имеются клубы, где ставятся спектакли... Интерес к просвещению громадный»[4].

О состоянии культурно-просветительной работы в Самурзаканском уезде Абхазский обком КП(б) Грузии в отчете обследования этого уезда в 1924 году писал: «Многие ячейки груп-

[1] ЦГА Грузинской ССР, ф. 284, оп. 1, д. 212, л. 47.
[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 333, л. 22.
[3] «Резолюции III съезда Советов Абхазии», стр. 18.
[4] «Голос трудовой Абхазии», № 107, 13 мая 1924 г.

пируют вокруг себя культурно-просветительную работу. Руководство избой-читальней осуществляет партячейка, причем зачастую секретарь ячейки является заведующим избой-читальней. Некоторые ячейки приступили к изданию стенных газет (Саберио, Тагилони, Речхо-Цхири и Отобай). Привлечение ячейкой культурных сил деревни, главным образом сельских учителей, за последнее время принимает заметный характер.., учительство идет навстречу ячейке ее культурно-политической работе, выписывая совместно с ней газеты, участвуя в стенных газетах, проводя читку газет и собеседования»[1].

Абхазский обком партии в 1925 году, обследовав деятельность ряда сельских партийных ячеек, подчеркнул значительное улучшение культурно-просветительной работы в деревне. Например, характеризуя состояние культурно-просветительных работы среди крестьянства села Тагилони, инструктор обкома партии подчеркивал: «Изба-читальня работает хорошо. Совет читальни всячески способствует концентрации культ просветительной работы в читальне. Крестьяне посещают избу-читальню, читают газеты. Средняя (дневная – А. К.) посещаемость избы-читальни 50-55 человек... Устраиваются специальные собрания с крестьянством в такие дни, когда оно не занято работой, ставятся доклады антирели- гиозного характера. Отношение крестьянства к этим докладам хорошее. Крестьяне принимают участие на собраниях, задают вопросы, участвуют в их работе»[2].

О работе избы-читальни в селе Ачигвара Самурзаканского уезда в материалах обследования обкома партии сказано следующее: «Вся культпросветработа сосредоточена в избе-читальне. Заведующий вполне подходящий и подготовленный товарищ, выписываются газеты, имеется драмкружок, устраивается громкое чтение газет. Силами комсомола, членов драмкружка устраиваются спектакли в здании школы и в других местах.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 87/5, л. 55.
[2] Там же, оп. 1, д. 13/4, л. 34.

Ощущается отсутствие крестьянской литературы. Крестьяне заинтересованы работой избы-читальни, посещают ее, читают газеты, средняя посещаемость крестьян до сего времени равнялась 35 – 40, но в настоящее время в связи с полевыми работами посещаемость ослабла. Лучше всего ведет работу в читальне комсомольская организация»[1].

Избы-читальни свою работу стали связывать с вопросами сельскохозяйственного производства, с повседневными нуждами крестьянина. Корреспондент из села Лыхны Гудаутского уезда в «Трудовой Абхазии» писал: «Тов. Миронов читает газеты крестьянам и ведет с ними беседы. С открытием читальни он организовал кружок и через него старается поднять сельское хозяйство наших крестьян»[2]. В 1924 году в материалах об следования Самурзаканского уезда Абхазский обком партии отмечал, что некоторые избы-читальни поднимают вопросы улучшения хозяйства, создают показательные участки[3].

Не все избы-читальни работали хорошо. Отдельные из них, особенно внебюджетные, серьезно отставали от требований, поставленных перед ними. Отсутствие необходимой литературы, нерегулярное снабжение деревны газетой, недостаток культурных сил в деревне тормозили культурно-просветительную работу. Политпросветработа часто возлагалась на людей, не имевших достаточных знаний и опыта для этой работы. Избы-читальни в некоторых селах обслуживали только крестьянскую молодежь, слабо вовлекали в свою работу взрослое население.

Абхазский обком партии, обследовав работу партийной ячейки села Кутол Кодорского уезда, в ноябре 1925 года писал, что «вся культурно-просветительная работ сконцентрирована в избе-читальне», в которой проводились коллективные читки газет и работали кружки. Однако изба-читальня не имела постоянного заведующего и практиковалось дежурство членов

[1] Там же, л. 36.

[2] «Трудовая Абхазия», № 90, 23 апреля 1925 г.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 87/5, л. 55.

партии и комсомольцев, порой неграмотных и незнакомых с работой. Это мешало развертыванию работы избы-читальни[1].

На слабую постановку культурно-просветительной работы в селах Гудаутского уезда указывал представитель ЦК РКП (б) в выводах обследования уезда, произведенного им в 1924 году[2].

Обследование сел Колхида и Алахадзы (Гагринский уезд), произведенное Абхазским обкомом КП(б) Грузии в июле – августе 1925 года, показало значительное усиление руководства культурно-просветительной работы со стороны партийной и комсомольской ячеек. В материалах обследования читаем, что крестьяне активно участвуют в деятельности избы-читальни, посещают кружок «громкое чтение», с большой охотой смотрят революционные спектакли, стали интересоваться заметками селькора, публикуемыми в периодической печати. Изба-читальня и крестьяне выписывали газеты «Заря Востока», «Комунисти», «Ахали сопели», «Трудовая Абхазия», «Мачкал» (армянская крестьянская газета «Плуг»), журнал «Безбожник» и др. В 1924 году собрание крестьян «единогласно решило закрыть церковь, после чего поп удалился». Вместе с тем были отмечены серьезные недостатки в постановке культурно-просветительной работы в этих селах. В частности, указывалось на слабое вовлечение неграмотных крестьян в работу избы-читальни, формальное существование ее совета, неудовлетворительную помощь избе-читальне со стороны шефа, прекращение выхода стенной газеты из-за отсутствия хорошего редактора и непопулярности ее среди крестьянства и др.[3]

В целом 1925 год явился годом быстрого культурного роста деревни, годом усиления культурно-просветительной деятельности изб-читален. Агитпропотдел Абхазского обкома КП(б) Грузии в отчете за 1925 год, анализируя состояние работы изб-читален и подводя итог их деятельности, отмечал, что

[1] Там же, оп 1 д. 13/4, л. 29.
[2] Там же, оп. 2, д. 87/4, л. 29.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/4, л. 8.

они значительно улучшили свою работу. В отчете подчеркивается, что «немало помогли укомам приехавшие на лето курсанты (в особенности в Кодорском уезде), которые во время летних каникул руководили разными временными кружками при избах-читальнях»[1]. Агитпропотдел обкома указывает, что избы-читальни стали снабжаться в более или менее достаточном количестве литературой и газетами, при каждой избе-читальне организованы советы, в состав которых входят представители партийной и комсомольской ячеек, женотдела и общественных организаций. Почти во всех избах-читальнях издаются стенные газеты, имеются справочные столы, производятся регулярные читки, устраиваются собеседования с крестьянами, читаются лекции и доклады силами учителей. «Крестьянство очень интересуется работой изб-читален и вовлекается в их работу», – подчеркивается в отчете. Ежедневная средняя посещаемость крестьян в избах-читальнях составляла 15 – 20 человек.

Агитпропотдел обкома большим препятствием в деле развертывания деятельности изб-читален считал отсутствие крестьянской литературы, подготовленных культурных сил, достаточных средств, а также слабую квалификацию избачей[2].

Большинство изб-читален не имело приспособленных помещений, многие из них ютились в «уголках при школе, сельсовете или пацхе»[3]. В тех местах, где имелась возможность, крестьяне для сельских изб-читален и клубов освободили лучшие помещения. Так, в селе Моква Кодорского уезда в феврале 1924 года сельский сход единогласно постановил конфисковать дом помещика К. Дадешкелиани, проживавшего раньше здесь, и отвести его под сельский клуб-читальню[4]. СНК Абхазии подтвердил это решение[5]. И в ряде других сел под избы-читальни были отве-

[1] Там же, д. 8, л. 31.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 31.
[3] ЦГАА, ф. 55, д. 143, л. 20.
[4] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 276, л. 77.
[5] Там же, л. 69.

дены конфискованные дома и помещения церквей. Однако в целом вопрос о помещениях и материальной базе изб-читален оставался очень острым и это отрицательно сказывалось на их деятельности. Поэтому Главполитпросвет Абхазии в конце восстановительного периода настойчиво выдвигал вопрос о «планомерном строительстве новых помещений для изб-читален»[1].

Кулаки и другие вражеские элементы всячески старались препятствовать работе культурно-просветительных учреждений. Они видели, что сельские клубы избы-читальни повышают не только культурный уровень но и политический кругозор бедняцко-середняцкой части крестьянства, организуют и сплачивают их для строительства новой жизни в деревне. О том, как мешали кулаки открыть в деревне избу-читальню, корреспондент из села Эшера в «Голосе трудовой Абхазии» сообщал: «Известие о предполагающемся открытии избы-читальни в селе Эшера было с радостью встречено сельской беднотой. К сожалению, изба-читальня до сих пор не открыта, так как кулаки всеми мерами тормозят дело с освобождением помещения, предназначенного под читальню»[2].

Главполитпросвет Абхазии, характеризуя деятельность изб-читален в конце восстановительного периода, в июне 1926 года писал: «Одним из видов массовой внешкольной просветительной работы является изба-читальня, превращенная в настоящее время в единый политико-просветительный центр в деревне. Население быстро освоилось с этим совершенно новым для него культурным учреждением»[3]. Изба-читальня становилась другом и помощником трудящегося крестьянства, опорным пунктом работы партии в деревне.

Могучим средством политического и культурного просвещения трудящихся масс, воспитания их в духе коммунистической сознательности служила советская периодическая печать, созданная вместо ликвидированной буржуазной печати, которая,

[1] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 612.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 133, 14 июня 1923 г.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 612.

по выражению В. И. Ленина, торговала ядом для народа, систематически обманывала и развращала народ.

В Абхазии с первых же дней после установления Советской власти быстро стала распространяться центральная коммунистическая пресса. Широкое распространение получили газеты «Правда», «Известия», «Беднота», «Крестьянская газета», «Комсомольская Правда», «Правда Грузин», «Комунисти», «Заря Востока», «Саглехо газети» («Крестьянская газета»), «Ахали сопели» («Новое село») и др.

Трудящиеся массы Абхазии, как и трудящиеся всей нашей страны получали через газеты ответы на все интересующие их вопросы, учились строительству новой жизни. О том, как центральная советская пресса помогала крестьянству Абхазии строить свою новую жизнь, в корреспонденции из села Баклановка сообщалось следующее: «Была выписана московская газета «Беднота». Из газет мы узнали то, что нас больше всего интересовало, а именно, как в России деревенская беднота строит свою жизнь и налаживает свое хозяйство при помощи правительства». Следуя их примеру, – говорится в ней дальше, – и у нас из «бедноты, безлошадников организовали коллектив для обработки земли»[1].

Большую роль играла в жизни трудящихся местная партийно-советская печать[2]. В огне героической борьбы трудящихся Абхазии за Советскую власть 22 февраля 1921 года была создана газета «Голос трудовой Абхазии[3]. С 20 апреля 1921 года в Сухуме начала выходить абхазская газета «Апсны капш» («Красная Абхазия») «Апсны капш» была первой на абхазском языке большевистской газетой. С ее изданием абхазский крестьянин получил возможность о близких и родных делах читать и писать

[1] «Трудовая Абхазия», № 37, 14 февраля 1925 г.

[2] Подробно о деятельности абхазской печати в первые годы Советской власти смотрите книгу Т. Аршба. На пульсе времени . Очерки истории партийно-советской печати Абхазии (1921-1925 гг.).

[3] С 9 октября 1924 г. «Голос трудовой Абхазии» был переименован в «Трудовую Абхазию», а с 4 декабря 1926 г. – в «Советскую Абхазию».

в своей газете на родном языке. «Апсны капш» в первые годы распространялась по бесплатной подписке. Тираж ее в начале не превышал 300-500 экземпляров, но впоследствии неуклонно возраста, получая все большее распространение среди широких масс крестьянства.

II съезд Советов Абхазии, учитывая исключительное значение местной прессы для народных масс, поставил задачу: «В целях распространения влияния газет «Голос трудовой Абхазии» и «Апсны капш» на широкие трудовые массы выделить, по возможности, во всех селах крестьянских корреспондентов и распространителей газет, на каждые 25 дворов выписать один номер газеты»[1].

Уже с середины 1922 года только платный тираж газеты «Голос трудовой Абхазии» (тогда она распространялась в основном бесплатно) превышал тираж газет, когда-либо издававшихся в Абхазии до 1921 года В 1923 году она выходила разовым тиражом около 1000 экземпляров[2], в ноябре 1925 года – 2 500 экземпляров[3], в феврале 1926 года – 3 500 экземпляров[4]. В самые отдаленные и глухие населенные пункты республики стали проникать ее правдивые и доходчивые строки.

Газета «Голос трудовой Абхазии» имела специальные разделы «Деревенский отдел», «Сельская жизнь «Наша деревня», а также рубрики «Сельскохозяйственные беседы» и «Провинциальные темы». С 1925 года в «Трудовой Абхазии» регулярно стала появляться страница «Крестьянский листок». Была создана специальная крестьянская газета, но в связи с тяжелыми материальными условиями тех лет, она была закрыта[5*].

---

[1] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922-1923 гг.)», стр. 197.

[2] «Укрепление Советской власти в Абхазии», стр. 174.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, д. 13/8, л. 41.

[4] «Трудовая Абхазия», № 43, 23 февраля 1926 г.

[5] В январе 1922 г. было наложено издание газеты «Крестьянин Абхазии». Она выходила на русском и абхазском языках, но вскоре прекратила свое существование. С 27 июля 1924 г. стала выходить «Крестьянская газета» как еженедельное приложение к «Голосу трудовой Абхазии». Но и ее пришлось закрыть (см. Т. Аршба. На пульсе времени, стр. 72, 74).

В абхазской областной печати публиковались статьи и речи В. И. Ленина и его соратников, пропагандировались великие идеи Советской власти. В газетах публиковались декреты и постановления правительства Абхазии, важнейшие решения Абхазской областной партийной организации. Печать играла неоценимую роль в разъяснении сущности советских законов, в популяризации мероприятий центральных и местных партийных и советских организаций, в мобилизации масс для их осуществления.

«Трудовая Абхазия» и «Апсны капш» неуклонно боролись за упрочение братского союза рабочих и трудящихся крестьян Абхазии, воспитывали у крестьян сознание того, что трудовое крестьянство может окончательно избавиться от разорения и кулацкой кабалы, только идя вместе с рабочим классом, под его руководством. Они показывали, как на деле осуществлялся этот союз, как с помощью рабочего класса происходило повышение материального благосостояния и культурного уровня крестьянских масс.

В этих газетах большое место уделялось пропаганде ленинского кооперативного плана, борьбе за кооперирование крестьянства, за широкое внедрение агрикультурных мероприятий. В центре их внимания стояли вопросы воспитания трудящихся многонациональной Абхазии в духе братства и пролетарского интернационализма, в духе непримиримости и ненависти к классовым врагам.

Газеты публиковали многие письма крестьян, в которых те выражали свою горячую благодарность Советской власти за своевременную и большую помощь. На убедительных конкретных примерах из жизни республики, на фактах, легко поддающихся проверке, газеты политически воспитывали массы, организовывали их для строительства новой социалистической жизни.

Огромная работа газеты «Трудовая Абхазия» по пропаганде идей ленинизма среди трудящихся республики, по вовлечению

их в дело социалистического строительства высоко была оценена в поздравлениях от М. Калинина, С. Орджоникидзе, М. Ульяновой, М. Орахелашвили, Ф. Махарадзе, А. Назаретяна и других деятелей в связи с 5-летием выхода ее первого номера.

Коммунистическая партия, стремясь наиболее полно охватить своим политическим влиянием крестьянские массы, проводила дифференцированную, целеустремленную политическую и культурно-просветительную работу среди различных слоев трудового крестьянства, сельской молодежи, женщин-крестьянок.

Важное значение имело политическое и культурное просвещение сельской молодежи. Крестьянская молодежь, не обремененная грузом старых традиций, значительно легче, чем остальная часть крестьянства, воспринимала идеи партии и включалась в социалистическое строительство. Коммунистическая партия свое идейное влияние на широкие слои середняцко-бедняцкой молодежи, а также в значительной мере и на взрослую часть крестьянства осуществляла через ленинский комсомол.

В Абхазской комсомольской организации в 1922 году состояло 290 человек, а в 1923 году – в 86 комсомольских ячейках объединялось 807 членов комсомола. Комсомольцы принимали активное участие во всей политической, хозяйственной и культурной жизни республики. Комсомол большое внимание уделял работе в деревне. Абхазский обком комсомола признал сельских комсомольцев ликвидировать неграмотность, активно включиться в борьбу с деревенской темнотой, с вредными традициями и обычаями, вести антирелигиозную пропаганду среди крестьян, заниматься интернациональным воспитанием трудящихся[1]. Весной 1923 года секретарь Абхазского обкома комсомола В. Ладария во главе колонны из 40 комсомольцев и 30 пионеров совершил двухнедельный агитпоход по деревням Абхазии с целью проведения политико-разъяснительной работы и культурных

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 136, 15 июня 1924 г.

мероприятий среди крестьянской массы[1]. «Наша задача, – писал В. Ладария, – твердо и умело связать политико-образовательную работу с практической и решительно, по-ленински, повести рабоче-крестьянскую молодежь на борьбу за коммунизм»[2]. В этом видели свою задачу все передовые комсомольцы. Во многих селах выросла популярность комсомольских ячеек. «Голос трудовой Абхазии» сообщал, что в селе Звандрипш «комсомол постепенно проникает во все уголки сельской жизни. Его представители входят в совет и земельные тройки, где без них не проходят ни одного собрания»[3].

Однако в первые годы в работе деревенских комсомольских ячеек имелись и серьезные недостатки. Так, например, наблюдались случаи замены воспитательной работы командованием, неумелого и неосторожного подхода к антирелигиозной пропаганде и др. Эти отрицательные явления в деятельности комсомольских ячеек постепенно изживались в результате усиления политико-воспитательной работы партии в комсомоле.

В последние годы восстановительного периода роль комсомола в политической и культурной жизни абхазской деревни значительно возросла. К VI областной конференции комсомола (январь 1926 г.) в абхазской комсомольской организации состояло 245 батраков, 1818 бедняков и 900 середняков[4]. В 1926 году в селах работало 134 комсомольских ячейки[5]. Они имелись во всех сельсоветах и в большинстве случаев являлись единственной коммунистической организацией в деревне.

Начиная с 1921 года комсомольские ячейки вели значительную работу в области повышения культурного уровня

---

[1] Г. А. Дзидзария. Верный сын партии (к 65-летию со дня рождения В.К. Ладария). – «Труды Сухгосединститута им. А. М. Горького, т. XVIII-XIX». Сухуми, 1966, стр. 381.

[2] В. Ладария. Выйдем победителями. – «Голос трудовой Абхазии», № 136, 15 июня 1924 г.

[3] «Голос трудовой Абхазии», № 164, 20 июля 1923 г.

[4] Там же, № 21, 26 января 1926 г.

[5] «Советская Абхазия», № 137, 19 июня

крестьянства, оказывали помощь культпросвет-учреждениям, особенно активно участвовали в работе изб-читален, помогали пунктам ликбеза, издавали стенные газеты и т. д. Заметную и очень положительную культурно-просветительную работу комсомола в деревне подчеркивали уездные и областные партийные конференции, проходившие в 1924–1925 годах.

Во многих ячейках работали комсомольские политшколы, охватившие и несоюзную молодежь. В 1925 году выходило 29 комсомольских стенгазет, работало 56 кружков, из них 8 сельскохозяйственных, 3 антирелигиозных, 25 спортивных, 2 по искусству и т. д.[1] К концу восстановительного периода заметно возросло стремление комсомольцев и несоюзной молодежи села к образованию, к повышению своей культуры[2].

В результате преодоления административных замашек, имевших место в работе комсомола, и усиления его культурно-воспитательной роли в деревне авторитет и влияние комсомола среди крестьянства возрастал. Комсомольцы становились все более надежными и умелыми помощниками партии на труднейшем фронте строительства новой деревни. В эти годы через сельские комсомольские ячейки партия политически воспитала и вовлекала в активную общественную жизнь сотни молодых крестьян абхазской деревни.

Подчеркивая это, газета «Трудовая Абхазия» в передовой статье «Советы и комсомол» писала, что комсомол Абхазии, объединив в своих рядах более 2 тыс. членов, «развернул широкую работу, проник во все поры общественной жизни и является застрельщиком и активным помощником партии во всяком деле. За это время он сумел завоевать авторитет крестьянства, которое, видя в молодых ленинцах защитников их интересов и энергичных строителей крестьянского хозяйства, избирает их в сельсоветы, кресткомы, земкомы, кооперативы и другие деревенские общественные организации»[3].

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 37.

[2] Там же, оп. 2, д. 15/5, л. 57.

[3] «Трудовая Абхазия», № 1, 1 января 1925 г.

Серьезную помощь в развертывании культурно-просветительной работы оказывали деревне городские комсомольские организации. Во всех городах имелись комсомольские клубы, которые часто выступали перед крестьянами. О работе, проведенной в деревне летом 1924 года Гумистинской уездной комсомольской организацией, газета «Трудовая Абхазия» писала: «Уездной организацией ЛКСМ за летний период в деревне проделана большая культурная работа. За летние месяцы драмкружок ЛКСМ посетил около 15 селений... Перед началом спектаклей проводились доклады, собеседования на разные темы... В некоторых селениях по просьбе самих крестьян драмкружок выезжал 2 – 3 раза с духовым оркестром. Крестьяне очень хорошо относятся к комсомольцам, которые своими спектаклями, близкими крестьянству революционным содержанием, завоевали среди масс должный авторитет»[1].

Новую яркую струю в культурную жизнь деревни внесло детское коммунистическое движение. Днем рождения пионерской организации Абхазии является 2 мая 1923 года. Тогда в республике было всего лишь 49 пионеров, в мае 1924 года насчитывалось 333, в мае 1925 года – 2 666, в мае 1926 года – 5000 пионеров, из них детей крестьян – 3873. В Сухуме было организовано 15 пионерских коллективов, в Гумистинском уезде – 16, Гудаутском – 17, Самурзаканском – 25, Кодорском – 21, Гагринском уезде – 10 коллективов. Быстро росло пионерское движение, вливая в себя все новые и новые сотни рабочих и крестьянских детей. Отмечая это, Абхазский обком комсомола в 1926 году писал: «Повсюду мелькают красные косынки и гремят барабаны. Пионеры входят в быт советской общественности. Детское движение переживает весну»[2].

Летом 1923 года пионеры г. Гудауты организовали экскурсию в село Лыхны, где, после ознакомления с историческими памятниками, дали концерт. В том же году пионеры г. Сухума неодно-

[1] «Трудовая Абхазия», № 238, 23 октября 1924 г.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, д. 23/5, л. 69.

кратно выезжали в деревни с концертами художественной самодеятельности. 30 сухумских пионеров приняли участие в агитпоходе по Самурзаканскому уезду, организованном обкомом комсомола. Участники агитпохода пропагандировали задачи ДКО, рассевали провокационные слухи, распространявшиеся вражескими элементами о том, что, якобы, Советская власть отбирает детей у родителей[1].

В 1924 году в селах Абхазии создаются первые пионерские коллективы. Пионеры сел Адзюбжа и Моква распространяли газеты, проводили спортивные соревнования, занимались в кружках. Пионерский кружок самодеятельности села Джгерда выступал с концертами и в соседних селах[2]. Пионеры Гудаутского детдома-интерната принимали участие в создании пионерских коллективов в селах Лыхны и Звандрипш, совершали увлекательные походы в села Отхара, Мугудзырхва, Хуап и др. Пионеры этого коллектива Николай Гобечиа (ныне подполковник в отставке), Георгий Дзидзария (ныне профессор, директор Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР), Владимир Харазия (Герой Советского Союза), Риква Кокоскерия (ныне педагог) во время летних каникул организовали в родном селе Лыхны ликбез и с увлечением обучали своих соседей грамоте[3]. Первые отряды юных ленинцев повсеместно активно помогали комсомольцам в борьбе за социалистическую культуру, за утверждение нового быта в деревне.

Коммунистическая партия придавала огромное значение работе среди трудящихся женщин. В 1919 году В. И. Ленин писал: «Начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин»[4].

---

[1] Б. Кецба-Давыдова. Страницы пионерской летописи Абхазии. Сухуми, 1968, стр. 7-10.

[2] Б. Кецба-Давыдова. Указ. работа, стр. 15.

[3] Там же, стр. 13.

[4] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 204.

Советская власть в первые же месяцы своего существования предоставила женщине равные права с мужчиной и этим сделала первый решительный шаг к освобождению женщины. Но в деле осуществления ее фактического освобождения встречались серьезные трудности. Зависимое положение женщины в семье, ее прикованность к домашнему хозяйству, неизжитый еще традиционный взгляд на женщину как на существо неполноценное, ее низкий культурный уровень, особенно крестьянок, – все это создавало большие трудности в деле вовлечения женщин в общественно-политическую и культурную жизнь. Трудности на этом пути еще более усугублялись в национальных республиках.

Работой по культурно-политическому просвещению женщин руководили отдел работниц и крестьянок Абхазского обкома КП(б) Грузии, созданный 8 марта 1921 года, и женотделы уездных комитетов партии, а на местах – женорганизаторы[1]. В первое время в эту работу вовлекались в основном городские женщины.

Важную роль в оживлении культурно-воспитательной и политической работы среди крестьянок сыграла первая Всеабхазская женская беспартийная конференция, состоявшаяся в марте 1923 года в Сухуме. Делегатки конференции Нора Кобахия, Ксения Чижова, Кеса Сабекия, Екатерина Лакоба, Андрюшка Кобахия, Наталья Бедия, Вера Петриашвили и другие активно участвовали в работе конференции. Конференция наметила ряд важных мероприятий. «Во время царской власти и меньшевистского владычества, – говорится в ее резолюции, – нас не считали людьми, а Советская власть нас призывает к строительству государства. Мы заявляем здесь, что будем всеми силами бороться со старинными, ненужными обычаями, которые отделяют нас от общественной и государственной жизни. В первую очередь считаем необходимым обучать наших девочек-подростков в школах, также как и мальчиков, а молодежь посы-

[1] «Правда Грузии», № 103, 7 июля 1921 г.

лать в комсомол». В резолюции по докладу о задачах социалистического воспитания детей было сказано, что «разъехавшись на места, мы сделаем все, что только возможно в наших силах для наших детей»[1].

После конференции партийные и общественные организации усилили внимание переустройству быта крестьянки, для чего собирались сведения об имеющихся бытовых пережитках прошлого, велась агитация о необходимости для женщин образования. В селах организовывались делегатские собрания, созывались общие собрания крестьянок. О работе среди женщин в селе Тагилони Самурзаканского уезда в материалах обследования этого села, проведенного обкомом партии в 1925 году, было сказано следующее: «Вся работа ведется женотделом упарткома, имеется женорганизатор, систематически проводятся делегатские собрания, общие собрания женщин, где делались доклады общественного характера, заслушивались отчеты кооператива, крестьянского общества взаимопомощи, предсельсовета. Активность, которая наблюдается на собраниях женщин, может говорить за усиление работы»[2]. Подобных случаев было немало. В некоторых избах-читальнях проводились беседы и читки с крестьянками. В совхозе «Новый Афон» работницы получали газеты, имели свой клуб, активно участвовали в культурно-просветительной работе[3].

В результате культурно-просветительной и политико массовой работы партии в этот период абхазская женщина постепенно стала выходить на арену общественно-политической деятельности, начала помогать Советской власти. Крестьянка постепенно вовлекалась в советское и кооперативное строительство. В 1925 году в сельсоветы было избрано 110 женщин, или 6,1% всего состава[4]. Женщины-крестьянки выбирались

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 16.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/4, лл. 33-34.
[3] Там же, 8, л. 36.
[4] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 10.

делегатами съездов, выступали с речью на уездных и всеабхазских съездах Советов. В начале 1926 года в комсомольской организации Абхазии состояло 296 крестьянок. «Наблюдается тяга деревенской девушки в комсомол», – говорил секретарь Абхазского обкома комсомола Тарас Абгадж в январе 1926 года[1]. В эти годы наиболее передовые представители сельских девушек стали поступать в вузы. В 1923 году женотдел обкома партии направил на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока КУТВе и в совпартшколы 18 абхазок и грузинок[2]. В последние годы восстановительного периода в Москве в (КУТВ) учились Зина Циколия, Вера Лабахуа, Мария Хокерба, Нина Киласония, Мактина Кобахия, Ксения Куправа, Ксения Габлая, Мария Квеквескири, Вера Коркия и другие. Они были первыми девушками абхазской деревни, которые получили высшее коммунистическое образование. Воспитанники комвузов сыграли огромную роль в развертывании работы среди крестьянок в социалистическом строительстве.

Пробуждалась сельская женщина – самая отсталая, самая забытая часть крестьянского населения. Женщина-абхазка Мина Барганджия, делегатка II съезда Советов Абхазии, выступая на съезде от имени крестьянок, выразила сердечную благодарность Советской власти за те исторические завоевания, которые принесла Октябрьская революция. «Советская власть, – говорила она, – сделала нас, женщин, равными во всех правах с мужчинами и признала нас наравне с ними к строительству новой жизни. За это благодарим Советскую власть»[3].

В деле осуществления культурно-преобразовательной работы в деревне и вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство сильным препятствием служили сохранившиеся в среде крестьянства вредные отсталые обычаи, суеверия, религиозные предрассудки и т. д. Преодоление этих реакционных

[1] «Трудовая Абхазия», № 21, 28 января 1926 г.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 264, 18 ноября 1923 г.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 10, л. 55.

пережитков в нравах и культуре народа являлось важнейшей задачей Коммунистической партии.

Партийная организация Абхазии с первых же лет Советской власти обратила серьезное внимание на преодоление среди крестьянства вредных обычаев и религиозных предрассудков. Вся культурно-воспитательная и партийно-массовая работа, развернувшаяся в абхазской деревне, способствовала изжитию вредных пережитков, подъему культуры широких народных масс. Против отдельных вредных обычаев, как кровная месть, воровство скота, умыкание девиц, местные партийные и советские органы боролись как мерами воспитательного воздействия, так и путем усиления карательной политики.

IV Абхазская областная партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1923 года, обсудила доклад председателя Совнаркома Абхазии Н. Лакоба «Об антирелигиозной кампании и борьбе с суевериями»[1]. Конференция подчеркнула, что ликвидировать религиозные предрассудки и отсталые обычаи можно лишь путем систематической и длительной воспитательной работы по поднятию культурного уровня крестьянства. Она признала необходимым созвать при обкоме партии специальное совещание с участием передовых крестьян для обсуждения вопросов, связанных с работой по искоренению суеверий, вредных предрассудков и обычаев. Вместе с тем были осуждены факты административного закрытия церквей и грубого оскорбления чувств верующих, имевшие место во многих селах в 1922–1923 годах во время проведения антирелигиозной кампании. Конференция потребовала от местных партийных организаций не допускать грубости и администрирования в антирелигиозной работе, а проводить ее с учетом конкретной обстановки путем чрезвычайно осторожного подхода к чувствам верующих. Она рекомендовала партийным организациям в дни

[1] «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов (1922-1930)», стр. 21-22.

религиозных праздников устраивать состязания, развлечения и народные игры[1].

После этого решения антирелигиозная работа получила правильное направление. Постепенно были преодолены грубые нарушения, допускавшиеся в этой области, усилилась пропаганда естественно-научных знаний[2]. К концу восстановительного периода во многих селах, особенно Самурзаканского уезда, читались лекции на антирелигиозные темы. Однако, как правильно подчеркивал агитпропотдел обкома партии в отчете за 1925 год, антирелигиозная лекционная пропаганда, ввиду отсутствия соответствующих подготовленных пропагандистских кадров, в уездах проводилась слабо[3].

Абхазский областной комитет КП(б) Грузии и Совет Народных Комиссаров Абхазии, учитывая чрезвычайную важность и трудность борьбы с предрассудками и вредными обычаями, создали специальную комиссию для изучения бытовавших в абхазской деревне реакционных пережитков и выработки конкретных мер по борьбе с ними. Комиссия выполнила возложенную на нее работу. В развернутых «Тезисах по борьбе с суевериями, предрассудками и вредными обычаями»[4] были описаны реакционные пережитки, наиболее вредно отражавшиеся на нравственное и экономическое состояние крестьянства. К ним относились знахарство и ворожба; кровная месть, насильственное похищение девиц, общественное моление о дожде, разорительные похороны-поминки и свадьбы, конокрадство, скотокрадство и т. д. В тезисах был раскрыт реакционный характер каждого из этих пережитков, огромный вред, причиняемый ими крестьянскому хозяйству, их тормозящее воздействие на подъем культуры широких народных масс, на строительство новой общественной жизни, нового быта в деревне...

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 6/1, л. 41.

[2] Там же, оп. 2, д. 127/1, л. 23.

[3] Там же, оп. 1, д. 13/8, л. 35.

[4] Там же, оп. 2, д. 53/9, лл. 26-28.

Комиссия, учитывая условия абхазской деревни, выработала мероприятия по борьбе с суевериями, предрассудками и вредными обычаями. Рекомендовалось проведение совещаний по этому вопросу как в центре, так и по уездам с участием наиболее популярных представителей крестьян. Уездным и сельским культурно-просветительным учреждениям предлагалось расширить массовую культурно-просветительную работу в деревне, вовлекая в нее все культурные силы села, передовых и влиятельных крестьян. Было признано полезным создать в селах комиссии по борьбе с вредными пережитками прошлого под руководством культпросветорганов. В основу деятельности комиссий должна была лечь массовая культурно-просветительская работа с центром в избах-читальнях или в школах. Были выработаны конкретные нормы и методы борьбы с пережитками прошлого с учетом их характера и особенностей. В борьбе с вредными обычаями важное место отводилось периодической печати[1].

Комиссия, подчеркнув, необходимость усиления культурно-воспитательной работы в деревне, указала на необходимость внедрения научных знаний и поощрения полезных занятий среди крестьянства. В тезисах было сказано: «Необходимо сплотить массы мужчин и женщин и, в первую очередь, молодежь вокруг культурного центра деревни – избы-читальни, деятельность которой должна быть направлена на удовлетворение всех культурных потребностей сельской общины»[2]. Рекомендовалось организовать кружки сельскохозяйственные, самообразовательные, драматические, хоровые, спортивные.

В правильной организации и усилении работы по борьбе с суевериями, предрассудками и вредными обычаями важную роль сыграло совещание представителей крестьян из уездов Абхазии, состоявшееся в Сухуме 26 – 28 марта 1924 года[3]. Совещание проходило с участием видных государственных и культурных деяте-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 53/9, лл. 26-27.

[2] Там же, л. 28.

[3] Там же, д. 96/10, лл. 38-39.

лей Абхазии Н. Лакоба, Д. Алания, Д. Гулиа, А. Чочуа, С. Басария, К. Дзидзария и др. На совещании были обсуждены тезисы, выработанные комиссией обкома партии и СНК. Были рассмотрены вопросы борьбы с воровством, местью, умыканием девиц, с грандиозными разорительными свадьбами, похоронами и поминками, знахарством и ворожбой, с т. н. «запретными днями» и др. Крестьяне приняли живейшее участие в обсуждении этих вопросов. На совещании было 16 выступлений крестьян, отдельные из них высказывались по 2 – 3 раза Крестьяне подчеркивали большой вред этих пережитков внесли много ценных предложений, поддержали намечанные Советской властью мероприятия. Крестьянин Малия Гудаутского уезда сказал: «Я радуюсь, что наши дети горячо любят наш народ и работают на его благо с таким усердием, и мы, старики, в чем можем, всегда будем помогать вам, своим детям. Я желаю, чтобы эта работа и в будущем была плодотворной»[1].

Подытоживая работу совещания, председатель СНК Абхазии Н. Лакоба, обратившись к крестьянам, сказал: «Мы нашли в вашем лице очень ценных помощников. Ваши замечания и практические предложения очень ценны... Мы имеем перед собой такую работу, которая потребует очень много времени, но мы все же стоим на правильном пути. Мы с вами являемся первыми пионерами великого дела по искоренению болезненных нарывов на здоровом организме абхазского народа. Нужно отметить, что ни при какой власти и никогда абхазский крестьянин не имел возможности вырабатывать закон, которыми управлялась Абхазия, и только при Советской власти он сам издает закон, сам и управляет собой. Мы постараемся оправдать ваше доверие к нам»[2].

Так, Советская власть при участии самого крестьянства, с учетом бытовых условий и специфических исторических особенностей края вырабатывала наиболее подходящие формы

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 96/10, л. 39.
[2] Там же.

и методы преодоления средневековых, религиозно-бытовых предрассудков и вредных обычаев.

В апреле 1924 года на уездных партийных конференциях был обсужден вопрос о борьбе с средневековыми религиозно-бытовыми предрассудками. Намеченные обкомом партии мероприятия и итоги сухумского совещания представителей крестьян по этому вопросу были одобрены и приняты за основу. Особенно подчеркивалась необходимость возможно широкого вовлечения в эту работу передовых представителей крестьянства. С этого времени работа по преодолению феодально-патриархальных предрассудков приняла более планомерный характер и расширилась. Устранялись допускавшиеся до этого местными органами власти ошибки грубого административного воздействия на консервативно настроенных отсталых крестьян. В деятельности культурно-просветительных учреждений, местных партийных, советских и общественных организаций работа по изжитию среди крестьянства предрассудков и отсталых обычаев заняла видное место. На страницах газет «Апсны капш» и «Советская Абхазия» часто печатались статьи и корреспонденции, раскрывающие реакционность религиозных предрассудков и пережитков старого феодально-патриархального быта. Эти материалы пропагандировали новые формы общественной жизни, новый быт[1].

Необходимо подчеркнуть большую и плодотворную работу, которая проводилась в эти годы в абхазской деревне примирительными комиссиями сельских Советов. В состав этих комиссий входили передовые представители крестьян, сельские учителя, и они работали под руководством сельсовета и партийной ячейки.

[1] Назовем некоторые из них, опубликованные в «Голосе трудовой Абхазии»: «На борьбу с религиозной обрядностью» (передовая), «Не пора ли начать борьбу», «Эхо глубокого прошлого», «Церковный вопрос в Звандрипше», «Кровная месть», «Борьба со знахарством», «За марксистский быт», «Наша культура», «Еще об одном «наркоме» старины», «Комсомольцы в борьбе за новый крестьянский быт» и др. см.: Т. Аршба. На пульсе времени, стр. 49, 61-62.

О деятельности сельской примирительной комиссии в первые годы Советском власти колхозник колхоза имени Бараташвили села Чхортол Гальского района Абас Гамисония вспоминал следующее: «В селе в то время часто возникали споры в ходе распределения земли, на почве кражи скота, физического или словесного оскорбления, неуплаты долга, из-за похищения девушки или оскорбления ее чести и т. д. Приходилось примирять и враждующие между собой фамилии. Иногда даже на почве простой обиды дело доходило до кровной мести. Поэтому комиссия была вынуждена вмешиваться даже в малейшие споры, возникавшие среди сельского населения. Иногда приходилось разбирать дела в течение целой недели. Примирительная комиссия принимала разные решения в зависимости от характера разбираемого вопроса и степени преступности. Например, в случае, когда один наносил физическое и словесное оскорбление другому мы являлись к виновнику и внушали ему вредность его действия или поступка, возможные трагические последствия, после чего собирали близких потерпевшего в его семье и принимали там решение. Члены комиссии, являясь авторитетными в деревне и владея красноречием искусно доводили до обеих враждующих сторон необходимость примирения. Для радикального решения вопроса мы прибегали к использованию наших местных обычаев. Активное участие принимали в работе женщины члены примирительной комиссии. Их роль была особенно ответственной, когда разбирали вопросы, связанные с женщиной, с оскорблением ее чести, и споры между мужем и женой и т. д. При разборе дел они применяя опыт жизни для правильного решения вопроса, пользовались доверием и уважением среди населения. Деятельность нашей комиссии была очень плодотворной Она в своей работе применяла меры внушения»[1].

Были организованы также уездные и центральная примирительные комиссии, занимавшиеся примирением наиболее круп-

[1] Архив Абхазского института языка, литературы и истории ф. 1, д. 237, лл. 22-30.

ных враждующих между собой фамилий. В отчете ЦИК и СНК Абхазии II съезду Советов широко было освещено состояние работы по преодолению средневеково-патриархальных пережитков и была особо отмечена роль примирительных комиссий в борьбе с кровной местью. В отчете было сказано: «В иных случаях власть должна выступить в роли примирителя враждующих фамилий. Тут требуется особый такт, гибкий и ловкий подход к делу. Требуется особое знание психологии враждующих...»[1].

Крестьянское население, в большинстве своем являвшееся пока безграмотным и малограмотным, нуждалось в серьезной помощи со стороны пролетарского города В. И. Ленин указывал, что крестьянство нуждается в городской культуре. «Помочь крестьянину подняться до городского уровня, – эту задачу должен поставить себе каждый рабочий, имеющий связь с деревней»[2].

Рабочий класс с готовностью оказывал эту помощь крестьянству. В восстановительный период появилось культурное шефство города над деревней, сыгравшее большую роль в повышении культурного и политического уровня трудового крестьянства. По почину московских и ленинградских заводов в культурном шефстве над деревней приняли участие большие и малые предприятия всей страны.

ЦК РКП (б) в ноябре 1924 года разработал и опубликовал основные положения культурно-шефской работы, которая должна была проводиться в двух направлениях: путем оказания деревне систематической культурной и политико-просветительной помощи через культ-просветучреждения и общественные организации и путем оказания всемерной помощи сельским организациям и крестьянству в подъеме хозяйства и развития кооперации.

ЦК РКП (б) в июле 1925 года в постановлении о культурном шефстве с особой силой подчеркнул, что вся шефская работа в

[1] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922-1923 гг.)», стр. 176.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 257.

деревне должна быть направлена на пробуждение инициативы и самодеятельности крестьян, на содействие хозяйственному и культурному строительству в деревне.

Вопрос о культурном шефстве города над деревней в Абхазии был поставлен после опубликования работы В. И. Ленина «Странички из дневника». Абхазский обком КП(б) Грузии 27 апреля 1923 года дал всем укомам Абхазской партийной организации директиву приступить к шефской работе. В письме обкома говорилось: «Товарищ Ленин в январе написал статью, где указывается целый ряд путей к просвещению деревни. Одним из них является установление шефства городских организаций над деревней. Областком предлагает укомам провести прикрепление партийных, советских, профессиональных, кооперативных и т. п. организаций города шефами хотя бы ближайших селений с тем, чтобы прикрепленные организации снабжали бы газетой и литературой свои подшефные деревни, посылали бы туда время от времени докладчиков по наиболее интересным и важным вопросам дня и помогали бы наладить систематическую полит-просветработу в деревне»[1].

Агитпропотдел областного комитета партии, руководствуясь ленинской работой «Странички из дневника» разработал и разослал всем комячейкам и профсоюзам основные руководящие положения культурно-шефской работы. Агитпроп предлагал городским партийным ячейкам и профсоюзным организациям принять самое активное участие в полит-просветработе подшефной деревни, создавая там избы-читальни, оборудуя и снабжая их литературой и газетами, обеспечивая участие крестьян в беседах и чтениях, воспитывая их в духе братского единения с рабочими и т. д.[2]

В 1923 году культурное шефство получило развитие лишь только в Гумистинском уезде. Здесь отдельные профсоюзные и кооперативные организации Сухума стали оказывать помощь

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 50/1, л. 45.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 50/1, л. 52.

подшефным деревням. В мае 1923 года правление Гумистинской табачной кооперации взяло шефство над Ажара-Цебельдинской, Акапской и Мерхеульской волостями, создало для них передвижную библиотеку и снабжало эти селения газетами.[1] Союз строителей помог подшефному селу Старо-Черниговка в ремонте школьных зданий и выделил средства из культфонда на приобретение учебных пособий, выписал: для деревни газеты и журналы[2].

В конце 1923 года в Сухуме для координирования деятельности шефских организаций было создано Центральное бюро шефкомиссии[3].

Сухумские профсоюзы в 1923 году приняли активное участие в подготовке и проведении праздника шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в подшефных селах. Например, профсоюз советских работников Сухума 6 ноября 1923 года послал в подшефное село Михайловка трех своих представителей для участия в октябрьских торжествах. Они на митинге выступили с докладами о значении смычки города с деревней, о 6-й годовщине Октябрьской революции, о германской революции. После торжественного заседания был поставлен спектакль. В этот день шеф отправил в деревню много литературы – учебники, книги по сельскому хозяйству и пчеловодству, газеты, тетради, карандаши, а также разные сельскохозяйственные орудия для раздачи среди беднейших крестьян[4].

Профсоюз кожевников имеете с союзом нарсвязи Сухума принял участие и проведении праздника в подшефном селе Верхняя Бырцха[5]. Профсоюз работников коммунального хозяйства гор. Сухума в ноябре 1923 года в подшефном селе Красная Беслетка организовал избу-читальню, а также подобрал и отре-

---

[1] «Голос трудовой Абхазии», № 137, 19 июня 1923 г.

[2] Там же, № 243, 23 октября 1923 г.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 35.

[4] «Укрепление Советской власти в Абхазии», стр. 216-217.

[5] «Укрепление Советской власти в Абхазии», стр. 218.

монтировал помещение под школу, закупил необходимые учебные пособия для детей и обратился и Паркомпрос с ходатайством о командировании в эту школу учителя[1].

В 1924 году шефские организации были созданы в уездных центрах и тогда же приступили к работе. Сельский корреспондент в газете «Голос трудовой Абхазии» писал, что 1 мая в селе Беслахуба Кодорского уезда «профсоюзом пищевкус гор. Очамчира проведено торжественное открытие клуба. Крестьяне этот день встретили с большим воодушевлением. Они гордятся, что имеют свой клуб, где будут продолжаться подобные постановки»[2].

В тот же день состоялось торжественное открытие клуба в селе Поквеш Кодорского уезда. Сельский корреспондент сообщает, что на это торжество из Очамчира с пьесой «Какоразбойник» приехали члены профсоюза пищевкус. Народу собралось из многих соседних сел. Чтобы дать возможность населению присутствовать на открытие клуба, крестьяне выстроили мост через реку[3].

Были случаи, когда школы брали шефство над деревней. Например, шефом села Илори Кодорского уезда являлась Очамчирская 9-летняя школа, которая часто выступала перед крестьянством с разными спектаклями[4].

Клубы города Гагра ставили в подшефных деревнях спектакли, устраивали концерты. 5 октября 1924 года в селе Калдахвара был поставлен антирелигиозный спектакль и дан концерт. «День закончился хоровыми номерами и абхазскими танцами. Абхазцы усиленно приглашали приехать снова и предлагали свои услуги по перевозке»[5], – читаем в «Трудовой Абхазии».

В рассматриваемый период культурное шефство в уездах

---

[1] Там же, стр. 219.

[2] «Голос трудовой Абхазии», № 107, 13 мая 1924 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] «Трудовая Абхазия», № 235, 19 октября 1924 г.

Абхазии не имело еще систематического и планомерного характера. Профессиональные союзы, шефствовавшие над деревней, часто не располагали необходимой возможностью для оказания ей должной культурной помощи.

Наиболее действенную помощь деревне оказывало шефобщество Кодорского уезда, объединявшее 205 членов союза. Агитпропотдел Абхазского обкома партии, положительно оценивая деятельность шефобщества г. Очамчира, в отчете за 1925 год писал: «Правлением шефобщества в Ткварчельской и Атара-Абхазской общинах открыты избы-читальни, и последние снабжаются литературой и газетами. Выписаны из Москвы крестьянские библиотеки. Уездное шефобщество выписывает для пионеров журналы и газеты, клуб отремонтирован, работа оживилась»[1].

В 1925 году для руководства шефской работой при наиболее крупных учреждениях и предприятиях г. Сухуми действовало 14 шефских комиссий[2]. Эти учреждения и предприятия шефствовали над деревнями Гумистинского уезда, обслуживали подшефные села газетами, журналами, книгами, ставили в сельских клубах спектакли, организовывали концерты и т. п.

Важную работу по культурно-политическому просвещению абхазского крестьянства провела абхазская передвижная театральная труппа, организованная в 1921 году Главполитпросветом под руководством народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа. Эта труппа ставила революционные и комедийные пьесы. Д. И. Гулиа перевел на абхазский язык «Интернационал», который исполнялся перед началом каждого спектакля. Труппа уже в 1921 году выступила в селах Адзюбжа, Беслахуба, Гуп, Илори, Кутол, Моква, Поквеш, Тамыш (Кодорский уезд), Аацы, Ачандара, Лыхны, Дурипш (Гудаутский уезд)[3]. Абхазский кре-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 18.

[2] «Трудовая Абхазия», № 97, 1 мая 1925 г.

[3] М. Лакербай. Очерки истории Абхазского театрального искусства. Сухуми, 1957, стр. 42.

стьянин встретил с большим интересом выступления труппы. «Наши гастроли, – вспоминал Д. Гулиа, – все время пользовались у населения исключительным успехом. Для нас эти поездки, сопровождавшиеся немалыми трудностями, превратились в радостный праздник. Первых проводников абхазской сценической культуры народ встречал исключительно восторженно. А наши женщины актрисы просто ошеломили зрителей и пользовались заслуженным успехом»[1].

В рассматриваемый период значительную роль в культурно-политическом воспитании и просвещении трудящихся стало играть советское кино. Коммунистическая партия и Советское правительство всячески способствовали продвижению киноискусства в массы, особенно в деревню.

Наркомпрос Абхазии, учитывая огромное значение кино в культурно-политическом просвещении крестьянства, в апреле 1924 года поднял вопрос об организации передвижного кино. Совнарком Абхазии 22 мая 1924 года постановил выделить Наркомпросу средства на организацию кинопередвижки. В этом постановлении подчеркивалось значение кино для абхазской деревни: «Передвижное кино с соответствующим подбором фильмов является могучим и незаменимым орудием для внесения в деревни Абхазии новой духовной жизни, проведения в ней культурной и политико-просветительной работы, для планомерной борьбы с суевериями и предрассудками».[2]

В 1924-1925 годах Главполитпросветом Абхазии было приобретено 5 передвижных киноаппаратов.[3] С лета 1925 года во всех уездах Абхазии имелось по одной кинопередвижке. Первое передвижное кино начало выезжать в деревни с октября 1924 года[4]. В течение 1924–1925 годов кинопередвижки дали 101 сеанс и обслужили: 17 664 человека[5].

---

[1] Х. Бгажба, К. Зелинский. Дмитрий Гулиа. М., 1956, стр. 59.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 50.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 32.
[4] «Трудовая Абхазия», № 228, 11 октября 1924 г.
[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 13/8, л. 32.

В культурно-политическом просвещении крестьянства большую роль играл Центральный дом крестьянина, открытый в Сухуме 4 марта 1924 года. В этом доме приезжавшие крестьяне получали не только отдых, но и культурные развлечения. Здесь проводились массовые беседы, лекции, доклады, демонстрировались кинокартины, работала читальня, осуществлялась справочная работа. Дом крестьянина обслуживал крестьян и в хозяйственном отношении. При доме имелись кооперативная лавка с подбором крестьянских товаров, место для скота и т. п.[1] С марта 1924 года по апрель 1926 года дом крестьянина обслужил 79 660 человек, из них крестьян из районов Абхазии 45%, приезжих батраков из закавказских республик – 20%, из других мест СССР – 35%. Главполитпросвет Абхазии в отчете за 1923–1926 годы отмечал, что «Дом крестьянина как культурно-просветительное учреждение сразу завоевал себе симпатии широких слоев крестьянства»[2]. Культурно-просветительная работа Дома крестьянина содействовала проникновению политических и культурных знаний в самые глухие села Абхазии, где зачастую не было ни изб-читален, ни других культурно-просветительных учреждений.

Перевоспитанию крестьянства, росту их культуры способствовала деятельность всех общественных организаций Советской деревни. Важнейшую роль в этом отношении играла сельская кооперация. В деревнях Абхазии в годы восстановительного периода сложилась и быстро развивалась социалистическая сельскохозяйственная кооперация – снабженческо-бытовая, кредитная, потребительская. Помогая поднимать и развивать крестьянское хозяйство, кооперация вместе с тем вовлекала его в русло социализма, прививала навыки общественного ведения дела, повышала культуру крестьянства. Через кооперацию крестьянство снабжалось усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем, семенами, минеральными

[1] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, 333, л. 23.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д.185, л. 612.

удобрениями, средствами борьбы с вредителями и болезнями растений.

В абхазской деревне проводилась значительная работа по пропаганде агрономических знаний. В 1924 году ЦИК Абхазии принял постановление «Об организации агрономической помощи населению»[1]. Согласно этому постановлению организовывались показательные участки в крестьянских хозяйствах, при школах и на опытно- показательных полях, создавались случные и прокатные пункты, распространялись среди населения улучшенный племенной скот, семенной и посадочный материал и т. д. Были учреждены промни за лучшее ведение крестьянского хозяйства. В 1925 году в уездах Абхазии за образцовое ведение своего хозяйства 55 крестьянских дворов были премированы деньгами и сельскохозяйственным инвентарем.

Нельзя не подчеркнуть значение совхозов «III Интернационал», «Ильич», «Новый Афон» и др. в деле повышения агротехнического уровня индивидуального крестьянского хозяйства. Эти бывшие помещичьи и монастырские хозяйства, ранее служившие орудием жестокой эксплуатации и духовного закабаления трудящихся, став советскими хозяйствами, постепенно делаются культурно-агрономическими центрами, распространяют среди крестьянства передовые приемы ведения сельского хозяйства, пропагандируют внедрение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин.

Агротехническая пропаганда для абхазской деревни имела важное значение. Крестьяне, преодолевая свою вековую отсталость, постепенно становились на путь рационального земледелия. Авторитет агронома стал расти в глазах крестьянина. Газета «Трудовая Абхазия» подчеркивала: «Прежде всего, абхазская деревня уже не та, она пробуждается от вековой спячки и потянулась к агрономическому знанию, представляя в данный момент громадный спрос на усовершенствованный сельско-

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 6, л. 97.

хозяйственный инвентарь, сортовые семена кукурузы, табака, хлопка, кормовых трав, минеральные удобрения и проч»[1].

В годы восстановительного периода партийными, советскими и культурно-просветительными учреждениями Абхазии была проведена большая работа по осуществлению ленинской национальной политики. Коммунистическая партия учитывала сложность национальных отношений в Абхазии, живучесть пережитков межнациональной розни и недоверия, усиленно насаждавшихся царским правительством, а затем буржуазными националистами-меньшевиками. Партия чутко и бережно относилась к национальным чувствам абхазского народа и всех других народов, населяющих Абхазию, и воспитывала их в духе пролетарского интернационализма; внимательно, терпеливо разъясняла им общность интересов всех советских народов. Для работы среди различных национальностей при агитпропотделе Абхазского обкома партии был организован подотдел национальных меньшинств[2].

В 1921–1922 годах в ходе подготовки образования ЗСФСР и СССР проводилась большая работа по пропаганде национальной политики партии среди широких народных масс. На открытых партийных собраниях и на общих собраниях крестьянства с докладами о Закавказской федерации и об образовании СССР выступали лучшие представители Абхазской партийной организации. Перед трудящимися Абхазии, партийным и советским активом республики с докладами об объединении советских республик, о ленинской национальной политике выступали Г. К. Орджоникидзе, Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба и другие видные партийные и государственные деятели. В результате большой политико-воспитательной и разъяснительной работы, проведенной партийными организациями, трудящиеся Абхазии единодушно высказались за создание Закавказской федерации и за образование СССР. На I съезде Советов Абхазии крестья-

[1] «Трудовая Абхазия», № 157, 15 июля 1925 г.

[2] «Правда Грузии», 25 апреля 1922 г.

нин из Самурзаканского уезда Т. Этерия в своем выступлении о Закфедерации говорил: «Раз товарищ. Ленин сказал, что необходимо объединить трудящиеся массы, и завоевания революции могут быть удержаны в руках трудящихся масс только объединением, – это нужно сделать. Это уже доказано тем, что единством фронта рабочих и крестьян завоевана одна шестая часть земного шара»[1].

Преодолению недоверия между народами, воспитанию чувств братства и дружбы с трудящимися всех советских республик способствовала вся практическая деятельность Коммунистической партии по осуществлению ленинской национальной политики в Абхазии. Большое значение имело, в частности, создание Абхазской ССР строительство и развитие национально-советской государственности, братская помощь русского, грузинского и других народов в преодолении экономической и культурной отсталости трудящихся республики, неустанная забота партии о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры абхазского народа и других народов, населяющих Абхазию, и первые успехи на этом пути и др.

***

Таким образом, в годы восстановительного периода было положено начало культурно-воспитательной работе партии среди крестьянства Абхазии. Массово-политическая и культурно-просветительная работа в деревне, проводившаяся партийными организациями путем докладов и бесед, митингов и собраний, через центральную и местную печать, кино, клубы, избы-читальни, через шефские организации и профсоюзы, через женские и молодежные организации и т. д., сыграла большую роль в распространении в деревне ленинских идей, значительно рас-

[1] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922-1923 гг.)», стр. 89.

ширила политический кругозор крестьянских масс, повысила их культурный уровень.

К концу восстановительного периода Коммунистической партии и Советской власти удалось пробудить активность крестьянства Абхазии в деле культурного строительства. Об этом свидетельствуют многочисленные факты проявления инициативы и творческой активности крестьянских масс в различных областях культурного строительства стремление крестьян усвоить политику партии, повсеместное создание на личные средства школ и изб-читален, инициатива в организации работы по ликвидации неграмотности и т. д. Советский общественный строй порождал могучее стремление трудящихся к культурному развитию и всемерно содействовал этому развитию.

Возникшие в результате победы Октябрьской революции новые культурные отношения между городом и деревней способствовали неуклонному укреплению союза между рабочим классом и трудовым крестьянством. Коммунистическая партия, используя различные формы культурного воздействия рабочего класса на крестьянство, сближала рабочих и крестьян, сплачивала трудящиеся массы деревни под руководством рабочего класса. Одновременно с хозяйственным подъемом страны, ростом политической активности и повышением культурных запросов трудящихся масс деревни, возрастала помощь социалистического государства деревне в преодолении ее вековой культурной отсталости.

Культура-просветительная работа в деревне в 1926–1929 годах

Вступление Союза ССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства потребовало дальнейшего расширения и углубления культурно-массовой и политико-воспитательной работы. XV съезд ВКП (б) поставил задачу укрепить политпросветработу в деревне, повысить ее качество.

Съезд указал обратить особое внимание на развитие дела деревенских радиоустановок, кино, усиление сети библиотек и т. п. Профсоюзы должны были всячески усилить свое участие во всей общественной жизни деревни, в частности, значительно усилить и улучшить шефскую работу[1].

В период подготовки условий для массовой коллективизации опорными пунктами культурно-политической работы в деревне по-прежнему оставались избы-читальни. Но в эти годы из-за недостатка средств их сеть развивалась медленнее. В 1926/27 году в Абхазии имелось 28 бюджетных изб-читален, в 1927/28 году – 30, в 1929/30 году – 35[2]. Внебюджетные избы-читальни были преобразованы в красные уголки, которые «обслуживались бесплатно комсомольцами и партийцами»[3]. В 1926/27 году было 42 красных уголка, к 1927/28 году – 40[4], в 1928/29 году – 24[5]. Кроме того, в селах были и школьные красные уголки. Например, в 1927 году работало всего 56 сельских и школьных красных уголков[6]. В эти годы еще более возросла популярность изб-читален и красных уголков среди крестьянства. Нарком просвещения А. М. Чочуа писал, что крестьянство «предъявляет все новые и новые требования об открытии этих культурных очагов деревни»[7].

Учитывая важную роль изб-читален в развертывании культурно-просветительной работы, партийные и советские органы систематически занимались улучшением их работы. С 1926 года Главполитпросвет ежемесячно получал подробные отчеты изб-читален и анализировал их, периодически проводил обследования, улучшил методическую помощь. Главполитпросвет

[1] «КПСС в резолюциях…», т. IV, 1970, стр. 69-70.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 53: «Советская Абхазия», № 51, 4 марта 1930 г.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 53.

[4] Там же.

[5] ЦГАА, ф. 1. Оп. 2, д. 61, л. 19.

[6] «Советская Абхазия», № 253, 7 ноября 1927 г.

[7] Там же, № 50, 3 марта 1929 г.

составил примерную программу занятий кружков при избах-читальнях. Программа сельскохозяйственных кружков предусматривала изучение аграрной политики Советской власти, ознакомление крестьян с основами агрономии, агротехники, ветеринарии и т. д. Программы кружков по изучению основ здравоохранения и гигиены, кооперативных и др. ставили целью повышение культурного уровня крестьянства, активное вовлечение их в социалистическое строительство.

Партийные организации принимали меры по усилению роли сельских коммунистов и комсомольцев в деятельности избы-читальни, активному вовлечению в работу избы-читальни сельской интеллигенции, массовому охвату культурно-просветительными мероприятиями крестьян и крестьянок.

В январе 1926 года бюро Абхазского обкома ЛКСМ Грузии приняло постановление «О задачах комсомола по проведению политико-просветительной работы в деревне», которое обязывало уездные комитеты сосредоточить всю политико-просветительную деятельность комсомола в избе-читальне. Бюро рекомендовало включать план политико-воспитательной работы комсомольской ячейки «в общий план работы избы-читальни»[1]. Осуществляя это постановление, сельские комсомольцы стали верной опорой избы-читальни.

В 1926 году женотделом Абхазского обкома КП(б) Грузии была издана инструкция «О работе среди женщин в избах-читальнях», в которой указывалось на необходимость «использовать все возможности... для поднятия культурно-просветительного уровня широкой женской массы в деревне»[2]. В ней с учетом местных условий были определены формы вовлечения крестьянки в работу избы-читальни. Партийные и комсомольские организации сумели пробудить активность значительной части крестьянок, охватить сотни и тысячи женщин доколхозной абхазской деревни политико-просветительной работой.

---

[1] А. К. Адлейба. Указ. работа, стр. 90.

[2] ЦГАА, ф. 55, д.91, л. 34.

Сохранились материалы, характеризующие работу отдельных изб-читален в 1926–1927 годах. В Самурзаканском уезде значительной популярностью пользовалась среди крестьян Окумская изба-читальня. Например, в сентябре 1926 года ее посетило 685 человек, из них 109 женщин; в ней был поставлен спектакль, проведены 10 бесед, 14 громких читок, 1 собрание. В избе-читальне вслух читались газеты, журналы и книги, были проведены беседы на темы: «В. И. Ленин о союзе молодежи», «О значении табачной кооперации», «Режим экономии в низовой сети Абсоюза», «Комсомол и юные пионеры», «Надо выполнять решения III пленума обкома партии», «Германская рабочая делегация в Сухуме» к т. д.[1] По инициативе комсомольцев и учителей при избе-читальне была расширена библиотека и организован клуб[2]. Здесь проводились не только беседы, но и доклады, и лекции, с которыми выступали уездные работники, местные кооператоры, учителя, учащиеся старших классов семилетки и др.[3] В этой работе особенно отличались Ражден Эмухвари, Гриша, Лаврентий и Тамара Парпалия, Марго Зарандия, Сандро и Эраст Зухбая, Владимир Квачахия и др. При избе-читальне работали кружки – сельскохозяйственный, санитарный, кооперативный, драматический, хоровой. Санитарный кружок проявлял заботу о наведении чистоты в пекарнях, в столовой и на базаре, драмкружок регулярно ставил платные и бесплатные спектакли, а сельскохозяйственный устроил показательное поле. Изба-читальня вела справочную работу, в месяц 2 раза выпускала стенгазету[4]. Крестьяне активно участвовали в работе избы-читальни, посещали беседы, лекции, спектакли, с удовольствием проводили здесь часы досуга[5]. Грамотная часть крестьянства пользовалась библиотекой читальни.

---

[1] Там же, д. 86, л. 10.

[2] «Трудовая Абхазия», № 210, 16 сентября 1926 г.

[3] ЦГАА, ф. 55, д. 86, л. 10. Там же, д. 115, л.9.

[4] «Советская Абхазия», № 13, 18 января 1927 г.

[5] «Трудовая Абхазия», № 210, 16 сентября 1926 г.

«Изба имеет много интересных книг, которые постоянно берутся на дом крестьянами... Крестьяне очень довольны избой»[1], – сообщала «Советская Абхазия». В марте 1927 года Окумскую избу-читальню посетило 749 человек, из них 157 женщин. Было выдано на дом 148 книг. Всей работой читальни руководил совет, состоявший из 26 человек[2].

В Самурзаканском уезде большую культурно-воспитательную и политико-массовую работу проводили также Саберийская изба-читальня, которой заведовал член ВКП(б) Ф. З. Микая[3], Набакевская – зав. член ВКП(б) М. Пипия[4], Ачигварская – зав. член ВКП(б) А. Бокучава[5], Бедийская – зав. комсомолец М. Кучуберия[6], Отобайская – зав. Л. Дзадзуа[7] и др. В Кодорском уезде лучшими являлись Поквешская изба-читальня – зав. член ВКП(б) Автандил Пачулиа и Адзюбжинская – зав. Автандил Пилия. Работа их была весьма разнообразной и массовой[8].

В Гудаутском уезде выделялась Лыхненская изба-читальня (зав. Давид Чантурия). Ее работой руководил совет избы-читальни, в который входили представители партийной и всех общественных организаций, председатель сельсовета и другие ответственные работники деревни. В материалах обследования, проведенного летом 1926 года, сказано, что совет избы-читальни «систематически проводит заседания, на которых разрешаются все вопросы политпросветработы»[9]. Партийная ячейка направляла идейно-политическую работу избы-читальни. На собраниях ячейки заслушивались доклады зав. избой-читальней, принимались решения, содействовавшие улучшению ее ра-

---

[1] «Советская Абхазия», № 13, 18 января 1927 г.
[2] Там же, № 124, 4 июня 1927 г.
[3] ЦГАА, ф. 55, д. 115, лл. 7-9: там же, д. 140, лл. 260-262.
[4] Там же, лл. 13-14.
[5] Там же, лл. 14-15.
[6] Там же, лл. 14-15.
[7] Там же, д. 115, л. 145.
[8] Там же, лл. 116-117, 291.
[9] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 182/1, л. 157.

боты. Коммунисты и комсомольцы составляли основное ядро избы-читальни, они сплачивали вокруг нее беспартийных крестьян. Сельская интеллигенция принимала активное участие в деятельности избы-читальни, учителя руководили кружками. Учитель Лыхненской школы Константин Шакрыл (ныне доктор филологических наук) часто выступал с докладами, проводил беседы, которые проходили при живейшем участии крестьян. Среди женщин читку газет и беседы проводила коммунистка Нина Чхабелия. Она сумела втянуть в работу избы-читальни десятки крестьянок. В актив читальни входили многие крестьяне. Например, крестьянин Камуг Джанба организовывал беседы по сельскому хозяйству, Василий Арнаут руководил ленинским уголком, организовывал беседы о комсомольском движении,: крестьяне Камшиш Курмазия, Афанасий Гагулия активно участвовали на заседаниях совета избы-читальни, вовлекали своих односельчан в мероприятия читальни[1]. Как видно из месячного отчета, в октябре 1926 года изба-читальня работала 29 дней, посетило ее 299 человек, из них 51 женщина. В ней были проведены 8 бесед, 9 громких читок, 1 доклад, 3 собрания. Библиотечной литературой на дом пользовалось 90 человек, из них 28 женщин[2]. Изба-читальня выпускала стенгазету, в ней работали разные кружки, велась справочная работа.[3] Ее деятельность не ограничивалась мероприятиями, проводимыми в самой читальне. Изба-читальня через свой актив проводила массовую просветительную работу среди широких крестьянских масс, участвовала в осуществлении всех важнейших политических и хозяйственных мероприятий.

В Гагринском уезде и 1926/27 году лучшими являлись избы-читальни сел Калдахвара и Колхида. Калдахварскую избу-читальню за год посетило 3 158 человек, в том числе 445 женщин, ею было выдано на дом более 1 800 книг. В ней числилось I 504 читателя, в

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 140, ч. III, лл. 240-248.

[2] Та же, д. 86, л. 82.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 182/1, лл. 156-157.

том числе 241 женщина. Характерно, что в работу избы-читальни все более втягивалась абхазская женщина. Колхидскую избу-читальню за год посетило 3 396 человек, в том числе 239 человек постоянных читателей. В этих избах-читальнях проводились громкие читки, беседы, лекции, справочная работа, имелись разные кружки. Сельскохозяйственный кружок колхидской читальни объединял 80 человек, в том числе 5 женщин. Руководил кружком агроном. В культурно-массовой работе читальни активно участвовали сельские учителя и комсомольцы[1].

Повседневное руководство осуществлял избами-читальнями Сухумский уездный политпросвет. В 1927 году в уезде было 11 изб-читален, 23 красных уголка. Уездный политпросвет принял меры для улучшения их материальной базы, усилил методическое руководство, снабжал литературой и газетами. За январь – октябрь 1927 года политпросвет распределил избам-читальням 3 076 книг, выписал для них по 7–8 экземпляров газет и журналов, а для красных уголков – газету «Советская Абхазия»[2], снабжал их также разными плакатами. Через избы-читальни и красные уголки проводила свою работу кинопередвижка политпросвета. С 24 февраля по 15 июля 1927 года в 44 селах уезда было дано 172 киносеанса, на которых присутствовало 16 500 человек, в том числе 6 700 женщин. Крестьяне просмотрели кинокартины «Арсен Джорджиашвили», «Тариэл Мклавадзе», «Сурамская крепость», «Жизнь Ленина», «Кошмары прошлого», «В морду Интернационалу» и др. Кино показывалось в большинстве сел бесплатно[3].

В избах-читальнях Сухумского уезда проводились кружковая работа, доклады, беседы, читки газет, выпускались стенные газеты, велась справочная работа. «Во всех избах-читальнях ведутся беседы по сельскому хозяйству, доклады и беседы по кооперативным вопросам», а во многих также по санпросве-

[1] А. К. Адлейба. Указ. работа, стр. 87-88.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 554.
[3] Там же.

ту, госстрахованию и т. д.»[1], – отмечал уездный политпросвет. Активно участвовали избы-читальни в кампании по выборам в сельские Советы. В некоторых избах-читальнях заслушивались отчеты сельсоветов и кооперативов. Политпросвет отмечал «энергичную работу изб-читален в проведении, революционных праздников»[2]. Возросла роль избы-читальни в пропаганде книги среди крестьян. «Интересы крестьян к библиотеке за последнее время усилились»»[3], – сказано в отчете Сухумского политпросвета. Избы-читальни и красные уголки организовали коллективную подписку на газеты «Советская Абхазия», «Ахали сопели», греческую газету «Коммунист» и армянскую газету «Мачкал». В Сухумском уезде имелось 6 народных домов, в которых по инициативе избачей проводились спектакли, концерты и т. д.[4] В июле – августе 1927 года только в 10 бюджетных избах-читальнях Сухумского уезда посещаемость составила 9 353 человек, в том числе женщин – 3 096. За эти два месяца они провели 84 беседы, 166 громких читок, 30 собраний, 27 спектаклей и другие массовые мероприятия[5].

Значительно оживляли работу избы-читальни кино и радио. Кинопередвижки Главполитпросвета обслуживали все уезды Абхазии. В 1927 году в избах-читальнях сел Калдахвара, Лыхны, Дранда – Бабушера, Адзюбжа, Саберио и Ажара были установлены громкоговорящие радиоприемники[6]. Из села Адзюбжа селькор Арсентий Кобахия сообщал о большом интересе крестьян к радиопередачам. «Наша изба-читальня открыта ежедневно, – писал он. Посещаемость за последнее время увеличивается с каждым днем... в избе крестьяне и крестьянки слушают радиопередачи»[7].

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 555.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 554.
[5] ЦГАА, ф. 55, д. 113, л. 9.
[6] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 53.
[7] «Советская Абхазия», № 153, 8 июля 1927 г.

Талантливый абхазский писатель, студент Московского института журналистики И. А. Когония, во время летних каникул, ознакомившись с культурно-просветительной работой на селе, с радостью писал о значительных сдвигах в этой области. «...Наблюдается большое оживление в отношении культурно-просветительной работы в деревне, – отмечал он. Эта работа замечается как в передовых селах, так и в самых отсталых, далеких уголках. Почти во всех деревнях Абхазии мы имеем избы-читальни, вокруг которых организовываются разного рода культурно-просветительные кружки... Огромный, ежедневный рост замечается в тех избах-читальнях, где имеются радио и громкоговорители»[1]. Он взволнованно писал о том, как в горном селе Ажара крестьяне и крестьянки организовали большой торжественный вечер в день открытия громкоговорящей радиоустановки. «...Работа избы-читальни и здесь поставлена образцово. Много сванов посещают избу-читальню, где грамотная молодежь читает им газеты и рассказывает новости»[2] – писал он. Молодого впечатлительного поэта особенно радовало то, как крестьянка все более вовлекалась в работу культурно-просветительных учреждений. «Неграмотная отсталая женщина, не имевшая представления о театре, кино и др. зрелищах, имеет полную возможность видеть у себя в деревне спектакль, кино, слушать радио и пр.»[3] – отмечал он. Да, все это было ново для абхазской деревни. Все это служило делу культурного роста и политического просвещения широких масс.

В культурно-просветительной работе деревни встречались и серьезные трудности и недостатки. «Избы-читальни в некоторых деревнях работают слабо»[4], – писала газета «Советская Абхазия» в передовой статье «Задачи политпросветработы в деревне». Им приходилось развертывать свою деятельность среди отсталой кре-

[1] «Советская Абхазия», № 153, 8 июля 1927 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, № 262, 19 ноября 1927 г.

стьянской массы, которая хотя всей душой и стремилась к свету и знаниям, но была еще опутана многочисленными предрассудками и суевериями, корни которых уходили в далекое прошлое. Кулаки, последыши помещиков и другие антисоветские элементы усердно стремились использовать все это против просвещения трудящихся, для затемнения классового самосознания крестьян. На деятельность изб-читален сказывалась слабость материальной базы, недостаточная подготовленность избачей и др. Однако энтузиасты политико-просветительной работы преодолевали все трудности, потому что ими руководила Коммунистическая партия, их в вдохновляли великие идеи марксизма-ленинизма, и они несли их в крестьянские массы, все более сознававшие на собственном жизненном опыте правду партии Ленина.

После XV съезда ВКП(б) партийные организации Абхазии усилили руководство культурно-просветительной работой в деревне. Пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии в марте 1928 года в целях дальнейшего улучшения работы культпрооветучреждений обязал Наркомпрос перераспределить средства в сторону увеличения ассигнований на культурную работу в деревне. Пленум также предложил восстановить уездные политпросветы; обязать коммунистов-литераторов усилить издание политической и сельскохозяйственной литературы на местных национальных языках; всемерно развить радиоустановки и кинопередвижку; усилить шефскую работу профсоюзов. Пленум постановил решительно бороться с обычаем кровной мести, обсудить этот вопрос на совещании крестьян. Предлагалось на сельских сходах поставить вопрос о запрещении вредных обычаев и обрядов (умыкание девиц, нагулаш-покупка невест, многолюдные поминки и свадьбы, моление кузне и т. д.), а также всемерно бороться со знахарством путем укрепления и расширения работы медпунктов в деревне[1].

[1] «Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов (1922-1930)», стр. 156.

Важное значение в деле расширения и углубления культурно-просветительной работы в деревне имели решения X Абхазской областной конференции КП(б) Грузии. Она дала директиву всемерно развернуть культурную революцию среди трудящихся масс города и деревни. В деревне, наряду с усилением работы по ликвидации неграмотности и расширением школьного образования, предлагалось развить и укрепить сеть изб-читален, кинопередвижек и радиоустановок, улучшить подготовку культработников для села, поднять выше работу с интеллигенцией, усилить в ней коммунистическое влияние. Важнейшей задачей партийных организаций было признано интернациональное воспитание трудящихся масс, обеспечение всестороннего развития национальных меньшинств, оказание им всяческой помощи в культурном развитии. Конференция заострила внимание партийных организаций вокруг вопросов, «связанных с антирелигиозной пропагандой, дальнейшим раскрепощением женщин, организованной и умелой борьбой с многочисленными пережитками старого быта»[1].

Партийные организации на местах с учетом конкретных условий принимали меры но усилению культурно-просветительной работы среди крестьянства. Например, X Кодорская уездная партконференция, состоявшаяся в октябре 1928 года, постановила расширить сеть культ-просветучреждений, принять меры для обеспечения их необходимыми материальными ресурсами и кадрами подготовленных работников, снабдить деревню крестьянской литературой на национальных языках, втянуть всю сельскую трудовую интеллигенцию в активную культурно-просветительную работу. Конференция определила задачи и формы культурно-массовой работы в деревне[2]. Уездные парткомы и партячейки, руководствуясь решениями вышестоящих партийных органов, стали более конкретно и деловито заниматься этим важнейшим участком социалистического строительства в деревне.

[1] «Советская Абхазия», № 267, 20 ноября 1928 г.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 235, лл. 231-232.

Значительно перестроил свою работу Главполитпросвет Абхазии в соответствии с задачами, выдвинутыми XV съездом партии. Летом 1928 года он пересмотрел весь состав избачей, заменил слабых работников новыми, выпускниками Совпартшколы, для остальных избачей организовал двухмесячные курсы переподготовки[1]. Были приняты меры по укреплению материальной базы культпросветучреждений и улучшению комплектования их новой литературой.

В июле 1928 года Главполитпросвет провел конференцию избачей[2]. На конференции с отчетами со всех уездов выступило 15 человек. Все они единогласно заявили о возрастании интереса крестьян к работе избы-читальни, об участии крестьянского актива в культурно-просветительной деятельности, об увеличении книг в библиотеках, о том, как многие неграмотные крестьяне, научившись читать и писать, стремились не ограничиваться слушанием «громких читок», как они становились друзьями книг, сами прочитывали их. Конференция значительное внимание уделила дальнейшему улучшению работы советов изб-читален. Особо подчеркивалась необходимость повышения квалификации и ответственности избача. Об этом один из выступавших говорил: «...Очень многое потребуется от самого избача. На него возлагается большая ответственность подчас, чем на учителя, так как последний ведет за собой только одну-две группы, а избачу нужно вести за собой все население деревни. И если избач не будет стоять на голову выше остальной массы, то он не сумеет руководить. Поэтому одна из основных задач избача – работать и работать над собой. Избач должен быть прежде всего авторитетным, и везде он должен служить примером для всех остальных». Находясь в самом центре крестьянской массы, разъясняя трудящимся политику партии и Советского правительства, неустанно пропагандируя идеи марксизма-ленинизма, избачи в процессе практической деятельности все более овла-

[1] Там же, оп. 1, д. 27, л. 57.
[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 2, д. 285, лл. 84-95.

девали своей новой профессией. Партийные и комсомольские ячейки, вся советская общественность помогала им в их благородной работе.

Деятельность избы-читальни была тесно связана с шефской помощью рабочего класса крестьянству. В эти годы в Абхазии шефство города над деревней получило дальнейшее развитие. Этому способствовали количественный рост рабочего класса в социалистических предприятиях, повышение его культурного и политического уровня.

В 1926 году в Сухуме и в уездных городах на базе шефских комиссий, имевшихся при партийных ячейках, были образованы добровольные шефские общества. Совещание членов шефских комиссий города Сухума, посвященное созданию добровольного шефского общества, определяя задачи дальнейшей шефской работы, в своем постановлении указало: «...Перед нами встает основная задача провести в жизнь действительную ленинскую смычку города с деревней и втянуть в шефработу не только партийные и комсомольские массы, но и всех рабочих и служащих»[1]. Добровольное шефское общество ставило своей целью укрепить и развить связи рабочих города с крестьянством на основе систематической культурной и организационно-хозяйственной помощи деревне. В задачи общества входили организация избчитален, клубов, библиотек, кино, школ ликбеза, политико-просветительных кружков и т. п. учреждений с включением их в сеть Главполитиросвета и его местных органов; помочь политико-просветительным организациям литературой и другими необходимыми материалами; всемерное содействие развитию кооперации, крестьянских комитетов взаимопомощи и других общественных и культурно-хозяйственных организаций; участие в организации революционных празднеств в деревне с привлечением к ним наиболее широких слоев деревни; содействие распространению и закреплению новых форм быта; организация бесед, докладов, вечеров, спортивных занятий и т. д.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 165/5, 72.

Добровольные шефские общества объединяли всех рабочих, работниц и служащих каждого предприятия и учреждения. Они помогали партийным, советским, профессиональным, кооперативным, хозяйственным, культурно-просветительным и другим организациям деревни в их практической работе по поднятию культурного уровня населения, развитию социалистических форм хозяйства. В своей работе на местах они опирались на пролетарские, бедняцкие и середняцкие слои деревни. Центром шефской работы являлись избы-читальни.

Культурно-просветительная работа профсоюзных организаций в деревне не ограничивалась шефской работой. Профсоюзы имели в совхозах и в местах наибольшего скопления батраков свои культпросветучреждения. В 1929/30 году в сельской местности работали 2 профсоюзных клуба и 6 народных домов. Союз сельхозлесрабочих имел 14 красных уголков, союз медсантруд – 2, союз строителей 2 красных уголка и т. д.[1] Эти учреждения обслуживали не только сельскохозяйственных рабочих, но и бедняцко-середняцкую крестьянскую массу. Они вовлекали крестьян в школы ликбеза, в кружки, приглашали их на коллективные читки газет и книг, на спектакли и в кино. Крестьянство участвовало во всех культурно-просветительных мероприятиях, организуемых сельскими профсоюзными культпросветучреждениями.

1 апреля 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О культурно-просветительной работе профсоюзов», в котором были вскрыты основные недостатки и намечены задачи развертывания культурно-массовой деятельности профсоюзов. В соответствии с этим постановлением профсоюзы Абхазии в своем бюджете увеличили расходы на культурно-просветительную работу, усилили помощь деревне, стали бороться за массовость культурно-воспитательной работы, за связь ее с задачами социалистического строительства.

[1] ЦГАА, ф. 101, д. 649, л. 133.

В культурной жизни деревни важную роль играла кооперация. В. И. Ленин рассматривал кооперирование крестьянства как средство повышения культуры трудящихся. В доколхозной абхазской деревне первичные формы кооперации принимали непосредственное участие в культурном строительстве, в проведении культурно-просветительной работы среди крестьянства. Кооперативные товарищества шефствовали над школами, нередко отпускали средства на постройку и ремонт школьных зданий, участвовали в ликвидации неграмотности, содержали избы-читальни, стипендиатов и т. д.

С 1926 года в Абтабсоюзе учреждается должность инструктора-культурника. Для планомерного и систематического руководства культурно-просветительной работой в райтабкоопах создаются культурно-просветительные комиссии[1]. Вся их деятельность была тесно связана с работой культпросветучреждений.

Сельскохозяйственная кооперация создавала сельскохозяйственные и кооперативные кружки, пропагандировала агрономические и кооперативные знания. «Программа кооперативного кружка при избе-читальне», разработанная Абтабсоюзом, включала беседы о сельскохозяйственных коллективах, их формах и значений[2]. Кооперация организовывала лекции и доклады, главным образом на кооперативные темы[3]. Она ежегодно отмечала международный день кооперации, использовала этот праздник для пропаганды идей ленинского кооперативного плана.

На местах товарищества открывали кооперативные библиотеки и красные уголки. В 1928 году по системе Абтабсоюза имелось 15 библиотек, которые комплектовались кооперативной и сельскохозяйственной литературой, газетами и журналами. Например, в 1928 году они получили газеты «Правда»,

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 194, л. 115.

[2] Там же, д. 142, лл. 163-164.

[3] Там же, д. 147, л. 9. Там же, д. 157, л. 20.

«Кооперативная жизнь», «Кооперативная деревня», «Заря Востока», «Советская Абхазия», «Апсны капш» и др., а также журналы «Сельскохозяйственная кооперация», «Коллективист» и др.[1]

Райтабкоопы выписывали газеты и журналы и для внебюджетных сельских изб-читален, школ и для отдельных примерных табаководов. В 1927 году, например, Эшеро-Гумистинский табачный кооператив выписывал для 5 изб-читален своего района газеты «Правда», «Заря Востока», «Советская Абхазия» и др.[2] В 1928 году от этого кооператива получали «Советскую Абхазию» и «Апсны капш» 14 школ и 20 табаководов[3]. Красный уголок Екатерино-Мерхеульского райтабкоопа получал русские, грузинские, армянские и греческую газеты, в том числе «Бедноту», «Крестьянскую газету»[4]. Кооператив выписывал также газеты для отдельных крестьян и школ. В 1928 году Очамчирский, Гудаутский, Атарский и Эшеро-Гумистинский райтабкоопы получали по 12 –13 экземпляров абхазской газеты «Апсны капш»[5]. Табаководы и школы, получая газеты от кооперации, обязывались проводить коллективную читку их среди крестьян.

Система сельскохозяйственной кредитной кооперации комплектовала сельские избы-читальни и красные уголки соответствующей кооперативной и сельскохозяйственной литературой, специальными библиотеками, а также выписывала газеты и журналы для крестьян[6].

Кооперация организовывала показ кинофильмов в деревне. Абтабсоюз в сентябре 1927 года обсудил вопрос об устройстве кинопередвижки и постановил ассигновать средства для ее организации[7]. До конца года табачная кооперация совместно

[1] ЦГАА, ф. 60, д. 190, л. 168.
[2] Там же, д. 193, л. 10.
[3] Там же, д. 147, лл. 47.
[4] Та же, л. 25.
[5] Там же, д. 179, л. 2.
[6] Там же, ф. 61, д. 68, л. 59.
[7] там же, д. 137, л. 85.

с союзом сельскохозяйственных рабочих обслуживала кинофильмами основные табаководческие районы[1]. В дальнейшем в организации кинообслуживания деревни участвовали также Абтабсоюз и потребительская кооперация. В результате работа кинопередвижек в деревне значительно улучшилась[2].

Вся многосторонняя культурно-просветительная работа кооперативных организаций активно содействовала повышению культурного уровня крестьянства. В этом отношении важное значение имела и агрикультурная работа сельскохозяйственной кооперации[3].

В период подготовки условий для сплошной коллективизации значительно возросла роль комсомола в деревне. К 1 июня 1927 года в комсомоле Абхазии батрацкая и бедняцко-середняцкая молодежь составляла 3 491 человек[4], а в конце 1929 – 5 045 человек[5]. Комсомол в деревне стал массовой организацией. Секретарь Абхазского обкома комсомола Т. Абгадж на VI областной конференции комсомола (январь, 1926 г.) говорил: «Наши ячейки в деревне выравнялись и стали в передовой шеренге общественности, активной силой села... Мы имеем крупные достижения в деревне – продвижение комсомолом кооперации в гущу селений, участие в земкомиссиях, активность в кресткомах и в работе изб-читален»[6]. С каждым годом поднимался политический и культурный уровень сельских комсомольцев, усиливалось их влияние в общественно-политической и культурной жизни деревни. Они составляли основную опору изб-читален, являлись инициаторами многих культурных начинаний в деревне.

В эти годы происходит дальнейший рост пионерского движения. В 1930 году 202 пионерских коллектива республики объ-

---

[1] Архив Абгосмузея, д. 127, л. 171.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 651, лл. 26-32.

[3] См. А. Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921-1929 гг.). Тбилиси, 1968, стр. 281-297.

[4] «Советская Абхазия», 19 июня 1927 г.

[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 73.

[6] «Советская Абхазия», 28 января 1926 г.

единяли 7 445 пионеров и три тысячи октябрят. В пионерскую организацию массово вступают девочки, растет политическая активность детей и популярность ДКО.

Пионеры сельских школ получали постоянную помощь от городских пионерских коллективов, которые охотно передавали детям крестьян свой опыт культурно-массовой работы. В 1928 году пионервожатая отряда при женском интернате г. Сухуми Нелли Трапш (ныне секретарь Президиума Верховного Совета Абхазской АССР) устроила несколько походов в села Абхазии для оказания помощи крестьянам в сельскохозяйственных работах. В дни летних каникул пионеры этого отряда участвовали в ликбезработе в родных селах, обучали грамоте родителей и односельчан. Ближайшими помощниками вожатой были Женя Ачба, Лили Бургашвили, Татьяна Чочуа, Лиза Патейпа, Чичка Барциц и др.[1]

Пионерские коллективы принимали участие в проведении политических кампаний, революционных праздников и различных торжественных мероприятий в деревне. Во время выборной кампании 1929 года пионеры проводили разъяснительную работу, разносили повестки, выпускали стенные газеты.

К этому периеду относятся и открытие первых опытно-показательных пионерских лагерей в Новом Афоне, Цебельде и Сатанджо.

Партийные организаций значительное внимание уделяли работе среди крестьянок. Основной формой работы с ними являлись делегатские собрания. Они создавались при партийных ячейках. Делегатскими собраниями руководили женорганизаторы. В 1926 году в Абхазии работали 57 сельских женорганизаторов, из них 8 мужчин. Например, в Кодорском уезде делегатские собрания имелись в селах Илори, Гуп, Беслахуба, Моква, Ткварчели, Адзюбжа, Тамыш, Члоу, Кутол, Атара-Абхазская и Охурей. В 1927 году делегатские собрания улучшили свою дея-

[1] Б. Кецба-Давыдова. Страницы пионерской летописи Абхазии, стр. 22-23.

тельность. Успешно работал делегатский пункт при партячейке села Лыхны, объединявший 16 делегаток-абхазок. Все делегатки были неграмотными. Занятия проводились по программе отдела ЦК ВКП(б) по работе среди женщин в месяц два раза методом бесед. Все делегатки были прикреплены к разным общественным организациям. Девушки-делегатки участвовали в работе комсомольской ячейки. По инициативе делегаток в Лыхны была открыта школа кройки и шитья, поставлен вопрос о создании женского ликбеза[1]. В Самурзаканском уезде хорошо работал делегатский пункт села Окуми, объединивший 27 делегаток. Делегатским собранием руководила учительница. Она же была женорганизатором партячейки. Делегатки аккуратно посещали занятия, все они участвовали в работе общественных организаций села, пользовались авторитетом населения[2].

В 1928/29 году партийные организации значительно увеличили сеть делегатских собраний и число делегаток, улучшили содержание их работы. Всего в Абхазии было избрано 1 134 делегаток, из них крестьянок 987. Делегатки знакомились с правами советских женщин, решениями XV съезда партии, мероприятиями Советской власти по поднятию сельского хозяйства. Им разъяснялись цели и задачи комсомола и пионерской организации. Теоретические занятия дополнялись заслушиванием на делегатских собраниях докладов о работе сельсовета, кооператива, совета избы-читальни, отчетов практиканток, работавших в советских и кооперативных организациях.

Делегатские собрания являлись не только школами политической грамоты, они были и практической школой общественной работы. Через делегатские собрания крестьянки вовлекались в активную практическую деятельность в советских, кооперативных и других организациях деревни. Конечно, не все выделенные практикантки-делегатки проявляли себя активно. Некоторые из них лишь знакомились с работой советских общественных

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 153/1, л. 50.
[2] Там же, л. 58.

организаций. Многие делегатки, чувствуя поддержку советской власти и партии, выявляли свои организаторские способности, становились организаторами женских масс, помогали местным организациям.

Крестьянки-делегатки нередко проявляли инициативу в организации детских садов, школ кройки и шитья, ремонтировали школы, избы-читальни, сельские дороги, создавали уголки крестьянок при избах-читальнях, являлись застрельщиками нового быта в деревне. В Абхазии, также как и в целом во всей стране, делегатские собрания как форма приобщения крестьянок к общественной работе полностью оправдывала себя; они способствовали подъему творческой инициативы женщин деревни.

Придавая важнейшее значение делегатским собраниям, партийные организации одновременно проводили политико-массовую и культурно-воспитательную работу среди всех трудящихся крестьянок. Созывались общие сельские собрания женщин, уездные конференции крестьянок, проводились беседы и лекции. Для оживления работы с женщинами использовался Международный женский праздник 8 Марта.

Результатом партийно-массовой и воспитательной работы среди женщин явилось выдвижение в те годы первых сотен крестьянок Абхазии на советскую и другую общественную работу, вовлечение женщин в партию, профсоюзы, комсомол, кооперацию и другие организации, воспитание значительной группы актива крестьянок вокруг сельских Советов и партийных ячеек. Выборы в Советы и в кооперацию в 1929 году показали возросшую активность большой массы женщин. Крестьянки выступали с отчетами о работе в Советах, говорили о своих нуждах и требованиях, вносили деловые предложения, направленные па дальнейшее улучшение работы[1].

В доколхозной абхазской деревне Советской властью было сделано многое для пробуждения крестьянок к общественно-

[1] Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 2650, л. 52; там же, д. 3226, л. 49.

политической жизни. Успехи в этой области действительно были значительны в сравнении с тем, что было, но они и тогда казались мизерно ничтожными в сравнении с тем, что предстояло сделать. Пока еще основная масса крестьянок не была раскрепощена и вовлечена в активную общественную и производственную жизнь. Пробуждавшаяся активность женщин кое-где не охватывалась необходимым партийным руководством, не направлялась по правильному руслу, и это вылилось в отдельных местах в женские выступления. Уровень массово-политической работы среди крестьянок отставал от конкретных задач социалистического строительства в деревне, выдвинутых партией в связи с курсом на коллективизацию сельского хозяйства. Недостаточно проводилась подготовка квалифицированных женских кадров для народного хозяйства и культуры.

В рассматриваемый период дальнейшее развитие получила абхазская национальная печать. Увеличился тираж газеты «Апсны капш», значительно выросло число ее селькоров. Газета широко освещала жизнь деревни, успехи ее в социалистическом строительстве. Она стала ближайшим советчиком для абхазского крестьянина, важным средством его политического просвещения. С каждым годом росла популярность газеты «Советская Абхазии». В декабре 1927 года она выходила тиражом в 3 500 экземпляров. Спрос на газету быстро возрастал, однако материально-техническая база не позволяла увеличить ее тираж. Выросли кадры корреспондентов газеты. В 1927 году она имела 218 постоянных корреспондентов, из них сельских – 96 человек[1]. Селькорами являлись в основном батраки и бедняки. Они выражали мысли и стремления трудящегося крестьянства, поднимали свой голос против извращений политики партии в деревне, против основного врага трудового крестьянства-кулаков, писали об успехах в строительстве новой жизни в деревне. «Все они являются нашими сознательными помощниками в деле со-

[1] «Советская Абхазия», № 275, 4 декабря 1927 г.

циалистического строительства»[1], – писал о селькорах журналист М. Гадлия (Гадлиба). Рабселькоровское движение ярко свидетельствовало о росте народной активности и инициативы.

Абхазский обком КП(б) Грузии проявлял постоянную заботу об улучшении содержания периодической печати, принимал меры, направленные на широкое освещение в ней .жизни деревни. В апреле 1926 года президиум обкома постановил усилить в газете «Советская Абхазия» «отдел крестьянской жизни»[2]. Решением обкома и правительства Абхазии с марта 1927 года в неделю раз выходил шестиполосный крестьянский номер «Советской Абхазии»[3]. Крестьянские номера давали агрономические советы, освещали вопросы общественной и культурной жизни села, работу сельсоветов, кооперативов, партийных и комсомольских ячеек, разъясняли крестьянству законы Советской власти и т. д. Крестьянские номера значительно обогатили содержание «Советской Абхазии», сделали ее еще более популярной среди крестьянства. Это хорошо выразил крестьянин из села Эшера Хабурзания: «Советская Абхазия» – лучший путь смычки города с деревней. Все новости иностранной и советской жизни доходят к нам через «Советскую Абхазию». Но главное для нас в газете это то, что мы имеем возможность открыто говорить о недостатках нашей жизни. Не раз «Советская Абхазия» помогала нам избавиться от влияния кулака на селе. «Советская Абхазия» дает нам разъяснения по сельскохозяйственным вопросам, через нее мы получаем советы, как улучшить наше крестьянское хозяйство»[4]. Трудящиеся крестьяне видели, что советская печать выражает их коренные интересы, помогает им строить новую жизнь. Именно потому крестьяне после утомительного трудового дня группами тянулись в избу-читальню прочитать свежую газету или послушать громкую

[1] «Советская Абхазия», № 102, 5 мая 1928 г.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 39.
[3] «Советская Абхазия», № 55, 11 марта 1927 г.
[4] «Советская Абхазия», № 135, 13 июня 1928 г.

читку. «Советская Абхазия» об этом писала: « За последнее время вообще мы наблюдаем массовый интерес к печати со стороны крестьянства…»[1] Эти строки являются свидетельством роста культурного уровня и расширения политического кругозора крестьян.

В рассматриваемый период важное место отводилось пропаганде советского законодательства среди крестьян. Ею в основном занимались справочные столы изб-читален. Были такие читальни, где крестьянин мог получить нужную ему справку по законодательству. Постепенно в эту работу стали вовлекаться и органы юстиции. В июне 1929 года президиум Гудаутского уездного комитета партии принял постановление об организации в уезде пяти пунктов по разъяснению советского права среди крестьянства[2]. В этих пунктах работники юстиции проводили пропаганду советского права, осуществляли периодическую консультацию трудящихся. Было рекомендовано в пунктах провести доклады на темы: задачи низовых органов Советской власти; о работе нарзаседателя: о браке, семье и опеке; о земельном кодексе; о наемном труде в деревне; о трудовой аренде земли: о лесном кодексе; о сельхозналоге; о карательной политике Советской власти в борьбе против бытовых преступлений и т.д. Руководство всей этой работой возлагалось на уездную прокуратуру. Органы юстиции и в других уездах занимались пропагандой советского права среди крестьянства, и это помогало укреплению советской законности в деревне.

В эти годы партийные и общественные организации и культурнопросветительные учреждения усилили работу по преодолению вредных обычаев и религиозных предрассудков. И то время еще в абхазской деревне пережитки седой старины занимали большое место. Об этом свидетельствует огромный материал по религиозным верованиям и пережиткам родового строя, записанный в Абхазии известным кавказоведом проф. Г.

[1] Там же, № 102, 5 мая 1928 г.

[2] ПААО КП Грузии ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 101.

Ф. Чурсиным в 1928 году[1]. Г. Ф. Чурсин объяснял свой интерес к этнографическому обследованию Абхазии следующим образом: «Абхазы сохранили много пережитков пройденных ступеней культурного развития», представляющих драгоценный материал для истории и культуры не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще»[2]. Большинство сохранившихся пережитков в условиях советской деревни играли реакционную роль. И естественно, с расширением задач социалистического строительства борьба с ними приобретала исключительно большое значение.

Во второй половине 20-х годов по инициативе Абхазского обкома партии стали проводиться антипасхальные кампании. Основной задачей этой новой формы атеистической пропаганды являлось разоблачение реакционной роли религии и духовенства. В директиве Абхазского обкома партии о проведении антипасхальной кампании в 1928 году подчеркивалась необходимость подчинить ее «задачам практической борьбы с реакционным влиянием местных религиозных организаций с нэпманами, кулаками и антисоветскими политическими группировками»[3]. Обком предлагал для проведений кампании выделить комиссию из представителей уездного парткома, исполкома, уездного комитета комсомола, уездного профбюро и женотдела. Антипасхальная кампания проводилась с 10 апреля по 5 мая. В этот период в деревни направлялись партийные пропагандисты для проведения докладов и лекций. В день пасхи в избах-читальнях, школах, клубах и т. д. ставились спектакли антирелигиозного характера, организовывались различные игры в целях «отвлечения крестьянства от пасхального времяпрепровождения»[4]. Местные партийные, комсомольские, профсоюзные, политико-просветительные и другие организации активно участвовали в антипасхальной кампании.

[1] Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
[2] Там же, стр. 4.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/3, л. 150.
[4] Там же, л. 151.

Вся их антирелигиозная пропаганда сосредотачивалась на материалистическом объяснении явлений природы и общественной жизни.

В рассматриваемый период в селах Абхазии почти повсеместно прекратили функционировать мелкие сельские церкви. Их помещения использовались под школы, клубы, избы-читальн и другие общественные учреждения. Действовали лишь наиболее крупные церкви – Бедийская, Илорская, Моквинская, Лыхненская, Драндская и некоторые другие. Особой популярностью пользовалась Илорская церковь. Об этом Г.Ф. Чурсин, который побывал здесь в 1925 году, пишет: «За последние 4 года перед моим посещением храмовой праздник никем не посещался, кроме местных жителей»[1]. Далее он указывает, что 23 апреля 1925 года на празднование «Георгоба» собралось из окрайных мест до 1100–1200 человек. Во время религиозных праздников немало верующих привлекали и другие большие церкви. Учитывая это, партийные организации принимали меры по усилению деятельности советских организаций в районе расположения действующих церквей. 26 июня 1928 года президиум Кодорского уездного комитета партии, обсудив вопрос об Илорской и Москвинской церквах, постановил усилить уездному политпросвету культпросветработу изб-читален в Илори и Моква, открыть в Илори постоянный фельдшерский пункт, организовать илорскую партийную ячейку «для обеспечения коммунистического влияния среди населения Илорской общины»[2] и т. д.

Культурно-просветительная и антирелигиозная пропаганда, проводившаяся под руководством партийных организаций, значительно ослабили позиции религии в жизни и быту крестьянских масс доколхозной абхазской деревни.

Усилилась борьба с одним из ужасных социально-бытовых пережитком кровной местью. По обычаю, всякое оскорбление,

[1] Г. Ф. Чурсин. Указ. работа, стр. 30.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 214/2, л. 43.

насилие, присвоение чужой собственности, разбои, поджог, скотокрадство, рукоприкладство, убийство и другие причины порождали враждебные отношения, очень часто перераставшие в кровную месть. Иногда кровная месть проходила между целыми фамилиями. На II съезде Советов Абхазии указывалось, что в с. Джгерда фамилии Амичба и Ашуба никогда вместе на сходы не являются, а созванный сход в связи с этит может не состояться[1]. В 1924 году органы Советской власти ликвидировали кровную вражду между этими фамилиями, которые имели «одиннадцать дел по взаимным убийствам, ранениям и прочим делам, возникшим на почве кровной мести»[2].

В ноябре 1926 года в с. Лыхны объединенный сход крестьян Гудаутского уезда с участием председателя Совнаркома Н. Лакоба, председателя ЦИК С. Чанба, секретаря обкома партии Г. Стуруа, председателя Верховного суда Абхазии Х. Шамба всесторонне обсудили вопрос о мерах борьбы с частными случаями убийств на почве кровной мести. Сход констатировал, что кровная месть – «это – большое зло, укоренившееся в обычаях края, неизбежно ведет к физическому истреблению враждующих сторон и к материально-экономическому разорению, вовлекаемых во вражду целые группы хозяйств».[3] Сход признал необходимым повести «самую решительную общественную борьбу против этого варварского бытового зла» и постановил виновников убийств наказывать по всей строгости революционного закона, вплоть до высшей меры наказания. Предлагалось в каждой общине и каждом селении организовать комиссии (тройки) по примирению враждующих сторон и фамилий на основе традиций и норм обычного права. Решения комиссии закреплялись советскими органами. Сход предложил всем сельсоветам обсудить на сельских схода: вопрос о кровной мести, о многолюдных поминках и свадьбах и выработать соответствующие практи-

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 10, л. 36.
[2] Г. Ф. Чурсин. Указ. работа, стр. 13.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 165/3, л. 18.

ческие предложения и мероприятия. Информация о решениях объединенного схода крестьян Гудаутского уезда была опубликована в газетах[1].

Под руководством партийных организаций советские органы и примирительные комиссии с учетом местных условий проводили большую работу по борьбе с кровной местью. Однако в доколхозной абхазской деревне еще нередко встречались случаи кровомщения. В 1927 году в Абхазии убийств на почве кровной мести было зарегистрировано 177, а в 1928 году – 92[2]. Это страшное зло было искоренено лишь на базе полной победы социализма и роста социалистического сознания крестьянских масс.

В эти годы органы Советской власти и общественные организации проводили кропотливую работу среди крестьянства по преодолению и других вредных пережитков родовых нравов. И результаты этой деятельности оказались довольно положительными. В 1927 году в Абхазии было зафиксировано 32 случая похищения женщин и в 1928 году – 27 случаев[3]. «Выкуп за невесту (калым, нагулаш), принуждение женщин к выходу замуж против ее воли, вступление в брак с лицами, не достигшими брачного возраста, насчитываются единицами»[4], – указывалось в материалах к отчету правительства Абхазии V съезду (Советов (апрель 1929 г.).

Некоторые суеверия отрицательно влияли на развитие хозяйства крестьян. В 1922 году в газете «Заря Востока» сообщалось, что в Гудаутском уезде в течение целой недели «шло беспощадное истребление шелковичных червей». Делалось это потому, что Гудаутский уезд постигла засуха, и знахарки объяснили, что этим бог наказывает жителей за разведение шелковичных червей, которых он не любит. Разоблачая данный факт, корреспондент указывал, что эти шарлатаны-знахарки, «к стыду наше-

[1] «Советская Абхазия», № 2, 5 декабря 1926 г.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 22.
[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 22.
[4] Там же.

му, пользуются до сих пор у населения доверием»[1]. Г. Ф. Чурсин отмечал, что он во время поездок 1925 года всюду слышал, что «причиной засухи являются чаще всего шелковичные черви, которых, по совету знахарок, выбрасывают в речки или в море; та же участь постигает и шелковичные коконы (села Лыхны, Илори)»[2]. В связи с таким положением соответствующие органы и организации развернули широкую просветительную работу среди крестьян. В результате эти вредные взгляды преодолевались, и шелководство в доколхозной абхазской деревне получило значительное развитие[3].

В 20-х годах в абхазских селах население довольно часто устраивало особое земледельческое моление о вызывании дождя «Ацуныхва» или «акурбан». В 1927 году в селах Киндги, Эшера, Адзюбжа, Звандрипш, Каваклук, Гульрипш, Дранда и др. по инициативе попов, мулл и знахарей были устроены поселковые моления «Ацуныхва». Крестьяне делали складчину на покупку баранов, быков и вина, необходимых для проведения общественного моления. Как сообщают селькоры, во второй половине 20-х годов в некоторых селах крестьяне стали отказываться от участия в нем. В селении Калдахвара один крестьянин, выступив против пожертвования за дождь «господину богу», заявил, что «лучше он накормит десять голодных, чем выбросит добро даром»[4]. Писатель И. Когония сообщал, что большинство крестьян, участвовавших в «Ацуныхва», уже не верило в него, но «многим старикам просто неудобно было отказаться от участия в этом обычае старины»[5].

Крестьяне более строго соблюдали фамильные запретные дни. У некоторых фамилий было по 2 – 3 запретных дня на не-

[1] Газ. «Заря Востока», № 66, 6 сентября 1922 г.

[2] Г. Ф. Чурсин. Указ. работа, стр. 101.

[3] А. Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921-1929гг.), стр. 284.

[4] «Трудовая Абхазия», № 187, 20 августа 1926 г.

[5] «Советская Абхазия», № 172, 31 июля 1927 г.

делю. По суеверному обычаю в эти дни работать считалось грехом, запрещалось отдавать из дому что бы то ни было ни даром, ни за деньги, нельзя было жениться, выходить замуж, хоронить покойников. Сельский учитель коммунист Акакий Кукба в 1926 году писал, что некоторые отсталые деревенские коммунисты и комсомольцы в запретные дни не платили членские взносы во избежание нарушения обветшалых заветов старины[1].

В середине 20-х годов, по свидетельству Г. Ф. Чурсина, среди наиболее отсталых групп абхазского крестьянства еще встречалось воззрение, «по которому всякая болезнь есть наказание божества или духа за какую-либо провинность перед ним»[2]. При эпидемических заболеваниях (оспа и др.) крестьяне нередко считали грехом пригласить врача к больному. Они обращались к знахарю, мулле, гадалке. В представлении крестьянина, знахари способны были ублаготворить разгневанного бога и исцелить больного. Пользуясь этим, знахари одурманивали крестьян, обирали и эксплуатировали их. Например, в 1924 году в селе Блабурхва у трех крестьян заболели дети, и знахарка, к которой они обратились сообщила им, что пророк Золотой Зосхан прогневался на них. По ее совету родители зарезали большого козла под дубом, где в присутствии соседей она помолилась «всевышнему» Золотому Зосхану. За это родители дали знахарке 100 руб. деньгами и 4 коровы, а также «обязались по большим праздникам носить ей кур и прочую живность»[3]». Подобным образом знахаркой был обобран крестьянин и в селе Мугудзырхва[4]. А крестьянину А. Авидзба из села Аацы мулла объявил, что место, где он живет, «домовой не любит» и нужно переселиться. Газета писала, что этому крестьянину «приходится разоряться, бросать обработанную землю и насиженное место»[5]. В селе Ткварчели

[1] Ш.Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 559.
[2] Г.Ф. Чурсин. Указ. работа, стр. 207.
[3] Трудовая Абхазия», № 239, 24 октября 1924 г.
[4] Там же, № 233, 17 октября 1924 г.
[5] Там же, № 240, 25 октября 1924 г.

мулла сообщил сыновьям умершего крестьянина, что «злой дух вселился в душу покойного и страшно мучает ее» и, чтобы «избавить душу» покойного отца от беды, сыновья отдали мулле быка и выстроили ему казарму[1]. В те годы подобные факты нередко встречались в абхазской деревне.

Культурно-просветительные учреждения и вся советская общественность большое внимание уделяли борьбе против вредных религиозных предрассудков и суеверий, губительно отражавшихся на жизнь и быт отсталых элементов, отравлявших сознанию многих крестьян и отвлекавших их от активного участия в социалистическом строительстве.

Преодолению отсталости, росту культуры трудящихся способствовали просветительная работа и вся деятельность советских медицинских учреждений. Если до революции сельское население Абхазии было почти лишено медицинской помощи, то в 1921 поду в уездах Абхазии были восстановлены и расширены 4 больницы, а в селах открыты две новые больницы. Кроме того, были организованы 4 уездных амбулаторий и 37 сельских медицинских пунктов. За 1921 год они пропустили 32 тыс. больных[2]. В дальнейшем лечебное дело в деревне все более налаживалось. И 1928 году только по линии Наркомздрава в уездах имелись 7 больниц, 6 врачебных амбулатории, 23 фельдшерских и 13 врачебных пунктов, 17 аптек, малярийные пункты и т. д.[3] Там, где недавно господствовал знахарь, появлялись новые медицинские учреждения, оказывавшие бесплатную медицинскую помощь жителям села. Росла и просветительная работа медицинских работников. Врачи выступали с лекциями и докладами, устраивали собеседования, пропагандировали медицинские знания среди трудящихся. Все это способствовало завоеванию доверия крестьян к медицинскому делу. Крестьянин медленно, но неуклонно высвобождался от вредных услуг знахарей, га-

[1] «Советская Абхазия», № 203, 8 сентября 1927 г.

[2] Ш. Д. Гогохия. Здравоохранение в Абхазии. Сухуми, 1966, стр. 20.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 55.

далок, мулл. Председатель Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба в 1923 году в отчете правительства II съезду Советов, касаясь этого вопроса, говорил: «Чтобы завоевать доверие крестьянина к медицинскому делу, необходима была культурная работа. Все это Советская власть делает. Крестьянин теперь лучше относится к медицине. Больного теперь привозят в больницу, к нему приглашают врача»[1]. Обращаемость трудящихся за медпомощью составила в 1923 году 27% населения, в 1924 году – 32%, в 1925 – 50%, в 1926 – 72%, в 1927 году – более 90% населения[2]. В 1927 году в уездах Абхазии амбулаторных посещений было 268,4 тыс., а в 1929 году – 454,8 тыс.[3] Это являлось важным достижением советской медицины в абхазской деревне. Об этом в материалах X Абхазской областной партконференции, состоявшейся в ноябре 1928 года, сказано следующее: «Цифры об обращаемости населения Абхазии свидетельствуют о высоком доверии его к лечебным учреждениям, о том, что систематически из года в год изживается бич старой Абхазии – знахарство»[4].

Значительную работу в деревне проводило Абхазское общество Красного Креста, организованное в 1924 году под председательством Н. Лакоба. В 1926 году в обществе состояло 6 тыс. членов, а в 1930 году более 10 тыс. членов, объединенных в уездных и сельских комитетах[5]. Абхазское общество Красного Креста уже в 1926 году имело в сельской местности 14 амбулаторий, которые за год обслужили 20,6 тыс. больных. В каждом уезде Абхазии работало по 2 – 3 отряда врачей Красного Креста. Активисты его вели систематическую санитарно-просветительную пропаганду среди крестьян. В печати сообщалось, что «Абхазский Красный Крест организовал 17 санитарных

[1] «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов в (1922-1923гг.)», стр. 172.

[2] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 543, л. 297: ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 55.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 61, л. 20.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 55.

[5] Там же, оп. 2, 185, л. 22.

троек, ведущих просветительную работу в селениях и борьбу со знахарством»[1].

Абхазское общество Красного Креста с самого начала взяло курс на приобщение широких масс населения в оздоровительные мероприятия, прививало крестьянам сознание необходимости их обязательного участия в государственных мероприятиях по здравоохранению. И это дало положительные результаты. «Широкая крестьянская масса восприняла и вполне осознала эту необходимость, и она рука об руку с нами ведет работу по оздоровлению края»[2], – говорилось в отчете Красного Креста за 1926 год. Члены общества на селе были активными участниками похода за санитарную культуру быта. Они проявляли инициативу и самодеятельность в развитии сети медицинских учреждений. В доколхозной деревне Красный Крест на средства крестьян и при их активном участии построил лучшие для того времени Адзюбжинскую и Отобайскую сельские больницы, ряд амбулаторий, фельдшерских пунктов и аптек[3]. Крестьяне все более вовлекались в антималярийные мероприятия Красного Креста.

Значение активной заинтересованности сельского населения в развитии здравоохранения в деревне было огромно. И это, прежде всего, говорило о сдвигах в сознании крестьян, о росте культуры крестьянских масс, в чем значительную роль сыграли лечебно-профилактическая и просветительная деятельность медицинских работников в деревне.

В доколхозной абхазской деревне проводилась определенная работа и по развитию физической культуры и спорта[4]. В годы восстановительного периода в отдельных селах создаются пер-

---

[1] «Заря Востока», 14 апреля 1926 г.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 22.

[3] «Трудовая Абхазия», № 7, 10 января 1926 г.: Там же, № 124, 4 июня 1926 г.: «Советская Абхазия», № 50, 3 марта 1929 г.

[4] Подробнее об этом см. О. В. Вахания. Физическая культура и спорт в Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 80-84.

вые кружки физической культуры. Дальнейшему развертыванию этой работы способствовали недельники физической культуры, проводившиеся в 1926–1928 годах Абхазским обкомом комсомола и Абхазским советом физической культуры. В сельских кружках культивировались и народные игры. Крестьяне повсеместно занимались различными видами конного спорта. В 1925 году в Сухуме были проведены Всеабхазские национальные скачки[1]. Но в условиях доколхозной деревни работа по физической культуре в целом оставалась очень слабой. Она велась непланомерно и без четкой организации.

Эти годы были значительным этапом в перестройке общественного и семейного быта трудящихся крестьян. В различных областях быта деревни происходила коренная ломка, ожесточенная борьба нового со старым. Новое властно входило в быт деревни, его черты сказывались и проявлялись в самых различных сферах жизни.

Постепенно меняли облик абхазского села новые учреждения административно-общественного, производственного и культурного назначения: сельсоветы, клубы, избы-читальни, красные уголки, кооперативные товарищества и т. д. Началось строительство новых зданий, особенно для школ, больниц, амбулаторий, кооперативных лавок, табачных складов и т. д.

При активном участии крестьянства, кооперативных товариществ, кресткомов и общественных организаций строились сельские дороги. В наиболее крупных селах создавались почтовые пункты. Например, Кодорский исполком в конце 1924 года открыл новые почтовые пункты в селах Моква, Поквеши, Атара, Гуп и Джгерда[2]. Их сеть постепенно росла во всех уездах. В 1926 году письмоноши обслуживали 148 сел Абхазии[3].

2 августа 1927 года ЭКОСО ССР Абхазии обсудил вопрос «О телефонизации сельских местностей Абхазии», отметив при

[1] ЦГАА, ф. 54, д. 332, л. 59.

[2] «Трудовая Абхазия», № 27, 4 декабря 1927 г.

[3] Там же. № 127, 8 июня 1926 г.

этом важное общественно-политическое значение телефонизации сел. Уездным исполкомам было предложено произвести заготовку столбов и развозку их по линии. Проведение телефонной линии от горного села Цебельды до села Латы, протяженностью более 30 км было, возложено на Сухумский уездный исполком[1]. В этой работе принимали участие крестьяне. Например, в январе 1926 года в селе Атара Армянская крестьянский сход по инициативе кооперативного товарищества обсудил вопрос о проведении телефонной линии. Крестьяне обязались заготовить телефонные столбы. Все остальные расходы взяло на себя товарищество[2].

В быт крестьянской молодежи все прочнее входили избы-читальни, кино, радио. Все большее распространение получали формы общественного быта, связанные с различными мероприятиями, проводимыми клубами и общественными организациями. Уже с первых лет проводились чествования героев и передовых людей. В селе Репи Самурзаканского уезда летом 1921 года в честь героя гражданской войны Павла Дзигуа, погибшего в борьбе за Советскую власть, был устроен митинг-парад. Газета «Правда Грузии» об этом сообщала следующее: «У могилы П. Дзигуа оркестром был исполнен похоронный марш. Огромное количество сельчан с красными знаменами прошли мимо могилы революционера-коммуниста»[3]. Широко были отмечены юбилеи «деда абхазской школы» Фомы Христофоровича Эшба, видного деятеля культуры Машо Дадиани-Анчабадзе и др.

Широко отмечались государственные праздники – 7 ноября и 1 Мая. В праздничные дни как в городах, так и в селах происходили торжества. Крестьяне эти праздники отмечали собраниями, митингами, демонстрациями.

В городах и селах Абхазии ежегодно торжественно отмечались Международный женский праздник – 8 Марта и Международный

[1] ЦГАА, ф. 3, оп. 1, д. 134, лл. 16-17.

[2] «Трудовая Абхазия», № 32, 10 февраля 1926 г.

[3] «Правда Грузии», № 87, 17 июня 1921 г.

юношеский день (МЮД). Росло число женщин, участвующих в мероприятиях празднования 8 Марта. Например, в 1926 году на митингах и торжественных собраниях, посвященных женскому празднику, присутствовало в Сухуме 500 женщин, в Гудауте – 450, Очамчиры и Гали – по 400, Гагры – около 300, в Новом Афоне – более 100, в Дранде – около 100 женщин и т. д.[1] О том, как в августе 1925 года комсомольцы и пионеры двух соседних сел – Ачандара и Дурипш – провели праздник, посвященный МЮД, участник этого торжества Иван Аджба писал: «Вот, наконец, наступил и юношеский день. День радостный для молодежи. Стекается в Ачандара молодежь из Ачандарской и Дурипшской общин. Стройными рядами идут комсомольцы и пионеры на празднество. В час дня начинается шествие молодежи. Радостно смотрят крестьяне на бодрые, веселые лица своих детей. Хочется и им вновь стать молодыми»[2]. На митинге, который состоялся на ачандарской площади, с докладом «О значении и истории МЮД» выступил комсомолец 20-х годов Григорий Кадырович Аджба. Этот праздник стал любимым для молодежи Абхазии.

Торжественно отмечался Международный день кооперации. Кооперативные товарищества к этому празднику приурочивали открытие лавок, изб-читален, проведение различных культурно-просветительных мероприятий. 14 октября 1929 года в Абхазии был проведен новый колхозный праздник – День урожая и коллективизации. Во многих селах состоялись крестьянские сходы. В этот день из Сухума в деревни было направлено 15 агитколонн, из Гудауты – 7, из Очамчира – 9 и т. д. Они проводили среди крестьян разъяснительную работу по вопросам колхозного строительства, расширения посевных площадей, повышения урожайности, помогали крестьянам укреплять существующие колхозы и организовать новые[3].

---

[1] Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 2204, л. 219.

[2] Б. Сагария. Вся жизнь народу. «Советская Абхазия», № 186, 24 сентября 1968 г.

[3] А.Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР (1921-1929 гг.), стр. 367.

В подготовке и проведении праздников в деревне участвовали и городские профсоюзные и комсомольские-организации. Они выделяли докладчиков, а также различную литературу для крестьян и сельских школ, которая вручалась им представителями профсоюзов в праздничные дни[1].

Преобразования в социально-экономической и культурной жизни, проведенные в 1921–1929 годах, не успели еще глубоко проникнуть в семейный быт, чтобы изменить веками установившиеся обычаи и обряды. Однако все же они коснулись быта и подорвали патриархально-феодальные устои.

Многие бедняки и середняки вместо пацхи выстроили новые дома. За 1921–1927 годы в деревне было воздвигнуто 3 567 новых домов[2]. Фабричные ткани и другие промышленные товары постепенно вытесняли домотканые материалы. Изменился характер утвари. Реже стала использоваться посуда из дерева и глины. В домах крестьян все чаще появлялись швейные машины, часы, книги, журналы, газеты.

Однако в целом быт деревни оставался рутинным, еще сильно давили старые традиции, привычки. Они были живучими и цепкими. И только колхозный строй мог создать необходимые условия для их преодоления. Нужны были еще долгие годы упорного труда, чтобы преобразовать быт деревни, радикально поднять культурный уровень крестьянства.

***

В доколхозной абхазской деревне все без исключения участки культурного фронта – развитие школьного образования, ликвидация неграмотности, политико-просветительная работа в массах, развитие шефской помощи, борьба с религиозными предрассудками и вредными обычаями и нравами в быту и культуре

[1] Д. Гогохия, А. Куправа. Из истории Абхазской организации КП Грузии. 1921-1929 гг. Тбилиси, 1969, стр. 60-61.

[2] ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 928, л. 17.

и т. д. – развивались под благотворным воздействием ленинских принципиальных указаний, определявших пути и задачи культурной революции в стране.

Партийные организации Абхазии, руководя культурным строительством в деревне, творчески использовали опыт Российской федерации, формы и методы культурно-преобразовательной работы в массах, проверенные в братских советских республиках.

Абхазский народ, все трудящиеся Абхазии получали всестороннюю помощь со стороны русского, грузинского и других народов в борьбе за преодоление экономической и культурной отсталости. Огромно было значение этой помощи в решении задач культурного строительства. Она значительно облегчала преодоление трудностей, встречавшихся в этой области.

Созданные Коммунистической партией и Советской властью новые школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, красные уголки, газеты, книги, кино и т. д. выражали коренные интересы трудящихся, несли в деревню свет и знание, постепенно высвобождали новые и новые массы крестьянства от отсталости и темноты, поднимали в них чувство собственного достоинства, вовлекали в активную общественно-политическую и культурную жизнь. Пробуждавшиеся массы крестьянства жадно тянулись к знаниям, к культуре. В этом В. И. Ленин видел жизнеутверждающую основу советской социалистической культуры. Владимир Ильич писал: «...Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас»[1]. Эти слова великого В. И. Ленина полностью подтверждены практикой строительства советской культуры.

[1] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 364-365.

Социально-экономические и культурные преобразования, происходившие в доколхозной деревне, повысили политическую сознательность значительной части крестьянства. Под руководством и влиянием партийных и комсомольских организаций наиболее передовые представители крестьянства укрепляли Советы, кооперацию, кресткомы, союз работземлес и другие организации. С каждым годом расширялся крестьянский актив, крепла советская общественность в деревне.

С повышением политической сознательности крестьянства, рос его интерес к международным и внутриполитическим событиям. Лучшие представители крестьянства поднимались до понимания общегосударственных интересов. В этом отношении интересна речь убеленного сединой абхазского крестьянина Джсипа Матуа на сессии: ЦИК СССР в апреле 1924 года, который вдохновенно говорил о больших перспективах экономики и культуры Абхазии – об освоении природных богатств, строительстве железной дороги, школьных зданий, больниц, о развитии субтропического сельского хозяйства, подготовке специалистов. Далее он отметил: «Теперь мы начали все это строить... Без помощи, без поддержки братских республик мы ничего сделать не можем. Если же помощь нам будет оказана, она не пропадет даром, ибо Абхазия богата. Эти богатства имеют общесоюзное значение, и то, что будет затрачено на Абхазию, возвратится сторицею»[1]. Так звучала абхазская речь крестьянина в парламенте СССР. Она не была ограничена рамками интересов абхазской деревни, а была проникнута пониманием общих интересов страны.

Однако было бы глубоко ошибочно преувеличивать степень политической грамотности крестьянства, забывать о большой еще культурной отсталости деревни. Мелкотоварный способ производства сдерживал развитие производительных сил в сельском хозяйстве, ограничивал культурный рост трудящих-

[1] «Заря Востока», 17 апреля 1926 г.

ся деревни, суживал их культурные запросы, не создавал необходимых организационных и материальных предпосылок для широкого развития культурно-просветительной и другой массовой работы. В условиях господства мелкотоварного хозяйства стремление крестьян к развитию своего хозяйства способствовало тому, что основная часть крестьянства замыкалась в рамках своего хозяйства, сосредотачивала свои силы и помыслы в кругу узких, мелкособственнических интересов и лишь наиболее передовая часть бедняцко-середняцкого крестьянства, постепенно осваивая политику партии и следуя ее указаниям, все более и более включалась в активную общественно-политическую жизнь.

Культурно-преобразовательная работа, проводившаяся в деревне, являлась неразрывной частью общего процесса культурной революции. Без этой работы нельзя себе представить процесс подготовки условий для коллективизации сельского хозяйства.

Успехи на культурном фронте, достигнутые в эти годы, явились прочной основой, на которой в период коллективизации сельского хозяйства партия развернула борьбу за новые, еще более грандиозные культурные преобразования, за дальнейшие успехи культурной революции.

Ныне абхазская деревня – это социалистическое село с высокой культурой населения. Неоценимую роль в становлении и развитии социалистической культуры на селе сыграл колхозный строй. Он принес крестьянству новую жизнь, свободную от эксплуатации, нищеты, постоянного страха за себя, за семью, за хозяйство, навсегда покончил с разобщенностью сельских тружеников. «Колхоз избавил крестьянина от тяжелого прошлого, – говорил Л. И. Брежнев в речи на Третьем Всесоюзном съезде колхозников, – дал ему прочное место в жизни, сделал хозяином своей судьбы. А это, товарищи, великое дело!»[1].

[1] «Торжество ленинского кооперативного плана. – Материалы Третьего Всесоюзного съезда колхозников. Ноябрь 1969 г.». М., 1969, стр. 19.

Советское колхозное крестьянство, рожденное и выросшее в результате осуществления ленинского кооперативного плана, – верный союзник рабочего класса, вместе со всем народом решает задачи коммунистического строительства. А это значит, что по степени своей политической зрелости, по уровню культуры, характеру, психологии колхозное крестьянство достигло больших высот. По данным переписи населения 1970 года больше половины сельского населения окончило среднюю или высшую школу. В девятой пятилетке намечено завершить введение всеобщего среднего образования.

Появление большого отряда сельской интеллигенции, повышение культурно-технического уровня колхозников, развитие в сельской местности широкой сети культурных и просветительных учреждений – все это ведет к расширению связей между городом и деревней в области культуры. Ныне деревня не только широко использует культуру, которую дает ей город, но и развивает ее сама, обогащая общую культурную сокровищницу страны.

Рецензии

О КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ДЕРЕВНЕ

Культурная революция – важное условие успешного строительства социализма, она создает для него необходимые духовные предпосылки.

В. И. Ленин указывал, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество невозможно: «Безграмотный человек стоит вне политики, его скачала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика».

Практика показала, что без осуществления культурных преобразований, повышения культуры народных масс нельзя решить ни одной важной задачи социалистического строительства. И не случайно поэтому историки и другие исследователи в области общественных наук больше внимания стали уделять проблеме культурного строительства в нашей стране.

Как в специальных трудах, так и в общей литературе по истории советской культуры культурное строительство в советской деревне нашло известное отражение. В последние годы опубликованы и отдельные социологические исследования по указанной проблематике. В целом же история развития культуры в советской деревне остается одной из малоизученных областей науки. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в историографии советской культуры пока нет ни одного фундаментального труда на эту тему. В этом плане рецензируемая нами работа А. Э. Куправа «Культурное строительство в абхазской деревне (1921–1929 гг.)», выпущенная издательством «Алашара» в 1973 году, представляет большой научный интерес. Ее можно рассматривать как первую и, на наш взгляд, удачную попытку научного исследования указанной выше проблемы. В книге на основе большого конкретно-исторического материала исследуется многогранная деятельность Коммунистической партии и Советской власти по культурному строительству в деревне.

В работе автор показал, какое тяжелое наследие досталось Советской власти в области культуры. Большое внимание в книге уделяется истории борьбы с массовой неграмотностью и малограмотностью среди населения, при помощи интересных таблиц иллюстрируется рост сети ликбеза, участие партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций в ликвидации неграмотности и малограмотности.

В Абхазии к началу первой пятилетки неграмотных в возрасте от 15 до 39 лет было свыше 47 тысяч человек, т. е. 58,5 процента всего населения этих возрастов. По пятилетнему плану Наркомпроса Абхазии намечалось обучить грамоте 24,9 тысячи человек и еще 5,7 тысячи малограмотных вовлечь в школы. 1929-30 учебный год в деле ликвидации неграмотности в Абхазии стал переломным. По данным Наркомпроса республики, в этом учебном году работали 306 ликпунктов и 121 школа для малограмотных. В борьбе с неграмотностью видную роль сыграло Абхазское инициативное общество «Долой неграмотность» («Аюра, апхиара» — «Цера- китхва»), активными организаторами которого были С. Чанба, А. Чочуа, Р. Гогохия, И. Меладзе, З. Агрба и другие. Автор тепло рассказывает о таких деятелях народного просвещения, как А. Логуа, А. Лабахуа, Ф. Тория, П. Накопил, Х. Капш, М. Тарба, С. Мурадян и другие, много сделавших для ликвидации неграмотности среди населения Абхазии.

Значительное место в рецензируемой работе отводится школьному образованию. На основе большого фактического материала А. Куправа показывает, как развивалась школьная сеть в Абхазии, создавалась ее материальная база, как в годы восстановительного периода и начала социалистической реконструкции народного хозяйства осуществлялись подготовка и переподготовка педагогических кадров.

Автор отмечает ту большую братскую, бескорыстную помощь, которую оказывали Абхазии в налаживании дела народного образования РСФСР и Грузинская ССР. Еще в первые дни Советской власти, как сообщала газета «Правда Грузии», в адрес Абхазского Наркомпроса прибыло «свыше ста пудов учебников, бумаги, тетрадей и пр.,

которые отпущены Советской Россией для Абхазии совершенно без всякого вознаграждения». В 1924 году заместитель наркома по просвещению А. Чочуа писал в СНК Абхазии следующее: «В бытность мою в Москве нарком просвещения А. Луначарский обещал отпустить Абхазии с большой скидкой достаточное количество новых учебников. Известно, что тов. Луначарский исполнил свое обещание, отпустив более 25 тысяч учебников». Постоянно поступали учебники для грузинских и армянских школ из Тбилиси и Еревана.

Большую заинтересованность в развитии школьного образования проявляло и само крестьянство. Сельские жители помогали в строительстве школ, открывали общественные школы, нередко содержали и учителей государственных школ. В книге показано неудержимое стремление народных масс к знаниям, вызванное социалистической революцией. Выражая мысли и чаяния трудового народа, член ЦИК Абхазии, крестьянин из села Хуап Гудаутского уезда Дмитрий Анкваб на сессии ЦИК Абхазии (1925 г.) говорил: «Человек без образования не может быть членом свободной республики. Я уверен, что без образования не может существовать ни государство, ни правильное народное хозяйство». Он призывал крестьян всячески поддерживать мероприятия Советского государства, направленные на развитие всеобщего народного образования.

В труде названы имена видных представителей народного просвещения Абхазии – С. Чанба, А. Чочуа, С. Басария, П. Шакрыл, К. Дзидзария, Г. Алан, Н. Таркил, Д. Барциц, П. Гогия, Н. Киртбая, А. Кукбая, Ф. Эшба, С. Саманджия, В. Харазия, М. Кварчелия, М. Цаава, М. Каландия, Ю. Бобуа и других, которые с первых же дней Советской власти самоотверженно занимались организацией и развитием советской школы в республике.

Значительное внимание уделено в книге, введению всеобуча, мероприятиям по его осуществлению, созданию и укреплению национальных школ, подготовке кадров учителей. Здесь же помещены таблицы, показывающие динамику развития школьной сети, контингента учащихся и учителей.

В заключительной части рассматриваются политико-воспитательная работа в доколхозной абхазской деревне, становление и раз-

витие советской системы культурно-просветительных учреждений, раскрывается деятельность изб читален, клубов, красных уголков и их роль в политическом воспитании крестьян, прослеживается, как происходило продвижение в деревню книг и газет, кино и радио; дается характеристика шефской помощи деревне, отмечаются трудности в культурно-просветительной работе на селе, рассказывается о борьбе с религиозными предрассудками, вредными традициями и обычаями; обобщается культурно- просветительная деятельность партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных, женских и других общественных организаций.

Автор должное внимание уделил и вопросам развития советской печати в Абхазии, ее значению в пропаганде идей Советской власти, в интернациональном воспитании трудящихся, в решении политических, хозяйственных и культурных задач. Безусловным достоинством книги является то, что в ней хорошо раскрыта руководящая роль Абхазской областной партийной организации в развитии народного образования и культуры.

На наш взгляд, А. Э. Куправа удалось ярко воспроизвести славную страницу борьбы партии за развитие социалистической культуры в абхазской доколхозной деревне. Книга, безусловно, вызовет живой интерес широкого круга читателей и научной общественности.

Б. САГАРИЯ,
кандидат исторических наук
Газета «Советская Абхазия», 18 июня 1974.

А. Э. Куправа
КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929 ГГ.)
Сухум. Изд-во «Алашара». 1973.

Проблемы культурного строительства деревни привлекают к себе внимание, особенно в последние годы, специалистов всех общественных наук – историков, философов, социологов, экономистов, этнографов и других, работающих как в крупных научных центрах, так и на периферии[1]. Значительная часть этих работ посвящена исследованию социальной структуры сельского населения, его общеобразовательного и культурно-технического уровня, роли города в повышении культуры села, состояния материальной базы, содержания, форм и методов работы культурно-просветительных учреждений. К числу таких изданий относится и рецензируемая книга, автор которой обобщил опыт партийного и государственного руководства работой по ликвидации культурной отсталости сельского населения Абхазии.

Культурная революция в каждой союзной и автономной республике происходила, как известно, на основе общих закономерностей, представляла собой процесс, характерный для всех народов нашей страны, вступивших на путь социалистического развития. Но вместе с тем этот процесс имел и свои специфические особенности, обусловленные уровнем культурного развития республики или области, а также другими конкретными историческими условиями. Автору удалось убедительно подтвердить не только закономерности, но и показать те трудности культурного преобразования абхазской деревни, которые были связаны с преодолением ее отсталости, ярко выраженных феодальных пережитков и религиозных предрассудков. Один из главных аспектов работы заключается, таким образом, в исследовании деятельности КПСС и Советского государства по преодолению фактического неравенства народов, выравниванию их хозяйственного и культурного развития.

[1] См. «Культурное строительство современной советской деревни (Библиография. 1969–1972 гг.)». М. 1973.

Изучение и обобщение советского опыта борьбы за осуществление культурной революции представляет серьезный научный интерес. Оно раскрывает содержание, формы и методы работы партии и государства, практические результаты этой работы, вылившейся в расцвет социалистической по содержанию, национальной по форме и интернационалистской по своему духу культуры народов ранее отсталых национальных окраин России. Практическое значение подобного рода работ состоит также в том, что анализ пройденного пути дает богатый материал для глубокого понимания культурных процессов, происходящих в современном селе, для совершенствования партийного и государственного руководства этими процессами, ибо, как указывал В. И. Ленин, «нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов» [1].

В книге достаточно полно освещается деятельность партийных организаций и государственного аппарата в центре и на местах по осуществлению декрета Ревкома Абхазии «О ликвидации безграмотности среди населения ССР Абхазии», разработанного на основе соответствующего ленинского декрета и принятого в республике 12 декабря 1921 года. В советской историографии есть уже немало работ, посвященных теме ликвидации неграмотности среди населения, в том числе и сельского. В определенной мере изучена эта проблема и применительно к Абхазии[2]. Автору удалось, однако, существенно углубить и расширить исследование, раскрыть многоаспектность этой работы. Так, в поле зрения А. Э. Куправы находятся социально-экономические особенности изучаемого периода и их влияние на организацию работы по ликвидации неграмотности, становление и развитие государственного и общественного аппарата управления системой народного просвещения во всех его звеньях, партийная печать, комсомол, учительство, крестьянская

[1] **Ленин** В. И. ПСС. Т. 44, стр. 205.

[2] См. В. И. Нарсия. Советская школа в Абхазии (1921—1931 гг.) Сухуми. 1956; А. К. Адлейба. К истории культурного строительства в Абхазии (1921—1937 гг.). Сухуми. 1961; А. Э. Куправа. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921—1925 гг.). Сухуми. 1961, и др.

общественность и их роль в решении задачи ликвидации неграмотности.

Книга содержит богатый материал по вопросам школьного строительства в абхазской деревне первых советских лет, по превращению школы в орудие социалистического преобразования общества. В ней немало информации о руководителях отдельных участков культурного фронта Абхазии, в частности, о первых руководителях наркомата просвещения республики (С. Я Чанба и А. М. Чочуа), первых советских учителях и организаторах сельских школ (В. Агрба, В. Аргун, В. Саджая, Т. Козмава, С. Басария и др.).

А. Э. Куправа рассматривает содержание и формы деятельности культурно-просветительных учреждений среди крестьянства в годы восстановительного периода и в годы, непосредственно предшествовавшие началу коллективизации в абхазской деревне. В основе подхода к изучению организации системы культурного обслуживания сельского населения лежит ленинское положение о необходимости долгой и упорной работы по воспитанию политической сознательности масс, которой сильно пролетарское государство, о тесной связи культурно-политического просвещения масс с вопросами хозяйственного строительства, ленинский план производственной пропаганды. К сожалению, автору не всегда удавалось избежать традиционности в описании деятельности культурно-просветительных учреждений (речь идет о схеме: клуб – мероприятия в нем – число присутствовавших). Однако привлеченный автором фактический материал: работа изб-читален и клубов, кинопередвижек, культурное шефство города над абхазской деревней, периодическая печать – позволяет судить не только о размахе всей работы, но и о формировании у крестьян потребности в приобретении знаний, приобщении к культуре.

В работе использованы весьма разнообразные и интересные источники, в том числе приведено более 220 документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Наиболее ценным представляется широкое использование материалов, выявленных в ЦГА Абхазской АССР, архиве Абхазского обкома КП Грузии, ЦГА0Р Грузинской ССР, архиве Абхазского института языка, лите-

ратуры и истории имени Д. Гулиа АН Грузинской ССР. Используя декреты, постановления, официальные материалы к годовым отчетам правительства Абхазии, А. Э. Куправа убедительно и ярко характеризует работу государственных органов республики, которые, руководствуясь опытом Советской России и учитывая местные условия, практически строили новую систему народного образования и культурно-просветительной деятельности. Всесторонне исследованы автором многочисленные партийные документы и материалы уездных партийных конференций, результаты обследований уездных и сельских партийных организаций, проведенных в республике в 1924 и 1925 гг., а также отчеты, обзоры, докладные записки и другие документы уездных ревкомов, исполкомов, отделов народного образования. Привлечение конкретных сведений позволило автору детально проанализировать практику организации на местах работы по ликвидации неграмотности, по созданию новых культурно-просветительных учреждений, на примере маленького народа еще раз показать пробуждение невиданных творческих сил трудящихся.

Строгое следование архивным документам позволило исследователю проверить некоторые противоречивые сведения и цифровые данные о деятельности ликбезов и культурно-просветительных учреждений. Используя эти документы, А. Э. Куправа на фоне важнейших процессов социалистического строительства абхазской деревни подробно обрисовал культурно-просветительную работу в отдельных селах, отмечая при этом ее положительные стороны, трудности и недостатки. Последнее особенно важно, поскольку дает возможность современному читателю и тем болёе практическому работнику культуры не только узнать о специфике первого периода деятельности советских учреждений культуры и народного образования, но и учитывать их опыт.

К сожалению, работе недостает выводов о том, какие действенные формы, методы деятельности партийных организаций, советских органов и учреждений культуры республики сохранились и развились сегодня, какие практические результаты это дает Представлялось бы также целесообразным более четкое хронологиче-

ское прослеживание событий внутри рассматриваемого автором периода, что позволило бы создать еще более впечатляющую картину поступательного движения абхазской деревни по пути культурного роста.

В целом же на суд читателя вынесено весьма интересное исследование.

Т. А. Кудрина
Журнал «Вопросы истории», г. Москва, 1974г. №6. С. 162-164.

Содержание

Предисловие……390

Глава первая. БОРЬБА ЗА ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ……393
Тяжелое наследие……393
Первые шаги по преодолению массовой неграмотности……396
Ликбез в период подготовки перехода к массовой коллективизации……418

Глава вторая. РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ……442

Глава третья. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ И ПОЛИТИКО-МАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ КРЕСТЬЯН……480
Культурно-просветительная работа в деревне в годы восстановительного периода (1921–1925)……480
Культура-просветительная работа в деревне в 1926–1929 годах……..521

Рецензии……561

КУПРАВА А. Э.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929 ГГ.)

Издательство «Алашара»
Сухуми – 1984

Введение

В предлагаемой работе доктора исторических наук, профессора Куправа А. Э., на основе широкого круга архивных и опубликованных материалов, исследуется классовая борьба в доколхозной абхазской деревне. В ней показаны основные этапы, формы и направления классовой борьбы в национальной деревне, методы руководства рабочего класса колеблющимися, промежуточными массами крестьянства. Работа дает представление о том, как осуществлялись ликвидация класса помещиков, ограничение и вытеснение кулачества, укрепление бедняцко–середняцкого блока и союза рабочего класса и трудового крестьянства.

Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы занимает особое место в идейном арсенале научного коммунизма. Она вооружает рабочих и всех трудящихся сознанием непримиримости их классовых интересов интересам эксплуататоров. Она дает ключ к учению о диктатуре пролетариата, избавляет от ошибок в политике и идеологии.

Свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата ни в коей мере не означает прекращения классовой борьбы, ее исчезновения. Напротив, в переходный период от капитализма к социализму, который является «периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом – или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»[1], решается исторический вопрос «кто – кого?».

В. И. Ленин дал научный анализ коренных изменений сущности и форм классовой борьбы в условиях диктатуры пролетари-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 271.

ата. «Классовая борьба, – писал он, – не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы... Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это – особые задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить»[1].

Противоборство между старым и новым, между нарождающимся коллективистски-трудовым укладом хозяйства и образом жизни и упорно сопротивляющимися эксплуататорско-частнособственническими традициями и элементами принимает разнообразные формы, пронизывает всю общественную жизнь. Это подчеркивается в ленинском определении диктатуры пролетариата, содержащем перечень форм классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества»[2].

В крестьянской стране более масштабными и сложными являются задачи диктатуры пролетариата, многообразны формы, направления и фронты классовой борьбы, наиболее острыми является сопротивление капиталистических и докапиталистических элементов, привычек, традиций. «Диктатура пролетариата, – писал В.И. Ленин, – есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране), и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе при-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 279–280.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

вычки, в силе мелкого производства. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, – войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли»[1].

Если по отношению к буржуазии главная задача диктатуры пролетариата состоит в насильственном подавлении ее сопротивления (хотя это не исключает и других ненасильственных методов воздействия), то по отношению к мелкобуржуазным массам, мелким собственникам задачи диктатуры пролетариата заключаются в созидательных, воспитательных функциях, методами убеждения добиваясь вовлечения их в строительство социализма. Мелких товаропроизводителей, – писал В. И. Ленин, «нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»[2].

Ленинский кооперативный план открыл крестьянству верную дорогу к социализму. В доколхозной советской деревне Коммунистическая партия и советское государство провели огромную работу по подготовке условий для производственного кооперирования крестьянства. Системой целенаправленных хозяйственных, политических и культурно-преобразовательных мероприятий Советская власть преодолевала противоречия, существовавшие между рабочим классом и крестьянством, на основе расширения общности их интересов и укрепляла союз этих двух классов. В ходе развития и совершенствования союза рабочих и крестьян усиливалась руководящая роль рабочего класса в этом союзе, расширялись возможности осуществления социалистических преобразований в деревне, соответственно

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

постепенно уменьшалась возможность развития ее по капиталистическому пути. Весь этот процесс был пронизан классовой борьбой, в которой рабочий класс, обеспечивавший социалистическую тенденцию развития деревни, проводил политику опоры на бедноту, прочного союза с середняком и непримиримой борьбы с кулаком, подавления его сопротивления.

История классовой борьбы в доколхозной деревне нашла отражение как в общих, так и специальных работах. В ее трактовке наметились два подхода. В широком смысле история классовой борьбы совпадает с историей общества переходного периода, когда противоборство старого и нового определяет весь ход исторического развития. В таком аспекте исследуется классовая борьба в трудах И. Я. Трифонова, Н. А. Ивницкого, Л. И. Боженко, В. А. Сидорова[1]. Широкий подход позволяет глубже понять закономерности эпохи, ее специфику, выяснить динамику и соотношение основных форм классовой борьбы в переходный период.

Второй подход к разработке истории классовой борьбы в доколхозной советской деревне состоит в изучении конкретных форм непосредственного столкновения социальных сил – классовой борьбы в узком смысле. Внимание историков-аграрников привлекли наиболее яркие и острые формы классовой борьбы в деревне. Характеристика литературы о классовой борьбе в деревне в нашей историографии уже дана, поэтому на ней не будем останавливаться[2]. Только отметим, что, несмотря на значи-

---

[1] Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921 – 1937). М., 1960; его же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Ивницкий Н. А. Классовая борьба и деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932). М., 1972; Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919-1927 гг.). Томск, 1969; Сидоров В. А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921 – 1929 гг. М., 1978 и др.

[2] См.: Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. – В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971, с. 2251–234; Волков И. М., Вылцан М. А., Данилов В. П.,

тельные успехи в освоении данной проблематики, исследование узловых моментов классовой борьбы в деревне еще нуждается в дальнейшем развертывании.

История классовой борьбы в доколхозной грузинской деревне, и том числе и деревне Абхазии, еще не была предметом специального исследования.[1] В широком плане история классовой борьбы в доколхозной абхазской деревне рассматривается в книгах автора данного труда, посвященных проблемам истории деревни и крестьянства республики 20-х годов[2]. В предлагаемой работе освещаются основные формы и направления классовой борьбы в национальной деревне, показаны методы руководства пролетариата колеблющимися, промежуточными массами крестьянства, всевозможные средства сопротивления вражеских сил революционным преобразованиям Советской власти, меры подавления этого сопротивления.

Работа дает представление о том, как в доколхозной абхазской деревне проходили ликвидация класса помещиков, ограничение и вытеснение кулачества, частного торговца и спекулянта. В ней прослеживается укрепление бедняцко-середняцкого блока в деревне и союза рабочего класса (в лице диктатуры пролтеариата) и трудового крестьянства Абхазии.

Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кобанов В. В. Советская историография социалистического преобразования деревни и развития сельского хозяйства–В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. I, Советский период, М., 1978, с. 102–129; Волков И. М., Дмитренко В. П., Зеленин И. Е., Кобанов В. В. Аграрная история советского общества. - В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами. М., 1982, с. 140–171.

[1] Историографический обзор этой литературы см.: Шария С. И. Некоторые вопросы коллективизации и колхозного строительства в Грузинской ССР. Сухуми, 1978.

[2] Куправа А. Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921 –1925 гг.). Сухуми, 1959; его же. История кооперации Абхазской АССР (1921 – 1929 гг.). Тбилиси, 1968; его же. Абхазская деревня на пути к социализму (канун коллективизации 1926–1929 гг.). Тбилиси, 1977; его же. Культурное строительство в абхазской деревне (1921 –1929 гг.). Сухуми, 1973.

Оказывая всяческое сопротивление мероприятиям Советской власти, эксплуататорские классы стремились использовать осталость крестьянских масс, пережитки докапиталистических отношений, псевдородственные связи, авторитет почетных стариков, частично сохранившееся влияние бывших князей и дворян на крестьян и т.д. В работе показано, как партийные и советские организации разоблачали уловки реакционных сил, старавшихся извратить сущность мероприятий революционной власти, затушевать классовый характер борьбы, происходившей в деревне.

Характер и острота классовых противоречий на разных этапах развития абхазской деревни определялись сложным переплетением классовых интересов в ней, особенностями ее социального расслоения. Обострение борьбы внутри самого крестьянства, резкое столкновение трудящегося крестьянства и кулачества происходит в ходе осуществления советской земельной политики, во время меньшевистской авантюры 1924 года и после XV съезда ВКП(б), когда усилилось наступление на капиталистические элементы.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1921–1925 ГГ.)

Октябрьская революция уничтожила политическое и экономическое господство капитализма в нашей стране и передала государственную власть в руки рабочего класса и трудящегося крестьянства. Проведением в жизнь ленинского декрета о земле был экспроприирован, то есть лишен экономических источников существования класс крупных земельных собственников – помещиков. Национализация промышленности, банков, транспорта, торговых предприятий покончила с крупной империалистической буржуазией.

В период гражданской войны и интервенции свергнутые классы потерпели поражение в вооруженной борьбе. Положение капиталистического класса в Стране Советов коренным образом изменилось. Буржуазия лишена всяких политических прав, отстранена от участия в государственных делах, превратила в класс подчиненный и подавляемый. В качестве эксплуататорского класса она находилась в антагонистических отношениях с рабоче-крестьянской государственной властью.

Ко времени установления Советской власти в Абхазии уже имелся богатый опыт коренных революционных преобразований, проведенных государством диктатууры пролетариата в Советской России. Приступая к социалистическому строительству, коммунисты Абхазии опирались на уроки и итоги классовых битв в Советской России, на поддержку всех советских республик. Однако российский опыт надо было использовать творчески, с учетом местных особенностей и новой международной обстановки. Указывая на это, В. И. Ленин 14 апреля 1921

года писал коммунистам Кавказа о том, что надо «не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917–1921 годов»[1]. В. И. Ленин настойчиво рекомендовал проявлять «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству»[2]. Определяя задачи политики в экономически отсталых республиках Кавказа, В. И. Ленин писал: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму–вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики»[3].

Начало социалистического строительства в Абхазии, совпало с переходом советских республик к новой экономической политике (НЭПу). Указания и советы В. И. Ленина позволили партийным и государственным органам республики избежать ошибки, обеспечить осуществление правильной классовой линии при проведении новой экономической политики в своеобразных условиях Абхазии.

С переходом к новой экономической политике буржуазия была допущена диктатурой пролетариата к временному, условному и ограниченному сотрудничеству в хозяйственном строительстве. По этому поводу В.И. Ленин в январе 1923 года писал: «Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «непманы», т. е. буржуазия»[4].

Привлечение буржуазии к хозяйственному сотрудничеству с рабоче-крестьянской властью не исключало, а напротив, предполагало непримирую борьбу между ними. В первый период

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 199.
[3] Ленин К. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 193.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 387,

нэпа социалистическое государство проводило в отношении капиталистических элементов политику ограничения, вытеснения и в то же время использования их хозяйственно-организаторского опыта. Буржуазия же надеялась приспособить диктатуру пролетариата к своим классовым потребностям и осуществить реставрацию капитализма в СССР. В марте 1922 года В. И. Ленин говорил о последнем и решительном бое «с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается»[1].

Если в период гражданской войны центр тяжести классовой борьбы находился на полях сражений и тогда вопрос «кто–кого?» решался вооруженным путем, то в условиях мирного хозяйственного строительства центр тяжести классовой борьбы передвинулся в область экономики. Главным врагом рабочего класса и трудящегося крестьянства в это время являлась новая буржуазия и ее союзник – кулачество. За их спиной стояли остатки разбитых революцией классов и все реакционные силы страны. Они пользовались поддержкой и со стороны капиталистического окружения.

В Абхазии промышленный пролетариат почти отсутствовал. Абхазия была крестьянской. Поэтому у Советской власти здесь не было твердой пролетарской опоры. Однако такие революционные преобразования, как национализация промышленности, аграрная реформа, ленинское разрешение национального вопроса, создание национальной государственности и другие, выражавшие коренные интересы широких трудящихся масс, создали в среде крестьянства необходимую социальную опору для диктатуры пролетариата. Коммунистическая партия при проведении мероприятий революционной власти опиралась на бедняцко-середняцкое крестьянство, поэтому эти мероприятия, несмотря на сопротивление классового врага, успешно претворялись в жизнь.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч . т. 45, 83.

В ходе осуществления первых аграрных преобразований мероприятия Советской власти встретили ожесточенное сопротивление классовых врагов. Борьба с феодальными пережитками и кулачеством вызвала обострение борьбы в абхазской деревне. Конфискация и распределение земли осуществлялись в условиях острого сопротивления ликвидируемого класса помещиков, которое проявлялось в самых разнообразных формах. Враги народа, цепляясь за малейшую возможность, пытались повернуть деревню вспять. Они прибегали к убийствам, поджогам, вредительству, к разжиганию земельных споров между крестьянами, отдельными селами, пытались запугать население всевозможными слухами, угрозами и жалобами, используя для этого деревенских кулаков. В своем отчете за 1921 год земотдел Гумистинского уездного ревкома отмечал: «Беднота остается удовлетворенной, и если раздаются голоса недовольствия и протеста, то это исходит от бывших крупных землевладельцев»[1]. «В нынешнем году, – читаем в газете «Голос трудовой Абхазии», – все жалобы, поступающие из Самурзаканского уезда исходят со стороны князей, кулаков и бывших владельцев. Это лучше всего говорит за то, что Советская власть относится к земельному вопросу так, как и следует рабоче-крестьянской власти»[2].

Помещики и дворяне никак не хотели примириться с потерей владений и всячески пытались возвратить конфискованные земли. Характерно в этом отношении заявление бывшего дворянина Л. Хахубия, проживавшего в г. Очамчира, который в этом заявлении, поданном в СНК Абхазии, свои «законные» претензии на бедийское имение мотивировал так: «На моих руках, кроме многочисленных бедных родственников, которым я помогаю в нужде, находятся жена и шесть малолетних детей»[3]. Кто были эти многочисленные бедные родственники, которым он «помогал» в нужде, нетрудно понять.

---

[1] Центральный государственный архив Абхаской АССР (далее ЦГАА), ф. 365, д. 4, л. 5.

[2] Голос трудовой Абхазии. 1922, 1 июля.

[3] ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 349, л. 13.

Бывали случаи, когда отдельные работники Наркомзема, минуя местные земельные органы, непосредственно решали вопрос о возвращении помещику отобранной земли. Подобные факты резко осуждались. В частности, IV Гумистинская уездная партийная конференция, состоявшаяся в феврале 1923 года, потребовала немедленного «прекращения такого ненормального явления». А что касается вопросов, уже разрешенных непосредственно Наркомземом без Гумземотдела, конференция настаивала «вновь пересмотреть… начав с разбора дела в Гумземотделе»[1].

Бывшие помещики и другие частные земельные собственники пытались подорвать земельную политику Советского правительства и путем нарушения запрета о продаже земли. Интересен в этом отношении факт, изложенный в заявлении крестьянина-бедняка села Река Самурзаканского уезда (ныне входит в Очамчирский район) П. Кучуберия. «Он, Маргания, кидался во все учреждения с жалобами..., и, не находя сочувствия, стал тайком продавать земли, но желающих, т. е. купщиков не оказалось, кроме одного крестьянина, а именно Бадры Кучуберия, который... переселился на эту землю и живет... Я уверен, что если спросить купщика Кучуберия, то он, как и продавец Маргания, во избежание кары, откажется, а скажет подарил»[2].

Вражеские элементы деревни распространяли различные провокационные слухи, направленные против мероприятий Советской власти, в целях подрыва доверия трудящихся к Советской власти и расстройства народного хозяйства. В циркулярном письме от 17 мая 1921 года уездным ревкомам Революционный комитет Абхазии отмечал: «В Ревком ССР Абхазии поступают сведения о попытках различных контрреволюционных элементов вызвать расстройство народного хозяйства и посеять среди населения винодельческих районов республики смуту рассказами о том, будто новая Советкая власть

[1] Партархив Абхазского обкома КП Грузии (далее ПААО КП Грузии), ф. 1, оп. 2, т. 49, д. 2, л. 16.

[2] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 285, лл. 27–28.

считает занятие виноградным хозяйством делом вредным и стремится уничтожить виноградники»[1].

Решительно отвергая эти провокационные слухи, ничего общего не имевшие с политикой Советской власти, Ревком заявлял, что Советская власть «не только не намерена оттеснить занятие виноградарством, являющегося одной из крупных отраслей народного хозяйва республики, но будет оказывать виноградарям и виноделам всяческую помощь в снабжении лечебными приборами и материалами..., а также в организации сбыта и других продуктов виноградарства и виноделия... через посредство кооперативов»[2].

Опись рабочего скота, проведенная в Гагринском уезде в целях статистического учета, истолковывалась врагами трудящихся и Советской власти как подготовка к предстоящей реквизиции крестьянского скота. Подпав под влияние провокационных слухов, отдельные крестьяне стали уничтожать свой скот. Гагринский ревком 26 марта 1921 года предостерегал сельские ревкомы: «В связи с распускаемыми злонамеренными слухами о предстоящих реквизициях скота, некоторые граждане уничтожают свой скот, разоряя свое хозяйство... Слухи эти никакого основания не имеют и являются провокационными»[3]

Враги трудового крестьянства не останавливались ни перед чем, чтобы вызвать недовольство в деревне и помешать осуществлению аграрных мероприятий Советской власти. В целях подавления хозяйственной активности бедняцко-середняцкой массы крестьянства, вызванной мероприятиями Советской власти, они стали распространять слухи о том, что якобы Советская власть будет отбирать у земледельцев все то, что они будут собирать со своей земли и т. п.

Революционные преобразования в абхазской деревне осуществлялись в напряженной классовой борьбе по двум линиям:

---

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 19, л. 109.

[2] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 19, л. 109.

[3] ЦГАА, ф. 308, д. 1, л. 104.

во-первых, по линии борьбы с помещиками, во-вторых, по линии борьбы с кулачеством. В конфискации земли у помещиков принимало участие все крестьянство. Но на этом и заканчивалась совместная борьба всего крестьянства, поскольку переделу и распределению между крестьянами подлежала вся земля, не только помещичья, но и кулацкая. Соглашаясь на передел помещичьих земель, кулачество решительно выступало против передачи купчих, арендованных и кулацких земель.

В ходе трудового распределения земли борьба между деревенской беднотой и кулачеством принимает острые формы. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения. Так, например, Ревком Ажаро-Цебельдинской волости в отчете о деятельности за первые три месяца после установления Советской власти в Абхазии, сообщает: «Пришлось столкнуться лицом к лицу с такими земельными спорами, разрешение которых с первых же дней переворота не могло не вызвать недовольства тех крестьян, у которых урезывались земли, и удовлетворяли тут же рядом с ними находящихся малоземельных или безземельных крестьян»[1].

В газете «Голос трудовой Абхазии» от 14 апреля 1922 г. по этому же поводу селькор из села Дранды пишет: «К разрешению их (земельных споров–А. К.) встречаются препятствия со стороны многоземельных кулацких элементов. Эти господа ни в коем случае не хотят поступиться своими землями, хотя бы маленькими кусками, своим безземельным и малоземельным односельчанам».

Пользуясь еще слабой организованностью бедноты, своим экономическим и политическим влиянием в деревне, при содействии меньшевистских элементов, местами пробравшихся в органы власти, кулаки пытались получить максимальную выгоду от аграрных мероприятий: проникнуть в земельные комитеты, захватить в свою пользу помещичью землю и помещичий инвентарь, сохранить купленные и арендованные земли.

[1] ЦГАА, ф. 656, д. 17, л. 19.

В «Голосе трудовой Абхазии» от 30 июля 1922 года селькор из села Владимировка Гумистинского уезда сообщал: «В комиссию вошли исключительно кулаки-горлохваты, пересыщенные землей. Эта комиссия нашла, что Советом роздано много земли «незаконно»... и несмотря на то, что в некоторых местах кукуруза была уже выполота, они пораскидывали изгородь и потравили посевы кукурузы, причем пригрозили сжечь изгородь, если она будет исправлена...». Вопрос о деятельности земкомиссии был обсужден на общем собрании крестьян, которое постановило ликвидировать ее, так как она состояла из кулаков, которые изыскивали всевоможные способы для притеснения бедноты»[1].

Аналогично действовала Адзюбжинская земельная комиссия, в состав которой вошли кулаки. Например, у бедного крестьянина, – читаем в той же газете, – в результате появления земельной комиссии, построенная с трудом изгородь оказалась разрушенной, а виноградные насаждения уничтоженными. Другой случай: у крестьянина отобрана обработанная земля, взамен которой предложен участок целины»[2]. В газете сообщалось, что сельский сход постановил «выбрать уполномоченных для нового обмера земли»[3].

Назревало недовольство действиями земельной комиссии Акапского волисполкома Гумистинского уезда, «в состав которой втерлись кулаки». 4 июня было созвано заседание Акапского волисполкома для обсуждения «неправильного ведения земельной реформы составом земельной комиссии, поддерживающей кулаков в ущерб беднейшему трудовому крестьянству». Заседание постановило «сместить весь состав сельземкома и на место его избрать другой, состоящий из представителей беднейшего крестьянства»[4].

В борьбе с земельной политикой Советской власти кулаки старались использовать и пережитки национализма, насаждав-

[1] Голос тудовой Абхазии, 1922, 30 июля.
[2] Там же, 1923, 4 апреля.
[3] Там же.
[4] Там же, 17 июня.

шегося в период господства царизма и буржуазно-националистического правительства меньшевиков. Путем искусственного натравливания друг на друга крестьян разных национальностей, они пытались отстоять свои земельные участки, помешать трудящимся деревни в урегулировании земельных отношений. Характерен в этом отношении приговор (решение) 36 крестьян села Цкургили (Кодорский уезд), вынесенный 20 апреля 1921 года: «Имели суждение относительно контрреволюционного выступления от имени всего населения Адзюбжинского и Атарского трудового крестьянства тамошних кулаков, – гласит приговор, – пробравшихся к руководству, ведущих трудовое крестьянство по ложному пути, натравливая на нас, не допуская нас к обработке и посеву свободных фондовых полей и лугов, никем не занятых и выкорчеванных нами... Приняв во внимание разъяснение, изложенное в газете «Голос трудовой Абхазии» от 13 апреля под заглавием «Неотложная задача и посевная кампания», единогласно постановили: «обратиться с ходатайством в Наркомзем Абхазии о допущении нас к свободной, обрабатываемой нами земле. Не дать кулакам–ложным руководителям трудового крестьянства– развить противозаконные действия своей агитацией против нас».[1]

По этому поводу Наркомзем Абхазии распорядился, чтобы крестьянам дали «возможность обрабатывать те участки земли, которые ими были заняты».

Так деревенская беднота в союзе с середняцкой массой крестьянства, опираясь на поддержку Советской власти, боролась против кулачества за свои интересы, за претворение в жизнь завоеваний Октября. Декреты Советской власти о земле проводились в жизнь беднотой в союзе с середняками в ожесточенной борьбе с кулачеством.

В ноябре 1923 года IV Абхазская областная партийная конференция обсудила доклад Наркомзема об итогах земельной реформы в Абхазии и постановила в ударном порядке завершить

[1] ЦГАА, ф. 17, он. 1, д. 51, л. 2.

проведение земельной реформы. Для завершения земельной реформы во всех уездах были созданы специальные земельные комиссии. В результате деятельности последних в ноябре-декабре 1923 года у бывших частных владельцев и отчасти у кулаков, еще сохранивших у себя в пользовании угодий выше установленной нормы, было отобрано 4 288 дес. земли. Дворянам и князьям, изъявившим желание вести хозяйство своим трудом, были оставлены земельные наделы не свыше трудовой нормы. 971,5 дес. земли было отобрано у кулаков Самурзаканского и Кодорского уездов[1].

В результате земельной реформы, проведенной революционным путем, было уничтожено помещичье землевладение и ликвидированы крепостнические пережитки, укрепился союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства. Земельный кодекс Абхазии, введенный в действие с февраля 1925 года, закрепил проведенные в абхазской деревне аграрные преобразования.

Классовые враги оказывали упорное сопротивление проведению налоговой политики Советской власти. 9 октября 1921 года был опубликован «Декрет Ревкома Абхазии о продналоге»[2]. Маломощные хозяйства полностью освобождались от налога. С введением продналога партийные организации развернули большую массово-разъяснительную работу среди крестьянства Абхазии.

В ходе проведения налоговой кампании классовые враги распространяли различные провокационные слухи. Однако широкие крестьянские массы встретили продналог с удовлетворением. Так, общее собрание крестьян Эшерской и Гумистинской полостей отметило, что продналог «гораздо легче царских и меньшевистских податей и очень справедлив по форме распределения. Собрание решительно отказалось «верить разным провокаторам, которые умышленно неправильно толковали о советских налогах вообще»[3].

---

[1] ЦГАА, ф. 17, оп. 1, д. 189, л. 18.

[2] Голос трудовой Абхазии, 1921, 9 октября.

[3] Голос трудовой Абхазии, 1921, 21 октября.

Полное освобождение от налога маломощных хозяйств и система обложения, осуществлявшаяся с учетом классового и имущественного положения крестьянства, способствовали сплочению трудящихся крестьян вокруг Советской власти. А перенесение основной тяжести налога на кулацко-зажиточные элементы вызывало усиление сопротивления классовых врагов. Газета «Голос трудовой Абхазии» отмечала, что «по деревням контрреволюционеры пытаются сыграть на почве сбора продналога»[1]. Так, в селении Отобая Самурзаканского уезда в ночь на 2 апреля 1922года гражданка С. «подожгла казарму секретаря сельской комячейки и кукурузник милиционера с целью отомстить им», считая их «главными и непосредственными виновниками взыскания с нее продналога»[2].

Кулаки и зажиточные крестьяне всячески уклонялись от уплаты налога, старались укрывать объекты обложения. Например, республиканская налоговая комиссия, обследовавшая 7 селений Гумистинского уезда в протоколе от 24 сентября 1923 года зафиксировала «факт сокрытия пашен, скота и площади засева табака в некоторых селениях… В среднем сокрыто 25–30 проц., преимущественно многоземельными крестьянами»[3]

17 марта 1924 года Самурзаканский уездный исполком писал в Уполнаркомфин Абхазии о том, что из селений поступают жалобы, «указывающие в большинстве случаев на обложение бедноты большим налогом, зажиточных и кулаков–меньшим»[4]. Подобные факты происходили по вине отдельных неопытных и слабых работников налоговых органов, подпавших под кулацкое влияние, и в результате вражеской деятельности отдельных контрреволюционных элементов, которым иногда удавалось, проникнув в налоговые органы, проводить политику ограждения кулаков и перенесении тяжести налога

[1] Там же. 1922, 25 марта.
[2] Заря Востока, 1922, 8 октября.
[3] ЦГАА, ф 28, оп. 1, л. 272, л. 224.
[4] Там же, д. 279. Л. 81.

на бедняков и середняков. Как указывалось в постановлении президиума СНК Абхазии от 19 марта 1924 года, аналогичные искажения «вызывали вполне справедливое брожение и недовольство среди плательщиков»[1]. В целях неуклонного осуществления классового принципа советской налоговой политики президиум СНК Абхазии предложил председателям исполкомов «под их ответственность принимать все жалобы по означенному (налоговому – А. К.) вопросу, причем по проверке таковых делать необходимые исправления в окладных листах и поселенных сипсках»[2].

Коммунистическая партия и Советская власть, опираясь на беднейших крестьян, в союзе с середняками и при их помощи успешно осуществляли советскую налоговую политику. Задания по сельхозналогу в Абхазии ежегодно выполнялись. Неуклонное усовершенствование советского налогового законодательства, проводившееся в целях облегчения положения широких масс крестьянства и возложения основных экономических тягот на наиболее зажиточные хозяйства, способствовало ограничению капиталистического сектора и развитию социалистического сектора в деревне, охране и укреплению экономического и политического союза рабочих и трудовых крестьян, укреплению Советской власти.

Советская налоговая политика была направлена и против владельцев частных предприятий, торговых заведений, предприятий. Они обязаны были брать патент, платить уравнительный сбор, вносить подоходный, поимущественный и другие налоги. Наиболее ощутимо ударяли по карману нэпманов уравнительный сбор и подоходный налог. Непрерывно нараставший налоговый нажим приводил к разорению и вытеснению отдельных капиталистических элементов. Налоги и другие сборы сокращали возможности капиталистического накопления, подрезали крылья нарождавшейся буржуазии и служили суще-

[1] Там же, л. 90.
[2] Там же.

ственным источником финансирования хозяйственных и других потребностей социалистического государства.

В. И. Ленин при введении новой экономической политики, как уже отмечалось, указывал, что нэп означает постоянную борьбу между капитализмом и социализмом. «Кто–кого?»–так был поставлен вопрос. В условиях нэпа для победы советского строя необходимо было укрепить смычку между рабочим классом и крестьянством, между социалистической промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством, прежде всего на основе всемерного развертывания товарооборота между городом и деревней. Основным звеном в цепи задач партии являлась в то время торговля. В. И. Ленин выдвинул перед коммунистами лозунг «Учитесь торговать!».

Коммунисты Абхазии, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, с установлением Советской власти развернули работу по овладению рынком. Процесс социалистического обобществления розничного товарооборота и ограничения частника носил характер острой экономической борьбы. В Абхазии переход к нэпу совершался в условиях, когда в ее экономике значительные позиции занимала мелкая буржуазия, в том числе и частные торговцы. Декрет Ревкома Абхазии «О мелкой торговле и ремесленном производстве», изданный 24 марта 1921 года, через три недели после победы Советской власти разрешил безпрепятственную мелкую розничную торговлю[1]. Хотя до издания данного декрета и были приняты некоторые меры по ограничению частной торговли, однако они существенно не нарушили ее. В первые месяцы Советской власти мелкая розничная торговля в Абхазии почти целиком оказалась в руках частных торговцев. Уездные ревкомы в докладах и отчетах за март-апрель 1921 года отмечали развитие спекулятивной торговли, крайнюю неустойчивость рыночных цен и перед Ревкомом Абхазии ставили вопрос о принятии мер по прину-

[1] ЦГАА, ф. 38. д. 74, л. 44.

дительной регулировке цен на вольном рынке. Так, Кодорский уездный ревком в телеграмме Ревкому Абхазии сообщал, что ревкомом принято решение «мелкую торговлю поставить под строгий контроль и надзор продотдела и милиции, урегулировать цены специальными мероприятиями»[1]. Однако Ревком Абхазии требовал от всех органов Советской власти на местах строго соблюдать декрет о мелкой торговле и проводить политику ограничения и преодоления ее путем организации кооперативной торговли. В 1921 году в Абхазии было создано 56 потребительских кооперативов.

Для борьбы с анархическим товарооборотом Ревком Абхазии 26 июня 1921 года опубликовал приказ, запрещавший всем частным лицам и учреждениям проведение товарообменных операций в пределах Абхазии без разрешения Наркомпрода. На основе этого приказа контрабандный ввоз и вывоз товаров категорически воспрещался.[2]

В острой борьбе проходило становление и развитие потребительской кооперации в деревне. В ряде мест кооперативами старались овладеть кулаки, а руководство пытались захватить меньшевики. Секретарь РКП(б) Кодорского уезда в докладе от 5 декабря 1921 года в Оргбюро РКП(б) Абхазии писал: «Работа в союзе кооперативов ведется неправильно в виду того, что в правление залезли наши противники-меньшевики». Абсоюз в докладе отмечал, что во многих кооперативах «в качестве руководителей стали недобросовестные лица, преследовавшие личную наживу».[3] Первое время нередки были случаи засорения кооперативного аппарата, извращения партийной политики в деятельности кооперации. Иногда на руководящую кооперативную работу проникали частные торговцы и спекулянты. Так, например, частному торговцу удалось стать во главе Тамышской сельской потребительской кооперации. «Этот председатель –

[1] ЦГАА, ф. 38. д. 91, л. 46.
[2] Там же, д. 109, л. 15.
[3] ПААО КП Грузии, ф. I, оп.2, д. 51/4, л. 72.

бывший торгаш, всю жизнь работавший только для себя и ни одного дня для общества...

И тут решил поработать исключительно в свою пользу,–писал «Голос трудовой Абхазии».–В соседней с кооперативом лавке лежит его собственный товар. Покупатели–члены кооператива зазываются им же туда». Сам «председатель не вносил пая, указывая, что в кооперативе «толку мало»[1]. Члены кооператива, разоблачив этого лжекооператора, отстранили его от дела кооперации.

Как показывают материалы, потребительская кооперация в борьбе с частной розничной торговлей в деревне одерживала одну победу за другой и тем самым все более укрепляла свои позиции. Отмечая это, газета «Голос трудовой Абхазии» 7 июля 1923 года писала: «Год работы показал, что единственным аппаратом, который может успешно выдержать борьбу с частным капиталом и наиболее подготовленным для проникновения в наиболее глубокие слои населения, – является аппарат кооперации».

В середине 1923 года в связи с усилением несоответствия между ценами промышленных изделий, с одной стороны, и сельскохозяйственных продуктов, с другой, условия для развития потребительской кооперации в деревне значительно ухудшились. Еще не окрепшие потребительские общества стали прекращать свою деятельность. Пользуясь создавшимся положением, купцы и спекулянты стали сосредоточивать торговлю в своих руках. Они за бесценок начали скупать скот, табак и с громадной наценкой перепродавать. Между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством вклинились купец и ростовщик, смычка между городом и деревней оказалась затруднительной. В стране в целом борьба между социалистическим и капиталистическим секторами в торговле приняла особенно острый характер.

[1] Голос трудовой Абхазии, 1923, 16 марта.

Абхазская партийная организация под руководством ЦК КП(б) Грузии, претворяя в жизнь директивы ЦК ВКП(б) и Советского правительства, провела в 1924 годах ряд мер для преодоления хозяйственных трудностей[1].

Состоявшаяся в ноябре 1923 года IV Абхазская областная партийная конференция дала директиву принять меры по удешевлению фабрично-заводской продукции путем сокращения накладных расходов и одновременно организовать выгодный сбыт сельскохозяйственных продуктов. Намечались мероприятия по укреплению кооперации[2]. Так, в апреле 1924 года все уездные партийные конференции обсудили вопросы дальнейшего укрепления кооперации.

V Абхазская областная партийная конференция (30 апреля –2 мая 1924 г.) обсудила «хозяйственные задачи партии в области сельского хозяйства, кооперации торговли» и признала «все мероприятия партии по разрешению кризиса сбыта табака, вина и кукурузы предпринятыми своевременно и достигнутые результаты вполне положительными»[3]

Решением правительства Абхазии в 1924 году был создан Абгосторг. Тогда же Совнарком Абхазии принял постановление, которое положило начало плановой заготовке крестьянских табаков органами кооперации и торговли[4].

В результате мероприятий, принятых партией и Советской властью кризис сбыта в Абхазии к осени 1924 года в основном был ликвидирован. Создаются благоприятные условия для развития кооперации, укрепления социалистических элементов в товарообороте. В тезисах «О кооперации Абхазии», опубликованных в июле 1924 года, подчеркивалось: «...Начинается разви-

---

[1] См.: А.Э. Куправа. Истории кооперации Абхазской АССР (1921-1929 гг.). Тбилиси, 1968. с. 51-55.

[2] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в революциях и решениях областных партийных крнференций и пленумов. 1921-1930, Сухуми, 1971, с. 19.

[3] Там же, с. 52-53.

[4] ЦГА, ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 65.

тие кооперации, оживление и укрепление низовой кооперативной сети и начинается тяга крестьянства к кооперации, создание новых кооперативов. Работа кооперации все больше направляется в сторону обслуживания деревни, крестьянского хозяйства в целом по сбыту его продуктов, снабжению его не только предметами потребления, но и сельскохозяйственными орудиями, инвентарем, семенами и пр.»[1]

В конце восстановительного периода в абхазской деревне развивается и государственная розничная торговля. Государственная сеть торговала в основном мануфактурой, нефтепродуктами и продовольственными товарами. Совместное выступление потребкооперации и госторговли на деревенском рынке еще более усилило позиции социалистического сектора в борьбе с частной торговлей. В 1925/26 хозяйственном году в розничном товарообороте удельный вес кооперации составлял 31,5 проц., госторговли–16,4 проц., частной торговли– 52,1 проц[2]. Кооперативная и государственная торговля, несмотря на их быстрое развитие, занимали, однако, менее половины всего розничного товарооборота Абхазии. Процесс социалистического обобществления розничного товарооборота и ограничения частника носил характер острой экономической борьбы. В этой борьбе решающая роль принадлежала потребкооперации. Она занимала почти две трети всей розничной торговли обобществленного сектора. Аппарат кооперации оказался более приспособленным для ведения торговли в деревне. Потребительская кооперация сыграла большую роль за решение в торговле проблемы «кто–кого?».

Таким образом, в Абхазии, как и в целом в стране, к концу восстановительного периода были достигнуты значительные успехи в деле ослабления позиций частного посредника, скупщика и торговца, расширения: сферы влияния социалистического хозяйства.

---

[1] Голос трудовой Абхазии, 1924, 6 июля.

[2] ЦГАА, ф. 2. оп. 1, д. 543, л. 316.

Ареной острой классовой борьбы была сельскохозяйственная кооперация. Становлению и развитию советского кооперативного строя всячески, мешали враждебные силы. В первые годы Советской власти во главе Союза кооперативных товариществ табаководов Абхазии оказались меньшевистские кооператоры. Они всячески извращали советскую кооперативную политику. Ссуды, отпущенные правительством под табаки в 1923 году, эти табачные дельцы стали раздавать не столько действительно нуждающимся плантаторам, сколько своим ставленникам. Много ссуд было выдано неимеющим табачных плантаций, учет выдачи ссуд фактически отсутствовал–счетоводство было примитивным.[1] Меньшевистско-кулацкие кооператоры, пробравшиеся к руководству табачной кооперации, проводили политику, направленную на подрыв мероприятий Советской власти, на возбуждение недовольства среди основных масс табаководов. В 1923 году органами Закавказской ЧК была раскрыта и ликвидирована антисоветская организация табачных спекулянтов. В апреле-июне 1924 года табачная кооперация была реорганизована. Кулацкое руководство кооперации было заменено представителями трудящихся крестьян и опытными хозяйственниками-коммунистами, был пересмотрен состав членов кооперации, удалены чуждые кооперации элементы. С этого времени начинается деятельность действительно советской табачной кооперации, сыгравшей большую роль в ограничении и вытеснении кулацких элементов, в вовлечении абхазских табаководов в социалистическое строительство.

К концу восстановительного периода табачная кооперация объединяла 8 591 хозяйство, или 73,5 проц. табаководов. Ее снабженческо-сбытовая и кредитная деятельность значительно расширились. Заготовки табака проводились органами кооперации и госторговли. Спекулянты и перекупщики табака из табачного рынка были вытеснены. Кооперация явилась важнейшим эко-

[1] Отчет правления Абтабсоюза за период с 1 июня 1924 г. по март 1927 г. Сухум, 1927, с. 28.

кономическим рычагом в борьбе с частнокапиталистической тенденцией за социалистический путь развития деревни.[1]

В Советской Абхазии с 1924 года создается кредитная кооперация, которая уже в 1925 году объединяла 8 406 хозяйств, или более четверти крестьянских дворов республики. В 1924/25 году члены кооперации через кредитные товарищества получили ссуду 1127 тыс. руб. Кредитные товарищества внедряли в деревню сельскохозяйственную технику. Претворяя линию Коммунистической партии, кредитная кооперация осуществляла дифференцированный подход к различным классовым группам крестьянства. Она ограничивала развитие капиталистических элементов и ограждала трудовое крестьянство от эксплуатации. Кредит в руках Советского государства служил исключительно действенным орудием борьбы против капиталистических элементов.

В период восстановления народного хозяйства в условиях мирного хозяйственного строительства основной ареной классовой борьбы служила сфера экономики. На этом фронте рабочий класс успешно вел борьбу. Он располагал всем необходимым для того, чтобы победить новую буржуазию и построить социалистическое общество. Располагая государственной властью и командными высотами в экономике, повседневно укрепляя свой союз с трудящимся крестьянством, рабочий класс в годы восстановительного периода добился значительного ограничения капиталистических элементов и усиления позиций социалистических элементов. В эти годы абхазское трудовое крестьянство все более убеждалось, что земельная, налоговая, кредитная, торговая, кооперативная политика Советской власти отвечает коренным интересам трудящихся масс, оно решительно поддержало мероприятия Советской власти. Батрацко-бедняцкое крестьянство в союзе с середняком оказывало всяческое сопротивление кулакам, которые стремились пробраться в Советы, кооперативы, комите-

[1] См.: А.Э. Куправа. История кооперации Абхазской АССР. (1921 -1929 гг.), с. 120.

ты крестьянской взаимопомощи, чтобы наносить ущерб делу социалистического строительства в деревне.

Создание и упрочение хозяйственно-политического союза между рабочим классом (в лице диктатуры пролетариата) и национальным мелкотоварным крестьянством в 1921–1925 годах упрочило Советскую власть в абхазской деревне, позволило ей успешно решать сложные задачи социалистического строительства, подготовить условия для дальнейшего наступления на капиталистические элементы.

Упорное сопротивление вражеских сил встречали все мероприятия Советской власти в области культурного строительства–развитие школьного образования, ликвидация неграмотности, политико-просветительная работа в массах, развитие шефской помощи деревне, борьба с религиозными предрассудками и вредными обычаями и нравами в быту и культуре и др. Антисоветские элементы, выступая против просвещения трудящихся старались использовать их отсталость. Они распространяли всякие нелепые слухи, чтобы дискредитировать Советскую власть, помешать вовлечению народных масс в культурное строительство. В передовой статье «Голоса трудовой Абхазии» от 4 июля 1923 года сообщалось, что врагами просвещения крестьянских детей распространены слухи среди самурзаканских крестьян о том, что якобы «у женщин Советская власть отберет детей и отправит в Англию за долги». В ряде сел Самурзаканского уезда – Цхиро-Гали, Репо-Шешелети, Хумушкури, Чубурхинджи и др. наиболее отсталая часть женщин подпала под влияние этих слухов. Но эта вылазка врагов была разоблачена. А через два года после этой сорвавшейся провокации, крестьянки села Мухури Самурзаканского уезда в газете «Трудовая Абхазия» писали: «Мы были глупы, когда верили меньшевистским провокаторам, но им мы больше верить не будем. Теперь мы знаем, что Соввласть хочет воспитать наших детей культурными людьми, а не продавать за границу «за царские долги»[1].

[1] Трудовая Абхазия, 1925, 7 августа.

В первые годы Советской власти еще сильны были старые традиции, встречалось немало родителей, не желавших отдавать своих детей, особенно девочек, в школу. Партийным и общественным организациями и органам народного образования пришлось много потрудиться чтобы умелой и настойчивой разъяснительной и воспитательной работой преодолеть эту косность и сроднить, приблизить каждого родителя к школе.

Кулаки и остатки дворянско-княжеских сил распространяли различные провокационные слухи против ликбеза, уговаривали отсталых не посещать ликпункты, прибегали к бойкоту и преследованиям ликвидаторов, старались компрометировать и подрывать авторитет передовых людей деревни–учителей, избачей, библиотекарей и учащихся ликпунктов. Проводя агитацию против ликбеза, враги трудового крестьянства ловко использовали укоренившиеся суеверия, предрассудки, отсталые обычаи и нравы, крепко еще засевшие в деревне.

Враги социалистического развития деревни не могли примириться с мероприятиями Советской власти по раскрепощению женщин, вовлечению их в активную общественно-политическую жизнь. Они старались срывать работу делегатских собраний, компрометировали активных крестьянок, которые вовлекались в работу Советов, кооперации, комсомола. Но все попытки их помешать росту культуры и общественно-политической активности трудящихся деревни терпели крах. Новое в культуре и быту пробивало себе дорогу, преодолевая сопротивление всего старого, отжившего, уходящего в прошлое.

В острой классовой борьбе происходило советское строительство, создание и укрепление сельских Советов–органов диктатуры пролетариата в деревне. Выходцы из среды эксплуататорских классов, бывшие слуги старого строя стремились проникнуть в советский аппарат для того, чтобы наносить ущерб делу социалистического строительства. Пользуясь слабой еще организованностью бедноты, вражеские силы всеми средствами отстаивали своих ставленников и нередко добивались избрания

в сельские Советы кулаков и подкулачников. Они оказывали влияние на деятельность Советов, что приводило к ошибкам и недостаткам. В практике работы на местах допускался ряд извращений– неправильное лишение избирательных прав, голосование по спискам без обсуждения отдельных кандидатур, волокита при рассмотрении жалоб.

Кулаки и бывшие дворяне и князья использовали сельский сход для протаскивания своих предложений, они противопоставляли сход сельскому Совету, старались подорвать авторитет Совета.

В защите интересов трудящихся от посягательств разбитых эксплуататорских классов и новой буржуазии и в борьбе за улучшение советского аппарата, огромную роль сыграли административные органы – НКВД, ЧК и органы рабоче-крестьянской инспекции. Рабкрин осуществлял наблюдение и контроль за выполнением декретов и постановлений Советской власти, вел борьбу с бюрократизмом и волокитой в учреждениях, выявлял преступления, разоблачал злоупотребления враждебных элементов. Гагринское отделение РКИ в 1921 году раскрыло спекулятивные махинации в Гагринском потребительском обществе, которое растранжиривало отпущенные государством кредиты[1], в 1922 году РКП Абхазии раскрыла серьезные упущения и беспорядочно-хаотическое ведение дел в Сухумском потребительском обществе и передала свое заключение в ЧК для принятия мер[2]. Тогда же ревизия РКИ Абхазии обнаружила в совхозе «Новый Афон», где у руководства остались монахи монастыря, грубые нарушения советских законов и бесхозяйственность. Дело о совхозе «Новый Афон» было передано в Верховный ревтрибунал.[3]

В 1922 году, когда правительство Абхазии разместило в Новом Афоне группу детей из голодающего Поволжья, реакци-

[1] Деятельность органов РКИ Абхазии. Сборник документов и материалов (1921-1934 гг.) Сухуми. 1973, с. 29.

[2] Там же, с. 41.

[3] Там же, с. 44.

онное духовенство встретило их со звериной ненавистью, оказало активное сопротивление при изъятии имевшихся в монастырском подвале ценностей. Работникам ГПУ Абхазии удалось найти эти ценности. Вот что писал нарком здравоохранения РСФСР, академик Н. Семашко об изъятии этих монастырских ценностей. «Сейчас еще невозможно исчислить того колоссального богатства, которое найдено в монастырском подземелье: золотые ризы, серебряная (в полтора пуда) модель монастыря, крупные жемчуга, алмазы, аметисты, рубины, сапфиры, золотые и серебряные монеты, десятками пудов измеряется это драгоценное имущество. И «святые отцы» сидели на них «кащеями бессмертными», когда наш народ пухнул и умирал от голода»[1]. Попытки «духовных пастырей» использовать «костлявую руку голода» в контрреволюционных целях не принесла им никакого успеха. Наоборот, этим они лишь разоблачали себя перед народными массами как злейшие враги, готовые во имя своих интересов на любое преступление. По требованию народа правительство Абхазии в 1924 году закрыло Новоафонский монастырь как очаг контрреволюционной пропаганды. Часть монахов отказалась от монашества и начала трудиться в совхозе.

Рабоче-крестьянская инспекция Абхазии систематически проверяла работу кооперативных товариществ, земельных органов, советских хозяйств, кресткомов и других организаций. В 1925–1926 годах она изучила состояние землеустройства в Абхазии. РКИ раскрывала случаи нетрудовой аренды земли, подрыва национализации земли путем ее купли-продажи, принимала энергичные меры для ликвидации бесхозяйственности и плохого учета имущества в совхозах и кооперации. Неутомимая и плодотворная работа органов Рабкрина предотвратила множество хозяйственных преступлений и содействовала пресечению враждебных махинаций буржуазии.

Кулаки постоянно пытались обойти советские законы, нарушить трудовое законодательство. Большую работу по охра-

[1] В.П. Пачулия. Новый Афон. Сухуми, 1973, с. 33.

не труда наемных рабочих в табаководстве, где широко применялся труд батраков, проводил союз сельхозлесрабочих. Сельрабочкомы и профуполномоченные имелись во всех табаководческих селах и в местах скопления батраков. Они, опираясь на возрастающую активность батраков, защищали своих членов от капиталистической эксплуатации со стороны нанимателей, способствовали сплочению батрачества, бедняцких и середняцких слоев крестьянства в борьбе против кулаков, ослабляли влияние кулачества на деревенскую общественность.

Союз сельхозлесрабочих принимал меры по регулированию найма рабочей силы. С 1925 года он добился частичного урегулирования зарплаты батраков. Им были выработаны нормы отдельных видов работ, получивших название «ставка союза», и на основании этих норм регулировалась зарплата батраков.

В целях выявления произвола в найме батраков и установления своевременной и правильной выплаты им зарплаты исключительное внимание уделялось заключению трудовых договоров. В 1924 году трудовой договор был заключен с 1 300 рабочими, а в 1925 году – с 2 400 рабочими[1]. С 1925 года была введена практика коллективных договоров. В договоры включались все условия найма, в том числе пункты об ежемесячной выплате зарплаты. Однако кулаки стремились игнорировать отдельные пункты договора, в частности, пункты о своевременной выплате зарплаты, об улучшении жилищных условий, ограничении рабочего дня, который нередко продолжался от зари до зари. На практике широко проводилась низка табака и в ночное время, нарушались условия питания. Подобные нарушения классовых интересов бедноты и батрачества немедленно появились предметом обсуждения партийных и профсоюзных организаций, органов Наркомата труда.

В феврале – марте 1921 года в Абхазии создается рабоче-крестьянская милиция, как вооруженная сила революции. Милиция

[1] Н. А. Ардашелия. Профсоюзы Абхазии в период восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.). 1963, с. 15 (автореферат).

была призвана охранять революционный порядок, защищать интересы трудящихся, завоеванные ими права. Большую работу в этом направлении проводила сельская милиция. В результате активной деятельности органов милиции уже в 1921 году говорится в докладе Главного управления милиции Абхазии, многие унаследованные от прошлого «разбойные шайки и отдельные преступники были искоренены или задержаны», а некоторые из них, благодаря «правильно организованному преследованию, оставили свою преступную деятельность и занялись мирным трудом»[1]. Рабоче-крестьянская милиция в доколхозной абхазской деревне сыграла огромную роль в борьбе с бандитизмом, с преступными элементами, со всеми врагами трудящихся масс.

На страже защиты интересов трудящихся стоял советский народный суд. Он являлся орудием подавления сопротивления эксплуататорских классов и укрепления советской государственности. Другой, еще более важной задачей советского суда В. И. Ленин считал обеспечение строжайшего проведения дисциплины и самодисциплины трудящихся.

Для борьбы с контрреволюцией и защиты революционных завоеваний трудящихся с первых же дней Советской власти был создан Ревтрибунал Абхазии, а для борьбы с контрреволюцией и саботажем–Чрезвычайная комиссия (ЧК). Абхазская ЧК служила грозным оружием борьбы против контрреволюционных сил, саботажников и спекулянтов. Деятельность всех этих органов сыграла исключительную роль в деле подавления классового врага, упрочения Советской власти.

Не прекращали свою подрывную деятельность меньшевики и национал–демократы, эсеры и другие мелко-буржуазные партии. Частично изменив свою тактику, они пытались использовать легальные условия работы для дезорганизации хозяйственной жизни и внесения расстройства в ряды Коммунистической партии. Они стремились проникнуть в кооперацию, профсою-

[1] ЦГАА, ф. 38, д. 29, л. 24.

зы, искали легальные каналы для распространения своего влияния. Наряду с этим меньшевики и эсеры вели подпольную антисоветскую работу.

Они организовали антисоветские выступления в октябре 1921 года в Сванетии. В 1922–1923 годах дворянско-кулацкие выступления имели место и в других местах, где широкое распространение получили политический и уголовный бандитизм[1]. Меньшевики являлись их вдохновителями. Они представляли контрреволюционную силу. При посредстве своих заграничных центров меньшевики и другие антисоветские партии связались с англо-французскими империалистами, которые в свою очередь стремились создать в пограничной республике контрреволюционные очаги. По директиве и при финансовой поддержке империалистических государств и лидеров II Интернационала меньшевики стали готовить восстание с целью свержения Советской власти. Они подготавливали его долго и тщательно. Все контрреволюционные партии заключили между собой соглашение и сформировали так называемый «Паритетный комитет» с представительством от меньшевиков, национал-демократов, социал-федералистов.

Под руководством «Паритетного комитета» на протяжении ряда месяцев создавались контрреволюционные отряды и банды, скрывавшиеся в лесах. В основном ряды мятежников состояли из бывших князей, бывших дворян и прочих контрреволюционных элементов во главе с меньшевиками.

В Абхазии попытка меньшевиков спровоцировать выступление крестьян потерпела полный крах. Лишь в отдельных селах Самурзаканского уезда и в районе Абхазской Сванетии меньшевикам удалось вместе с кулаками, бывшими князьями и дворянами, бывшими царскими чиновниками и уголовными элементами выступить против Советской власти. В селе Бедия бывший меньшевистский сельский комиссар, кулак Т. Чургулия

[1] Ю. М. Качарава. Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства (1921 –1925 гг.). Тбилиси, 1958. с. 281–285.

путем шантажа и провокации сумел на один день занять здание сельского Совета, выманив ключ от него у председателя сельсовета. Организатор этого выступления и его сообщники понесли жестокую кару. В правительственном сообщении Совнаркома Абхазии, опубликованном 31 августа 1924 года, сообщалось: «На территории Абхазии до настоящего времени не отмечено никаких выступлений банд. Нормальная, повседневная текущая жизнь республики ни одной минуты не прерывалась. В двух селах Самурзакани 30-го августа были попытки со стороны ничтожных бандитских групп – числом от 3-х до 7-ми человек–захватить сельсоветы, но в результате решительных мер исполкома, при дружной поддержке крестьян, попытка обошлась дорого для авантюристов»[1]. В эти же дни во время бандитских выступлений в районе Абхазской Сванетии были убиты 3 комсомольца – Николай Макаров, Петр Коркия и Леонид Косович – входившие в состав частей особого назначения.

Трудовое крестьянство Абхазии не только не поддержало меньшевистскую авантюру, но, наоборот, как только узнало об этом, стало немедленно создавать свои добровольческие отряды для защиты завоеваний Советской власти. Об этом в правительственном сообщении от 31 августа 1924 года говорилось следующее: «Трудовое крестьянство, как и всегда, активно поддерживает свою рабоче-крестьянскую власть. Вооруженные крестьянские отряды стихийно со всех уездов потянулись в Сухум для беспощадной расправы с бандами, если бы они посмели поднять свою голову. Рабочие, Коммунистическая организация, КСМ, Рабоче-крестьянская милиция быстро привели себя в полную боевую готовность для поддержания общественного порядка и предотвращения меньшевистской авантюры в какой бы мере и форме она не проявилась»[2]. Добровольческие крестьянские отряды были созданы во всех уездах Абхазии. В эти отряды входили бывшие киаразовцы, активные участники борьбы за Советскую власть,

[1] Там же.
[2] Там же.

сельские комсомольцы. Они охраняли общественный порядок в деревне. Часть из этих отрядов находилась в распоряжении уездных штабов. Во главе этих отрядов стояли закаленные в боях за Советскую власть бывшие командиры партизанских отрядов.

Деятельность крестьянских отрядов и частей особого назначения координировал и направлял командующий вооруженными силами Абхазии, председатель СНК республики Н. А. Лакоба. Высокая оценка была дана действиям крестьянских отрядов, обеспечивших соблюдение революционного порядка. Г. К. Орджоникидзе на заседании Тифлисского Совета 5 сентября 1924 года говорил: «Что касается Абхазии и, Аджаристана, как раз той части нашей республики, которая не раз восставала против меньшевиков и их тирании, то эти автономные республики не только не поддержали меньшевистскую авантюру, но Батум, Аджаристан во главе с председателем Совнаркома т. Химшиевым и Абхазия во главе с председателем Совнаркома т. Лакоба и т. Бахтадзе моментально ринулись в бой, и первая поддержка была дана ими Озургстскому и Зугдидскому уездам. Не имея ни одного красноармейца на территории Абхазии, абхазские товарищи сразу организовали отряд из крестьян и двинули его на Зугдиди».[1]

В эти дни партийные и комсомольские организации в абхазской деревне проводили большую политическую работу: разоблачали ложную пропаганду и клевету, распространяемые меньшевиками. В деревнях созывались крестьянские сходы, которые сурово осуждали действия авантюристов. Как об этом писала передовая газеты «Голос трудовой Абхазии», «на многочисленных сходах крестьяне требовали самой беспощадной расправы с главарями банд, изъявляли готовность самим вылавливать их».[2]. Крестьянские массы повсеместно заклеймали позором гнусную попытку меньшевиков, изъявили полную готовность своими собственными силами ликвидировать бандитизм.

---

[1] Г.К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, с. 354.

[2] Там ж, с. 108.

В дни меньшевистской авантюры боевым помощником партии, самоотверженным защитником Советской власти выступил комсомол. Комсомольцы составляли основное ядро вооруженных крестьянских отрядов, проводили большую работу цо усилению революционной бдительности трудящихся. «Голос трудовой Абхазии» писал в эти дни: «...Комсомол был впереди всех – это его дело. Но та чрезмерная активность, готовность самим ликвидировать бандитские выступления, «могучий порыв и подъем истинно ставших стальной стеной на защиту трудящихся» доказали, что комсомол – поистине молодежная смена партии»[1].

Советская власть жестоко расправлялась с главарями меньшевистских бандитских выступлений, с организаторами авантюры, но помогала заблудившимся представителям трудовых масс искупить свою вину. ЦИК и СНК Абхазии 2 октября 1924 года обратились с воззванием, в котором указывалось, что Советская власть прощает вину тем, кто вернулся к трудовой жизни. Было объявлено об амнистии и тех лиц, которые, скрываясь, еще не приступили к трудовой жизни. «...Если они,–сказано было в воззвании,–чистосердечно раскаявшись в своей жестокой вине перед трудовым народом, если они последующей своей жизнью докажут, что готовы служить интересам рабоче-крестьянского класса на основе Советской власти–пусть они явятся и приступят к мирной жизни»[2]. Сроком добровольной явки было объявлено две недели со дня опубликования постановления. Так Советская власть помогала заблудившимся представителям трудовых масс включиться в социалистическое строительство.

Абхазская партийная организация в центре внимания поставила борьбу за подъем партийно-советской работы в деревне. Партийные органы решительно улучшают свою деятельность. Бедняцко-середняцкие массы активнее стали влкючаться в работу сельских Советов и кооперации. Осенью 1924 года во мно-

[1] Там же, с. 110.
[2] Правда, 1924, 9 сентября.

гих местах были созданы кресткомы. В деревню для ведения партийной работы были направлены партийные и советские работники. В результате принятых мер усиливалась политико-воспитательная и организаторская деятельность партийных организаций, создавался широкий беспартийный крестьянский актив. Таковы были наиболее верные и надежные средства политической изоляции вражеских сил.

Провал меньшевистской авантюры создал еще более благоприятную политическую обстановку для полного разложения антисоветских партий (меньшевиков, национал-демократов, правых федералистов и др.). VI Абхазская областная партконференция, состоявшаяся в ноябре 1924 года, констатировала продолжавшийся процесс разложения этих партий и признала необходимым продолжить кампанию по их разложению, умело использовать группы интеллигентского актива, «стремящихся покончить с прошлым и снять с себя клеймящее имя меньшевика»[1]. Среди рабочих и крестьян предлагалось проводить систематическую политико-воспитательную работу в духе ленинизма.

* * *

В годы восстановительного период окрепли экономические и политические позиции рабочего класса, возросла его руководящая роль в системе диктатуры пролетариата. Уже в те годы рабочий класс СССР доказал способность повести за собой трудящееся крестьянство и в союзе с ним оттеснить капиталистические элементы, построить социализм в нашей стране.

К концу восстановительного периода сельское хозяйство Абхазии в основном было восстановлено. Крупные изменения произошли в социальной структуре деревни. Исчезли помещи-

[1] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов (1922-1930 г.г.), с. 37.

ки, а кулачество было оттеснено на второстепенные позиции. Середняк, несмотря на процесс дифференциации, являлся центральной фигурой деревни. Таково было положение в стране в целом. Оно было характерно и для абхазской деревни.

Мелкотоварное производство порождало капиталистические элементы. В годы восстановления народного хозяйства происходил некоторый рост сельской буржуазии. Новую буржуазию в деревне составляли кулаки, частные торговцы, ростовщики, ремесленники. Их состав в основном пополнялся за счет разбогатевших выходцев из мелкобуржуазной среды. Новая буржуазия не пользовалась никакими политическими правами, но была допущена к некоторому ограниченному участию в хозяйственной жизни страны. В борьбе против социалистической тенденции развития деревни она опиралась на преобладавшее тогда в стране мелкотоварное производство, на свои хозяйственно-организаторские навыки и опыт, на живучесть буржуазных предрассудков об «извечности» частной собственности.

В годы восстановительного периода в абхазской деревне, как отмечалось, последовательно проводилась политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов. Все общественные организации под руководством партийных организаций повседневно вели борьбу с частным капиталом. Политику ограничения новой буржуазии осуществляли финансовые органы, рабоче-крестьянская инспекция, народный суд и другие государственные и общественные органы.

Ограничение и вытеснение частного капитала из области торговли достигалось преимущественно экономическими мерами, прежде всего путем насаждения кооперации, получившей быстрое развитие в абхазской деревне.

Уже в период восстановления народного хозяйства политика партии и Советской власти на ограничение и политическую изоляцию нэпмано-кулацких элементов страны увенчалась значительными достижениями. В резолюции XIV съезда ВКП(б) отмечается, что «налицо экономическое наступление пролета-

риата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом».[1]

В 1921–1925 годах значительно улучшилось материальное благосостояние основной массы крестьянства Абхазии. Оно убедилось, что его интересы защищает только Коммунистическая партия. В эти годы создается и укрепляется хозяйственно-политический союз крестьянства Абхазии с рабочим классом. Это упрочило Советскую власть, позволило ей успешно решать сложные задачи социалистического строительства, подготовить условия для дальнейшего наступления на капиталистические элементы деревни.

[1] КПСС в резолюциях, т. 3, М., 1970, с. 246.

БОРЬБА С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ УСЛОВИЙ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1926–1929 ГГ.)

Итоги борьбы с капиталистическими элементами в первый период нэпа полностью подтвердили, что рабочий класс и трудовое крестьянство под руководством партии могут экономически полностью одолеть внутреннюю буржуазию и построить социалистическое общество.

С вступлением в период социалистической реконструкции народного хозяйства борьба за дальнейшую идейно-политическую изоляцию и хозяйственное оттеснение капиталистических элементов становится одной из важнейших задач диктатуры пролетариата.

Вторая половина 20-х годов характеризовалась нарастающей активностью кулачества против Советской власти. Кулаки всячески противодействовали мероприятиям, проводимым в деревне, распространяли провокационные слухи, проводили антисоветскую и антиколхозную агитацию, решались на террористические акты и т. д.

Особенно активно кулачество выступало против Советской земельной политики. Стремясь расширить размеры производства, зажиточные и кулацкие хозяйства добивались увеличения своего землепользования за рамки уравнительных норм. Нередко это осуществлялось ими путем прямого нарушения принципов национализации. В резолюциях XV съезда ВКП(б) отмечается, что в некоторых районах Кавказа и Средней Азии встречались попытки нарушить национализацию земли путем купли-продажи ее[1]. В частности, это имело место и в Абхазии.

[1] КПСС в резолюциях..., т. 4, М., 1970, с. 66.

С 1926 года в деревнях Абхазии все чаще стали выявляться случаи купли-продажи земель. Представитель ЦК КП(б) Грузии, обследовавший село Эшера, писал: «Купля-продажа земли, неправильное распределение ее, отвод фондовых земель, неправильная оценка строений, якобы передаваемых, а фактически продаваемых земельных участков, имеет слишком часто место в Эшерском районе. Вся земельная политика, проводимая сельсоветом, нарушает Земельный кодекс, положение и земельные инструкции»[1]. В декабре 1926 года информационно-статистический отдел ЦК КП(б) Грузии указывал, что в селах Лыхны, Ачандара, Калдахвара «существует и не поддается ликвидации купля и продажа земли».[2] Нарком земледелия Абхазии М. Лакоба на III сессии ЦИКа Абхазии в октябре 1926 года говорил, что «незаконная продажа земли имеется во всех уездах».[3] Зажиточные и кулацкие хозяйства покупали землю у маломощных крестьян, которые, будучи не в состоянии обработать своими силами, вынуждены были продавать ее. Покупали они землю и у бывших князей и дворян, которым Советская власть оставила трудовую норму, но те не обрабатывали землю своими силами, сдавали ее в аренду или продавали[4].

Кулаки, сосредотачивая в своих руках землю, использовали ее для эксплуатации маломощных крестьянских хозяйств.

Факты купли-продажи земли, наличие у отдельных бывших князей и дворян земель свыше трудовой нормы и ряд других нарушений советского земельного законодательства выдвинули перед партийными, советскими и земельными органами Абхазии серьезные и неотложные задачи. Пленум ЦК КП(б) Грузии (май 1926 г.), обсудивший доклад Абхазского обкома партии, особое внимание уделил вопросам твердого проведения в жизнь со-

---

[1]Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. оп. 1, ч.II, д. 2650, л. 49.

[2] Там же, оп. 1, д. 1878, л. 91.

[3] III сессия Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии 3-го созыва (стенографический отчет), Сухум, 1926, с. 98.

[4] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1., д. 1878, л. 92.

ветской земельной политики и дал ряд директивных указаний[1]. Руководствуясь этим решением, III пленум Абхазского обкома партии в июне 1926 года принял развернутое постановление, которое предусматривало ускорение землеустроительных работ.

При уездных исполкомах и сельсоветах создавались специальные комиссии для выявления многоземельных хозяйств. Излишки земель отбирались в первую очередь у бывших дворян и князей. Злостные укрыватели земель привлекались к судебной ответственности. Все дела о купле-продаже земель было решено передавать судебным органам, которым предлагалось разбирать эти дела вне очереди, устраивая на местах показательные процессы. К ответственности привлекались и те сельские должностные лица, которые способствовали этой сделке или не сообщали о ней своевременно уездным земорганам. Было решено переизбрать сельские земельные комиссии, улучшить их качественный состав, проинструктировать и снабдить их необходимой литературой[2].

Президиум Абхазского обкома КП(б) Грузии 18 февраля 1927 года обсудил доклад Наркома земледелия М. Лакоба «О борьбе с куплей-продажей земли» и предложил Наркомзему и уездным исполкомам строго выполнять директивы обкома по этому вопросу. Президиум признал необходимым усилить среди крестьян разъяснительную работу о недопустимости земельных сделок. Предлагалось вопрос о купле-продаже земли обсудить на партийных и комсомольских собраниях, а затем на сельских сходах, а также указывалось на необходимость привлечения селькоров к выявлению через печать случаев купли-продажи земли[3]. Все эти меры были направлены на усиление активности самих трудящихся масс в борьбе с преступной спекуляцией национализированной землей.

---

[1] Заря Востока, 1926, 6 июня.

[2] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов (1922–1930 гг.), с. 97–99.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 245/2, л. 257.

Коммунистическая партия и Советское государство требовали всемерного укрепления основ национализации земли. XV съезд партии куплю-продажу и дарение земли, а также всякие иные попытки подрыва ее национализации, клеймил как тяжкое уголовное преступление[4].

Руководствуясь указанием съезда, советские и земельные органы республики на местах вскрывали факты купли-продажи земли. В 1926 году было выявлено 86 случаев сделок, в 1927 году– 118, в 1928 году – 132 и в 1929 году–131. Во всех уездах решением суда купленные земли отбирались, а лица, совершившие эти незаконные сделки, привлекались к уголовной ответственности[5].

Надо полагать, что земельных сделок было гораздо больше, чем выявлено. Встречались разные приемы нарушения национализации: дарение, завещание, залог, самовольный обмен, субаренда и др. Незаконные сделки совершались под видом купли-продажи строений и насаждений, слияния дворов, аренды на несколько лет и т.п. Усиление борьбы с земельными сделками вызвало распространение скрытых контрформ купли-продажи, при этом использовались местные обычаи и сохранившееся влияние почетных стариков. Наркомзем Абхазии в отчете за 1927 год приводит факт, когда продавец и покупатель, чтобы замаскировать свою сделку, для видимости не вступали в непосредственные отношения. «За последнее время, – отмечается в отчете,– наблюдается такой способ «законного» оборота земли: продавец земли подает в сельсовет заявление о том, что он по каким-либо причинам отказывается от земли; вслед за этим покупатель подает туда же заявление о наделении его землей, после чего земля передается ему».[6] Кулаки и их приспешники искали любые лазейки слабости советских и земельных органов для приобретения дополнительно новых земель. На XI Сухумской уездно–городской партийной конференции первый секретарь

[4] КПСС в резолюциях..., т. 4. с. 66.
[5] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 167.
[6] ЦГАА, ф. 17, оп. 2, д. 11, л. 40.

ЦК КП(б) Грузии М. Кахиани говорил, что купля-продажа земли «является напором враждебных сил, напором капиталистических элементов, которые хотят подорвать нашу политику... Наши враги чутко прислушиваются, в какую щель можно залезть, чтобы нам повредить».[1]

Накануне коллективизации сельского хозяйства в связи с усилением ограничений эксплуататорских, капиталистических элементов в деревне возросло сопротивление мероприятиям партии. В частности, в это время усиливаются его попытки подорвать национализацию земли. В конце 1929 года Абхазский обком партии всесторонне изучил вопрос купли-продажи земли и 23 декабря обсудил его на заседании президиума. «За последнее время, – говорится в постановлении обкома, – наблюдается на местах некоторое усиление в скрытой форме незаконных сделок на землю. По имеющимся в обкоме материалам видно, что кулацкие элементы деревни, стремясь противодействовать мероприятиям правительства в проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства, не прекращают своих попыток к подрыву основ советского земельного строя–национализации земли. С этой целью кулаки и подкулачники, внося капиталистические элементы в земельные отношения, стремятся к получению нетрудовых доходов и закабалению маломощного крестьянства путем покупки-продажи земли, возмездных обменов усадьбами, субаренды земли и т. п.[2] Заседание приняло решение об усилении уголовной ответственности нарушителей национализации земли в соответствии со статьей 25 Земельного кодекса об организации республиканской тройки по борьбе с куплей-продажей земли. Партийным, советским и общественным организациям предлагалось расширить среди населения разъяснительную работу, мобилизовать на местах общественное мнение бедноты вокруг работы земкомиссии и сельских Советов[3]. Областное совещание пред-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 235/1, л. 136.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24/1, л. 278.

[3] Согласно этой статье, лица, совершившие куплю-продажу земли, поми-

седателей сельских Советов и работников земельных и судебных органов полностью одобрило намеченные обкомом партии меры борьбы с нарушениями национализации земли. Осуществляя эти мероприятия, местные советские и земельные органы в ходе начавшегося колхозного строительства еще более усилили борьбу с куплей-продажей земли.

Зажиточные и кулацкие хозяйства добивались перераспределения земли, расширения своих участков как куплей-продажей, так и арендо-сдачей земли. Исходя из директив XV съезда ВКП(б) об усилении наступления на кулачество, в период непосредственной подготовки коллективизации принимаются особые, более строгие меры по ограничению капиталистической аренды земли.

XV съезд партии постановил постепенно сокращать аренду земли в районах, где она ведет к росту кулацких элементов, и ограничивать срок аренды до одного севооборота, но не свыше 6 лет. В отношении хозяйств, которые, несмотря на оказываемую им помощь со стороны государства и кооперации, не обрабатывают земли сами и из года в год сдают ее в аренду, предлагалось решением волостных исполкомов ограничивать право сдачи земли в аренду сроком от 3 до 6 лет подряд, по истечении которых они лишались права распоряжения землей.[1]

Учитывая то, что земельная аренда во многих случаях ведет к росту кулацких хозяйств, Советское государство в 1928 году принимает ряд мер по дальнейшему ограничению аренды. Общесоюзный земельный закон 15 декабря 1928 года запретил сдачу земель в аренду кулацким хозяйствам. «В тех случаях, когда сдается в аренду кулацкими хозяйствами, – говорилось в законе, – такая земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься»[2].

мо наказания в уголовном порядке, лишались земли, находящейся в их пользовании. См.: Земельный кодекс Советской Социалистической Республики Абхазии. Сухум, 1925, с. 9.

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1 д. 24/1, лл. 278-279.

2 КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 67.

Накануне начала коллективизации в Абхазии в связи с усилением ограничений кулацких хозяйств устанавливается более строгий надзор за развитием арендных отношений. В 1929 году Самурзаканский уездный комитет партии отмечал, что «ныне в исключительных случаях допускается сдача земли в аренду на продолжительный срок, на 3 года… Сдача земли в аренду допускается лишь в том случае, если сдатчик является сиротой или инвалидом труда; разрешается (сдача) также лицам преклонных лет, бедному семейству».[1]

Об усилении деятельности земельных органов по ограничению кулацкой аренды земли говорилось и в отчете Гудаутского уездного комитета IX уездной партийной конференции (ноябрь 1928 г.). В нем сказано: «Право сдачи в аренду земель предоставляется лишь тем лицам, которые по составу семьи и ряду других причин не в состоянии произвести обработку. Чтобы не было злоупотреблений в отношении земельной аренды, все арендные договоры регистрируются при сельсовете»[2]. Из 139 арендных договоров, заключенных в 1928 году, Гудаутским земотделом было аннулировано 46 «из-за неправильной передачи земли в аренду». Далее в отчете говорится, что «все земли самовольных арендаторов отобраны и переданы в фонд общества»[3].

Однако не везде с одинаковой строгостью и классовой принципиальностью контролировалась арендо-сдача земли. Например, в Сухумском уезде до 1928 года арендные договоры в сельсоветах не регистрировались. Сухумский уездный земотдел в отчете за 1929 год указывал, что отдел «своевременно не инструктировал сельсоветы о значении арендной политики»[4]. Лишь с осени 1929 года земотдел провел специальную инструктивную работу с сельсоветами по вопросам арендной политики и организации заключения договоров.

---

[1] Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954 гг., М., 1954, с. 304.

[2] ПААО КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 265/1, л. 64.

[3] Там же.

[4] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 48, л. 6.

Меры ограничения нетрудовой аренды земли, безусловно, не могли не содействовать сокращению аренды кулацкими хозяйствами. В 1929 году в Абхазии, в табаководстве 8,2 проц. кулацких хозяйств арендовало землю и 7,2 проц. сдавало ее. На одно арендующее кулацкое хозяйство приходилось 1,3 га арендованной земли и на одно сдающее хозяйство–1,5 га сдаваемой земли[1]. Основными арендаторами являлись трудовые хозяйства–середняцкие и бедняцкие. В табаководстве землю арендовало 10,1 проц. бедняцких и 8,3 проц. середняцких хозяйств и сдавало 8,4 проц. бедняцких и 6,7 проц. середняцких хозяйств. На одно арендовавшее бедняцкое хозяйство приходилось 1,1 га арендованной земли и на середняцкое хозяйство–1,4 га; на одно сдававшее хозяйство соответственно приходилось 1,7 и 1,2 га сдаваемой земли[2]. Абсолютное преобладание трудовой аренды являлось важнейшей особенностью земельных отношений. Оно свидетельствовало об успешном восстановлении основной массы крестьянских хозяйств.

Накануне коллективизации в Абхазии размеры аренды были небольшие. В 1929 году в табаководстве в среднем одно арендовавшее хозяйство имело 1,3 га арендованной земли[3]. В Сухумском уезде, являвшимся наиболее крупным табаководческим районом, в 1929 был зарегистрирован 181 арендный договор и в аренду было сдано земли всего 241,2 га[4]5. В основном аренда была краткосрочной–на один год. Мероприятия по ограничению аренды земли имели большое значение в борьбе против кулацкого землепользования.

Борьба с куплей-продажей земли и меры по дальнейшему ограничению аренды, особенно усилившиеся после XV съезда ВКП(б), с осени 1929 года сочетались с мероприятиями по ликвидации остатков помещьичьего княжеско-дворянского землепользования.

---

[1] 10 лет Советской Грузии. Статистический сборник. Тифлис, 1931, с. 309.

[2] Там же.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 48, л. 6.

[4] Там же.

При проведении аграрной реформы Советская власть, как уже отмечалось, оставила бывшим князьям и дворянам Абхазии земельные участки в размерах трудовой нормы. В 1929 году 613 хозяйств бывших князей и дворянам имело 2 362,2 га земли, или в среднем одно хозяйство – 3,8 га.[1] Но в ряде мест им удалось сохранить излишки земель. Встречались факты, когда рядом с ними жили крестьяне, не получившие полную трудовую норму из-за малоземелья в деревне. Это обстоятельство в известной мере содействовало сохранению экономического, отчасти и политического, влияния бывших помещиков среди определенной части крестьянства.

Получив земельную норму, некоторая часть бывших дворян и князей не перешла к трудовой жизни. Так, например, в селе Мерхеули бывший дворянин Г. Лакербай в 1929 году имел 8 дес. земли и обрабатывал ее наемным трудом, в известной степени пользовался влиянием среди бывших арендаторов его земли[2]. В том же селении дворянин Г. Хварцкия (до революции владел 380 дес. земли) в 1927 году обрабатывал с помощью своих бывших арендаторов 3 дес. табачной площади и 1,5 дес. кукурузы, а также с 15 других хозяйств получил в качестве арендной платы 21 пуд табака.[3] «Арендаторы до того угнетены, – сказано в материалах Совнаркома Абхазии,– что решили покинуть землю бывшего дворянина и переселиться на другое место; они постепенно продают свои постройки прибывшим из разных районов Сухумского уезда, но бывший хозяин старается завладеть бывшей своей землей и в будущем эксплуатировать ее. Некоторые крестьяне... согласовывали свою покупку с бывшим хозяином надела»[4]. Например, князь В. Эмухвари, проживавший в том же селе, в 1929 году имел 15 дес. земли (до революции владел 150 дес.), обрабатывал часть ее наемным трудом, а часть сдавал

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 170.
[2] Там же, л. 159.
[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 160.
[4] Там же.

в аренду. Кроме того, с 14 хозяйств, находившихся на конфискованной у него земле, он «скрыто получал арендную плату»[1]. Аналогичные факты, правда, в меньших масштабах, были вскрыты в с. Эшера. В той или иной мере подобное явление можно было наблюдать и в некоторых других селах Абхазии[2].

Стремясь сохранить свое экономическое влияние, бывшие князья и дворяне умело использовали местные обычаи и псевдородственные отношения, а также недостатки в работе местных советов и общественных организаций села, слабую еще организованность бедноты.

В сентябре 1929 года пленум ЦК КП(б) Грузии, обсудив вопрос о работе Абхазской парторганизации, предложил Абхазскому обкому партии немедленно приступить к отбиранию земель у всего нетрудового населения, ликвидировать остатки помещичье-дворянского землевладения. Абхазский обком партии с осени 1929 года принимает меры по ликвидации остатков помещичье-феодальных отношений в деревне. Был взят курс на изъятие земли у всех нетрудовых землепользователей–бывших дворян и князей, не начавших трудовую жизнь, и у других нетрудовых хозяйств. Советским и земельным органам, местным партийным и общественным организациям предлагается немедленно приступить к подготовительной работе и до весны 1930 года завершить изъятие земель и передачу их в фонд коллективизации.

В деревне партийные организации проводили большую работу по разъяснению трудящемуся крестьянству поставленных задач, по разоблачению агитации вражеских сил. Вопрос об отбирании земель предварительно тщательно обсуждался группами бедноты, а там, где их не было инициативными группами. Они выявляли нетрудовых землепользователей, составляли списки бывших дворян и князей, не перешедших на трудовую жизнь, торговцев-спекулянтов, не обрабатывавших земли своими силами, и многоземельных кулаков. Эти списки обсуждались на

[1] Там же.

[2] Советская Абхазия, 1930, 7 января.

собраниях партийных ячеек, общественных организаций, а затем на общих собраниях крестьян. В ходе обсуждения списки дополнялись и уточнялись, выявлялись сделки купли-продажи земли. Собрания крестьян принимали решения об изъятии нетрудовых элементов и об урезке земель у кулаков.

2 января 1930 г. СНК Абхазии принял постановление «О ликвидации остатков помещичьего княжеско-дворянского землевладения и изъятии земель из нетрудового пользования»[1]. Была поставлена задача в ударном порядке ликвидировать нетрудовое землепользование.

В первой половине января 1930 года в селе Эшера было решено отобрать землю полностью, или частично у 70 хозяйств. В Константиновском районе у нетрудовых хозяйств было изъято 250 дес. земли, в селе Линдау у 29 хозяйств отобрано 60 дес. В начале 1930 года у бывших дворян было изъято более 900 дес. земли. Эти земли не подлежали распределению среди индивидуальных хозяйств, а зачислялись в фонд коллективизации.[2]

Мероприятия по ликвидации остатков феодально-помещьечьих отношений были направлены против дворян и князей, которая не перешла на трудовую жизнь и сдавала свою землю в аренду или обрабатывала ее наемной рабочей силой. Трудовые же хозяйства, обрабатывавшие свои участки силами своей семьи, не прибегавшие к эксплуатаци наемного труда и не проводившие активную антисоветскую работу, не были затронуты.

В конце 1929 – начале 1930 года, в ходе изъятия нетрудовых земель, у кулаков отбирались земельные излишки. Лишение землепользования применялось по преимуществу за прямые нарушения советского закона в качестве меры борьбы против наиболее злостных кулацких элементов.

Ликвидация остатков княжеско-дворянского землепользования и нетрудового землепользования вызвала обострение

[1] Советская Абхазия, 1930, 3 января.

[2] А.Э. Куправа. Абхазская деревня на пути к социализму (канун коллективизации 1926-1929), с. 55.

классовой борьбы. В начале января 1930 года на совещании Сухумской уездной комиссии по изъятию земель докладчики говорили об ожесточенном сопротивлении классовых врагов, о повышении активности бедноты, об укреплении бедняцко-середняцкого союза. Перед лицом наступления социалистических элементов кулаки, бывшие дворяне и князья стали блокироваться в единую политическую силу против бедняцко-середняцкой массы деревни. Они вели агитацию среди трудящихся крестьян под лозунгом «сегодня отбирают землю у нас, а завтра и у вас», «настанет и ваша очередь», «сегодня объединяют земли, а завтра выстроят общую казарму и загонят туда всех и получится неразбериха, где и кто твоя и кто чужая жена»[1] и др. Они подготавливали отдельных крестьян, чтобы провалить на собраниях эти вопросы. В с. Эшера кулаки, узнав, что у них отбирают земли, созвали свое собрание и подготовили одного бедняка, чтобы провалить собрание бедноты, за что ему было предложено 200 руб. Но эта попытка была сорвана[2]. Кулаки, бывшие дворяне и князья повсюду оказывали яростное сопротивление, всячески добивались удержания за собой земель. С другой стороны, бедняки и середняки под руководством партийных организаций стали энергично разоблачать махинации этих враждебных сил, вскрывали нетрудовых землепользователей, отбирали у них земли и передавали в фонд коллективизации.

Своеобразие классовой борьбы, развернувшейся в ходе изъятия земель из нетрудового пользования, определялось тем, что Советская власть наносила удар одновременно и кулаку, сосредоточившему в своих руках новые земли путем закупки их после уравнительного предела, и остаткам помещичье-феодальных отношений. В этих новых условиях кулаки, бывшие дворяне и князья оказались в одном лагере, они выступали вместе против бедняцко-середняцкого крестьянства. В обострившейся борьбе еще более укреплялся союз бедняцко-середняцкой массы. Это

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2. Д. 300/3, л. 119.
[2] Там же, л. 265/1, л. 157.

было подчеркнуто президиумом Абхазского обкома партии, который 21 января 1930 года обсудил вопрос об изъятии земель из нетрудового землепользования и одобрил предварительные данные хода этой работы. В решении президиума говорилось: «Решительные мероприятия партии и власти по изъятию земель из нетрудового пользования, по развертыванию наступления на капиталистические элементы абхазской деревни дали положительные результаты, выражающих в мобилизации батрацко-бедняцко-середняцки масс вокруг этих мероприятий, вскрыв подлинное лицо классового врага в деревне, оказывающего сопротивление и пытающегося использовать слабые участки нашей работы в целях срыва намеченных темпов по реконструкции сельского хозяйства»[1]

XII Абхазская областная партийная конференция (апрель 1930 г.) дала директиву продолжить работу по «полному искоренению феодально-помещичьих отношений в деревне», вести «дальнейшую решительную борьбу с куплей-продажей земли»[2].

Зимой и весной 1930 года путем изъятия земель из нетрудового пользования были ликвидированы остатки феодально-помещичьих земельных отношений и значительно подорваны капиталистические элементы в земельных отношениях. Это ослабило экономическую базу враждебных классовых сил в абхазской деревне, освободило значительную массу деревенской бедноты и середнячества от помещичьего и кулацкого влияния, создало благоприятные условия для дальнейшего укрепления позиции батрачества и бедноты в деревне, упрочнения их союза с середняком.

В ходе ликвидации остатков помещичьего землевладения выселялись из Абхазии наиболее активные враги Советской власти. Еще 22 марта 1929 года Н. А. Лакоба сообщил специальной комиссии ЦИКа Абхазии о том, что принято решение выслать из

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1 оп. 2, д. 300/3, л. 119.

[2] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов, с. 211.

пределов Абхазии 24 князей и дворян, «которые вели агитацию против Советской власти, принимали активное участие в августовской авантюре 1924 года» и продолжали «заниматься грабежами и убийствами ответработников, ...спекуляцией, эксплуатацией батраков и разными комбинациями»[1]. Многие из них активно участвовали в подавлении Советской власти в Абхазии в 1918 году, в период меньшевистской власти являлись организаторами террора, убийства известных революционеров Павла Дзигуа и Дмитрия Кобахия, поджога домов борцов за Советскую власть. Они высылались из Абхазии в принудительном порядке, «предварительно подвергая аресту», или добровольно, «не подвергаясь аресту»[2]. В дальнейшем количество дворян и князей, подлежащих выселению, было увеличено. В начале октября 1924 года Н. А. Лакоба на собрании партактива г. Сухуми говорил, что из Абхазии в отдаленные места Советского Союза выслано около 25–30 человек «самых злостных, самых активных противников Советской власти»[3]. Кроме того 5–6 человек было сослано в Соловецкий монастырь сроком от 5 до 10 лет[4].

7 январи 1930 года «Советская Абхазия» писала: «Дворянские, княжеские гнезда – доподлинно осиные гнезда. Они на каждом шагу больно жалят молодое тело Советской Абхазии. Гнуснейшая провокация, угнетение батраков, срыв кампаний, убийства, грабежи, бандитизм все это исходит из этих осиных гнезд, идет под тонкой маской или при личном участии»[5].

Подавление сопротивления свергнутых эксплуататоров, применение по отношению к ним репрессивных мер было вынужденным, законным и справедливым средством защиты революционных завоеваний. Насилие, карательные меры применялись лишь по отношению бывших эксплуататоров, которые

---

[1] ПААО КП Грузии, ф.1, оп. 1. Д. 25, лл. 283-287.
[2] Там же, л. 283.
[3] Там же, ф. 1. оп. д. 273/1, л. 159.
[4] Там же.
[5] Советская Абхазия, 1930, 7 января.

вели контрреволюционную работу, активно действовали против Советской власти. Абсолютному же большинству бывших дворян и князей, прекративших паразитическое существование, постепенно перешедших к трудовому образу жизни была предоставлена возможность трудиться наравне со всеми трудящимися, приобщиться к строительству социализма. Величайшее преимущество социалистического строя в том и состоит, что он открыл возможность равенства всех членов общества.

* * *

В период подготовки условий для коллективизации еще более повысилась роль налога в регулировании частонокапиталистического накопления деревни. Реформа сельхозналога, проведенная Советским правительством в 1926 году, усилила обложение кулацкой и зажиточной части деревни при одновременном уменьшении размера изъятия из доходов середняцкой части крестьянства. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1928 года, указав на необходимость усиления наступления на капиталистические элементы и широкого развертывания социалистического строительства в деревне, отметил, что наступление на кулачество должно вестись путем проведения ряда мероприятий, в том числе «систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплуататорских стремлений…». Это решение партии было положено в основу Закона о сельскохозяйственном налоге 1928/29 года. Наиболее богатые кулаки стали облагаться в индивидуальном порядке.

Абхазская партийная организация большое внимание уделяла правильному проведению, в жизнь советской налоговой политики. Среди крестьянства пропагандировались основные положения Закона о сельхозналоге, в учетные комиссии вводились авторитетные бедняки и середняки. Президиум Абхазского обкома партии в своем постановлении от 19 июня 1928 года указал принять меры для полной ликвидации «махинаций кулаче-

ства по укрытию объектов обложения».[1] X Абхазская областная партконференция (ноябрь 1928 г.) постановила усилить экономическую борьбу с кулаком мерами налоговой политики путем более точного учета его доходов[2].

В 1928/29 году в Абхазии от налога полностью было освобождено 57 проц. от общего числа крестьянских хозяйств. 9,1 проц. зажиточно-кулацких дворов уплачивало 68,4 проц. всего налога, а 90,9 проц. других облагаемых середняцких хозяйств–31,6 проц. В среднем один облагаемый середняцкий двор уплачивал 7 руб. 84 коп., зажиточное хозяйство – 56 руб. 47 коп. и кулацкое 142 руб. 48 коп.[3] С переходом в 1928/29 году на индивидуальное обложение кулаков было связано дальнейшее увеличение борьбы с эксплуататорскими тенденциями деревенской буржуазии.

В дальнейшем были приняты меры, направленные на перенесение всей тяжести обложения на наиболее крупные кулацкие хозяйства. В апреле 1929 года V съезд Советов ССР Абхазии, обсудив доклад о сельхозналоге, отметил недостатки и факты искривления налоговой политики, наметил конкретные меры по проведению нового закона о сельхозналоге, принятого правительством СССР в феврале 1929 года, который предусматривал дальнейшее облегчение налогового обложения середняков и более решительное вытеснение кулака из хозяйственной жизни деревни. С 1929 года в законе о сельхозналоге был установлен расширенный перечень признаков для выявления кулацких хозяйств, привлекавшихся к обложению в индивидуальном порядке. Индивидуально облагались кулацкие хозяйства, которые имели доходы от сельскохозяйственных предприятий (мельницы, кирпичный и черепичный заводы и т. д.) с применением в них наемного труда хотя бы без механических двигателей;

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 20, ал. 159-160.

[2] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов. 1922 1930 гг., с. 182.

[3] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 62, л. 167.

сдававшие в наем оборудование и строения под жилые или под торговые и производственные предприятия; занимавшиеся спекуляцией и ростовщичеством; постоянно применявшие в сельскохозяйственном производстве наемный труд.

При осуществлении обложения в индивидуальном порядке в ряде мест были допущены ошибки. Были обнаружены случаи индивидуального обложения середняка и незаконного освобождения от него кулацких хозяйств. Кулаки всячески добивались скрыть источники своего дохода, избежать индивидуального обложения.

Приспосабливаясь к новым условиям, кулачество все больше переходило от явных форм и средств эксплуатации к скрытым, завуалированным (передача части имущества родственникам или чужим лицам, тайная спекуляция и торговля, тайное ростовщичество и т. п.). Тем самым кулачество нередко достигало своей цели, особенно там, где к этой работе слабо привлекались бедняцкие группы. Для ликвидации ошибок, допущенных при индивидуальном обложении, постановлением ЦИКа и СНК Абхазии от 10 февраля 1930 года при уездных исполкомах и сельсоветах были образованы специальные комиссии[1]. Эти комиссии провели большую работу по дополнительному выявлению кулаков, подлежащих индивидуальному обложению. В индивидуальном порядке в Абхазии было обложено в 1928/29 году 0,6 проц. всех учтенных крестьянских дворов, в 1929/30 году–4,6 проц. всех дворов, в 1930/31 году– 0,8 проц. всех крестьянских дворов. В 1929/30 году – 1,6 проц. кулацких хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, внесли 33,6 проц. всего сельхозналога, а в 1930/31 году 0,8 проц. кулацких хозяйств внесли 24,6 проц. В 1929/30 году в среднем одно индивидуально обложенное хозяйство уплатило 153 руб., а в 1930/31 году–300 руб[2]. Прогрессивно-подоходное обложение своим острием было

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 78.

[2] Материалы отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов. Сухум, 1931, с. 33; ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 44.

направлено на ограничение частнокапиталистического сектора в сельском хозяйстве, на ограничение и вытеснение кулака, с перенесением основной тяжести налога на кулацкую верхушку.

С конца 1929 года, когда партия провозгласила политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, за налогами осталась вспомогательная, хотя и значительная экономическая роль в процессе проведения этой политики. В это время в Абхазии (как и в целом в Закавказье, еще не развернулась сплошная коллективизация, следовательно, отсутствовало это главное условие для ликвидации кулачества как класса. В феврале 1930 года пленум Абхазского обкома КП(б) Грузии, руководствуясь директивами ЦК ВКП(б), постановил: «Принимая во внимание, что Абхазия еще не вступила в полосу развертывания сплошной коллективизации, в качестве основной задачи ставится ограничение и вытеснение кулачества, как подготовка перехода к главному лозунгу партии–ликвидации кулачества, как класса»[1]. В этих условиях налоговая политика, наряду с другими экономическими рычагами, служила одним из главных средств борьбы с кулаком. Поэтому партийные и советские ороганы республики добивались максимального использования налогового обложения для наступления на кулачество, экономического ограничения и вытеснении его.

***

Одним из основных направлений социалистического наступления против капиталистических элементов деревни ягвлялось развитие кооперативной и государственной торговли.

Накануне перехода к массовой коллективизации происходила ожесточенная борьба с частным капиталом в сфере товарного обращения. Нэпманы обладали исключительной изворотливостью и умением приспосабливаться к быстро меняющимся ус-

[1] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных, конференций и пленумов. 1922–1930 гг., с. 200.

ловиям рыночной коньюнктуры. Они искусно маневрировали и прибегали к различными ухищрениям, чтобы избежать контроля государственных органов. Частные торговцы использовали малейшую возможность для извлечения прибыли. Они производили скупку дефицитных товаров, поддерживали контрабанду, играли на расхождении цен. Они отличались исключительной активностью, гибкостью, умением быстро улавливать все колебания спроса.

Количество частных торговцев росло за счет «новой» нэпманской буржуазии. В процессе классового расслоения крестьяне постоянно выделяли из своей среды торговцев. Кроме того, определенная часть торговцев, вытесненная из города, продолжала в сельских местностях нелегально заниматься скупкой и перепродажей товаров, а также мелкими поставками и подрядами. Нередко частник, выходец из зажиточно-кулацкой среды, вытесненный из деревенской розничной торговли, после прикрытия своей лавки, переходил к предпринимательской деятельности в тех же формах, что и появившийся из города торговец. В данном случае кулак-скупщик выступал нелегальным торговцем. Частник весьма искусно приспосабливался к потребителю деревни.

Однако с частным торговцем велась острая борьба. Обобществленный сектор из года в год сокращал, а затем вовсе прекратил денежное и товарное кредитование частного капитала. Усиливался нажим налогового пресса. Всемерную государственную поддержку имела кооперация. Быстро развивалась потребительская кооперация в деревне. Росла заинтересованность крестьянства в укреплении ее. «Тяга крестьянства в кооперацию усиливается с каждым днем,–писал председатель Абсоюза Г. Аджамов.–Ежедневно поступают сообщения о том, что население такого-то селения ходатайствует об открытии у них кооператива, готово быстро собрать нужные средства и отводит под магазины общественные здания. Крестьянство отлично поняло величайшее значение кооперации и теперь уже не хочет отда-

ваться в руки частного торгоша. Крестьянство охотно крепит местную кооперацию»[1]. В 1926–27 году в потребкооперации Абхазии состояло 10,2 тыс. пайщиков, в 1927/28 году–19,1 тыс., в 1928/29 году–42,0 тыс., в 1929/30 году–78,3 тыс., в том числе, в селе 55,5 тыс. пайщиков[2]. Потребительская кооперация превратилась в одну из самых массовых организаций трудящихся.

После XV съезда партии борьба с частным капиталом в торговле усилилась. Неуклонно возрастала в деревне розничная торговля обобществленного сектора. В сельской местности потребительская кооперация в 1927/28 году продала в розницу товаров на 2 300 тыс. руб., в 1928/29 году–на 5 200 тыс. руб., в 1929/30 году–на 7 713 тыс. руб.[3]. За эти годы товарооборот розничной сети в деревне увеличился в 3,4 раза. Потребительская кооперация сыграла решающую роль в ограничении и вытеснении частного торговца из розничного товарооборота. Значительное место занимала и госторговля. В 1925/26 году в сельских районах Абхазии на долю частника приходилось 40 проц. розничного товарооборота, а в 1929/30 году–17,0 проц.[4]. Соответственно с этим сократилась и сфера капиталистических отношений в деревенской торговле. Уже в 1929/30 году на деревенском рынке крестьянин только на пятую часть своего оборота вступал в отношения с частником, подвергаясь эксплуатации со стороны торгового капитала.

Таким образом, в доколхозной абхазской деревне кооперация успешно выполняла задачу вытеснения и замещения частного торговца, спекулянта и скупщика, все больше избавляла своих членов от эксплуатации со стороны торгового капитала. Потребительская кооперация вместе с госторговлей укрепила торговую смычку между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, упрочила союз рабочего класса с трудящимся крестьянством.

---

[1] Советская Абхазия, 1926, 3 июля.

[2] ЦГА, ф. 123, оп. 1, д. 123, л. 3.

[3] ЦГАА, ф. 123, оп. 1, д. 123, л. 5.

[4] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, лл. 76–77.

Кооперативное строительство сопровождалось острой классовой борьбой. Рост авторитета потребительских обществ в деревне, усиление тяги к ним со стороны крестьянских масс еще более озлобляло скупщиков-спекулянтов и кулаков. Под постоянным давлением кооперации, шаг за шагом теряя позиции, чувствуя свою экономическую и моральную обреченность, они всячески вредили кооперации, старались подорвать ее авторитет. Например, в селе Эстонка, где хорошо была поставлена работа правления кооперации, кулацкие элементы настраивали население против членов правления. Таким же путем кулаки препятствовали работе Полтаво-Ольгинского - потребительского общества[1].

Враждебные элементы, проникнув в руководство сельской кооперации, путем хищений и злоупотреблений подрывали ее работу, стремились развалить кооперативы. Однако потребительские общества экономически укреплялись, неуклонно повышалась их роль в развитии позиции социалистических и в ограничении и вытеснении капиталистических элементов в деревне.

Ведущее место в борьбе с капиталистическими элементами деревни принадлежало сельскохозяйственной кооперации. «Опыт истекших лет, последних лет в особенности,–говорилось в решении XV съезда,–подтвердил целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму, переделывая индивидуальные и раздробленные производственные единицы–как через процесс обращения, так все больше и через реорганизацию и объединения самого производства–в крупное обобществленное хозяйство на основе новой техники (электрификации и т. д.).»[2]

Накануне коллективизации в абхазской деревне быстро развивались простейшие формы сельскохозяйственной коопера-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 185, л. 265.
[2] КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 57.

ции. На 1 октября 1927 года сельскохозяйственные кредитные товарищества объединяли 16 142 члена, а на 1 апреля 1929 г. – 21003 члена или 57,4 проц. всех крестьянских хозяйств. В табачной кооперации состояло на 1 октября 1927 года–12 357 членов, а в 1929 году–17 147 членов. Кооперированность табаководческих хозяйств достигла 87,5 проц.

Для решения новых задач в абхазской деревне, поставленных XV съездом партии, было необходимо значительно улучшить руководящий состав сельскохозяйственной кооперации, окончательно ликвидировать имевшееся в некоторых товариществах влияние кулацкого элемента. Особенно это касалось системы табачной кооперации. В правлениях некоторых райтабкоопов преобладали зажиточные крестьяне, и этим пользовались кулаки. В отдельных случаях прокулацкие элементы, являясь работниками кооперативных товариществ, оказывали влияние на деятельность правления кооператива. Кулацкие настроения имели и отдельные работники центрального правления табачной кооперации Абхазии. Они отрицали социальную дифференциацию среди табаководов, поддерживали связь с кулацкими хозяйствами. Касаясь этого вопроса, председатель Совета табачной кооперации В. Ладария, в мае 1928 года на IV собрании уполномоченных Абтабсоюза, говорил: «Вы думаете, случайно наши члены центрального правления хвосты держали в табачных плантациях? Все это было отражением кулацких настроений, нажимом кулацкой части плантаторской массы»[1]. Влияние зажиточных и кулацких элементов в кооперации препятствовало проведению правильно выдержанной классовой линии, твердому осуществлению политики Коммунистической партии в кооперативном строительстве. Учитывая это, в некоторых товариществах весной 1928 года были проведены досрочные перевыборы, а из центрального правления Абтабсоюза выведены члены с прокулацким настроением. Подчеркивая зна-

[1] ЦГАА, ф. 60, оп. 2, д. 188, л. 77.

чение перевыборов для осуществления политики партии в кооперативном строительстве, В. Ладария говорил: «Внутри нашей организации кулаки в смысле активного руководства никакой роли не играют. Кулацки настроенный элемент вышиблен из табаководческой кооперации. Без этого мы не могли бы двигаться вперед»[1].

Отчетно-выборная кампания 1929 года в системе табачной кооперации прошла под девизом: «Ни одного лишенца, ни одного бюрократа, ни одного растратчика, ни одного ротозея не должно быть в выборном аппарате кооперации! Побольше активных, работоспособных, опытных работников, а также побольше выдвиженцев из местных националов, партийцев, рабочих, батраков, бедняков, лучших середняков, женщин и молодежи!»[2]. В результате перевыборов руководящие органы кооперации значительно окрепли.

В 1928 году досрочные перевыборы были проведены в Гульрипшском, Драндском, Михайловском и Гагрском сельскохозяйственных кредитных товариществах, в которых кулацкие элементы имели определенное влияние. Во время отчетно-выборных собраний 1929 года в правления и ревизионные комиссии кредитных товариществ было избрано до 60 проц. бедняков и 40 проц. середняков. Это явилось важнейшей предпосылкой правильного проведения классовой политики в хозяйственной деятельности кооперации.

Ограничению и вытеснению сельской буржуазии существенно содействовала кредитная деятельность сельскохозяйственной кооперации. Классовая направленность кредита особенно усилилась с введением в 1928 году контрактации табака. Контрактация кулацких хозяйств запрещалась. Фонды кредитования бедноты были увеличены[3]. Контрактация в руках кооперации явилась основным средством подъема бедняцких и под-

[1] Там же, л. 45.

[2] Советская Абхазия, 1929, 18 мая.

[3] Архив Абгосмузея, д. 127, лл. 174–175.

держания середняцких хозяйств, проведения политики ограничения и вытеснения кулачества, наиболее действенной формой организованного экономического наступления на капиталистические элементы,

С каждым годом возрастала роль сельскохозяйственной кооперации в организации товарооборота между городом и деревней. Решительную борьбу развернула она за вытеснение частного торговца и скупщика с заготовительного рынка, прежде всего с табачного рынка, так как табак являлся основным товарным продуктом сельского хозяйства. Посредством политики цен и других экономических мер с 1924/25 года заготовка табака была сосредоточена исключительно в руках кооперативных и государственных органов. Скупщик был нейтрализован. Весь урожай табака поступал к государству через социалистический сектор. Табаковод был избавлен от огромных потерь, которые он нес раньше, связываясь с частником. Он теперь по твердым государственным ценам реализовывал всю свою продукцию и освободился от жестокой эксплуатации скупщика и спекулянта, от постоянной угрозы разорения в результате колебания стихийных рыночных цен. Советская система заготовок табака лишала кулаков и скупщиков огромных капиталов, которые они раньше получали, участвуя в посреднических операциях при сбыте табака. В условиях Советской власти табачный рынок перестал быть фактором, усиливающим классовое расслоение крестьянства.

Сельскохозяйственная кооперация заготовляла коконы шелкопряда, хлопок, продукцию виноградарства и виноделия, мелкий орех, цитрусовые, различные фрукты. Она шаг за шагом овладевала рынком сбыта сельскохозяйственной продукции. Решающие успехи в этом направлении были достигнуты в 1928–1929 годах.

Через кооперацию заготовлялись более 20 различных видов продукции полеводства, садоводства, огородничества, животноводства – 85-90 проц. всех сельскохозяйственных заготовок.

Скупщики и спекулянты решительно вытеснялись с заготовительного рынка. Характерно письмо скупщика-спекулянта, поданное в Совнарком Абхазии в мае 1929 года: «Ныне с развернувшейся работой сельскохозяйственной кооперации за истекший сезон мы не имели возможности получить фрукты от крестьян, ибо они сдавали Абсельсоюзу для сбыта на комиссионных началах, чем поставили нас в крайне затруднительное положение». Далее в документе говорится: «Мы вполне сознаем, что проводимая политика вытеснения частника знаменует собой укрепление кооперации и не желаем идти в разрез с ней, ибо она нас придушит своей политикой. Просим Вас приобщить нас к общему росту кооперативного строительства, дабы мы могли своим личным трудом и знанием принести пользу государству»[1]. К концу 20-х годов скупщик признал свое банкротство.

Накануне коллективизации сельскохозяйственная кооперация прочно заняла роль основной организации в снабжении деревни сельскохозяйственными орудиями и средствами производства. В соответствии с установками государства Абсельсоюз через кооперативные товарищества распределял плуги, культиваторы, сеялки, молотилки, бороны и прочие орудия для обработки почвы, посева и уборки урожая. Табачная кооперация снабжала табаководов минеральными удобрениями, ядохимикатами, строительным материалом для табачных сараев, семенами и т. д. Через райтабкоопы абхазские табаководы получили производственные материалы в 1927 году на 400 тыс. руб., в 1928 году – 519,7 тыс. руб., в 1929 году–на 702,2 тыс.[2] руб. В 1928–1929 годах, в соответствии с директивами съезда партии, были значительно усилены меры по регулированию классовой направленности снабжения крестьянских хозяйств машинами, орудиями и другими товарами производственного назначения. В этих целях использовались политика цен, фонды кредитования бедняков и т. д. Ограничивалось, а затем было прекраще-

[1] ЦГАА, ф. 61, д. 69, л. 17.

[2] ЦГАА, ф. 60, д. 188, л. 9; Архив Абгосмузея, д. 126, л. 210.

но кредитование снабжения зажиточных и кулацких хозяйств. Расширение сбыто-снабженческой деятельности кооперации все более ограничивало и вытесняло частный капитал из сферы оборота.

Таким образом, накануне коллективизации, особенно после XV съезда партии, под воздействием налоговой и кредитной политики Советского государства, а главное в связи с широким развертыванием снабженческо-бытовой и производственной деятельности сельскохозяйственной кооперации и возросшим натиском государственно-кооперативной торговли происходило усиленное наступление на кулачество. Это укрепляло союз рабочего класса и трудового крестьянства – социальную силу, способную преодолеть сопротивление кулачества и других реакционных элементов, последнюю крепость устаревших капиталистических отношений и дать полный простор новым социалистическим производственным отношениям.

* * *

В 1928–1929 годах, натолкнувшись на жесткие рамки, поставленные экономической политикой Советского государства, почувствовав в усиленном развитии кооперативных форм хозяйства свою надвигающуюся гибель, кулачество активизирует борьбу, придавая ей все более ожесточенный, массовый характер. В преддверии развертывания коллективизации кулачество пытается нанести удар по социалистическому строительству. Это ярко проявилось в селе Михайловском.

Здесь кулаки вели напряженную борьбу «за влияние на крестьянство и захват советских, кредитных, кооперативных и других учреждений района, прибегая к различным способам воздействия на среднее крестьянство»[1]. Антисоветским элементам удалось разбить крестьянство на враждебные груп-

[1] Советская Абхазия, 1928, 21 июля.

пировки, что облегчило им усилить свое влияние в советских учреждениях. Комиссия РКИ Абхазии, изучив положение дел в селе Михайловском, наметила меры по ликвидации обостренной обстановки, созданной кулаками, укреплению советских и кооперативных организаций. Было решено провести в деревне показательный процесс Высшего суда Абхазии для осуждения преступников[1]. Президиум Абхазского обкома партии обсудил Михайловское дело, одобрил решения РКИ Абхазии, наметил мероприятия по политической изоляции кулачества[2].

В течение ряда лет подрывную, антисоветскую работу проводили цебельдинские кулаки. Здесь действовали две противоборствующие группы. Борьба этих кулацких групп за гегемонию в деревне фактически была направлена против Советской власти. Долгое время эта борьба квалифицировалась как фамильная борьба, не была раскрыта ее классовая сущность. В результате кулаки здесь безнаказанно творили свои контрреволюционные деяния[3].

В горном селе Псху нашли убежище разные контрреволюционные элементы. Они всячески добивались парализовать местные советские органы, держать в темноте и подчинении трудящиеся массы.

В эти годы в ряде мест активизировались банды, действия которых наносили вред трудящимся, создавали напряженную обстановку. Они совершали убийства, поджоги и другие преступления. В 1928 году одна из таких банд убила уполномоченного информпункта АбГПУ коммуниста Баграта Пагава. Убийство вызвало всеобщее возмущение трудящихся республики. Председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба в эти дни писал: «Княжескими бандитами открыто и нагло убит самоотверженный и смелый работник Советской власти, сын крестьянина Баграт Пагава.

---

[1] Там же.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 20, лл. 162–163.

[3] Там же, ф. 1, оп. 2, д. 265, лл. 6–7.

Трудно верится, чтобы на исходе восьмилетия Советской власти в Абхазии княжеские бандиты посмели поднять свои грязные руки против власти рабочих и крестьян. Жестоко отомстим за дорогую жизнь нашего Баграта»[1]. Бандитами было убито из-за угла немало славных сынов народа, самоотверженных борцом. Уголовные преступники поддерживали связь с антисоветскими элементами деревни, последние нередко использовали банды уголовных преступников, скрывавшихся в лесу, в своих классовых интересах. Через них они совершали политические убийства и другие антисоветские действия.

Кулаки и остатки дворянско-княжеских элементов всеми средствами сопротивлялись колхозному строительству. Особенно активизировались они со второй половины 1929 года, в связи с усилением колхозного движения. Формы и методы их борьбы были разными. В начале колхозного строительства они распространили различные провокационные слухи против колхозов, пытались доказать, что колхозы являются организациями «лодырей и нищих». Злобная антиколхозная агитация кулаков была рассчитана на отсталые массы.

Таким путем в ряде мест были спровоцированы выступления женщин против колхозов. В Самурзаканском уезде женщины заявляли: «Мы пришли к вам сегодня сказать, что мы не хотим в казармах жить», «Если попробуют нас погнать насильно в казармы, то лучше умереть всем у своего очага».[2] Потребовалась большая политическая и разъяснительная работа партийных и советских органов, чтобы переубедить участников женских выступлений в провокационном характере слухов о колхозах, распространяемых вражескими элементами.

Кулаки и другие антисоветские силы спекулировали на национальных и сословных предрассудках и религиозных чувствах населения. В греческих селах Александровка, Константиновка, Михайловка и других с целью сорвать собрания, посвященные

[1] Советская Абхазия, 1928, 1 сентября.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 185.

организации колхозов, они распространяли слухи о том, что «снимают колокола, закрывают церкви, будут печатать детей печатью антихриста»[1]. В селе Михайловка кулаки спровоцировали выступление масс, ударив ночью в набат.

Это было сделано в тот момент, когда собрание партийной ячейки вместе с активом бедноты и членами профсоюза утверждало решение комиссии об отбирании земель у нетрудовых элементов. Когда село сбежалось, кулаки и подкулачники пустили слух о том, что якобы собрание ячейки решает вопрос о закрытии церкви. Эта провокационная вылазка кулаков была разоблачена.[2]

Используя «родовые связи», псевдородственные отношения и экономическое влияние, кулаки создавали свой «актив» из людей отсталых, зависимых от них в экономическом отношении, и зажиточных слоев деревни. В целях расширения круга своих сторонников они нередко прибегали к спаиванию, к различным подачкам и подкупам.

Кулаки пытались сорвать собрания, посвященные организации колхозов в селах Линдау, Владимировка (Гумистинский уезд) и других. В селе Сальме (Гагринский уезд) кулацкие элементы пытались сорвать доклад о коллективизации, затеяв в помещении собрания картежную игру. В селе Александровка кулаки напоили крестьянина, записавшегося в колхоз, и тот в состоянии сильного опьянения начал рубить на своем участке плодовые деревья.[3] В селе Багмаран кулаки захватили колхозную землю, а в селе Дурипш подожгли колхозный сарай с табаком. Группа кулаков села Мцара оклеветала комсомольцев села в антиобщественных действиях и требовала их ареста. В борьбе с кооперативно–колхозным движением кулаки не брезгали ничем. Они старались всячески дискредитировать организаторов колхозов, терроризировать крестьян, активно боровшихся за

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 157-158.
[2] Там же, л. 241.
[3] Там же, л. 158.

колхозы, прибегали к избиениям представителей партийно-советского актива и селькоров.

Зловещую картину кулацкой деятельности раскрыл показательный процесс над 44 кулаками и их приспешниками в селе Цебельда, происходивший в октябре-ноябре 1929 года. Кулаки здесь совершали убийства наиболее активных представителей Советской власти (коммунистов, батраков), сокрытие объектов обложения, куплю-продажу земель, нарушали кредитную политику, грабили советские организации. Цебельдинские кулаки предприняли попытку разогнать заседание партийной ячейки, тяжело ранили ее секретаря[1]. Кулаки-террористы понесли достойное наказание. Главари кулацкой банды были приговорены к расстрелу. Их осуждение с удовлетворением было встречено трудящимися крестьянами. В ноябре 1929 года собрание Сухумской партийной организации и актива комсомола обсудило доклад «Политические уроки цебельдинского дела» и наметило мероприятия по пресечению причин, породивших контрреволюционные деяния цебельдинских кулаков[2].

Президиум ЦК КП(б) Грузии в своем постановлении от 21 декабря 1929 года отметил, что цебельдинское дело имеет большое политическое значение и предложил Абхазскому обкому партии сделать из цебельдинского процесса необходимые выводы, мобилизовав внимание парторганизации на задачи наступления на кулацкие и дворянско-княжеские элементы[3].

Решение ЦК КП(б) Грузии возымело большое значение в деле мобилизации внимания Абхазской парторганизации на практические задачи партийной работы в деревне.

12 декабря 1929 года «Советская Абхазия» опубликовала передовую статью «Классовая борьба в деревне», в которой говорилось: «Цебельда, Михайловское, Мцары, сотни отдельных вы-

---

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 2, д. 265/1, л. 6.

[2] Там же, ф. 1, он. 2, д. 300./3, лл. 9–8.

[3] Партархив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, ч. II, д. 3116, л. 312.

лазок классового врага, все это свидетельствует об обострении борьбы в деревне... Факты последних дней, когда кулачество в борьбе с завоевывающим деревню социализмом переходит к избиениям, к срыву собраний, посвященных обсуждению важнейших мероприятий партии и власти (Келасури), срыву этих мероприятий (Адзюбжа), подкупу и клевете (Зарандия), перекрашиванию (Баклановка), требуют к себе пристального внимания наших организаций и, в первую очередь, уездных и сельских»[1].

* * *

Развернувшееся в деревне культурное строительство вызвало сопротивление реакционных сил. Создание новой трудовой школы вместо церковно-приходских школ, освобождение школы от влияния религии, переподготовка и перевоспитание сельских, учительских кадров и другие мероприятия Советской власти в области школьного образования проходили в условиях острой классовой борьбы.

Борьба за ликвидацию неграмотности, развернувшаяся в доколхозной деревне, наносила серьезный удар по интересам эксплуататорских элементов, ограничивала их влияние на массы, политическая активность которых с ростом грамотности заметно повышалась. Видя это, классовый враг всеми средствами противодействовал ликбезработе. В 1925/26 учебном году в Гудаутском уезде враждебные элементы вели агитацию против обучения допризывников. Вот что об этом писал Главполитпросвет Абхазии: «Гудаутскому уездному политпросвету пришлось столкнуться с имевшей там место агитацией против обучения в ликпункте, подрывавшей посещение ликпунктов допризывниками, составляющими большой процент обучающихся. Среди допризывников распускались слухи, что их обучают для того, чтобы тотчас же после обучения взять на воен-

[1] Советская Абхазия, 1929 12 декабря.

ную службу, а оставшиеся неграмотными призваны не будут»[1]. Реакционные силы, чтобы воспрепятствовать тяге трудящихся к просвещению и культуре, оживляли всякие отсталые взгляды, в том числе пережитки отрицательного отношения населения к военной службе, имевшее место в условиях царизма, когда абхазы, объявленные, «виновным» населением, не призывались в армию. Но в результате разъяснительной и политико-массовой работы партийных и комсомольских ячеек старания врагов не увенчались успехом. Гудаутский уездный политпросвет в отчете за 1926/27 учебный год, отмечал заинтересованность юношей в повышении грамотности, указывал, что «молодежь посещала ликбезы охотно и ревностно занималась»[2].

В селе Гудава Гальского уезда кулак, пытаясь сорвать открытие школы ликбеза, заявил: «Мы вообще не против того, чтобы нас, взрослых, обучали грамоте, но мы знаем, что там не азбуке нас будут обучать. Там заражают мужчин и женщин коллективом. Потом хотят нас объединить всех... Мы не хотим школы, ибо там готовят сумасшедших людей, добровольно идущих в колхозы».[3]

О борьбе кулаков против ликбеза в Сухумском уезде «Советская Абхазия» сообщала следующее: «Бешенное сопротивление в деле организации ликбезов на селе политпросвет встретил со стороны кулачества. Кулачество и по сей день не терпит ликбезов».[4] Например, в селе Николаево-Анастасьевском Сухумского уезда, где женский ликпункт объединял 36 крестьянок, когда одна из них вышла замуж за колхозника, антисоветские элементы сразу попытались использовать этот факт в провокационных целях. «Не идите в ликбез, вот Шаминашвили отдали замуж в колхоз и вас всех отдадут, а в колхозе станете общими женами»,– заявляли кулаки».[5]

---

[1] ЦГАА, ф. 55, д. 64, л. 12.

[2] ЦГАА, ф. 55, д. 128, л. 242.

[3] А. Э. Куправа. Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979, с. 60.

[4] Советская Абхазия, 1930, 19 февраля.

[5] Там же.

Кулаки и другие вражеские элементы старались подорвать работу культурно-просветительных учреждений. Они видели, что сельские клубы и избы-читальни повышают не только культурный уровень, но и политический кругозор бедняцко–середняцкой части крестьянства, организуют и сплачивают их для строительства новой жизни в деревне. О том, как мешали кулаки открыть в селе Эшера избу-читальню, можно убедиться из следующей корреспонденции: «Известие о предполагающемся открытии избы-читальни в селе Эшера было с радостью встречено сельской беднотой. К сожалению, изба-читальня до сих пор не открыта, так как кулаки всеми мерами тормозят дело с освобождением помещения, предназначенного под читальню».[1]

Кулацкие элементы преследовали работников культпросветучреждений. Врагами народа бандитски был убит зав. Поквешской избой-читальней коммунист А. Пачулиа, что вызвало всеобщее возмущение трудящегося крестьянства Кодорского уезда.

Политико-просветительной работе изб-читален, клубов, красных уголков вражеские элементы противопоставляли различные провокационные слухи, искажавшие содержание мероприятий Советской власти, затемнявшие классовое самосознание трудящихся крестьян. При этом они использовали отсталые взгляды, пережитки старины, невежество части сельского населения. Борясь против всего нового, классовый враг был заинтересован в сохранении веками укоренившихся вредных обычаев и обрядов, религиозных предрассудков, старых традиций и привычек. Поэтому деятельность культурно-просветительных учреждений, направленная на борьбу с вредными пережитками прошлого, встречала яростное сопротивление реакционных сил[2]. Здесь проходила линия острой классовой борьбы между новым и старым.

---

[1] Голос трудовой Абхазии, 1923, 14 июня.

[2] А. Э. Куправа. Культурное строительство в абхазской деревне (1921 – 1929), с. 139–151.

* * *

Советы, как органы диктатуры пролетариата на селе, как наиболее всеобъемлющие и демократические организации трудящихся, были главными проводниками политики Коммунистической партии, непосредственными исполнителями всех государственных мероприятий на местах. Поэтому неуклонное укрепление сельских Советов являлось важнейшим условием проведения в жизнь классовой линии пролетарского государства в мелкокрестьянской деревне.

В период подготовки условий для коллективизации, особенно после XV съезда ВКП(б), в абхазской деревне была проведена значительная работа по укреплению сельских Советов[1]. В результате принятых мер повысился авторитет Советов среди крестьянских масс и постепенно падало влияние схода в жизни деревни. Характеризуя этот процесс, орготдел ЦИКа Абхазии в сентябре 1928 года писал: «Советы Абхазии нелегко завоевали авторитет в глазах крестьянства... Сход продолжительное время доминировал над сельсоветом. Советы все еще слабо работали, боялись проявить самостоятельность, одним глазом, а подчас и двумя поглядывали на сход. Они не имели своего лица, не был ими завоеван авторитет. Сход большей частью решал все вопросы. Сход съедал сельсовет, особенно в абхазских районах.

В последние годы Советы взяли решительный поворот в сторону самостоятельности, вышли из-под влияния сходов, окрепли, поднялась их работа, и они начинают понемногу становиться центром всей жизни села»[2]. Взаимоотношения схода и совета, борьба между ними за авторитет и влияние в деревне являлись своеобразной ареной классовой борьбы. В абхазской деревне до перехода к коллективизации эта борьба завершилась тем, что Советы стали подлинным центром политической жизни села.

Партийные организации Абхазии в целях политической изоляции кулачества использовали выборные кампании, проходив-

[1] См.: А. Э. Куправа. Абхазская деревня на пути к социализму, с. 263–280.
[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 206.

шие накануне коллективизации. Очищение Советов от кулаков и подкулачников, укрепление их лучшими представителями деревенской бедноты и батрачества являлось необходимым условием дальнейшего оживления работы Советов и перестройки их работы. Поэтому пленум Абхазского обкома партии в марте 1928 пода постановил в предстоящей перевыборной кампании, учитывая опыт прошлых выборов в Советы, «еще решительнее взять курс на вовлечение в их состав батраков, бедняков и середняков и на полную изоляцию кулачества»[1].

Во время перевыборной кампании 1928/29 года кулаки усилили борьбу за влияние в Советах. 24 ноября 1928 года Гудаутский уездный комитет партии обсудил вопрос «О перевыборах в Советы», отметил тенденции кулаков и зажиточных слоев деревни «проводить политическое влияние на бедноту и середнячество», указал, как они всячески стараются использовать ошибки и промахи сельских Советов, стремятся изобразить себя сторонниками и защитниками интересов бедняков и середняков[2]. В ряде мест кулакам удалось перетянуть на свою сторону неустойчивые слои среднего крестьянства[3]. Они прибегали и к подкупу представителей бедноты. В селе Михайловка кулаки за деньги наняли бедняка, «который ночью с фонарем собирал подписи на заявление, где была просьба не лишать голоса их: (кулаков–А. К.)». Таким же путем им удалось в Полтаво-Ольгинском районе собрать «58 подписей на заявление о восстановлении кулакам голосов»[4]. Были попытки подкупить отдельных неустойчивых коммунистов и комсомольцев (в с. Гульрипш и др.)[5] На тайных сборищах кулаки обсуждали, как отвести кандидатуры комму-

[1] Абхазская организация Коммунистической партии Грузии в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов. 1922–1930 гг., с. 155.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 219.

[3] Там же, д. 24, л. 70.

[4] Партархив Груз, филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. Г., ч. 11, д. 3093, л. 24.

[5] Там же, л. 33.

нистов, намечали своих кандидатов. Всячески противодействовали участию батраков в избирательной кампании и выдвижению их в Советы, запрещали батракам посещать собрания, избивали и т. п. Шли на любые ухищрения, чтобы войти в состав Советов и оказать воздействие на его работу.

В ходе предвыборной кампании кулачеству было нанесено серьезное поражение. Выборы качественно улучшили состав Советов. Удельный вес батраков в них составил 5,4 проц. и бедняков–55,5 проц. Советы обновились более чем наполовину[1]. Подавляющее большинство крестьян и сельской интеллигенции, избранных в Советы, принадлежало к беспартийному активу деревни, желавшему работать вместе с партией и под ее руководством.

Социальный состав Советов в результате выборов 1929 года стал более соответствовать новым задачам социалистического строительства и активного наступления на кулачество. Увеличилась и партийно-комсомольская прослойка в сельских Советах. Коммунисты в них составляли 12,5 проц. и комсомольцы 16,6 проц., вместо 9,9 проц. в 1927 году[2]. В ходе выборов в ряде мест были выявлены окулачившиеся коммунисты и комсомольцы.

В период предвыборной кампании сделан новый шаг в организации бедноты, возросла ее роль в деревне, усилился бедняцко-середняцкий блок, значительно укрепились Советы–органы диктатуры пролетариата.

Во время выборов 1929 года в сельской местности не имели избирательных прав 7,1 проц лиц[3], достигших совершеннолетия (по стране в целом 4,1 проц.)[4]

---

[1] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 300, л. 45.

[2] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 175.

[3] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 70.

[4] В. П. Данилов. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки», 1966, с. 79, 25.

В массе кулаки были ограничены от участия в выборах. Однако в некоторых местах не в полной мере была использована возросшая активность батрачества и бедноты и кулацким элементам не был дан решительный отпор, кулак не был полностью политически изолирован.[1] В ряде мест в сельские Советы проникли зажиточные крестьяне и подкулачники.

Тем не менее в целом в составе и деятельности сельсоветов Абхазии к концу 20-х годов произошли большие позитивные сдвиги. Эти сдвиги получили развитие в дальнейшем, подготовили почву той коренной перестройки работы Советов в деревне, которая была произведена в ходе коллективизации.

Обострение классовой борьбы в стране находило свое отражение в жизни партии, усиливало внутрипартийную борьбу. Правые и левые оппортунисты, выступая против генеральной линии партии на построение социализма, проповедовали антиленинские теории «сверх индустриализации» «самотека», «стихийности» развития сельского хозяйства, «устойчивости» мелко-крестьянскою хозяйства, равновесия социалистического и капиталистического секторов, ненужности колхозов, теорию «классового мира» и «врастания кулака в социализм». В Абхазской партийной организации были люди, которые, якобы защищая интересы крестьянства, пытались увести местные организации в сторону от разрешения назревших задач социалистического строительства, сохранить позиции зажиточно-кулацкой верхушки. Преувеличивая значение особенностей деревни Абхазии, они мешали развитию кооперативно-колхозного движения.

Серьезную опасность представлял и другой уклон, игнорировавший местные социально-экономические особенности, бытовой уклад и историческое прошлое абхазского народа. Его носители предлагали механически применять в Абхазии формы и методы кооперативно-колхозного строительства русской дерев-

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 24, лл. 175–176.

ни. Ошибки такого порядка, допускавшиеся отдельными партийными руководителями республики, с помощью ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии были отвергнуты. Абхазская партийная организация приложила большие усилия к тому, чтобы преодолеть уклоны как в сторону преувеличения местных особенностей, так и в сторону игнорирования их, и обеспечила успешное руководство колхозно-кооперативным строительством.

Внутрипартийная борьба находила свое отражение в жизни сельских партийных ячеек. В 1927 году были выявлены подпольные группы оппозиционеров в селах Дранда и Бабушера Сухумского района, в Тагилони, Чубурхинджи, Ачигвара, Саберио, Баргеби, Отобая, Речхо-Цхири и других селах Гальского уезда. 17 ноября 1927 года пленум Гальского укома обсудил доклад В. Ладария «О фракционной работе оппозиции в Гальском уезде». Гальская партийная организация резко осудила фракционную деятельность местных оппозиционеров. Пленум исключил из партии лидера оппозиции бывшего секретаря Гальского укома Т. Ардашелия. В ноябре 1927 года во время дискуссионных собраний партийные организации Абхазии исключили из рядов ВКП(б) и других наиболее активных троцкистов. За фракционные действия были сняты некоторые ответственные работники.[1]

Важную роль в разоблачении единомышленников троцкистско-зиновьевского антипартийного блока в Абхазии сыграла IX конференция Абхазской организации КП(б) Грузии (ноябрь, 1927). Делегации всех уездных партийных организаций выражали свою сплоченность вокруг ленинского ЦК ВКП(б). «Гальская организация,– говорил секретарь уездного комитета партии, делегат Т. Лагвилава, – спаяна и воодушевлена заветами Ленина. Наша организация знает, что сейчас идет генеральное сражение двух идеологических течений – ленинизма и троцкизма, и никогда Гальская организация ленинизм не подменит троцкизмом.

[1] Д.В. Гогохия, А.Э. Куправа. Из истории Абхазской организации КП Грузии (1921-1920 гг.) Тбилиси, 1969, с. 127.

А как работает ЦК, массы судят по местной Советской власти и говорят: «Советская власть дала нам много, и если кто-нибудь посягнет на Советскую власть, мы будем за нее сражаться до последней капли крови»[1].

В деятельности отдельных партийных, советских, кооперативных и хозяйственных организаций Абхазии встречались проявления правого уклона. В практической деятельности это проявлялось в нарушении классовой линии в кредитной кооперации; недостаточном отпоре кулакам в сельскохозяйственной кооперации; непонимании значения коллективизации и противодействии колхозному строительству; слабом вовлечении коммунистов в колхозы; недостаточном внимании к вопросам организации бедноты и батрачества; пассивности в борьбе против купли-продажи земли и т. д. Абхазская партийная организация вела неослабную борьбу с подобными искривлениями партийной линии, со всеми проявлениями правого уклона в практической работе.

XI конференция Абхазской партийной организации (июнь, 1929) призвала всех коммунистов вести решительную борьбу против правого уклона, троцкизма и примиренчества к ним, отдать все силы борьбе «за генеральную линию партии, за индустриализацию страны, за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, за решительное наступление па капиталистические элементы города и деревни»[2]. В борьбе с оппозиционерами партийная организация крепла и еще теснее сплачивалась вокруг ленинского ЦК ВКП(б).

***

Проведенные в доколхозной абхазской деревне первые революционные преобразования (ломка старого государственного аппарата и создание системы Советской власти, аграрная реформа,

[1] ПААО КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 51

[2] Советская Абхазия, 1929, 12 июня.

отмена сословного и национального неравноправия и т. д.), систематическая, целенаправленная, социально-дифференцированная материальная помощь бедняцко-середняцкой массе крестьянства (кредит, снабжение, сбыт, внедрение усовершенствованной сельскохозяйственной техники и т. д.), развитие разветвленной системы советской кооперации (потребительской, сельскохозяйственной, кредитной, простейших производственных объединений, первых колхозов и т. п.), создание первых советских хозяйств на базе бывших помещичьих имений, установление и упрочение смычки сельского хозяйства с социалистической промышленностью, укрепление союза крестьянства с рабочим классом, преобразования в сфере культуры (создание новой системы народного просвещения, национальных школ, новых культурно-просветительных учреждений, работа по ликвидации неграмотности и т. д.) и другие вызвали к жизни совершенно новые процессы, которые вели к невиданной в истории деревни ломке веками сложившихся устоев жизни, перестройке и переплавке разнотипных образов жизни сельского населения в единый по своей сущности социалистический образ жизни.

Будучи закономерным результатом социально-экономических преобразований, следствием глубоких перемен в общественном и индивидуальном сознании, процесс зарождения и формирования нового образа жизни в абхазской деревне развертывался весьма своеобразно. Особенности становления нового образа жизни обусловливались конкретными общественно-экономическими, естественно-географическими и национально-этническими обстоятельствами. Абхазия представляла собой край с низким уровнем развития производительных сил и культуры. Отсутствие крупной промышленности и промышленного пролетариата, наличие пережитков феодализма и патриархальщины в экономической жизни села, пестрота укладов и образов жизни, многонациональный состав сельского населения, сложные отношения между народностями, различия в их культурно-бытовом укладе и образе жизни, сохранение в значи-

тельной степени пережитков докапиталистических формаций, вредных обычаев и нравов в быту и культуре (кровная месть, разорительные поминки, знахарство, классовое аталычестео, религиозные предрассудки и т. п.) и другие обстоятельства осложняли процесс ломки старых устоев жизни, взглядов и убеждений людей, формировавшихся веками, оказывали влияние на процесс складывания новых форм и способов жизнедеятельности крестьян.

В доколхозной деревне происходил невиданный до этого интенсивный процесс разрушения старых отношений, представлений, взглядов. Однако пестрота образов жизни отнюдь не исчезла, хотя и несколько видоизменилась. Крестьянская беднота и кулаки, частные торговцы и служащие, занимая неодинаковое положение в обществе, имея различный уровень жизни, вели далеко не сходные образы жизни. Различные социальные группы внутри крестьянства имели принципиально различающиеся условия жизни. Различался уклад жизни тех крестьян, которые были мелкими товаропроизводителями, и тех, которые вели патриархальное хозяйство и т. д. С ликвидацией класса помещиков представители данного класса (князья и дворяне) автоматически не отказались от своего образа жизни, постепенное приспособление их к новым условиям сочеталось с попытками сохранить традиционные стереотипы жизнедеятельности. В ходе революционных преобразований переходного периода постепенно сходили на нет образы жизни эксплуататоров, тунеядцев, утверждался трудовой образ жизни.

Становление и укрепление нового образа жизни в деревне связано, прежде всего, с становлением и развитием колхозного строя. Но и в доколхозной деревне появляются отдельные черты нового образа жизни, что было обусловлено, в первую очередь, утверждением нового политического строя. Деятельность Советов, партийных и комсомольских ячеек, сельских кооперативных, профсоюзных и пионерских организаций, комитетов крестьянской взаимопомощи, групп бедноты, делегатских

собраний и т. д., выражавших коренные интересы трудящихся масс, содействовали созданию новой советской общественности в деревне. Через эти институты тысячи трудящихся крестьян абхазской деревни вовлекались в активную политическую жизнь, проводили политику пролетарской власти среди крестьянских масс. И по мере углубления этого процесса колебались и ломались старые отношения, разрушались самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые привычки.

Участвуя в работе новых политических и общественных организаций, которые несли в себе формы социализма, люди воспитывались в духе нового нравственного сознания, нового отношения к коренным вопросам общественной и личной жизни. Все более широкие массы бедняцко-середняцкого крестьянства в Советах, кооперативных и других организациях проходили школу воспитания, осваивали государственную политику, новую социалистическую дисциплину, вовлекались в борьбу за утверждение нового государственного и общественного строя, несшего освобождение от социального и национального гнета. Таким путем постепенно преодолевалось веками воспитанное в народе недоверие масс ко всякой государственности, когда эксплуататорское государство воспринималось трудящимися как нечто чуждое, враждебное, подавляющее их свободу.

Таким образом, становление социализма коренным образом меняло положение, общественную роль и сознание различных классов деревни, групп и слоев крестьянства. Батрацко-бедняцкие и середняцкие массы, освобождаясь от эксплуатации, включаясь в строительство социализма, все более осознавали себя, становились хозяевами своей страны, начинали вести новый образ жизни. С развитием индустрии и развертыванием строительства Черноморской железной дороги часть крестьян вливалась в ряды рабочего класса, осваивая его профессии и воспринимая его образ жизни.

Часть крестьянской молодежи, обретая знания и опыт, пополняла ряды интеллигенции и служащих, приносила в их сре-

ду свои жизненные установки, усваивала новые для себя формы и способы жизнедеятельности. Целый ряд социальных групп деревни (эксплуататорские классы, тунеядцы и т. п.), потеряв экономическую базу для предпринимательской деятельности, не могли существовать в своем прежнем качестве. Вовлеченные в трудовую деятельность, они превращались в трудящихся, что означало постепенное исчезновение их прежнего праздного эксплуататорского образа жизни, формирование нового образа жизни.

С развертыванием культурной революции в деревне все более менялась духовная и нравственная атмосфера. По мере углубления процесса ломки многовековых традиций, навыков, привычек, взаимоотношений людей в общественной и личной жизни ускорялся духовный и социально-творческий рост народных масс. «Наинижайшие низы древни, ранее задавленные эксплуатацией, нуждой и невежеством, вовлекались в культурно-творческую жизнь, духовно обновлялись. Как в общественно-политической, так и в культурно-созидательной жизни доколхозной абхазской деревни было немало фактов и явлений, наглядно показывающих, что идеи социализма находят отклик не только в разуме, но и в нравственных стремлениях людей, в глубоко живущей в народе жажде справедливости и подлинно человеческих отношений. Духовный и нравственный рост превращал доселе обычных, незаметных людей в активных творцов истории. Такое сильное и действенное чувство, как «пафос общественности», причастность к важнейшим делам общегосударственного значения, возвышало прежде придавленных, забитых людей, придавало им силы, пробуждало человеческое достоинство.

Особенно активно протекал процесс духовного и нравственного обновления молодого поколения, вовлеченного в исторический процесс становления социалистического образа жизни.

В переходный период от капитализма к социализму черты социалистического образа жизни в советской деревне еще не

могли приобрести широкую социальную распространенность и тем более социальную закрепленность. В доколхозной абхазской деревне эти черты только зарождались, проявлялись в виде элементов, преимущественно в сфере общественно-политической и культурной. А с появлением первых колхозов и совхозов эти черты зарождаются и в области экономических отношений.

Ломка старых устоев жизни, взглядов и убеждений и формирование новых форм и способов жизнедеятельности крестьян представляли арену классовой борьбы, которой была проникнута вся общественная жизнь деревни переходного периода.

* * *

Весь ход развития абхазской деревни во второй половине 20-х годов свидетельствовал о нарастании классовой борьбы. Советское государство, опираясь на командные экономические рычаги, проводило политику, направленную на поднятие хозяйственного положения бедняцко-середняцких масс и ограничение эксплуататорских тенденций кулачества. При этом наибольшее внимание уделялось развитию всех видов кооперации, особенно сельскохозяйственной, как главному орудию избавления крестьянства от нищеты и эксплуатации кулачеством. Широкое внедрение кооперации обеспечивало развитие производственных форм смычки, что являлось главным направлением социалистического наступления против кулачества в 1928–1929 годах.

В 1928–1929 годах наступление на кулачество было направлено на ослабление его производственных и социально-политических позиций в деревне, не выходя из рамок ограничения. Наступление против кулачества в эти годы включало в себя два основных момента: во-первых, развитие новых, производственных форм смычки социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, расширение государственно-планового воздействия диктатуры пролетариата на сельское хозяйство, всемерное сплочение бедняцко-середняцких масс деревни во-

круг рабочего класса и, во-вторых, мероприятия, прямо направленные против кулачества. Главным и решающим в наступлении на кулачество было внедрение новых, производственных форм смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Наступая на кулачество, Советское государство в эти годы установило новые ограничения для кулака в отношении аренды земли, применения наемного труда, приобретения сельскохозяйственных машин. Усилилось налоговое обложение кулачества. Кулацкие элементы удалялись из руководящих органов кооперации и кресткомов. Кулак политически был изолирован в период выборной кампании 1929 года.

В обстановке острой классовой борьбы прошла ликвидация остатков дворянско-княжеского и нетрудового землепользования. В ходе этой борьбы окончательно была разоблачена вредная, антипартийная «теория» отсутствия классового расслоения в абхазской деревне, которая имела своих сторонников среди отдельных местных партийных работников.

В эти годы партийные организации Абхазии провели значительную работу по сплочению, организации и политическому воспитанию батрачества и бедноты, чтобы обеспечить надлежащее соотношение классовых сил в деревне и усиление руководящей роли в ней рабочего класса. В деревнях создавались группы бедноты. Они позволяли привлечь середняка на сторону рабочего класса и обеспечить изоляцию кулачества. Бедняцко-середняцкий блок имел надежного руководителя в лице рабочего класса, и в этом был залог его победы над кулачеством.

Рецензии

ЦЕННАЯ РАБОТА АБХАЗСКОГО УЧЕНОГО

Недавно в издательстве «Алашара» вышла книга профессора А. Э. Куправа «Классовая борьба в абхазской деревне. 1921–1929 гг.», представляющая большой научный интерес.

В. И. Ленин дал глубокий научный анализ сущности и форме классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период. Он учил, что мелкое товарное производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, стихийно. И по этой причине «диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть – войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Работа профессора А. Э. Куправа зиждется на этом основополагающем ленинском положении.

Рецензируемая книга написана с привлечением большого количества документальных материалов партийных и советских органов, периодической печати. В ней широко исследуются основные формы и направления классовой борьбы в доколхозной абхазской деревне, показаны методы работы руководства пролетариата среди колеблющихся, так называемых промежуточных масс крестьянства, а также всевозможные средства сопротивления вражеских сил революционным преобразованиям Советской власти, меры подавления этого сопротивления.

Книга дает ясное представление о деятельности по ликвидации класса помещиков, показывает ее специфику, раскрывает революционное содержание мероприятий Советской власти по окончательному изжитию остатков феодально-помещичьих земельных отношений в абхазской деревне в конце двадцатых — начале тридцатых годов.

Важное место в труде отводится рассмотрению экономических мероприятий Советского государства в деревне по ограничению и вытеснению кулака, частного торговца и спекулянта.

Через всю книгу прослеживается процесс укрепления бедняцко-середняцкого блока, союза рабочего класса и трудового крестьянства, что, как правильно отмечает автор, способствовало усилению руководящей роли рабочего класса в осуществлении социалистических преобразований.

На разных этапах социалистического строительства острота классовых противоречий определялась сложным переплетением классовых интересов в абхазской деревне, особенностями се социального расслоения. Автору удалось показать обострение борьбы внутри самого крестьянства, раскрыть многообразие форм проявления классовой борьбы, обоснованность причины резкого столкновения трудящегося крестьянства с кулачеством в ходе осуществления земельной реформы, во время меньшевистской авантюры 1924 г., и, особенно, после усиления наступления на капиталистические элементы в деревне.

Вместе с тем в работе показана ожесточенная борьба кулачества против налогово-кредитной и кооперативной политики Советского государства, его яростное сопротивление мероприятиям в области культурного строительства. Оказывая всяческое противодействие мероприятиям Советской власти, эксплуататорские классы стремились использовать отсталость крестьянских масс, пережитки докапиталистических отношений, псевдородственные связи и т. д. В труде показано, как партийные и советские организации разоблачали уловки реакционных сил. старавшихся извратить сущность мероприятий революционной власти, затушевать классовый характер происходившей в деревне борьбы.

Автор показывает, как мелкобуржуазные партии вдохновляли свергнутые, но еще до конца не разгромленные эксплуататорские классы помещиков и капиталистов на борьбу против Советской власти, что обостряло политическую обстановку в деревне. Однако в результате целенаправленной идейно-воспитательной работы партии крестьянство Абхазии постепенно отходило от старого капиталистического пути и становилось на новый, социалистический путь развития через различные формы кооперации.

После XV съезда ВКИ(б), взявшего курс на коллективизацию сельского хозяйства, как это показано в работе, усилилось насту-

пление на кулачество. Это наступление включало два основных момента: во-первых, развитие новых производственных форм смычки социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, расширение государственного планового воздействия диктатуры пролетариата на сельское хозяйство, всемерное сплочение бедняцко-середняцких масс вокруг рабочего класса и. во- вторых, мероприятия, непосредственно направленные против кулачества. Главным и решающим в наступлении на кулачество было внедрение новых производственных форм смычки рабочего класса с трудовым крестьянством посредством развертывания кооперации. В книге четко прослеживается наступление на кулачество по этим двум направлениям.

Значительный научный интерес представляет раздел книги, посвященный становлению элементов нового, социалистического образа жизни в абхазской деревне, ломке отживших устоев, взглядов я убеждений, представлявших арену классовой борьбы, которой и была проникнута вся общественная жизнь деревня переходного периода.

Вместе с тем, на ваш взгляд, работа могла выиграть, если бы в ней нашло более обстоятельное освещение становление кооперативных форм хозяйства в деревне. Следовало больше внимания уделить идейно-воспитательной работе партийных организаций среди крестьянства. Хотелось бы также, чтобы автор продолжил исследование этой проблемы, осветив классовую борьбу в абхазской деревне на протяжении всего переходного периода.

В целом же профессор А. Э. Куправа создал ценную работу, обстоятельно осветившую историю классовой борьбы в доколхозной абхазской деревне. Книга, безусловно, вызовет значительный интерес среди научной общественности и широкого крута читателей.

Б. КВАРАЦХЕЛИЯ,
доцент,
Газета «Советская Абхазия», 9 декабря 1984 г.

А. Э. Куправа
КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АБХАЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1921–1929)
Сухуми. Изд-во Алашара. 1984.

Исследование посвящено вопросам ликвидации класса помещиков, ограничения и вытеснения кулачества, укрепления бедняцко-середняцкого блока и союза рабочего класса и трудового крестьянства в Абхазии в доколхозный период. Исследователь использовал труды В.И. Ленина, партийные документы, научную литературу, материалы Партархива Абхазского обкома КП Грузии, Центрального архива Абхазской АССР, периодику и другие источники. Работа состоит из введения и двух глав.

Во введении освещаются методологические аспекты проблемы, дается обоснование темы на фоне анализа имеющейся по ней литературы.

В главе «Классовая борьба в деревне в период восстановления народного хозяйства (1921-1925гг.)» автор отмечает своеобразие начального периода социалистического строительства в Грузии, в т.ч. в Абхазии, и сосредоточивает внимание на событиях и процессах, имевших место в абхазской деревне, на узловых моментах происходившей там классовой борьбы. Он характеризует формы и направления классовой борьбы. В национальной деревне региона, в котором пролетариат почти отсутствовал, и показывает, что такие революционные преобразования, как национализация промышленности, аграрная реформа, ленинское разрешение национального вопроса, создание национальной государственности и др., выражавшие коренные интересы широких трудящихся масс, создали в среде крестьянства социальную опору диктатуры пролетариата. В главе дан анализ методов руководства рабочего класса, партии, Советской власти, с помощью которых трудящиеся Абхазии одержали победу над классовым врагом. Классовая борьба, пишет А.Э. Куправа, шла в Абхазии по двум линиям: против помещиков и против кулаков, которые выступали против аграрных преобразований, осуществляемых Советской властью, трудового распределения

земли, налоговой политики, проводившейся с учетом классового и имущественного положения, становления и развития в абхазской деревне потребительской кооперации и кооперативной торговли, сельскохозяйственной кооперации (с. 13). Упорное сопротивление вражеских сил встречали все культурные мероприятия Советской власти: развитие школьного образования, ликвидация неграмотности, политико-просветительная работа и т.д. Автор излагает историю создания и укрепления в сложных условиях острой классовой борьбы сельских Советов - органов диктатуры пролетариата в абхазской деревне, рабоче-крестьянской милиции, народного советского суда и других органов власти трудящихся, служащих для защиты их интересов и подавления сопротивления эксплуататорских классов. К концу восстановительного периода, резюмирует автор, в социальной структуре абхазской деревни произошли крупные перемены: исчезли помещики, кулаки были оттеснены на второстепенные позиции, центральной фигурой стал середняк (с. 38). Значительно повысилось благосостояние основной массы крестьянства. Сложился хозяйственно-политический союз крестьянства с рабочим классом. Советская власть упрочилась. Были подготовлены условия для дальнейшего наступления на капиталистические элементы деревни.

Глава «Борьба с капиталистическими элементами в период подготовки условий для коллективизации (1926-192гг.)» характеризует абхазскую деревню при переходе к социалистической реконструкции народного хозяйства, когда борьба за дальнейшую идейно-политическую изоляцию и хозяйственное оттеснение капиталистических элементов стала одной из важнейших задач диктатуры пролетариата. Эти годы отмечены нараставшей активностью кулачества, его противодействием мероприятиям Советской власти в деревне. Борьба против кулачества в Абхазии, показывает автор, сочеталась с мероприятиями по ликвидации остатков феодальных отношений (с. 47). Партия и Советы взяли курс на изъятие земли у всех нетрудовых элементов. В ходе острой классовой борьбы еще более укрепился союз бедняцко-середняцкой массы деревни. Этому, в частности, содействовало такое важное направление социалистического наступления против капиталистических элементов

деревни, как развитие кооперативной и государственной торговли. В результате укреплялась смычка между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, упрочивался союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. А.Э. Куправа освещает работу по укреплению сельских Советов в Абхазии в период подготовки условий для коллективизации, подчеркивает роль Советов в проведении классовой линии пролетарского государства в мелкокрестьянской деревне, в зарождении в ней нового, социалистического образа жизни. Решающим фактором, обеспечившим победу над кулачеством, делает вывод автор, было внедрение новых производственных форм смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством (с. 80). Партийные организации и Советы Абхазии провели большую работу по сплочению, организации и политическому воспитанию батрачества и бедноты, привлечению середняка. Это подготовило условия для перехода абхазской деревни к колхозному строю.

Г. В. ПРОНИНА
Журнал «Вопросы истории»,
Москва, 1985. №2. С. 141-142.

НА КАНУНЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

В издательстве «Алашара» вышла в свет книга профессора А. Куправа «Классовая борьба в абхазской деревне».

Исследования автора посвящены вопросам ликвидации класса помещиков, укрепления бедняцко-середняцкого блока и союза рабочего класса и трудового крестьянства в Абхазии в доколхозный период.

В книге освещаются методологические аспекты проблемы, дается обоснование темы, на фоне анализа имеющейся по ней литературы.

Автор отмечает своеобразие начального периода социалистического строительства в Абхазии, сосредотачивает внимание на событиях и процессах, имевших место в абхазской деревне, характеризует абхазскую деревню при переходе к социалистической реконструкции народного хозяйства.

Решающим фактором, обеспечивающим победу над кулачеством, делает вывод автор, было внедрение новых производственных форм смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Книга рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся вопросами истории Абхазии.

Газета «Абхазский университет», 1985, 31 мая

АСОВЕТТӘ ҬОУРЫХ(Ԥ)РАҨЫ АЛАГАЛАМҬА ШЬАХӘ

А.М. Горки ихьз зху Аԥснытәи аҳәынҭқарратә университет Қырҭтәылеи Аԥсни рҭоурых акафедра аиҳабы, Қырҭтәылатәи ССР-и Аԥснытәи АССР-и рҟны анаука зҽаԥсазтәыз аусуӡ(ӡ), апрофессор А.Е. Купраа инаукатә усураҨы ахадаратә ҭыԥ ааныркылоит асовет ууажәларра аҭоурых аграртә проблемақәа. Анхаӡ(ӡ)ыжәлар, аколнхара ҟалаанзатәи аԥсуа қыҭаҟны акооперациеи акультуратә ргылареи рҭоурых иазкыу уи имонографиақәа ироуит инарҭбааy анаукатә зхаҵара, асоветтә ҭоурыхтә наукаҨы лагаламҭа бзианы иҟоуп. Абри апроблематика иаҵанакуеит аҭыжьырҭа «Алашара» уажәааигәа иҭнажьыз А.Е, Купраа ишәҟәы «Аԥсуа қыҭаҨы акласстә қәԥара (1921–1929)». Уи ҭыҵит Қырҭтәылатәи ССР анаукақәа Ракадемиа ачлен-корреспондент Г.А. Ҙизариа иредакциала.

А.Е. Купраа иусумҭа Аԥсуа институт арекомендациа азыҟанаҵеит аҭыжьразы. Уи ахәшьара ҳаракы аиухьеит аидгылатәи ареспубликатәи кьыԥхь адаҟьақәа рҨы.

Аколнхараҟалаанзатәи аԥсуа қыҭаҟны акласстә қәԥара аҭоурых иахьа уажәрааназа ҷыдала иҭҵаамызт. Арецензиа ззаауа амоногарфиа иханарҭәаауеит ҳара ҳҭоурых(ӡ)ыра иамаз абри аиԥҟьара. Аусумҭаҟны А.Е, Купраа, амарксист-ленинтә мето-

дологиа напхгагас иҟаҵаны, инарҧауланы анаукатә анализ азыҟаиҵоит аҳәынҭқарратәи апартиатәи архивқәа рҟны уи иипҧшааз ибеиоу адокументтә материал. Автор инарҧбааны ихы иаирхәоит абри апроблема иазкны иҧыжьу аматериалқәа апериодикатә кьыпхь, анаукатә литература.

Ашәҟәаҟны иҧҵаауп аҧсуа қыҭаҟны акласстә қәпараҽы хадара зуаз аформақәеи ахырхарҭақәеи. Иаарԥшуп анхаҵыжәлар рыҵонуҵҟа инагзаны агәрахаҵара змамыз, инаҳәы-ааҳәуаз амассақәа апролетариат напхгара зларырҧоз аметодқәа. Асовет мчра иҟанаҵоз арвеолиуциатә еиҭакрақәа раарҳәразы аҕаҵәа рхы иадырхәоз амҵақәа, абри аҽҕагылара аҧырҟәҟәаразыхәан амчра ҽыц аусмҵаҧгатәқәа.

Аусумҭа инҭкааны иаҳнарбоит аколнхараҟынзатәи аҧсуа қыҭаҟны амалуаа ркалсс ақәхразы ақәпара шымҵаҧысуаз, иаҳнарбоит абри апроцесс аспецифика, иаанарԥшуеит афеодал-помешьчиктә адгьылтә еизыҟазаашьақәа рцәынхақәа рықәхразы 20-тәи ашықәсқәа рынҵәамҭеи 30-тәи ашықәсқәа рылагамҭеи рзы Аҧсны имҵаҧысуаз Асовет мчра аусмҵаҧгатәқәа рреволиуциатә ҵакы. Ари апринциаптә ҵакы амоуп аҧсуа қыҭаҽы аграртә революциа апролетартәи адемократиатәи етапқәа реизыҟазаашьа ииашаны аҳәаақәҵаразы.

Ашәҟәаҽы аҭыԥ маҷымкәа иаҭоуп ақыҭаҟны акуулакра, абжьахәҳахәҭра аҭыԥ рымҭара иазкыз Асовет мчра аекономикатәи усмҵаҧгатәқәа раарԥшра.

Аусумҭа зегьы иагәылсуеит Аҧсны аҕарцәеи абжьаратәиқәеи рблоки аусуцәа ркласси аԥанхацәеи реидгылеи рыҕәҕәахара апроцесс. Гәҭакыхырхараҵалатәи анхамҵатәи, аполитикатәи, акультура-аиҭашьақәыргыларатәи усмҵаҧгатәқәа рсистемала Асовет мчра иаԥнахуан аусуҵтә класси анхаҵыжәлари рыбжьара иҟаз аиҟарамра, урҭ ринтересҕәа ракзаара арҭбаара ашьаҵала. Аусуцәеи анхаҵыжәлари реидгыла аҭышәныртәалара амҵаҧысраҽы иазҳауан абри аидгылаҽы аусуҵтә класс анапхгаратә роль, ақыҭаҽы асоциалисттә еиҭакрақәа рылшарақәа ҭбаахон, убырҭ инарықәыршәаны есааира еиҵахон ақыҭа акапиталисттә мҵала аҽиаразы алшара. Абри апроцесс зегьы иаларҵәан акласстә қәпара, уи аҟны ақыҭа аҽиара асоциалисттә тенденциа алзыршоз аусуҵтә класс имҵаҧнагон

аҕарцәа аерыдцара абжьаратәи анхаԥы иҟны аижгыла ҕәҕәа, акулакцәа нышәарада рҽагылара, урҭ ҟиарцоз ацәгьахыәцраԥхәа рыхәаера аполитика. Автор илшеит иҟаз аиҽагыларакәа рҟазшьа, дара анхаԥыжәлар рыԥнуцҟа имԥаԥысуаз ақәԥара ацарра, акласстә қәԥара аформақәа реиуеиԥышмра заманала раарԥшра.

Инҭкаацәҟьаны ирцабыргуп анхаԥыжәлари акулакцәеи иаақәырцәиааны реиҽагылара амзызкәа, аиҳараҙакгьы Асовет ҳәынҭқарра адгьылтә политика амԥаԥгара ианалага, 1924 шықәсазтәи аменшевиктә авантиура аамҭеи акапиталисттә елементқәа рахь ажәылара аныҕәҕәахаз ВКП(б) XV аизара ду ашьтахьтәи аамҭеи раан.

Аусумҭаҽы ибзианы иаарԥшуп ашәахтә, акредиттә, акооперативтә политика Асовет мчра ианымԥаԥнагоз акулакцәа иаадырԥшуаз аҽагылара ҕәҕәа. Акласстә ҕацәа ықәгылон акультуратә ргылара аусхк аҽы Асовет мчра аусмԥаԥгатәқәа ирҽагыланы, иаԥырхаган аԥьажәлар рмассақәа рцарадырра азырҳара. Абарҭ азцаарақәа дырзаатгылауа, А.Е. Купраа иаҳирбоит апартиа анапхгарала ақыҭа ауаажәларратә организациақәа ажәытәра иагаз асоциалтә мчқәа ирҽагыланы ишыкәԥоз, ицарыз акласстә қәԥараҽы ринтересҟәа рыхьчараҽы анхаԥыжәлар ишрыцхраауаз.

Антисоветтә, абуржуазиассатә партиақәа адгылара рырҭон, ргәы аздырхаҵон иахырҳәаз, аха макьанагьы аҵыхәтәанынза еилаԥыххаамз амалуааи акапиталистцәеи рексплуататортә классқәа Асовет мчра иаҽагыланы ақәпараҽы. Ари иаҳагьы иарцаруан ақыҭаҟны аполитикатә ҭагылазаашьа. Аха аԥьажәлар рмасса ҭбаақәа ринтересҟәа аазырԥшуаз Асовет мчра раԥхьатәи ареволиуциатә еиҭакракәа анхаԥыжәлар рыԥнуцҟа иаԥырцеит Асовет мчразы асоциалтә хырҕәҕәара, апролетартиатә рдиктатура. иконкреттәу адокменттә материалқәа рыла ашәҟәаҽы иаарԥшуп Аԥснытәи анхаԥыжәлар есааира ажәытәтәи акапиталисттә мԥа ианыцны акооперациа еиуеиԥшым аформақәа рыла аҽиара асоциалисттә мԥахьы ишиасуаз атәы.

Иҵарадаз, еиҵахаз анхацәа, ауара-аҭынхара, заҳаҭыр ыҟаз аҭаҳмадацәа, анхацәа рҟны аҭауадцәеи аамсҭцәеи ҷьо-

укы-џьоукы макьанагьы инханы ирымаз анырра уҳәа егьырҭгьы рхы иархәаны, аексплуататортә классқәа рҽазыршәон Асовет мчра аусмҩаԥгатәқәа ишакәхалакгьы рҽагылара. Ашәҟәаҿы иаарԥшуп апратиатәи асоветтәи организациақәа ишҽаԥырҽуаз ареволиуциатә мчра аусмҩаԥгатәқәа рҵакы ециаркырц, ақәԥара акласстә ҟазшьа дырҩашьарц зҽазызшәоз ареакциатә мчқәа рыцәгьахәыцрақәа.

Амоногарфиаҿы ахшыҩзышьҭра азыҟаҵоуп акулакцәа политикала рҟәыҭхаразы апартиатәи асоветтәи усбарҭақәа русура, аиҳараздакгьы ақыҭатә Советқәа акооперативтә усбарҭақәа, анхаҩытә комитетқәа, егьырҭ аорганизациақәа рахь алхраҟәа раан.

Аусумҭа ианырԥшуп абандитизм Ҷабал, Михаиловское. Мҵара уҳәа егьырҭ аҭыԥқәагьы рҟны имҩаԥысуаз аконтрреволиуциатә қәгылараҟәа ирҿагыланы ақәԥара атәы, иаарԥшуп Асовет ҳәынҭқарра акласстә ҕацәа рҿаԥеразы НКВД, ЧК, РКИ русбарҭақәа русура.

Аинтерес ду рыцоуп аԥсуа қыҭаҿы иҿыцу, асоциалисттә бзазашьа, жәытә цасла анхареи жәытә цасла ахәыцреи рыкәзаара, анхацәа рыхныҟәгашьақәа, урҭ рформақәа ртәы зҳәо ашәҟәы адаҟьақәа.

Апрофессор А.Е. Купраа иусумҭа уиаҟара зцазымкуа гхақәак амамкәа ҟиамызт. Абри атәы иаҳҳәахьан автор ашәҟәы аҭыжьра ианазирхиоз. Уи ихаҿы инеигеит иҟаҵаз азгәаҭаракәа шамахамзар зегьы. Акызаҵәык иаҳҭахыз, ибзиан автор дызлагаз аҵыхәтәанынза инеигэар, даҽакала иаҳҳәозар, 30-тәи ашықәсқәа рыбжаранза инеигар.

Инеидкыланы апрофессор А.Е. Купраа имонографиа асоветтә ҭоурыхҩраҿы зцакы рацәоу лагаламҭоуп. Аусумҭа аинтерес ду рызнарҵасуеит анаукатә ууажәларра иаҵанакуаз рымацара ракәымкәа, аколнхараҟынзатәи аԥсуа қыҭа аҭоурых иазҿлымҳау аҧхьаҩцәа зегьы.

Б.Сағариа
аҭоурыхтә наукақәа рдоктор,
Агазеҭ «Аԥсны ҟаԥшь», июн 5, 1985 ш.

Содержание

Введение……572

Классовая борьба в деревне в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.)……578

Борьба с капиталистическими элементами в период подготовки условий для коллективизации (1926–1929 гг.)……610

Рецензии……655

Арвелод Эрастович
КУПРАВА

ТРУДЫ
в X томах

ИСТОРИЯ ДОКОЛХОЗНОЙ АБХАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ 1928–1929 ГОДЫ

Том II

Корректор *Клычева Л. З.*
Компьютерный набор *Чамагуа Л. Р.*
Верстка *Гицба А. Ш.*

Формат 60x90/16. Гарнитура Minion Pro. Тираж 1000.
Физ. печ. лист 41,75. Заказ № 29.

Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. Эшба, 168.
РУП «Дом печати».

2. А. Э. Куправа 3. А. Э. Куправа 4. А. Э. Куправа

5. А. Э. Куправа 6. А. Э. Куправа 7. А. Э. Куправа

8. А. Э. Куправа 9. А. Э. Куправа 10. А. Э. Куправа

11. А. Э. Куправа 12. А. Э. Куправа 13. А. Э. Куправа

14. А. Э. Куправа 15. А. Э. Куправа 16. А. Э. Куправа

17. А. Э. Куправа 18. А. Э. Куправа 19. А. Э. Куправа

20. А. Э. Куправа 21. А. Э. Куправа 22. А. Э. Куправа

23. А. Э. Куправа 24. А. Э. Куправа 25. А. Э. Куправа

26. А. Э. Куправа 27. А. Э. Куправа 28. А. Э. Куправа

29. А. Э. Куправа 30. А. Э. Куправа 31. А. Э. Куправа

32. А. Э. Куправа 33. А. Э. Куправа 34. А. Э. Куправа

35. А. Э. Куправа 36. А. Э. Куправа